

Российская Академия наук
Санкт-Петербургский Институт истории

О. Ю. Куц

**ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
В ПЕРИОД ОТ ВЗЯТИЯ АЗОВА
ДО ВЫСТУПЛЕНИЯ С. РАЗИНА
(1637–1667)**

ДБ

С.-Петербург
2009

ББК 63.3(2)46

Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009. — 456 с.

ISBN 978-5-86007-613-6

В монографии предпринято изучение внутренней истории донского казачьего сообщества периода 1637–1667 гг. Впервые в историографии на материалах относительно небольшого по длительности хронологического отрезка (30 лет) подробно рассматриваются проблемы, касающиеся пополнения, внутреннего устройства, военной и хозяйственной деятельности донских казаков. Особое внимание обращается на вопросы, связанные со специфическими интересами казачества, организацией и структурой казачьего «войска», социальной организацией донских казаков, их самосознанием.

Книга рассчитана на историков и всех, интересующихся прошлым как России, так и донского казачества.

Научный редактор: доктор исторических наук А. П. Павлов

Рецензенты: доктор исторических наук С. А. Козлов,
кандидат исторических наук П. В. Седов

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского Института истории РАН

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-01-16019д*

ISBN 978-5-86007-613-6

© О. Ю. Куц, 2009

© Санкт-Петербургский Институт
истории РАН, 2009

© «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009

Введение

История донского казачества XVI–XVII вв. является одной из популярных в отечественной историографии тем. Однако, несмотря на наличие многочисленных работ, посвященных данному периоду казачьей истории, недостаточно изученной остается внутренняя история казачества, а именно проблемы, связанные с пополнением казачества Дона, его деятельностью – включая как военные походы, так и мирные хозяйственные промыслы, круг вопросов устройства и функционирования войсковой организации у донских казаков, особенностей колонизационного процесса на юге Русского государства, а также отличительных черт психологии и самосознания донского казачества.

Основное внимание в исторической литературе обычно уделялось военной и политической истории Дона, часто казачество рассматривалось сквозь призму восстаний и антиправительственных выступлений, где оно было своего рода «авангардом» народных масс. Однако тенденция изучать участие и роль казаков в народных движениях подчас затеняла то обстоятельство, что это были лишь эпизоды казачьей истории и что существовали достаточно длительные периоды «мирных» отношений донского казачества с Москвой, изучение которых представляется на сегодняшний день актуальной задачей.

Одному из таких «мирных» этапов в истории казаков Дона – времени от взятия казаками Азова до выступления С. Разина (1637–1667) – и посвящена настоящая монография. Это время, когда были налажены достаточно тесные отношения с Москвой, существовала почти бесперебойная и легальная связь между донскими казаками и населением Русского государства. Данный период являлся относительно благополучным временем существования донского казачества, а в Москве проявляли отчетливую заинтересованность в пребывании казаков на Дону. Все эти обстоятельства создают благоприятную возможность изучить казачество не столько в моменты экстренных ситуаций, сколько в его обычной жизни, исследовать саму модель

функционирования казачьего сообщества. В то же время следует отметить, что указанный временной промежуток отнюдь не был неким серым периодом в жизни казачества Дона. Напротив, это один из наиболее напряженных и насыщенных событиями отрезков истории донских казаков, за который отложилось значительное количество источников.

Хотя история казаков Дона второй трети XVII в. (1637–1667) еще не становилась темой специального исследования, однако прошлое донского казачьего сообщества этого периода затрагивалось в трудах историков. Историография донского казачества XVI–XVII вв. восходит к запискам адмирала петровского времени К. Крюйса.¹ Он описал современных ему донских казаков, в первую очередь его интересовала их боевая деятельность. В работе К. Крюйса приводятся сведения о казачьих приемах войны на море, а также данные об обороне казаками Азова в 1641 г.

Первые попытки составить цельную историю донского казачества принадлежат инженеру генерал-майору А. И. Ригельману,² сочинение которого было написано в эпоху царствования Екатерины II, и директору училищ Войска Донского А. Г. Попову,³ труд которого относится к первой четверти XIX в. Однако эти авторы рассматривают лишь внешнюю историю казачества, внутренняя история донских казаков осталась за рамками их работ.

Важным этапом в изучении истории казачества Дона стали труды казачьего офицера В. Д. Сухорукова, одним из новшеств работ которого явилось привлечение широкого круга архивных источников. Он использовал многочисленные документальные материалы, хранившиеся в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Первым результатом архивных разысканий В. Д. Сухорукова стал очерк «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях»,⁴ который был опубликован без имени автора (анонимно). Значительная часть этой работы посвящена интересующей нас проблеме внутреннего уклада жизни донского казачества доразинской эпохи.

¹ Крюйс К. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове, учиненные в 1699 г. // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным. СПб., 1824. Ч. 19–20.

² Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1846.

³ Попов А. Г. История о Донском войске. Харьков, 1814–1816. Ч. 1–2.

⁴ [Сухоруков В. Д.] Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. СПб., 1824.

В. Д. Сухоруков, отметив, что «тогдашний донец в занятиях, отдыхе, в забавах является всегда воином»,⁵ остановился на особенностях внутреннего устройства на Дону и подчеркнул значение донского центра («Главного войска»): здесь собирались казаки из городков, и тут кипела вечная деятельность – одни казаки возвращались из походов, другие отправлялись «на поиски».⁶ В. Д. Сухоруков дал характеристику казачьих способов ведения степной войны и методов нападения на врага: набег казаки старались производить внезапно – ночью, в ненастье и т. д., причем, как отметил автор, численность уходивших в походы казачьих отрядов зачастую была небольшой – от 5 до 50 человек.⁷ В. Д. Сухоруков рассмотрел и морские походы казаков, которые он назвал гораздо более важными для казачества, в то же время отметив, что экспедиции на море, как и степные походы, также могли производиться малыми отрядами. Особо автор подчеркнул ужас, который испытывало татарско-турецкое население берегов Черного и Азовского морей перед морскими набегами казаков.⁸ К сожалению, данная важная работа В. Д. Сухорукова не содержит ссылок на источники.

Более подробно история донского казачества, уже со ссылками на источники, представлена в книге В. Д. Сухорукова «Историческое описание земли Войска Донского». Автором приводятся тексты целых документов, помещенных в примечаниях; в других случаях источники обильно цитируются (также в примечаниях). Важно отметить, что в ходе работы над книгой В. Д. Сухоруковым было собрано большое количество архивного материала, включавшего в себя копии многих сотен документов из дел Посольского приказа. Время написания автором книги – середина 1820-х гг., но, к сожалению, издана она была лишь в 1867 г. (первая часть) и 1872 г. (вторая часть). Основное внимание в работе уделено истории Дона с момента появления донского казачества до выступления К. Булавина в 1708 г., при этом автор стремится дать подробное погодное рассмотрение казачьей истории.

Хотя большое внимание в книге В. Д. Сухорукова уделено военной истории, в то же время в его работе имеются разделы по

---

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Там же. С. 180, 181, 184.

⁷ Там же. С. 184–186.

⁸ Там же. С. 187, 192–194, 195–196.

укладу жизни донского казачества. По сравнению с ранним очерком, в книге В. Д. Сухоруков развивает свои положения, касающиеся общественного устройства у казаков: так, автор более подробно останавливается на образе правления на Дону. В значительной мере интерес автора к этим сюжетам был обусловлен возросшим после Отечественной войны 1812 г. интересом в обществе к демократическим формам правления. Как отметил В. Д. Сухоруков, донские казаки, «соединясь в одно общество из разноплеменной вольницы, не могли иначе распоряжаться общественные предметы и дела, как только общим советом». Этот способ управлять он назвал «народным правлением». Продолжая разбирать данный вопрос, В. Д. Сухоруков констатировал, что главное народное собрание, которому принадлежала вся власть управления и суда, называлось войсковым кругом;⁹ на кругу «решалось все безотчетно»: набеги и заключение мира, смертная казнь и прочее. Автор заострил внимание на сведениях о функционировании круга, роли в его работе войсковых атамана и есаулов.¹⁰ Характеризуя политическую и военную организацию у казаков, В. Д. Сухоруков отметил также, что крупные казачьи отряды, отправившиеся в поход («походное войско»), делились на полки, сотни и полусотни под командой полковников (или старшин), сотников и пятидесятников. Возглавлял отряд походный атаман с есаулами; все эти лица по возвращении из похода слагали свои звания.¹¹

Сведения об укладе жизни донского казачества в книге В. Д. Сухорукова, в отличие от изложения сюжетов, посвященных военной и политической истории казаков, к сожалению, приводятся, как правило, без ссылок на источники и без соответствующих примеров из документов. Тем не менее положения В. Д. Сухорукова, касающиеся основ внутреннего устройства и деятельности казаков, оказали существенное влияние на последующую историографию: они будут переходить из одного труда в другой уже в качестве общеизвестных фактов, причем без ссылок на работы В. Д. Сухорукова. Например, приведенные автором сведения о сухопутных казачьих походах

⁹ Название дано из-за внешнего вида, который имели данные общественные сходки, происходившие обычно на открытой площади (пояснение В. Д. Сухорукова).

¹⁰ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903. С. 71–72.

¹¹ Там же. С. 73, 387.

повторяются в исторической литературе без каких-либо существенных дополнений вплоть до настоящего времени.

Как уже было сказано, книга В. Д. Сухорукова долгое время оставалась неопубликованной¹² и хранилась в канцелярии Войска Донского. Здесь ее текст готовили к публикации до 1834 г., но издана она была двумя частями в 1867–1872 гг. уже после смерти автора. Однако исторические материалы В. Д. Сухорукова и его книга использовались более поздними авторами и до момента опубликования последней. Так, рукописью книги пользовался в начале 1860-х гг. офицер Генерального штаба Н. И. Краснов в ходе составления очерка по истории донского казачества для издания, предпринятого данным учреждением.¹³

В 1834 г. вышла работа морского офицера В. Б. Броневского,¹⁴ который в значительной степени опирался на копии актов, собранные В. Д. Сухоруковым. В. Б. Броневский дает в основном внешнюю, событийную историю донских казаков. Его труд носит публицистический характер, в нем отсутствуют ссылки на источники. Касаясь внутренней истории казачества, В. Б. Броневский в основном повторяет положения работы В. Д. Сухорукова «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях», однако в некоторых случаях развивает эти положения. В частности, «Главным войском» автор, в отличие от В. Д. Сухорукова, называет не центральный городок на Дону, а самих казаков, собиравшихся при этом городке,¹⁵ однако эти свои положения он не подкрепляет новыми фактами. Вообще отметим, что в книге В. Б. Броневского каких-либо новых данных по истории донского казачества XVI–XVII вв., в сравнении с работами В. Д. Сухорукова, не содержится.

Важным этапом как отечественной историографии в целом, так и, в частности, историографии донского казачества стали труды

¹² Вчерне этот труд был готов уже к ноябрю 1827 г., однако в феврале 1828 г. В. Д. Сухоруков был сослан на Кавказ со строгим приказом сдать имеющиеся на руках исторические материалы, включая все написанное им. Принято считать, что историк пострадал из-за своей связи с декабристами.

¹³ См.: *Краснов Н. И. Земля Войска Донского. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба.* СПб., 1863. С. 8–65. Любопытно заметить, что авторство рукописи осталось для Н. И. Краснова неясным, хотя она и характеризуется им как «лучшее сочинение, относящееся до истории донских казаков». См.: Там же. С. 2.

¹⁴ *Броневский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод.* СПб., 1834. Ч. 1–4.

¹⁵ Там же. Ч. 3. С. 93.

выдающегося русского историка С. М. Соловьева. Казачество он рассматривал сквозь призму своей концепции борьбы государственно-го и антигосударственного начал. Характеризуя казаков как беглецов из русского общества, автор считал, что, в силу данного обстоятельства, «казак, разумеется, не мог согласить своих интересов с интересами государства» и «беспрестанно действовал вопреки последним». Историк рассматривал казачество прежде всего как «противообщественный элемент», людей безземельных, бродячих, которые «рознили свои интересы с интересами общества, хотели <...> жить чужими трудами». ¹⁶ Впрочем, такой вывод проистекал из того, что С. М. Соловьев смотрел на действия казаков преимущественно во время экстремальных периодов русской истории, сопряженных с гражданскими конфликтами, – таких, как Смутное время и события, связанные с именем С. Разина, тогда как внутренняя история казачества по преимуществу осталась вне поля зрения историка.

И все же, несмотря на то что С. М. Соловьев специально казаками не занимался, общие характеристики таковых, сделанные талантливым историком, заслуживают внимания. В частности, особенно интересны и ярко размышления С. М. Соловьева об образе казака «в народном воображении» эпохи. Автор пишет: «Поэтические представления тогдашнего русского человека, отрывавшие его от повседневной, однообразной жизни, переносившие его в иной, фантастический мир, – эти поэтические представления сосредотачивались главным образом около казака и его подвигов; старинные богатыри народных песен и сказок превратились в казаков, и все чудесное, соединявшееся с представлением об Илье Муромце и его товарищах, естественно, переходило теперь к казакам, которые выдавались вперед своей удалью. <...> Легко понять, какое впечатление в низших слоях тогдашнего общества должно было производить появление казака, вольного молодца, о котором так много рассказывалось и пелось и который мог сам о себе так много рассказать». Вся жизнь его представлялась как непрерывная гульба, добавляет С. М. Соловьев. ¹⁷ В данном случае говорится о казаках С. Разина, вернувшихся в Астрахань с Каспийского моря, но сказанное автором справедливо,

¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 4 (т. 8). С. 379–380.

¹⁷ Там же. М., 1991. Кн. 6 (т. 11). С. 284–285. Упомянутые тома труда С. М. Соловьева впервые были изданы на рубеже 1850–1860-х гг.

думается, и относительно образа казака на южнорусской окраине¹⁸ в целом (в чем мы еще будем иметь возможность убедиться в дальнейшем). Данные слова С. М. Соловьева очень важны для понимания того героического ореола, которым был отмечен образ казака в народном сознании. Добавим, что последнее в немалой степени, по видимому, способствовало регулярному притоку людей на Дон.

Новую попытку представить историю донских казаков предпринял казачий офицер В. М. Пудавов, работа которого была начата в 1840-х гг. В. М. Пудавов являлся младшим современником В. Д. Сухорукова и в 1830–1834 гг. принимал участие в пересмотре его рукописи, сверке ее с историческими материалами и окончательной переписке труда. Рукопись самого В. М. Пудавова была закончена в начале 1860-х гг., однако большая часть рукописи из-за смерти автора была, к сожалению, потеряна. Опубликованные сыном В. М. Пудавова главы книги в двух выпусках (1890 и 1898 гг.) доведены лишь до середины 1620-х гг.¹⁹ При этом важно отметить, что, хотя точка зрения С. М. Соловьева и повлияла на историографию казачества, однако на Дону В. М. Пудавовым и другими исследователями был выдвинут иной взгляд на роль казаков в русской истории. Так, В. М. Пудавов полагал, что в Смутное время казаки не были антигосударственной силой, они поддерживали престол, веря в законность истинного царя Дмитрия, под знаменами которого выступили.

Критическую оценку предшествующей историографии донского казачества дал М. Х. Сенюткин в своей книге под названием «Донцы», вышедшей в 1866 г.²⁰ Он писал, что «на Дону до сих пор как-то худо сознается необходимость изучения» прошлого и «оттого история нашего родного края находится в настоящее время почти в совершенном забвении». Как исключение автор упоминает имя В. Д. Сухорукова, труд которого он считает «драгоценнейшим материалом»,

¹⁸ Под южнорусской окраиной XVI–XVII вв. в литературе традиционно принято понимать территории Заозко-Брянского и Тульского краев, Рязанской и Северской земель, а также городов, расположенных «на Поле». См.: *Александров В. А.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // *Новое о прошлом нашей страны.* М., 1967. С. 237.

¹⁹ *Пудавов В. М.* История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890–1894. Ч. 1–2.

²⁰ *Сенюткин М. Х.* Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского. М., 1866. Ч. 1–2.

сожалея при этом, что данное сочинение до сих пор не издано. Три изданные истории Войска Донского (А. И. Ригельмана, А. Г. Попова и В. Б. Броневского) М. Х. Сеньюткин считает неудовлетворительными. «Нет, – пишет автор, – стыдно сознаться, а надо правду сказать – мы не знаем вполне истории своей славной родины (т. е. Дона. – О. К.) и, что всего удивительнее, даже, по-видимому, не заботимся, чтоб когда-нибудь узнать ее. Мы совершенно равнодушны к ее изучению», вследствие чего, продолжает М. Х. Сеньюткин, «дела знаменитых наших предков <...> до сих пор по какому-то непостижимому хладнокровию, остаются для нас совершенно чуждыми».²¹ Эти критические интонации были вызваны тем, что труд В. Д. Сухорукова еще не был издан, его статья в «Русской старине» была напечатана без имени автора и сколько-нибудь значительных работ, кроме трех упомянутых и устаревших на тот момент «Историй», а также краткого очерка Н. И. Краснова, не было. Безусловно, долгое отсутствие подробного и доступного описания истории казаков Дона XVI–XVII вв. послужило серьезным препятствием дальнейшему изучению истории донского казачества.

К 300-летней годовщине донского казачьего сообщества, приуроченного ко времени появления первой известной государственной грамоты на Дон (1570), появилось юбилейное издание «Трехсотлетие Войска Донского», написанное А. М. Савельевым.²² Книга, как и положено юбилейной публикации, носит обобщающий характер, за период до 1670 г. в ней дается описание лишь внешней, политической истории донского казачества, которое было составлено на основе выдержек из документов, приведенных в примечаниях к книге В. Д. Сухорукова.

Важной вехой, определившей дальнейшее изучение истории донского казачества, стал выход в 1889 г. книги В. Г. Дружинина «Раскол на Дону в конце XVII века». В предисловии к данной работе автор отмечал отсутствие в отечественной исторической литературе «достаточно достоверных, научно и документально обставленных сведений о донцах, их быте и строе их общины».²³ То, что было сделано В. Д. Сухоруковым в области изучения внутренней истории донских

²¹ Там же. Ч. 2. С. 157–158; с. 206, примеч. 108.

²² Савельев А. М. Трехсотлетие Войска Донского. Новочеркасск, 1870.

²³ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. IV (предисловие).

казаков, В. Г. Дружинина не удовлетворило из-за отсутствия ссылок на источники. Сам В. Г. Дружинин сделал попытку исправить положение и посвятил данной тематике первую часть своей работы, основываясь прежде всего на материале последней трети XVII в. Автором был привлечен достаточно широкий комплекс источников, что позволило охарактеризовать донское казачество на важном этапе его развития, углубив представления о том, что реально представляло собой казачество Дона в конце XVII в. Таким образом, впервые после работ В. Д. Сухорукова в историографии была затронута проблематика, относящаяся к внутренней истории донских казаков.

Большой заслугой В. Г. Дружинина в изучении казачества явилось также то, что в связи с осознанием этим историком неблагоприятной ситуации в историографии с конца XIX в. начинается фундаментальное издание под его редакцией так называемых «Донских дел» — документов Посольского приказа, касающихся отношений Русского государства с казаками Дона.²⁴ Включая настоящее время, ни один исследователь истории донских казаков XVII в. не проходит мимо этого издания. Публикация данного комплекса источников стимулировала дальнейшее изучение внутренней истории донского казачества, проблемный (а не описательный) подход к материалу. Однако, охватив материал до 1663 г., публикация «Донских дел» после 1917 г., к сожалению, прекратилась.

В конце XIX в. заметно возрастает интерес к истории донского казачества XVI–XVII вв. В 1903 г. был напечатан 2-м изданием фундаментальный труд В. Д. Сухорукова «Историческое описание земли Войска Донского», в 1892 г. в Новочеркасске был опубликован отдельным изданием его очерк из журнала «Русская старина».²⁵ В 1890 и 1898 гг. вышли в свет сохранившиеся главы труда В. М. Пудавова; в том же 1898 г. была начата публикация «Донских дел». Ряд изданий конца XIX–начала XX в. был посвящен популярному изложению казачьей истории.²⁶ Кроме того, выходили юбилейные и справочные

²⁴ Донские дела. СПб., 1898–1917. Кн. 1–5 (РИБ. Т. 18, 24, 26, 29, 34).

²⁵ Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск, 1892.

²⁶ См.: Абаза К. К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении. СПб., 1891; Быкадоров В. К. 1) Былое Дона. СПб., 1907; 2) Картины былого тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909.

издания по истории казачьих войск – в частности, издание «Столетие Военного министерства», один из выпусков которого был посвящен казачеству России.²⁷ Здесь же можно назвать труд И. П. Хорошихина «Казачьи войска»,²⁸ включающий ряд кратких сведений по истории казаков Дона. Эти издания написаны на основе предшествующей литературы и содержат только самые общие сведения, по преимуществу затрагивающие внешнюю историю донского казачества.

Из работ, появившихся в начале XX в. и касающихся темы нашего исследования, следует отметить серию статей С. З. Щелкунова. Наиболее важная из них – «Донские атаманы первой половины XVII в.»,²⁹ в которой автор впервые обратился к изучению биографических сведений о представителях казачьей элиты указанного периода. Другие статьи С. З. Щелкунова освещают тему встречи казаками государевых послов в XVII в., затрагивают службу на Дону «вольных охочих людей», набранных правительством в 1646 г. в южнорусских городах,³⁰ и иные вопросы. Подводя итоги дореволюционного изучения донского казачества, следует сказать, что за этот период в историографии был накоплен значительный фактический материал, в первую очередь касающийся внешней – политической и военной – истории. В то же время внутренняя история казаков Дона XVI–XVII вв. осталась гораздо менее исследованной, хотя и в этой области были сделаны важные шаги (работы В. Д. Сухорукова, В. Г. Дружинина).

Одной из первых работ по истории донского казачества, появившихся после революции 1917 г., стал очерк С. И. Тхоржевского «Донское войско в первой половине семнадцатого века», изданный в 1923 г. в Петрограде–Москве.³¹ Хотя работа вышла уже в советское время, однако она развивает традиции дореволюционной историографии, в значительной степени восполняя тот пробел, о котором писал В. Г. Дружинин. Отталкиваясь от выводов своих предшественников,

²⁷ Столетие Военного Министерства. СПб., 1902. Т. 11, ч. 1.

²⁸ Хорошихин И. П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.

²⁹ Щелкунов С. З. Донские атаманы первой половины XVII в. // Сб. ОВДСК. Новочеркасск, 1915. Вып. 13.

³⁰ См.: Щелкунов С. З. 1) Встреча послов на Дону в XVII в. // Сб. ОВДСК. Новочеркасск, 1912. Вып. 11; 2) Вольные люди и их служба на Дону // Сб. ОВДСК. Новочеркасск, 1914. Вып. 12.

³¹ Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Вып. 3.

в частности В. Д. Сухорукова, С. И. Тхоржевский прежде всего ставит вопрос об организации власти у донских казаков. Он рассматривает донское «войсковое право» и его источники – «донской обычай и приговоры войскового круга», анализирует компетенцию казачьего войскового круга и впервые акцентирует внимание на том, что основой власти круга как высшего органа управления на Дону было в первую очередь право суда и наказания.³² Автор приходит к заключению, что казачий круг являлся «переходной формой от непосредственного народного собрания к представительству».³³

Рассматривая отношения Дона с Москвой, С. И. Тхоржевский полагал, что у казачества Дона была своя «конституция» – организация власти, созданная казаками помимо Москвы на основе собственного, войскового права, имелась своя территория, которая не считалась русской: «Русь» начиналась за ее пределами; было и свое подданство: казаки, подсудные только Войску. Наконец, как отметил С. И. Тхоржевский, донское казачество имело и право международных сношений. Таким образом, заключал автор, у Войска Донского были все признаки, которые «почитаются современной теорией необходимыми для государства», но в то же время он подчеркнул подчиненное, «служилое» отношение донских казаков по отношению к Москве.³⁴ В целом отметим, что с очерком С. И. Тхоржевского изучение в отечественной историографии вопросов внутренней истории казачества было поднято на новый уровень, однако то обстоятельство, что автор ограничился опубликованными ранее материалами, думается, не позволило ему развить в полной мере ряд положений своей работы.

В историографии 1920-х–начала 1930-х гг. получила распространение точка зрения М. Н. Покровского и его последователей, которые рассматривали казачество XVI–XVII вв. преимущественно под углом зрения участия его в народных движениях. В казаках М. Н. Покровский видит прежде всего русских крестьян, бежавших от помещичьей эксплуатации.³⁵ Тенденция отечественных историков данного периода

³² Там же. С. 15–17.

³³ Так, пишет автор, во время съездов в казачий центр казаков из городков (обычно это происходило по весне) войсковой круг приближался к непосредственному народному собранию, в остальное время он принимал характер представительного. См.: Там же. С. 16.

³⁴ Там же. С. 25.

³⁵ Покровский М. М. Русская история в самом сжатом очерке. М.; Л., 1931. С. 63.

анализировать историю казачества в первую очередь с позиций «классового подхода» не способствовала, безусловно, изучению самой внутренней истории казачества. Среди работ указанного времени выделяется изданная в 1930 г. книга Н. Л. Янчевского.³⁶ Исходя из теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского, автор данного труда считал, что донское казачество в XVI–XVII вв. представляло из себя орудие колониальной экспансии Московского государства.³⁷ Н. Л. Янчевский решительно отверг тезис о том, что бегство на Дон было главным фактором образования и пополнения донского казачества, и рассматривал последнее как группировку «обычных по тому времени наемных войск», созданную деятельностью Москвы и подчинявшуюся ей. По мнению автора, эта группировка была набрана московским правительством «из тех элементов, какие были под руками» – по преимуществу из вооруженных отрядов русских, татар, украинцев-«черкас», скитавшихся в нижнем течении Дона и Днепра на перекрестье степных торговых путей и предлагавших свою службу всякому, кто заплатит за нее.³⁸ Итоговый вывод Н. Л. Янчевского был следующим: казаки являлись лишь орудием в руках Москвы и не имели ни собственных политических интересов, ни самостоятельного значения.³⁹ Автор, правда, признавал факт наличия в низовьях Дона начиная с рубежа XVI–XVII вв. казачьего «войска», которое затем подчинило себе весь Дон, но полагал, что сложилось это «войско» исключительно в результате мероприятий Москвы.⁴⁰ Несмотря на то что основные положения и терминология работы Н. Л. Янчевского, выдержанная в русле концепции «торгового капитализма» М. Н. Покровского,⁴¹ не прижились в более поздней историографии казачества, ряд положений его книги – в частности, социально-политическая характеристика «войска» в низовьях Дона – нашел отражение в последующей литературе.

Новый этап развития советской историографии донской истории XVI–XVII вв. связан с работой Б. В. Лунина «К истории донского

³⁶ Янчевский Н. Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930.

³⁷ Там же. С. 3, 57.

³⁸ Там же. С. 61–63, 65–66, 105, 138, 139.

³⁹ Там же. С. 105, 171.

⁴⁰ Там же. С. 119–121, 137, 176–177.

⁴¹ Так, например, зажиточных казаков автор называет капиталистами, а их имущество – торговым капиталом. См.: Там же. С. 167–168.

казачества», вышедшей в 1939 г.⁴² Данная книга, составленная в помощь лекторам, интересна прежде всего в плане зарождения и отражения тех тенденций, которые станут характерны для дальнейшей советской историографии казачества Дона.

Развивая, с одной стороны, взгляды предшествующей советской историографии об участии казаков в классовой борьбе народных масс, Б. В. Лунин пишет о жестокой эксплуатации в XVI–XVII вв. народных масс, в первую очередь крестьянства, сопровождавшейся бегством населения с обжитых мест в районы, куда не могла дотянуться рука крепостников, в частности – «на вольный Дон».⁴³ Автор останавливается на условиях, в которые попадали «первые поселенцы-казаки», и констатирует неизбежность для последних борьбы со степными противниками из кочевых народов, вынуждавших казаков всегда быть готовыми к набегам степняков. Отметив, что данная ситуация вырабатывала в казаках «характер свободолюбивых людей и смелых воинов», Б. В. Лунин пишет: в силу жизненной обстановки «казак одновременно был рыболовом, охотником и воином».⁴⁴ Это заключение, безусловно, было сделано с учетом работ предшествующей, в основном дореволюционной, историографии, начиная с В. Д. Сухорукова и заканчивая упоминавшимся выше очерком С. И. Тхоржевского.

В то же время, оставаясь на позициях «классового подхода», автор полагал, что «казачья масса представляла для крепостников <...> не менее грозную силу, нежели крепостные крестьяне, жившие в пределах Московского государства», поскольку, продолжает Б. В. Лунин, казаки, в отличие от крестьян, имели привычку к вольной и свободной жизни, располагали оружием, военным опытом и практикой «организованных выступлений».⁴⁵ Не имея возможности приостановить поток беглых на Дон, а также опасаясь восстаний со стороны казаков – «вчерашних крепостных крестьян», московское правительство решило постепенно распространить на казачество свое влияние и использовать его для охраны южных границ государства как оплот против турок и татар. Ставку оно при этом делало, согласно Б. В. Лунину, на казачью верхушку, через которую Мос-

⁴² Лунин Б. В. К истории донского казачества. Ростов н/Д, 1939.

⁴³ Там же. С. 20, 22–23.

⁴⁴ Там же. С. 33.

⁴⁵ Там же. С. 46.

ква стремилась оказать влияние на остальную массу казачества,⁴⁶ в связи с чем автор впервые четко поставил вопрос о социальном расхождении в рядах казачества. Так, он пишет, что к середине XVII в. достаточно резко обозначилось разделение донского казачества на две основные группы – менее многочисленное низовое зажиточное, «домовитое» казачество и казачество верховое, в массе своей бедное, голутвенное («так называемая голытьба»). При этом, уточняет автор, к XVIII в. в верховьях Дона также имелась значительная прослойка зажиточных, старослуживых казаков, которая «быстро нашла общий язык» с низовым «домовитым» казачеством.⁴⁷ И хотя развернутой аргументации этим положением Б. В. Лунин не дал, данная схема стала господствующей в советской историографии.

По мнению Б. В. Лунина, московскому правительству, при активной помощи зажиточного казачества, постепенно удастся сформировать среди казаков военные отряды, которые действовали по прямой указке Москвы и в ее интересах. Здесь явно прослеживается влияние работы Н. Л. Янчевского. Последний в подобном контексте писал о наемных отрядах казаков на Дону, финансировавшихся Москвой и представлявших собой «разновидность международной плеяды наемных солдат, морских пиратов и торговцев разбойничьего типа» эпохи первоначального накопления капитала.⁴⁸ Однако, в отличие от Н. Л. Янчевского, Б. В. Лунин оценивает казачество в позитивном плане. Так, говоря о формировании московским правительством среди казаков отрядов, которые действовали по указке Москвы, автор замечает: «Однако <...> наличие таких отрядов ни в какой мере не определяет лица всего раннего донского казачества, ни в какой мере не умаляет значения казачьей голытьбы, голутвенного казачества, того казачества, которое в целом отнюдь не являлось тогда *наемным войском московских царей* (курсив наш. – О. К.) и которое на деле доказало свои подлинные настроения, активно выступая против крепостников под знаменами Разина, Булавина и Пугачева».⁴⁹ В качестве подкрепления своей концепции Б. В. Лунин ссылается на одну из записных тетрадей К. Маркса, в которой последний, конспектируя книгу Н. И. Костомарова «Бунт

⁴⁶ Там же. С. 47.

⁴⁷ Там же. С. 41–42.

⁴⁸ Янчевский Н. Л. Колониальная политика... С. 4.

⁴⁹ Лунин Б. В. К истории донского казачества. С. 49.

Стеньки Разина», упоминал о начальном периоде казачества Дона как о времени казачьей вольницы.⁵⁰ Как и Н. Л. Янчевский, Б. В. Лунин локализует упомянутые «наемные отряды» Москвы в низовьях Дона и именно под ними подразумевает «войско». Как пишет автор, данным термином «стали именовать казаков не раньше XVII в., когда между определенной частью казачества и московским правительством установились постоянные отношения и связь». Но и тогда, согласно Б. В. Лунину, речь шла лишь о низовых казаках.⁵¹

Характеризуя «мирные» периоды взаимоотношений Дона и Москвы, Б. В. Лунин отмечает, что вокруг отношений казаков с Турцией, занимающих большое место в истории донского казачества, московским правительством велась «очень сложная и тонкая дипломатическая игра». Итогом ее были столкновения казаков с турками, вследствие чего «донское казачество отвлекалось от возможных выступлений против государства».⁵² При этом военные предприятия казаков Б. В. Лунин называет «разбойными» и «торгово-пиратскими».⁵³ Итак, в работе Б. В. Лунина видим несколько более разносторонний, по сравнению с предшествующей советской историографией, подход к изучению истории казачества.

После Великой Отечественной войны усилился интерес историков к изучению роли казаков в обороне границ Русского государства. В 1946 г. вышла книга Н. А. Смирнова «Россия и Турция в XVI–XVII вв.»,⁵⁴ посвященная истории русско-турецких отношений. Значительная часть работы уделена проблеме «турецкого наступления» на Русское государство в этот период. Касаясь по преимуществу событий внешней истории казачества, автор проследил турецко-татарские нападения на Дон за ряд лет, сделав вывод, что «большую роль в охране рубежей от крымского хана и турок со стороны Азова» играли, наряду с ратными людьми из городов-крепостей на юге Русского государства, также донские казаки. Являясь (на «донском направлении») основным противником турок, они принимали на себя первый удар наступающего врага, лагерь которого составляли,

⁵⁰ Там же. С. 39–40.

⁵¹ Там же. С. 37.

⁵² Там же. С. 49–51.

⁵³ Там же. С. 42.

⁵⁴ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1–2 // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 94.

помимо турок, также крымский хан и примкнувшие к последним различные кочевые племена.⁵⁵

В «Вопросах истории» за 1948 г. на работу Н. А. Смирнова появилась развернутая рецензия А. А. Новосельского.⁵⁶ Автор рецензии, специализировавшийся на русско-татарских отношениях первой половины XVII в., отмечал, что «донские казаки, как правило, не имели сил удержать татар от нападений на южные окраины Московского государства». Казаки Дона, продолжал А. А. Новосельский, «сводили за всеми продвижениями татар, за подготовкой их к набегам», вступая в столкновения с небольшими татарскими отрядами, но при этом «борьба с татарами в степи основной своей тяжестью ложилась на пограничные русские города, на их гарнизоны, полки, располагавшиеся по засечным чертам, и на все население окраинных уездов». В целом А. А. Новосельский полагал, что роль донских казаков в обороне южнорусского края была более скромной.⁵⁷

Следом за книгой Н. А. Смирнова выходит фундаментальный труд самого А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века».⁵⁸ В монографии обстоятельно рассмотрены ход и характер татарских нападений на южнорусскую окраину, показано развитие политической и военной ситуации в степи за указанный период. На вопросе о месте донского казачества в обороне Русского государства от набегов степняков автор специально не заостряет внимания, но описание А. А. Новосельским татарских походов наглядно показывает, что область казачьих городков находилась не на путях набегов «бусурман», а несколько в стороне – южнее и юго-восточнее. Упоминаются А. А. Новосельским случаи, когда донские казаки отбивали у татар при возвращении их из набегов русский полон. Все эти приведенные А. А. Новосельским данные позволяют полнее понять роль донского казачества в системе обороны Русского государства от татарских набегов.

Говоря о вкладе А. А. Новосельского в изучение истории донских казаков, следует отметить его статью «Из истории донской торговли в

⁵⁵ Там же. Т. 1. С. 3, 17–18, 20.

⁵⁶ Вопросы истории. 1948. № 2. С. 131–138.

⁵⁷ Там же. С. 134–135.

⁵⁸ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.: Л., 1948.

XVII веке»,⁵⁹ в которой автор на широком архивном материале впервые в литературе дает развернутую характеристику торговой деятельности, которую вели на территории проживания донских казаков жители южнорусских городов. Важнейшие выводы, касающиеся собственно Дона, следующие. В торговое движение по Дону в XVII в., отмечает А. А. Новосельский, «были втянуты все слои украинного (южнорусского. – О. К.) населения», и Войско Донское «было чрезвычайно заинтересовано в постоянных торговых связях с внутренними областями Русского государства». Приезжавшие к казакам люди являлись также необходимым элементом казачьих военных предприятий, и без такого постоянного подкрепления людьми активность донского казачества «никогда не приобрела бы значительного размаха». Поэтому, пишет А. А. Новосельский, «регулируя торговое движение по Дону, разрешая или запрещая его, московское правительство имело в своих руках сильнейшее средство воздействия на донское казачество».⁶⁰ Эта экономическая зависимость донских казаков от России впервые прозвучала у А. А. Новосельского со всей значимостью.

На рубеже 1940–1950-х гг. появилась новая книга Б. В. Лунина «Очерки истории Подонья–Приазовья»,⁶¹ представляющая собой обобщающую работу по истории Донского края с древнейших времен и до советского периода. В ней развиваются положения предыдущей работы автора. При этом выдвигаются некоторые новые положения, например говорится, что очень значительное место в составе беглых на Дон, помимо крестьян, занимали холопы, а в отдельных случаях (конец XVI в.) к казакам уходили также и представители дворянских фамилий.⁶² Новым по сравнению с предыдущей книгой является положение о роли донских казаков в охране русских границ, высказывается тезис о «сдерживании и отражении» казаками набегов татар. Последнее, по мнению Б. В. Лунина, имело для московского правительства «тем большее значение, что походы регулярных русских войск на татар требовали огромных сил и средств».⁶³ Таким образом, о казаках автор говорит теперь

⁵⁹ Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. 1948. Т. 26.

⁶⁰ Там же. С. 206, 207, 200.

⁶¹ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья–Приазовья. Ростов н/Д, 1949–1951. Кн. 1–2.

⁶² Там же. Кн. 2. С. 21.

⁶³ Там же. С. 33–34.

преимущественно как о защитниках южных рубежей России, как о «пограничном заслоне», который «из года в год отражал натиск турецко-татарско-ногайских сил на юге» страны.⁶⁴

Небольшой раздел под названием «Донское казачество» посвящен донской истории в издании «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», автором которого был Н. С. Чаев. В данном разделе коротко, но емко излагается политическая история донских казаков конца XVI–XVII столетий, дополненная сведениями по общественной, военной и социальной истории казачества данного периода. В целом Н. С. Чаев дал достаточно полную характеристику положения казачьего Дона в рассматриваемое автором время, которая выдержана в русле подхода Б. В. Лунина.⁶⁵

В 1956 г. появляется статья А. И. Михайловой «Служба донских казаков по охране южных границ Московского государства в XVII в.».⁶⁶ Среди видов «служб» казаков Москве А. И. Михайлова выделяет следующие моменты: 1) сопровождение и охрана государевых, а также турецких послов, направлявшихся по Дону из Москвы в Турцию и обратно; 2) «разведка» – регулярное сообщение в Москву ценных сведений («вестей») о татарах, турках и их военных замыслах, иной международной информации, получаемой казаками от «бусурманских» пленников («языков»), русских «полоняников» (выходцев из плена), от запорожских казаков и т. д.; 3) Освобождение русских полоняников во время походов в Турцию и Крым; 4) агитация в адрес ногайских мурз переходить в русское подданство из Крыма; 5) «вооруженная борьба по охране южных границ Русского государства», или, иначе, «вооруженный отпор» со стороны казаков по отношению к набегам на русские села и города азовцев, а также крымских и ногайских татар. Относительно последнего А. И. Михайлова пишет, что, получив известия о подготовке неприятелем набега, казаки отправлялись на пути, которыми татары ходили «в Русь», и вступали с последними в бой, отнимая у них русский полон и награбленное имущество.⁶⁷ К борьбе по охране

⁶⁴ Там же. С. 34, 38.

⁶⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 264–271.

⁶⁶ Михайлова А. И. Служба донских казаков по охране южных границ Московского государства в XVII в. // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. № 2. 1956. С. 142.

⁶⁷ Там же. С. 149.

южных границ России А. И. Михайлова относит также набеги казаков «на соседние враждебные татарские улусы и крепость Азов»⁶⁸ и особо отмечает походы донских казаков морем на Крым и Турцию во второй половине 1650-х гг. с целью «отвлечь вражеские силы от опустошительных набегов на русские владения и Украину».⁶⁹

А. И. Михайлова раскрывает также формы взаимоотношений между Москвой и Доном. Как подчеркивает автор, со стороны Дона это была отправка в Москву специально выбранных с данной целью казачьих станиц. Последние доставляли к государю войсковые отписки с изложением «вестей». Такие отправки, констатирует А. И. Михайлова, происходили, как правило, по нескольку раз за год, по мере надобности. Обратно казаков отправляли с ответной грамотой на Дон, пожаловав весьма значительным денежным и иным жалованием, а также оказав им в Москве почетный прием; Донскому Войску за службу ежегодно посылалось государево жалование.⁷⁰

Проблематика работы А. И. Михайловой перекликается с тем, что писал о формах взаимоотношений Москвы и Дона в своей книге «Историческое описание земли Войска Донского» В. Д. Сухоруков, сходные вопросы поднимались также в очерке С. И. Тхоржевского, напечатанном в 1923 г. в сборнике «Русское прошлое», и более ранней работе В. Г. Дружинина «Раскол на Дону в конце XVII в.»,⁷¹ но А. И. Михайлова посвятила данному вопросу специальную работу.

Важной для изучения казачества явилась фундаментальная публикация документов о Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина, предпринятая в 1954–1976 гг.⁷² В отечественной исторической литературе конца 1950–1960-х гг. следует отметить статью В. П. Загоровского «Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке»,⁷³ которая затрагивает вопрос о размерах государева жалования донским казакам, отправлявшимся из Воронежа вниз по Дону в 1613–1700 гг. Основную часть работы составляет

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 152.

⁷⁰ Там же. 148.

⁷¹ Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века. С. 19–24; Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 37–54.

⁷² Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954–1976. Т. 1–4.

⁷³ Загоровский В. П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961.

погодный перечень размеров жалования казакам за указанное время с достаточно лаконичными комментариями к этому перечню. Автор отмечает, что колебание размеров государева жалования является ярким показателем изменений в отношении русского правительства к донскому казачеству. Это отношение, как констатирует В. П. Загоровский, определялось в основном внешней политикой Русского государства и внутренним положением в стране. Автор отмечает также, что в середине XVII в. размеры только ежегодного хлебного жалования казакам (до 1648 г. – ржаная мука, сухари, овсяная крупа, толокно, с 1648 г. – только ржаная мука) составляли 100–200 тонн, и, как следствие, констатирует известную зависимость донского казачества от Москвы в этом отношении.⁷⁴ Из погодного перечня также следует: денежное жалование казакам составляло обычно 2–3 тысячи рублей; в состав государева жалования, как правило, входили еще порох и свинец, кроме того, но далеко не всегда, – сукно и вино.

Коллективный труд «История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права)», появившийся в 1973 г., обобщает наработки и положения советской историографии. Глава о XVI–XVII вв. (автор А. П. Пронштейн) написана на основе предшествующей литературы – в основном с опорой на работы Б. В. Лунина.⁷⁵ Высказывается положение, что казаки на Дону создавали «живой кордон» для турок и татар, препятствуя их вторжениям в пределы России.⁷⁶ Повторяется вывод предшествующей советской историографии о том, что казачество состояло по большей части из беглых крестьян и, частично, беглых холопов и ремесленников.⁷⁷ В то же время автором подмечается, что казаки « всю свою энергию <...> направляли не столько на оборону границ, сколько на партизанскую борьбу с “поганством” и захват добычи ». ⁷⁸ Рассматриваются события внешней истории казачества, в числе которых указан эпизод с перекрытием в 1660 г. турками устья Дона с помощью постройки крепостей. ⁷⁹ Последнее вызвало, как справедливо указывается А. П. Пронштейном, ухудшение положения малоимущих

⁷⁴ Там же. С. 137–138.

⁷⁵ История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права) / Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1973.

⁷⁶ Там же. С. 109, 119.

⁷⁷ Там же. С. 114–115.

⁷⁸ Там же. С. 109.

⁷⁹ Там же. С. 124, 146.

казаков (голытьбы) на Дону и, как следствие, военные предприятия С. Разина, на что обратил внимание еще С. М. Соловьев.⁸⁰

В 1978 г. вышла монография Ю. П. Тушина «Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях: XVII в.».⁸¹ Работа в основном посвящена важной, но прежде малоисследованной теме — казачьему мореплаванию (включая запорожское), при этом значительное место отводится военно-морской истории донских казаков. В книге имеются разделы по судостроению, дается характеристика турецкого и казачьего флотов на Черном море, рассматриваются морские походы донских и запорожских казаков. Таким образом, работа Ю. П. Тушина затрагивает значимые и для настоящей монографии моменты, связанные с изучением военно-морской деятельности казаков.

Говоря о советской историографии донского казачества XVI–XVII вв. периода 1920–1970-х гг., нельзя не отметить, что в это время публиковались тексты Исторической, Поэтической, Сказочной повестей о взятии и обороне казаками Азова,⁸² были изданы извлечения из «Книги путешествия» Эвлии Челеби, касающиеся как отечественной истории в целом, так и истории донских казаков.⁸³ Много было сделано в области, смежной с тематикой настоящей монографии, прежде всего — в исследовании южнорусской окраины XVII в. Здесь следует назвать монографию и статьи В. П. Загоровского,⁸⁴ указанные работы А. А. Новосельского, публикацию «Книги Большому Чертежу»⁸⁵ с ее материалом по южнорусским дорогам-шляхам и многое другое.

После Гражданской войны 1918–1920 гг. дореволюционная традиция изучения донского казачества была продолжена в русском

⁸⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6 (т. 11). С. 276.

⁸¹ Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях: XVII в. М., 1978.

⁸² Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949; Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.

⁸³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1961–1979. Вып. 1–2.

⁸⁴ Загоровский В. П. 1) Белгородская черта. Воронеж, 1969; 2) Земледельческое население в придонских степях на Белгородской черте в середине XVII в. и возникновение первых сел «за чертой» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев, 1966; 3) Формирование и заселение Козловского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969. Вып. 3; и др.

⁸⁵ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.

зарубежье, в первую очередь она связана с работами С. Г. Сватикова, самой значительной из которых стал труд «Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону».⁸⁶ По тематике к данному произведению примыкает чуть более ранняя статья этого же автора «Донской Войсковой Круг».⁸⁷ В своем основном исследовании по истории донских казаков С. Г. Сватиков отмечает, что ему интересна не «блестящая военная история» донского казачества, а «история донской гражданственности, социально-политическая история Дона»,⁸⁸ которую он рассматривает в рамках очень широкого временного периода. Относительно XVI–XVII вв. автор изучает вопросы, связанные с источниками пополнения донского казачества, его внутренним устройством, правом донских казаков, а также взаимоотношениями Дона и Москвы.

К истории казаков С. Г. Сватиков подходит с несколько идеализированных позиций. «Вдали от тогдашних пределов Московского царства <...> вольные казаки попытались создать свою жизнь по своей воле. Это были люди <...> которые не могли и не желали мириться с государственными и социально-экономическими порядками Московского царства», – пишет автор.⁸⁹ Здесь работа С. Г. Сватикова близка к выводам советской историографии. Не случайно в этой связи и решение автором проблемы, касающейся пополнения донской общины в XVI–XVII вв. Так, автор говорит следующее: 1) «закрепощение труда и личности крестьянина в Московской Руси было одной из главных причин создания вольного казачества»; 2) «пролетаризированное крестьянство, лишившееся земли или покинувшее ее, составило ядро» казаков.⁹⁰ Правда, автор отмечает, что в социальном отношении казачество представляло из себя «весьма пеструю группу». Среди казаков, пишет С. Г. Сватиков, можно было встретить и бывших стрельцов, и служилых людей, и дворян, но ядро казачества

⁸⁶ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). [Белград], 1924.

⁸⁷ Сватиков С. Г. Донской Войсковой Круг // Донская летопись. Вена, 1923. № 1. Подробнее о работах С. Г. Сватикова, посвященных истории казачества, см. в книге: Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов н/Д, 1999.

⁸⁸ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 1.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. VI, 8.

составляли, по мнению автора, все же ушедшие из метрополии крестьяне, а также представители холопства.⁹¹

Важное место в книге С. Г. Сватикова занимает характеристика политического и общественного устройства донского казачества. Так, автор отмечает в источниках за XVI–XVII вв. разделение казаков на «старых» и «новых». Новыми, пишет автор, являлись те, которые недавно пришли на Дон; прожив здесь какое-то время, они из «новых», «молодчих» казаков превращались (сохраняем терминологию автора) в «старинных», старых казаков, «обзаводились известной оседлостью, скотом и т. п.». «Так постепенно, – говорит С. Г. Сватиков, – создавалось деление на группы: более сильную социально и более влиятельную политически группу “старых” казаков, с одной стороны, и более демократическую группу “новых” казаков, с другой». Деление в казачестве на социальные группы С. Г. Сватиков отметил впервые. Интересную и, на наш взгляд, заслуживающую внимания характеристику дает он второй группе: «“Новым” казакам, “голытьбе”, пока они не обзаводились каким-либо добром, не были свойственны какие-либо особые политические идеалы. В 1614 г. в ответ на убеждения поддержать Михаила против Заруцкого “иные казаки, молодые люди, говорили: нам бы где зипунами добыться!”». Произошло это, «правда, не на Дону, а на Волге, но психология у казачьего пролетариата была одинаковая», замечает автор.⁹²

Заслугой С. Г. Сватикова явилось выявление им у донских казаков политического образования, которому автор дал название «совета старшин». Так, говоря о социальных группах в казачьей среде, делении казаков на «старых» и «новых», С. Г. Сватиков отмечает, что «с самого начала существования казачества его вожди – атаманы – выделялись и в жизни, и в актах эпохи от “рядового” казачества. По истечении полномочий, – продолжает автор, – атаманы возвращались в ряды товарищей, но сохраняли и вес, и влияние. В половине XVII в. этих “знатных”, т. е. всем в Войске известных казаков, стали называть “старшинами”». Последние, по словам автора, были хранителями военных, политических и юридических традиций, что, добавляет С. Г. Сватиков, «было особенно важно, так как Дон был типической страной прецедента, обычая». Приведя несколько соответствующих фактов из опубликованных документов, автор пришел к выводу, что

⁹¹ Там же. С. 8, 25.

⁹² Там же. С. 29–30.

у донских казаков при войсковом атамане существовало неофициальное совещание, состоявшее из «старшин». Влияние этого совещания на атамана и войсковой круг, пишет С. Г. Сватиков, было громадно. Аналогию «совету старшин» на Дону автор находит «в так называемой “тайной раде”», которую зачастую проводил с казачьими полковниками гетман Войска Запорожского перед созывом рады основной.⁹³ Как считает автор, совет старшин существовал на Дону уже с начала XVII в.

С. Г. Сватиковым рассматриваются и взаимоотношения казаков с Москвой, при этом ему удастся подметить такой важный момент, как роль торговых связей между казаками и русским населением в московско-донских отношениях. О важности для казаков права свободного проезда с Дона в окраинные города и особенно права беспоплатной торговли в них писал еще В. Г. Дружинин.⁹⁴ Но С. Г. Сватиков на основе ряда крайне отрывочных данных, почерпнутых им в опубликованных документах, сделал более важный вывод: Дон главным образом снабжали товарами приезжавшие сюда русские «торговые и посадские люди», а не ездившие с торговыми целями «в Русь» казаки. Таким образом, развивает свою мысль автор, угроза блокады со стороны Москвы была действенным средством давления на «руководящие круги Донской республики».⁹⁵ Данный вывод С. Г. Сватиков сделал впервые — предшествующие историки прошли мимо указанного факта.

В отличие от работ С. Г. Сватикова, в трудах другого известного эмигрантского историка казачества — И. Ф. Быкадорова — проблемы внутренней истории донского казачества затрагиваются слабо, главный упор делается на событийную историю. Основными работами данного автора являются «История казачества» (т. 1) и «Донское Войско в борьбе за выход в море (1546–1646 гг.)».⁹⁶

С 1980-х гг. в изучении истории донского казачества начинается новый этап, связанный с пробуждением интереса к донскому казачеству в отечественной историографии, который нашел свое выражение в работах Н. А. Мининкова, В. Н. Королева, С. И. Рябова. В статьях Н. А. Мининкова затрагивалось формирование политической

⁹³ Сватиков С. Г. 1) Россия и Дон (1549–1917). С. 39–40; 2) Донской Войсковой Круг. С. 193–194.

⁹⁴ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 39, 47.

⁹⁵ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 95–97.

⁹⁶ Быкадоров И. Ф. 1) История казачества. Прага, 1930. Т. 1; 2) Донское Войско в борьбе за выход в море (1546–1646 гг.). Париж, 1937. Ч. 1. Взятие донскими казаками Азова (1637 г.); Ч. 2. Азовское сидение (1641 г.).

организации донских казаков, их социально-политическое положение в XVII в., а также заселение Донской земли в XVI–XVII вв. Автор приходит к следующим выводам: 1) Войско Донское как военно-политическая организация казаков всего Дона складывалось постепенно, и в 1619–1620 гг. в него уже входили казаки «всех рек» (притоков р. Дон) и «малых» степных речек;⁹⁷ 2) социально-политическое положение донского казачества в период с 1620-х гг. по 1671 г. не было стабильным и изменялось в связи с развитием московско-донских отношений. При этом менялось оно в зависимости от силы центральной власти и внешнеполитического положения на юге – факторов, которые, как констатирует Н. А. Мининков, не оставались в данный период постоянными.⁹⁸ Разбор указанных факторов и влияния их на положение казачества и составляет основное содержание статьи. В совместной статье Н. А. Мининкова и С. И. Рябова рассматривались данные источников о казачьих городках на Дону.⁹⁹ Серия статей В. Н. Королева затрагивала боевые действия донского и турецкого флотов в период азовской эпопеи 1637–1641 гг., параллельно автор анализировал казачье мореплавание по Азовскому и Черному морям в целом, включая запорожское.¹⁰⁰

В 1985 г. вышла первая статья из серии работ Н. И. Никитина 1985–1994 гг., посвященных размышлениям над социальной

⁹⁷ Мининков Н. А. О роли московского правительства в формировании войска Донского (10–20-е гг. XVII в.) // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1987. № 2. С. 76–79.

⁹⁸ Мининков Н. А. Социально-правовое положение донского казачества в XVII веке // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1983. № 3. С. 39, 43.

⁹⁹ Мининков Н. А., Рябов С. И. О заселении Донской земли в XVI–XVII вв. // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1984. № 3.

¹⁰⁰ Королев В. Н. 1) Морские кампании донских казаков 1637–1641 гг. // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1986. № 1; 2) Морские походы казаков глазами Томаса Роу // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1987. № 4; 3) Технология донского казачьего мореплавания на Азовском и Черном морях в XVII в. (мореходные инструменты и карты) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1988; 4) Азовская эпопея: последние операции донского казачьего флота // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д, 1990; 5) «По край было моря синего...» (Страница из морской истории казачества) // Богатый колодезь. Историко-краеведческий альманах. Ростов н/Д, 1991. Вып. 1; 6) Адахунское сражение // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 1993. № 1/2; 7) Казачья морская культура: традиции и инновации // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов н/Д, 1999.

природой русских сообществ вольных казаков XVI–первой половины XVII в.¹⁰¹ Н. И. Никитин не разделяет принятый в советской историографии взгляд на общины казаков как на «антифеодальные государственные образования», «своеобразные республиканские организации» и полагает, что социальные институты казачьих сообществ восходят к соседской крестьянской общине. Автор отмечает архаичность общественного устройства вольного казачества и считает, что имеется больше всего оснований видеть в этом устройстве аналогии с политическими институтами доклассового общества периода военной демократии. В то же время он указывает, что «социальная организация казачества была порождена в первую очередь экстремальными условиями бытия» казаков и была «наилучшим образом приспособлена» именно к данным условиям.¹⁰²

Следующие две статьи Н. И. Никитина повторяют, по существу, положения первой.¹⁰³ В статье 1994 г.¹⁰⁴ Н. И. Никитин опирается также на последние наработки историографии. Так, вновь поднимая вопрос об архаичности общественного устройства вольного казачества, автор констатирует, что в русском обществе XVI–XVII вв. «еще сохранялись многие элементы доклассовых отношений», в частности – «порядки общинного, “мирского” самоуправления, уходящие своими корнями к “первобытному коммунизму”». Зачастую с этими порядками считалась и центральная администрация.¹⁰⁵ «Таким образом, социальный уклад вольного казачества не следует считать чем-то далеко оторванным от общерусского и тем более противоположным ему», – заключает автор, хотя и подчеркивает,

¹⁰¹ Никитин Н. И. К вопросу о социальной природе казачьих обществ в XVI–первой половине XVII в. // Феодализм в России: Тезисы докладов конференции. М., 1985.

¹⁰² Там же. С. 100–101.

¹⁰³ Никитин Н. И. 1) О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI–середины XVII в. // История СССР. 1986. № 4; 2) О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) // Феодализм в России: Сб. статей. М., 1987.

¹⁰⁴ Никитин Н. И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV–середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2.

¹⁰⁵ Там же. С. 6. Здесь автор, в частности, ссылается на работу В. А. Александрова и Н. Н. Покровского «Власть и общество. Сибирь в XVII в.» (Новосибирск, 1991).

что «при всем сходстве с крестьянским “миром” казачья община выглядит более архаичной».¹⁰⁶

В 1990-е гг. и вплоть до настоящего времени изучение истории русского казачества XVI–XVII вв. активно продолжалось. Важной вехой в исследовании и осмыслении казачества стала изданная в 1990 г. работа А. Л. Станиславского,¹⁰⁷ в которой автор попытался взглянуть на казачество изнутри, подробно рассмотрев его нужды, чаяния, психологию. На относительно узком, но очень динамичном временном промежутке (эпоха Смуты до 1618 г.) он выявил и проанализировал максимально возможное количество источников, сделав ряд новаторских выводов, касающихся пополнения, социального статуса, внутренней организации «вольного казачества», принимавшего участие в гражданской войне начала XVII в. на территории Русского государства. Автором была преодолена тенденция советского времени видеть в казаках лишь беглых крестьян, впервые в историографии он рассмотрел «вольное казачество» как особую социальную группу, отметил ее характерные черты. В частности, А. Л. Станиславский показал, что хотя казачество пополнялось выходцами из других слоев общества, но, вступая в ряды казаков, человек утрачивал свою прежнюю социальную принадлежность, приобретал новый социальный статус и начинал жить иными, казачьими интересами. И хотя «вольное казачество» как общерусское явление, исследованное А. Л. Станиславским, было лишь кратковременным эпизодом в истории русского казачества в целом и прекратило свое существование вскоре после окончания гражданской войны в России,¹⁰⁸ однако путь, которым пошел исследователь при изучении казачьей вольницы, является, на наш взгляд, перспективным и при изучении казачества XVII в. в целом.

В 1992 г. вышла работа С. И. Рябова,¹⁰⁹ в которой обобщаются положения предшествующей советской историографии. Основной упор в книге делается на ранее недостаточно исследованную эпоху последней трети XVII в. В связи с изучением этого периода автором привлекается еще не вводившийся в научный оборот неопубликованный

¹⁰⁶ Никитин Н. И. Казачьи сообщества... С. 8.

¹⁰⁷ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

¹⁰⁸ Там же. С. 247.

¹⁰⁹ Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992.

материал. Основная проблематика работы С. И. Рябова традиционна для советской литературы: источники пополнения казачества, внутреннее устройство, социальное расслоение в казачьей среде, взаимоотношения и торговые связи с Русским государством, народные движения и, коротко, основные события военной и политической истории. Все эти сюжеты рассматриваются автором в русле подходов, характерных для советской историографии.

В 1998 г. вышла фундаментальная монография Н. А. Мининкова,¹¹⁰ которая на сегодняшний день является наиболее полным исследованием по истории донских казаков от его становления до восстания С. Разина. Работа основана на весьма широком круге архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Отмечая, что за XVI–XVII вв. по истории казачества Дона еще не было исследования, которое охватывало бы все стороны жизни данного сообщества, автор видел свою задачу в том, чтобы создать «обобщенную характеристику донского казачества и Донской земли».¹¹¹ Действительно, в работе Н. А. Мининкова затронуты практически все возможные комплексы вопросов по доразинской эпохе истории казачества Дона, начиная от природных условий Донского края и заканчивая мировоззрением казаков.

Автор подробно проанализировал проблемы, связанные с заселением Донской земли. Так, Н. А. Мининков рассматривает сведения о казачьих городках, прослеживает процессы пополнения и колебаний численности донского казачества, а также, отчасти, меры Москвы и изменения ее политики по отношению к бегству русского населения на Дон. Как показывает автор, действия правительства в ответ на уход населения к казакам были достаточно гибки: Н. А. Мининков касается, в частности, политики Москвы по отношению к Дону конца 30–40-х гг. XVII в., когда выход населения на Дон был фактически разрешен, а русская власть была заинтересована в увеличении числа донских казаков.¹¹²

Касательно источников пополнения казачества Н. А. Мининков по ряду вопросов пришел к традиционным для историографии выводам. В частности, он пишет, что, несмотря на присутствие в

¹¹⁰ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д. 1998.

¹¹¹ Там же. С. 5.

¹¹² Там же. С. 99.

начале XVII в. среди донских атаманов выходцев из дворян, важную роль в пополнении рядов казачества Дона играли в это столетие представители социальных низов русского общества, в первую очередь – «выходцы из крестьянской и посадской среды». При этом люди, близкие к низшим слоям населения России, оказывались и среди верхушки Войска Донского.¹¹³ Автор указывает также, что значительную часть донских казаков составляли выходцы из мелких служилых людей, в частности – бывшие стрельцы,¹¹⁴ отмечает бегство к казакам холопов, а зачастую и людей, для которых «грабеж и воровство являлось профессией».¹¹⁵ Развивая выводы предшествующей историографии, Н. А. Мининков отмечает, что «уход на Дон был далеко не простым делом» (так как вел к коренной перемене образа жизни), и подчеркивает следующее. Очень часто «на Дон уходили те люди, которые уже имели среди донских казаков родственников или земляков», те, «кто общался с казаками, приезжавшими по разным причинам в русские города и уезды», а также те, «кто ездил на Дон для торговли». Таким образом, резюмирует автор, среди «населения, уходившего из Руси на Дон, преобладали жители ближних к Донской земле южных городов и уездов».¹¹⁶

Рассматривая этнический состав казачества, Н. А. Мининков отметил, что таковой «отличался пестротой <...> при значительном преобладании русского элемента»,¹¹⁷ констатировал частое появление, а зачастую и поселение на Дону запорожцев, сведения о присутствии которых на Дону автор проследил хронологически. Указав, у что казаков замечен был также тюркский элемент,¹¹⁸ Н. А. Мининков обратил внимание на кочевки по Дону с середины XVII в. калмыков, которые со временем стали проникать в ряды казачества.¹¹⁹

Впервые в историографии автор подробно исследует вопросы, связанные с источниками существования казачества. Как отметил Н. А. Мининков, боевая добыча была для казаков одним из главных источников как существования, так и обогащения, являясь важнейшей

¹¹³ Там же. С. 126.

¹¹⁴ Там же. С. 125–126.

¹¹⁵ Там же. С. 99, 126, 128.

¹¹⁶ Там же. 126, 130.

¹¹⁷ Там же. С. 140.

¹¹⁸ Там же. 132–137.

¹¹⁹ Там же. С. 137–139.

целью любого казачьего военного предприятия.¹²⁰ В этой связи автор подробно излагает материал о «воровских» походах казаков с Дона на Волгу, видя в них выражение крайней степени казачьего стремления к получению добычи. В целом исследователь отмечает, что «донской казак – это воин-добытчик по профессии и по образу жизни».¹²¹ Касательно уплаты казакам царского жалования Н. А. Мининков констатировал, что таковое являлось важным средством влияния московского правительства на казачество,¹²² и хотя оно, как уточняет автор, было относительно невелико, но тем не менее оказывалось для казаков важным подспорьем – вследствие весьма неустойчивого материального положения казачества. При этом очень важно наблюдение исследователя, что государево жалование доставалось только тем из казаков, которые по весне собирались для службы в казачьем центре – в «Войске».¹²³

Относительно хозяйственной деятельности казаков на Дону Н. А. Мининков отмечает охоту, рыболовство, торговлю, частично – ремесло (кузнечное, плотницкое, слесарное дело), заостряя внимание на так называемой донской торговле.¹²⁴ В основе последней, как показывает автор, лежали потребности казаков в различных товарах, поскольку сами казаки не могли обеспечить себя всем необходимым. На Дон везли, в частности, хлеб, оружие и боеприпасы, а также приезжали для промыслов; обратно вывозили военную добычу казаков – восточные ткани, рабов («ясырь»), выгоняли лошадей.¹²⁵

Рассматривая особенности мышления и культуру донского казачества, исследователь пришел к выводу о ярко выраженном патриотизме донских казаков, которые «одинаково ощущали свою принадлежность и к России, и к Дону, и к русскому народу». Автор констатирует, что в источниках XVI–XVII вв., исходивших от Войска Донского, «никогда не проявлялось стремление противопоставить казачество русскому народу, а Дон – России», поскольку, несмотря на отдаленность казачьих территорий от метрополии, казачество

¹²⁰ Там же. 146, 168.

¹²¹ Там же. С. 168.

¹²² Там же. С. 169, 170.

¹²³ Там же. С. 171, 172, 175.

¹²⁴ Термин «донская торговля» идет от источников и означает торговые контакты казаков с ближайшими к Дону городами и уездами Русского государства.

¹²⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 201, 206–210.

Дона «ощущало себя частью общерусского единства». Н. А. Мининков отмечает монархизм и религиозность казаков – последняя была связана, по его мнению, с тем, что казаки постоянно выступали в роли защитников православного народа и православной христианской веры «от турецких и крымских бусурман».¹²⁶ Основу мировоззрения донских казаков, по мнению автора, составлял средневековый провиденциализм с существенными элементами рационализма, что в целом было характерно для данной эпохи.¹²⁷

Источниковедению донской истории XVI–первой половины XIX вв. посвятил свою монографию, вышедшую в 2001 г., А. И. Агафонов.¹²⁸ Это первое в отечественной литературе исследование, характеризующее в рамках крупного временного периода обширный комплекс источников по истории Донского края, а также их изученность в исторической науке. Автор рассмотрел вопросы, связанные с деятельностью научных обществ и организаций, картографическим изучением края, возникновением и развитием донской периодической печати и многим другим. Касательно эпохи XVI–XVII вв. А. И. Агафонов затрагивает деятельность органов власти и управления как в центре страны, так и на Дону, характеризует делопроизводственную документацию этого времени, рассматривает историю и обстоятельства ее появления. Автор касается вклада в изучение донской истории В. Д. Сухорукова и его помощников, раскрывает деятельность историков более позднего времени, а также издателей исторического материала, освещая тем самым становление на Дону историко-литературной традиции.

В 2002 г. появился труд В. Н. Королева «Босфорская война», посвященный морским нападениям казаков – как донских, так и запорожских – в 1610–1650-х гг. на Стамбул и ближайшие к нему турецкие города «Румелийского» и Анатолийского (западного и южного) побережий Черного моря.¹²⁹ В. Н. Королев подробно проанализировал технику, а также условия мореплавания и ведения войны казаками на Черном море, подчеркнув при этом, что последние во вре-

¹²⁶ Там же. С. 435, 447.

¹²⁷ Там же. С. 445.

¹²⁸ Агафонов А. И. История Донского края (XVI–первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д, 2001.

¹²⁹ Автор называет эту местность также Прибосфорским районом. Боевые действия казаков в данном крае, являвшемся, по выражению В. Н. Королева, сердцем великого Турецкого государства, он и определяет термином «Босфорская война».

мя морских походов показали высочайшее военно-морское мастерство.¹³⁰ Касательно интересующего нас периода В. Н. Королев рассматривает походы донских казаков в район Босфора в 1650-е гг. и отмечает, что боевые действия велись в данное время силами только донского казачества, так как Запорожье к тому моменту по ряду причин выбывает из борьбы. Привлечение новых источников позволило дать детальный анализ казачьих походов в район Стамбула в 1651, 1652, 1654, 1659 гг.¹³¹

В результате своего исследования автор пришел к следующему важному выводу: «Как бы ни осложняли казачьи набеги (запорожских и донских казаков. — *О. К.*) отношения варшавских и московских правителей со Стамбулом и Бахчисараем, казаки оттягивали на себя значительные турецко-татарские силы и в конечном счете прикрывали собой Речь Посполитую и Московское государство».¹³² Таким образом, пожалуй, впервые тезис о том, что морские походы казаков являлись своеобразным щитом на пути турецко-крымской экспансии на север, прозвучал, будучи достаточно веско аргументированным. В. Н. Королев решительно выступает против мнения, что морскими походами казаков руководила только жажда добычи, и видит в их основе проявление «ненависти к врагу, месть за поруганных братьев, стремление освободить их из неволи». В связи с этим он пишет, что между Турцией и казаками «шла настоящая и постоянная война, имевшая <...> свой ход и исход, свои средства, формы и способы ведения», причем война на море «требовала от казаков нанесения ударов по военно-морским базам, портам, верфям, крепостям, торгово-ремесленным центрам», и именно эти действия и были характерны для казаков. Таким образом, В. Н. Королев выводит изучение военно-морских предприятий казаков на принципиально иной уровень.¹³³

Говоря о результатах, которых достигла историография донского казачества XVI–XVII вв. на сегодняшний день, отметим, что они очень значительны, при этом особенно заметны результаты двух последних десятилетий. Поколениями исследователей была накоплена источниковая база, ставились и рассматривались важные для темы

¹³⁰ Королев В. Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 8.

¹³¹ Там же. С. 566–578.

¹³² Там же. С. 667.

¹³³ Там же. С. 7.

нашего исследования проблемы, связанные с источниковедческой тематикой, пополнением донского казачества, источниками его существования, деятельностью донских казаков – как хозяйственной, так и боевой, включая походы на море, социальным устройством казачьей среды и имущественным расслоением на Дону в XVII в., политическим устройством донского казачества, а также взаимоотношениями Дона и Москвы. Однако, несмотря на несомненные достижения историографии, исследование истории донских казаков XVI–XVII вв. в настоящее время нельзя считать завершенным.

Следует сказать, что история донского казачества, как правило, рассматривалась исследователями на достаточно длительных (XVI–XVII вв. и шире) временных отрезках. Однако такой подход, вполне естественный и закономерный на определенном этапе развития историографии, не позволяет в полной мере проследить эволюцию казачьего сообщества: зачастую составляющие внутренней жизни казачества одного этапа его истории недостаточно критически переносятся на другой. Между тем некоторые реалии казачьего общества (например, такие понятия, как «войско», «старшина») не всегда были неизменными на всем протяжении XVI–XVII вв. В этой связи отметим, что на настоящий момент ситуация требует поиска новых подходов к изучению истории казачества Дона XVI–XVII вв. В частности, представляется актуальным исследование более локальных периодов, что позволит, думается, полнее изучить отдельные этапы эволюции донского казачества, включая более углубленное рассмотрение ряда частных вопросов, шире охватить круг имеющихся источников. Как полагаем, подобный подход может помочь выявлению самой модели функционирования сообщества казаков Дона на определенных этапах его развития.

Касаясь необходимости дальнейшего исследования донской истории XVI–XVII вв., отметим, что на настоящее время недостаточно изученным остается ряд важнейших вопросов – в частности, о правовом статусе донских казаков относительно Русского государства, характере казачьих степных набегов, условиях жизни на Дону в XVII в. Дальнейшего рассмотрения требуют проблема пополнения донского казачества и, в частности, вопросы – чем был вызван постоянный приток людей к казакам, как относилась Москва к данной ситуации и ставились ли какие-либо серьезные преграды этому процессу. Недостаточно изучены, как нам представляется, устройство

и особенности функционирования войсковой организации донских казаков; мало разработаны источники по проблемам численности, а также самосознания донского казачества, требует уточнения ряд психологических особенностей казаков, связанных с деятельностью и, особенно, с военной устойчивостью донского казачьего сообщества.

В настоящей монографии на материалах локального периода предполагается подробное изучение прежде всего данного комплекса проблем. При этом мы ставим своей целью охватить казачество Дона как явление, заглянуть в будни казачьей жизни, дать возможность читателю взглянуть на сообщество донских казаков второй трети XVII в. изнутри. Именно этого, на наш взгляд, удалось достичь в своей книге А. Л. Станиславскому на материале Смутного времени. Для решения данной задачи необходимо скрупулезное изучение даже мелких деталей казачьей истории, которые донесли до нас источники, и подобную задачу, безусловно, было бы сложно решать, рассматривая всю эпоху XVI–XVII вв. В связи с этим нами выбран определенный хронологический период – от взятия казаками Азова до выступления С. Разина (1637–1667), или, как мы условно его называем, вторая треть XVII столетия. Почему нами избрано именно это время, уже было отмечено в самом начале настоящего Введения.

Изложенная выше проблематика определяет и структуру работы. Вначале предполагается дать детальный разбор вопроса об источниках пополнения донского казачества, в ходе которого будут анализироваться, в частности, пути и способы бегства на Дон, социальный и этнический состав беглых, отношение центральной власти к приему беглых казаками и борьба государства с этим явлением. Приблизиться к решению упомянутых проблем позволяет, на наш взгляд, изучение связей населения южнорусских городов с донскими казаками, речь о чем пойдет преимущественно в начале работы. Исследовав демографические условия существования казачества на Дону, мы перейдем к анализу внутреннего устройства сообщества донских казаков, в ходе которого рассмотрим структуру и функционирование войсковой организации донского казачества, взаимодействие существовавших на Дону общественных групп. Далее предполагается осветить деятельность казаков и условия жизни на Дону, в связи с чем будут разобраны виды и способы осуществления казачьих набегов на татар и турок, затронут вопрос о казачьих хозяйственных промыслах, а также подвергнется рассмотрению обстановка

постоянной военной опасности, в которой приходилось жить казакам. Подробное исследование вопросов, касающихся деятельности казаков и условий жизни на Дону, позволит, думается, глубже понять социальное устройство донских казаков, их психологические особенности и отличительные черты казачьего взгляда на мир, о чем пойдет речь в последних разделах работы.

***

Основная часть публикаций документов по истории казачества Дона XVI–XVII вв. была осуществлена еще до революции 1917 г. Так, в 1864 г. вышел сборник грамот русских государей на Дон (начиная с грамоты 1570 г.), опубликованный И. П. Прянишниковым,¹³⁴ в 1891 г. увидел свет первый том «Актów, относящихся к истории войска Донского» А. А. Лишина.¹³⁵ Но главная публикация появилась в 1898–1917 гг. в томах «Русской исторической библиотеки» под названием «Донские дела», одинаковым с наименованием архивного фонда 111 Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Под редакцией В. Г. Дружинина было издано пять томов документов, охватывающих период с конца XVI в. по 1663 г. (в связи с революцией 1917 г. издание, к сожалению, прервалось). Что особенно важно, материал печатался не выборочно, а целиком, и в настоящее время без использования данной публикации не обходится ни одна работа по истории донских казаков XVII в. Следует отметить тенденцию авторов (особенно в советской историографии до 1980-х гг.) основывать свои работы в основном на опубликованном материале и в первую очередь, конечно, на издании «Донские дела». В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов о данном комплексе документов как источнике.

На наш взгляд, для понимания характера казачьего общества «Донских дел» недостаточно, хотя объем опубликованного материала и создает иллюзию его полноты. Однако более пристальное рассмотрение «Донских дел» показывает, что в них более или менее полно отражена по большей части лишь внешнеполитическая составляющая казачьей истории. Ответа на вопрос, какие процессы лежали в основе казачества как исторического явления, материалы указанного

¹³⁴ Прянишников И. П. Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864.

¹³⁵ Лишин А. А. Акты, относящиеся к истории войска Донского. Новочеркасск, 1891. Т. 1.

комплекса документов не дают – для этого требуется привлечение всей совокупности других источников. Именно таким путем мы и шли при написании настоящей работы.

В целом, как уже говорилось, исторические документы по рассматриваемому периоду достаточно многочисленны. Основным источником по истории донского казачества XVII в. являются, безусловно, материалы Посольского приказа. В настоящее время они хранятся в Российском государственном архиве древних актов и находятся в нескольких фондах. Это фонды 89 (Сношения России с Турцией), 111 (Донские дела), 119 (Калмыцкие дела), 123 (Сношения России с Крымом), 127 (Сношения России с ногайскими татарами).

Наиболее важным из этих фондов является фонд 111, содержащий делопроизводство относительно взаимоотношений Русского государства с казачеством Дона, в частности – документы о пребывании в Москве присылавшихся с Дона казачьих отрядов («станиц»), а также разного рода действиях правительства, касающихся отношений с донскими казаками. Комплексы таких документов и получили название «донские дела». Поскольку подобные «дела», как правило, возникали во время приезда с Дона казачьей станицы, то обычно их составляли следующие документы:¹³⁶ 1) отписка в Москву воеводы южнорусского пограничного города (в подавляющем большинстве случаев это были Валуйки) о прибытии с Дона станицы (отряда) донских казаков¹³⁷ с расспросными речами данных казаков об их проезде через донецкую степь, наличии в этой степи неприятельских «воинских людей» и (иногда) о положении дел на Дону; 2) войсковая отписка (донесение) в Москву донских казаков о положении дел на Дону и в окрестных землях, боевых действиях казаков и прочих вопросах, интересовавших Москву в тот момент; 3) расспросные речи в Посольском приказе приехавших казаков о том же; 4) челобитные казаков о выдаче им государева денежного жалования, «корма» и «питья» на время постоя в Москве, а также по другим вопросам, могущим возникнуть за время пребывания казаков в столице (например, об увеличении получаемого станицей того же жалования). В таких документах нередко можно встретить сведения

¹³⁶ Далее приводится состав, так сказать, «среднестатистического», рядового «донского дела».

¹³⁷ Речь идет о казачьей станице, посланной в Москву с Дона с войсковой отпиской.

о боевом прошлом этих казаков на Дону; 5) разного рода приказные выписки по таким челобитным с резолюциями по поводу казачьих просьб, зачастую сделанными в соответствии с государевым указом относительно них; 6) различные приказные документы, связанные с выдачей казакам жалования («памяти» в другие приказы и пр.); 7) черновик государевой грамоты, составленной в ответ на казачью отписку и отправляемой на Дон с теми же казаками; 8) грамота в Воронеж об отпуске из этого города казаков на Дон с приложением списка казаков; 9) проезжая грамота («подорожная»), выдававшаяся казакам для проезда до Воронежа. Данные документы, как правило, встречаются в «донском деле». Отсутствие какого-либо документа из числа перечисленных означает либо его утрату, либо наличие его в другом деле или фонде.

Помимо указанных документов, в «донском деле» нередко находятся отписки воевод южнорусских городов (чаще всего Воронежа, Белгорода, Валук и Царицына) с изложением расспросных речей приехавших с Дона людей о положении дел у казаков, а также отписки воронежских воевод по вопросам, связанным с отправкой казачьих станиц на Дон. Если с казачьей станицей отправлялось на Дон государево жалование, то в состав дела, связанного с приездом такой станицы, обычно входят войсковая челобитная (прошение) о жаловании (таковых может быть одна или несколько), приказные выписки по этим челобитным, а также разнообразная документация об отправлении на Дон упомянутого жалования. Часто встречаются случаи, когда одно «донское дело» составляют документы, касающиеся приезда в Москву сразу нескольких казачьих станиц. В таких случаях объем дела резко возрастает, достигая нескольких сот и более листов. За год в Москву обычно присылалось от трех до пяти казачьих станиц; таким образом, только количество войсковых отписок за вторую треть XVII в. насчитывает более сотни.

Важной составляющей многих из «донских дел» являются документы о посылке на Дон с различными поручениями служилых людей из Москвы или южнорусских городов. В таких случаях в дело входят различные документы, связанные с отправкой и возвращением этих лиц, – их челобитные, приказные документы о выдаче им жалования, подорожные, а также черновики наказов, государевых грамот на Дон и расспросные речи (либо же статейные списки) их о пребывании на Дону. Часто к перечисленным документам могут

добавляться присланные с этими людьми отписки донских казаков и отписки самих этих лиц с Дона. Иногда подобные документы могут составлять и самостоятельное дело.

Часто в «донское дело» входят также расспросные речи в Москве выходцев из турецкого или татарского плена, нередко содержащие сведения об обстоятельствах их пленения, отписки о них в Москву воевод из городов, а кроме того – документы, связанные с выдачей им государева жалования за «выход» из плена. Иногда подобный комплекс материалов может составлять самостоятельное дело. Удивляться этому не приходится, учитывая, что в некоторых случаях даже одна или несколько отписок какого-либо воеводы южнорусского города о ситуации на Дону могут составлять «донское дело» – таковы, например, дела № 1 за 1632 и 1633 гг. (отписки царицынского и воронежского воевод) или № 12 и 14 за 1642 г. (отписки белгородского и воронежского воевод). Документы фонда опубликованы за период до 1663 г.¹³⁸

Фонд 89 (Сношения России с Турцией) за рассматриваемый промежуток времени составляют в основном документы, связанные с отправкой в Турцию русских и приемом в Москве турецких послов и посланников. Среди этих документов к теме данной работы относятся государевы грамоты в Турцию и указы русским послам, в которых имеются упоминания о донских казаках, а также отписки и статейные списки русских послов и посланников, обычно ездивших в Турцию через казачьи территории¹³⁹ и нередко сообщавших в Москву о событиях, происходивших при них на Дону. Например, послы в Турцию И. Милославский и Л. Лазаревский, проезжавшие по Дону в мае–июне 1643 г., стали свидетелями тяжелых боев донских казаков с турками и татарами в низовьях Дона и ряда других событий, информация о которых и была зафиксирована ими в их отписках в Москву с Дона и в статейном списке (Ф. 89. 1643 г., № 1). Зачастую документы указанного фонда содержат отписки воевод южнорусских городов, составленные по расспросным речам приехавших с Дона людей. Например, в том же деле № 1 за 1643 г. (Ф. 89) отложились две отписки в Москву воевод Воронежа и Белгорода, обстоятельно сообщавших о взятии турками и татарами в мае 1643 г. ряда казачьих городков в низовьях Дона, в то время как подобные известия отсутствуют в «Донских делах».

¹³⁸ См.: Донские дела. Кн. 1–5.

¹³⁹ От Воронежа вниз по р. Дон к Азову.

Наконец, в фонде 89 за указанный период времени имеется несколько дел, по своему составу представляющих собой типичные «донские дела». Это дело № 1 за 1637 г., № 1 за 1650 г. и № 1 за 1661 г. Их составляют документы о приездах в Москву с Дона в 1637, 1650 и 1661–1662 гг. ряда казачьих станиц. Данный материал является существенным дополнением к фонду 111 («Донские дела»).

Из других фондов, содержащих документы Посольского приказа, следует отметить фонды 127 (Сношения России с ногайскими татарами), 123 (Сношения России с Крымом), 119 (Калмыцкие дела). Материалы фонда 127, в основном отражающие взаимоотношения Русского государства с ногайскими татарами и в большинстве своем состоящие из отписок астраханских воевод, а также из документации, связанной с приездами ногайских послов в Москву и отправкой в ногайские улусы русских посланников как из Астрахани, так и из Москвы, содержат и подробные отписки астраханских воевод о положении дел на Дону. Эти документы обычно составлены на основе расспросных речей посылавшихся из Астрахани на Дон служилых людей либо же по расспросам различных лиц (включая донских казаков и татар), приехавших с Дона в Астрахань. Среди документов фонда 127 иногда можно встретить и войсковые отписки донских казаков (так, в деле № 12 за 1639 г. находится войсковая отписка с Дона от 23 ноября этого года, отсутствующая в соответствующем «донском деле» из фонда 111), а также отписки с Дона посланных в ногайские улусы из Москвы русских посланников (например, кн. Н. Белосельского и И. Хоненева в 1639 г.).

Фонд 119 (Калмыцкие дела) к изучению истории донского казачества еще не привлекался. В целом структура данного фонда сходна со структурой фонда 127, с той лишь разницей, что документы фонда 119 отражают взаимоотношения Русского государства не с ногайскими татарами, а с калмыками. В этом фонде имеются отписки астраханских воевод в Москву с известиями о положении дел на Дону, кроме того, встречаются любопытные документы по истории яицкого казачества. Среди документов фонда 123 (Сношения России с Крымом) наиболее интересны отписки и статейные списки русских посланников в Крым, содержащие добытые ими сведения о военных действиях донских казаков, включая иногда очень яркие описания нападений донских казаков на южное побережье Крыма с моря.

Другим комплексом материалов по истории донских казаков являются документы Разрядного приказа, составляющие фонд 210 Российского государственного архива древних актов. Среди материалов этого фонда нередко встречаются отписки в Москву воевод южнорусских городов с известиями о донских казаках, ряд комплексов документов о бегстве и поездках людей из южных областей Русского государства на Дон, об участии отрядов донских казаков в составе русских войск в военных действиях против Польши и Швеции в 1654–1667 гг., кроме того, разного рода следствия («сыскные дела»), касающиеся казаков. Большая часть из этих документов еще не введена в научный оборот. Среди документов данного фонда нам встретилось также два типичных по своему составу «донских дела» (от 1632 и 1641 гг.), содержащих крайне любопытные известия о донских казаках, и две войсковые отписки о походах на море от 19 августа и 28 сентября 1659 г., которых нет в соответствующих делах фонда 111.¹⁴⁰

Документы фондов 89, 119, 123 и 127 за XVII в. на сегодняшний день остаются неопубликованными. Лишь единичные документы из фонда 210 (Разрядный приказ), касающиеся истории донских казаков, были напечатаны в 1-м и 2-м томах сборника документов «Акты Московского государства» (СПб., 1890–1894).

Таким образом, сохранились разнообразные и многочисленные документы по истории донского казачества второй трети XVII в. В целом они обладают довольно высоким уровнем достоверности, хотя для них и бывают зачастую характерны отрывочность, лаконичность, а изредка – и противоречивость известий.¹⁴¹ Впрочем, несмотря на внешнее обилие сведений о донском казачестве XVII в., материал по ряду проблем истории донских казаков приходится собирать подчас буквально по крупицам, и лишь собранный и проанализированный в совокупности, этот материал позволяет сделать определенные выводы.

Здесь хотелось бы обратить внимание на вопрос о степени достоверности сообщений донских войсковых отписок о боевых действиях казаков против татар и турок. В исторической литературе сообщения

¹⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 191–535; Столбцы Приказного стола. № 152. Л. 1–83; Столбцы Московского стола. № 308. Л. 94–102.

¹⁴¹ См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 40, 44.

войсковых отписок о походах донских казаков, как правило, не подвергались сомнению. Действительно, сообщать ложные сведения в Москву о военных экспедициях не имело для казаков особого смысла: во-первых, русское правительство могло узнать интересующие его подробности казачьих походов из других источников; во-вторых, присылавшееся на Дон государево жалование было строго фиксированным и чаще всего мало зависело от военных подвигов казаков. Нам, однако, несколько раз встречались в документах случаи, когда казаки в своих донесениях в Москву сообщали сведения о боевых действиях, резко противоречащие действительным событиям. Так, в войсковой отписке в Москву от 10 июля 1646 г. говорилось, что во время морского похода на азовское взморье (начало июля того же года) казаки встретились («сошлись») с боевыми турецкими кораблями, экипажи которых «учинили бой» с казаками и, обороняясь от них, бились «насмерть». В результате казаки захватили 5 боевых кораблей, в ходе боя убив и «переранив» много турок и захватив 30 пушек.¹⁴² Настораживает, впрочем, некоторая легковесность, с которой в войсковой отписке сообщалось об этом, в общем-то, далеко не рядовом происшествии: взятие штурмом («приступом») вооруженных артиллерийскими орудиями боевых кораблей неизбежно потребовало бы больших жертв и усилий со стороны казаков.

Между тем находившийся тогда же на Дону русский дворянин Ж. Кондырев, бывший очевидцем возвращения казаков с моря и слышавший их рассказы, сообщал в своей отписке в Москву следующее. После того как казаки отправились на судах вниз по Дону, они сначала совершили нападение под Азов, захватив там в плен около 20 человек. Затем они вышли на азовское взморье, где обнаружили стоящие на якорях 5 турецких кораблей без команд. Как выяснилось позднее, команды этих судов, услышав под Азовом стрельбу и увидев вышедшее на море казачье войско, бросили корабли на произвол судьбы и, сев в лодки («сандалы»), бежали по направлению к Крыму («побежали морем назад к городу Керчи»). Казакам оставалось лишь беспрепятственно забрать имущество с кораблей, которые везли в Азов разного рода припасы.¹⁴³

Вот еще один подобный пример. В войсковой отписке от 11 марта 1662 г. сообщалось в Москву, что несколько ранее (в конце февраля этого же года) с Дона под Крым был послан отряд казаков и донских

¹⁴² Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2. Стб. 907.

¹⁴³ Там же. Стб. 919–920.

татар. Его целью был захват «языков» (пленников) для выяснения у последних намерений касательно подготовки крымцами походов куда-либо. Как значилось далее в войсковой отписке, у тех «казаков и татар под Крымом под Перекопом с крымскими людьми был бой», в ходе которого «иных татар побили (перебили. — *О. К.*)» и захватили «за великим боем» (т. е. с большими усилиями) «в языках» двух татар. Один из них вскоре после допроса был убит из-за тяжелого ранения, полученного в ходе столкновения с казаками (везти его с собой на Дон не имело смысла), а другой был доставлен в Войско и затем прислан в Москву.¹⁴⁴ Во время расспроса в Посольском приказе татарин, однако, показал, что он житель прибрежной крымской деревни, находился с пятью товарищами на рыбной ловле, во время которой и был захвачен казаками. Правда, интересовавшие Москву на тот момент подробности о положении дел в Крыму он сообщить смог.¹⁴⁵

Наконец, в войсковой отписке в Москву от конца апреля 1662 г. казаки сообщали, что тогда же из Черкасского городка на море под Крым было отпущено казачье «морское войско». Когда «крымские и азовские люди» узнали, что казаки пошли на море, то первые устроили в устье Дона, напротив протоки под названием Казачий ерик, которой казаки обычно проходили на взморье, «шанцы» (окопы); несколько ранее была засыпана землей и сама эта протока. Как значится далее в казачьей войсковой отписке, противник засел в упомянутых шанцах «с вогненным боем (с ружьями. — *О. К.*) и с пушками», в результате чего у казаков с неприятелем состоялся, согласно отписке, «бой великой». В ходе этого боя казаки выбили противника из шанцев и засели в них сами, затем «роскопали» Казачий ерик и вывели струги на море «дал Бог здорово». При этом, зная о возможности засады, оставшиеся в Черкасском городке казаки ходили «провождать» шедших на море и также участвовали в бою.¹⁴⁶

В то же время привезшие данную отписку в Москву атаман Григорий Кузьмин с казаками сообщали во время расспроса в Посольском приказе об этом эпизоде совсем иначе. Они показывали, что, когда казаки подошли Доном к Казачьему ерику, «азовских воинских людей, а с ними крымских татар» было здесь всего «ста з два» (около 200 человек) и задачей последних было проследить, когда казаки (а

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 182–183.

¹⁴⁵ Там же. Л. 183-а–184.

¹⁴⁶ Там же. Л. 208.

вместе с ними и «государевы ратные люди», стоявшие в то время на Дону) пойдут в стругах на море.¹⁴⁷ Таким образом, учитывая подавляющий численный перевес казаков, азовско-крымский отряд едва ли мог оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление, да и цель у него была совсем другая. О помощи же упомянутому отряду из Азова ни в одном, ни в другом документе ничего не сообщается.

Чем можно объяснить такие неточности в казачьих войсковых отписках? Как уже говорилось, никаких причин прагматического характера для подобного искажения событий у казаков не было, да и при необходимости правдивость казачьих отписок могла быть относительно легко проверена в Москве. На наш взгляд, объяснение данной ситуации следует искать в особенностях психологии донского казачества. Так, турецкий путешественник Эвлия Челеби, проезжавший по казачьим городкам в первой половине 1660-х гг., передает такой эпизод. После одной из стычек в степи с татарским отрядом, очевидцем которой был Эвлия, донские казаки, сопровождавшие путешественника, сказали ему: «Если у нас случается такое (т. е. боевой эпизод. – *О. К.*), то мы любим рассказывать об этом до скончания мира».¹⁴⁸ Хвастовство, а то и бахвальство зачастую приукрашенными военными подвигами неувидительны для людей, посвятивших себя войне. Эта черта казачьей психологии нашла свое отражение, как полагаем, и в войсковых отписках донских казаков в Москву, проявившись на самом высоком политическом уровне.

Таким образом, думается, к сообщениям войсковых отписок с Дона следует подходить осторожно, если их нельзя проверить с помощью иных источников – например, показаний людей, побывавших в это время на Дону. Впрочем, речь здесь может идти лишь о некотором преувеличении той или другой казачьей победы, основным же характеристикам того или иного похода (его время, численность, направление), по нашим наблюдениям, можно доверять. Точностью в войсковых отписках обычно отличаются и разного рода сведения о крымских татарах, а также об основных походах казаков, т. е. о том, что Москву интересовало напрямую. В деталях же казаки, как выясняется, могли дать волю своей фантазии. Достоверность других документов (например, расспросных речей людей, побывавших на Дону, а также расспросных речей казаков в Москве) в первую очередь зависит

¹⁴⁷ Там же. Л. 210.

¹⁴⁸ Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 188.

от того, были ли они очевидцами тех событий, о которых сообщали, или же узнавали о них от других лиц. Если человек, сообщавший позднее русским властям ту или иную информацию, был очевидцем или участником события, то его сообщениям, как правило, можно доверять. С этим критерием мы в основном и подходили к определению достоверности сообщений того или иного документа.

Среди источников нарративного характера нами использован ряд повестей о взятии и обороне казаками Азова в 1637–1641 гг., уже упоминавшиеся записки турецкого путешественника Эвлии Челеби. Привлекаются также записки Г. Котошихина о России в царствование Алексея Михайловича и известия об Украине и запорожских казаках примерно середины XVII столетия, которые приводит французский инженер на польской службе Г. Л. де Боплан. Большая часть этих источников была издана еще до революции,¹⁴⁹ частично они переиздавались в советское время.

***

Заканчивая настоящее Введение, хотелось бы выразить глубочайшую признательность Андрею Павловичу Павлову за неизменную поддержку и ценные консультации, данные им автору в процессе написания настоящей работы. Автор искренне благодарит за неоднократные консультации и многолетнюю поддержку также Сергея Александровича Козлова. Очень благодарен автор сотрудникам Отдела древней истории России С.-Петербургского Института истории РАН, особенно Павлу Владимировичу Седову и Зое Васильевне Дмитриевой за ценные замечания и рекомендации, сделанные при обсуждении данной работы. Особую признательность автор выражает Юрию Георгиевичу Алексееву – своему первому Учителю на пути историка-исследователя, сотрудникам Российского государственного архива древних актов, а также Константину Васильевичу Петрову, Сергею Викторовичу Куликову, Алексею Игоревичу Раздорскому, Адриану Александровичу Селину, своим родителям Юрию Михайловичу Куцу и Валентине Сергеевне Куц, жене Елене Александровне Травиной за оказанные в ходе работы над книгой содействие и поддержку.

---

¹⁴⁹ Боплан. Описание Украины. СПб., 1832; Орлов А. С. 1) Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906; 2) Особая повесть об Азове // ЧОИДР. 1907. Кн. 4; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906.

Глава I. Дон и южнорусская окраина: вопросы взаимодействия (по материалам 20–60-х гг. XVII в.)

Сыски 1628–1631 гг. о «донской торговле»

Общепринятым в советской историографии стало положение, что в XVII в. донское казачество пополнялось в основном беглыми крестьянами, холопами, мелкими служилыми и посадскими людьми.¹ В целом, думается, это суждение справедливо, однако в советское время данная проблема специально не изучалась. В частности, оставалось неясным, в какой степени люди, уходившие на Дон в казаки, отрывались от своего прежнего места жительства, могли ли они вернуться обратно, сохраняли ли связь со своими родственниками, остававшимися «на Руси».

Уникальную возможность ответить на эти вопросы дают материалы сыского дела 1628 г. о так называемой донской торговле – торговых связях южнорусских городов с донскими казаками. Документы этого дела использовались в статье А. А. Новосельского, посвященной торговым связям Дона с южнорусскими городами в XVII в.,² и в книге Н. А. Мининкова. Второй из названных авторов писал, что «приходившие на Дон люди быстро становились

---

¹ См.: *Тхоржевский С. И.* Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Вып. 3 С. 14; *Лукин Б. В.* Очерки истории Подонья–Приазовья. Ростов н/Д, 1951. Кн. 2. С. 6, 8; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 268; *Попов М. Я.* Азовское сидение. М., 1961. С. 12; История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права) / Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1973. С. 114–115; *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 78–79. См. также: *Рябов С. И.* Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С. 25. До революции предпочитали говорить просто о выходе населения из Русского государства в степь.

² *Новосельский А. А.* Из истории донской торговли в XVII в. // Исторические записки. 1948. Т. 26.

казаками, но при этом поддерживали связь с родственниками и нередко, прожив на Дону несколько лет, возвращались в родные места. Следствие 1628 г., проводившееся в южных городах, выявило немало подобных случаев.³ Специального разбора таких случаев Н. А. Мининков, однако, не дал. В целом же материалы сыского дела 1628 г. о поездках «торговых людей» на Дон еще не анализировались. Между тем при сопоставлении с некоторыми другими данными они позволяют проследить миграционные процессы, происходившие в среде донских казаков, а также выявить те условия, которые на протяжении первой половины XVII в. и позднее обеспечивали казакам почти бесперебойное сообщение с населением южных областей Русского государства.

Сыское дело отложилось в столбцах Приказного стола Разрядного приказа и насчитывает 613 листов. В издании «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции» оно именуется как «Сыское дело о нападении донских казаков и разных городов всяких чинов людей на разменного мурзу князя Мустафу Сулешева с товарищами и о воровских походах их на море и на крымские улусы» от 1628 г.⁴ На наш взгляд, это название не отражает существа документов, составляющих дело. Думается, правильнее назвать эти документы «Сыским делом 1628 г. о поездках “торговых людей” из южнорусских городов на Дон».⁵

Рассмотрим состав дела. Материалы его можно разделить на четыре части. К первой части относятся: 1) «Выписка из донского дела⁶ на перечень» (л. 1–64). Этот документ содержит краткий пересказ дела, предназначенный для доклада в Думе о результатах сыских мероприятий. Основное содержание «Выписки» – краткое изложение имеющихся в деле «расспросных речей» и хода сыска;

³ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 127.

⁴ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1908. Кн. 15. С. 48.

⁵ «Доном» в источниках, помимо названия самой реки Дон, именуется также область проживания донских казаков. В городах, расположенных в верхнем течении Дона (Воронеж, Елец, Лебедянь и др.), употреблялся также термин «низ», обозначавший область верховых и низовых казачьих городков. В этом же значении нередко употреблялось и слово «Поле».

⁶ В данном случае, как видим, рассматриваемые документы неопределенно названы «донским делом».

2) приговор в Думе о наказании виновных в поездках на Дон (л. 80–81); 3) «Роспись» (список) людей, наказанных в Ельце и Воронеже (л. 82–88).

Ко второй части принадлежит основная масса документов, составляющих дело (л. 65–79, 89–387, 462–499, 545–549, 597, 608–613). Это: 1) «Память» из Посольского приказа в Разрядный от 11 января 1628 г. В ней содержится государев указ о проведении сыска и излагаются события, вызвавшие его; 2) черновик наказа сыщику И. Тургеневу о проведении сыска в Ельце и Воронеже, а также черновик грамот воеводам других южнорусских городов о проведении сыска; 3) отписки сыщиков Ивана Тургенева и Никиты Беклемишева, а также воевод из городов о ходе сыска с приложением расспросных речей; 4) черновики государевых грамот сыщикам и воеводам в города по различным вопросам, связанным с проведением сыска; иные документы. Необходимо отметить, что расположение документов в деле не соответствует их хронологической последовательности. В особенности это касается документов второй части. Кроме того, расспросные речи помещены отдельно от отписок сыщиков, к которым они были приложены. Данные обстоятельства значительно усложнили работу с материалами дела.

Третью часть составляют документы сыска, проведенного в Москве в Разрядном приказе о поездке на Дон московского «торгового человека» гостиной сотни А. Михайлова (л. 388–461). Среди них росписи (перечни) имущества, вывезенного А. Михайловым с Дона и затем конфискованного в Воронеже, его расспросные речи о поездке на Дон, челобитная о возврате изъятого имущества и другие документы. К четвертой части относятся «поручные записи» по привлеченным к сыску жителям Курска, Белгорода, Тулы, Ельца, Воронежа и Зарайска в том, что они на Дон без государева указа более не поедут (л. 500–543, 550–596, 598–607).⁷

Перейдем к рассмотрению документов дела. Начало сыску положила «память» из Посольского приказа в Разрядный от 11 января

⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. 613 л. Ряд разрозненных документов из рассматриваемого дела, по большей части без начала и конца, находится также в столбце № 32 Владимирского стола (л. 252–336). В основном это выписки, в Разрядном приказе из отписок сыщиков И. Тургенева и Н. Беклемишева и из присланных ими расспросных речей. По сравнению с документами столбца № 31 Приказного стола никакой новой информации они не содержат.

1628 г., в которой сообщалось о следующих событиях. В конце сентября 1627 г. к югу от г. Валук (на речке Ураевой) производилась «посольская размена» (обмен послами) с крымскими татарами. В это время из степи со стороны Дона неожиданно появилась значительная группа русских людей. Татары, приняв их за донских казаков, перегоняющих на Валуйки захваченных во время набегов на Крым лошадей, немедленно вступили с ними в бой. Столкновение, однако, было приостановлено посланным от русской стороны казачьим головой Ю. Чуфаровским, который затем и привел упомянутых людей на русский стан. Среди приведенных на стан оказалось 9 донских казаков во главе с атаманом Андреем Степановым (прозвище Полупанов), которые ехали с Дона в Москву с войсковой отпиской и 34 лошадьми, а также 47 жителей разных южнорусских городов. Последние возвращались после поездки на Дон с товарами и вели с собою 122 лошади. Из этих людей из Воронежа было 7 человек, Ельца – 21, Курска – 8, Белгорода – 3, Рязска, Серебряных Прудов, Калуги – по 2, Скопина и Белева – по одному человеку.

Появление на «размене» всех этих людей вызвало скандал (от татар был «многой вычет и розвратье»; самой «размене» едва не учинилась «поруха»). Существо претензий татарской стороны в документе не излагается, однако оно очевидно. Москва в дипломатической переписке с Крымом постоянно утверждала, что на Дону живут «воры» – беглые преступники, и за их самовольные набеги на татар Русское государство не может нести ответственности. В данном же случае налицо был факт переправки казачьей военной добычи в пределы государства, и это был уже не первый подобный случай.⁸ Татар, конечно, заверили, что эти люди – вовсе не донские казаки, однако отрицать факт поездок на Дон «торговых людей» из русских городов было невозможно. «Размена» послами оказалась под угрозой, а вместе с ней и мир с Крымом. В итоге часть пригнанных лошадей отдали татарам, виновных обещали жестоко наказать.

Помимо рассказа о событиях под Валуйками в «памяти» содержался также первоначальный государев указ по поводу этого происшествия. Согласно данному указу, дьякам Разрядного приказа было велено доставить упомянутых людей из городов в Москву. Здесь их следовало допросить, «по чему они ездили на Дон – по государевым ли грамотам, или по воеводскому отпуску, по проезжим, или бес

⁸См.: Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII в. С. 203.

проезжих,⁹ и с какими товары ездили, и з донскими казаки на море, и на села турецкого Мурат-салтана и на крымские улусы не ходили ль, и на Волге с казаки, как приходили (напали. – О. К.) на караван, не были ль, и где они лошадей имали».¹⁰

В дальнейшем, однако, указ о проведении сыска был несколько изменен. Для проведения сыска в Елец и Воронеж был послан дворянин И. Тургенев, в Курск и Белгород – Н. Беклемишев. В прочих городах (Рязске, Калуге, Серебряных Прудах, Скопине и Белеве) сыск был поручен городовым воеводам.¹¹ В черновике наказа сыщику И. Тургеневу, а также в черновике грамот о сыске воеводам в города видим уже новый указ. Согласно ему, у привлеченных к допросу следовало узнать, «в котором году хто из них на Дон ездил и с чем, и с какими товары ездили, и по государевым ли грамотам хто ездил, или по воеводцкому отпуску, и которых воевод по отпуску хто ездил, или хто собою ездил, и почему ездил, и какие товары, или запасы, или вино возили, и сколко хто запасов и вина и товаров возил, и свое ль хто возил, или хто с кем посылал на Дон торговать. И воеводы на Дон своих каких товаров, или запасов, или вина с ними на Дон не отпускали ль, и будет отпускали, и которой хто воевода имянем, и ис которово города, и хто какова товару, или запасу, или вина отпускал, и с кем имянем. И с проезжими ль они грамоты ездили, или без проезжих грамот, и для чего так воровали – без государева указу на Дон самоволством ездили, и хто что каких товаров, или вина, или запасов порознь возили, и кому те товары и запасы и вино на Дону продавали, и на што хто продал: на денги ль, или на золотые, или на товары какие променяли. И много ль хто на Дону был, и з донскими казаки на море хто ходил ли, и под Азов[ом] базы¹² хто с казаками грабил ли, и на крымские улусы хто с казаки ходил ли, и на Волге з донскими казаки хто был ли, и много ль хто с казаки на море, и под Азовом, и под крымскими улусы, и на Волге какие добычи добыли ль, и много ль лошадей взяли у крымских или у нагайских людей, и в которых

⁹ Так в документе. Речь идет, по-видимому, о «проезжих памятях», выдававшихся в Воронеже и Белгороде при поездке на Дон.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 89–96.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² «Базы» (в ряде других документов дела – «бозы») – искаженное написание слова «бусы» (мореходные суда). В одной из отписок И. Тургенева при пересказе данного сыщику наказа вместо слова «базы» употреблено выражение «корабли и каторги» («каторги» – турецкие галеры).

местех, и какими обычаями татарские улусы громили, и много ль они на Дону лошадей купили или выменяли, и где они тое погромную рухлядь и лошади дели – у них ли ныне, или кому отдали». Подобную «рухлядь» требовалось переписывать. Помимо этого, указ требовал допрашивать, «хто с ними иных каких людей на Дон ходил» – таковых следовало расспрашивать подобным же образом.¹³

Таким образом, новый указ значительно расширял розыскные мероприятия. Причин подобного изменения первоначального плана в деле не указывается. Любопытно, однако, следующее. Согласно второму указу, поездки к казакам объявлялись «воровством», поскольку они предпринимались без государева на то разрешения («...для чего так воровали – без государева указа на Дон самоволством ездили»). В Москве, правда, и до инцидента осенью 1627 г. под Валуйками было прекрасно известно о поездках «торговых людей» из южнорусских городов на Дон. Так, например, в 1625 г. в царской грамоте к донским казакам было прямо сказано, что после Смутного времени последние находятся в крайне выгодном экономическом положении, чего прежде не бывало. В частности, говорилось в грамоте, помимо почти ежегодной присылки государева жалования, к казакам на Дон «из городов <...> торговые люди ездят <...> со всякими торги и з запасы». ¹⁴ В Москве до 1628 г. на подобные поездки смотрели, по-видимому, сквозь пальцы. От казаков требовали лишь прекратить походы против Крыма и Турции, ставившие под угрозу столь необходимый после Смуты мир с этими землями. Казачество Дона, однако, не вникало данным требованиям. Поэтому, предпринимая сыск в городах и во всеуслышание объявляя «воровством» поездки к казакам, Москва тем самым запрещала торговлю с ними. Насколько можно судить, этим шагом пытались решить две задачи – с помощью экономического давления заставить казаков прекратить свои походы, а также избежать повторения инцидента осени 1627 г. под Валуйками.

Итак, в ряде южнорусских городов планировался, судя по наказу И. Тургеневу, повальный сыск людей, ездивших в разные годы на Дон. При этом Москву интересовали буквально все подробности

¹³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 107–109, 109 об.–110 об. Цитируется по черновику наказа И. Тургеневу.

¹⁴ Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1. Стб. 249. Ко всему прочему, с 1615 г. донские казаки пользовались правом беспошлинной торговли в южнорусских городах (см., например: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 266).

поездок к казакам. У допрашиваемых требовалось узнавать: 1) время поездки; 2) по чьему разрешению была предпринята поездка – по грамоте из какого-либо приказа, с разрешения местного воеводы или вовсе без разрешения; 3) причину поездки и характер товаров; при этом в Москве особенно интересовались, не посылали ли на Дон своих товаров воеводы из городов; 4) как распорядились на Дону привезенными товарами и долго ли оставались там; 5) участвовали ли в казачьих походах на море, на крымские улусы, в нападениях на турецкие суда под Азовом, а также в грабежах русских торговых караванов на Волге; 6) какую добычу добыли; 7) куда дели награбленное имущество и лошадей.

Сыск Н. Беклемишева и И. Тургенева начался ранней весной 1628 г. Как выяснилось из допросов, ежегодно по весне в Воронеже и Белгороде формировались караваны судов («будар»), которые затем отправлялись вниз по Дону и Северскому Донцу в область казачьих городков. Воронеж и Белгород являлись в то время последними крупными поселениями на упомянутых реках, и сюда заранее съезжались люди из других южнорусских городов. Выяснилось также, что многие ездили по «отпуску» (т. е. разрешению) воевод и других местных властей (в частности, стрелецких голов). Обычно людей отпускали до Воронежа и Белгорода, а уже в этих городах они получали разрешение непосредственно для поездки на Дон. При этом давались специальные документы для предъявления на степных сторожах и заставах – «подписные челобитные» (в Воронеже) и «проезжие памяти» (в Белгороде).¹⁵ Жители Курска показали, что перед поездкой к казакам они платили в Белгороде таможенные пошлины («явки»).¹⁶ Впрочем, немало людей ездило на Дон и без разрешения («самовольством»), особенно те, которые отправлялись на Дон не со своим товаром, а в гребцах.

Как показывали жители г. Ельца, подобные поездки стали возможны лишь после «московского разоренья», а в предыдущее время на них существовала «крепкая заповедь».¹⁷ В расспросных речах неоднократно встречаются упоминания, что после Смутного времени

¹⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 66, 186, 238, 335, 343, 396. По грамотам из Посольского приказа на Дон ездило лишь два человека с Тулы.

¹⁶ Там же. Л. 158, 161, 166, 344.

¹⁷ Там же. Л. 66. Речь идет о запрете на поездки к казакам при Борисе Годунове.

запрета на поездки к казакам не существовало. Так, привлеченные к сыску жители г. Зарайска оправдывали свою поездку тем, что «тогда (до 1628 г. – *О. К.*) хаживали с украинских городов¹⁸ многие люди на Дон, а заповеди государевы о том не слухали (т. е. не слышали, не слышали. – *О. К.*)».¹⁹ Жители Белгорода также показывали, что «в торговле с козаки государевых заказных грамот с Москвы в Белгород не бывала».²⁰ Впрочем, и разрешения на поездки к казакам тоже не было; это и давало формальное право центру на проведение сыска.

Как узнаем из расспросных речей, большинство едущих на Дон везло с собой «продажный запас» (как правило, пшеничную или ржаную муку, различные крупы, сухари), кроме того – вино и мед, а также ряд других товаров;²¹ некоторые просто нанимались в гребцы за плату. Немало людей ездило к казакам одновременно и для заработков – чаще всего упоминаются портные и сапожные мастера, встречаются также мастера серебряных дел, кузнецы. Попы и дьяконы зарабатывали службами по часовням; можно было печь для продажи калачи или, наконец, косить у казаков сено из найма. На вырученные деньги покупали лошадей (чаще всего для последующей перепродажи), на которых и выезжали через степь станицами (т. е. отрядами), нередко насчитывавшими 50–100 человек, обратно в города. Возвращались также и судами.²²

Само собой, подобные поездки на Дон были делом далеко не безопасным. Караваны судов, отправлявшиеся на Дон, были организованы по-военному – во главе с выборными атаманами и есаулами.²³ Из других источников известны случаи разгрома таких караванов татарами и запорожскими казаками. В рассматриваемых документах также нередко встречаются известия о гибели или захвате татарами людей на обратном пути, потере лошадей в стычках с ними. Вдоль путей по Дону и Северскому Донцу часто рыскали с целью грабежа

¹⁸ «Украинные» (окраинные) города – то же, что южнорусские.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 220.

²⁰ Там же. Л. 280–281.

²¹ Подробнее об этом см.: Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII в. С. 207, 209.

²² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 65–66, 146–151, 235–236, 154–155, 140, 149, 317, 202, 153 и др.

²³ Подобное известие имеется по Белгороду: Там же. Л. 336, 348.

«торговых людей» отряды запорожцев, при случае не щадившие и донских казаков.²⁴

Среди ездивших на Дон в документах дела чаще всего упоминаются стрельцы и городовые казаки, гулящие люди. Часто встречаются дети боярские, станичные атаманы из городов, пушкари, попы, посадские люди, крестьяне и бобыли различных категорий (частновладельческие, монастырские, государевы), а также родственники людей перечисленных выше социальных слоев (дети, братья, племянники). Это почти все категории населения южнорусской окраины того времени. В материалах дела встречается несколько случаев, когда крестьян и холопов посылали на Дон со своим «продажным запасом» их владельцы.²⁵

Таким образом, торговые поездки к казакам являлись одной из характерных сторон быта южных пограничных областей 10–20-х гг. XVII в. Неудивительно поэтому, что проведение сыска вскоре же столкнулось с серьезным сопротивлением местного населения. Так, если первые допросы Н. Беклемишева в Курске сразу же дали некоторое количество новых имен (по-видимому, сыск застал жителей врасплох), то в дальнейшем число вновь называемых имен значительно сократилось. Ряд жителей Курска, чьи имена всплыли во время розыска, сыщику найти не удалось: как сообщал Беклемишев в Москву, из этих людей «иные де з Дону не бывали и по ся мест (по апрель 1628 г. – О. К.), а иные избегаючи живут укрываяся», и население отказывается говорить, у кого они прячутся.²⁶ Всего в расспросных речах за время первого пребывания Беклемишева в Курске фигурирует 35 жителей города, из которых был найден и допрошен лишь 21 человек. Как видим, сыск Н. Беклемишева отличался значительным размахом, однако привлечь к допросам многих виновных в поездках на Дон жителей Курска оказалось проблематичным. Несомненно, что, с одной стороны, эти люди смогли бы назвать новые имена. С другой стороны, в расспросных речах заметно стремление жителей ограничиваться на допросах именами тех, кто уже был назван ранее: в дальнейшем развитии розыска население Курска было явно не заинтересовано.

Еще более сложным делом оказалось проведение сыска в Белгороде. Из трех человек, бывших осенью 1627 г. под Валуйками, найти

²⁴ Там же. Л. 48, 127, 154, 163, 240, 259, 315, 400, 479 и др.

²⁵ Там же. Л. 158, 160, 337.

²⁶ Там же. Л. 143.

не удалось ни одного: сыщику сообщили, что таких людей в Белгороде нет. Правда, на десятерых белгородцев показали жители Курска, однако из этих людей одни наотрез отказывались признать свое участие в поездках на Дон, другие заявляли, что ездили к казакам не в указанное время, а гораздо ранее.²⁷ Как удалось выяснить сыщику, это происходило вследствие того, что белгородский воевода князь М. Козловский запрещал говорить на допросах правду о поездках на Дон. По показаниям гулящего человека из Белгорода К. Жулдикова, воевода при этом так заявлял белгородцам: «Микита де Беклемишев, быв в Белегороде, да поедет опять к Москве, а я де здесь останусь; и проведу про ково, хто на себя говорил, и про отпуск мой сказывал, и я тово де велю до смерти кнутьем забить». (Воевода был заинтересован в сокрытии подобных фактов, поскольку сам же и отпускал этих людей на Дон и, по-видимому, не без прибыли для себя.) По словам К. Жулдикова, эти угрозы действовали на белгородцев тем более, что воевода Белгорода был в курсе всех сыскных мероприятий («при нем сыскивают»).

Приняв к сведению полученную информацию, Н. Беклемишев стал действовать, по-видимому, более осмотрительно, прекратив посвящать воеводу в ход розыска, и допросы стали давать результаты. Более того, от одного из допрошенных, церковного дьячка П. Степанова, сыщик получил список («роспись») из 58 имен белгородцев, ездивших на Дон. Характерно, что П. Степанов просил Беклемишева не сообщать о своем поступке воеводе и белгородцам: «всем де у них меж собою позаказано – никому ни про ково не сказывать. И толко де про то уведоет воевода и белгородцы, и мне де от них живу не быть».²⁹ Из указанных в списке Беклемишев, однако, успел найти и допросить лишь четырех человек (до подачи этого списка в Белгороде уже было допрошено 22 человека). Увидев, что сыск начал приобретать угрожающие размеры, воевода Белгорода князь М. Козловский запретил белгородским пушкарям, которые по грамоте из Москвы были даны Беклемишеву для обеспечения сыска («для рассылки»), подчиняться ему.³⁰

Дальнейшие события сыщик подробно передает в своей отписке в Москву от середины июня. На требование Беклемишева обеспечить

²⁷ Там же. Л. 314–320.

²⁸ Там же. Л. 239.

²⁹ Там же. Л. 255.

³⁰ Там же. Л. 263.

проведение сыска воевода Белгорода не без насмешки ответил, что пушкарей в городе немного, все они заняты по службе («в расходе»), а детей боярских, стрельцов и казаков предоставлять в распоряжение сыщика не указано. Глядя на действия воеводы, осмелели и белгородцы. Приходя толпой ко двору, где стоял Беклемишев, они «лаяли» сыщика «всякою неподобною лаею» и угрожали ему убийством, заявляя, что при подобном исходе виновных «укроют городом». «Нами ж белгородцы велят про то сыскивати, и то в де нашей воле – что хотим, то скажем. А городу поверят», – кричали жители и прибавляли: «бывали де у нас и наперед сего денные убойства, да и по ся мест не сыщут – городом их укрываем». Когда Н. Беклемишев сообщил воеводе об этих угрозах и потребовал «про то сыскати», Козловский ответил: «Не всех де тех врак слушать, что пьяные бредят!». В результате Беклемишев вынужден был уехать обратно в Курск.³¹

Всего в деле упоминается около 120 белгородцев, ездивших в разные годы на Дон. Из этого числа было найдено и допрошено 26 человек,³² причем четверо из них так и не признали своего участия в поездках к казакам. Таким образом, сыск Н. Беклемишева в Белгороде благодаря сопротивлению населения и властей, не был даже доведен до конца. В Курске Беклемишев продолжил проведение сыска, найдя и допросив еще 14 человек. Всего в деле упоминается 56 имен жителей Курска, при этом найдено и допрошено было 35.³³

Не менее любопытен и сыск И. Тургенева в Ельце и Воронеже. Следует отметить, что, в отличие от материалов сыска в Курске и Белгороде, индивидуальных расспросных речей по Ельцу и Воронежу, за несколькими исключениями, в деле не имеется. Тургенев представил в Разряд лишь обобщенные расспросные речи жителей Ельца и Воронежа, а также списки допрошенных по этим городам. Поэтому общее число людей, названных во время допросов в Ельце и Воронеже, но затем не найденных, остается неизвестным.

Среди участников инцидента под Валуйками жителей Ельца было больше других – 21 человек; из них сыщиком было найдено 15. Как удалось выяснить Тургеневу, в действительности под Валуйки пришло не 47 человек, а около 90 – часть из этих людей сумела

³¹ Там же. Л. 265.

³² Включая одного жителя Калуги.

³³ Из них один человек из Калуги.

затем как-то «ухорониться» при переписи. Таких в Ельце было сыскано семеро. Все упомянутые люди отправились на Дон весной 1627 г. Помимо этого, к сыску было привлечено еще 16 человек из числа тех, что ездили на Дон в том же году, но при возвращении не были замешаны в скандале под Валуйками. (Получается, что по Ельцу были сысканы в основном те люди, что отправились к казакам за год до сыска.) Кроме того, Тургенев сумел выявить имена еще 17 ельчан, пробывших на Дону более значительное время (подробнее о них будет сказано далее). Этими результатами сыщик и ограничился. В итоге по Ельцу в деле фигурирует 64 человека,³⁴ из которых было найдено 46.³⁵

После благополучно проведенного сыска в Ельце И. Тургенев отправился в Воронеж. Здесь сразу же начались затруднения, сходные с теми, что встретились в Белгороде Н. Беклемишеву. Так, вскоре после начала сыска воронежские воеводы князь С. Великого-Гагин и С. Стрешнев³⁶ запретили пушкарям и рассыльщикам, поступившим в распоряжение Тургенева по грамоте из Москвы, подчиняться ему. Те же люди, что уже были приведены для допроса, по указанию воевод начали «чинитца силны» (судя по всему, отказывались отвечать на вопросы сыщика).³⁷ Тургенев хотел посадить их в тюрьму, но воеводы запретили выполнять это его приказание.³⁸

О сложившейся ситуации сыщик немедленно сообщил в Москву, откуда в Воронеж вскоре пришла грамота с указом воронежским воеводам не мешать сыскным мероприятиям.³⁹ Тем не менее сыск и далее продвигался с большим трудом. В частности, из 7 человек, приехавших в свое время под Валуйки, найти удалось только двоих. Остальных, как позднее сообщал Тургенев в Москву, воронежцы «укрывают у себя, не сказывают». При этом сыщик жаловался на «непослушанья великое» среди жителей, а также на то, что они

³⁴ В это число входит также несколько жителей Ельца, имена которых были названы во время сыска в других городах.

³⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 22, 27, 185, 188–192.

³⁶ В рассматриваемое время в Воронеже одновременно были два воеводы.

³⁷ «А которые, государь, люди <...> и были в приводе, и те по их веленью (воевод. – О. К.) чинятца силны и твоево государева указу не слушают – писал И. Тургенев в Москву.

³⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 229.

³⁹ Там же. Л. 230–231.

приходят к нему «скопом и заговором» (речь идет, по-видимому, об угрозах, сходных с теми, что раздавались по адресу Беклемишева в Белгороде). Многие из жителей, причастных к поездкам в казачьи городки, по сообщению Тургенева, «с Воронежа поутекли» – одни бежали «по воеводцкому отпуску на низ», другие – «в вотчины». Под «низом» здесь следует понимать область казачьих городков, под «вотчинами» – промысловые угодья в степях (иначе – «откупные ухажья» или «юрты»), приписанные к Воронежу и тянувшиеся вниз по Дону вплоть до казачьих территорий. Пятидесятники же стрельцов и полковых казаков вообще не допустили Тургенева до сыска среди своих, подав ему письменные заверения («сказки»), что стрельцы и казаки их пятидесятен, а также дети, братья, племянники и бобыли последних «на Дон не хаживали, и у торговых людей ни у кого не наимывались». ⁴⁰ Однако, несмотря на все препятствия, сыск все-таки дал значительные результаты. Всего по Воронежу было найдено 59 человек. Кроме того, были привлечены к сыску гребцы возвратившегося с Дона московского «торгового человека» гостинной сотни А. Михайлова (он же Москвитин). ⁴¹ Не вызывает сомнения, что число ездивших из Воронежа на Дон, учитывая обстоятельства сыска, было значительно большим.

В прочих городах сыск проводился воеводами, причем скольконибудь значительным размахом он не отличался. Так, по Рязску упоминается 8 человек, из которых было допрошено 3, по Белеву (соответственно) – 5 и 2, по Скопину был допрошен один человек. Два человека из Серебряных Прудов, сыскать которых было поручено воеводе Зарайска, найдены не были, зато в самом Зарайске было сыскано и допрошено 5 человек, ездивших на Дон незадолго до этого. В Калуге был найден один человек (из двух); во время сыска Н. Беклемишева в Курске и Белгороде жителями этих городов было упомянуто 3 человека из Калуги, причем один из них, калужский пушкар Митрофан Кузовков, ездил с товарами на Дон неоднократно. Сыск этих людей в Калуге не проводился. Особая ситуация сложилась в Туле. Здесь по сообщению стрелецкого головы П. Махова о возвращении с Дона стрелецкого сына Е. Харина воеводой также был проведен сыск, в результате которого всплыло 17 имен людей, в разные годы ездивших к казакам; из них было допрошено 15.

⁴⁰ Там же. Л. 229, 36–37.

⁴¹ Там же. Л. 31–39.

Всего по Рязску, Калуге, Белеву, Скопину, Зарайску, Туле было найдено и допрошено 27 человек из 43, чьи имена упоминаются в деле. Помимо этого в рассматриваемых документах неоднократно встречаются случайные упоминания о поездках на Дон людей из Лебедяни, Рылска, Ливен, Михайлова, Валук (из Валук по реке Оскол, впадающей в Северский Донец ниже Белгорода, также ежегодно отправлялись караваны на Дон). Сыск в этих городах вообще не проводился.

В целом в документах дела упоминается более 370 человек, из которых было найдено 189. В Москве, судя по всему, и не ставили целью выявить всех участвовавших в поездках на Дон. Важно было показать Крыму, что сыск проведен, виновные наказаны – ведь татары узнали бы об этом от первого же пленника, а также навести страх в городах с целью приостановить подвоз товаров и хлеба к казакам, не желавшим выполнять указы из Москвы.

По-видимому, на местах хорошо понимали ограниченные задачи сыска. В этом отношении характерны слова белгородского попа Гурия, сказанные им после допроса его брата, Алексея Харитонова, также привлеченного к сыску за поездку на Дон: «Коли де придет к большому сыску, тогда мы учнем про вся сказывать, и никово не утаим...».⁴² Данный же сыск считался, таким образом, недостаточно серьезным. Показательны и слова белгородского воеводы М. Козловского, сказанные им Н. Беклемишеву: «Да за посмех (т. е. напрасно, зря. – *О. К.*) де ты в то дело и вступаешься, толко тебе указано в Белегороде сыскать трех человек <...>, которые приехали в нынешнем в 136-м году на Волуйку на посолскую размену <...> а до иных де тебе белогоротцов, которые на Дон ходили, дела нет».⁴³ Из подобных же соображений, по-видимому, в Воронеже от И. Тургенева требовали прислать в съезжую избу его наказ с намерением читать затем этот наказ вслух на площади.⁴⁴ Характерно также, что после преждевременного отъезда Н. Беклемишева из Белгорода в связи с угрозами убийства сыск в этом городе так и не был возобновлен.⁴⁵

Немаловажно отметить, что сыск проходил в условиях очередных татарских нападений. Так, Н. Беклемишев сообщал в Москву из

⁴² Там же. Л. 242.

⁴³ Там же. Л. 265.

⁴⁴ Там же. Л. 229.

⁴⁵ Беклемишев так и не получил указа из Москвы о его возобновлении.

Белгорода, что он не может доставить в этот город для очной ставки жителей Курска, так как «часто в Белегороде живут вести про крымских людей».⁴⁶ Таким образом, если принять во внимание ход и характер сыска, то становится очевидным, что он охватил лишь часть (и, по-видимому, небольшую) людей, ездивших из городов на Дон. Однако и полученные в ходе сыска материалы, при всей своей неполноте, а часто и откровенном сокрытии фактов, дают любопытную, подчас уникальную информацию о связях с донскими казаками южнорусского населения.

Всего в деле имеется 92 расспросные речи, из них по Курску – 35, Белгороду – 26, Воронежу – 3, Рязску – 3, Белеву – 2, Калуге и Скопину – по одной, Зарайску – 5 и Туле – 15. Как уже упоминалось, по Ельцу и Воронежу, за несколькими исключениями, индивидуальных расспросных речей нет, есть только списки допрошенных и краткие обобщенные показания ельчан и воронежцев об их поездках на Дон.

По данным расспросных речей, основная масса подвергшихся допросу (до двух третей) ездил на Дон в последние два года перед сыском (1625/26 и 1626/27 гг.), остальные – в более раннее время. Количество судов, отправлявшихся весной из Белгорода, по различным показаниям колеблется от 80 до 200, при этом в одном судне («бударе») обычно плыло по два-четыре человека. Таким образом, с подобным караваном нередко отправлялась на Дон не одна сотня людей. Караваны могли отправляться из Белгорода не один раз за весну; имеются известия о поездках на Дон осенью. Например, осенью 1625 г. из Белгорода отправилось к казакам 5 будар.⁴⁷

На Дон обычно везли от одной до трех четвертей муки и различных круп, за которые выручали посредством мены или купли-продажи от одной до трех лошадей (в городах эти лошади, как правило, с выгодой перепродавались).⁴⁸ Известий относительно вывоза с Дона товаров на судах в рассматриваемых документах немного. В нескольких случаях встречаются сведения о вывозе ломаной меди.⁴⁹ Любопытен набор товаров, вывезенных с Дона московским купцом

⁴⁶РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 144.

⁴⁷Там же. Л. 156, 336, 346 и др.

⁴⁸В расспросных речах нередко упоминаются цены на эти товары, однако данный вопрос мы затрагивать здесь не будем.

⁴⁹РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 169, 208, 211 и др.

А. Михайловым. Это предметы восточной одежды, восточные ткани, ковры, украшения из золота, ломаное серебро, бобровые и лисьи меха,⁵⁰ а также 7 человек «ясыря» (пленных мусульман) – два «турчонка, да тотарчонок, да две девки турки, да девка нагайка («нагайка» – ногайская татарка. – О. К.), да жонка турка», всего товаров и ясыря более чем на 500 рублей.⁵¹

Что касается вопроса о посылке на Дон воеводами из городов своих «хлебных запасов» или товаров, то всплыл только один подобный случай. Житель Курска В. Татаринов показал, что в прошлые годы курский воевода Степан Ушаков отправил на Дон со своим «запасом» бобыльского сына И. Барышникова. Последний, впрочем, обратно не вернулся, так как умер на Дону.⁵² Можно предполагать, что воеводы широко использовали этот легкий способ обогащения, однако жители, несомненно, предпочитали молчать о подобных фактах, так как ссориться с воеводами не было никакого смысла.

По данным расспросных речей, большинство ездивших на Дон задерживалось там на время от нескольких дней и недель до двух-трех месяцев, но немало людей оставалось зимовать у казаков, задерживаясь в их городках по году-полтора и более. В материалах дела отмечается широкое участие в казачьих походах «торговых людей» из городов, особенно тех, что оставались зимовать на Дону.⁵³ Однако свое участие в подобных походах признал только один человек, на других не показал никто – такая информация, судя по всему, скрывалась особенно тщательно. Часть людей оправдывалась тем, что они ездили на Дон искать своих родственников (матерей, сестер, братьев, дядьев, племянников), ранее захваченных татарами «в полон» (в плен) во время набегов и, по сообщениям приехавших с Дона, сумевших затем «выйти» (бежать) из «бусурманского» плена в казачьи городки. Всего подобных оправданий встречается 11.

⁵⁰ Меха были, судя по всему, результатом мирных казачьих промыслов.

⁵¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 304, 390–392, 403, 397. Согласно показаниям А. Михайлова в Москве, он ездил на Дон для выкупа из азовского плена своего брата, однако того к этому времени уже отправили из Азова «за море». На средства, предназначенные для выкупа брата, А. Михайлов и приобрел упомянутые товары (см.: Там же. Л. 396–397). «Ясырь» (тюрк.) – пленник или пленники.

⁵² Там же. Л. 151.

⁵³ Там же. Л. 179, 180.

Правда, из этого числа только один, ряжский полковой казак З. Булгаков, действительно нашел на Дону своего брата, много лет назад попавшего в плен и затем бежавшего к казакам из турецкого Азова. Другой, житель Тулы Я. Мозжелин, ездил за своей теткой, но она, по его словам, умерла на Дону незадолго до его приезда.⁵⁴

Информацию расспросных речей в целом принимать за чистую монету, конечно, нельзя, так как немало людей старалось скрыть свои действительные связи с Доном, представить поездки к казакам в возможно более невинном свете. А скрывать южнорусскому населению, как увидим далее, было что. Несомненно в расспросных речах одно – теснейшие связи жителей южнорусских городов с Доном. Вот несколько характерных примеров. Белгородец Иван Золотарь показал, что ездил на Дон по «грамотке» от своего сына Ивана, которого выкупили из плена донские казаки, с целью вернуть им сумму выкупа за сына.⁵⁵ «Приказной человек» боярина кн. И. Б. Черкасского из Серебряных Прудов А. Раков передал с едущими на Дон пятью жителями г. Зарайска грамотку с требованием немедленного возвращения своему сыну Ивану, находившемуся тогда на Дону.⁵⁶ Аксен, сын белгородского протопопа Парфения, отправился на Дон по грамотке, полученной от своего тестя, попа Тимофея. Последний жил в тот момент на Дону и, узнав, что его зять пострадал («погорел») во время пожара в Белгороде, велел тому «быть к себе для ссуды».⁵⁷ В 1627 г. один из воронежских воевод, Степан Гагин, просил едущего на Дон купца А. Михайлова купить «на низу» в Черкасском городке «полосу сабелную булатную у Друцкава у князя» (кн. Друцкий, иначе Иван Васильев – атаман Черкасского казачьего городка).⁵⁸ Можно привести и другие случаи.⁵⁹

⁵⁴ Там же. Л. 126, 220–221.

⁵⁵ Там же. Л. 319.

⁵⁶ Там же. Л. 207.

⁵⁷ Там же. Л. 242–243. Впоследствии Аксен привел с Дона двух лошадей.

⁵⁸ Там же. Л. 457.

⁵⁹ Так, церковный дьячок с Тулы Егуп Гнидин ездил на Дон забирать имущество своего дяди, Ивана Гнидина, который до этого отправился с товаром на Дон, но через полгода умер там (Там же. Л. 358–359). Крестьянин курского попа Евтифей Ростягаев переслал с Дона в Курск к своему брату коня с возвращавшимся в этот город «выходцем» из татарского плена. Сам Ростягаев пробыл к этому времени на Дону уже больше года (Там же. Л. 347, 149).

Наличие сообщения между Доном и южными областями Русского государства предоставляло широкую возможность для поддержания связи между жителями этих областей и их родственниками и знакомыми, ушедшими на Дон в казаки. Так, донской казак Григорий Пантелеев передал с возвращавшимся в свой город ряжским казаком Г. Микифоровым лошадь тамошнему казацкому сотнику Н. Свиридову. Житель Курска Прокофий Алымов показал, что он ездил на Дон забирать имущество своего двоюродного брата, в прошлом – посадского человека из Орла, который, будучи в казаках, умер на Дону. Крестьянин калужской слободы боярина И. Н. Романова Василий Рубец сообщил, что ездил на Дон к родному брату Демьяну, донскому казаку, и уговаривал его ехать жить к нему в Калугу (тот, впрочем, отказался). Посадский человек из Тулы Филимон Михайлов ездил искать брата Ивана, о котором ему сказали, что он живет на Дону.⁶⁰

Крайне любопытны содержащиеся в деле известия о возвращении людей обратно в города после длительного пребывания «на Поле». Так, брат курского стрельца Григорий Кудашев показал на допросе, что он «сшел на Дон» в гребцах на судне у жителя г. Калуги. На Дону он пробыл три года, жил «в Нижнем острожке» (речь идет о Монастырском городке, он же Монастырский Яр или просто Яр) у донского казака Осипа Чумака. Кудашев признался также, что участвовал в казачьих походах на море, под Азов и на улусы ногайских татар, но добычи никакой не добыл. Последнее заявление не случайно – такая добыча, согласно наказу сыщикам, подлежала переписи и могла быть затем конфискована. С Дона Кудашев вывел трех ногайских лошадей, купленных, по его словам, у татар в Черкасском острожке. Деньги же на них он добыл «возле чумака Оськи на питьи и на зерни», т. е. на торговле вином и игрой в кости. Кудашев также сообщал, что «ходят де на море и под Азов з донскими казаки и многие люди, которые из городов на Дон ходят с продажным запасом, и на Дону которые годуют, а хто имени и прозвищи – тово де не ведоет».⁶¹ В искренности последнего заявления трудно не усомниться. «Нижний острожек», где жил Кудашев, являлся в то время центром донских казаков, местом сбора и исходным пунктом

⁶⁰ Там же. Л. 124, 146, 348, 363.

⁶¹ Там же. Л. 180. Чумак – кабатчик.

основных казачьих походов той поры (в том числе на море), и не знать имен своих земляков, участвовавших в этих походах, Кудашев не мог.

Иван Ливенец, бобыль белгородского протопопа, рассказал о себе следующее. На Дон он сбежал от отца, жил четыре года в Черкасском городке «в товарищах» у казака Никиты Иванова, затем вернулся в Белгород.⁶² Здесь, по-видимому, можно говорить о типичном случае пребывания подростка «в чухах», т. е. учениках у старого казака. Ливенец также заявил, что ни в каких походах он не участвовал (это, впрочем, едва ли возможно).

Теперь рассмотрим «роспись» белгородского дьячка П. Степанова, поданную им Н. Беклемишеву в Белгороде. В основном в ней указаны люди, ездившие на Дон в 1626–1627 гг. и вернувшиеся в ближайшее время (через несколько месяцев), однако о четверых сообщается, что они пробыли на Дону более значительное время. В частности, «попов сын» Артемий Хромой прожил на Дону два года, а гулящий человек из Белгорода Петр Губарь – три, причем последний привел с Дона семь лошадей.

Брат уже упоминавшегося попа Гурия Алексей Харитонов прожил у казаков более двух лет, при этом в «росписи» сказано, что он участвовал в походах на море и под Азов. Наконец, незадолго до сыска с Дона выехал «с продажными лошедми» сын белгородского станичного ездока⁶³ Осип Шахов. О нем сообщается, что он жил на Дону «лет ш шесть» и неоднократно ходил «с донскими казаки под Азов, и на крымские улусы, и на море», причем даже «своим стругом».⁶⁴

Как уже говорилось, из этого списка сыщик Н. Беклемишев успел найти и допросить лишь четырех человек, причем в их число попали Осип Шахов и Иван Ливенец, расспросные речи которого уже приводились выше. Кроме того, два человека из этого списка были допрошены ранее, один из них – брат попа Гурия А. Харитонов. Согласно показаниям О. Шахова, он ездил на Дон около 6 лет назад, пробыл там лишь две недели и ни в каких походах не участвовал. Алексей же Харитонов рассказал следующую историю. Несколько

⁶² Там же. Л. 256.

⁶³ Станичный ездок – служилый человек, несший «станичную службу» (пограничные разъезды в степях).

⁶⁴ Там же. Л. 250–254.

лет назад (конкретно год он не помнил) Харитонов ездил в судне с тремя гулящими людьми Северским Донцом в степь к речке Бахмутове для рыбной ловли. Здесь на них напали запорожские казаки и убили трех его товарищей. Самому Харитонову удалось при этом бежать, и после двухнедельного скитания вдоль Северского Донца его подобрал на свое судно житель г. Валук, вместе с которым он и съехал к казакам. По словам А. Харитопова, на Дону он пробыл лишь семь недель, после чего вернулся в Белгород.⁶⁵

По-видимому, здесь перед нами примеры того, насколько неискренними могли быть расспросные речи, хотя возможность оговора или ошибки со стороны автора «рописи» также нельзя не учитывать. Необходимо отметить, что и П. Степанов знал далеко не все подробности пребывания на Дону людей, о которых сообщал. Так, в «рописи» ничего не сказано о 4-летнем пребывании среди казаков И. Ливенца (он был привлечен к сыску как раз в связи с упоминанием его имени в данном списке); ничего не сообщает Степанов и о 2-летнем пребывании «в Поле» белгородца «Оношки» (Онуфрия?) Сухорука. Сам Сухорук рассказал о себе, что после года пребывания на Дону он отправился обратно в Белгород. На пути в этот город его захватил в плен отряд татар, после чего Сухорук был доставлен в Азов. Проведя в плену зиму, он затем сумел бежать из Азова к казакам; после этого вернулся в Белгород.⁶⁶ Насколько можно судить, подобное «приключение» для тех мест не представляло собой ничего необычайного.

Наконец, в «рописи» П. Степанова приведены имена трех «донских казаков» (Харитона Болдыря, Михаила Усача, Калины Глухого), приехавших в Белгород за полгода до сыска (т. е. осенью 1627 г.), проживших на Дону лет по 10 и «многожды» участвовавших в походах под Азов и на татарские улусы. Из документа не совсем ясно, были ли эти люди родом из Белгорода, или же приехали сюда с торговыми целями (более вероятно второе). Случаи приезда донских казаков в южнорусские города встречаются в рассматриваемом деле. Так, из числа допрошенных шестеро показали, что они ездили на Дон, нанявшись в гребцы на суда к донским казакам.⁶⁷

Приведенный материал показывает, что в рассматриваемое время существовала возможность, будучи в рядах донских казаков, не

⁶⁵ Там же. Л. 15–16, 18, 240, 255.

⁶⁶ Там же. Л. 243.

⁶⁷ Там же. Л. 44, 153, 181, 202, 259, 345.

терять связи со своими родственниками; во многих случаях оставалась возможность после длительного пребывания на Дону вернуться обратно на родину и жить там по-прежнему.

Насколько зыбка и неопределенна могла быть в рассматриваемый период грань между жителем южнорусской окраины и донским казаком, видно из следующего примера. Во время сыска Н. Беклемишева в Белгороде к нему поступило известие, что в Белгородском уезде у сына боярского Акинши Старченкова живет гулящий человек Яков Иванов, который, прожив на Дону лет с 5, приехал в Белгород осенью 1627 г. и, закупив вина и хлебных запасов, хочет опять ехать на Дон. Доставленный к Беклемишеву сын боярский показал, что Я. Иванов остановился у него на время, сам же куда-то ненадолго уехал. А. Старченков также уточнил, что, судя по рассказам постояльца, тот прожил на Дону два года. Старченков же сообщил, что Иванов и ранее приезжал с донскими казаками в Белгород для торговли лошадьми. Характерно, что в письменном обязательстве сына боярского доставить Я. Иванова, когда он вернется, к сыщику, Иванов назван уже донским казаком.

Чуть позже доставленный к Беклемишеву Я. Иванов показал на допросе, что он сын посадского человека из Козельска, после «литовского разорения» вместе с братом перебрался в Калугу. Последний на тот момент жил в крестьянах за боярином И. Н. Романовым в калужской слободе. Сам Иванов жил у брата, а в 1626 г. отправился на Дон разыскивать, по его словам, своего племянника, ранее захваченного крымскими татарами «в полон», так как один из вернувшихся в Калугу жителей этого города сообщил Иванову, что «на Дон к донским козаком из Озова много есырю вышла. И он де Якушко чаел, что и племянник ево ис полону вышел...». Далее Иванов показал, что с целью розыска племянника прожил на Дону год, но так его и не нашел. С Дона Иванов приехал в Белгород осенью 1627 г., затем ездил в Калугу к брату и, закупив там вина, а в Белгороде ржаной муки, собирался с этим ехать на р. Тор «для соли», а вовсе не на Дон (в донецкой степи на р. Тор, притоке Северского Донца, велась добыча соли).

На очной ставке Я. Иванова с сыном боярским А. Старченковым последний показал, что Иванов в действительности хотел ехать на Дон, а не на Тор, о чем ранее сам и говорил Старченкову. Кроме того, сын боярский подтвердил, что Иванов и ранее приезжал в Белгород

с Дона с «продажными лошадьми». Иванов, однако, стоял на своих прежних показаниях. Понять его нетрудно: признай он себя донским казаком, а следовательно, участником «воровских» казачьих походов против Крыма и Турции, наносивших значительный ущерб московской внешней политике, Иванов в результате мог бы понести более тяжелое наказание. В конце концов он был оставлен в Белгороде до указа из Москвы о наказании виновных в поездках на Дон (с жителей Белгорода по этому поводу была взята «поручная записка» о том, что Я. Иванову «до указа» из города не сбежать) и вскоре был захвачен во время татарского набега, когда косил под Белгородом сено из найма.⁶⁸

Таким образом, казакование «на Поле» далеко не всегда приводило человека к полному разрыву с его прошлым. Вот еще несколько примеров. Во время сыска в Ельце И. Тургенев выявил имена 9 ельчан, одни из которых, «воруя» «на низу» (в другом месте сказано: «на Поле») уже по пять-шесть лет, другие – по два-три года, время от времени приезжали к своим семьям и некоторое время жили с ними. Среди этих людей семеро – родственники елецких служилых людей (дети и братья детей боярских, пушкаря, елецкого казака), остальные двое – жители посада.⁶⁹ Без сомнения, эти люди, приезжая с Дона к своим семьям, привозили с собой приобретенную во время походов военную добычу. Случаи, когда степные добычи казаков шли на содержание их семей, живших «на Руси», известны и из других источников. Так, бежавший в 1635 г. в казаки из-за недоразумений с начальством станичный ездок с Валук Сергей Круглин вскоре переслал в этот город к своим жене и детям «кафтан дорогий, да девку-ясырку» (судя по всему, для последующей перепродажи) на весьма значительную сумму.⁷⁰

Во время сыска Тургенева в Ельце было также обнаружено 7 человек, живших ранее «на низу» в верховых казачьих городках

⁶⁸ Там же. Л. 266–281, 542.

⁶⁹ Там же. Л. 26, 192. Вот их имена: сын беломестного казака Гур Новиков, брат беломестного казака Григорий Силантьев, брат елецкого воротника Меркул Андреев, жители посада («чернослободцы») Первой Малахов и Меркул Трубицын, сын елецкого сына боярского Саввы Лукина (имя не указано), пушкарский брат Алексей Малахов, брат сына боярского Федора Рыкова (имя не указано) и, наконец, сын брата сына боярского Фетиса Коротеева Абрам Коротеев.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 527. «Дорогийный кафтан» – кафтан из восточной шелковой ткани («дороги»).

(в основном по два-три года) и неоднократно ходивших оттуда для грабежей на Волгу. Из них четверо – дети боярские, двое – родственники елецких служилых людей, один – помещичий крестьянин.⁷¹

До сих пор рассматривались примеры, так сказать, «начинающих» казаков, еще не успевших окончательно оторваться от своей прежней жизни. Со временем, конечно, когда казакование становилось профессией, человек постепенно утрачивал прежний социальный облик. Но даже и такие люди, прожившие на Дону по 10–20 и более лет (так называемые старые казаки, составлявшие костяк донского казачества), также нередко завершали свой жизненный путь «на Руси». В рассматриваемом деле имеется один такой пример.

Во время сыска в Ельце И. Тургенев получил от жителей «извет» на некоего Демьяна с характерным прозвищем «Разоритель». Выведенные из себя его буйным и жестоким нравом ельчане сообщали, что Д. Разоритель, прожив на Дону лет с 20, неоднократно ходил оттуда в атаманах на Волгу для грабежей торговых караванов. Затем он поселился в Елецком уезде, женившись на дочери сына боярского. Д. Разоритель был сразу же схвачен и посажен в тюрьму, но вскоре ему удалось оттуда бежать (в документации, связанной с выяснением обстоятельств его побега, он именуется уже атаманом).⁷²

Известны и другие случаи, когда старые казаки уходили с Дона в города. Например, в 1643 г. после ряда тяжелейших поражений, нанесенных казакам на Дону турками и татарами, в Россию ушла целая группа донских атаманов: бывший войсковой атаман Тимофей Лебязья Шея, станичные атаманы Осип Лосев, Томило Корякин, Нефед Осипов. Все они принадлежали к верхушке донского казачества. Впоследствии по крайней мере трое из них служили на юге.⁷³

⁷¹ Там же. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 192, 195, 27. Их имена: дети боярские Ефрем Карташев, Михаил Логинов, Лука Селеменев, Василий Лыков, сын сына боярского Лазаря Комонина Севастьян Комонин, зять некоего Тита Руднева Дмитрий Мушинка, крестьянин сына боярского Сергея Щербатого Дмитрий Кляжник.

⁷² Там же. Л. 193, 194, 224. По социальному положению Д. Разоритель обычно определялся как зять сына боярского Герасима Воронова. Характерно, что сам Г. Воронов, обладавший, видимо, не лучшим характером, вскоре после этих событий был убит в пьяной ссоре (Там же. Л. 463).

⁷³ Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2. Стб. 701–708 и др.; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 183; № 215; № 393. Л. 145 и др. (списки тульских верстанных кормовых атаманов и казаков).

Все это, конечно, лишь единичные и случайные факты, однако, на наш взгляд, они были типичны для края южнее Оки. Об этом недвусмысленно говорят и источники казачьего происхождения. Так, в моменты затяжных неудач с военными предприятиями, при усилении турецко-татарского натиска на Дон, длительных перебоях в поступлении хлеба «с Руси» (все эти явления были, как правило, взаимосвязаны) численность казачества сокращалась. Вот несколько известий такого рода. В 1640 г. после неудач на море, длившихся уже третий год подряд,⁷⁴ казаки в войсковой отписке сообщали в Москву, что многие из них от голода и нужды разошлись из Азова по речкам «кормиться» (т. е. добывать себе пропитание охотой и рыболовством), иные же отправились «неведомо куды».⁷⁵ О чем идет речь в последней фразе, легко понять из войсковой челобитной казаков в Москву от 1658 г. В этой челобитной сообщалось, что по разного рода причинам из России на Дон уже несколько лет не поступает хлеб,⁷⁶ из-за чего многие «иноземцы» (турки, татары, греки и прочие), присоединившиеся к казакам в прошлые годы, хотят теперь «от великого голода и нуж (нужды. — *О. К.*)» расходиться по своим землям, а также немало и самих казаков собирается уходить в «украинные города». А из отписки от 1660 г. узнаем, что «многие» менее состоятельные казаки «разбрелися»-таки «на Русь <...> по украиным городом».⁷⁷

Немало людей ушло с Дона «к Руси» в конце 1640-х гг. вследствие целой лавины бед, обрушившихся на казаков в это время (ожесточенный натиск «бусурман», моровое поветрие и др.).⁷⁸ Во время осады в 1641 г. турецко-татарской армией города Азова, обороняемого главными силами донских казаков, другая группа

⁷⁴ После взятия в 1637 г. казаками Азова турки перекрыли выход в Черное море у Керченского пролива.

⁷⁵ Донские дела. Кн. 2. Стб. 49.

⁷⁶ В 1638 г., вскоре после взятия Азова казаками, «донская торговля» была разрешена уже официально.

⁷⁷ Донские дела. Пг., 1917. Кн. 5. Стб. 370–372, 736.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 83 (войсковая челобитная о присылке военной помощи). От 1643 г. также сохранилось известие, что многие из донских казаков, возвращавшихся из Запорожья на Дон после не очень удачного похода на море, по пути разошлись «в украинные городы» в связи с резким ухудшением военной ситуации в низовьях Дона. См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 477 (Расспросные речи в Воронеже донского станичного атамана Т. Корякина от октября 1643 г.).

последних (числом в 500 человек) собралась в ближайшем тогда к Азову Черкасском городке. Как сообщали позднее посланные в это время на Дон с грамотой валуйские служилые люди С. Князев и С. Пригаринов, находившиеся в Черкасском городке казаки в случае взятия врагом Азова и гибели в нем основных казачьих сил собирались бросить этот городок и частью бежать в верхние донские городки, частью уходить вверх по Дону на «украинные города».⁷⁹ Таким образом, данные сыска 1628 г. о возможности временного пребывания людей в казаках подтверждаются и другими источниками.

Сыск 1628 г. в южнорусских городах завершает приговор Думы от 19 января 1629 г. о наказании виновных в поездках на Дон. По этому приговору указывалось: тех людей, что приехали в 1627 г. к «посольской размене», бить кнутом, прочих же – бить кнутом или батогами, «смотря по вине». Их же следовало отдавать в городах «на крепкие поруки с записми, что им вперед на Дон без государева указу самоволством не ездить».⁸⁰

Сыск 1628 г. имел своеобразное продолжение в новом сыске, теперь уже в 1631 г. Дело в том, что отношения с донским казачеством после 1628 г. продолжали ухудшаться. В 1630 г. последовал полный разрыв отношений; Дон был подвергнут блокаде.⁸¹ Ни о каких торговых поездках на Дон из городов в такой ситуации, казалось бы, не могло быть и речи. В это время и развернулся сыск 1631 г. Вызван он был следующими обстоятельствами. Весной 1631 г. воевода г. Царицына кн. Л. Волконский по указу из Москвы послал на Дон несколько царицынских стрельцов «проведывать всяких вестей» и узнать «казачья умышленья». Вернувшись с Дона 24 мая, стрельцы показали, что при них на низовье Дона приплыли из Воронежа «воронежские торговые люди» в бударах «со всякими хлебными запасы, и с медом, и с вином, и з зельем (порохом. – О. К.), и с свинцом, и с сукны», при этом 10 человек стрельцы перечислили поименно (в основном это были воронежские посадские люди). Эти же стрельцы сообщили, что на Дону ожидали также прибытия около 20 будар

⁷⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 231. Фраза звучит так: «будет Озов крымские и турские люди возьмут, и им, атаманом и казаком, ис Черкасского городка з Дону ити всем врознь вверх по Дону к Воронежу в верхние городки и по <...> государевым украинным городам».

⁸⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 80–81.

⁸¹ См., в частности: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 267.

из Белгорода, да около 70 человек из Валук «со всякими запасы» (последних, правда, на Северском Донце разгромили запорожские казаки). Царицынские стрельцы упоминали также некоторых других людей, в частности – казака из Воронежа Семена Калачникова, который привез на Дон к казакам «грамоту запечатану неведомо для какого воровства и по чьему умыслению». Одновременно из других источников в Москву поступили известия об отправлении на Дон из Белгорода 13 будар «со всякими ж запасы и с вином», на которых находилось 35 человек. При этом 8 человек перечислялись по именам (среди них четверо детей боярских из Белгорода, поп и стрелец из этого же города, старец из монастыря г. Оскола, пушкарь из Курска).⁸²

По данным фактам и был предпринят новый сыск. В августе 1631 г. в Белгород и Курск был отправлен кн. Федор Бельский, в Воронеж и на Валуйки – Юрий Колединский. Им было указано сыскать упомянутых людей и «роспрашивати накрепко», угрожая пыткой, по чьему отпуску и с какими целями они ездили на Дон, какие товары возили, а также кто еще и с какими товарами ездил с ними на Дон из городов. Помимо этого сыщикам предписывалось опросить в упомянутых городах «архиморитов, и игуменов, и попов, и дьяконов, и детей боярских, и всяких служилых и жилецких людей», ездили ли упомянутые люди на Дон и по чьему отпуску, а также кто еще ездил на Дон. Эти «обыскные речи» требовалось прислать в Москву вместе с отписками сыщиков.⁸³

Сыск Ф. Бельского в Белгороде начался в конце августа. Оказалось, что дети боярские ездили на Дон на вполне законных основаниях: еще в 1629/30 г. «по челобитью белгородцов – всего города» из Москвы в Белгород была прислана «государева указная грамота» с разрешением отпускать людей на Дон с целью выкупа из татарского плена родственников. Как выяснилось в ходе сыска, из детей боярских один, Назар Трунов, ездил на Дон для обмена у татар своего брата на специально полученного для этой цели в Москве пленного

⁸²РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 37. Л. 637–640. Документы о начале сыска 1631 г. отложились в данном столбце; здесь же находятся документы сыска кн. Ф. Бельского по Белгороду и Курску (Л. 672–790). Частично этот материал использовался в статье А. А. Новосельского «Из истории донской торговли в XVII в.».

⁸³РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 37. Л. 650–654 (наказ сыщику Ю. Колединскому).

азовского татарина. У другого, Ивана Силина, донские казаки выкупили из татарского плена отца, и И. Силин ездил на Дон вернуть казакам сумму выкупа за него. Сын боярский Иван Пантелеев ездил выкупать из «бусурманского» плена отца, сын боярский Авдей Шляхов – сына. Кроме них на Дон был отпущен также белгородский вдовый поп Тимофей для выкупа у татар своего двоюродного брата, станичного ездока В. Чебукина. Характерно, что все попавшие в плен были захвачены татарами на государственной службе.

Из ездивших на Дон белгородских детей боярских лишь один, Иван Силин, действительно вернул отца, Шляхову и Пантелееву выкупить своих родственников не удалось. О попе Тимофее и Н. Трунове сведений нет (ко времени сыска они еще не вернулись с Дона). Все эти люди возили с собой на Дон «хлебные запасы» количеством от одной до нескольких четвертей. На Дон они ездили совместно, при этом с каждым из них было по одному гребцу. Эти же дети боярские показали, что во время пути на Дон их догнали на Северском Донце в 5 бударах 4 белгородских крестьянина (из них 3 монастырских, один помещичий), один белгородский гулящий человек, а также двое жителей Курска с гребцами.⁸⁴

Сыск в Белгороде относительно отправившихся на Дон крестьян оказался неудачным. Дворы их стояли пустыми, жен и детей на месте не было. Не много нового дали и «обыкновенные речи». Опрошенные люди различных социальных групп населения Белгорода (монахи, монастырские крестьяне и бобыли; попы; дети боярские; станичные головы, атаманы и ездоки; стрельцы; белгородские атаманы и казаки; крестьяне государственной волости) показывали одно и то же, причем, как правило, сообщали ту информацию, что уже была известна Бельскому. Так, жители Белгорода показали, что, помимо упомянутых детей боярских, ездивших на Дон для выкупа из плена своих родственников, никакие «иные торговые люди з Белагорода на Дон ни с какими товарами не хаживали». Относительно крестьян сыщику сообщили, что те «побежали на Дон».⁸⁵

Подобная же ситуация сложилась и в Курске. Правда, здесь Бельскому удалось выявить 13 имен людей, ездивших на Дон в период с 1629 по 1631 г., однако почти никого из них (за исключением двух человек) допросить не удалось – большинство этих людей

⁸⁴ Там же. Л. 673–690.

⁸⁵ Там же. Л. 691–727.

«хоронилось» от сыска. В «обыску» различные социальные группы жителей Курска показали, что упомянутые люди в разные годы действительно ездили на Дон; на вопрос же, кто кроме этих людей еще ездил к казакам, как правило, отвечали, что «того не ведают», «апроче (кроме. – О. К.) тех людей, которые были прежде сево по государеву указу в сыску и в наказанье у Микиты Беклемишева».⁸⁶

Итак, поездки из южнорусских городов на Дон продолжались и после сыска 1628 г. В ряде случаев эти поездки имели под собой серьезное основание – выкуп родных из татарского плена, в других же случаях это были обычные торговые поездки, не прекратившиеся ни после 1628 г., ни после 1630 г. Представления о размахе этих поездок материалы сыска 1631 г., к сожалению, не дают; с уверенностью можно лишь сказать, что число таких поездок по сравнению с 1620-ми гг. сократилось. Кроме того, из материалов сыска 1631 г. можно сделать вывод, что жители Курска и Белгорода были подготовлены к этому сыску значительно лучше, чем к сыску 1628 г. И по-прежнему широкие слои населения этих городов тщательно скрывали информацию о визитах к казакам.

Из материалов сыска Ю. Колединского в Воронеже и на Валуйках нам удалось обнаружить лишь «обыскные речи» по Воронежу.⁸⁷ Из материалов сыска кн. Ф. Бельского в Курске и Белгороде видно, что «обыскные речи» в значительной степени отражают результаты сыска в этих городах; такая же ситуация характерна, без сомнения, и для Воронежа.

Опрос различных социальных групп жителей Воронежа проводился лишь в отношении тех людей, чьи имена были перечислены царицынскими стрельцами в мае 1631 г. Об этих людях воронежцы сообщали следующее. Один из них, Поликарп Анисимов, был послан на Дон по грамоте из Посольского приказа (с какой целью – документы не говорят); трое – Русин Змеев, Герасим Веневитин, Иван Хрипунов – были отпущены для выкупа из татарского плена своих родственников (в Воронеж, как и в Белгород, была также прислана соответствующая грамота по этому поводу). Три человека – Кондрат Проскурнин, Семен Ушаков и Семен Калачников – были отпущены в «откупную вотчину» (т. е. в степные промысловые угодья), а уже

⁸⁶ Там же. Л. 731–754, 757–790.

⁸⁷ Там же. Столбцы Приказного стола. № 2724. 44 л. Итоговый государев указ по этому делу также обнаружить не удалось.

оттуда они ездили на Дон. «А иные воронежские люди ходят ли (на Дон. – *О. К.*), и хто именем – и мы тово не ведаем», – добавляли воронежцы к своим показаниям.⁸⁸ Подобное неведение, впрочем, крайне маловероятно.

Таким образом, население южнорусских городов в 1620-х–начале 1630-х гг. было очень тесно связано с Доном. Это были как экономические, так и родственные, а также личные связи. Материалы сыска 1631 г. показывают, что полностью прервать контакты людей из южнорусских городов с донскими казаками было невозможно даже в период полного разрыва отношений Русского государства с Доном. Впрочем, разрыв этот длился недолго, и уже в 1632 г. отношения нормализовались,⁸⁹ а в 1638 г. поездки к казакам с торговыми целями были разрешены уже официально.⁹⁰

Итак, приведенный выше материал показывает, что на Дон в казаки далеко не всегда уходили люди, совершившие преступление или бежавшие от своих владельцев. Среди приходивших на Дон было немало лично свободных людей, особенно молодежи, и прежде всего с южных окраин Русского государства. Сам уход на Дон часто не был уходом в неизвестность – шли туда, где уже приходилось бывать и ранее или где уже бывали, а может быть, и жили в данный момент родственники или знакомые. Состав же донского казачества был, по-видимому, текучим и постоянно обновлялся. В этом отношении Дон представляется своего рода плацдармом южнорусского населения в степях, куда бежали попавшие в плен к татарам и откуда предпринимались регулярные походы на «бусурман», являвшиеся в рассматриваемое время зачастую едва ли не единственным ответом на набеги последних на южные области Русского государства. В свою очередь южнорусская окраина была для многих казаков тем тылом, куда всегда можно было уйти

⁸⁸ Там же. Л. 1–14 и далее. Из документов более позднего времени узнаем, что Г. Веневитин погиб в 1644 г. во время разгрома воронежского торгового каравана запорожскими казаками в районе казачьего Решетова городка (верхний Дон). В 1642 г. упоминаются сыновья П. Анисимова и Р. Змеева – Никита Поликарпов сын Анисимов и Григорий Русинов сын Змеев, которые в качестве «торговых людей» стали участниками обороны Азова от турок в 1641 г., оставшись в живых после кровопролитных боев (Донские дела. Кн. 2. Стб. 576, 387).

⁸⁹ См. дело о посылке на Дон в 1632 г. с грамотой кн. И. А. Дашкова (РГАДА. Ф. 210 (Рязрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 191–535).

⁹⁰ Донские дела. Кн. 1. Стб. 728, 740–741.

в случае военной катастрофы или же каких-либо военных или хозяйственных неурядиц на Дону.

О тесных связях южнорусского населения с Доном известно и из других источников. В частности, об этом неоднократно сообщали в Москву воеводы южнорусских городов. Так, осенью 1631 г. шацкий воевода Р. Боборыкин писал в Москву, что в предыдущее время воеводы и приказные люди Шацка отпускали «крестьян и всяких уездных людей» со «всякими товары на Дон и на Яик». При этом, подчеркивая размах поездок жителей Шацка к казакам, Р. Боборыкин сообщал: «не токмо что крестьяне дворцовых сел до моего приезда (в Шацк. – *О. К.*) – и попы воровали, братью и племянников на Дон и на Волгу отпускали, и сами <...> ходили, а иные дворцовых сел крестьяне и попы, которые съехали при прежних воеводах, и ныне живут на Дону и на Яике, а братья их, и племянники, и дети ныне живут в дворцовых селех, и хотели итти к ним на Дон и на Яик...». При этом воевода сообщал, что он по государеву указу «от Дону и от Волги поставил заставы» и «всяких чинов людей никого ни с чем на Дон и на Волгу» не пропускает⁹¹ (данные меры были вызваны обострением отношений Москвы в тот момент как с донским, так и с яицким казачеством).

В 1668 г. воронежский воевода, сообщая в Москву о продаже на Дону воронежскими «торговыми людьми» пороха и свинца «воровским казакам», а также скупке ими у казаков награбленной на Волге «рухляди» (имущества), замечает: «да и не воровать воронежцам нельзе, потому что у многих на Дону сродичи».⁹² Почти то же самое повторяет осенью 1670 г. воронежский воевода Б. Бухвостов. Так, опасаясь «шатости» от «служилых, и от посацких, и от жилецких людей» Воронежа в случае прихода под город «воровских казаков» С. Разина, он писал, что «у воронежцав у всяких чинов людей на Дану в казаках у многих сродичи».⁹³

Подобную же ситуацию видим и в Тамбове. Осенью 1670 г. «товарищ» тамбовского воеводы Е. Пашинова доносил в Москву, что «на <...> танбовцов в нынешнее смутное время надеетца не на ково, потому что у <...> танбовцов на Дону братья, и племянники, и дети,

⁹¹ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. С. 336.

⁹² Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954. Т. I. С. 102–103.

⁹³ Там же. М., 1957. Т. 2, ч. I. С. 70.

а иные <...> у вора у Стеньки Разина».⁹⁴ Можно привести и другие подобные примеры. На данном материале хорошо видно, что родственные связи населения «украинных городов» с донским казачеством не только являлись заметным явлением южнорусской жизни, но и находились в тесной связи с торговыми отношениями Дона и южной окраины Русского государства.

Интересно отметить схожую ситуацию и касательно Яика. В данном случае казачья добыча очень часто уходила в г. Самару, откуда шел прямой путь на Яик. Об эпизодах такого рода нередко упоминается в источниках. Так, в 1649 г. калмыцкий Дайчин-тайша, жалуюсь в Астрахань через своего посла на «шкоту» от яицких казаков, постоянно нападающих на его улусы, отмечал, что захваченный скот, а также лошадей и ясырь казаки затем «отвозят в город на Самару». «Да и самарские де люди с теми казаки вместе воруют», – сообщал далее Дайчин-тайша, – порох, свинец и хлебные запасы к яицким казакам привозят, и на калмыцкие улусы нападают вместе с казаками. <...> И большое де дурно <...> калмыцким людям чинитца от самарских людей», – заключал калмыцкий правитель, требуя от русских властей запрета на прием в Самаре захваченного у калмыков имущества.⁹⁵

Впрочем, по-видимому, ситуация мало изменилась и в дальнейшем. В частности, в 1651 г. два выходца в Астрахань из калмыцкого плена показывали, что яицкие казаки в этом году совершили нападение на улусы калмыцкого Лаузана-тайши, отогнав «многих» лошадей. После набега казаки со своей добычей «пошли было на Самару», но «на Самарской дороге» были настигнуты калмыками. В ходе боя казаки потерпели поражение, лошади были у них отбиты.⁹⁶

Однако на Яик ходили не только воевать и торговать. Так, самарский воевода кн. С. Шеховской сообщал в Москву осенью 1664 г., что самарские посадские люди, прибывшие в Самару с Яика, показали в расспросе следующее. На Яике они слышали от выходцев из калмыцкого плена, что крупный отряд калмыков собирается блокировать дорогу с Яика на Самару, чтобы не пропустить к казакам «охочих всяких людей», которые пойдут на Яик «для рыбного и икряного

⁹⁴ Черменский П. Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961. С. 38.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1649 г., № 1. Л. 143–144.

⁹⁶ Там же. 1651 г., № 1. Л. 205–206.

промыслу» (курсив наш), и чтобы не дать яицким казакам пройти к Самаре.⁹⁷

Следует отметить, что торговля у яицких казаков шла, вероятно, не только с жителями Самары – последняя наверняка была лишь перевалочным пунктом. Сюда перед поездкой на Яик сходились, надо полагать, люди и из других городов – точно так же, как это было в Воронеже, Белгороде и Валуйках перед отправкой на Дон. С другой стороны, Самара находилась на волжском торговом пути, и со сбытом военной добычи яицких казаков проблем, вероятно, не возникало. Итак, как видим, ситуация с «донской торговлей» не была уникальной.

Что касается Дона, то широкие связи с ним населения южнорусских городов были характерны не только для 20–начала 30-х гг. XVII в., но и для более позднего времени. Так, в документах конца 1630-х–середины 1660-х гг. встречаются сообщения о прибытии на Дон торговых караванов из Воронежа, Белгорода и Валук. Правда, материалов такого рода для данного периода времени не очень много: после взятия казаками Азова происходит улучшение отношений между Москвой и Доном, а с 1638 г. легализуется и «донская торговля», поэтому сысков, подобных тем, что были предприняты в 1628–1631 гг., более не проводилось. Легализация же торговых отношений между Доном и южнорусскими городами способствовала, безусловно, сохранению и укреплению тех связей, которые сложились между этими областями в предыдущее время.

Контакты южнорусских жителей и казаков на степном пограничье

Контакты южнорусского населения с донскими казаками отнюдь не ограничивались поездками из «украинных городов» на Дон или приездом казаков в города. Значительное число контактов подобного рода происходило и в прилежавшей к южнорусским городам степной полосе. В историографии донского казачества данный вопрос практически не затрагивался. Также и о таком характерном явлении южнорусской жизни XVII в., как хозяйственные

⁹⁷РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1664 г., № 1. Л. 21–22.

промыслы в «дикой степи» жителей окраинных городов («вотчинников»), в литературе говорится лишь кратко и мимоходом. Поэтому на двух данных вопросах следует остановиться особо. Не претендуя здесь на полное раскрытие указанных проблем, мы стремимся скорее лишь поставить их. Для этого нам придется свести воедино разрозненный и, на первый взгляд, разнородный материал, а также в значительной степени опираться на отрывочные и случайные факты – отчасти известные.

Начнем с известных в литературе фактов. Как уже упоминалось, к югу от пограничных городов располагались так называемые ухोजья, или «юрты» (часто их именовали также «вотчинами») — промысловые угодья в степях, сдававшиеся на откуп южнорусскому населению.⁹⁸ Последнее занималось в них охотой, рыболовством, бортничеством и другими промыслами. Эти территории охватывали обширные пространства «Поля» и нередко почти вплотную подходили к казачьим владениям. Так, воронежские откупные ухोजья тянулись вниз по Дону вплоть до впадения в него р. Богучар (в документах – «Боучар») на расстояние 14 дней пути от Воронежа; при этом от их южной границы до первого городка донских казаков (Мигулинского) оставался лишь один день пути. Впрочем, речь в данном случае идет, судя по всему, о сухом пути – вниз по течению Дона дорога до Богучара занимала до 5 дней (вверх по Дону, разумеется, больше).¹⁰⁰

⁹⁸ В источниках встречаются и сочетания данных терминов. Например: «вотчина Толучеевской ухोजей». См.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1894. Т. 2. С. 141.

⁹⁹ «Вотчинами» эти угодья именовались вследствие того, что формально они входили в состав уездов пограничных городов, принадлежа, таким образом, к «государевым вотчинам», т. е. территории Русского государства. См.: Загоровский В. П. Формирование и заселение Козловского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969. Вып. 3. С. 96.

¹⁰⁰ Акты Московского государства. Т. 1. С. 246 (Отписка в Москву воронежского воеводы И. Пожогого от апреля 1629 г. с сообщением о невозможности пресечения поездок воронежских жителей в казачьи городки из воронежских вотчин); Мининков Н. А., Рябов С. И. О заселении Донской земли в XVI–XVII вв. // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1984. № 3. С. 26. Не исключено, что в отписке И. Пожогого имеется в виду поездка с телегами, поскольку из других документов известно, что конные станицы преодолевали данное расстояние за 5 дней; известно также, что длительность проезда через степь с телегами была втрое больше, чем поездка на конях (Донские дела. Кн. 1. Стб. 760–761; Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 67).

Ухожья жителей г. Шацка (и прежде всего – крестьян шацкой Верхоценской волости) захватывали огромные территории между Доном и Волгой, доходя до рек Хопра и Медведицы.¹⁰¹ После строительства южнее Шацка городов Козлова и Тамбова (1635 и 1636 гг.) большая часть этих владений перешла, судя по всему, к жителям данных городов.¹⁰² Характерно, что г. Козлов был поставлен на земле ухожья, арендовавшегося до этого крестьянами кн. Д. М. Пожарского из села Горетова Ряжского уезда – Семеном Козловым «с товарищи», вследствие чего новый город и получил свое название (от «Козлова урочища», где находилось временное жилище этих промысловиков).¹⁰³

Необходимо отметить, что полосе степных (а тем более лесостепных) пространств между Волгой и Днепром не следует представлять себе как бесконечные и бесплодные территории. Степь была покрыта сетью крупных и мелких рек и речек, вдоль которых была обильная растительность – пойменный лес, кустарник, заросли камыша. Такие места («урочища») изобиловали зверем и рыбой, а по берегам рек Хопра и Медведицы раскинулись дремучие леса. В документах сохранились описания таких угодий («ухожьев»). На их территории видим рыболовецкие и бортные угодья, бобровые гоны, сенные покосы, «дикие поля» (пригодные для распашки земли) и т. д.¹⁰⁴ В целом степные и лесостепные пространства считались богатым краем. Так, когда в 1629 г. «тюремный сиделец» из Шацка С. Еремеев заявил, что знает о залежах в степи «золотой руды», этим известием сразу же заинтересовались в Москве.¹⁰⁵ Указанные обстоятельства делали степь привлекательной для людей и пригодной для обитания – это относится как к области южнорусских «ухожьев», так и к территории проживания донских казаков.

¹⁰¹ *Перетяткович Г. И.* Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 223–224; *Черменский П. Н.* Прошлое Тамбовского края. С. 22. Степные промыслы в этих местах велись также мордвой.

¹⁰² В частности, к Тамбову отошла дворцовая Верхоценская волость Шацкого уезда. См.: *Загоровский В. П.* Формирование и заселение Козловского уезда в XVII в. С. 95.

¹⁰³ *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 87.

¹⁰⁴ См.: *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894. С. 126.

¹⁰⁵ Акты Московского государства. Т. 1. С. 295. Как выяснилось позднее, С. Еремеев придумал данное сообщение в надежде на то, что его «возьмут к Москве» для расспроса. Сам он сидел в тюрьме за «татьбу» (кражу).

Промысловые угодья («порты»), приписанные к Белгороду, носившие название «Донецкой волости», протянулись вниз по Северскому Донцу вплоть до впадения в него р. Оскол.¹⁰⁶ Правда, в связи с развернувшимся с 1638 г. поселением в этих местах украинских (малороссийских) переселенцев – в первую очередь запорожских казаков – упомянутые владения были исключены из состава Белгородского уезда и переданы во вновь образованный Чугуевский уезд.¹⁰⁷ Свои ухажья, расположенные по рекам Ворскле и Пслу, имел и Путивль. В 1640 г. по берегу Ворсклы прошла Белгородская черта, а угодья, расположенные на этой реке, отошли ко вновь построенным городам Хотмышску и Вольному.¹⁰⁸ Данные процессы, впрочем, отнюдь не означали прекращения промысловой деятельности в степи жителей Белгорода и Путивля – просто районы этой деятельности, по-видимому, отодвинулись дальше в степь. Так, есть сведения, что к 1673 г. места промыслов путивльских севрюков (т. е. степных промысловиков из Посемья) отодвинулись уже к р. Самаре.¹⁰⁹

Характерно, что украинские переселенцы («черкасы») сразу же после поселения их в приграничных городах также подключились к эксплуатации степных богатств. В частности, в 1639 г. указом из Москвы было разрешено отпускать новопоселенных «черкас» г. Усерда «в степь и по речкам для звериные и рыбные ловли», а украинцы, поселенные в 1652 г. в Острогжске, в том же году получили право промыслов по Дону и Черной Калитве¹¹⁰ и т. д.

Следует отметить, что районы степных промыслов южнорусского населения не ограничивались только территорией приписанных к городам степных пространств, но и распространялись на более отдаленные районы. Вот любопытное известие такого рода. В 1626 г. во время сыска в Белгороде Н. Беклемишева белгородский агаман М. Стариков, отвергая показания на него жителей Курска в поездках на Дон, заявил, что весной 1627 г. он ездил в бударе с четырьмя

¹⁰⁶ Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 46–47. Большая часть этих территорий находилась во владении помещиков и даже приравнивалась к определенному количеству земли (Там же).

¹⁰⁷ Там же. С. 47.

¹⁰⁸ Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. С. 122–126.

¹⁰⁹ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 92.

¹¹⁰ Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII в. С. 199.

товарищами «на перевоз на усть Деркула, а не на Дон», где прожил все лето, осенью вернувшись в Белгород. На Дону же он, по его словам, «николи не бывал». При этом М. Стариков сообщал, что его товарищи «на перевозе на усть Деркула реки, и по иным юртам и по ся места (по июнь 1628 г. — О. К.) живут, кормятца, да и иные де белгородцы и иных розных городов многие люди по Донцу *до большова Дону* кормятца всегда, зимуют и летуют» (курсив наш), а сам М. Стариков ездит на Донец «сжелеть по воеводцким отпуском».¹¹¹

В действительности, правда, М. Стариков ездил с торговыми целями именно на Дон, причем даже являлся атаманом торгового каравана. Более того, от июля 1627 г. имеется отписка валуйского воеводы Н. Оладына, сообщавшего в Москву о приезде с Дона М. Старикова с 8 белгородцами с приведением их расспросных речей о донских казаках и ситуации в степи.¹¹² Таким образом, говоря о своих поездках на Северский Донец, М. Стариков кривил душой, однако его показания возникли, безусловно, не на пустом месте и, без всякого сомнения, выглядели правдоподобно.¹¹³ Действительно, в документах 1630–1650-х гг. встречаются известия о «звериных промыслах» жителей городов Валук и Усерда по рекам Деркулу, Айдару, Красной и Боровой. Доходили эти жители и до р. Белой Калитвы; так, вернувшиеся в декабре 1654 г. на Валуйки два «черкашенина» из данного города показали в расспросе следующее. Со своего стана, находившегося на р. Деркул, они ездили в степь «для зверя» на Белую Калитву, где видели недавно покинутую стоянку татарского отряда числом до 400 человек.¹¹⁴

Хозяйственные промыслы в степи были занятием весьма опасным, так как всегда существовала вероятность встречи с татарскими отрядами. И хотя прилежавшие к южнорусским городам степные пространства не были местами кочевий татарских улусов, однако встретить в этих местах татар можно было весьма часто. Дело в том, что через используемые для хозяйственных промыслов степные территории проходили пути татарских набегов на южную окраину Русского государства. Набеги татар совершались постоянно, и сообщениями о

¹¹¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 316.

¹¹² Акты Московского государства. Т. 1. С. 215.

¹¹³ Так, имя М. Старикова не значится в итоговой выписке в Разряде по «сыскному делу» 1628 г. — следовательно, его отговорки сочли в Москве убедительными. См.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 13–21.

¹¹⁴ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 401. Л. 36.

них буквально пестрят документы 1620–1650-х гг. (в 1660-е и отчасти 1650-е гг. татарские набеги несколько ослабевают). Помимо крупных набегов, осуществлявшихся войском численностью в несколько десятков тысяч татар и носивших характер широкомасштабных военных действий (такие набеги были осуществлены в 1632, 1633, 1634, 1637, 1644, 1645 и 1659 гг.),¹¹⁵ со стороны татар предпринималось множество более мелких набегов численностью от нескольких десятков до нескольких (5 и более) тысяч человек. Эти набеги были явлением постоянным и осуществлялись независимо от того, был ли в это время у Русского государства мир с Крымом или нет. Большое количество подобных набегов производилось азовцами или ногаями «Казыева улуса» (т. е. татарами Малой Ногайской орды), вообще мало зависевшими от Крыма.¹¹⁶ В этих условиях на южнорусской окраине шла постоянная, непрерывная борьба с татарскими набегами, давно уже ставшая составной частью быта южнорусского населения.¹¹⁷

Пути татарских набегов «в Русь» проходили через Северский Донец (Изюмский и Калмиусский шляхи), через который существовало более десятка татарских «перелазов» (переправ), а также шли справа от него (Муравский шлях). Между верховьями рек Цны и Воронежа проходил Ногайский шлях, уходивший затем в район Шацка, Рязска и в сторону Оки и бывший для татар одним из основных путей для нападений на русские земли. Важнейшие переправы в верхнем течении Дона находились на территории воронежского Белянского уождья («Белянский перелаз»), в районе впадения в Дон р. Казанки («Казанский перелаз»), а также при впадении в Дон р. Хопер («Хоперский перелаз»).¹¹⁸ У основных татарских путей (иначе – «сакм») существовало и множество ответвлений.

Главной целью татарских набегов был прежде всего захват «полона» (пленников) с целью последующей продажи их в рабство – как правило, в Турцию. Поэтому нападения на «вотчинников» (степных промысловиков) были для татар делом выгодным и естественным.

¹¹⁵ См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ См.: Загоровский В. Д. Белгородская черта. С. 50–51.

¹¹⁸ Книга Большому Чертежу. С. 59–76 и др.; Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 51–52. Сведения о переправах в верхнем течении Дона взяты нами из актового материала.

Нередко они устраивали в степях настоящую охоту за степными промышленниками. В качестве примера приведем только два подобных эпизода.

В начале мая 1646 г. из Тамбова в Москву было доставлено 8 плененных татар, захваченных под этим городом. Из их расспросных речей узнаем, что осенью 1645 г. из Азова в поход ходило 30 азовских татар, которые при возвращении «привели с собою в Азов многой русской полон». Пленники были захвачены татарами «в танбовских вотчинах на промыслах». Затем, в конце января–начале февраля 1646 г., в набег «на Русь» отправилось 50 азовских татар и 70 татар из улусов Малого Ногай. Перейдя по льду р. Дон «и иные речки», они около месяца стояли, «утоясь» (т. е. тайно), между верховьями рек Цны и Савалы («меж Суволевских и Ценских вершин»), и «по реке по Суволе (Савале. — О. К.), и по Вороне, и по речке по Панде по вотчином взяли они в полон вотчинников», из которых позднее, правда, «многие у них розбежались».

После этого, взяв в проводники одного из пленников, мордвина Верхоценской волости, татары отправились «черес Ценской лес» в набег на деревни. В одной из них татары захватили «сорок каров и подтелков, да пятнадцать лошадей», однако в саму деревню татарам ворваться не удалось из-за разлившихся весенних вод (уже стояла весна). После возвращения на стан и раздела добычи от этого отряда отделились 40 азовских татар, оставшиеся же, перенеся «кош» в другое место, вновь отправились в набег на деревни. Последний, правда, оказался неудачен. Как показывал во время допроса в Москве татарин, оставшийся в то время «на кошу», ушедшие в набег вскоре «стали к ним на кош приходить человек по пети, по шти (шести. — О. К.), и по два, и по три на лошадях и пеши, а сказали, что их розбили врознь казаки, и татар и лошадей побили», причем более половины татар вообще не вернулось на стан. Вскоре после этого «на тот де кош пришли государевы ратные люди», захватив в плен 8 татар, разогнав остальных и полностью разгромив татарскую стоянку, причем многие из тех, кому удалось скрыться, были пеши, иные же спасались на лошадях без седел.¹¹⁹ Так окончился ничем не примечательный набег на русские земли, один из многих подобных ему. Примеры, когда степные промышленники становились жертвой татарских набегов, на материале 30-х гг. XVII в. приводит и А. А. Новосельский.¹²⁰

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 250. Л. II, 1–4.

¹²⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 237.

Перед вторжением в пределы Русского государства татары часто останавливались в степи, ожидали присоединения других татарских отрядов, обсуждали планы дальнейших действий, откармливали после долгой дороги лошадей перед броском «в Русь». На обратном пути «из Руси» они также нередко останавливались, делили добычу, отдыхали, давали отдых лошадям, перегруппировывались (в случае, если намеревались продолжать военные действия). Само собой, сплошь и рядом подобные стоянки устраивались татарами на территории степных промыслов южнорусского населения. Известия такого рода можно нередко встретить в источниках. Так, из отписки валуйского воеводы А. Лазорева от июня 1637 г. узнаем, что по речке Боровой «кочевало» в это время более 100 татар. Данные сведения сообщил на Валуйках бежавший от этих татар валуйский пушкарь Б. Кровопусков, захваченный «в полон» под Валуйками незадолго до этого. По его сообщению, тогда же Северский Донец «перелезло» в этом районе около 500 татар, остановившихся затем в нескольких местах четырьмя отрядами («станциями»).¹²¹ В отписке воронежского воеводы от января 1640 г. в числе прочих известий о положении дел «в Поле» сообщалось, что, по сведениям воронежских вотчинников, в одной из воронежских откупных вотчин «по Нагайской стороне (левой стороне р. Дон. – О. К.) на усть речки Меловой, да в другом месте на речке ж Мамоне» «стоят де татаровя», количество которых, правда, вотчинникам точно было неизвестно.¹²²

В сентябре 1658 г. во время татарского набега на Тамбовский уезд в плен был захвачен крестьянин Федор Подзоров, которому затем удалось бежать от татар в казачий Вешенский городок. Во время расспроса в последнем он показывал, что на тот момент по рекам Хопру, Битюгу, Елани и Толучеевой (это был район воронежских и тамбовских вотчин), а также по «иным речкам» стояли в разных местах татарские отряды численностью «сот по пяти, и по шти, и по осми, и по тысячи» – всего до 8 тысяч человек. При этом, по сообщению Ф. Подзорова, около 600 татар, переправившись через Дон в районе речки Казанки, отправились с «полоном» в Азов, остальные же намеревались снова идти в набег под «украинные города».¹²³

¹²¹ РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 664–666.

¹²² Донские дела. Кн. 2. Стб. 7.

¹²³ Там же. Кн. 5. Стб. 340–341.

В 1642 г. атаман пришедшего на Северский Донец отряда запорожских казаков Семен Забузский в письме на Валуйки, информируя валуйского воеводу о татарах, сообщал, что запорожцы «били» этих «врагов креста святого» возле Донца в двух местах (в частности, у Мелового колодезя, где «соль варят»). «А иные (татары. – *О. К.*) розно стоят, – говорилось в письме, – всюды их много около Донца». Запорожские казаки также писали, что «о замыслах того неприятеля, где умышляет вторгнуться («на Русь». – *О. К.*)» («чего ему Пане Боже не помоги!») – патетически восклицали авторы отписки), им неизвестно, однако они постараются в дальнейшем прислать на Валуйки известия об этих татарах.¹²⁴ Можно привести и много других примеров татарских стоянок вблизи «украинных городов».¹²⁵

Примерно вот как выглядел Северский Донец в ходе крупного похода татар «в Русь». В конце февраля 1638 г. в Белгород прибыл с Дона валуйский посадский человек С. Корякин; во время расспроса перед воеводой он показал следующее. Идя по Донцу судном, он видел: «лезут татаровя с Крымской стороны на Ногайскую сторону через реку Северской Донец во многих местех многие люди, тысяч по пяти, и по десяти, и по дватцати. А в ыных местех биты сакмы болшие (от проследовавших по степи татар. – *О. К.*), и кочюют де татарове, перелезши Донец, по Нагайской стороне».¹²⁶ (Речь в данном случае идет все же, по-видимому, не о набеге, а о татарах Большой Ногайской орды, пришедших сюда на временные кочевья.) Бывало, что появлялись татары на Донце и с промысловыми целями. Так, в ноябре 1636 г. казачья станица атамана И. Каторжного, следовавшая в Москву с войсковой отпиской с Дона, разгромила между реками Деркул и Евсуг группу из 34 ногайских татар, пришедших на Донец «для зверя»; улусы этих татар кочевали в тот момент по Калмиусу.¹²⁷

В целом опасность столкнуться с татарами в районе Донца оставалась постоянной. Так, весной 1650 г. служилый человек с Валуек Н. Зарубин, посылавшийся на Дон с государевой грамотой к казакам,

¹²⁴ Там же. Стб. 437–438.

¹²⁵ О тактике татарских набегов см. также соответствующие разделы работы А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами...».

¹²⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. № 105. Л. 126. «Крымская сторона», «Ногайская сторона» – здесь: правая и левая стороны Северского Донца.

¹²⁷ Донские дела. Кн. I. Стб. 514–515.

на обратной дороге «наехал на зоре: стоят на Белой Калитве татар по смете по огням с 150 человек». При этом одна из лошадей Н. Зарубина «у него урвалась» и переплыла через реку к татарам, но «те де татарове на зоре спали и сво не видали», – пояснял в ходе расспроса Н. Зарубин.¹²⁸ В июне 1643 г. татарскую переправу через Донец в районе устья Белой Калитвы отмсчали два возвратившихся с Дона гулящих человека. «И пошли де <...> те татарове вверх по Белай Калитве к Руси», – поясняли упомянутые гулящие люди на Валуйках во время расспроса.¹²⁹ Вероятно, по району р. Калитвы проходил татарский шлях, выходивший затем на Казанский, Беянский и Хоперский «перелазы» через Дон. Неоднократные известия имеются и о других местах переправ татар через Донец – например, о татарских «перелазях» у устьев рек Глубокой и Деркула. Пути отсюда, видимо, вели в том числе и на татарскую дорогу в районе Калитвы.

Разбоями и грабежами в районах степных промыслов южнорусского населения промышляли и запорожцы. Так, среди материалов сыска в Ельце И. Тургенева от 1628 г. имеется упоминание, что приходящие на р. Тор (правый приток Северского Донца) запорожские казаки «громят и побивают», т. е. грабят и убивают, русских «станичников и вотчинников».¹³⁰ (Станичники – служилые люди южнорусских пограничных разъездов.)

От 1640 г. имеется известие, что «воровские» запорожские казаки порубили несколько человек в воронежском Богучарском юрту.¹³¹ Примеров такого рода можно привести немало. Особенно сильными были грабежи «черкас» в районе воронежских вотчин в 1643–1646 гг. Такие же нападения совершались запорожцами и на донских казаков, включая «погромы» донских казачьих городков.¹³² Правда, отнюдь не все запорожские казаки, приходившие в упомянутые районы, занимались разбоем. Так, от 1642 г. имеется известие, что весной этого года

¹²⁸ Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4. Стб. 496–497. Если бы об этой группе татар узнали казаки, они бы, безусловно, напали на нее.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 177. Л. 20–21.

¹³⁰ Там же. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 227. («Погром» – вооруженное нападение с целью грабежа.)

¹³¹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 96.

¹³² Так, от 1646 г. имеется известие, что «воровские черкасы» захватили и разграбили два казачьих городка на верхнем Дону (Там же. Стб. 923, 1109). И это далеко не единственный пример такого рода.

«торговые люди» из южнорусского каравана, направлявшегося в донские городки, часть товаров продали на Северском Донце запорожским казакам.¹³³ В том же 1642 г. запорожский атаман С. Забузский в упоминавшемся письме на Валуйки специально информировал воеводу о своих исключительно мирных намерениях по отношению к русскому населению. Причем, когда некоторое время спустя небольшой отряд запорожцев (ок. 30 человек) напал ночью на русского дворянина А. Желябужского и станицу донских казаков во главе с атаманом Н. Васильевым, ехавшими на Дон с грамотой из Москвы, прочие запорожские казаки подвергли преследованию упомянутый отряд. Об этом они сообщили впоследствии валуйскому воеводе П. Леонтьеву в еще одном письме в ответ на его запрос по поводу данного происшествия, а также указали имена казаков, принявших участие в этом «воровстве».¹³⁴

Хозяйственные степные промыслы южнорусского населения нередко велись бок о бок с казаками; особенно характерна была данная ситуация для Северского Донца (а также, по-видимому, для Хопра). В частности, М. Стариков сообщал о промыслах южнорусского населения по Донцу вплоть до «большого Дона», хотя известно, что казачьи юрты и городки по Северскому Донцу в это время уже существовали.¹³⁵ Вообще история заселения казаками в XVII в. Северского Донца изучена недостаточно (это связано прежде всего с состоянием источников). Так, в документе за 1635 г. упоминаются Трехизбянский, Боровский и Красный юрты, а за 1655 г. – Айдарский и Краснянский (он же Красный).¹³⁶ В 1645 г. на Донце упоминается Теплинский казачий городок.¹³⁷ Н. А. Мининков и С. И. Рябов считают все эти юрты казачьими. На наш взгляд, это не обязательно так.

Само слово «юрт» у южнорусского населения и у казаков обозначало степные угодья, пригодные для хозяйственных промыслов и проживания. У казаков слово «юрт» иногда употреблялось и в значении казачьего поселения (городка), но в большинстве случаев последнее обозначалось именно словом «городок». «Юрты» могли

¹³³ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 136.

¹³⁴ Донские дела. Кн. 2. Стб. 438, 434, 444.

¹³⁵ Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д, 1992. С. 46.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 518, 521, 525; Донские дела. Кн. 5. Стб. 11.

¹³⁷ Донские дела. СПб., 1909. Кн. 3. Стб. 576.

быть как казачьими, так и относиться к уездам порубежных городов, но могли и вовсе оставаться незанятыми.

В частности, в 1658 г. упоминается «Казанский юрт», располагавшийся вдоль берегов одноименной речки, впадающей в Дон чуть ниже Богучара. К воронежским откупным юртам он не относился; казакам также не принадлежал – ближайшим их городком был Мигулинский (наименование казачьего городка и относящегося к нему «юрта» – земельных владений было всегда одинаковым), и в 1646 г. воронежский воевода предлагал поставить здесь город, чтобы перекрыть находившуюся тут татарскую переправу через Дон.¹³⁸ Таким образом, «юртом» могли называться и ограниченные естественными рубежами никому не принадлежащие земельные угодья, открытые для хозяйственных промыслов всем желающим.

Из упомянутых донецких юртов лишь Трехизбянский в 1635 г. прямо именуется казачьим, принадлежность же казакам остальных, на наш взгляд, остается под вопросом. В этих местах, например, в 1636 г., можно было встретить жителей г. Валук, занимавшихся здесь «звериным промыслом».¹³⁹

Любопытно, что территория, использовавшаяся южнорусским населением для своих промыслов, могла и вклиниваться между казачьими владениями. Так, в документе за 1650 г. упоминается о промыслах жителей г. Усерда по Деркулу, а местом своих промыслов на Донце М. Стариков называл «усть Деркула», хотя чуть выше этого района по Донцу находился заселенный казаками Трехизбянский юрт. (В 1635 г. сюда бежал с Валук служилый человек С. Круглин, зимовавший в том же году с тамошними казаками – «Оверей Пешим с товарищи». По-видимому, Аверьян Пеший являлся атаманом казаков данного юрта; при этом характерно сообщение С. Круглина, что после бегства с Валук он «пришел на Донец на Северской» именно в «Трехизбянской юрт», а не городок, как обычно говорится в документах в подобных случаях. Так, в дальнейшем в ходе расспроса он именует, к примеру, Маныч именно городком, а не юртом, лишь один раз употребив выражение «Маныцкий юрт».¹⁴⁰ По-видимому,

¹³⁸ Донские дела. Кн. 5. Стб. 354.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 525, 529; Акты Московского государства. Т. 1. С. 435.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 521.

население казачьих юртов по Донцу было настолько немногочисленно, что зачастую не имело укрепленных поселений, устраивая свои станы и зимовья в труднодоступных для татар лесных чащобах, как поступало и крестьянское население деревень пристепной полосы.)

Хозяйственными промыслами на Северском Донце занимались и казаки с низовьев Дона. Так, в одном из документов за 1655 г. на Донце упоминаются «казаки юртовые и гулебщики» (подробнее этот документ будет рассматриваться далее; «гулебщики» – занимавшиеся охотой в степи казаки).¹⁴¹ Не исключено, что степные промышленники могли заниматься промыслом и в казачьих владениях, например, по знакомству или по родству с казаками. Промышляли по Донцу и запорожские казаки. Например, в 1652 г. ехавшая с низовьев Дона в Москву с войсковой отпиской станица донских казаков встретила запорожского казака Лукьяна, «гулявшего» по рекам Евсугу и Деркулу «для звериной добычи» и сообщившего донским казакам последние известия о татарах в этом районе.¹⁴²

Итак, хозяйственные промыслы в степях были полны опасности и зачастую велись вблизи казачьих территорий. Следует отметить, что быт степных промысловиков из южнорусских городов очень напоминает быт казачий – та же хозяйственная эксплуатация степных природных богатств, та же военная опасность. Любопытно, что у вотчинников имелись, как и у казаков, свои городки. Так, в одном из документов за 1642 г. упоминается «зимовной городок» в воронежской откупной вотчине на р. Богучар,¹⁴³ а в документе за май 1644 г. в воронежском же откупном Белянском «юрту» фигурирует Бронников городок.¹⁴⁴ На картах Г. Герритса и И. Мас-сы, скопированных с русской карты времени Б. Годунова, обозначена целая цепочка городков в воронежских промысловых угодьях, уходящая вниз по Дону вплоть до городков казачьих. При этом встречаем, к примеру, следующие названия городков – Богучар, Белой («Beloy»), Калитва, Марков, Бетюг («Betoetsk»), Бабий («Babeu»), Икорец («Icoreetz»), Форосань («Farasan»),¹⁴⁵ полностью

¹⁴¹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 10–11.

¹⁴² Там же. Стб. 563. Ср.: Там же. Кн. 4. Стб. 497.

¹⁴³ Там же. Кн. 2. Стб. 95.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1а. Л. 300.

¹⁴⁵ Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910. Вып. 2. № XLV, XLIV.

соответствующие названиям ряда ухажьев. Это Богучарский, Белянский, Калитвянский, Марковский, Битюцкий, Бабий, Икорецкий, Форосанский юрты. Всего городков обозначено 17, воронежских же ухажьев насчитывалось 19.¹⁴⁶

В. П. Загоровский писал, что промысловая деятельность в ухажьях велась только весной и летом, прекращаясь осенью,¹⁴⁷ однако, как видно уже из упоминания «зимовного» городка промысловиков, это не совсем так. В частности, в одном из документов от января 1641 г. отмечается наличие людей в Богучарском юрту.¹⁴⁸ В цитировавшихся расспросных речах пленных татар, захваченных в 1646 г., говорится об охоте татар за тамбовскими вотчинниками в период осени–ранней весны. Наконец, ехавшие степью в Азов снежной зимой (в феврале 1639 г.) и заблудившиеся из-за вьюги в степи русские посланники кн. Н. Белосельский и подьячий И. Хоненев со свитой встретили на р. Айдар «камышника» (т. е. степного промысловика) – известного знатока степи («вожа») с Валуек С. Донецкого, который и довел их до Азова.¹⁴⁹

Обстановка военной опасности, сходство хозяйственного быта, необходимость обмена информацией о татарах не могли не порождать связей между степными промышленниками из южнорусских городов и донскими казаками. Причем связи эти, похоже, носили отлаженный характер. Вот характерный пример подобного рода. В 1643 г. из Азова к казакам «на государево имя» (т. е. в русское подданство) вышло трое «турских выходцов» – грек и два янычара («яныченина»), которые затем просили казаков отправить их в Москву. Просьба перебежчиков была выполнена казаками: их отправили вверх по Дону, вручив войсковую грамоту с указанием казакам из верхних городков проводить их «от городка к городку», а затем передать воронежским «вотчинникам» для препровождения до Воронежа. Впоследствии именно так все и произошло (войсковая грамота казаков пересказывается в отписке воронежского воеводы, сообщавшей о приезде упомянутых «выходцев» на Воронеж).¹⁵⁰ Как видно

¹⁴⁶ Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 39. Рис. 1.

¹⁴⁷ Там же. С. 39–40.

¹⁴⁸ Донские дела. Кн. 2. Стб. 6–7.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 13. Л. 210, 283.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1а. Л. 59.

из данного примера, южнорусские степные промысловики-«вотчинники» были чем-то вроде буфера между южнорусскими городами и областью донских казачьих городков.

Очень вероятно, что степные промышленники вели в вотчинах не только хозяйственную деятельность, но и предпринимали вооруженные нападения на татар, а схватки с последними оборонительного характера и вовсе были неизбежностью (характерный пример чему – наличие укрепленных городков в воронежских вотчинах). Надо полагать, что имели место и совместные военные предприятия вотчинников (степных промысловиков) и донских казаков против татар. К этому подталкивала сама обстановка – постоянное соседство казаков и вотчинников, неизбежные знакомства, наличие у степных промышленников родственников в казачьей среде. (В данном случае мы имеем в виду казаков из ближайших к южнорусским «ухожьям» донских городков, хотя ничто не препятствовало «вотчинникам» ездить при необходимости и в более отдаленные от мест их промыслов казачьи городки.) Вообще известно, что южнорусское население очень охотно присоединялось к казакам для совместных боевых действий против татар. (Так, весной 1641 г., когда отряд из 300 донских казаков, шедший по следу гораздо более многочисленного татарского войска, отправившегося в набег «на Русь», пришел на Валуйки, к нему тут же присоединилось значительное количество людей из разных южнорусских городов для участия в этом походе.¹⁵¹) Поэтому совместные действия южнорусских степных промышленников и донских казаков против татар представляются вполне естественными.

В этом отношении характерно следующее известие. Приехавшие летом 1656 г. в Белгород трое детей боярских (один из Карпова и двое из Белгорода) показали в расспросе, что когда они были весной этого года на Северском Донце «для рыбной ловли», то донские казаки «збили» (т. е. выслали) их самих, а также подобных им людей «изо всех юртов» по Северскому Донцу на низовья Дона в Черкасский городок, откуда в июне 1656 г. состоялся широкомасштабный поход под Азов.¹⁵² Трудно однозначно сказать, что понимается здесь под «юртами» – только ли казачьи территории или же уголья по Северскому Донцу вообще (скорее всего, второе), однако бесспорно, на наш взгляд, следующее. Если была возможна централизованная

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 152. Л. 9.

¹⁵² Там же. Столбцы Белгородского стола. № 394. Л. 148.

высылка занимавшихся хозяйственными промыслами по Донцу людей в донской центр, то взаимодействие степных промышленников с казаками в районе самого Донца (в том числе и совместные военные акции против татар) было, без сомнения, обычным делом. Вот пример такого рода взаимодействия. В 1659 г. 30 «черкас» из города Царева-Борисова, отпущенных в степь «для звериного промыслу», встретились в степи с небольшим отрядом донских казаков (20 человек), совместно с которым «на Вольном броду» через р. Самару они напали на татарский отряд, состоявший из 300 человек, и наголову разгромили его. При этом было захвачено несколько пленников (один из них был доставлен в Царев-Борисов) и взято столько добычи, что часть ее пришлось утопить в реке. (Впоследствии оказалось, что отряд татар являлся частью трехтысячного татарского войска.)¹⁵³

В контакты с казаками в степной полосе вступали не только «вотчинники», но и станичники (служилые люди, несшие сторожевую службу в степи), пути разъездов которых проходили южнее приписанных к южнорусским уездам «юртов», считавшихся частью территории Русского государства. Нередко воеводами южнорусских городов в степь для борьбы с татарами отправлялись и специальные отряды. Всем этим людям также нередко приходилось вступать в контакты с казаками.

Так, в 1659 г. тамбовские станичники встретили в степи казака «гулебщика» с «усть Бузулука», от которого они узнали последние данные о татарах в крае.¹⁵⁴ В 1658 г. посланная из Тамбова станица встретила в районе устья р. Битюг (на территории воронежских вотчин) с отрядом казаков с Хопра, находившимся здесь в засаде и поджидавшим возвращения из набега «в Русь» татар с целью нападения на них. Упомянутые казаки сообщили станичникам, что выше по р. Битюг по ночам горят огни, говорящие о расположившихся в этом районе татарских станах. (В связи с данными известиями тамбовский воевода собирался вскоре отправить служилых людей для «промысла» над этими татарами.)¹⁵⁵

В 1653 г. тамбовский сторожевой казак Г. Пешик привез из казачьего Пристанского городка с Хопра важные сведения о татарах –

¹⁵³ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 663–664.

¹⁵⁴ Там же. С. 665.

¹⁵⁵ Там же. С. 626.

правда, не совсем ясно, заезжал ли он к казакам во время несения службы или же был у них по своим делам.¹⁵⁶ Так, согласно отписке тамбовского воеводы Р. Боборыкина от июня 1638 г. в Москву, тамбовские станичники посылались в степь до р. Хопра, и если они не подмечали татар или не встречали их «сакм», то должны были ехать до казачьих городков – в частности, до городка Медведицы и далее по Дону, где справиться у казаков на эту тему. Тогда же (конец мая – начало июня 1638 г.) тамбовские станичники Г. Боинин с товарищами совершили заезд в донские городки Клетский и Кременные.¹⁵⁷

Еще два интересных эпизода взаимодействия русских служилых людей с казаками. В феврале 1647 г. тот же Р. Боборыкин, воевода г. Козлова, от «вотчинников и от камышников» (т. е. степных промысловиков) Верхоценской волости получил известие о зимовке между реками Хопер и Медведица по речке Бузулук неких «воинских людей». По этим «вестям» 20 февраля 1647 г. была отправлена станица во главе со стрелецким головой Яковом Шетиловым и десятью служилыми людьми (из них шестеро были детьми боярскими, четверо – казаками и стрельцами); станица прошла по р. Хопер «до усть Бузулука до Казаринова городка» (иначе – до впадения в Хопер р. Бузулук). От казаков станичники узнали, что между реками Хопер и Медведица «вверх по Бузулуку» кочуют в большом числе калмыки «с женами и з детьми» (т. е. с кочевьями). Тогда же на Хопер поступило известие, что эти калмыки «приступали» к верхнему казачьему городку на р. Медведица. С этими вестями в Козлов было отправлено от станичников два человека.

Характерны распоряжения воеводы относительно данных известий. Он писал на Хопер Я. Шетилову, чтобы тот со станичниками, «поговоря с хоперскими и верхних (донских. – *О. К.*) городков» атаманами и казаками, организовал вместе с последними нападение на этих калмыков «на ртах (лыжах. – *О. К.*), или как мочно», хотя бы на небольшой отряд последних – в частности, на тех, что «волочатца» (охотятся) по городкам за вотчинниками. (Речь идет о распространенной у кочевников охоте за степными промысловиками; здесь же видим упоминание о промысловых городках в тамбовских

¹⁵⁶ Там же. С. 327. (По рекам Цне и Савале проходил речной торговый путь на Хопер.)

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 228–229.

вотчинах.) Несколько далее читаем следующее: если станичникам с казаками и с вотчинниками напасть на калмыков не удастся, но будут обнаружены стоянки татар, готовящихся к нападению «на Русь», то станичникам вместе с хоперскими казаками «приходить» на этих татар войной.

Казаки с Хопра, «собрався», действительно хотели вместе с тамбовскими станичниками напасть на калмыков (речь шла о захвате у них «языков»), однако от данного предприятия пришлось вскоре отказаться, поскольку, как говорится в документе, у казаков было «в собрание людей по Хопру мало». В то же время калмыки кочевали на открытых степных местах, где снега почти не было, в результате чего скрытно подойти и внезапно напасть на них не представлялось возможным. В итоге станичники, «разделясь надвое», при участии казаков отправились на поиски татарских степных стоянок под «украинными городами», сведения о возможном местонахождении которых были получены также от казаков, с целью нападения на них.¹⁵⁸

В 1643 г. из Воронежа было послано для «обереганья» от татар Казанского перелаза через Дон около 60 воронежских казаков и стрельцов на судах во главе с головой В. Струковым. Любопытно, что рядом с местом татарской переправы находился и особый «городок» для засад, который предусмотрительно был «зделан в яме». Характерно, что вскоре после прибытия сюда служилых людей к ним подошли 8 донских казаков для совместных действий против татар. В дальнейшем здесь состоялся жестокий бой с отрядом из 200 конных «воровских» запорожских казаков, также вскоре подошедших к переправе. «Черкасы» напали на городок и попытались взять его приступом, но, будучи отбиты, обложили укрепление хворостом и подожгли. Защитники городка вынуждены были пойти на прорыв, и в ходе неравной схватки часть из них была убита, часть попала в плен, некоторым удалось прорваться. Захваченных живьем запорожцы затем порубили. В списке погибших, присланном воронежским воеводой в Москву, поименно перечислено и 8 казаков, подошедших из казачьих городков. Все они носили типично русские имена и прозвища, например: Иван Федотов, Филат Сорокин, Кондрат Змеев и т. п. Как выяснилось впоследствии, запорожские казаки приходили на «перелаз» с целью ограбления («погрома») русского посольства,

¹⁵⁸ Там же. Столбцы Приказного стола. № 172. Л. 83–96 (две отписки козловского воеводы, полученные в Москве 19 и 24 марта).

ехавшего по Дону; с этой целью они и отбивали у служилых людей переправу. Правда, запорожские казаки несколько опоздали: русский посол проследовал здесь несколько дней назад.¹⁵⁹

Все это, конечно, единичные и случайные факты из суровых будней прилежавшей к пограничным городам степной полосы. Специальное изучение жизни этого района на материалах Разрядного приказа должно дать, несомненно, более богатый материал. Но и приведенные факты, встреченные нами в документах, затрагивающих тематику истории донских казаков, говорят о широком взаимодействии южнорусского населения с казаками в степной полосе. К этому подталкивали и сам быт южных городов, во многом ориентированный на степь, и общие для казаков и южнорусского населения условия постоянной военной опасности из-за татарских набегов.

Итак, из приведенного в данной главе материала можно сделать следующие выводы. Между донским казачеством и южнорусским населением во второй трети XVII в. и ранее существовали самые тесные связи – родственные, экономические, военные, иные, важность которых для обеих сторон невозможно переоценить. Характер этих связей позволяет, по-видимому, говорить о том, что область южнорусских городов и Дон являлись в рассматриваемое время своего рода двумя составными частями более крупного региона, начинавшегося от побережья р. Оки (знаменитого «Берега» XIV–XVI вв.) и имевшего своей южной границей цепь казачьих городков по Дону. При этом, думается, донское казачество можно рассматривать как своеобразную форму экспансии населения южнорусской окраины в дикие степи Поля – именно быт южных городов Русского государства в значительной степени стимулировал укрепление и развитие в XVII в. сообщества донских казаков.

---

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1а. Л. 42–51.

Глава II. Источники пополнения донского казачества

Сведения о социальном и региональном происхождении выходцев из России. Семья на Дону

В данном разделе будет рассмотрен материал конца 1630–1660-х гг. о социальном и региональном происхождении людей, живших в казаках на Дону (речь здесь пойдет в основном о казаках русского происхождения). Говоря о региональном происхождении того или иного казака, мы имеем в виду вопрос о том, откуда родом был этот человек, из какой местности он ушел на Дон. Иными словами, мы постараемся выяснить, насколько это позволяют источники, какой регион (или регионы) Русского государства преимущественно давал пополнение донским казакам. Сразу же следует оговориться, что сведения по социальному и региональному происхождению отдельных донских казаков крайне отрывочны и случайны, известия об индивидуальных судьбах людей встречаются в документах крайне редко. За рассматриваемый период мы приведем все подобные случаи.

Чаще всего сведения о социальном происхождении и судьбах отдельных казаков фиксируются в отписках в Москву воевод Астрахани и Путивля. Прежде всего именно в эти города приходили люди, возвращавшиеся из «бусурманского» плена. Довольно часто такими «выходцами» оказывались донские казаки, которые иногда привлекались астраханскими и путивльскими воеводами (в некоторых случаях это делалось в Москве) к расспросу относительно их прошлого. Нередко сведения подобного рода содержат расспросные речи донских казаков, составленные в ходе различных судебных разбирательств. Наконец, известия о происхождении казака может содержать его челобитная, поданная в Москве. Во всех этих документах яркий отпечаток получает пестрота людских судеб и ситуаций ухода

на Дон, характерная для донского казачьего сообщества указанного периода.

Среди казаков встречаются люди самого разного социального происхождения. Прежде всего рассмотрим случаи, когда сведения о происхождении сохранились благодаря фиксации в источнике факта «выхода» казака из плена. Зачастую это была молодежь; случалось, к казакам присоединялись и подростками. Так, вышедший в мае 1641 г. из «бусурманского» плена в Астрахань Андрей Иванов, по происхождению – «крестьянской сын», настолько молодым, видимо, пришел к казакам, что даже не знал, в каком уезде находится его родное село (он помнил лишь название села – Онагино, и что им владел Афанасий Боборыкин), но зато за 7 лет, прошедших после бегства его в 1633/34 г. на Дон, успел побывать на Яике, попасть в плен к туркменам и бежать из него.¹

Относительно казачьей молодежи имеется также такая история. Зимой 1650/51 г. из Астрахани на Дон с целью сбора информации о положении в степи был послан стрелецкий сотник П. Балакирев с пятью стрельцами. По возвращении они привезли казачью войсковую отписку к астраханским воеводам, в которой, помимо всего прочего, сообщалось следующее. В феврале 1651 г. калмыцкий Лаузан-тайша с 15-тысячным войском ходил в поход под Азов. Путь калмыков пролегал близ казачьих городков, около которых калмыки «чинили шкоту большую» и, в частности, захватили в низовьях Дона «донских казаков зверовщиков и гулебщиков» 13 человек (речь идет о казаках, находившихся на охотничьем промысле).²

В июне того же 1651 г. в Астрахань из калмыцкого плена вышли 6 донских казаков, которые во время расспроса показали следующее. Зимой 1650/51 г. их захватили «в полон» под низовыми казачьими городками в урочище Маныч «на звериной ловле» калмыки. Позднее четверо из них – Иван Провов «с товарищи» – были проданы хивинскому послу, находившемуся тогда у калмыков. За день до Петрова поста хивинский посол со своими людьми (7 человек) и

¹РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 38–39. Вот выдержка из его расспросных речей в Астрахани: «Полоненик в роспросе сказал. Зовут его Ондрюшкою, Иванов крестьянской сын, села Онагина, а жил в крестьянх за Офонасьем Бабарыкиным, а которого уезду, того не упомнит. И в прошлом де во 142-м году сшел он Ондрюшка на Дон...».

²Там же. 1651 г., № 1. Л. 174–175. (Из отписки астраханских воевод в Москву.)

полоняниками (8 человек) отправился в Хиву, с ним же ехал и посол от калмыков (в его свите было 6 человек). Во время переправы через р. Эмбу хивинский посол со своими людьми и русскими полоняниками переправился первым, а посол от калмыков остался на другой стороне. В этот момент пленники подняли восстание. Они убили хивинского посла, двух его людей застрелили из луков, остальные бежали через реку обратно к калмыцкому послу. Последний после данного происшествия «побежал» вместе с хивинцами по направлению к калмыцким улусам. Всего в восстании участвовали 8 человек, включая 4 упомянутых донских казаков, 3 яицких казаков и стрелца из г. Черный Яр. Через 4 дня все они приехали в Яицкий городок (Гурьев), приведя с собой 75 лошадей, бросив в степи 22 верблюда и уничтожив там же часть захваченной «рухляди». Двое других из выходцев – донских казаков (Степан Шатчинин и Ефрем Козловец) бежали из калмыцких улусов по весне, «как снега сошли», придя пешком сначала к яицким казакам в городок Кош-Яик, а затем перебравшись в Яицкий городок.

Самое любопытное, однако, состоит в следующем. В документе (это отписка астраханских воевод в Москву) приводятся сведения о социальном и региональном происхождении донских казаков. Это были: Иван Провов Осколенин (т. е. с Оскола), выходец из Казачьей слободы этого города; сын посадского человека Ермак Анкудинов Ростовец; крестьянский сын с Доброго городища Тихон Яковлев; стрелецкий сын Дмитрий Захарьев Белогородец; дети беломестных казаков Степан Иванов Шатчинин и Ефрем Семенов Тамбовец. Из 6 человек социальное положение (как и возраст) не указано только у одного – И. Провова с Оскола, остальные пятеро явно были молоды, поскольку в определении их социального происхождения значится слово «сын».³ Данный материал любопытен в следующем отношении: абстрактные донские казаки-промысловики первого источника приобретают во втором документе облик конкретных людей.

Судьбы донских казаков порой складывались самым неожиданным образом. Так, в сентябре 1656 г. из Путивля в Москву был прислан выходец из турецкого плена Филипп («Филька») Новокрещенов. О себе он показал, что является сыном толмача из казанского пригорода Алата («новокрещеном» был, скорее всего, его отец). После смерти последнего Ф. Новокрещенов перебрался в Москву, из которой и

³ Там же. Л. 187–191.

«съехал с донскими казаки на Дон». (Вероятно, именно о таких людях у казаков и сложилась следующая пословица, гласившая: «Жил на дому, а очутился на Дону».) В декабре 1651 г. он был захвачен в плен во время боя под Черкасским городком между казаками и отрядом азовских янычар и татар, совершивших набег на казачью территорию. Из Азова Ф. Новокрещенев был продан в Царьград, а затем на каторгу, на которой и пробыл 3 года. Из плена он освободился во время восстания на этой каторге в Средиземном («Белом») море русских и «литовских» пленников, перебивших турок, и затем через год, побывав во Флоренции, Венеции, «Папезской земле» (Италия), Австрии («Цесарева земля») и Венгрии, в условиях русско-польской войны через Польшу и Киев добрался до Путивля.⁴

В декабре 1650 г. «турский полоняник» Андрей Зверев, присланный из Путивля в Москву, показал в расспросе, что он сын посадского человека из Нижнего Новгорода; из этого города он ходил «в драгунской службе» с воеводой Львом Плещеевым в поход на Самару против калмыков, после чего и «сшол на Дон». На Дону он прожил 3 года, но в 1648 г. был захвачен азовцами в плен во время нападения из этого города на возвращавшихся из морского похода донских казаков, а затем был продан в Царьград. В турецкой столице в плену А. Зверев пробыл два с половиной года, но затем сумел бежать и через Балканы и «Литву» добрался до Путивля.⁵ Таким образом, в данном случае перед нами выходец из служилых людей – впрочем, вероятно, весьма молодым по возрасту (как и Ф. Новокрещенев) пришедший к казакам.

По-видимому, широко были представлены в казачьей среде выходцы из крестьян. Так, в марте 1646 г. через Путивль в Москву пришел «полоняник ис Турские земли» Петр Кузьмин, сообщивший о себе, что он крестьянин Комарицкой волости. На Дон П. Кузьмин ушел в 1637/38 г., а в 1644/45 г. попал в плен во время возвращения казаков из морского похода, после чего был продан в Царьград и через год пребывания в плену сумел бежать. Получив в Москве жалование «за выход» из плена, он затем вновь отправился на Дон.⁶

Еще одна похожая история. Выехавший в мае 1642 г. в Астрахань на персидском купеческом судне «полоняник» Василий Алексеев

⁴ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 549–550.

⁵ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 171.

⁶ Донские дела. СПб., 1909. Кн. 3. Стб. 512–513.

сообщил, что он «крестьянской сын, уроженец Волуйского города». В середине 1630-х гг. он съехал в торговом караване из этого города на Дон, принимал участие в морском походе казаков 1638 г. (этот поход окончился катастрофой), попал в плен и был продан «за море» на медные рудники, но через несколько лет бежал в Персию – «в кизылбашской город в Реван» (т. е. Ереван), а затем через Шемаху добрался до Дербента, откуда и приехал в Астрахань.⁷

Присланный в августе 1644 г. из «Яицкого острожка» (г. Гурьев в устье р. Яик) в Астрахань выходец из калмыцкого плена Семен Серебряков, крестьянин Шацкого уезда, показал в расспросе, что осенью 1642 г. он «съехал <...> для добычи на Дон» в казачий городок Голубые, а затем в 20 верстах от этого городка был захвачен в плен калмыцким отрядом, когда ходил из Голубых с тремя товарищами для охоты на зверя в степь на речку Паншину. Из плена он бежал из-за Яика от р. Эмбы. Трудно сказать, можно ли считать С. Серебрякова донским казаком, но не подлежит, на наш взгляд, сомнению, что он пришел на Дон именно казаковать («для добычи»), а не с торговыми целями, да и захвачен был «на зверовье» (по-казачьи – «гульбе») – типично казачьим занятием.⁸

Встречались среди казаков также представители холопства. В частности, вышедший в мае 1641 г. в Астрахань из «бусурманского» плена донской казак Гаврило Григорьев показал в расспросе, что в прошлом он был «Микитин человек Наумова», вместе с которым находился под Смоленском во время Смоленской войны. Из-под этого города Г. Григорьев «збежал с донскими казаки на Дон». За 6 лет, прошедших после ухода к казакам, он сначала жил в казачьем Манычском городке, затем перешел на Яик, участвовал в «воровском» походе на персидское побережье Каспийского моря, дважды попал в плен (один раз к калмыкам, другой – к туркменам).⁹

Зимой 1648/49 г. вместе с 6 другими русскими «полоняниками» из крымского плена бежал «ярославец» Афанасий Григорьев, который затем через Путивль пришел в Москву. В Москве выяснилось,

⁷РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 210, 212–213.

⁸Там же. 1644 г., № 1. Л. 167–168. Конечно, и «зверовье», и даже участие в походах за добычей могло быть характерно и для «торгового человека», приехавшего на Дон, но в этом случае он, скорее всего, показал бы в расспросе, что ездил к казакам «с торгом», а не «для добычи».

⁹Там же. 1642 г., № 1. Л. 36.

что А. Григорьев являлся «старинным и кабалным человеком» некоего Онуфрия Васькова из Ярославля. От своего владельца Григорьев бежал 2 года назад вместе с другим холопом О. Васькова, покинув при этом свою мать, братьев, сестер и оставив жену с 3 детьми (все они также были «людьми» Васькова) и уведя при бегстве у своего хозяина лошадь ценой в три с половиной рубля. В плен А. Григорьев попал во время боевых действий донских казаков против татар и турок в 1646 г.¹⁰

Еще одна история подобного рода. 4 сентября 1650 г. в Разрядный приказ вместе с другими двумя выходцами из турецкого плена пришел донской казак Ларион («Ларка») Панов. В расспросе он показал, что в свое время был холопом («служил во дворе») у некоего Александра Леонтьева, но еще до Смоленской войны «сшел на Дон». После взятия казаками Азова (1637) Л. Панов ходил с казаками в поход на Черное море, но, будучи ранен, попал во время этого похода к туркам в плен. Его сначала отправили в Стамбул, а затем продали на каторгу, на которой Л. Панов пробыл, по его словам, 17 лет. «На Белом море» он был освобожден «виницейскими немцами» (венецианцами), захватившими данное судно. Затем «из Виницейские земли» Л. Панов «шол на Римскую, на Шпанскую, на Французскую, на Цысарскую (Австрийскую. – О. К.), на Чешскую землю», из Чешской земли он добрался до «Литвы», откуда из Кракова вместе с русским послом Г. Г. Пушкиным пришел в Москву. В Разряде были осмотрены и ранения Панова. В частности, он был «застрелен из пищали по правой руке в мышку» и «из лука по левой ноге». «Раны были болны, ныне зажили», – констатировали при осмотре. За ранения и выход из плена Панову было выдано государево жалование.¹¹

Таким образом, данные источники фиксируют наличие среди казаков беглых холопов, и приведенные документы в этом отношении далеко не единственные. Рассмотренные выше случаи демонстрируют нам такой факт: о казаках – выходцах «с Руси» упоминается в документах очень часто, из чего можно сделать следующий вывод: выходцы из России составляли (включая молодое пополнение) очень и очень значительную часть казачества.

¹⁰ Донские дела. СПб., 1915. Кн. 4. Стб. 186–187, 201–202.

¹¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 264. Л. 334, 344–345. По нашим подсчетам, Л. Панов пробыл в плену чуть больше 10, а не 17 лет. Неясно также, зачем он шел (и шел ли вообще) из Венеции на Испанию и Францию.

Следует отметить, что расспросные речи выходцев из плена – донских казаков относительно их прошлого записывались далеко не всегда. Почему в документах оказались приведены сведения именно об упомянутых людях, нам сказать трудно. Насколько можно судить, данные люди считались донскими казаками, имели право на получение в Москве жалования за выход из плена и им не возбранялось снова вернуться на Дон. Что касается холопов, то, согласно русскому законодательству того времени, за выход из плена таковые получали свободу. Поэтому какими-либо правовыми ограничениями в отношении упомянутых лиц факт фиксации расспросных речей последних объяснять, по-видимому, было бы некорректно. Можно предположить, что здесь сыграло роль индивидуальное усердие отдельных должностных лиц.

Рассмотрим данные о социальном и региональном происхождении казаков, которые содержат расспросные речи последних, полученные в ходе различных разбирательств. В 1637 г. в станице атамана Г. Шатрова, привезшей в Москву войсковую отписку с Дона, приехали два казака – Евтифей Гулидов и Смирной Мятлев, в отношении которых в Москве было проведено разбирательство по поводу правонарушений, совершенных ими при побеге на Дон. В ходе этого разбирательства Е. Гулидов показал о себе следующее.

По происхождению он являлся вольным человеком, а во время Смоленской войны был «на государевой службе в Можайску в солдатах». Там вместе с другими солдатами он принял участие в «воровстве» (т. е. в каких-то беспорядках, в числе которых – самовольный уход со службы), но в результате был схвачен, прислан в Москву и посажен там в тюрьму. Во время пребывания в тюрьме он дал на себя кабалу (в 4 рубля) некоей вдове из Болхова Наталье Мелентьевой, но по выходе из тюрьмы бежал на Дон. Теперь упомянутой вдовой был подан иск по поводу бегства от нее Е. Гулидова. Сам Гулидов был родом, скорее всего, с Болхова, поскольку после самовольного ухода из Можайска он вместе со своими товарищами собирался идти именно «в украинные города», т. е., скорее всего, по домам, а вдова Н. Мелентьева называет его в своей челобитной болховским стрельцом. В итоге дело закончилось миром: Е. Гулидов вернул вдове убытки, понесенные ею в результате его бегства на Дон.¹²

В документах встречаются и другие случаи, когда донские казаки по своему социальному происхождению оказывались беглы-

¹² Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1. Стб. 631–633.

ми холопами. Вот история Василия Спиридонова по прозвищу Толстой, в 1664 г. отбитого в Москве у донских казаков группой дворян во главе с братом его владельца, В. Хомяковым. Во время допроса В. Спиридонова в Разрядном приказе выяснились следующие подробности его прошлого. В. Спиридонов был сыном сына боярского из Мценска, умершего, когда ребенку было полтора года. До 17 лет В. Спиридонов жил у своего дяди в Мценске, но затем сбежал от него. После этого он жил в Туле у Льва Хомякова в качестве холопа, был женат на его «дворовой девке», а затем бежал на Дон. После 3 лет пребывания на Дону В. Спиридонов в 1664 г. вместе с отрядом донских казаков вышел к Москве для участия в войне с Польшей, но во время выдачи казакам жалования перед отправкой в полк был «изыман» у Разрядного приказа братом Льва Хомякова.¹³ Таким образом, как видим из приведенного материала, беглые холопы встречались среди донских казаков – данная ситуация была характерна как для начала XVII в. (о чем сообщают очевидцы), так и для более позднего времени.

Беглым холопом кн. Н. И. Одоевского был и Федор Иванов (Порошин) – один из наиболее ярких представителей донского казачества XVII в. Ф. Порошин пользовался, безусловно, значительным авторитетом на Дону, был участником «азовского осадного сидения» (1641) и одно время занимал должность казачьего войскового дьяка. Как принято считать, именно Ф. Порошин является автором Поэтической повести об азовском осадном сидении¹⁴ – выдающегося произведения русской литературы XVII в.

В целом и в этой группе источников фигурируют казаки самого разного социального происхождения. Любопытна в данном отношении и история донского казака Смирного Мятлева, приехавшего в Москву в составе той же казачьей станице, что и вышеупомянутый Евтифей Гулидов. О себе он показал следующее. В 1636 г. при наборе в Темниковском уезде (видимо, он был родом из тех мест) «охочих людей» в казачью службу в город Верхний Ломов С. Мятлев также записался туда, но затем в том же году бежал из Ломова на Дон.

¹³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 266–268.

¹⁴ См.: Робинсон А.Н. Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1948. Вып. 5. С. 65–71.

Свой побег он объяснял тем, что голова Б. Соковнин в Ломове не дал положенных ему «кормовых денег», а также сажал его в тюрьму (по словам Мятлева, «не за вину» т. е. беспричинно), в результате чего С. Мятлев, «видя к себе напрасное насилие» и забрав с собой казенную пищаль (ценой в 2 рубля), а также фунт пороха («зелья») и фунт свинца, выданные ему для службы, бежал на Дон. О побеге С. Мятлева на Дон и о «сносе» им казенного имущества (согласно «расходным книгам», присланным из Ломова в Москву, «кормовые деньги» на месяц в размере 24 алтын были Мятлеву выданы) сообщил ломовский казак, присланный с отписками в Москву из этого города и узнавший С. Мятлева. В результате разбирательства в Посольском приказе Мятлев не пострадал, однако был лишен части жалования, выданного в Москве казакам его станицы.¹⁵

В июле 1640 г. на двух судах (бударах), плывших из казачьих городков к Воронежу, произошло убийство московского попа Ивана Афанасьева, вывозившего из Азова доставшееся ему по наследству имущество дяди, азовского попа Афанасия Гордеева. Это имущество (в основном предметы одежды, ткани, включая восточные, жемчуг и пр.) было разделено между гребцами. В ходе следствия выяснилось, что инициаторами убийства были трое донских казаков и крестьянин с Ельца, нанявшиеся на суда гребцами в низовьях Дона. При этом в ходе допроса в Воронеже один из казаков, Стенька Быстрой, сообщил о себе, что является холопом боярина кн. В. Т. Долгорукого, на Дон «сшол» около 5 лет назад; другой казак, Савостка Ульев, показал, что он пушкарский сын, уроженец Переяславля-Рязанского и ушел из этого города на Дон «тому де годы с четыре».¹⁶

Крестьянами курских детей боярских Ивана и Емельяна Максимовых были донские казаки Фома и Калина Севастьяновы. Первый из них бежал на Дон в 1653 г. и затем в составе отряда из 500 казаков вышел в 1655 г. с Дона на «государеву службу» во время войны с Польшей, а его брат Калина присоединился к Фоме под Шкловом. Нами сделана публикация документов судебного дела о крестьянской зависимости братьев Фомы и Калины Севастьяновых от курских

¹⁵ Донские дела. Кн. 1. Стб. 583–586.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 278. Л. 337, 341. Третьего донского казака, некоего Калистратку, упомянутые казаки «посадили в воду» (утопили) из-за разногласий о дальнейших действиях после убийства.

помещиков Ивана и Емельяна Максимовых.¹⁷ В материалах этого же судебного дела в одном из документов за 1656 г. упоминаются донские казаки, по происхождению дети боярские с Ливен, принимавшие в 1655–1656 гг. участие в составе казачьего отряда атамана Якова Дронова в военных действиях против Польши и Швеции.¹⁸

Любопытные данные о социальном и региональном происхождении людей, живших в казаках на Дону, содержат «роспросные и пыточные речи» двух «воровских казаков», Кондрата Ходеряхина и Нефеда Золотарева, захваченных осенью 1659 г. в ходе столкновения между отрядом донских казаков, грабивших на Волге суда, и посланными против него с Саратова служилыми людьми. Ходеряхин и Золотарев показали во время допроса, что они родом из Сокольска («родиною де они Соколинского города»), их отцы и братья состояли в этом городе в «драгунской службе». Сами же они «пошли на Дон» «своею охотою» (надо полагать, речь идет о том, что их уход к казакам не был вызван какими-либо чрезвычайными обстоятельствами) – первый в 1657/58 г., второй в 1658/59 г., после чего жили в казачьем Сиротинском городке. Летом 1659 г., когда они были «на гульбе на реке Иловле» (куда ходили «за зверем с капканы»), их взял с собой отряд «воровских казаков» из 80 человек, который шел вверх по Иловле «для воровства на Волгу реку». В 1659 г. К. Ходеряхин и Н. Золотарев приняли участие в двух подобных походах. Согласно их показаниям, в первом походе атаманом и есаулом у них были Василий Прокофьев и Степан Федоров, оба родом из Самары («самаряня»), во втором – бывший стрелец из Царицына Петр Кулыга и Иван Самаренин. Кроме того, пленники показали, что еще по весне «ис того ж де казачья Сиротинского городка пошли ныне весною на воровство в казаки Соколенского ж города» жители Иван Косой, Анкудин Шатченин, Степан Татарин, сын гулящего человека из Сокольска Сафон Кирилов, а также астраханец Прокофий Гаврилов. Все эти люди сравнительно недавно, по-видимому, пришли на Дон, поскольку о них говорится, что они «пошли на воровство в казаки». Определение «казак» в первую очередь подразумевает участие человека

¹⁷ Там же. № 865. Л. 95. См. также: Куц О. Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых конца 50–начала 60-х гг. XVII столетия // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 443.

¹⁸ Куц О. Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых... С. 444.

в военных предприятиях, и для упомянутых людей это был либо их первый поход, либо же данные слова следует понимать как трафаретную фразу, подразумевающую в данном случае под «казакованием» нападения на торговые суда. (Более вероятно первое, но и второе также не исключено.)¹⁹

Перейдем к рассмотрению сведений о происхождении казаков, содержащихся в казачьих челобитных, поданных в Москве. Распространенной категорией людей, живших в казаках на Дону, были, безусловно, выходцы из «бусурманского» плена, которые, бежав из неволи в казачьи городки, так и оставались жить в них. До нас дошло несколько подобных историй. Так, донской казак Тимофей Сукин из станицы атамана Антипа Устинова, которая была прислана в Москву с войсковой отпиской в январе 1638 г., подал в Посольском приказе челобитную с просьбой отпустить его на время «в Новгородчину, в Бежецкую пятину» для свидания с родными. О себе он сообщал следующее. В 1611/12 г., во время Смуты, он попал в плен к литовцам, затем был продан в Турцию, оттуда попал в Крым. Из Крыма он сумел бежать к казакам на Дон, у которых и остался. Приехав в Москву в составе казачьей станицы атамана А. Устинова, он встретил своего брата Дементия Сукина (вероятно, двоюродного, поскольку отчества их не совпадают), от которого и узнал про свою мать и братьев. Сам Т. Сукин по происхождению был, скорее всего, сыном боярским или дворянином, поскольку в его челобитной есть такие слова: «А как, государь, увижу материны очи и братьей своих сыщу, и я в те поры тебе, государю <...> буду бить челом, чтоб ты, государь, меня пожаловал, велел справить родственное мое по списку, где родители мои служат, как ты, государь, укажешь...». Т. Сукин действительно был отпущен с Москвы до Масленицы для свидания с родственниками.²⁰ Продолжение этой истории, к сожалению, неизвестно.

Сходна была и судьба донского казака Андрея Клепикова. По происхождению он являлся сыном боярским с Черни, малолетним был взят в плен ногайскими татарами, у которых и прожил около 15 лет. Затем он бежал от них к казакам, «служил на Дону казачью службу лет с тритцать». В 1642/43 г. он опять был захвачен в плен азовскими татарами, продан в Царьград (Стамбул), провел в плену 4 года, но затем снова бежал, через Балканы и Литву добравшись до

¹⁹ Донские дела. Пг., 1917. Кн. 5. Стб. 537–540.

²⁰ Там же. Кн. 1. Стб. 658–659.

России. Все это он сообщает в своей челобитной, поданной в Посольском приказе с просьбой о жаловании за «полонское терпенье и за выход (т. е. бегство из плена. — О. К.)», благодаря чему эта история и дошла до нас.²¹

В «малых летех» (т. е. ребенком) попал в плен к татарам и Андрей Кондратьев родом из Переяславля-Рязанского. После 10 лет пребывания в ногайском плену он, «помня православную христианскую веру», бежал от татар на Дон, где затем прожил 30 лет, а в ноябре 1648 г. вышел в Москву для «исправления веры» (т. е. для временного пребывания в монастыре), о чем и подал в Посольском приказе соответствующую челобитную.²²

У нас имеется только 3 примера, когда выходцы из «бусурманского» плена оставались жить на Дону. Между тем из «бусурманского» плена на Дон бежали постоянно, известиями о таких случаях буквально пестрят казачьи войсковые отписки в Москву (обычно такие «выходцы» приносили с собой важные известия о татарах и турках); значительное количество пленников освобождали донские казаки во время своих походов (особенно морских). Нет ничего удивительного, что часть таких «полоняников» оседала на Дону. Тем более это закономерно для людей, в детстве захваченных во время татарских набегов (причем они могли даже не помнить, где жили до плена), не знавших и уже не представлявших себе иной жизни, кроме жизни в степи. Чаще всего такие люди были родом из южных городов, так как именно южнорусское население в первую очередь страдало от татарских набегов. Изломанные татарской войной судьбы нередко, по-видимому, встречались у казаков — даже таким образом татарские набеги способствовали пополнению казачества.

Встречались (и, по-видимому, нередко) среди казаков и новокрещеные татары, о которых упоминают современники (например, Г. Котошихин). От рассматриваемого периода до нас дошла одна такая история. В ноябре 1649 г. донским казаком Иваном Новокрещеном в Москве была подана челобитная, в которой он сообщал о себе, что был «взят в Азове» (вероятно, захвачен казаками в плен во время взятия Азова), но, «провидя православную христианскую сущую веру», крестился на Дону. Через 5 лет жизни среди казаков И. Новокрещен

²¹ Донские дела. Кн. 3. С. 16. 395. Позднее А. Клепиков вновь отправился на Дон вместе с казаками одной из находившихся в это время в Москве казачьих станиц.

²² Там же. Кн. 4. С. 16. 311.

попал в плен к крымским татарам, но через год бежал на Дон. В своей челобитной (написанной совместно с уже упоминавшимся Андреем Кондратьевым) он просил отдать его на время в монастырь «под начал» для «исправления православные христианские веры» в связи с пребыванием в плену.²³

Наконец, из челобитной, поданной в Посольском приказе в конце 1643 г., узнаем о происхождении донского атамана Осипа Лосева, чье имя неоднократно упоминается в источниках 1630–начала 1640-х гг. Он был родом с Ельца, отец его, служилый человек, погиб во время боя с татарами под этим городом в начале 1610-х гг. Потеряв отца, юный Лосев «збрел на Поля, на Дон», где прожил 30 лет, но затем вернулся «на Русь».²⁴

Это все материалы об индивидуальных судьбах донских казаков, встреченные нами в источниках за указанный период. Они крайне немногочисленны и отрывочны, однако и из них можно сделать вывод о пестроте социального происхождения людей, пополнявших донское казачество. Хорошо заметен и следующий момент: на Дону оказывались прежде всего либо люди с южных окраин Русского государства, либо же те, чьи судьбы так или иначе пересеклись с казаками.

Вопрос о региональном происхождении отдельных донских казаков можно также раскрыть на основе прозвищ последних, отразивших географические названия (например: «Коломнетин», «Шатчинин» и т. п.). Основной материал такого рода находится в различных списках казаков – как правило, это либо списки казачьих станиц, приезжавших с Дона в Москву с войсковыми отписками, либо же списки казачьих формирований, выходивших в разные годы в Россию для участия в военных действиях против Польши и Швеции в составе русских войск. Кроме того, подобные прозвища могли носить и отдельно упоминающиеся в различных документах казаки (особенно это касается атаманов).

Необходимо, впрочем, отметить следующее. В большинстве дошедших до нас списков казаков прозвища последних, как правило, не фиксировались. Обычно записывалось лишь имя казака и имя его отца, в результате чего такие списки представляют собой различные сочетания русских имен (например: Алексей Еремеев, Тарас Васильев и т. п.). Лишь в редких случаях имена казаков даны с прозвищами

²³ Там же. Стб. 311–312.

²⁴ Там же. СПб., 1906. Кн. 2. Стб. 585.

(например: Яков Щукин, либо Яков Данилов сын Щукин), при этом прозвища нередко имеют региональное происхождение. Однако даже в тех случаях, когда прозвища, как правило, не упоминаются, они иногда все-таки могут встречаться (например: Федор Иванов, Терентий Павлов, Андрей Тельнов, Василий Тимофеев и т. д.)

Нетрудно заметить, что появление в тех или других списках казаков прозвищ регионального характера – явление случайное. Случайным является и то обстоятельство, что тот или иной человек носил прозвище, происходящее именно от названия местности, а не какое-либо другое. В документах за рассматриваемый период нам встретились следующие прозвища регионального характера.

Осенью 1637 г. в Москву приехала казачья станица во главе с атаманом Григорием Шатровым, сопровождавшая «на Русь» крупную партию «полона», освобожденного донскими казаками во время взятия Азова. Казаков было 37 человек, включая атамана. В списках на жалование имена казаков написаны с прозвищами (например: «Данило Кульнев, Лукьян Лом, Максим Филипповский» и т. д.). Из этого числа трое казаков имели прозвища регионального характера: Михаил Астараханец, Федор Путимец, Давид Шатчинин.²⁵ В августе 1641 г. с Дона в г. Валуйки прибыло два выходца, сообщивших воеводе последние известия об азовском осадном сидении донских казаков. Информация эта была получена от прибывшего с низовьев Дона в казачий городок Каргалы донского казака Ивана Тамбовца.²⁶ Весной 1644 г. в Астрахань из «бусурманского» плена вышли трое донских казаков – Онуфрий Артемьев, Никифор Онуфриев, Петр Дмитриев. В своих челобитных эти казаки именуют себя следующим образом: Онуфрий Ливенец, Петр Ельчинин, Микифор Костромитин.²⁷

В списке станицы Леонтия Пушкинского, приехавшей в Москву с войсковой отпиской в конце лета 1646 г., из 19 казаков прозвища упоминаются лишь у двоих – у самого атамана («Пушкинской») и у казака Ивана Валуйского.²⁸ В 1647 г. в Москве продал татарчонка персидскому («кизылбашскому») дипломатическому гонцу донской казак Иван Еремин Воронежец.²⁹ В сентябре 1650 г. в Астрахань

²⁵ Донские дела. Кн. 1. Стб. 578.

²⁶ Акты Московского государства. Т. 2. С. 122.

²⁷ Донские дела. Кн. 2. Стб. 691–692.

²⁸ Там же. Кн. 3. Стб. 149.

²⁹ Там же. Стб. 291.

с паломническими целями из казачьего городка Голубые прибыли донские казаки Дмитрий Иванов Касимовец и Марк Назарьев Лебедянец.³⁰

В отписке в Москву В. Унковского, русского посла на Украине, упоминается донской атаман Корнило Белгородец, в 1650 г. посылавшийся от донских казаков к запорожцам.³¹ В июне 1651 г., как уже говорилось, в Астрахань из калмыцкого плена вышли 6 донских казаков, пятеро из которых в документе – отписке астраханских воевод в Москву были названы с прозвищами регионального характера. Это Иван Осколенин, Ермак Ростовец, Дмитрий Белгородец, Степан Шатченин, Ефрем Тамбовец. Из 5 казаков станицы атамана Емельяна Свешникова, присланной в Москву в мае 1652 г., один казак носил прозвище Козлитин (трое остальных в войсковой отписке были написаны без прозвищ).³²

В октябре 1659 г. К. Ходеряхин и Н. Золотарев, захваченные во время боя «воровских казаков» с саратовскими служилыми людьми, среди сообщенных ими имен 9 своих товарищей называли есаула Ивана Самаренина и казака Анкудина Шатченина.³³ В войсковой отписке от декабря 1662 г. сообщалось о видении в Черкасском городке казаку Ивану Стародубцу.³⁴ В списке казаков, вышедших из плена в 1666 г., из 11 человек с прозвищами написаны пятеро. Среди них значатся Владимир Мещеряков (атаман) и Иван Соколец («Сакалец»).³⁵

В списке отряда атамана Дениса Буянина, вышедшего на службу к Москве в 1656 г. числом в 177 человек, многие казаки (примерно треть) были записаны с прозвищами. При этом встречаем следующие имена: Григорий Коломнетин, Василий Трубченинов, Петр Стародубов, Перфилий Городецкой, Савелий Мещерской, Федор Смолянинов.³⁶ В списке донских казаков, зимовавших в 1655/56 г. «на государевой службе» в Могилеве, в числе казаков станицы атамана Акима Перфильева (101 человек; за редкими исключениями, все они написаны без прозвищ) видим Алексея Астараханца; а среди казаков

³⁰РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1650 г., № 1. Л. 50.

³¹Воссоединение Украины с Россией: Сб. документов. М., 1954. Т. 2. С. 444.

³²Донские дела. Кн. 4. Стб. 227.

³³Там же. Кн. 5. Стб. 539–540.

³⁴Там же. Стб. 1015.

³⁵РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г., № 5. Л. 9.

³⁶РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 550. Л. 77, 80–81, 82, 83.

«Тарельшиковой станицы» (названа по прозвищу ее атамана; при этом имя атамана неизвестно и сам он в списке отсутствует) из числа 26 имен, в большинстве также без прозвищ, значится Иван Путимец.³⁷ В 1656 г., в связи с разбирательствами о казачьих грабежах в Курляндской земле, упоминается есаул донских казаков Лев Путимец.³⁸

Во второй трети XVII в. существовала корпорация кормовых донских и яицких верстанных казаков, живших в Туле. Большинство из них (о чем можно судить уже по их наименованию) были выходцы с Дона и Яика (правда, на службу принимали также и родственников этих казаков). В списке «донских казаков» данной корпорации от середины 1656 г. (составленном в связи с выдачей кормовых денег) из 112 человек с прозвищами написана примерно половина (52), из них один – Василий Козлитинов. В другом списке этих же казаков упоминается Антон Лаишевцов.³⁹

От конца 1656 г. имеется также список донских казаков из числа принимавших участие в военных действиях против Польши и Швеции в 1655–1656 гг., состоящий из 20 человек. Все они вышли с Дона на службу в 1655 г. и в тот момент просили поселить их в Туле для службы совместно с «тулскими з донскими с кормовыми казаки». Все имена казаков записаны с прозвищами, при этом фигурирует Федор Шатченин.⁴⁰ Среди казаков отряда атамана Андрея Назимова, состоявшего из 130 человек и направлявшегося осенью 1663 г. на «вечное житье» в Смоленск, упоминается казачий («войсковой») подьячий Яков Кадомской (имена остальных, за исключением атамана, даны без прозвищ).⁴¹

Наконец, от 1663–1664 гг. имеется несколько списков донских казаков числом примерно в 200 человек, вышедших с Дона на службу в Россию еще в 1655 г. и участвовавших в военных действиях против Польши и Швеции, а затем, после отправки их осенью 1656 г. на Дон, задержанных в Тамбове в связи с необходимостью обороны от татар

³⁷ Там же. Л. 163, 167.

³⁸ Там же. № 209. Л. 68.

³⁹ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 393. Л. 177, 227, 150–152. Любопытно также прозвища яицких казаков упомянутой корпорации. Из 84 яицких казаков около половины перечислено с прозвищами (39 человек); при этом встречаем следующие прозвища: Алатарец, Астараханец, Данков, Казанцов, Масквитинов, Москва, Нижегородец, Ржевитин, Самаренин (дважды).

⁴⁰ Там же. Л. 158.

⁴¹ Там же. № 567. Л. 195, 201.

тамошних мест и временно поселенных в этом городе. В списках приведены прозвища всех казаков. При этом встречаем следующие имена: Тимофей Мещеряков, Тимофей Коломнетин, Евдоким Переславцов, Александр Трубчснинов, Иван Вяткин, Семен Резанцов.⁴²

Характерны также прозвища некоторых донских атаманов. В частности, из 9 войсковых атаманов, избиравшихся казаками за период 1637–1667 гг., двое носили прозвища регионального характера – Осип Колуженин и Михаил Самаренин (он же Самара, Самарин, Самаринов).⁴³ Среди атаманов рангом пониже (станичных) встречаем Гаврилу Веневитинова⁴⁴ и его сына Якова Веневитина (он же Яков Гаврилов).⁴⁵ Атаман одного из казачьих отрядов, вышедших с Дона на службу к Москве в конце 1650-х гг., Ефрем Савилов (Савинов) в одном из документов назван Ефремом Валуйченином.⁴⁶

Итак, в источниках за период 1637–1667 гг. нам встретились следующие прозвища казаков регионального происхождения:

Астраханец (дважды),
Белогородец (дважды),
Валуйский,
Валуйченин,
Веневитинов (Веневитин),
Воронежец,
Вяткин,
Городецкой,
Ельченин,
Кадомской,
Калуженин,
Касимовец,
Козлитин,
Козлителин,
Коломнетин (дважды),
Костромитин,
Лаишевцов,

⁴² Там же. Л. 217, 219, 221, 225, 395.

⁴³ «Калуженин» и «Самаренин» были наиболее употребительными прозвищами этих атаманов.

⁴⁴ Донские дела. Кн. 3. Стб. 292, 571 и др.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1663 г., № 5. Л. 2 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 393. Л. 3 об.

Лебедянец,
Ливенец,
Мещеряков (дважды),
Осколенин,
Переславец,
Переславцов,
Путимец (трижды),
Рязанцов,
Ростовец,
Самаренин (дважды),
Смолянинов,
Соколец («Сакалец»),
Стародубец,
Стародубов,
Тамбовец (дважды),
Трубченинов (дважды),
Шатченин (четырежды).
Всего 46 прозвищ.

Из этого числа большинство прозвищ произошло от названий городов, расположенных к юго-западу, югу и юго-востоку от Оки либо же на самой Оке (28 прозвищ). Это прозвища, происходившие от таких географических названий, как Астрахань, Белгород, Валуйки, Венев (город между Тулой и Рязанью), Воронеж, Касимов (город на Оке близ Шацка и Рязани), Козельск, Коломна, Калуга, Лебедянь, Ливны, Оскол, Путивль, Рязань, Самара, Сокольск (город, построенный в 1647 г. в среднем течении р. Воронеж), Тамбов, Трубчевск, Шацк. Поблизости от Оки находится Мещера (местность, расположенная к северу и северо-востоку от Рязанского края; в этом месте Ока делает значительный изгиб к югу). Под Переяславлем следует, скорее всего, понимать Переяславль-Рязанский (менее вероятно, на наш взгляд, что это Переяславль-Залесский или Переяславль на Днестре). Таким образом, из 46 прозвищ лишь 7 имеют явно неюжное происхождение. Они происходят от таких географических названий, как Вятка, Городец, Кадом, Кострома, Лаишев, Ростов, Смоленск.

Следует отметить, что вовсе не обязательно, чтобы человек, носивший прозвище, к примеру, «Смолянинов», сам был родом из этого города. В документах можно встретить немало случаев, когда человек с прозвищем, например, «Веневитин» являлся жителем

Воронежа, «Ливенец» – Ельца, «Рязанцев» – Белгорода, и т. д.⁴⁷ Один из людей, чьи прозвища приводятся в списке, Анкудин Шатчинин, по происхождению определяется в документе как «соколенин» (т. е. из Сокольска). На юге в рассматриваемое время активно шли колонизационные процессы, постоянно строились новые города, жителей в которые набирали в основном из «украинных городов». Нам, однако, важно другое. Приведенные прозвища, на наш взгляд, недвусмысленно показывают, что их носители были в большинстве родом именно с юга, поскольку переселенческое движение шло в рассматриваемый период именно с севера на юг, а не наоборот. Так, человек, носивший прозвище, к примеру, «Костромитин», вполне мог быть выходцем из южнорусского города, в то время как обратная ситуация гораздо менее вероятна.

Таким образом, несмотря на то что среди донских казаков было немало людей и из отдаленных областей, основная часть казаков была, думается, выходцами именно из южнорусского края либо же с Нижнего Поволжья, т. е. со степных «украин».

В исследованиях, посвященных казачеству других рек (Днепра, Яика, Терека) уже обращалось внимание на информацию, заложенную в казачьих прозвищах территориального характера. Так, историк яицкого казачества А. Б. Карпов, изучив список из 950 яицких казаков, набранных на службу перед Смоленской войной (при этом 580 казаков были записаны с прозвищами, из которых 487 носило региональный характер), пришел к выводу, что основная часть яицких казаков этого времени происходила из районов Среднего, Нижнего и отчасти Верхнего Поволжья.⁴⁸

Помимо прозвищ, еще одним источником по региональному происхождению донских казаков являются документы о поездках отдельных казаков с Дона на богомолье в Россию. По пути эти казаки иногда заезжали к своим родственникам, иногда же по самому

⁴⁷ См., например: Там же. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 38, 63 и др.

⁴⁸ Карпов А. Б. Уральцы. Ч. 1. Яицкое войско. Уральск, 1911. С. 55–57. (Сходную картину дает и перепись казаков на Яике, произведенная в 1723 г. полковником Захаровым, в ходе которой собирались сведения о том, откуда родом был тот или иной казак или же его предки. См.: Там же. С. 57–58.) Вывод А. Б. Карпова иллюстрируют и прозвища «яицких казаков» тульской корпорации, приведенные нами выше. Насколько можно судить, прозвища регионального характера на Дону, по сравнению с Яиком, были распространены гораздо менее, да и в целом прозвища донских казаков в различных списках фиксировались крайне редко.

направлению таких поездок можно предположить, что это родные места данных казаков (если это не были, конечно, такие основные для донского казачества места паломничества, как Соловки, Москва, Астрахань, Чернеев монастырь под Шацком). Всего нам встретилось 14 таких случаев.

В 1645 г. донские казаки Яков Жуков и Андрей Елисеев, выехавшие к Москве вместе с присланной от Войска станицей Павла Федорова с целью паломничества на Соловки, в Москве просили дать им подорожную до Ельца для поездки к «родимцам» (родным), чтобы уже с весны отправиться к «соловетским чудотворцам».⁴⁹ В январе 1646 г. донской казак Степан Марков просил в Москве дать ему проезжую грамоту до Пронска для свидания с родителями, с которыми он не виделся 27 лет. (Как С. Марков оказался в Москве, сведений нет. Не исключено, что он вернулся из плена.)⁵⁰ В 1648 г. донской казак Марк Матюнин, выехав с Дона для богомолья в Москву, по пути заезжал на Лебедянь «к родимцом», взяв у воеводы этого города документ для проезда в Москву.⁵¹

В декабре 1646 г. и ноябре 1653 г. четверо донских казаков (Семен Дементьев, Максим Максимов, Иван Зуев и Петр Дорофеев) ездили из Москвы в Можайск для молитвы «великому чудотворцу Николе Можайскому»,⁵² а в январе 1653 г. из Москвы во Владимир был отпущен для молитвы донской казак Иван Матвеев.⁵³ В декабре 1649 г. донские казаки Парфен Иванов и Куприян Щербачов по пути на богомолье в Москву заезжали «на Ливны к радимцам своим».⁵⁴ В 1663 г. донской казак Григорий Анненков, приезжавший в Москву для молитвы, по пути заезжал к своим родственникам, жившим «на Москве и на Туле».⁵⁵ Наконец, в январе 1666 г. донские казаки Алексей Михайлов и Яков Иванов просили отпустить их из Москвы для богомолья в Гороховец.⁵⁶

Это все сведения подобного рода, встретившиеся нам в источниках. Прочие казаки, по-видимому, ездили в родные места без всяких

⁴⁹ Донские дела. Кн. 3. Стб. 460.

⁵⁰ Там же. Стб. 470–471.

⁵¹ Там же. Кн. 4. Стб. 11.

⁵² Там же. Кн. 3. Стб. 559–550; Кн. 4. Стб. 319–320, 801–803.

⁵³ Там же. Кн. 4. Стб. 645–646.

⁵⁴ Там же. Стб. 418.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1663 г., № 1. Л. 5.

⁵⁶ Там же. 1666 г., № 5. Л. 14.

бумаг, или же такие бумаги не попадали в Москву. Здесь из 14 казаков ровно половина родом с юга, другая половина – из более отдаленных мест. Какого-либо принципиального вывода из этого соотношения делать, конечно, нельзя, поскольку для поездки в более отдаленные от юга области проезжая грамота была гораздо более необходима, чем при поездке с Дона в южнорусский город, правом на которую донские казаки обладали официально. И тем не менее характерно, что и в этом случае казаки родом с южнорусской окраины составляют значительную долю.

Имеются, наконец, и прямые известия о том, что основная масса донских казаков была родом именно с юга. Так, в 1584 г. русский посланник Б. Благово прямо говорил в Стамбуле, что конфликты между казаками и татарами происходят из-за того, что крымцы и ногайцы совершают нападения на южнорусскую окраину, а казаки в ответ приходят войной на них самих, поскольку у казаков «род и племя на украинях».⁵⁷ Донские казаки из отряда атамана Дмитрия Свищева, находившиеся зимой 1657 г. на «государевой службе» в Новгороде и Ладого, в своей челобитной о выдаче им жалования говорят следующее. В то время как они находятся в районе театра боевых действий, другие донские казаки, которые были отпущены со службы после похода под Ригу, зимуют теперь «на Туле и в ыных в украинских городех у родителей своих в покое».⁵⁸ Последние два известия говорят о том, что донское казачество, похоже, как самими казаками, так и их современниками осознавалось прежде всего как южнорусское явление.

Помимо бегства на Дон ряды казачества пополнялись и за счет детей казаков, хотя этот источник пополнения, как представляется, не являлся основным. Сообщения о казачьих детях встречаются в документах. Так, донской казак Иван Леонтьев, приехавший в Астрахань в декабре 1639 г. «с матерью, и з женою, и з детьми», показал в расспросе следующее. Он родился и жил на Дону, а незадолго до приезда в Астрахань «бил челом донским атаманом, и ясаулом, и казаком (т. е. сделал устное прошение в войсковом кругу. – О. К.), чтобы ево Ивашка с матерью, и з женою, и з детьми отпустили в

⁵⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 4 (т. 7). С. 262.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 39.

Астарахань», так как «он Ивашко скорбен (болен. — *О. К.*) и оброчник постричься (постричься. — *О. К.*)», на что казаки и дали ему согласие.⁵⁹

Встречаются в источниках и более общие известия о семьях казаков. Так, когда 7-тысячному отряду турок и татар удалось в мае 1643 г. захватить казачий городок под названием Монастырский Остров, являвшийся в то время центром донского казачества, в плен попало «баб и робят тысячи з д[ве]». ⁶⁰ Чуть ранее, в конце апреля того же года, отряд «бусурман» из Азова в 700 человек захватил и разграбил казачий городок Маныч, при этом в числе захваченной татарами добычи упоминается «козачей ясырь» — «бабы и ребята» (т. е. жены и дети казаков), часть которого — «человек с тритцать и болши» — была отбита в бою казаками с Монастырского Острова и Черкасского городка во время преследования неприятеля.⁶¹ Упоминаются в документах семьи и у верховых казаков. Так, когда в октябре 1664 г. калмыки совершили нападение на казачьи верховые городки и многие из них «без остатку разорили, и скот отогнали, и отоманов и козаков многих порубили и переранили», в полон также попали жены и дети казаков.⁶² В весной 1659 г. донские казаки г. Царева-Борисова (в количестве 23 человек) писали в своей челобитной в Москву, что они пришли с Дона «на вечное житье» в этот город в 1654–1658 гг. «з женами и з детми». ⁶³ Наконец, в Москве в 1666 г. при Разряде было оставлено 3 донских казака из станицы атамана Василия Уса. В конце этого года, после отъезда В. Уса из Москвы и ухода его казаков из-под Тулы на Дон, упомянутые казаки подали челобитную об их освобождении из-за караула, причем во время расспроса они показали о себе следующее. Один из них, Григорий Семенов, был родом с Воронежа, солдатский сын, на Дон ушел 24 года назад, имел на Дону жену и двоих детей, другой, Дмитрий Селиверстов — крестьянский сын Шацкого уезда, на Дон сошел 23 года назад, вдовец;

⁵⁹РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 21.

⁶⁰РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1. В этом месте край листа оборван; по краю обрыва отчетливо просматривается буква «д».

⁶¹Там же.

⁶²РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1664 г., № 9. Л. 11. (Отписка из Белгорода в Москву боярина кн. Б. А. Репнина, пересказывающая войсковую отписку с Дона на Валуйки от конца октября — начала ноября 1664 г.)

⁶³РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 481. Л. 483.

третий – Кузьма Андреев родился на Дону, там у него остались отец, мать и брат.⁶⁴

Следует отметить, что семьи имели на Дону далеко не все казаки, а лишь состоятельные, владевшие своим хозяйством и уже давно жившие на Дону. Так, упоминавшийся выше донской атаман Осип Лосев имел на Дону жену и детей, попавших в плен к туркам и татарам во время взятия ими в 1643 г. Монастырского Острова. (Самому Лосеву с отрядом казаков удалось, по-видимому, прорваться за пределы городка).⁶⁵ Большое же количество захваченных турками и татарами женщин и детей объясняется тем, что Монастырский Остров являлся центром донского казачества, где, насколько можно судить, жило большое количество состоятельных казаков – так сказать, донская казачья элита.

Женщины попадали в казачьи городки двумя путями. Во-первых, на Дону имелась возможность купить «ясырку» (пленницу-мусульманку) – прежде всего татарку или турчанку. Последних казаки в значительных количествах захватывали во время погромов прибрежных городов, сел и деревень Крыма и Турции. Стоили такие пленницы, правда, очень дорого – в пределах 10–15 рублей и выше. Однако женились донские казаки не только на пленницах, но и на представительницах «донских татар». Так, в 1638 г. во время боя казаков в Крымской степи (на р. Молочные Воды) с отрядом татар в плен к ним попал татарин с Дона Кайштанко Тарбердеев. Бежав ночью из плена, он «облюдился» (заблудился) и «был в степи немалое время», а затем вышел к г. Усерду, откуда по ошибке его отправили в Москву в качестве «языка». Там К. Тарбердеев показал о себе во время расспроса, что родом он ногайский татарин из-под Астрахани, «переехал на Дон х казаком тому 2 года». На Дону же «ево Кайштанова сестра родная (замужем. – О. К.) за казаком» Денисом Моторой. Пребывавшие тогда в Москве донские казаки, приехавшие сюда с войсковой отпиской с Дона, слова татарина подтвердили.⁶⁶

С другой стороны, существовал, по-видимому, вывоз на Дон женщин и девушек «с Руси». Прямых свидетельств такого рода у нас нет,

⁶⁴ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 265 (коммент. к док. № 37).

⁶⁵ Донские дела. Кн. 2. Стб. 587–588.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 265–268. В итоге воевода Усерда Д. Голочанов получил из Москвы выговор за то, что сам не разобрался в этом деле (Там же. Л. 270–272).

но имеется ряд косвенных данных по этому поводу. В 1661 г. донской казак Андрей Серебреник подал в Москве челобитную, в которой просил разрешить ему забрать на Дон из черной слободы г. Шацка жену и детей, что и было ему позволено.⁶⁷ Поскольку это единственная челобитная такого рода, а мысль забрать на Дон свою семью едва ли могла прийти в голову только упомянутому казаку, то можно предположить, что подобный вывоз в основном совершался неофициально. Могли казаки также сманивать с собой и увозить на Дон женщин и девушек. Так, в конце XVII в. в Воронеже перед венчанием в церкви донских казаков с дочерьми воронежских жителей родственники невест обязательно опрашивались, «не бегом ли <...> девки» «за <...> казаков замуж идут», поскольку бывали случаи, когда казаки сманивали с собой на Дон замужних женщин или дочерей от родителей.⁶⁸ Впрочем, учитывая крайнюю опасность жизни в степи во второй трети XVII в., вывоз казаками женщин «с Руси» не отличался, по-видимому, большим размахом — об этом свидетельствует уже само молчание источников на этот счет.

Бегство к казакам с русской территории и борьба с ним русских властей

Материал, который мы приводим в этом разделе, очень отрывочен, но представление о конкретных вариантах бегства на Дон и мерах государства по борьбе с данным явлением он все же, на наш взгляд, позволяет составить. Поэтому сказанное далее, как и раздел 2 первой главы, также отчасти носит характер постановки проблемы.

Уход или, согласно официальной точке зрения московских властей, бегство с территории Русского государства к донским казакам являлось в течение указанного периода, несомненно, одним из главных источников пополнения казачества. Так, в 1646 г. один из виднейших казачьих атаманов той поры, Павел Федоров (Чесночихин), прямо говорил воронежскому воеводе, что если «с Руси» прекратится

⁶⁷ Донские дела. Кн. 5. Стб. 926.

⁶⁸ Вейнберг Л. Б. Город Воронеж (Исторический очерк.) Воронеж, 1886. С. 69–70, 68.

приток людей к казакам, то в этом случае «и казакам на Дону не бывать» – не будет самого донского казачества.⁶⁹

Из приведенного в первой главе материала видно, что возможность ухода на Дон была довольно тесно увязана с «донской торговлей» – именно по речному пути в торговом караване, нанявшись на судно, проще всего было добраться до мест проживания казаков. Способ этот использовался, судя по всему, довольно часто. И если во времена правления Бориса Годунова торговые поездки к казакам находились под строгим запретом, то после Смутного времени запрет этот де-факто был отменен (см. выше). Вновь он был восстановлен в 1628 и продлился до 1638 г., хотя поездки из южнорусских городов на Дон продолжались и после 1628 г.

О мерах данного времени по пресечению передвижения людей к степной границе можно судить на примере Воронежа. В частности, весной 1637 г. воронежский воевода С. Козловский писал в Москву, что он, в соответствии с государевым указом, велел «по торгом не по один» день «биричем кликать», что если «которые люди будут на Воронаж и в Воронажской уезд из украйных, и из северских, и из резанских городов и из уездов ко племяни (родственникам. – О. К.), или для каких своих промыслов (приходить. – О. К.), – и те б люди являлись <...> в съезжей избе, а не явясь бы, никаков человек на Воронажи на посаде и в слободах нихто ни у ково не жил». При этом по данному указу от воеводы требовалось «тех приезжих или приезжих всяких людей роспрашивая <...> записывати в книги, хто именем какой человек, и откуда, и х кому, и для какова дела приехал» и т. п.⁷⁰ На настоящий момент мы не располагаем данными, существовала ли такая практика в южнорусских городах в период до 1628 г. По крайней мере, следует отметить, что данная процедура была характерна для русских пограничных городов вообще – в частности, для городов «от литовской украйны».⁷¹ Если данная мера была введена в южнорусских городах только после 1628 г., а не ранее, то она, безусловно, привела к усилению борьбы с уходом людей на Дон.

Указанная мера, впрочем, часто не приносила полного успеха – прекращения поездок на Дон в целом добиться было невозможно.

⁶⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 803.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 268-а.

⁷¹ Акты Московского государства. Т. 1. С. 228. (Наказ восводе г. Торопца от февраля 1628 г.)

Так, упомянутый С. Козловский в той же отписке сообщал о поимке близ Борщевской заставы на Дону «беглого человека» Семёна Алексеева, оказавшегося беглым крестьянином Шацкого уезда. В расспросе последний показал следующее. Вместе со своим товарищем, Федором Ивановым (также крестьянином Шацкого уезда), он пришел зимой в Воронежский уезд и жил в селе Ступино у атамана Максима Костылева. Затем С. Алексеев и Ф. Иванов отправились к казакам вместе с караваном «ратных людей», посланных на Дон для встречи турецкого посла Ф. Кантакузина, но на пути туда были ограблены сыном боярским Г. Макаровым и беломестным атаманом В. Кувакиным, ехавшими в том же караване. Помимо одежды и продовольствия у ограбленных были отняты «пищаль, да рогатина, два замка самопальные, два топора, да рухледь, что (посредством которой. — О. К.) пищальные ложи делают».

В данном случае любопытно следующее. Атаман из с. Ступина М. Костылев пускает «прихожих людей <...> к себе на двор жить, не являсь <...> в съезжей избе» (за это он был посажен в тюрьму «до указа»), а воронежские служилые люди Г. Макаров и К. Кувакин провозят их с собой через заставу в устье р. Воронеж.⁷² Это лишь один пример такого рода, однако подобные случаи не были, без сомнения, редкостью в Воронеже.

Одной из мер по борьбе с бегством на Дон было изъятие в Воронеже беглых у ехавших из Москвы на Дон казачьих станиц. Так, тот же воевода С. Козловский весной 1637 г. сообщал в Москву, что у казака М. Усача станицы Ивана Каторжного, возвращавшейся из Москвы, «вынят» был «беглый человек» Григорий Мартьянов.⁷³ Во время расспроса Г. Мартьянов показал, что он родом из Нижнего Новгорода, где его отец служил в беломестных казаках, к донским казакам присоединился в Москве и собирался идти с ними на Дон, а до этого был «в солдате». До указа из Москвы относительно него Г. Мартьянов был посажен воеводой в тюрьму, но затем бежал из нее. Сохранилось и описание этого человека: «ростом высок, лет в двадцать, круглолик, глаза серы, волосом рус».⁷⁴ В этот же

⁷²РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 264–268.

⁷³По-видимому, это тот самый Михаил Усач, который упоминается в материалах сыска М. Беклемишева в Белгороде в 1628 г. (см. выше). На данное время М. Усач прожил на Дону уже около 20 лет.

⁷⁴РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., №1. Л. 204.

день у казаков той же станицы были изъяты двое беглых холопов с Тулы, Гаврило и Петр Завражные, которых их отец, донской казак Иван Завражный, пытался вывезти на Дон (сам он также, надо полагать, являлся беглым холопом).⁷⁵ Впрочем, данную меру, связанную с досмотром отбывавших на Дон казачьих станиц, можно было обойти. Так, в 1629 г., согласно свидетельству очевидца, казачья станица, отъехав от Воронежа вниз по Дону на расстояние в 100 верст, ожидала здесь «беглых боярских людей человек з дватцать».⁷⁶

После взятия казаками Азова (1637) в отношениях между Москвой и Доном происходит улучшение, ликвидируются последствия государственной опалы, наложенной на Дон в 1630 г. Контроль за бегством к казакам ослабевает, по-видимому, после официального разрешения в 1638 г. «донской торговли», а с 1640 г. некоторое время, по наблюдению Н. А. Мининкова, от воронежских воевод уже не требовалось проводить строгий досмотр проезжавших через город на Дон казачьих станиц касательно присутствия среди них беглых.⁷⁷

Интересен ряд конфликтных ситуаций в Воронеже 1640-х гг., связанных с провозом беглых возвращавшимися из Москвы на Дон казачьими станицами. Дело в том, что в 1637 г. изъять у казаков беглых было нетрудно, поскольку отношения между Москвой и Доном в это время еще окончательно не нормализовались. И если до 1638 г. казаки, добиваясь восстановления отобранных у них в 1628–1630 гг. привилегий и льгот, старались, безусловно, избегать каких-либо эксцессов на территории Русского государства, то в середине 1640-х гг. казаки следующих из Москвы на Дон казачьих станиц ведут себя иначе.

Так, в 1645 г. воронежский воевода А. Бутурлин сообщал в Москву, что приехавшие в Воронеж две станицы казаков во главе с атаманами Федотом Федоровым и Устином Алексеевым (общим количеством в 58 человек) привезли с собой из Москвы много беглых людей (точнее – «робят», т. е. молодежь), которых они воеводе «не объявляли, держали в хороньбе», и затем повезли с собой в казачьи городки. При этом казаки также и у воронежских жителей «детей подговаривали и повезли (последних. – О. К.) с собою на Дон». Кроме

⁷⁵ Там же. Л. 261.

⁷⁶ Минников Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 95–96.

⁷⁷ Там же. С. 99.

того, звучали жалобы на насильственный захват скотины и «бесчестье» от казаков по отношению к женам воронежцев.⁷⁸

Летом следующего, 1646 г. из Москвы в Воронеж прибыла станица во главе с атаманом Иваном Каторжным. На пути в этот город к казакам также присоединилось значительное количество беглых крестьян и холопов. Воевода А. Бутурлин попытался по грамоте из Москвы изъять у казаков нескольких «беглых людей» Р. Боборыкина (последний подал в Москве по этому поводу челобитную и прислал в Воронеж своих слуг); для этого к казакам был отправлен отряд воронежских служилых людей («головы, и с ними дети боярские, и стрельцы, и казаки»). Однако, согласно отписке А. Бутурлина в Москву, И. Каторжный с товарищами «государева указу не послушали, тех беглых людей не отдали», заявив: «хотя де придет вынимать беглых людей сам воевода, и мы де ему отсечем уши, да пошлем к Москве». При этом казаки ссылались на «государев изусной приказ, что боярских беглых людей выдавать не велено», а двое слуг Р. Боборыкина, приехавших в Воронеж с упомянутой грамотой из Москвы, были избиты казаками до полусмерти. Характерно, что служилые люди, посланные воеводой к казакам для изъятия беглых, изымать последних силой наотрез отказались, заявив: «нам де какое дело беглых людей имать?!».

Характеризуя позицию воронежцев, А. Бутурлин писал в Москву: «и у всех, государь, здешних людей с козаками заодно, потому что сами (воронежцы. – *О. К.*) с ними от беглых корыстуют (корыстуются. – *О. К.*), и донские козаки им знакомцы и племя», и в дальнейшем ему «посылати для беглых людей к козаком неково», так как воронежские жители «во всем норовят козаком». ⁷⁹ Думается, впрочем, что позиция воронежских служилых людей объяснялась не только этим. Казачий атаман И. Каторжный прямо заявлял: «хто де <...> беглых людей пойдет к нему Ивану в слободу (где стоят казаки. – *О. К.*) вынимать, и им (казакам. – *О. К.*) тех людей побивать до смерти из пищалей». Впрочем, служилых людей могло пугать даже не столько само столкновение с казаками, сколько его последствия – ведь в случае поездки на Дон казаки легко могли припомнить им

⁷⁸ Донские дела. Кн. 3. Стб. 464–465.

⁷⁹ Там же. Кн. 2. Стб. 884–885. Угрозу казаков «отсечь уши» воеводе следует связывать, по-видимому, с обычаем посылать в Москву уши убитых татар в качестве подтверждения службы «ратных людей» южнорусских городов государю.

участие в таком эксцессе. В этом отношении характерно, что в другой отписке в Москву от этого же времени А. Бутурлин уже прямо пишет, что, по словам воронежцев, они «донских казаков боятца», хотя после этих слов и находит необходимым отметить еще раз, что воронежские служилые люди «во всем <...> з донскими козаки заодно, потому что у них донские козаки знакомцы многие. А которые беглые люди приходят на Воронеж, и оне у них лошади и платья (одежду. – О. К.) покупают, и от них (беглых. – О. К.) сами корыстуютца».⁸⁰ Здесь видим еще одно свидетельство того, что служилые люди Воронежа действительно содействовали бегству на Дон, за плату укрывая беглых, а также помогая им добраться до мест проживания донских казаков.

Надо отметить, однако, что жалобы воронежских воевод на поведение казаков не так уж и часты. По-видимому, казачьи бесчинства в Воронеже середины 1640-х гг. в значительной мере объясняются крайней нуждой донских казаков в людях после тяжелейших людских потерь, понесенных ими в начале данного десятилетия. По мнению Н. А. Мининкова, отмена в 1640 г. распоряжения о строгом досмотре едущих из Москвы казачьих станиц перед их отправкой свидетельствует о том, что московские власти пытались расширить пропуск людей на Дон.⁸¹ По-видимому, так и было. Не исключаем также, что «изустный приказ» государя, судя по ситуации, мог существовать в действительности.

Итак, меры по борьбе с бегством на Дон, как представляется, зачастую не бывали успешными. В значительной степени это объясняется тем, что указанные меры не всегда последовательно претворялись в жизнь. Однако если даже в период блокады Дона со стороны Русского государства поездки к казакам не было возможности пресечь полностью, то в период более тесных отношений донских казаков с Москвой остановить бегство в казачьи городки было тем более проблематично. Позднее, в 1650-е гг., борьба с бегством к казакам возобновляется. Так, в мае 1655 г. воевода г. Валук В. Фефилятьев сообщал в Москву о получении им грамоты с требованием «на Валуйке в городе и на посаде биричем кликать по многие дни и заказ крепкой учинить: будет у валуйчан у служилых и у жилецких людей

⁸⁰ Там же. Стб. 891–892.

⁸¹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 99–100.

объявятца какие прихожие новые люди», то таковых жители должны приводить в съезжую избу к воеводе. В. Фефилатьев сообщал далее, что указ этот он объявил, однако при этом писал, что «на Валуйку <...> приходят из Острогожского (города. – *О. К.*) черкасы для работы кормитца, и из ыных украинских городов руские люди и черкасы, а приезжают без отписок и без переходжих. А с Цареборисовского <...> городища приходят на Валуйку черкасы многие люди безпрестанно из хлеба (т. е. для его покупки. – *О. К.*), и для работы, и всяких дел, и распознать <...> их никакими мерами нельзя, хто отколь придет, потому что отписок и переходжих памятей (нет. – *О. К.*), а писать де на Цареборисовском городище некому, а атаманы де у них (черкас. – *О. К.*) переменные».⁸²

Таковы данные по борьбе государства с бегством на Дон, которые встретились нам в источниках, напрямую затрагивающих тематику истории донских казаков. Считаем, что в настоящий момент вопрос о мерах по пресечению побегов на Дон с 1620-х по 1660-е гг. является изученным недостаточно. Для более полного его раскрытия требуется целенаправленный поиск источников среди материалов Разрядного приказа. Тем не менее на основе приведенных данных можно, как представляется, сделать вывод о том, что борьба с бегством на Дон являлась делом весьма непростым: южнорусские города, находившиеся на границе со степью, были не только пограничными пунктами, но и экономическими центрами, через которые к тому же проходили торговые пути в степь, и поставить под полный контроль передвижение населения через них было достаточно сложно. Особенно это было затруднительно при условии, что Москва в конечном счете была заинтересована в пребывании казачества на Дону, а значит – и в его пополнении.

В этом отношении характерен также такой факт. После Смоленской войны 1632–1634 гг. начинаются переходы на территорию Русского государства запорожских казаков, вызванные социальной и религиозной рознью в Речи Посполитой. При условии принесения присяги запорожцев принимали в Россию на правах служилых людей и селили на юге – в условиях создания Белгородской оборонительной черты (1635–1658). Русское государство испытывало большую нужду в военных кадрах. Однако если одна часть переселенцев обзаводилась хозяйством на новом месте, втягивалась в жизненный

⁸² Донские дела. Кн. 5. Стб. 9–10.

ритм, другая часть предпочитала – по разного рода причинам – бежать обратно в Польшу. Однако бегство за рубеж в глазах русских властей являлось изменой, и попытки таковой карались смертной казнью или ссылкой в Сибирь. В связи с этим для поимки «черкас», бегущих в Польшу, были приняты самые суровые меры. В частности, летом 1651 г. яблоновский воевода Б. А. Репнин получил указ подробно переписать по Белгородской черте все «погосты, поместные и вотчинные села, деревни, починки, пустоши» и передать их жителям приказание ловить бегущих обратно в Польшу запорожцев. За каждого пойманного обещалось вознаграждение, а за укрывательство или содействие беглецу – смертная казнь.⁸³ Следует заметить, что подобных мер никогда не предпринималось для пресечения бегства на Дон.

Перейдем к вопросу о социальном положении людей, присоединявшихся к казакам. Из предыдущих разделов видно, что к казакам уходили представители самых разных социальных групп, причем нередко это были лично свободные люди, не совершившие «на Руси» серьезных проступков. Между тем в документах, содержащих высказывания общего характера о бегстве к казакам, люди, жившие на Дону, часто именуются беглыми холопами и преступниками. Так, в частности, характеризовали казаков летописцы начала XVII в., а также иностранные авторы, побывавшие тогда в России. Так же в середине XVII в. характеризует бегство на Дон и подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин. О донских казаках он говорит так: «А люди они порождою москвичи и иных городов, и новокрещеные татаровя, и запорожские казаки, и поляки и ляхи, и многие из них (люди. – *О. К.*) московских бояр, и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были к казни в розбойных и татиных и в ыных делах, и пократчи и пограбя своих бояр, уходят на Дон...».⁸⁴ Подобные высказывания по адресу казаков видим и в дипломатической переписке России с Крымом и Турцией за период XVI–XVII вв. Так, в грамотах в Турцию и в устных заявлениях представителей Русского государства шаблонной стала фраза, что «на Дону живут воры, холопы беглые, убежав (убежавшие. – *О. К.*) от смертныи казни», или что казаки – «воры беглые люди», которые из Русского государства

⁸³ Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI–первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 284 и др.

⁸⁴ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 135.

бежали, «заворовав», от смертной казни.⁸⁵ И хотя сами казаки очень болезненно относились к таким высказываниям Москвы, когда им случалось узнавать об этом,⁸⁶ данные свидетельства все же, как представляется, не могли возникнуть на пустом месте. Отнюдь не считая подобные высказывания справедливыми, рассмотрим тем не менее этот вопрос подробнее.

Следует сказать, что на Дон действительно уходили уголовные элементы. В частности, в наказах воеводам южнорусских городов конца 20-х–начала 30-х гг. XVII в. прямо говорилось: «беречь того накрепко, чтоб ис польских (расположенных «на Поле», степных. — *О. К.*) и из ыных украинских городов <...> степью и реками на Дон беглые боярские холопи, и розбойники, и тати, и иные воровские никакие люди не бегали и не прокрадывались никоторыми делы».⁸⁷ Помимо всего прочего, здесь видим также указание на то, что побег на Дон совершались и сухим путем.

В грамоте из Разряда, полученной в Воронеже 1 июня 1636 г., сообщалось о бегстве 22 мая «в ночи» из Москвы «колодника» из холопов Кузьмы Маркова, вместе с которым бежал другой холоп, Петр Овсянников. Сообщались приметы их (первый был «ростом немал, лет в сорок, сух, волосат, волосы и борода темно-русы», второй — «молод, уса и бороды нет, ростом невелик, коренаст»), а также уточнялось, что «чаять <...> тех беглых людей побегу на Дон и на воронажские места». От воеводы требовалось принять меры для их поимки.⁸⁸ Вот еще показательный случай. В мае 1655 г. воронежский воевода Ф. Арсеньев сообщал в Москву о «выходе» с Дона для участия в войне с Польшей нескольких отрядов донских казаков во главе с атаманами Пахомом Федоровым, Яковом «Брониным» (во всех прочих документах — Дронов) и Беляем Васильевым (общей численностью ок. 700 человек). При этом он писал, что во время пребывания этих отрядов в Воронеже «донские де козаки многие приходят к тюрьме, подговаривают (присоединяться к ним. — *О. К.*) тюремных

⁸⁵РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 154-а, 389, 393; Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903. С. 64, 114–115, 115, примеч. 211, 116 и др.

⁸⁶См., в частности: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 476.

⁸⁷РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 37. Л. 642.

⁸⁸РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 270-а–271-а. «Колодник» — заключенный.

сидельцов, которые посажены во всяких делех». Когда же некоторое время спустя из тюрьмы действительно сумели вырваться, избив тюремных целовальников и сторожей, 14 «сидельцев», то все они «побежали <...> в слободу полковых козак, где стоят донские козаки, к донским козаком». Когда воевода потребовал у атамана Я. Дронова («Бронины») найти этих беглецов и привести их в съезжую избу, последний ответил, что «такие тюремные беглецы к ним донским козаком не прихаживали».⁸⁹

Бегство холопов к казакам было заметным явлением того времени и достигало, по-видимому, значительных размеров. Более того, побеги холопов зачастую сопровождалась «сносом» имущества и ценностей их господ, причем иногда – на очень большие суммы. В документах, связанных с историей донского казачества (в частности, в «Донских делах»), нередко упоминаются подобные случаи. Вот лишь несколько таковых.

В 1640 г. недалеко от Воронежа был пойман холоп «московско-го торгового иноземца» Павла Вестова татарин Актамар, носивший также и русское имя Иван. Упомянутый татарин показал в расспросе, что весной 1640 г. его подговорил бежать из Москвы донской казак Кирей Молодой. Во время бегства Актамар увел у своего владельца коня, а также «снес» у него два кафтана, шапку и пр. Подговоривший татарина казак отправил его из Москвы «наперед себя» с сыном боярским из Рязска, который привез Актамара в деревню Рязского уезда. Здесь последний прожил две недели, отдав за это часть унесенного имущества. Из деревни Актамара забрал казак К. Молодой и повез его с собой в Воронеж, но, не доезжая этого города, ограбил его и бросил на дороге, отняв, по словам татарина, коня и кафтан. Любопытно, что владелец Актамара П. Вестов в своей челобитной сообщал о похищенных холопом 70 рубль, серебряной посуде («судах серебряных») стоимостью в 11 с половиной рубль,

---

⁸⁹ Акты Московского государства. Т. 2. С. 411. В начале 1632 г. донские атаманы Б. Конинский и Т. Яковлев (Лебяжья Шея) показывали в Москве: «У них де из давних лет то повелось: которые русские люди, и татаровя, и всякие иноземцы из Азова, или откуда-нибудь прибегут к ним на Дон от какова-нибудь воровства, и тех людей назад никак не отдают» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 213). В число таких беглецов входили, безусловно, и уголовные преступники. Впрочем, внутри самого донского казачества существовали очень жесткие законы, беспощадно преследовавшие преступные посягательства на других членов казацкого сообщества.

а также двух жемчужных мужских ожерельях ценой в 10 рублей.⁹⁰ История эта очень характерна как содействием бегству в южнорусских городах, так и кражей холопом имущества своего владельца на значительную сумму. Правда, фактов грабежа казаками беглых по дороге на Дон более не встречается.

В 1646 г. стольник Р. Боборыкин подал в Москве челобитную, в которой сообщал о бегстве от него трех «кабальных людей» – Федора Шилова, Семена Попова и новокрещеного татарина по имени Михаил. Как значилось в челобитной, беглецы похитили у своего владельца 5 коней, кобылу, а также драгоценностей (в их числе – женское жемчужное ожерелье, 8 золотых перстней с драгоценными камнями), одежды и оружия на 1132 рубля. Впоследствии выяснилось, что беглецы отправились на Дон с казаками; при этом часть имущества, в частности лошади, была продана в Воронеже.⁹¹ В том же 1646 г. из Тулы от стольника В. Бутурлина бежали 7 его холопов, «поймав <...> животы (имущество. – О. К.), служивую рухледь и лошади» своего владельца. К бегству их подговорили донские казаки.⁹² Подобные примеры можно продолжить. Как видим, казаки специально сманивали холопов, получая затем, по-видимому, часть похищенного у их владельцев имущества. Причем подобными делами занимались не только казаки – содействие беглым стало для жителей ближайших к степи южнорусских городов своего рода доходной статьей.

Бывали случаи, когда бежавшие на Дон холопы тайно возвращались в прежние места жительства и подговаривали к побегу остальных. Так, упоминавшийся чуть выше Р. Боборыкин писал в другой своей челобитной, что его «кабальной человек» Ф. Шилов, в 1646 г. бежавший от него с группой холопов, в 1649 г. возвращался обратно и «достальных ево <...> людей от него (Р. Боборыкина. – О. К.) подговорил с собою ж на Дон». На этот раз от Боборыкина бежали 5 человек, «снеся» у своего владельца «животов <...> денег и платья, всякой рухляди на четьреста на двадцать на семь рублей с полтиною».⁹³

То, что бегство холопов на Дон было серьезной проблемой, видно и из наказов воеводам г. Воронежа. Как уже упоминалось, от последних перед отпуском казачьих станиц на Дон требовалось пересматривать

⁹⁰ Донские дела. Кн. 2. Стб. 37–42.

⁹¹ Там же. Кн. 3. Стб. 15–16; Кн. 2. Стб. 890, 1105–1107.

⁹² Там же. Кн. 3. Стб. 35–36.

⁹³ Там же. Кн. 4. Стб. 115–116.

всех казаков по списку, чтобы среди них не оказалось беглых холопов, а также никаких иных «лишних» людей – таковых следовало «изымать» и, допросив, сажать в тюрьму.⁹⁴ Однако надо сказать, что и беглые холопы, и преступники являлись только частью (и, по-видимому, очень небольшой) тех людей, которые пополняли казачество.

Помимо беглых холопов и преступников к казакам, как уже отмечалось, шли люди самых разных социальных слоев. Так, в отписке астраханских воевод от 1637 г. говорится о том, что весной этого года из Астрахани на Дон для переговоров с отъехавшими под Крым ногайцами был отправлен отряд татар во главе с сыном боярским Д. Амбаровым. Во время обратного пути отряда с Дона на него «на утреней заре» неожиданно напали некие «воровские люди», отбившие у татар лошадей и «борошень» (снаряжение), после чего «те воровские люди поехали к Дону». Татары решили выяснить, «какие люди их погромили», и часть отряда отправилась за нападавшими по их следу («сакме»), который вел по направлению к казачьим городкам. После приезда на Дон выяснилось, что «всего тех людей было семнадцать человек» и что они бежали на Дон из города Терки, «а на Терке они были в стрельцах, а иные в гулящих».⁹⁵ В марте 1667 г., согласно отписке воеводы г. Ельца И. Аничкова в Москву, «на Дон в козачьи городки» бежал подьячий елецкой приказной избы С. Кожухов. Характерно, что из Москвы в ответ на эту отписку было велено осмотреть «дела», которые вел подьячий, на предмет: «не своровав ли в чем, тот подьячий збежал».⁹⁶

Интересно отметить, что уход к казакам подчас вызывал эксцессы, во время которых местные русские власти подчас не знали, как

⁹⁴ См., например: РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 14. Подобные упоминания очень часто встречаются и в издании «Донские дела» (Кн. 1–5).

⁹⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1637 г., № 1. Л. 120–121. Любопытно продолжение этой истории. На Дону татары потребовали в войсковом кругу вернуть имущество, отбитое у них на пути из казачьих городков (приезжавшие на Дон люди находились под защитой казачьего «войскового права»). Казаки сначала действительно хотели отбитое у татар, «сыскав, отдать им», но затем «учали манить (по-видимому, тянуть время; «манить» – обманывать. – О. К.)» и в конце концов отказались сделать это, заявив, «что де погромили их терские беглецы», «а не старые их донские жильцы», «и им де атаманом и казаком (речь идет о войсковом круге. – О. К.) ожесточить тех людей не уметь (нельзя. – О. К.)». В результате татары так и остались ни с чем.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. № 223. Л. 248–248 об.

себя вести. Так, с весны 1655 г. в южнорусские города начали «выходить» с Дона отряды казаков, шедших к Москве для поступления на «государеву службу» с целью участия в русско-польской войне. Любопытно, что это делалось без соответствующего указа казакам по этому поводу, причем сами казаки ссылались на присланную к ним из Москвы грамоту с государевым указом о том, что «велено казак охочим людям итти на <...> государеву службу в Смоленск». (В действительности казакам было велено идти в поход под Крым.)⁹⁷ Приход казаков в «украинные» города означался рядом различных «самовольств» с их стороны. Так, коротоякский воевода Д. Шенкурский сообщал в Москву, что 24 апреля 1655 г. в Коротояк пришли р. Доном более 400 донских казаков во главе с атаманом Яковом Дроновым, показавших, что они идут «на государеву службу». При этом казаки «подговорили» присоединиться к ним «коротоячен (жителей Коротояка, — О. К.) всяких чинов многих людей», в том числе «житнишного выборного целовальника» Трофима Долгого. По поводу последнего к казакам воеводой был направлен голова Яков Шавов с требованием отдать Т. Долгого обратно. Однако миссия Я. Шавова успеха не возымела. Казаки, «взяв к себе в круг Якова Шавова с товарищи», хотели их «побить до смерти, и целовальника Трошку и коротоячских беглецов не отдали».⁹⁸ Тогда же (в апреле 1655 г.) в Яблонов к воеводам — окольничему кн. И. И. Ромодановскому «с товарищи» из ряда городов — Карпова, Коротояка, Ольшанска, Усерда, Верхососенска, Царева-Алексеева (позднее — Новый Оскол), Оскола (Старого) — стали поступать сообщения, что из этих городов «збежали и пошли к донским казак, которые вышли з Дону, многие служилые люди».⁹⁹

Проходя по городам, казаки вели себя весьма дерзко. Например, 5 мая в Яблонов пришли 18 казаков во главе с атаманом Иваном Татарином, сообщивших в этом городе, что они идут на государеву службу в Смоленск. Когда из Яблонова их направили в Коротояк с целью последующей отправки оттуда обратно на Дон (в связи отсутствием государева указа о наборе подобных казаков), то «те донские казаки <...> на Коротояк не поехали», а направились из Яблонова в Курск, «подговоря с собою яблоновских и иных городов служилых людей».

⁹⁷ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 382. Л. 157, 160.

⁹⁸ Там же. Л. 156–157.

⁹⁹ Там же. Л. 157–158.

Та же история повторилась в Яблнове 14 мая, когда с Дона пришли 30 человек во главе с атаманом Борисом Дмитриевым (о бегстве к казакам людей на этот раз, правда, не сообщается). И. Ромодановский не знал, как ему себя вести в подобных случаях, и запрашивал Москву об этом: «а будет, государь, учнут приходить в Яблнов и в ыные твои государевы украинные и польские (степные. – О. К.) города з Дону донские казаки, и тех казаков в Смоленск пропускать ли?». ¹⁰⁰

Показательны и события, разыгравшиеся в апреле 1656 г. в Белгороде во время следования через этот город отряда численностью в 200 донских казаков, шедших от Чугуева во главе с атаманом Семеном Широкиным. Воевода Иван Акинфов отвел этим казакам на некоторое время для постоя дворы. Казаки стояли в Белгороде 4 дня и в это время, согласно отписке воеводы в Москву, «почели дуровать и чинить бунты многие» – «многих людей ис служб, и белгородских солдат, и от служилых людей детей, и братью, и племянников подговаривать, и у многих людей красть и отнимать лошади», а также «учинили в городе и в слободах клич, чтоб всякие люди шли к ним конные и пешие, а *от них де отдачи не будет*» (курсив наш). Неоднократные увещевания воеводы и отправленных от него к казакам людей успехом не увенчались. Когда настала пора уходить, казаки «вышли из дворов, и стали блиско города обозом», простояв так некоторое время, в результате чего «многие <...> белгородцы и салдаты выбежали к ним в обоз». Характерно, что против подобных действий выступал и атаман казаков С. Широкий, который в ходе этих событий «и атаманство здал» (вероятно, ему не хотелось, чтобы казачьи бесчинства были связаны с его именем), но и это не помогло – казаки вместо него выбрали себе «иного атамана», после чего и отправились в путь.

После ухода казаков воевода составил «ропись» (список) людей, ушедших с казаками, которую он отправил в Москву вместе с отпиской. Согласно этому списку, к казакам ушли 34 человека. Из них полковых детей боярских – 3 человека, солдат – 2, станичный ездок – 1, стрельцов – 10 (в том числе стрелецкий пятидесятник Степан Устинов), казаков – 3, крестьян сына боярского И. Тарасова – 2, а также холоп самого воеводы И. Акинфова. Помимо этого, родственников (детей и зятьев) станичных голов и ездовых – 6 человек, 1 зять

¹⁰⁰ Там же. Л. 158.

полкового сына боярского, родственников стрельцов – 5 человек. Почти все они отправились к казакам со своими лошадьми.

Кроме того, И. Акинфов составил «роспись» людей, у которых казаками были «пограблены и покрадены лошади», «а видели их (этих украденных лошадей. – *О. К.*), – писал воевода, – в обозе донских казаков». Всего белгородцы недосчитались около 25 лошадей. В основном последние были украдены, однако были случаи и открытого грабежа. Так, в «росписи» сказано, что донской казак Григорий Усачев (в прошлом – белгородский стрелец) отнял у подьячего Тита Казыгина «мерина голуба», а «стрелецкой сын» Тимофей Толстово отобрал у сына боярского Ананьи Мерзликина «мерина рыжа», причем его самого бил и даже «тапорком порубил по шее». Среди пострадавших от казаков видим детей боярских, станичных ездовых, посадских людей.¹⁰¹

Похожие события происходили в 1655–1656 гг. и в Карпове. В частности, тамошний воевода П. Селиванов писал в мае 1656 г. в Москву, что из Карпова «многие» всяких чинов служилые люди пошли «на <...> государеву службу в полки» с донскими казаками, причем в это время «у многих у карповцов лошади (лошадей. – *О. К.*) поотнимали и рухледь многою пограбили». Ушедшим с казаками служилым людям воевода составил список, в котором значится 13 детей боярских, 38 человек «драгунского строю», 11 казаков, 17 стрельцов, трое пушкарей. При этом, говоря об отобранных донскими казаками у карповских драгун лошадях, воевода пишет: «Да донские ж козаки лошадь взяли у драгуна у Кирея Чеснокова, и [е]во били, голову проломил[и] и руки саблею осекли».¹⁰² О бегстве служилых людей с донскими казаками в полки весной 1656 г. нам встретились также сведения по Болховому. Согласно росписи воеводы В. Свищева, отсюда ушли с казаками 15 детей боярских, 5 драгун, 12 казаков, 22 стрельца, 4 пушкаря и 4 солдата. Кроме того, детей служилых людей этих категорий – 27 человек.¹⁰³

Несколько ранее описанных событий, в конце марта–начале апреля 1655 г., в Воронеж пришли 500 донских казаков во главе с атаманом Прокофием Семеновым, а также 400 казаков во главе с атаманом Фролом Шевердяком. В связи с их пребыванием в Воронеже

¹⁰¹ Там же. № 394. Л. 115–120.

¹⁰² Там же. № 386. Л. 303–306.

¹⁰³ Там же. Столбцы Московского стола. № 278. Л. 146–149.

воронежский воевода Викула Непейцын также сообщал в Москву, что «с теми ж, государь, донскими» казаками «подымаютца в полки без твоего государева указу по их казачьему наговору многие служилые люди» – «стрельцы, и казаки, и их дети, и братья, и племянники», а кроме того – «дети боярские, и атаманы, и их крестьяне».¹⁰⁴ По грамоте из Москвы этих казаков указывалось отвести на службу в Смоленск, для чего в Воронеж был направлен дворянин Ф. Крюков. При этом в наказе ему говорилось, чтобы он «того над казаками смотрил, чтоб дорогою шли смирно, на кабаке не бражничали, и в дороге, и в селех, и в деревнях никого не били и не грабили <...> и боярских беглых холопей, и крестьян, и никаких служилых и жилецких людей в городех и в дороге не принимали <...>. А з донскими казаки отнюдь никаким (беглым. – *О. К.*) людям быть не велел».¹⁰⁵ Впрочем, данный наказ был лишь благим пожеланием, поскольку, кроме уговоров, иной возможности исполнить все эти требования Ф. Крюков не имел. По-видимому, таким же образом были отправлены под Смоленск и пришедшие в Воронеж чуть позже казаки во главе с Я. Дроновым и другими атаманами.

Подобные же наказы встречаются и в других случаях. И лишь однажды, в наказе о препровождении «в полки» казаков, обвиненных в драке у дверей Разрядного приказа (см. ниже), видим слова о приведении казачьего отряда в случае неповиновения силой, для чего следовало брать в городах служилых людей у воевод.¹⁰⁶ Но это была уже особая – так сказать, чрезвычайная ситуация. То же можно сказать и о событиях, разыгравшихся вокруг выхода летом 1666 г. к Туле отряда атамана Василия Уса, подробнее о чем будет далее. Здесь упомянем только, что в июле 1666 г. воевода г. Скопина писал в Москву, что 4 числа этого месяца к нему в съезжую избу приходили крестьяне уездного села Хворощева и деревни Горловой с челобитьем, сообщив следующее. 3 июля донские казаки отряда В. Уса, проследовавшие мимо данных поселений, «у них де, хворощевских и горловских крестьян, детей и братьев многих подговорили: Ромашку Пужая, Ивашка Светикова, Кирюшку Галкина, Ивашку Галшина, Лучку Спорыхина, Петрушку Недошивина с товарищи», из-за чего многим из крестьян теперь «великого государя десятинные пашни

¹⁰⁴ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 394. Л. 17–18.

¹⁰⁵ Там же. Л. 23–24. Ср. с л. 19.

¹⁰⁶ Там же. № 567. Л. 320.

<...> похать будет не в мочь» (т. е. не с кем). В данном случае, таким образом, к казакам ушла в основном молодежь.¹⁰⁷

Как видно на данных примерах, к казакам присоединялись люди самого разного социального происхождения, включая служилых людей и крестьян. При этом казаки нередко совершали выходки, ставившие в тупик местные власти. О причине столь нерешительного поведения последних будет сказано чуть ниже, здесь отметим лишь, что грабежи по пути следования совершали не только казаки.¹⁰⁸ Подобные действия соответствовали нравам «ратных людей» не только России, но и Западной Европы. Однако у казаков эти выходки нередко приобретали особую дерзость и имели свою специфику, связанную с приемом ими беглых.

Проблема выдачи беглых из казачьего сообщества

В предыдущих разделах мы видели, что донское казачество в значительной степени пополнялось за счет бегства к казакам. Теперь постараемся уточнить, признавалось ли государством право казаков на прием беглых и осуществлялась ли, а если да, то каким образом, выдача беглых из казачьих отрядов. Историография донского казачества в связи со скудостью источников ответа на данные вопросы не дает.

Как принято считать в литературе, во второй трети XVII в. государство признавало право казаков на невыдачу беглых, хотя и упорно боролось с самим явлением бегства людей к казакам. К такому выводу приводит высказывание современника, подьячего Посольского приказа Григория Котошихина. Он, в частности, писал, что бежавшие к казакам люди, в том числе и совершившие уголовные преступления, «быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова

¹⁰⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 36.

¹⁰⁸ Так, летом 1848 г. шестеро детей боярских из Ефремова подали в этом городе челобитную, что проходившие мимо их деревни «солдаты», отправленные в этом году из Москвы для помощи казакам на Дон, «приход нарочным делом в их деревню Нелини», «их де, и жон их, и детей били и грабили, и дворы жгли», причем «животишки <...> все без остатку розграбили», и их «ружье все – сабли, и саадаки, и коробины, и пистолы поимали». См.: Донские дела. Кн. 3. Стб. 988–989.

не бывает никому, кто что не своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаютца (т. е. от преследования государством. — О. К.). И дано им (казакам. — О. К.) на Дону жить воля своя».¹⁰⁹

В. Г. Дружинин в своей работе «Раскол на Дону в конце XVII века» отмечал, что практика выдачи беглых из казачьих станиц, приезжавших с Дона в Москву с войсковыми отписками, в XVII в. отсутствовала. В качестве примера он приводит следующий случай. В 1683 г. в Посольский приказ была подана челобитная с просьбой об изъятии у казаков беглого крестьянина, приехавшего с Дона в составе казачьей станицы. Однако помета, сделанная на упомянутой челобитной, гласила, что «*наперед сего* донских казаков, которые приезжали к великим государем с Дону в станице, никому не отдавано» (курсив наш). Так же поступили и в этот раз.¹¹⁰

Необходимо, однако, заметить, что в данном случае речь шла о выдаче беглого из своего рода донского «посольства», присланного Войском, и выдача бывшему владельцу одного из членов этого посольства могла вызвать протест на Дону и привести к ухудшению отношений с казаками. Поэтому в Москве старались избегать подобных инцидентов. Характерно, что к тому же в свою очередь призывались и казаки. Так, в декабре 1637 г. в связи с разбирательствами в Посольском приказе относительно дел двух присланных с Дона в Москву в составе казачьей станицы казаков (Евтифея Гулидова и Смирного Мятлева; о них см. выше) в грамоте на Дон, отправленной с этой станицей, было сказано следующее: «а вы бы таких новоприходцов вперед не присылали для ссоры» (т. е. во избежание разбирательств).¹¹¹ Таким образом, даже во время резкого политического сближения с донским казачеством, при всем расположении к казакам (период с конца 1637 г. — это время пребывания казаков в Азове, когда Москва была заинтересована в сохранении мирных отношений с Доном) правительство не гарантировало, что оно не будет проводить разбирательств, когда в этом возникнет необходимость.

Как же обстояли дела, если казак не являлся членом донского «посольства»? И каковы были основные правовые принципы, которыми руководствовалась власть при возвращении людей, бежавших к казакам, в прежнее социальное положение? В материалах Разрядного

¹⁰⁹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 135.

¹¹⁰ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 28, примеч. 87.

¹¹¹ Донские дела. Кн. 1. Стб. 559–560.

приказа нам удалось обнаружить два сыскных дела, отчасти позволяющих ответить на данные вопросы. Первое из этих дел содержится в столбце № 865 Приказного стола Разрядного приказа и насчитывает 57 листов (л. 91–147). Документы дела распадаются на две части. Первая представляет собой дело по челобитью в Разрядном приказе курского сына боярского Ивана Максимова о даче ему суда на его «крепостных крестьян» Фому и Калину Севастьяновых, ранее бежавших из его поместья к донским казакам и теперь «объявившихся» в Москве. Состав документов этой части следующий: 1) Челобитная донских казаков «Яковлевой станицы Дрониной» (т. е. из отряда атамана Я. Дронова) – братьев Фомы и Калины Севастьяновых об освобождении их самих, а также их жен и детей из зависимости от сына боярского И. Максимова с пометой от 30 сентября 1656 г.; 2) Черновик грамоты в Курск по этому поводу; 3) Челобитная сына боярского И. Максимова о предоставлении пристава из Разрядного приказа для поимки его беглых крестьян Ф. и К. Севастьяновых, о «даче» ему очной ставки с ними, а также суда по поводу их «крестьянства»; 4) Очная ставка истца и ответчиков в Разрядном приказе и их показания по данному делу; 5) Память из Разрядного приказа в Поместный с запросом, значатся ли Ф. и К. Севастьяновы в писцовых и переписных книгах Курска, и ответная память из Поместного приказа; 6) Приговор в Разрядном приказе по этому делу от 2 марта 1657 г., а также некоторые другие документы.

Вторую часть составляют документы расследования, проводившегося в Приказе Тайных дел по новой челобитной Ф. Севастьянова о незаконности и несправедливости решения в Разрядном приказе по упомянутому делу. К этой части относятся: 1) Челобитная Ф. Севастьянова (поданная, скорее всего, в Приказе Тайных дел) о пересмотре дела и его расспросные речи по этому поводу; 2) Ряд копий с документов первой части; 3) Выписка по челобитной и расспросным речам Ф. Севастьянова от 12 марта с констатацией нарушений при ведении и оформлении судного дела, выпиской из «сказки» подьячего А. Степанова по этому поводу, а также пометой от 20 октября 1658 г., гласившей, что по указу великого государя велено решить данное дело в соответствии с законом; 4) Несколько грамот из Приказа Тайных дел в Курск, грамота в Обоянь, ответная отписка обоянского воеводы; 5) Две новые челобитные Севастьяновых; иные документы.

Суть дела заключается в следующем. Изначально братья «жили в крестьянах» за курскими помещиками, братьями Иваном и Емельяном Максимовыми, однако затем Фома Севастьянов, «покиня братьей своих, и жену, и детей», «сшол на Дон». Пробыв на Дону «годы с три», он вместе с другими казаками вышел в 1655 г. «на государеву службу» в полк боярина князя А. Н. Трубецкого в Брянск, откуда затем казаки были отправлены в Шклов.

В то же самое время в полках воеводы В. Б. Шереметева вместе с другими курскими помещиками находился «на государевой службе» и Иван Максимов, владелец Севастьяновых, а его походное имущество и хлебные запасы вез Калина Севастьянов, брат Фомы. Каким-то образом «сведав» о брате, Калина под Путивлем бросил телеги своего помещика и пришел в Шклов к брату, где и «приверстался» рядом с ним в донские казаки. После этого Севастьяновы долгое время участвовали в военных действиях против Польши и Швеции – «служили многие службы без съезду» (т. е. непрерывно): были под Борисовом, Минском, Вильно, оттуда были посланы под Ковно и Гродно, затем стояли и «копали шанцы» (окопы) под Быховом, зимовали в Могилеве (зимовки на театре военных действий считались тяжелыми). Позже в составе полка боярина С. Л. Стрешнева братья были на приступах под Динабургом и Кулонском (на Зап. Двине), участвовали в военных действиях под Ригой. При этом вместе с другими казаками они терпели «всякую нужу и бедность» (т. е. походные тяготы), ездили «в конные и в судовые посылки» и «многих языков имали». В сентябре 1656 г. на «отпуске» казаков со службы, во время пребывания под Ригой царя Алексея Михайловича, братья били ему челом об освобождении их самих, а также их жен и детей из зависимости от сына боярского И. Максимова. Прошение Севастьяновых было удовлетворено. Им была выдана грамота к курскому воеводе, в которой почему-то указывалось, однако, отдать им только жен.¹¹² Из дальнейшего хода дела отчетливо виден тот принцип, которым руководствовалась власть при определении личной свободы казака, когда заходила речь о выдаче его помещику.

В Курске воевода по грамоте отдал Севастьяновым жен, не отдав детей. Когда братья приехали в Москву «бить челом» о детях, здесь же

¹¹² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 865. Л. 91–92, 95–96, 99. (Из челобитной и расспросных речей Ф. Севастьянова в Приказе Тайных дел.)

появился И. Максимов, который заявил, что Севастьяновы являются его беглыми крестьянами, и потребовал в Разрядном приказе суда по этому поводу. Во время разбирательства помещик уличал братьев тем, что и они, и их отец записаны за Максимовыми в писцовых и переписных книгах. Севастьяновы же указывали, что отец их пришел в поместье отца Ивана Максимова по родству; это могут подтвердить их дядя – дети боярские с Обояни. Однако данные слова не были записаны в показаниях братьев, в то время как показания Максимова были подтверждены выпиской в Поместном приказе из упомянутых книг. Это и определило решение дела: 2 марта 1657 г. окольный И. А. Гавренев и дьяки приговорили в Разряде отдать Фому и Калину Севастьяновых «в крестьянство» по-прежнему (судебное решение принималось заочно на основании записи показаний сторон). Позже Фома сообщал, что подтасовку в документах устроил разрядный подьячий Иван Малышев. Он был родственником Ивана Максимова, и ему было обещано имущество братьев. После суда он отвел их к себе на двор, бил плетью и, допытавшись, где братья оставили свои вещи, забрал их себе (среди вещей видим коня, две пищали, 5 рублей, 10 талеров и другое имущество). После этого подьячий отдал братьев помещику.¹¹³

12 марта 1658 г. Фома Севастьянов опять пришел в Москву и подал новую челобитную о пересмотре решения суда. Дело было передано в Приказ Тайных дел. При рассмотрении судного дела были выявлены грубейшие нарушения порядка его ведения и оформления. Во-первых, не была записана и проверена ссылка Севастьяновых на их родство с помещиком. Кроме того, к судному делу не было приложено рук истца и ответчиков или вместо них (т. е. показания Севастьяновых не были заверены ими). В остальном же законность выдачи помещику казаков со столь явными заслугами никаких сомнений не вызвала. При расследовании выяснилось, что дело вел «молодой» подьячий, не знавший правил оформления подобных документов и нарушивший их «простотою своею бес хитрости», «с малоумия». В действительности, по-видимому, за его спиной стоял подьячий Иван Малышев, и устроивший эту подтасовку. Грамота в Курск от октября 1656 г. (точнее, черновик ее), имевшаяся в деле, но не упоминавшая о родстве, помешать ей не смогла.¹¹⁴

¹¹³ Там же. Л. 92–93, 96–97, 100–110.

¹¹⁴ Там же. Л. 113–121. Грамота, составленная по челобитной Севастьяновых, мотивировала освобождение казаков их «службами».

В итоге по указу царя было велено «про свойство (родство. — *О. К.*) сыскать». В Курск к воеводе была отправлена грамота с соответствующим указом по этому поводу. Однако ни на нее, ни на посланные вслед за ней еще две грамоты ответа не последовало (за это время в Курске сменилось уже три воеводы; братья указывали, что все они были подкуплены И. Максимовым). В августе 1659 г. одновременно с третьей грамотой в Курск по челобитью братьев была отправлена также грамота на Обоянь. Ответ с Обояни пришел быстро. Дети боярские Емельян и Панкрат Буняевы подтвердили слова Севастьяновых. Последние приходились своему помещику троюродными братьями.¹¹⁵ Таким образом, справедливость требований Севастьяновых подтверждалась. Кончилась эта тяжба, однако, трагически: Иван Максимов, выведенный из себя упорством братьев, схватил Калину и, забив его насмерть обушком (видимо, сабли или топора), велел бросить тело «в поле» (в «Поле»?), запретив хоронить. На этом дело обрывается.¹¹⁶

Итак, несмотря на принадлежность Фомы и Калины Севастьяновых к донскому казачеству, данное дело решается в общегражданском порядке (во второй части документов Ф. и К. Севастьяновы прямо проходят в качестве «донских казаков Яковлевой станицы Дрониной»¹¹⁷). Особенно важен тот факт, что в Приказе Тайных дел упомянутое дело рассматривали объективно, вне зависимости от интересов сторон. Как видим, ни принадлежность к донским казакам, ни полуторалетняя служба на войне с Польшей и Швецией не могли воспрепятствовать возвращению казака в прежнее состояние, если он до этого не имел личной свободы.

Однако мы видели, что среди казаков, выходивших на службу в Россию, было немало недавних беглых; одновременно к ним «приставали» по пути новые беглецы. Как относилось государство к этому явлению, ставило ли оно какие-либо серьезные преграды ему? Ответ на этот вопрос дает другое сыскное дело, от 1664 г. Материалы

¹¹⁵ Там же. Л. 121, 122–144, 145–147.

¹¹⁶ Там же. Л. 145–147.

¹¹⁷ В списке казаков отряда Я. Дронова, зимовавших на государственной службе в Могилеве в 1655–1656 гг., действительно значатся Фома Севастьянов и Калина Севастьянов, записанные в одном десятке, при этом Фома написан десятником. В данное время, правда, отряд возглавлял уже не Я. Дронов, а Василий Родионов (Усов) — будущий ближайший сподвижник С. Разина, Дронов же числился полковником. См.: Там же. № 550. Л. 170, 168.

его отложились в столбце № 567 Белгородского стола Разрядного приказа. Сам столбец состоит из 435 листов и содержит документы 1656–1665 гг. о приеме на службу в этот период казачьих отрядов, приходивших с Дона, выдаче им жалования за службу и отчасти – документы о военных действиях казаков в составе русских войск против Польши и Швеции. Интересующее нас дело состоит из 34 листов (л. 265–289 и 297–305) и представляет собой сыскное дело о «буйстве» донских казаков у входа в Разрядный приказ 9 июня 1664 г. во время попытки отнять у них беглого холопа отрядом дворян.

Дело состоит из следующих документов: 1) Помета в Разрядном приказе о драке между отрядом донских казаков и группой дворян на входе в Разрядный приказ; 2) Челобитная дворянина Власа Хомякова, его расспросные речи о происшествии и расспросные речи Василия Спиридонова, беглого холопа Л. Хомякова; 3) Расспросные речи караульных стрельцов, остановивших драку и «переимавших» (арестовавших) 18 казаков, об этом происшествии; 4) Расспросные речи арестованных казаков о том же; 5) Расспросные и пыточные речи одного из казаков, Семена Емельянова, по вопросу о том, у кого из казаков во время драки был в руках камень, и расспросные речи нескольких очевидцев по этому же поводу; 6) Приговор по делу, составленный в Разряде в форме речи к казакам и, по-видимому, прочитанный перед ними; 8) Память из Разряда в Сибирский приказ о ссылке четырех донских казаков в Сибирь; некоторые другие документы.

К делу примыкают также документы о выходе данного отряда на службу к Москве и о назначении этих казаков в полки (л. 255–264 и 310–321). Среди упомянутых документов – две челобитные отряда казаков атамана К. Михайлова о принятии на службу и выдаче им жалования, два списка этих казаков, выписка по челобитным казачьего отряда с пометой о назначении его на службу; грамота об отправлении казаков в полк; новый список и наказ назначенному для сопровождения казаков в полк дворянину.

История, вызвавшая сыск, выглядит следующим образом. В конце мая 1664 г. с Дона в Москву пришел отряд донских казаков численностью 100 человек во главе с атаманом Кондратом Михайловым. В двух челобитных, поданных в Разрядный приказ, казаки просили дать им жалование и определить на службу в полки. В начале июня просьба казаков была удовлетворена: их было указано направить

в полк к боярину и воеводе И. А. Хованскому, дав им жалование «против их братья донских казаков» – атаману 10 рублей, есаулу 9, рядовым казакам по 8 рублей.¹¹⁸

Выдача жалования была назначена на 9 июня. Согласно сообщению пометы, в этот день казаки, как им и было велено, пришли к Разрядному приказу и «вошли в розрядные сени многие, а иные стояли на площади у розрядных сеней у дверей». В это время группа дворян – «Елисей Демидов сын, да Влас Исаков сын Хомяковы, и с ними иные» – «учели у тех казаков иматца за беглова человека». Казаки, тут же «бросаясь на них многолюдством, учили их бить, и беглово человека у них отымать», крича при этом «донским ясаком» («ясак» – боевой клич), и «замяли» дьяка Ф. Грибоедова, который в это время подошел, чтобы казаков «для дачи государева жалованья по списку пересмотреть». И хотя Хомяковы «беглово человека у казаков утащили в Розряд», столкновение на этом не закончилось: казаки, преследуя дворян, кричали у сенных дверей «донским же ясаком, и в сени (сенях. – О. К.) дрались». На шум прибежала группа стрельцов с караула, которая, «изымав ис тех казаков человек с пятнадцать», препроводила их в Стрелецкий приказ, остальные же казаки «из города пошли (бежали. – О. К.) на стан, где они стоят».¹¹⁹

История беглого холопа В. Спиридонова была рассказана нами выше. В челобитной его владельца, Льва Исакова сына Хомякова (написанной, скорее всего, братом последнего В. Хомяковым), уточняются обстоятельства его бегства. По словам челобитной, В. Спиридонов бежал от Л. Хомякова в то время, когда последний находился на службе в полку боярина и воеводы кн. Г. С. Куракина, во время перехода из Карачева в Севск. В. Спиридонов бежал с походного стана «в ночи», пограбля «лошеди, и деньги, и ружье, и платье, и всякую служилую рухлядь», всего «снеся» имущества на 200 рублей. Затем, говорилось в челобитной, в 1663/64 г. В. Спиридонов в отсутствие хозяина приезжал к нему «в домишко», и этот дом «хотел разорить без остатку», «безчестил» (оскорблял) его жену, подговаривал уходить с ним других холопов и крестьян, а самого хозяина похвалялся «убить до смерти», и, как гласила челобитная, «домишко (Л. Хомякова. – О. К.) хочет зжечь и разорить без остатку». Сам

¹¹⁸ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 255–264.

¹¹⁹ Там же. Л. 265–266. (Помета в Разрядном приказе о происшествии у разрядных дверей.)

же Л. Хомяков все это время находился на службе в полках и «от ево Васькина разоренья абеднял (обеднел. – *О. К.*)». В. Спиридонов излагал историю своего побега совсем иначе, но доискиваться до истины в Разряде не стали.¹²⁰

Действия казаков были расценены как «воровство» и «бунт». Казакам был поставлен в вину тот факт, что они затеяли драку «в Розряде и у Розряду на площади», а также выкрики во время нее «донским ясаком». Кроме того, у одного из казаков в руках видели камень, вследствие чего действия казаков выглядели уже как вооруженное выступление. По этому поводу и был проведен сыск.

В ходе сыска выяснилось, что казаки действительно кричали ясаком и дрались с дворянами, хотя сами они и упорно отрицали эти факты, заявляя о самозащите. В Разряде пытались узнать имя казака, бывшего «с кирпичьем»; имелись даже приметы его – «детина молод, собою плоск (видимо, лицом. – *О. К.*)» (судя по описанию, он был болдырем), однако сделать этого так и не сумели. Правда, один из казаков, Семен Емельянов, обещал выяснить имя данного казака, но затем отказался выполнить свое обещание, заявив, что сам он его не видел и сыскать его «ему не уметь» (т. е. невозможно). То же самое С. Емельянов показал и с пытки, на которой он был «подыман дважды, было ему 30 ударов». Одновременно были вызваны и допрошены оставшиеся на свободе казаки – по какому указу они пришли с Дона. Выяснилось, что на службу к Москве казаки пришли, как и в других случаях, без такового.¹²¹

В результате казакам было предъявлено следующее решение. Им объявили, что арестованные казаки за их «воровство» (так как они «завели бунт в Розряде, и у Розряду блиско государева двора») «довелись до смертныя казни». (В данном случае речь шла только об арестованных казаках, поскольку они были пойманы с поличным.) Однако великий государь казаков «пожаловал, смертью казнить не велел», указав лишь у С. Емельянова на левой руке «отсечь два перста», трех человек «пущих заводчиков» у Разряда «бить кнутом на козле нещадно», после чего всех четырех сослать в Сибирь «на вечное житье», а остальных 14 человек отдать атаману. «Прямым» же донским казакам (т. е. пришедшим непосредственно с Дона) было велено, «отослав» от себя присоединившихся к ним по дороге людей

¹²⁰ Там же. Л. 269, 277–278.

¹²¹ Там же. Л. 270–276, 279–284.

(согласно показаниям атамана, на 100 человек таких было около 10), отправляться на службу в Витебск в полк И. А. Хованского. Жалование казакам было указано выдать в уменьшенном размере – атаману 7 рублей, есаулу 6, казакам по 5 рублей. «А беглова холопа, – говорилось в заключение, – учиня ему наказанье – бив кнутом на казле, отослати <...> для отдачи в холопства Льву Хомякову в Холопей приказ». ¹²²

На материалах данного дела отношение центральной власти к факту пребывания беглых в казачьих станицах видно очень хорошо. Как видим, первоначально, принимая казаков на службу, в Москве не требовали выдать беглых и даже не интересовались их наличием у казаков (хотя наличие это и было очевидным). Всем без исключения людям, пришедшим в составе отряда К. Михайлова, предполагалось выдать «государево жалование» и отправить их на службу в качестве донских казаков. Понадобились чрезвычайные обстоятельства, чтобы потребовать от казаков отослать от себя беглых (да и в этом случае речь шла лишь о присоединившихся к казакам по пути в Москву, а не о бежавших на Дон ранее). Таким образом, в казачьих станицах беглые находились в относительной безопасности, и казаки могли более или менее уверенно заявлять, что «от них отдачи не будет» (см. выше). С другой стороны, не обеспечивая владельцам выдачи их людей от казаков силами государства, Москва поддерживала, безусловно, такие акты, если они уже произошли. Так, характерно, что в драке были обвинены именно казаки, а не фактически напавшие на них дворяне, а холоп Л. Хомякова был отправлен в Холопий приказ для передачи владельцу безо всяких колебаний.

Однако, даже учитывая тот факт, что государство после изъятия дворянином своего беглого поддержит именно дворянина, а не казаков, хотя и проведет, скорее всего, проверку владельческих прав дворянина (как в деле Ф. и К. Севастьяновых), произвести такое изъятие было делом непростым, а нередко – и крайне рискованным. Мы видели, с каким ожесточением казаки отряда К. Михайлова бросились отбивать своего товарища, не приняв во внимание даже того, что у Разряда, «блиско государева двора», действительно было не место для драки. Можно представить себе исход дворянского нападения, если бы оно произошло, скажем, на улице или в полках: без убийств и увечий с обеих сторон здесь могло бы не обойтись. В этом

¹²² Там же. Л. 285–289, 297–299.

отношении не случайно, что стрельцы, посланные разнять драку, передавая приказ своего полуголовы Ф. Нарышкина во время расспроса, употребляют такие слова: «чтоб они (казаки. – *О. К.*) дворян не перебили».¹²³ В этой фразе, на наш взгляд, присутствует некоторая стандартность, обыденность. Вероятно, драки казаков с дворянами не были редкостью. Единственное, что оставалось дворянам, принимая во внимание неизбежный отпор со стороны казаков, – это попытаться схватить своего человека, когда он был один – именно так, вероятно, и были захвачены в Москве Фома и Калина Севастьяновы.

Зная, как отчаянно и ожесточенно сопротивлялись казаки всяким посягательствам на себя и свои «права», современники, по-видимому, предпочитали не связываться с ними, воспринимая казачьи выходы как неизбежное зло. Мы имеем в виду как отдельных дворян, так и государство в целом. Этим обстоятельством, на наш взгляд, и объясняется безответность воевод по отношению к казачьим бесчинствам в городах при проходе последних к Москве. Попытка Москвы проявить в 1666 г. силу в данном вопросе привела к катастрофическим последствиям – мы говорим в данном случае о выходе на службу к Москве отряда В. Уса и направлении против него вооруженных сил, что, безусловно, явилось одним из немаловажных факторов, вызвавших Разинское выступление.

Тем не менее возникает вопрос: могло ли государство освободить от крепостной зависимости «старого казака», много лет прожившего «на Поле» и сослужившего в этом качестве не одну важную для Москвы «службу»? Такие случаи были. Так, от марта 1637 г. до нас дошли челобитная и расспросные речи яицкого есаула Ивана Поленова, действительно получившего свободу. Его история такова. И. Поленов служил в вольных казаках еще в 10-е гг. XVII в. После заключения Деулинского перемирия с Польшей его «похалопил» (добровольно или нет – из документа не ясно) боярин В. П. Морозов. «Не хотя быть в боярском дворе», Поленов бежал от своего владельца и прослужил 8 лет в г. Терки, где был пятидесятником конных стрельцов. Во время несения «государевой службы» он попал в плен на территории современного Дагестана, но затем был освобожден по требованию персидского «воеводы» г. Дербента. Позднее из Терков Поленов был прислан в Москву с отписками терского воеводы, но

¹²³ Там же. Л. 270. Слово «перебить» в XVII в. означало «избить». В значении же «поубивать» в то время обычно употреблялось слово «побить».

здесь был схвачен боярином В. П. Морозовым. Затем Поленов вновь бежал, но уже не в Терки (откуда его все равно бы вернули владельцу), а к казакам на Яик. Из его пребывания на этой реке известны лишь последние эпизоды.

Весной 1636 г. более 500 яицких казаков ходили в поход на Каспийское («Хвалынское») море, захватив и разграбив персидский город Фарабат. В этом походе И. Поленов был есаулом. Чуть позже казакам стало известно, что по Волге «идет в Кизылбаскую землю немецкой караваль с тавары». Казаки решили «погромить» и его, а также караван из «государевых бус» («которые бусы пойдут с Терка в Астарахань»), используя их затем для штурма «немецкого» корабля (очевидно, казачьи струги для такого дела не очень подходили из-за их низких бортов, либо же казаки хотели обманным путем приблизиться к кораблю). И. Поленов с атаманом попытались остановить казаков (чтобы «государевы опалы на себя тем не навести»), но казаки на кругу «всем войском на него, Ивана, зашюмели: в том де государская воля, за то де по <...> государеву указу вешают их, не желеют, по всем понизовым городам... (т. е. городам Нижнего Поволжья. — О. К.)». Вскоре поступили известия, что за этим кораблем «и иные многие немцы с тавары» идут с торгом в Персию («Кизылбашскую землю»). Казаки «приговорили» погромить и их.

Мероприятие планировалось на весну 1637 г., а осенью 1636 г. с Яика на Дон было отправлено 50 казаков (в том числе и И. Поленов) с целью созывать «втайне ис казачьих донских городков запорожских черкас и донских казаков для тех <...> терских и астраханских бус и немецких карабелей». В январе 1637 г. с данными «вестями» И. Поленов выехал с Дона в Воронеж, а затем был прислан к Москве с этим, как он пишет в своей челобитной, «государевым тайным делом». Услуга, оказанная Поленовым, была оценена в Москве, и он действительно был освобожден из холопской зависимости, а затем определен для службы в станицу служилых казаков атамана Кругового.¹²⁴

Таким образом, как видно из приведенного материала, добиться официального освобождения от холопской зависимости было так же сложно, как и изъять беглого у казаков. С другой стороны, к людям, обладавшим до своего ухода к казакам личной свободой,

¹²⁴ Донские дела. Кн. 1. Стб. 549–554, 255–257, 921.

особых претензий у государства не было, и они могли безбоязненно приезжать в период с конца 1630-х по конец 1660-х гг. в южнорусские города, если, конечно, за ними не числилось каких-либо тяжких преступлений.

Как уже говорилось, в русских административных источниках уход к казакам неизменно именуется бегством. Это означает, что власть негативно смотрела на таковой. Однако из материалов первой главы видно, что уход в степь к казакам отнюдь не означал полного разрыва человека с его прошлым; распространенным, по-видимому, явлением было возвращение «на Русь» после более или менее длительного пребывания в степи. В связи с этим возникает вопрос: подвергались ли наказанию люди, вернувшиеся от казаков? Материалы, которые нам удалось разыскать среди документов Разрядного приказа, несмотря на свою отрывочность, отчасти позволяют, думается, ответить и на этот вопрос.

Вот один из случаев возвращения в прежнее социальное положение присоединившихся к казакам людей. История эта такова. В марте 1659 г. из Москвы «на вечное житье» в Белгород были отправлены 183 донских казака во главе с атаманом Астахом Семеновым. Эти казаки относились к числу тех, что во второй половине 50-х гг. XVII в. пришли в Россию с Дона и «были на <...> великого государя службе в Новгородском полку от немецкия украины». Придя в Белгород, казаки подали белгородскому воеводе Л. Ляпунову челобитную, в которой жаловались на воеводу г. Карпова А. Щепотева. Последний во время следования казачьего отряда через Карпов велел схватить двух казаков – А. Слюнина и С. Сапожника и посадил их в тюрьму. Поскольку имена данных казаков были занесены в присланный из Москвы список казачьего отряда, белгородский воевода Л. Ляпунов «против челобитья донских казаков» потребовал освободить этих людей и «отписать» ему, на каком основании А. Слюнин и С. Сапожник содержатся в тюрьме. Карповский воевода А. Щепотев отвечал следующее: А. Слюнин и С. Сапожник посажены им в тюрьму за то, что они «наперед сего были в Карпове в пушкарской службе, и те свои службы покиня, написались в донские казаки».¹²⁵

¹²⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 481. Л. 418, 441. (Из двух отписок в Москву белгородского воеводы Л. Ляпунова от апреля 1659 г.)

В своей отписке в Москву А. Щепотев более подробно излагает обстоятельства задержания данных казаков. Он сообщал, что в 1656/57 г., когда мимо Карпова «шли з Дону донския козаки» на «государеву службу», некоторые карповские казаки, стрельцы и пушкарри – некий В. Кобузов «с товарищи», «покиня свои прежние службы», присоединились к донским казакам. Ныне же они вернулись в Карпов и живут там по-прежнему, однако «служеб своих прежних служить не хотят», «чинятца силны» и отправили в Москву какую-то челобитную (о ее содержании воевода не говорит) – возможно, просили позволить им служить в Карпове более престижную на юге службу городовых донских казаков. Причем, подчеркивает воевода, эти карповцы «на Дону не бували, били челом <...> великому государю ложно». Характерно, что В. Кобузов с товарищами, согласно отписке А. Щепотева, настроили против себя и служилое население Карпова (имеются в виду г. Карпова «всяких чинов служилыя люди – козоки, и стрелцы, и пушкори»), которые даже подали челобитную воеводе с требованием заставить беглецов «быти в прежних своих службах». Однако справиться с этой задачей А. Щепотев никак не мог и запрашивал Москву, как ему быть.¹²⁶

В результате в Москве было принято следующее решение. Белгородскому воеводе было указано «по сыску» возвращать на прежние места жительства тех из казаков, «которые своровали, покиня службы свои, и бежали из украинских городов и написалися <...> в донские казаки». Воеводе г. Карпова было велено определить карповских беглецов в их прежние службы.¹²⁷ Любопытно при этом следующее: для современников пребывание на Дону являлось, похоже, чем-то вроде правовой основы для изменения социального статуса. Ведь прежде всего именно присоединение к казакам на территории России стало поводом для возвращения В. Кобузова с товарищами в их прежние службы. Однако, даже несмотря на то что они «на Дону не бували», В. Кобузов «с товарищи» ведут себя очень дерзко и заявляют о своих особых правах, восстанавливая против себя служилый люд города, – настолько значительно, по-видимому, влияло на изменение психологии и статуса человека его пребывание среди донских казаков.

¹²⁶ Там же. Л. 459.

¹²⁷ Там же. Л. 441 об., 459 об. (Пометы на отписках белгородского и карповского воевод.)

Что возвращавшиеся от казаков люди не подвергались серьезно наказанию, наглядно показывает следственное дело о попытке бегства на Дон головы Бельского городка (находился на Белгородской черте близ г. Козлова) Максима Останина. История эта выглядит так. 24 апреля 1653 г. в съезжую избу г. Козлова пришел «Козловского уезду Белского городка» стрелецкий пятидесятник Астах Тораборин, сообщивший воеводе П. Пушкину, что его прислали стрельцы из Бельского городка «всем приказом», велев «известить» на голову данного городка М. Останина. Далее А. Тораборин показал следующее.

23 апреля голова Бельского городка предупредил стрельцов, что вечером этого дня собирается «ехать <...> за беглым своим крестьянином в погоню». В третьем часу ночи караульные стрельцы действительно видели 9 оседланных лошадей, на которых было навьючено «запасу и платья всякого много», при этом М. Останин «опоясал саадак, да саблю». Затем бельский голова вместе со своими «людьми» (холопами) – А. Худяком и С. Ивановым, а также денщиком – стрелецким сыном из этого же городка И. Шпикуловым, сев на лошадей, «наскоро» поехали за город. Далее, продолжал А. Тораборин, выехав в Большие ворота (они выходили на «Рускую сторону»), М. Останин с людьми повернули «к валовым воротам», которыми «ездыт с Руской стороны за вал». Отворив эти ворота (М. Останин имел с собой ключ от них), путники хотели бежать за вал на степную («полевую») сторону, однако были замечены караульными стрельцами, поднявшими тревогу и попытавшимися вместе с подоспевшими на крик и сигнальный выстрел из пищали пушкарями схватить своего голову. В ответ М. Останин «за теми пушкарями гонял с саблею наголо», однако был вынужден вернуться обратно в городок. После этого бельские стрельцы и отправили в Козлов А. Тораборина с «вестью» о случившемся.

По распоряжению козловского воеводы все участники данного происшествия были в тот же день доставлены в Козлов (за исключением «человека» М. Останина А. Худяка, сбегавшего из Бельского городка). В ходе расспроса относительно «извета» М. Останин показал, что он со своими людьми собирался ехать «в помесную свою деревню в Козловской уезд <...> для своего дела, а не за вал» и «бежать де за вал и никуды не хотел», утверждая, что «затеесли на нево белские стрелцы такое дело ложно <...> за то что

де он Максим их стрелцов унимал ото всякого дурна, и от пожарного де времени у них избы <...> запечатал». Тем не менее бывшие с ним люди в расспросе показали, что М. Останин действительно собирался бежать на Дон, подговорив их с собой. При этом все снаряжение – 8 лошадей (4 верховые и 4 со вьюками), две сумы толченых сухарей, пшено «и иной де всякой запас и платья» – принадлежало М. Останину.

Согласно расспросам караульных стрельцов, о намерении своего «боярина» «бежать за вал в степь на Полевую сторону» вечером того дня их предупредил А. Худяк, не хотевший идти на Дон. При этом А. Худяк сообщал, что «и надолбы де за валом, куды бежать ему Максиму, поднеты и изготовлены». После повторного расспроса и пытки люди М. Останина вновь подтвердили свои показания, причем С. Иванов добавил при этом, что «на Дону де было ему Максиму жить, и под тотарские улусы с казаками ходить» и что об этих замыслах не знали ни жена, ни дети, ни крестьяне, ни «иные ево Максимовы люди».

М. Останин, однако, продолжал стоять на своем, не изменив показаний даже в ходе очной ставки с денщиком И. Шпикуловым и со своим «человеком» С. Ивановым, и «во всем запирался». Наконец, лишь 25 апреля М. Останин «вину свою ко государю принес», сообщив, что действительно собирался бежать на Дон, но в то же время «в Крым де, и в Литву, и в ыные ни в которые государства отъехать не хотел». В качестве причины побега он называл то обстоятельство, что «н[а не]во многие недруги востали, и многое де челобитье ко государю на нево было на Москве, да и в Козлове де на нево составя, принесли заручную челобитную». Вероятно, речь шла о каких-то злоупотреблениях М. Останина. В результате, продолжал бельский голова, он «от тово хотел ехать на Дон, покиня жену свою и дети. <...> А на Дону де было е[му] пожить з год или болши, и до[быв] было языков тотарских, приех[ать] слугою опять ко государю». «А жена де ево, и дети, и крестьяня ево, и люди, оприч тех дву человек (холопов. – О. К.), которые было с ним побежали – ниhto мысли [той] не ведали», – прибавлял М. Останин.¹²⁸ В дальнейшем выяснилось, что бельский голова подговаривал бежать с собой также нескольких стрельцов, однако на сбор перед побегом они не явились. При

¹²⁸ Край листа с расспросными речами М. Останина в нескольких местах оборван.

этом один из стрельцов сообщил бельским пушкарям о замыслах М. Останина.¹²⁹ Материалы данного дела вместе с самим М. Останиным были отправлены из Козлова в Москву; итогового государственного указа по делу в документах не содержится.

Итак, материалы данного дела показывают, что бегство на Дон позволяло не только не разрывать окончательно с прежней жизнью, но, как кажется, более того – давало возможность заглаживать некоторые свои прежние проступки. Думается, нет оснований подвергать сомнению слова М. Останина о возвращении обратно через год или два: даже если предположить, что это было лишь оправдание, то звучало оно, безусловно, весьма убедительно. Характерно, что «на Руси» за М. Останиным сохранялось бы, скорее всего, его имущество. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что в середине XVII в. пребывание на Дону не только в глазах русского населения, но и в глазах русских властей не считалось «воровством», как иногда можно заключить из суровых фраз приказных документов, именовавших этим термином побег на Дон. Насколько можно судить, карались за побег на Дон только те, кто не сумел их совершить; тех же, кто благополучно добрался до Дона, не только не наказывали за побег после возвращения, но и, возможно, даже прощали им иные прегрешения, совершенные до этого «на Руси».

Мягкость отношения власти к бежавшим на Дон хорошо иллюстрирует также следующий документ. В июле 1655 г. воевода г. Валуйк В. Фефилатьев сообщал в Москву, что в этом году «в розных месяцах и числах» из этого города бежал ряд «розных чинов служилых людей» – «из ездовых (станичных. – О. К.), и из черкас, и из стрельцов, и из казаков», всего более 20 человек. Их отцы, дядья, братья и жены, оставшиеся на Валуйках, показали воеводе, что иные из этих «беглых людей» «пошли на Украину в <...> государевы города и в полки, а иные на Дон, а иные де на степь в гульбу». При этом воевода прибавлял, что после бегства упомянутых людей на Валуйках остались «их <...> дворы, и земли, и хлеб», которыми продолжают владеть «жены, и дети, и братья, и племянники» беглецов, но «служаб <...> государевых» они не служат. Согласно помете на обороте отписки,

¹²⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 194. Л. 216–244. «Платья» – одежда; «надолбы» – частокол через степь из врытых под углом в землю дубовых бревен; «заручная челобитная» – челобитная «за руками», т. е. подписанная челобитчиками.

по государеву указу было велено вместо бежавших «служить службу» их детям, братьям и племянникам, а дворами, землей и хлебом владеть их «женам, и детям, и братьям, и племянником» же, «покамест они (беглецы. — О. К.) сами будут» (т. е. вернутся).¹³⁰ Любопытно, что речь о наказании бежавших не идет ни в этом, ни в других подобных случаях. Имеются и иные (помимо приведенных выше) примеры, когда вернувшиеся из казачьих отрядов служилые люди из южнорусских городов, присоединявшиеся к казакам по пути последних в полки, не только отказывались нести прежнюю службу, но и устраивали разного рода бесчинства, не подчиняясь воеводам. Это происходило в 1656 г., в частности, в Болховом. Серьезного наказания беглецы здесь также не понесли.¹³¹

Таким образом, как видно из приведенного материала, на уход к казакам власть смотрела довольно либерально и пребывание на Дону в казаках, по-видимому, давало возможность в некоторых случаях сменить социальный статус либо же просто возвыситься в глазах окружающих. Причины подобной ситуации будут показаны в дальнейшем; здесь отметим лишь, что данная ситуация сложилась, на наш взгляд, в значительной степени потому, что в пребывании казаков на Дону государство было кровно заинтересовано. Сказанное не касается, впрочем, беглых холопов и крестьян, по отношению к которым применялись, по-видимому, совсем иные правовые принципы.

Региональное происхождение донских татар

Из историографии донского казачества известно, что, кроме людей русского происхождения, в XVII в. среди казаков было немало представителей различных народов, выходцы из которых зачастую

¹³⁰ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 401. Л. 61–61об. «Пошли на украину в <...> государевы города и в полки» — бегство служилых людей из южнорусских городов («в полки» (в частности, для записи в рейтары, драгуны и солдаты) было довольно распространенным явлением в ходе войны России с Польшей и Швецией (см.: Там же. № 481. Л. 459); «...а иные де на степь в гульбу» — возможно, имеется в виду несанкционированный уход в Поле для промысловой деятельности.

¹³¹ См.: Там же. Столбцы Московского стола. № 272. Л. 789–791, 789 об. (Отписка в Москву из Болхового воеводы В. Свищева от 1656 г.)

даже не были православными.¹³² В этом отношении показательно, что в 1632 г. донские казаки, отказываясь давать присягу Москве, одним из аргументов своего отказа называли тот факт, что среди них живет много «бусурман» (мусульман), которые не могут «целовать крест» по христианскому обычаю.¹³³ А в казачьей отписке в Москву от 1658 г. видим такие слова: «А которые у нас в Войске живут перееззики иноземцы – турки, и татаровя, да и греки, и иных розных земель люди, которые переезжают к нам, к Войску, на Дон <...> и служат они, живучи у нас в Войске <...> государевы службы с нами вместе». ¹³⁴ И хотя среди казаков были люди совершенно разного этнического происхождения – встречались даже арапы,¹³⁵ тем не менее татар в таком перечне следует поставить на первое место, ибо только они выделяются в документах в особую группу донского населения под названием «донские татары».

Историография проблемы довольно бедна. Из исследовательских работ можно назвать лишь статью С. В. Черницына «Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском в XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев)». ¹³⁶ Отмечая неоднородный этнический состав населения донских казачьих городков, автор предпринимает попытку рассмотреть этнические процессы на Дону. Он констатирует, что процессы эти отнюдь не ограничивались ассимиляцией казаками восточнославянского происхождения (в первую очередь русскими) представителей неславянских народов. Среди последних С. В. Черницын подчеркивает преобладание на Дону тюркоязычных выходцев – прежде всего ногайских и крымских татар, а также турок, поскольку именно с этими народами, как отмечает автор, казаки жили в соседстве и имели постоянные контакты.

¹³² См., например: *Мининов Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 135 и далее.

¹³³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 463.

¹³⁴ Донские дела. Кн. 5. Стб. 371–372.

¹³⁵ Так, арап был захвачен крымцами у донских казаков в 1662 г. во время казачьего нападения морем под Керчь. См.: РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 43. Л. 10 об. «Арап» – негр, чернокожий.

¹³⁶ *Черницын С. В.* Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском в XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века*. Ростов н/Д, 1990. Н. А. Мининов в данном вопросе следует за С. В. Черницыным. См.: *Мининов Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 135–136.

И хотя по большей части именно русские, продолжает исследователь, определяли политическое развитие Войска и основные черты культуры донского казачества, уже в источниках XVII в. упоминается особая группа донских татар, несших казачью службу. В документах, пишет С. В. Черницын, эту группу называют также «наши татарове», «донские», «юртовые» татары, тем самым отделяя ее от враждебных казакам представителей тюркоязычных народов. Данному историческому феномену и уделяется главное внимание в упомянутой статье.

Как констатирует автор, специальных исследований о донских татарах нет. С. В. Черницын рассматривает основные источники формирования данной группы. Это: 1) добровольные «переезщики»; 2) плен; 3) бегство из России на Дон новокрещеных татар из числа холопов (часто по подговору донских казаков). Впрочем, второй и третий пути, как отмечает историк, чаще вели к ассимиляции, поскольку принятие христианства в этих случаях было правилом. Что касается «выходов» из окрестных земель к казакам, то автор приводит конкретные примеры таких переходов. Например, в цитируемой им войсковой отписке, присланной в Москву из занятого казаками Азова от февраля 1638 г., говорится, что «прибежали де к ним (казакам. – О. К.) в Азов из Нагай (из ногайских улусов, кочевавших «под Крымом». – О. К.) татарове» и дали сведения о военных приготовлениях крымского хана. Частью примеры автора относятся ко времени пребывания казаков в Азове (1637–1642), но приводятся они и за более поздний период. Например, в цитируемой С. В. Черницыным войсковой отписке от ноября 1646 г. сообщалось о трех «переезщиках» из Азова 2 октября и называлось, в частности, имя одного из них: «...а зовут Токмаметком Абызко, Шамаметев сын, родства Кипчаскова, азовские были жильцы». Подобные выходы автор делит на одиночные (или малыми группами) и групповые, когда к казакам, по его словам, «могли переходить и крупные коллективы, имевшие свою организацию и предводителей». По мнению автора, пример тому – перекочевка под Азов ногайских мурз в конце 30-х гг. XVII в.¹³⁷

На основании данного материала С. В. Черницын делает ряд выводов. Так, он подчеркивает этническую неоднородность донских

¹³⁷ Черницын С. В. Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском... С. 72–76.

татар, поскольку они, как отмечает автор, приходили на Дон из разных мест. При этом преобладал ногайский элемент: среди тех, кто переходил в Войско, констатирует С. В. Черницын, чаще всего упоминаются именно ногайские татары. С другой стороны, как показывает автор, упоминаются и выходцы из Азова (после оставления его казаками), причем это не только татары, но и турки. Донские татары-мусульмане, продолжает исследователь, иногда присутствуют в казачьих станицах, отправлявшихся Войском с донскими отписками в Москву – впервые такие татары упоминаются, по данным автора, в 1636 г. – это Олиманко Татарин и Сенчурко Татарин.¹³⁸ От себя добавим, что подобные примеры можно приводить и за более позднее время, хотя они встречаются не так уж часто, да к тому же в составе станиц, когда последние насчитывали более десятка казаков – это один-два, максимум три человека, что, как нам представляется, отражает роль и значение донских татар среди казаков Дона. Эти роль и значение были, вероятно, не очень большими.

Следует сказать, что выводы С. В. Черницына не всегда убедительны. Так, верен, на наш взгляд, вывод о преобладании среди донских татар ногайского элемента (поскольку, по словам исследователя, среди тех, кто переходил в Войско, чаще всего упоминаются именно ногайские выходцы), однако данный вывод, думается, неверно аргументирован. Заметим, в частности, что выходы в конце 30-х гг. XVII в. на Дон из-под Крыма ногайских татар следует в большинстве случаев рассматривать как перекочевку (или перемещение) их к Астрахани, а не переход к казакам на жительство. О переходах же на Дон «крупных коллективов» ногайских татар и вовсе говорить не приходится: низовья Дона были для них лишь перевалочным пунктом на пути к Астрахани. Когда переехавший из Крыма на Дон представитель крымской знати (он был из крымских ногаев) Адил-мурза захотел кочевать под Азовом и по данному поводу отправил в Москву своих людей с прошением об этом, ему ответили, что «то дело не статочное (невозможное. – *О. К.*): в Азове живут казаки своим казачьим обычаем, а мурз и татар никою нет,¹³⁹ и служить ему не с кем (т. е. нет такого примера. – *О. К.*). А казачья служба ему служить не

¹³⁸ Там же. С. 78, 77.

¹³⁹ Речь здесь идет не об отдельных татарах, а об улусах – татарских обществах в полном составе во главе с мурзой (о чем как раз и пишет С. В. Черницын) и с коцвями.

пригож: человек чесной (честный, т. е. знатный. – *О. К.*)».¹⁴⁰ Наконец, С. В. Черницын пишет о компактном якобы проживании донских татар «в низовьях Дона при главном Войске», и ему неизвестны сведения об их проживании в других казачьих городках.¹⁴¹ Как увидим далее, о «компактном проживании» донских татар только при казачьем центре говорить не приходится. В значительной степени эти неточности вызваны скудостью сведений о донских татарах – последнее отмечает и сам автор. К тому же статья написана только на основе опубликованного материала.

Таким образом, насущной задачей представляется поиск и разбор по данной теме неопубликованных документов. Однако сначала, думается, необходимо понять, какие обстоятельства привели к тому, что на Дону особой социальной группой жили некрещенные татары-«бусурмане», с которыми, казалось бы, казаки вели непримиримую борьбу. Что за международная обстановка заставляла этих татар пребывать на стороне казаков? Чтобы ответить на данные вопросы, мы постараемся коротко осветить, в том числе на основе тех же неопубликованных источников, положение в самом татарском мире.

Прежде всего следует отметить, что татары как ранее, в конце XVI–начале XVII в., так и в рассматриваемый период не представляли собой в политическом отношении единого целого. Они были расколоты на ряд политических объединений, зачастую враждовавших друг с другом. На юге существовало два главных политических объединения татар. Прежде всего это была Крымская орда («Крымский улус»), занимавшая Крымский полуостров и Причерноморские степи. С другой стороны, близ Астрахани с 1640-х гг. кочевали остатки Большой Ногайской орды, пребывавшие в русском подданстве и находившиеся под руководством астраханских воевод. Большая Ногайская орда еще в начале XVII в. являлась крупным политическим объединением татар, однако после перехода улусов Больших Ногаев в 30-е гг. XVII в. в Крым и возврата к началу 40-х гг. обратно под Астрахань их силы оказались подорванными. Основу Большой Ногайской орды составляли улусы мурз трех основных родовых кланов этого объединения – Тинмаметевых, Урмаметевых, Иштерековых.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 12. Л. 73–74.

¹⁴¹ Черницын С. В. Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском... С. 79.

Большая часть улусов Урмаметевых, правда, так и не вернулась под Астрахань, удержавшись в крымском подданстве. Под Крымом они обычно кочевали по рекам Молочные Воды, Бердам, а также близ Перекопа.¹⁴²

Между Азовом и р. Кубанью («Кубой») кочевали улусы Малой Ногайской орды («Казыев улус»), части которой временами принимали русское подданство и уходили на кочевья к востоку – в предгорья Кавказа (к Кабарде) и к р. Куме. Малые Ногаи традиционно подчинялись Крыму, однако, находясь в удалении от него, часто действовали на свой страх и риск. Существовала также немногочисленная группа азовских татар, живших в Азове или кочевавших близ него.

Ситуация политической разобщенности приводила к вражде и непрекращающимся набегам татар друг на друга. Конфликты усиливались и тем обстоятельством, что враждовавшие стороны принадлежали к разным государствам. Поэтому походы татар Большой Ногайской орды под Крым, а также нападения их на Малых Ногаев и азовцев, с одной стороны, и наоборот, были вполне заурядным делом. Основной целью походов в татарском мире того времени была не борьба за территорию, а военная добыча – обычно лошадиные табуны и скот, а также имущество противника, чем характеризовались в том числе и набеги татар на русские земли. При этом татарские походы зачастую совершались отрядами малой численности (последнее во многом было характерно и для донских казаков). Добавим, что для русских (или, точнее, астраханских) властей была очень ценна информация о международном положении, получаемая от захватываемых астраханскими татарами «языков» (пленников).

В отписках астраханских воевод в Москву нередко встречаются известия о подобных набегам татар друг на друга. Иногда отряды татар отправлялись из-под Астрахани в набеги под Крым по распоряжению астраханских властей и подробно отчитывались перед ними по возвращении. Поэтому из отписок в Москву астраханских воевод можно почерпнуть немало сведений о практике таких набегов. Например, в столбцах фонда 127 («Ногайские дела») РГАДА

¹⁴² Выражение «под Крымом», «под Крым» идет от источников и обозначает степи к северу и северо-востоку от собственно «Крыма» (Крымского полуострова), бывшие местом татарских кочевий (чаще всего крымских ногаев). Впрочем, и в отношении морских набегов казаков на крымское побережье это выражение также употреблялось.

отложился ряд документов о нескольких походах юртовских и едисанских татар зимой 1637/38 г.¹⁴³ Так, в конце декабря из Астрахани под Крым и под улусы Больших Ногаев (последние кочевали тогда под Крымом) для «проведыванья крымских, и нагайских, и всяких вестей, и для языков», а также для «конского отгону» был отправлен отряд из 50 «охочих» едисанских татар. Через месяц в конце января 1638 г., из Астрахани было отпущено в новый набег 70 юртовских и едисанских татар¹⁴⁴ (о подробностях данных походов будет сказано в дальнейшем). Характерно, что набеги непосредственно под Крым совершались с территории донских казаков, для чего татарам необходимо было пересечь р. Дон, обычно это происходило в районе Есаулова или близлежащих к нему казачьих городков. Перед переправой татары испрашивали разрешения на таковую у тамошних казаков. Бывало, что в поход татары вызывались сами, подав воеводам в астраханской съезжей избе челобитную с просьбой разрешить им идти «из Астарахани <...> для поиску крымских людей и для проводывания вестей», как сделал в апреле 1650 г. отряд из 40 юртовских и едисанских татар.¹⁴⁵ Совершались подобные экспедиции также на Ногайскую степь (левую сторону Дона), они были направлены в основном на кочевья Малой Ногайской орды и Азов. Однако большая часть таких походов организовывалась, несомненно, самими астраханскими татарами по собственной инициативе и в результате не нашла, по-видимому, отражения в русских источниках.

С другой стороны, такие же нападения совершались на кочевья Большой Ногайской орды казыевскими и азовскими татарами. Думается, чем говорить в целом, лучше привести конкретные примеры из документов, тем более что такие сведения пригодятся нам в дальнейшем при сравнении приемов степной войны татар и донских казаков. Итак, вот показательный эпизод из жизни Ногайской степи. 29 мая 1651 г. из улусов кочевавших под Астраханью ногайских Элмурзы Янмаметева и Ислам-мурзы Чубармаметева в поход на Ногайскую степь отправились 35 человек. Как значится в позднейшей

¹⁴³ Едисанские и юртовские татары традиционно жили под Астраханью; первые вели кочевой образ жизни, вторые – полуоседлый. См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., 1948. С. 56.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 5–6, 61, 63–64. «Охочие» – добровольцы.

¹⁴⁵ Там же. 1650 г., № 1. Л. 3.

воеводской отписке, поход был предпринят татарами «для проводыванья о приходе под улусы их крымских, и азовских, и темрюцких, и казыевских воинских людей, чтоб (они. – *О. К.*) <...> под улусы их безвестно не пришли, и <...> конских и животинных табунов не отогнали». На второй и третий день, однако, ушедшие в поход «прибежали <...> в улусы врознь на лошедях, а иные пеши», сообщив мурзам, что «в днище» (в дне пути) от улусов они встретились с отрядом азовских татар, которые их «на степи <...> розгоняли, а иных переграбили, и лошади, и ружье (оружие. – *О. К.*) отбили», после чего направились обратно в Азов.

Из ногайских улусов была немедленно организована погоня во главе с упомянутыми мурзами. Азовцев удалось «сойти» (настигнуть) лишь в четвертый день «на урочище Таллыгуе». Основные силы астраханских татар остались при этом в засаде («в прикрыте»), послав от себя «в подъезд <...> для поманки (приманки. – *О. К.*) к азовским татаром» 5 человек. Погнавшись за ногайцами «всеми людьми», азовцы попали в засаду. В ходе боя 8 азовских татар было убито, четверо захвачено «в языках», остальные разогнаны.¹⁴⁶ Было захвачено значительное количество лошадей, а также походное имущество азовцев – как сказано в документе, ногайцы «коши их все поймали».

Из расспросов пленнных выяснилось, что азовский отряд насчитывал 33 человека, все татары были «азовских улусов», кочевавших в тот момент под Азовом на р. Кагальник. В поход под Астрахань они ходили «для конского и животинного отгону» по своей инициативе. Примерно в дне пути от Астрахани на азовцев наткнулся «вневеды» (т. е. неожиданно для себя) упомянутый выше отряд ногайских татар. Не приняв боя, астраханские татары бросились бежать, потеряв во время бегства 17 лошадей и 10 человек пленными. Выяснив от захваченных ногайцев, что их «конские и животинные табуны ходят против (около. – *О. К.*) Астрахани в ближних местех, и в улусах де у них, и в табунах сторожи крепкие, и опасенье (от набегов. – *О. К.*) большое», азовские татары направились обратно в Азов. По пути они встретили и ограбили в степи еще несколько небольших групп астраханских татар (одна из них, в частности, возвращалась в Астрахань с Дона), пока не были настигнуты и разгромлены

¹⁴⁶ Похоже, здесь видим заимствованный у татар известный казачий боевой прием вентерь. Казыевские татары – татары Малой Ногайской орды.

сами. Характерно, что захваченных астраханских татар азовцы, ограбив, отпускали.¹⁴⁷ Все это были будни степной жизни.

Однако набеги друг на друга совершали не только Малые Ногаи и азовцы – с одной стороны и Большие Ногаи – с другой. Уже примерно со второй трети XVII в. Большая Ногайская орда находилась в состоянии распада. Клану мурз Тинмаметевых, Урмаметевых, Иштерековых часто враждовали друг с другом, при этом дело доходило и до кровавых конфликтов. После возвращения к 40-м гг. XVII в. основной части ногайских улусов из-под Крыма к Астрахани Урмаметевы мурзы остались в крымском подданстве, и набеги из Астрахани на Крымскую степь были направлены в первую очередь против них. (После перехода Большой Ногайской орды в середине 1630-х гг. набеги под Крым остававшихся под Астраханью юртовских и едисанских татар совершались против кочевавших там Больших Ногаев в целом.) Однако вражда существовала и внутри кланов ногайских мурз, вернувшихся из Крыма под Астрахань, и при обострении этой вражды усобицы и взаимные набеги становились обычным делом в Большой Ногайской орде. Случалось, что в конфликты мурз Большого Ногайя вмешивались мурзы Ногайя Малого, а также едисанские и юртовские татары, и тогда распутать клубок взаимных набегов, обид и счетов между мурзами было не под силу и астраханским воеводам.

Вот лишь некоторые эпизоды взаимных набегов ногайских татар в 1645–1646 гг. Осенью 1645 г. в кочевавшие под Кабардой казыевские улусы Девои-мурзы Канмурзина из Астрахани был послан «с листом» (грамотой) сын боярский Яков Есипов. Сам Девои-мурза, отколовшись в ходе вооруженного столкновения от прочих мурз Малого Ногайя, перешел со своими улусами в русское подданство (прочие казыевские мурзы кочевали в тот момент под Крымом). Характерно, что во время пребывания в улусах Девои-мурзы сына боярского Я. Есипова татарские мурзы и их «улусные люди» жаловались ему, что «им де обида от Большого Нагаю от татар», которые «приходят под их улусы, и лошади у них отгоняют». Интересно, что во время пребывания самого Я. Есипова у татар неизвестные люди «приходили» (нападали) под казыевские улусы, и «лошадь отгоняли трижды (трижды. – О. К.)». Казыевцы поясняли, что это были ногайские татары.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1651 г., № 1. Л. 177–182.

В татарской грамоте, отправленной из улусов Девой-мурзы в Астрахань, также звучали жалобы на бесчинства ногайцев. В частности, Большие Ногаи обвинялись в том, что они под казыевскими улусами «худо делают» – «лошеди емлют, и людей <...> проезжих грабят» (т. е. нападают на людей, выезжающих из улусов). В ответной грамоте из Астрахани, однако, казыевцам напоминали об их неоднократных набегах под Астрахань на улусы Больших Ногаев, а также сообщали о постоянных жалобах на них ногайских мурз по поводу того, что казыевские мурзы и татары, «приходя» под ногайские улусы, «лошади и животину крадут, и улусы громят». Воеводы приводили примеры конкретных набегов казыевцев. В конце грамоты звучала угроза послать из Астрахани на улусы Девой-мурзы «государевых ратных людей».

Грамота из Астрахани тем не менее успеха не возымела, и уже в конце марта 1646 г. на кочевавшие под Астраханью улусы кейкувата Янмамет-мурзы и его сына Ямгурчей-мурзы был совершен крупный набег казыевских мурз во главе с Девой-мурзой. Кочевавшие близ Астрахани Большие Ногаи в спешном порядке бежали под город; против казыевцев было выдвинуто даже несколько «приказов» (полков) пеших и конных астраханских стрельцов. Ходили слухи, что казыевский набег был совершен с ведома ногайского Чебан-мурзы Иштерекова, кочевавшего в тот момент в районе Терека и враждовавшего с Янмамет-мурзой и его детьми.

Конфликт между тем продолжался. Летом 1646 г. кейкуват Янмамет-мурза со своими «улусными людьми» ходил в поход на Чебана-мурзу. В ходе столкновения «на обе стороны» были «побиты <...> многие люди», в том числе погиб сын Янмамет-мурзы Ян-мурза. Тем не менее в ходе набегавшим удалось отогнать «лошеди многие». Впоследствии выяснилось, что в походе к Тереку на стороне Янмамет-мурзы участвовали также астраханские юртовские татары, не имеющие прямого отношения к конфликту.

Подвергшаяся нападению сторона, жалуясь в Астрахани на учиненное в ее улусах «разорение», потребовала сыскать и вернуть отогнанных лошадей. Однако, когда воеводы попытались осуществить это мероприятие, к ним поступила встречная челобитная со стороны Ямгурчей-мурзы. Тот, в частности, указывал, что набег был совершен в отместку за неоднократные набеги на их улусы Чебан-мурзы Иштерекова совместно с казыевским Девой-мурзой. Что же касается

отогнанных лошадей, продолжал Ямгурчей-мурза, то ходившие в набег «те лошади розпродали, и друзьям своим роздали». И если этих лошадей воеводы будут сыскивать и возвращать прежним владельцам, то «им де то будет в большое оскорбленье», тем более что за них был убит Ян-мурза, брат Ямгурчя. В результате сыскные мероприятия были прекращены, чтобы, как писали в Москву воеводы, «меж их (татар – *О. К.*) бо́льшие ссоры не учинить».¹⁴⁸ На этом, думается, можно остановиться – мы отнюдь не ставим перед собой цель пересказывать все перипетии конфликтов в Большой Ногайской орде середины 40-х гг. XVII в. Наша задача более скромна – показать, насколько непростыми были взаимоотношения в татарском мире даже в пределах одной «орды».

Как видим, беспокойной и тревожной в военном отношении в 40-е гг. XVII в. была обстановка даже в подконтрольных Русскому государству степях. Конфликты в Ногайской орде происходили еще с XVI в., поэтому упомянутые события нельзя представлять себе как что-то из ряда вон выходящее.¹⁴⁹ Взаимные набеги производились, даже несмотря на угрозу сыска и возврата «погромного» имущества. Тем более естественны были набеги на «чужих» татар, имущество которых сыску и возврату не подлежало вовсе.

Перейдем к вопросу о происхождении основной части живших на Дону татар, которые в одной из небольших статей по истории казачества были даже названы «неведомыми».¹⁵⁰ В действительности, думается, никакой загадочности в этих татарах нет. В большинстве своем они были такими же «сходцами» из окрестных территорий, как и другие жители казачьих городков. В этом отношении характерны слова цитировавшейся в начале данного раздела войсковой отписки от 1658 г., где говорится о «переезщиках-иноземцах» на Дон как о людях, присоединившихся к казакам под влиянием различных обстоятельств. В связи же с прекращением подвоза на Дон хлеба из южнорусских городов, продолжают казаки в отписке, из-за ложных известий о моровом поветрии в казачьих городках «те

¹⁴⁸ Там же. 1646 г., № 1. Л. 144–147, 153–157, 245–248. Кейкуват – почетный титул в Большой Ногайской орде.

¹⁴⁹ Неурядицы и взаимные набеги между Большими Ногаями и находившимися в русском подданстве Малыми Ногаями улуса Арсланбек-мурзы Каспулатова продолжались и в 1650-е гг.

¹⁵⁰ Слава Тебе, Господи, что мы – казаки! Памятка / Автор-составитель Б. А. Алмазов. СПб., 1996. Вып. 8. С. 7.

<...> иноземцы, от <...> великого голоду и нуж (нужды. – О. К.) хотят розбрестися многие по своим землям, а наша братья (т. е. сами казаки. – О. К.) по твоим государевым украинным городом розбрестися хотят многие...». ¹⁵¹ Как видим, большая часть этих «иноземцев» (если не все они) не составляла постоянного населения края; упомянутые люди могли при необходимости вернуться на родину – впрочем, это же можно сказать и о значительной, если не основной, части русского населения Дона. То же самое, думается, касается и донских татар, поскольку именно они составляли значительную часть населения казачьего Дона, занимая в рассматриваемый период второе за восточными славянами место среди представителей различных народов, населявших его.

Вот несколько судеб «донских татар», встретившиеся нам в документах. Так, приехавший в январе 1637 г. в Астрахань едисанский татарин Кожай («Кожайко») Елманов показал в расспросе, что «тому де ныне лет с восемь сшел он Кожайко из Астарахани на Дон от бедности», оставив жену и детей в ногайских улусах и прожив все это время на Дону. Другой, юртовской татарин Бектемир Кульмаматов, приехавший в Астрахань в июле 1639 г. из занятого казаками Азова, показал, что 7 лет назад он «поехал из Астарахани на Дон для добычи», все это время жил там и «на Дону живучи женился». Зимой этого года он привез в Астрахань свою жену, а затем ездил на Дон «для долгового взятку» (т. е. чтобы получить с кого-то долг). ¹⁵²

В декабре 1639 г. с Дона приехало в Астрахань «донских татар з женами и детми человек з десеть». Один из них, едисанский татарин Нуржувтуркей Абызов, показал следующее. Около 10 лет назад «воровские казаки» во время нападения на татарские улусы под Астраханью на р. Бузане («Бузуне») захватили его жену и «свезли на Дон». Для выкупа («окупа») у казаков своей жены он и поехал на Дон, однако обратно под Астрахань казаки его почему-то «не отпустили». В результате он остался жить на Дону, прожив там «лет з десеть» и вторично женившись. Некоторое время назад он «прислал з Дону в Астрахань жену свою», а ныне приехал сам «з другою женою» «в Астрахань на житье». Как видим, и у этого татарина пребывание на Дону

¹⁵¹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 372. В действительности «моровое поветрие» было лишь в Астрахани и Черном Яру.

¹⁵² РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1637 г., № 1. Л. 49; 1639 г., № 1. Л. 114.

было весьма удачным (содержать двух жен мог позволить себе только состоятельный человек). Похожа и история другого едисанского татарина, Кинкинея Аллабердеева. У него 10 лет назад «воровские казаки» захватили сноху (похоже, во время того же самого набега, о котором сообщал Н. Абызов), и К. Аллабердеев также ездил на Дон для ее «окупа» и тоже не был отпущен казаками обратно. Живя на Дону, он также женился и теперь вернулся обратно вместе со снохой и женой.¹⁵³

В том же декабре 1639 г. в Астрахань приехал татарин едисанского улуса Байда Юмашев с матерью, который показал, что вместе с другими едисанскими татарами он «отходил» от Астрахани в 1633/34 г. с улусами Больших Ногаев, но после переправы последних через Дон на Крымскую сторону в районе Азова он отстал от ногайцев и «с матерью своею пришел в казачей городок Эпок (Ебок. — О. К.)», в котором и жил все время до возвращения в Астрахань. Теперь он собирался жить, как и прежде, в едисанском «Борис-мурзине улусе Янарсланова». Такова же и история Элдибея Базаева, ногайского татарина улуса Адил-мурзы Каракельмамметева. После перехода татар его улуса через Дон он, отстав от ногайцев, с женой и сыном перешел к казакам и жил «в казачье городке в Маначе». Вернувшись под Астрахань, он собирался жить в одном из едисанских улусов.¹⁵⁴ Можно приводить и другие подобные примеры.¹⁵⁵

Все это, конечно, единичные факты, дошедшие до нас лишь вследствие того, что упомянутые люди были привлечены в Астрахани к расспросу. Большинство же татар, приезжавших с Дона в улусы под Астрахань, безусловно, не попадало в поле зрения астраханских властей, да и расспросы упомянутых татар были вызваны не самим фактом их приезда с Дона, а интересом астраханских воевод к положению дел

¹⁵³ Там же. 1639 г., № 1. Л. 22.

¹⁵⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵⁵ В частности, в июле 1644 г. ногайский Юнус-мурза Тинмамметев привел в Астрахань к воеводам для расспроса 5 человек едисанских и ногайских татар, приехавших к нему в улус с Дона. В ходе расспроса они рассказывали похожие истории. Некоторым своеобразием отличается лишь рассказ одного из них, едисанского татарина Эшкулая Агымова, хотя и данная история была, безусловно, также весьма характерной для своего времени. Упомянутый татарин показал, что осенью 1632 г. он поехал к казакам на Дон «для сыску брата своего», однако, когда «приехал на Дон в городок в Торновой (Терновый. — О. К.)», у него «под тем городком отогнали лошади азовские татаровья». После этого происшествия Э. Агымов из Тернового перебрался в Черкасский городок, где и «жил все (это время. — О. К.) в Черкасском городке у брата своего». Теперь он вернулся обратно, а «брат де <...> его с ним в Астрахань не приехал, потому что коней нет, ехать не на чем» (Там же. 1644 г. № 1. Л. 170–171).

у казаков на Дону – рассказ о последнем и составляет основное содержание расспросных речей.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, проезжавший в середине 1660-х гг. по Дону, отметил, что в казачьих городках живет вместе с казаками немало татар (речь идет о городках, располагавшихся между излучиной Дона – Переволокой – и низовьями Дона).¹⁵⁶ Путешественник называет их представителями народа «хешдек». Данным термином, согласно наблюдению А. П. Григорьева – автора предисловия ко второму выпуску извлечений из труда Эвлии «Книги путешествий», последний обозначал поволжских (астраханских) татар.¹⁵⁷

В источниках русского происхождения также упоминается о татарах, живших в «верховых» казачьих городках. Вот характерный пример. Отправленные из Астрахани в январе 1638 г. для «конского отгона» и захвата «языков» в поход под Крым татары Ажимбет Мурзагельдеев и Досай Эшимов с отрядом из 70 юртовских и едисанских татар после возвращения во время расспроса рассказывали следующую историю. Упомянутый отряд, переправившись через Дон в районе казачьего Есаулова городка, отправился в поход на Крымскую степь по правой («Крымской») стороне Дона. Характерно, что из этого городка к татарам присоединились 60 донских казаков, отправившихся вместе с ними в набег под Крым. С дороги, правда, эти казаки, не доехав до неприятельских улусов, «воротились назад в Ясаулов городок», потому что у них «пристали лошади», вместе с казаками в Есауловский городок вернулись и пятеро татар по той же причине. Оставшиеся татары отогнали у кочевавших под Крымом ногайцев «лошадей с четьреста», одного татарина захватив «в языцех». Со своей добычей они вернулись обратно к Есаулову городку и просили донских казаков «перепустить их через Дон под Астарахань». Однако в этот момент «ис того де Ясаулова городка вышел едисанские татаровя, *которые живут на Дону для добычи*, лошадей у них и взятого языка отбили» (курсив наш). Ограбленные пытались жаловаться есауловским казакам, чтобы те «отгонные их лошади и взятого языка велели им Ажимбетю и Досаю отдать назад», казаки попытались восстановить справедливость, но «те де едисанские татаровя донских казаков не послушали, лошадей и взятого языка не отдали».¹⁵⁸

¹⁵⁶ Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 181, 189.

¹⁵⁷ Там же. Предисловие. С. 18.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638, № 1. Л. 61, 63–64.

Как видно из приведенных сообщений, на Дону жили прежде всего астраханские татары (в первую очередь упоминаются едисанские татары, но можно ли из этого делать какой-либо принципиальный вывод, нам сказать трудно), причем жили они здесь, как и казаки, «для добычи», т. е. с целью участия в военных предприятиях. Известия о контактах между астраханскими татарами и донскими казаками нередко встречаются в источниках. Так, во время осады казаками Азова в 1637 г. к ним подошел отряд юртовских татар из 300 человек, посланных из Астрахани «для языков». Присоединясь к казакам, они приняли участие во взятии Азова, осуществляя функцию караула «от степи» во время решающего штурма города, беспощадно преследуя и убивая («побивая») азовцев, выбравшихся из него во время боев внутри городских стен и пытавшихся скрыться в степи. В результате эти татары получили соответствующий пай при разделе захваченной в Азове военной добычи.¹⁵⁹

Как уже вскользь упоминалось, и татары Большой Ногайской орды, и казачий Дон находились под властью московских государей. Это, по-видимому, и стало главной причиной той исторически сложившейся ситуации, что Дон для татар, кочевавших под Астраханью, был своего рода «своей» территорией. В частности, в источниках нередко встречаются случаи, когда татары, у которых донские казаки в ходе «воровских» (разбойных) походов на Волгу и каспийское взморье захватывали с целью получения выкупа родственников, ездили выкупать последних прямо в казачьи городки. Между тем совсем по-иному обстояло дело с татарами улусов Малых Ногаев, перешедших под «руку» московского царя. Эти татары продолжали сохранять традиционные для них связи с Азовом, что хорошо видно из следующего эпизода.

В апреле 1652 г. из Астрахани на Ногайскую степь с целью «проезды вестей» про крымских татар был отправлен сын боярский Алексей Казанцев. С ним в поход пошли 50 стрельцов-добровольцев и двое астраханских едисанских мурз с татарами (последних было 88 человек). После примерно двухнедельного следования по степи отряд остановился недалеко от Азова у р. Еи в «крепких местах» (т. е. в урочище), откуда отправил разъезды по ближайшим степным дорогам. «Ратные люди» стояли в засаде 4 дня, пока не подметили на «темрюцкой дороге» (в двух «днищах» от Азова) ехавших со стороны этого города неких «азовских людей» в количестве около 40 человек, ставших

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 334–335.

в полдень на стан («на коши»). Отряд А. Казанцева всеми силами ударил на них. В ходе боя 20 человек «тех азовских людей» было убито, 9 захвачено в плен, прочие бежали. Кроме того, в руки нападавших попало четверо «белорусцов»-полоняников – «баба, да девка» и двое «робят», три женщины-татарки, а также все татарское имущество и лошади. После этого отряд вернулся в Астрахань. Правда, троих татар на обратной дороге пришлось «побить» (убить), так как они от ран «были болны» и везти их с собой было «никоторыми делом нелзе», одному удалось бежать. Весь поход продлился с 28 апреля по 2 июня.

В ходе допросов пленников в Астрахани выяснилось следующее. Татарский отряд состоял из азовских и казыевских татар, которые ехали из Азова в улусы Малого Ногай Арсланбек-мурзы Каспулатова, находившиеся в русском подданстве, всего татар было 42 человека. Из взятых в плен один оказался торговым человеком из Крыма (г. Кафы), ехавшим в Малый Ногай «с товаром для торга». Он возил оттуда через Азов «масло коровье», причем уже не первый год. Другие пленники были из улусов Арсланбек-мурзы Каспулатова, ездившие в Азов для покупок. Купив в Азове кумача, сапог и пр., они возвращались в свои улусы, кочевавшие под Пятью Горами и на р. Куме. Еще двое ездили в Азов для выкупа из плена своей сестры, захваченной донскими казаками под Азовом. Они возили в Азов на продажу в счет выкупа коровье масло и гоняли «животину» – коров. Любопытно, что сестра этих татар оказалась уже до их приезда выкупленной азовскими «турскими людьми»; оставалось лишь вернуть сумму выкупа «с наддачею» (прибавкой). Вместе с казыевскими татарами в их улусы ехали и азовские татары – одни с «продажными полоняниками», другие с товарами. Из захваченных женщин-татарок две были женами казыевских татар, одна – упомянутая выкупленная пленница. В итоге казыевские татары и женщины были отправлены в Малый Ногай по челобитной посла Арсланбека-мурзы, который находился тогда в Астрахани, а крымский торговец был брошен в тюрьму. Отбитые православные пленники были отданы на время «для исправленья веры» в монастырь.¹⁶⁰

Как видим, татары Малого Ногай, даже перейдя «под руку» московского царя, продолжали поддерживать отношения (в том числе торговые) с Азовом и более отдаленным «бусурманским» миром, у астраханских же татар был свой политический ареал, в котором донские

¹⁶⁰РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1652 г., № 1. Л. 64–70, 74. «Днище» – день пути.

казаки занимали определенное место, и выкупать пленников ездили уже непосредственно к ним. В целом контакты донских казаков с татарами Нижнего Поволжья, находившимися в рассматриваемое время в русском подданстве, в значительной степени напоминают отношения первых с населением южнорусских городов. Особенно широким общение казаков с татарами Нижнего Поволжья было в начале 30-х—начале 40-х гг. XVII в., когда в ходе грандиозного перехода Большой Ногайской орды с астраханских кочевий из русского подданства в Крым и обратно немало татар осело в казачьих городках по Дону. Прекрасно зная ситуацию в степях и хорошо разбираясь в тонкостях татарской психологии, казаки охотно принимали на Дон татар, создавая при этом психологически приемлемую для них обстановку.

Косвенным подтверждением последних слов может служить свидетельство вернувшихся в 1639 г. (благодаря активным усилиям казаков) в русское подданство трех ногайских мурз, писавших в своей челобитной во время приезда в Москву во главе татарской делегации, что после перехода их улусов через Дон они видели от казаков (в частности, от войскового атамана Ивана Каторжного) столько доброты («добра»), сколько не видели от своих отцов и матерей.¹⁶¹ Особенно эта казачья «доброта» выделялась на фоне тех репрессий, которым подверглись ногайские татары от единоверных крымцев. Ногайцы, как правило, возвращались из Крыма ограбленными; казаки, «осужая себя» и собирая между собой деньги, предоставляли татарской верхушке «корм», а улусных татар ссужали телегами, юртами и прочими предметами татарского обихода, приобретавшимися казаками в ходе военных действий и использовавшимися, по-видимому, в казачьем быту.¹⁶²

Конечно, среди донских татар могли быть и выходцы из крымских улусов, но преобладание среди них представителей Большой Ногайской орды, а также юртовских и едисанских татар, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Правда, случались среди донских татар и измены (особенно в тех случаях, когда опасность казачьего нападения угрожала их родному улусу), однако «изменники» встречались и среди донских, и среди запорожских казаков.

В документах нередки упоминания об участии донских татар в казачьих походах на Крымскую степь, однако о преобладании их в таких походах говорить не приходится. Предпринимались донскими татарами

¹⁶¹ Там же. 1639 г., № 13. Л. 137.

¹⁶² Там же. Л. 123. (Войсковая отписка от ноября 1639 г.)

и самостоятельные военные предприятия. Так, в 1638 г. в поход на Крымскую степь ходили с Дона 40 татар.¹⁶³ Это самый крупный самостоятельный поход донских татар, встретившийся нам в источниках.

Участвовали донские татары, по-видимому, и в морских экспедициях казаков. Так, документы донесли до нас следующий эпизод. В 1657 г. во время погрома казаками крымского побережья между Кафой и Керчью крымскими татарами было схвачено двое донских казаков, один из которых назвался переводчиком из Москвы. После наведения русскими посланниками в Крыму Р. Жуковым и Л. Пашиным о нем справок оказалось, что это астраханский татарин, действительно бывавший в Москве и знавший много языков. Впоследствии он был посажен крымцами на кол.¹⁶⁴

Любопытно, что жившие на Дону татары время от время ездили с Дона к своим родственникам, как это делали и донские казаки, выезжая «к Руси». Так, зимой 1638 г. в кочевавшие под Крымом ногайские улусы с войсковой грамотой к ногайским мурзам, призывавшей их возвращаться в русское подданство, были отправлены с Дона трое донских татар. Во время пребывания в ногайских улусах они были схвачены крымцами и доставлены к крымскому хану, но в ходе допроса сумели скрыть истинную цель своей поездки, сказав, что приехали «повидатца с родимцами». Характерно при этом, что хан поверил данному объяснению и отпустил этих татар обратно в те же улусы.¹⁶⁵ (Об этом же факте упоминает в своей статье и С. В. Черницын.)

Следует отметить, что жившие на Дону донские татары были «бурсурманами». Они имели своих «абызов» (священнослужителей) и, по-видимому, места для исполнения религиозного культа. Так, в конце 1630-х—начале 1640-х гг. одним из наиболее видных и влиятельных среди донских татар людей был Чепай-абыз, неоднократно упоминающийся в документах и выполнявший ответственные войсковые поручения во время дипломатических переговоров казаков с ногаями о переходе последних в русское подданство в конце 30-х гг. XVII в.

В целом можно констатировать, что связи казаков (а также донских татар) с татарскими улусами (прежде всего кочевавшими под Астраханью) были характерны для рассматриваемого периода и очень напоминают (правда, в значительно меньшем масштабе)

¹⁶³ Там же. 1637 г., № 1. Л. 57.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 40. Л. 421–422, 425.

¹⁶⁵ Донские дела. Кн. 1. Стб. 643. (Войсковая отписка от декабря 1637 г.)

взаимодействие казаков с населением южнорусских городов, включая процессы ухода на Дон. Однако отношения донского казачества с астраханскими татарами имеют и существенные особенности. Так, мы не видим развитых торговых связей (хотя, скорее всего, они были¹⁶⁶), да и отношение казаков к татарам очень сильно отличалось от их отношения к «русским людям»: для православного казачьего населения Дона астраханские татары-«бусурмане» все-таки оставались, по-видимому, чужими людьми. Как уже отмечалось, в документах нередко упоминаются случаи, когда татары Нижнего Поволжья ездили на Дон для «окупа» (выкупа) из казачьего плена своих родственников (отцов, жен, сестер и т. д.), захваченных «воровскими казаками» во время нападений под Астраханью на татарские улусы. Подобное отношение к русскому населению со стороны казаков было просто немыслимо, хотя на Волге «воровские казаки» грабили и русских.

И все же, как представляется, Дон для кочевавших под Астраханью татар был во второй трети XVII в. в некотором роде своей территорией, что стало итогом перехода в более раннее время Большой Ногайской орды «под высокую руку» русского царя, а также результатом той непростой военно-политической ситуации, которая сложилась в степях между Волгой и Днепром в рассматриваемый период. Все это привело к массовому взаимодействию донских казаков и астраханских татар, постоянному пополнению казачьего населения Дона людьми, прекрасно знающими степь. Думается, это дает в какой-то мере ответ на вопрос, откуда донские казаки так хорошо знали степные пространства. Мы не отрицаем здесь того, что перемешивание казаков русского происхождения и татар происходило и в более раннее время, но приходится отметить, что указанный временной промежуток дает нам образец именно массового взаимодействия татар и казаков. Данная ситуация вызывает невольное удивление на фоне характерных для казаков беспощадных расправ с «бусурманами», но она же говорит о том, что расовая ненависть была чужда казакам.

---

¹⁶⁶ Так, известно о «торгах» (правда, нерегулярных) донских казаков с калмыками. См.: Донские дела. Кн. 4. Стб. 455; РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1648 г., № 2. Л. 18; Ф. 111 (Донские дела). 1663 г., № 3. Л. 9; 1666 г., № 1. Л. 6; № 6. Л. 8. В последнем случае видим и основные товары: с русской стороны это были ткани и одежда («киндыки и зипуны»), с калмыцкой — лошади и «животина» (скот).

Итак, из приведенного в данной главе материала можно сделать вывод, что к казакам присоединялись люди самых разных социальных слоев. Однако наиболее заметным для современников было бегство на Дон холопов, ограбивших своих «бояр», а также преступников и разного рода искателей приключений, пробиравшихся на Дон издалека. Много шума вызывали и эксцессы, связанные с приемом донскими казаками таких людей, и различные выходки казаков «на Руси». Значительно же менее заметным был уход на Дон лично свободного («вольного») человека с южнорусской окраины, не производивший большого шума и происходивший в крае, жившем в своем особом и в некоторой мере замкнутом мире. Отсюда, на наш взгляд, и ставшее трафаретным в источниках XVII в. определение казаков как беглых холопов и преступников, что лишь отчасти соответствует действительности.

Как показывают имеющиеся в нашем распоряжении источники, основная масса донских казаков происходила из южнорусского края, т. е. из тех мест, где о казаках было очень хорошо известно. Пополнялось казачье сообщество и людьми из более отдаленных областей, очутившимися в силу различных обстоятельств в районах, близких к Дону. Нередко к казакам присоединялись люди, встретившие их далеко от Дона – например, под Смоленском или в Москве. Наконец, существовало бегство на Дон и из отдаленных областей. К нему можно отнести бегство холопов и разного рода искателей приключений, однако такое бегство едва ли могло носить массовый характер. Приведенный в данной главе материал позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что широко распространенный в историографии тезис о бегстве на Дон людей со всей территории Русского государства вследствие сильного угнетения низов нуждается в серьезной корректировке. Уход людей к казакам очень часто был вызван совсем иными обстоятельствами. Среди таковых в первую очередь следует называть колонизационные процессы на юге страны, а также бытовые и психологические особенности южнорусского населения, которые были порождены особыми военными и хозяйственными условиями жизни на юге страны. Последние слова относятся также и к жившим на Дону татарам.

Глава III. Войсковая организация на Дону и ее функционирование

Значение термина «войско» у донских казаков (1637–1667 гг.)

При изучении внутренней организации донского казачества в XVII в. первостепенную важность приобретает вопрос о значении термина «войско» у казаков. В отечественной историографии на сегодняшний день нет твердо аргументированного мнения, что следует понимать под «Войском» на Дону в это время. Сам данный термин в исторической литературе трактуется по-разному, однако всестороннему рассмотрению этот вопрос не подвергался. Рассмотрим историографию проблемы.

В. Д. Сухоруков под «Войском Донским», в соответствии с современным ему значением этих слов, понимал донское казачество в целом, живущее по Дону. Он же ввел в употребление получивший затем широкое распространение в литературе термин «Главное войско», полагая, что так в XVII в. назывался центр управления на Дону, в частности – Черкасский городок.¹ Сходного, но несколько иного мнения придерживался в своей работе В. Б. Броневский. Он писал, что «Главным войском» назывались казаки, собиравшиеся с весны в казачьем центре для военных предприятий.² Так складывалась историографическая традиция XIX в., когда под «Главным войском» понимали либо казачий центр на Дону, либо сбор казаков в этом центре и тем самым отличали их от «Войска Донского» как общего обозначения донских казаков. Этой традиции придерживались,

---

¹ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903. С. 382.

² Броневский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. СПб., 1834. Ч. 3. С. 93.

в частности, В. М. Пудавов и Н. И. Краснов (Пудавов разделял вторую точку зрения, Краснов – первую).³

Необходимо, однако, заметить, что выражение «Главное войско» в источниках XVII в. не употребляется. Правда, довольно часто в документах первой трети XVII в. встречаются словосочетания «большое войско», «нижнее большое войско», «нижнее войско» (в данном случае слово «большой» является синонимом слова «главный»), однако и они к 40-м гг. XVII в. практически выходят в источниках из употребления. Поэтому, думается, употребление термина «Главное войско» по отношению к Черкасскому городку, ставшему донским центром с 1644 г., не совсем корректно.

Определенным этапом в изучении внутренней организации казачества на Дону стала работа В. Г. Дружинина, посвященная расколу. Не найдя в трудах своих предшественников «достаточно достоверных, научно и документально обставленных сведений о донцах, их быте и строе их общины»,⁴ автор посвятил этому вопросу первую главу своей работы, основанную на материалах последней трети XVII в. Как отмечал В. Г. Дружинин, власть над всем Доном осуществлял войсковой круг, собиравшийся в Черкасске. Наиболее представительный круг собирался для дележа царского жалования, а также для решения дел, «касавшихся всего войска Донского» (т. е. всего донского казачества). В таком кругу участвовали все казаки, и для его созыва посылались особые войсковые грамоты. В другое время из Черкасска направляли специальных посыльных для совета со всеми городками. В менее важных случаях ограничивались призывом казаков из ближайших городков, а текущие вопросы зачастую решались одним черкасским кругом как более многочисленным и находившимся в административном центре Дона.⁵ Как и его предшественники, В. Г. Дружинин полагал, что выражение «все Войско Донское» обозначало всех казаков, живущих на Дону. В то же время, следуя терминологии документов, он отметил, что Черкасск, будучи общим административным центром, также назывался «Войском».

³ См.: Пудавов В. М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. Ч. 1. С. 166. (Работа, как уже упоминалось, написана в середине XIX в.); Краснов Н. И. Земля Войска Донского. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1893. С. 32.

⁴ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. Предисловие. С. IV.

⁵ Там же. С. 22–24.

Впрочем, в этом же значении В. Г. Дружинин употребляет и термин «Главное войско».⁶

В 1923 г. вышла статья С. И. Тхоржевского «Донское войско в первой половине семнадцатого века», в которой автор, наряду с другими вопросами, попытался проследить процесс объединения казачества на Дону. По его мнению, единого «войска» как организованного целого первоначально не было, а был лишь ряд более или менее самостоятельных отрядов со своими атаманами, и только после Смуты происходит их слияние в одно «войско».⁷ В своей работе С. И. Тхоржевский выделил несколько значений данного понятия. Он писал, что «Войском» называлась «вообще вся совокупность донских казаков – в таком смысле это слово употребляется в обращении царских грамот» к казакам, а «в более узком смысле Войском (или «нижним большим войском», «большим войском») именовался съезд казаков, собиравшийся обыкновенно весной в главном городке»; отсюда «и этот городок тоже именовался “войском”, и жители его считали себя вправе и без съезда говорить и делать постановления от имени Войска».⁸ В подтверждение своих слов автор привел формуляры царских грамот на Дон и войсковых грамот из Азова от 1638 г., отправленных вверх по Дону (о них см. далее). Таким образом, под «войском» С. И. Тхоржевский понимает и все казачество в целом, и съезд казаков на низовье Дона, в центральном городке, и сам этот городок. Точка зрения С. И. Тхоржевского, в сравнении с другими, отличается наибольшей продуманностью, однако ее развернутой аргументации автор не дает.

Схожие взгляды высказывал находившийся в эмиграции С. Г. Сватиков. Под «Войском Донским» он одновременно понимал и «общину донских казаков, и военную организацию («войско»), и вольную республиканскую колонию русского народа».⁹ «Главным войском» С. Г. Сватиков считал «обитателей столицы Дона».¹⁰

Другой эмигрантский историк, И. Ф. Быкадоров, утверждал, что Войско Донское существовало еще с 1546 г. и объединяло две казачьи группы – Донское Низовое Войско и Донское Верховое, составляя

⁶ Там же. С. 15, 21, 24.

⁷ Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Вып. 3. С. 11.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). [Белград], 1924. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 22.

«один народный и государственный организм – Все Великое Войско Донское» со своей столицей – «Главным войском» – сначала в Раздорах Донецких, а позже в Черкасском.¹¹ Однако подчеркнем, что в источниках середины XVI в. нет никаких упоминаний о «Войске», вследствие чего построения Быкадорова выглядят малоубедительно.

Советские историки основное внимание уделяли классовой борьбе донских казаков и возникавшим социальным противоречиям внутри их общества. Вопросы же внутренней организации казачества отходили при этом на второй план – как правило, авторы лишь бегло упоминали о Войске. Так, Б. В. Лунин полагал, что «под Войском подразумевалось <...> не все казачество, а лишь жившее в низовьях Дона («нижнее большое войско») – т. е. только та часть, которая была связана с правящей верхушкой казачества и подчинялась ей» («своего рода “реестровое” казачество»)¹² Никаких аргументов в пользу своей точки зрения Б. В. Лунин не привел. В отличие от него, Н. С. Чаев и М. Я. Попов понимают под Войском Донским все казачество в целом.¹³ Об «узком» значении термина они не упоминают.

О Войске как казачестве в целом пишет и А. П. Пронштейн, считая, что процесс «образования войска Донского и превращения его в своеобразную и прочную организацию» завершился лишь после крестьянской войны начала XVII в.¹⁴ Одновременно историк вернулся к понятию «Главное войско». Так, он писал, что раньше других сумело объединиться казачество, селившееся в низовьях Дона, где в Раздорах во второй половине XVI в. «и возникло “Главное войско”, т. е. его главный стан».¹⁵ При этом не совсем ясно, что понимает автор под упомянутым «Главным войском» – казачий ли центр на Дону, или же низовых казаков. По-видимому, и то и другое, так как в дальнейшем «Главным войском» он называет и низовое казачество, и казачий центр на Дону (в том числе Черкасский городок).¹⁶

¹¹ Быкадоров И. Ф. История казачества. Прага, 1930. Т. 1. С. 137, 133.

¹² Лунин Б. В. Очерки истории Подонья–Приазовья. Ростов н/Д, 1951. Кн. 2. С. 18.

¹³ Чаев Н. С. Донское казачество // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 264, 266; Попов М. Я. Азовское сидение. М., 1961. С. 16–17.

¹⁴ Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 172; История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права) / Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1973. С. 112.

¹⁶ История Дона... С. 111, 118, 136 и др.

А. П. Пронштейн также упоминает, что выражение «все войско» существовало на Дону уже в 1592 г., и отмечает, что оно относилось к низовым казакам.¹⁷

В 1984 г. вышла совместная статья Н. А. Мининкова и С. И. Рябова, посвященная заселению Донской земли в XVI–XVII вв. В ней авторы вслед за С. И. Тхоржевским вновь выделили «узкое» значение понятия «Войско», но уже несколько иначе. Они полагают, что низовые казачьи поселения и составляли «в узком смысле само Войско, в отличие от более широкого понятия земли Донской как совокупности всех казачьих городков в бассейне Дона».¹⁸ Эта точка зрения получила развитие в последующих работах обоих авторов.

В своей статье, опубликованной в 1987 г., Н. А. Мининков детально проследил этапы объединения казачества на Дону. Под войском Донским исследователь понимает военно-сословную организацию, охватывавшую все донское казачество; она складывалась постепенно, и формирование ее в 1614 г. еще не завершилось.¹⁹ Н. А. Мининков считает, что на Нижнем Дону объединение казачества и формирование Войска шло быстрее, чем на Верхнем, и только в 1619 г. «все казачьи общины объединились в войско Донское с центром на Нижнем Дону».²⁰ Наконец, в книге «Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)» Н. А. Мининков говорит о трех значениях рассматриваемого понятия: как об объединении донского казачества в целом, как о группе низовых городков и как о главном городке донских казаков.²¹ Употребляет он и термин «Главное войско», понимая под ним станицы семи низовых атаманов.²² Свою точку зрения автор подробно не аргументирует.

С. И. Рябов в своей работе, вышедшей в 1992 г., написал, что объединение донского казачества «к середине 20-х гг. XVII в. завершилось слиянием отдельных казачьих отрядов в единую мощную

¹⁷ Там же. С. 110.

¹⁸ Мининков Н. А., Рябов С. И. О заселении Донской земли в XVI–XVII вв. // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1984. № 3. С. 27.

¹⁹ Мининков Н. А. О роли московского правительства в формировании войска Донского (10–20-е гг. XVII в.) // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1987. № 2. С. 76–77.

²⁰ Там же. С. 77–79.

²¹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 222.

²² Там же. С. 90.

военно-политическую организацию – войско Донское». ²³ При этом он отметил, что низовые казачьи городки составляли «в узком смысле Войско, в отличие от более широкого понятия земли Донской». ²⁴ «Главным войском» С. И. Рябов называет центр донских казаков. ²⁵

Таким образом, отечественная историография полна разногласий. Под Войском в ней понимается и казачество в целом, и низовое казачество, и донской центр. При этом первое значение часто сочетается со вторым и третьим, а последние два у некоторых авторов заменяются на «Главное войско». Тем не менее при всей противоречивости точек зрения на значение термина «Войско» у донских казаков в XVII в. никакой полемики по данному вопросу в литературе не возникало. Помимо указанных значений, «Войском» в историографии нередко именуется также область расселения донского казачества, что является производным от значения «Войска» как совокупности всех казаков. Итак, потребность в дальнейшем изучении проблемы очевидна.

Источники, в которых чаще всего встречается рассматриваемый термин, можно разделить на четыре группы. К первой группе относятся источники казачьего происхождения. Это войсковые отписки и войсковые челобитные о жаловании, отправлявшиеся с Дона в Москву; две войсковые грамоты внутридонского характера; челобитные и отписки крупных казачьих формирований, находящихся вне Дона; одна казачья отписка из района верховых донских городков в Москву; челобитные казачьих станиц и отдельных казаков в Москве (приехавших с войсковыми отписками, на богомолье, с другими целями) о различных пожалованиях; расспросные речи их о положении дел на Дону.

Вторую группу составляют источники неказачьего происхождения, содержащие показания людей, побывавших на Дону. К этой группе принадлежат отписки, статейные списки и расспросные речи служилых людей, посылавшихся на Дон с различными целями; отписки воевод южных городов, нередко содержащие расспросные речи донских казаков и людей, прибывших с Дона, или же написанные с их слов. К этой же группе, думается, условно можно отнести и составленные в Воронеже «поручные записи» «вольных охочих

²³ Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С. 65.

²⁴ Там же. С. 38.

²⁵ Там же. С. 70.

людей», набранных в 1646 г. в южнорусских городах для службы на Дону.

К третьей группе относятся документы центральных учреждений. Это государевы грамоты на Дон, воеводам в города и другим лицам; указы и памяти служилым людям, посланным на Дон; приказные документы, связанные с приездами казачьих станиц в Москву: выписки в Посольском приказе о жаловании Войску, о даче жалования казакам в Москве и другим вопросам. Четвертую группу составляют нарративные источники. Это повести об Азове – Историческая повесть о взятии казаками Азова, Поэтическая повесть об азовском осадном сидении и Особая повесть об Азове 1637–1641 гг.

Источники указанных видов (кроме грамот внутридонского характера, документов походных объединений казаков, отписки из верховых городков и повестей об Азове) насчитываются десятками и сотнями. Так, например, всего за пять с половиной лет (1641–середина 1646 гг.) только в «Донских делах» мы насчитали 19 войсковых отписок и 7 войсковых челобитных; 47 челобитных, поданных в Москве казачьими станицами и отдельными казаками; 15 расспросных речей казаков в Москве; 20 государевых грамот на Дон и т. д.²⁶ Значительное количество документов этих же групп находится в РГАДА, фондах 89 (Сношения России с Турцией), 127 (Сношения России с ногайскими татарами), 119 (Калмыцкие дела), 210 (Разрядный приказ; столбцы Московского, Белгородского, Приказного столов). Документы указанных фондов и были, помимо опубликованных «Донских дел», использованы нами в данном разделе, включая документы фонда 111 (Донские дела), с 1663 г. так и не опубликованные.

Наибольший интерес представляют, конечно, казачьи отписки с Дона в Москву. Вслед за терминологией того времени их принято называть войсковыми, так как их отправителем было казачье Войско («Донское Войско»). Формуляр этих отписок в рассматриваемое время был устойчив. Вот типичный пример: «Государю царю [титул] холопи твои, донские атаманы и казаки, Наумко Васильев и все Донское Войско челом бьют».²⁷ Отписка адресуется от имени войскового атамана – в данном случае Наума Васильева (прозвище

²⁶ Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2.

²⁷ Там же. Стб. 175. (Войсковая отписка от 8 мая 1641 г.).

Шелудяк) и «всего Донского Войска».²⁸ Что же обозначает последнее выражение? В тексте самих отписок понятие «Войско» в основном связано с казачьим центром на Дону и употребляется в четырех основных разновидностях: «Войско», «Донское Войско» (или «Войско Донское», что одно и то же), «все Войско» и «все Донское Войско» («все Войско Донское»). Нередко к этим выражениям прибавляется название центра донских казаков.²⁹ Все эти разновидности могут легко заменять друг друга.

Вот типичные фразы из казачьих отписок (отписки написаны от первого лица множественного числа и обращены к великому государю): «послали мы от Войска на море своих донских казаков»; от вернувшихся из похода казаков «подлинное ведомство (известие – *О. К.*) нам, Войску, учинилось»; «и мы, государь, посылали от Войска из Азова» казаков на Крымскую степь; «как твой государев дворянин [имя] приехал к нам в Озов к Войску Донскому...»; «в роспросе, государь, нам, всему Войску, языки (пленники. – *О. К.*) сказывали...»; «привели к нам, ко всему Донскому Войску, с Крымской степи языков»³⁰ и т. д. Иногда может быть сказано и лаконичнее – «у нас в Азове», «к нам в Азов». При переносе казачьего центра меняется и название населенного пункта в подобных фразах. Например: «в Нижней казачей городок в Войско» (имеется в виду Монастырский Яр; весна 1637 г.),³¹ «в Войску (т. е. «в Войске». – *О. К.*) на Монастырском Острове», «к Войску к

²⁸ Наум Васильев (Шелудяк) – войсковой атаман на Дону в тот момент. Со сменой войскового атамана менялось и имя в формуляре отписки. За рассматриваемый период (т. е. за 30 лет) на Дону сменилось 9 войсковых атаманов: Иван Каторжный, Михаил Иванов (прозвище Татарин), Наум Васильев (Шелудяк), Осип Петров (Калуженин), Тимофей Яковлев (Лебяжья Шея), Кирей Степанов (пробыл на этом посту очень недолго), Павел Федоров (Чесночихин), Корнило Яковлев (Черкес), Михаил Самаренин. На протяжении конца 30-х–40-х гг. XVII в. словосочетание «Донское Войско» все чаще заменяется в документах на «Войско Донское».

²⁹ В рассматриваемое время центром на Дону последовательно были: до лета 1637 г. – Монастырский городок (он же – Монастырский Яр, или просто Яр; другое название – Нижний городок); в 1637–1642 гг. – Азов; после оставления казаками Азова – Монастырский Остров; в 1643–1644 гг. – Раздорский (Раздорный) городок; с 1644 г. – Черкасский городок.

³⁰ Донские дела. Кн. 2. С. 49, 53, 120, 20, 50, 176.

³¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г. № 1. Л. 277. (Фраза из роспроса в Воронеже приехавшего с Дона воронежца К. Саранчи. В данном случае идет пересказ содержания внутридонской войсковой грамоты, посланной вверх по Дону.)

Раздорному городку» (весна 1643 г.),³² или: «в Войско в Раздорной городок» (лето 1643 г.)³³ и т. д. Когда казаки осаждали Азов (лето 1637 г.), в одном из документов сказано: «в Войско под Азов».³⁴

В 1644 г. центральным на Дону становится Черкасский городок. При этом в войсковых отписках и челобитных видим следующие фразы: казаки в Черкасский городок «из Раздор <...> всем Войском на житье совсем поднялись»,³⁵ приехавшие в Черкасский городок казаки «сказывали нам, холопом твоим, всему Войску...»;³⁶ «твой государев дворянин [имя] по твоему государеву наказу в кругу нам, Войску, речь говорил»;³⁷ «от Войска с Дону из Черкаского городка...»³⁸ и т. д.

Таким образом, как видим, под «Войском» («всем Войском») в данных фразах понимаются люди, находившиеся в казачьем центре. В этом отношении любопытны места из войсковых отписок и челобитных, где «Войско» прямо отделяется от остального Дона, противопоставляется ему. Последний в таких случаях именуется «рекой» («всей рекой»), областью казачьих юртов и городков. Например: «по казацким юртам и городкам, и в Войске, в Черкаском городке...» (1657).³⁹ В 1660 г. казаки сообщали в Москву, что крымский хан собирается идти «на Войско и всю реку войною», а чуть ниже в том же контексте употреблена фраза «Черкасский городок и вся река».⁴⁰ Здесь же, думается, уместно будет привести и сообщение в Воронеже прибывшего с Дона воронежца В. Струкова, что «на Дону в Войску и по всей реке хлебных запасов»

³² Там же. 1643 г. № 1. Л. 547, 548. (Из расспросных речей вернувшихся с Дона воронежцев М. Чурносова с товарищами. В документе рассказывается о взятии турками и татарами Монастырского Острова и переходе казачьего центра в Раздорский городок.)

³³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 477. (Из расспросных речей в Воронеже донского станичного атамана Т. Корякина.)

³⁴ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г. № 1. Л. 321. (Из расспроса в Посольском приказе стрелецкого сотника В. Ушатого, посылавшегося на Дон.) Упомянутые фразы взяты из расспросных речей, поскольку казачьих отписок за данные моменты времени очень мало.

³⁵ Донские дела. Кн. 2. Стб. 549.

³⁶ Там же. СПб., 1913. Кн. 4. Стб. 443.

³⁷ Там же. Стб. 950.

³⁸ Там же. Кн. 2. Стб. 722.

³⁹ Там же. Пг., 1917. Кн. 5. Стб. 233, 234. (Войсковая отписка за октябрь 1657 г.)

⁴⁰ Там же. Стб. 735, 736. (Войсковая отписка за август 1660 г.)

достаточно (1646).⁴¹ «Войском» в данном случае также, без сомнения, именуются казаки, находившиеся в донском центре (Черкасском городке). Можно привести и другие подобные примеры.

Значительно сложнее понять, кто подразумевается под «всем Войском» – только казаки, находящиеся в центре, или же казачество в целом, основная масса которого собралась в центральном городке (как об этом писал С. И. Тхоржевский). В большинстве случаев невозможно проверить, сколько людей находилось в центральном городке на момент употребления в войсковой отписке фразы вроде следующей: «мы всем Донским Войском в кругу...». Однако в некоторых случаях такая возможность имеется.

Так, в апреле 1641 г. на Дон посылались с государственной грамотой станичники Т. Бобырев и Ф. Лазарев. Из их позднейших показаний узнаем, что грамота, привезенная ими в Азов, читалась в кругу «всему Войску». Причем, по сообщению тех же станичников, казаки на тот момент в большом числе жили в городках по Дону, а в Азов из них еще «не бывал ни один человек» (в городках выжидали, пока в центр придет государево жалование). В самом же Азове находилась только тысяча донских казаков да примерно такое же число запорожских казаков и донских татар.⁴² А в войсковой отписке от этого же времени (от 2 мая 1641 г.), отправленной в Москву с теми же станичниками, видим следующее сообщение казаков: крымский хан отправил на Дон два крупных татарских отряда, приказав им, как писали авторы отписки, «не взяв верху Дону казачья городка, или у нас – у всего Донского Войска под Азовом языка», в Крым не возвращаться.⁴³ Как видим, находившиеся в Азове казаки, несмотря на отсутствие сбора казаков из городков, именуют себя «всем Донским Войском», при этом явно противопоставляя себя «верху Дона».

Подобную же ситуацию видим и в войсковых грамотах внутридонского характера, посылавшихся по различным поводам из донского центра вверх по Дону. За рассматриваемый период до нас дошло две подобные грамоты сходного содержания, обе от 1638 г. Формуляр у них почти одинаков, в первой грамоте он звучит так:

---

⁴¹ Цит. по: Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 202. (Сам А. А. Новосельский в этой фразе под «войском» понимает низовое казачество. Там же. С. 202.)

⁴² Донские дела. Кн. 2. Стб. 125, 158, 159, 163.

⁴³ Там же. Стб. 154.

«От донских казаков атаманов и молотцов, от Тимофея Яковлева и ото всево великаго Войска⁴⁴ Донского во все верхние городки атаманом и молотцом челобитье». Грамота сообщает о движении морем к Азову турецкой армии и призывает казаков из «верхних городков» ехать «в Озов к Войску днем и ночью немалыми людьми на помощь». После этих слов звучит угроза, что если «которые атаманы и молотцы верховые к Войску в Озов на помощь не поедут, и тем атаманом и молотцом в Войску и суда не будет».⁴⁵ Формуляр второй грамоты следующий: «Из Азова, от донских атаманов и молотцов, от Тимофея Яковлева и ото всего великаго Войска Донского в верхние городки атаманом и молотцом челобитье». Содержание данной грамоты в целом сходно с содержанием предыдущей.⁴⁶

Здесь необходимо уточнить, что понимается в документах под «верхом Дона» и «верхними городками». Донские казачьи городки традиционно делились на «низовые» и «верховые». Когда в документах упоминается какой-либо городок, нередко поясняется, «верхний» он или «нижний». Например: «верхний городок Чир», «верхний городок Верхний Курман Яр», «нижний городок Маныч»⁴⁷ и т. д. Однако центральный городок казаков занимал в этом раскладе особое место. В рассматриваемый период он находился на самом низу казачьего Дона, очерчивая собой границу с «бусурманами», и поэтому нередко именовался в документах просто «Нижним» (мы уже встречали это название в отношении Монастырского городка; в этом же смысле «Нижним» считался позднее и Черкасский городок⁴⁸). Соответственно, все остальные городки по отношению к центральному являлись «верхними», независимо от их деления на собственно «низовые» и «верховые». Вот только два характерных примера. В 1645 г. казаки писали в Москву, что татары часто нападают «под низовой наш Черкасской городок, да и подо все наши верховые городки».⁴⁹ В 1688 г., созывая низовых казаков на войсковой круг, из Черкасска

⁴⁴ Выражение «великое Войско» широко употреблялось в казачьей среде. Однако вследствие того, что его не принимали в Москве, в войсковых отписках и челобитных оно не фигурирует.

⁴⁵ Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1. Стб. 809–810.

⁴⁶ Там же. Стб. 839.

⁴⁷ Там же. Стб. 346; Кн. 2. Стб. 43, 45 (еще существовал «верхний» городок Нижний Курман Яр).

⁴⁸ См., например: Там же. Кн. 2. Стб. 763; Кн. 4. Стб. 455.

⁴⁹ Там же. Кн. 2. Стб. 616.

посылали войсковую грамоту «в верхние ближние городки до Раздору» (в данном случае речь идет именно о низовых городках).⁵⁰ Подобные примеры можно продолжить. Таким образом, понятие «верховые городки» в определенных случаях могло включать в себя и «низовые» городки тоже. По этому же принципу, надо полагать, и казаки, жившие в этих городках, в подобных случаях также именовались «верховыми».

Таким образом, в войсковых грамотах внутريدонского характера «Войском» («всем Войском») также, на наш взгляд, именовались люди, находившиеся в казачьем центре.⁵¹

Рассмотрим употребление термина «войско» применительно к казачьим формированиям, находящимся вне Дона. Следует отметить, что в войсковых отписках в Москву ушедшие в поход (в частности, на море) казаки именуются либо «Донским войском», либо «морским войском», либо просто «войском». ⁵² Сохранилось несколько отписок и челобитных казачьих формирований, находящихся вне

⁵⁰ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1872. Т. 12. С. 192.

⁵¹ Правда, в первой из этих грамот есть фраза, где, казалось бы, «всем Войском» именуются казаки, жившие в городках по Дону. Так, сразу после призыва к казакам из «верхних городков» «ехать в Озов к Войску <...> на помощь» (см. выше) в грамоте звучат такие слова, обращенные к упомянутому казакам: «ведаете вы и сами, как вы приходили изо всех рек казачьева присуду (имеется в виду область проживания донских казаков. – О. К.) Азова достигать, и милостью Божью <...> Азов город вам, атаманом и молотцом, всему великому Войску Донскому Бог поручил. А ныне б нам <...> Азова б города не подать...» (Донские дела. Кн. 1. Стб. 810).

На первый взгляд, здесь казаки из центра обращаются к живущим по Дону казакам как ко «всему Войску». Однако возможно и иное прочтение этих слов. Фразы «вам, атаманом и молотцом» и «всему великому Войску Донскому», скорее всего, означают в данном случае не одно и то же. Если первая относится к казакам из городков, то вторая обозначает казачью группировку в низовьях Дона. Дело в том, что Азов взял общий сбор казаков со всего Дона, включая как жителей центра, так и казаков из городков. Именно об этом, думается, и идет речь в данном месте грамоты. Казаки из Азова («Войско») напоминают казакам «верховых» городков, как они все вместе брали Азов, составляя при этом единую боевую единицу («все Войско Донское»). Теперь жители донского центра вновь звали «верховых» казаков ехать «в Войско», чтобы совместными усилиями отстаивать Азов от «бусурман». Ошибочное, на наш взгляд, понимание этого места грамоты долгое время заставляло исследователей полагать, что в упомянутых документах находящиеся в Азове казаки обращаются к казакам из городков от имени «всего Войска» как обозначения донского казачества вообще. Так считал, в частности, С. И. Тхоржевский.

⁵² В отличие от «Войска» как центра общедонской организации казаков, данный термин в других значениях будет написан со строчной буквы.

Дона в походе, в формулярах которых употребляется слово «войско». Так, «воровавшие» в 1660–1663 гг. на Волге и каспийском взморье донские и яицкие казаки (числом не менее 200 человек) писали в своей «воровской» грамотке: «От атама[на] Парфенья Ивановича и от всего войска Донского и Яицкого...».⁵³ Ушедшие в конце 1633 г. (во время Смоленской войны) со службы из-под Смоленска к Рославлю донские и яицкие казаки (их было более тысячи человек) в феврале 1634 г. писали: «Царю государю [титул] бьют челом холопи твои, великое войско Донское и Еицкое, казачишка – отоманишка Тимошка Иванов сын Коропкин, да войсковыя есоулы Микитко Ондреев, да Ротка Мотвеев сын Сухорук, да станичныя отоманишка Богдашка Жабин, да Ортюшка Васильев, да Огейка Иванов, да Федосейка Малютин сын Селиторников и станичныя есоулы и все редовые казачишка...».⁵⁴

В 1656 г. на службу к Москве вышло с низовьев Дона около 600 казаков. В своей челобитной о жаловании они писали: «Государю царю [титул] холопи твои, донские козаки Ивашка Семенов и все войско Донское челом бьют».⁵⁵ То, что в этом (а следовательно, и в других случаях тоже) под «всеим войском (Донским)» подразумеваются именно ушедшие в поход, а не Войско на Дону, хорошо видно из другого документа – челобитной в Москве полковника и двух есаулов формирования И. Семенова.⁵⁶ В тексте этой челобитной (основное содержание которой для нас не столь важно) говорится, что в то время как атаман казаков Иван Семенов с небольшим отрядом уехал вперед к Москве «для поспешенья», сами челобитчики находились «со всем войском Донским в обозе», т. е. возглавляли движение основной части людей.⁵⁷ Таким образом, «все войско Донское» – это и есть казаки данного формирования.

Эти же казаки позднее, в 1657 г., когда в Москве за что-то задержали двух их товарищей, приехавших в столицу для челобитья

⁵³ Донские дела. Кн. 5. Стб. 758. Об их количестве см.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954. Т. 1. Комментар. к док. № 3. С. 260. Ср. со с. 153.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 76. Л. 83. Об их количестве: Там же. Столбцы Московского стола. № 98. Л. 251.

⁵⁵ Там же. Столбцы Московского стола. № 1127. Часть 4. Л. 35.

⁵⁶ Всего в этом формировании был один атаман (Иван Семенов, прозвище Горбун), один полковник и четыре есаула.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 15.

о выдаче всему отряду (за службу в составе русских войск) годового денежного жалования, писали: «Царю государю [титул] бьют челом холопи твои, данския козачишка низавы[е] из Великого Новгорода полку столника и воеводы Петра Ивановича Патемкина, атоман Митка Офонасьев и все войско Данское – есаулы и все рядовые козаки». В тексте данного документа говорится, что упомянутые челобитчики ездили в Москву «к великому государю <...> для ради челобитья ото всего войска Донского» о жаловании, и «к войску» не вернулось двое задержанных казаков (далее идет прошение об их освобождении). К этому времени число людей в отряде сократилось до 470, а во главе казаков видим уже Дмитрия Афанасьева (прозвище Свишев), одного из есаулов-челобитчиков в 1656 г.⁵⁸

Если сравнить формуляры документов походных формирований с формулярами войсковых отписок и челобитных, отправлявшихся с Дона в Москву, а также грамот внутридонского характера, то оказывается, что они очень похожи. Все эти документы написаны от имени атамана и «всего войска», при этом «все войско» может находиться в походе или же пребывать в центральном городке казаков. Думается, сходство формуляров говорит о принципиальном сходстве организации. Действительно, на Дону имеется войсковой атаман и «Войско», во главе которого стоит этот атаман; в походном формировании также видим атамана и его «войско». По-видимому, атаман походного формирования тоже именовался «войсковым» – в формуляре челобитной от февраля 1634 г. видим войсковых есаулов, а сменивший Т. Коробкина атаман Ф. Лях неоднократно прямо назван в документах войсковым атаманом.⁵⁹ Подобную же ситуацию видим и на Дону. В частности, весной 1642 г. из Азова в поход на море ушли 200 донских и 500 запорожских казаков. Их возглавлял войсковой атаман, «запорожской черкашенин» по прозвищу Боярин.⁶⁰ Данные сведения сообщил при расспросе в Астрахани сын

⁵⁸ Там же. Л. 41, 41 об. О числе казаков: л. 39.

⁵⁹ Там же. Столбцы Приказного стола. № 76. Л. 124, 125, 143.

⁶⁰ «А атаман де у них войсковой – запорожской черкашенин, прозвище ему Боярин»: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 134. «Черкашенин» – украинский казак. Иван Боярин – один из видных представителей запорожского казачества тех лет, полковник в повстанческой армии гетмана Гуни (1638); затем – реестровый полковник, позже – сотник. См.: *Грушевський М.* Історія української козаччини. Т. 2 // Історія України–Руси. Київ; Львів, 1913. Т. 8, ч. 1. С. 307, 308, 313 и др.

боярский И. Суслов, специально посылавшийся оттуда на Дон «для проводыванья вестей». Упомянутый Боярин не имел, разумеется, никакого отношения к войсковому атаману на Дону в то время. На наш взгляд, войсковыми атаманами являлись П. Иванов и Т. Коробкин, И. Семенов и Д. Афанасьев, поскольку каждый из них стоял во главе «войска». Ничего невероятного в этом нет – в 1670 г. у С. Разина упоминается сразу несколько войсковых атаманов;⁶¹ сам он тоже, судя по всему, считался войсковым, хотя и был намного главнее, авторитетнее первых.

Термин «войско» был применим, по-видимому, к казачьему отряду, если последний несколько превышал сотню человек. Так, в одной из отписок астраханских воевод за 1638 г. рассказывается о бое посланного воеводами в степь отряда стрельцов и татар во главе со стрелецким сотником Ф. Юдиным и ногайским Чебан-мурзой с отрядом крымских и ногайских татар. При этом по отношению к татарскому отряду в отписке употреблен термин «войско», хотя татар было всего 150 человек.⁶²

Следует подчеркнуть, что «войско» у казаков, в отличие от станицы – более низшей организационной структуры, имевшей только станичного атамана и станичного есаула, обладало и соответствующей организацией. Так, в войске, помимо войскового атамана, обычно были еще войсковой полковник, войсковые есаулы (один или несколько), а также станичные атаманы и есаулы со станицами; в случаях, когда «войско» делилось только по сотням, последних не имелось. В чем заключались обязанности войскового полковника, для нас остается неясным. Из контекста документов следует, что его положение было выше положения войскового есаула и он выбирался, похоже, только на время ведения боевых действий, что характерно и в отношении нескольких войсковых есаулов. Помимо этого в войске имелся войсковой дьяк (иногда в документах он может именоваться подьячим или дьячком). Данная структура была характерна как для Войска на Дону, так и для казачьих отрядов, выходивших с Дона для участия в военных действиях против Польши и Швеции.

⁶¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т. 2, ч. 1. С. 270. Терминов «походное войско» и «походный атаман» не видим.

⁶² РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1640 г., № 1. Л. 192, 189–190.

Так, в отписке в Москву из г. Яблонова от мая 1655 г. по поводу отряда Я. Дронова, шедшего по Дону в судах к Воронежу, говорится: «атаман Яков Дронов с войском».⁶³ Позднее, в 1656 г., видим структуру его формирования. Это 5 атаманов, полковник, 9 есаулов, 157 казаков; для станицы слишком сложная структура.⁶⁴ Без сомнения, перед нами – «войско». И действительно, один из списков казаков данного формирования озаглавлен так: «Имена донским козаком, которые (из Могилева. – *О. К.*) съезжали (съезжали. – *О. К.*) с отпуску по обещанью, и по помитям (памятям. – *О. К.*), и по *скас*ки (сказке. – *О. К.*) *войскавой*» (курсив наш).⁶⁵ Два есаула и «войсковой подьячий» значатся в отряде атамана Ивана Есипова (ок. 200 казаков) из полка кн. И. А. Хованского.⁶⁶ В отряде атамана Д. Буянина, насчитывавшем 177 человек, помимо атамана и двух есаулов, также видим «войскового дьячка».⁶⁷ Эти подьячий и дьячок, безусловно, не имели никакого отношения к Войску на Дону. Правда, в списках казаков Д. Буянина и И. Есипова их отряды названы «станицами», однако это явно не казачье наименование данных объединений. По-видимому, в Москве не любили, когда казачьи отряды именовали себя «войском» (вероятно, этот термин воспринимался как синоним полной самостоятельности его носителя и по возможности употреблялся только по отношению к Войску на Дону); тем не менее слова «войско» и «войсковой» все же время от времени проскальзывают в документах.⁶⁸ Таким образом, в походных формированиях видим организацию, сходную со структурой Войска на Дону.

⁶³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 382. Л. 156.

⁶⁴ Там же. Столбцы Приказного стола. № 550. Л. 161–173.

⁶⁵ Там же. Л. 174.

⁶⁶ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 254, 246–248.

⁶⁷ Там же. Столбцы Приказного стола. № 550. Л. 89.

⁶⁸ Так, воевода кн. И. А. Хованский «с товарищи» в отписке от 9 января 1659 г. писали в Москву, что им «на Себеже подали челобитную донских казаков *войсковые атаманы*, и есаулы, и все рядовые казаки» (курсив наш) их полков (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 154. Имена этих атаманов и численность их отрядов нам установить не удалось). В списке казаков отряда атамана А. Назимова количеством 130 человек (включая двух есаулов и двух знаменщиков), направленных весной 1659 г. «на вечное житье» в Смоленск, видим «войскового подьячего». Здесь, правда, неясно, был ли этот войсковой подьячий собственно из отряда А. Назимова или достался данному формированию «по наследству» от более крупного отряда, в который до этого входили данные казаки (Там же. Л. 195, 201).

Формуляр отписки в Москву от 1641 г. из района верховых казачьих городков следующий: «Государю царю [титул] холопи твои государевы, донския казаки верхних городков, городка Медведицы атаман Ерошко Петров и все Донское войско челом бьют». Этот документ был дан в Медведицком городке воронежским служилым людям А. Быкову с товарищами, посланным с Воронежа на Дон для «проведывания вестей». В отписке сообщалось, что на тот момент в городках по Дону известия о приходе под Азов турок и крымцев «не бывала».⁶⁹ На наш взгляд, под «всеим Донским войском» в данном случае следует понимать какую-то группу казаков из верховых городков, собравшуюся на тот момент в Медведицком (иначе – Усть-Медведицком) городке. Известия о подобного рода сборах казаков из нескольких верховых городков в одном из них встречаются в источниках.

В челобитных казачьих станиц и отдельных казаков в Москве употребление рассматриваемого понятия полностью идентично его применению в войсковых отписках. Вот лишь несколько примеров: «нас, холопей твоих, великим Войском послали <...> до Москвы»; чуть выше в этом же документе сказано, что казаки приехали «от Войска из Озова»; атаман одной из казачьих станиц в своей челобитной пишет, что он прислан «з Дону из Азова ото всего Войска с отпиской»; «отпущены мы, холопи твои, от Войска з Дону ис Черкаскова городка»; «послано на Дон к Войску твое государево жалование»⁷⁰ и т. д. Можно привести также челобитную донского атамана Осипа Лосева, в которой употребляется сразу несколько приведенных вариантов. Так, рассказывая о своем участии в обороне Азова, О. Лосев пишет, что из осажденного города его «всеим Донским Войском» посылали к туркам для переговоров. У последних он пробыл два дня, после чего вернулся «х Донскому Войску в Озов в осаду, и их (турок. – О. К.) обманная речи Войску розсказал».⁷¹

Употребление термина «войско» в расспросных речах казаков в Москве в целом соответствует уже приведенному выше (за исключением, конечно, формуляров войсковых отписок и документов походных формирований). Единственным отличием является употребление в данной разновидности источников выражения «собраться всем

⁶⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 209–210.

⁷⁰ Там же. Стб. 310, 86, 722, 1072.

⁷¹ Там же. Стб. 586.

Войском» («собрався всем Войском»). Так, например, в 1637 г. присланные в Москву с известием о взятии Азова атаман П. Петров с казаками своей станицы показали в расспросе, что «донские атаманы и казаки нынешние весны после Велика дни на другой неделе, собрався всем Войском, ходили под город под Азов».⁷² Это же выражение видим и в расспросных речах атамана Б. Конинского с казаками, в которых говорится, что в 1634 г. «атаманы де и казаки, собрався всем Войском, приходили к Азову, и улусных людей Казыева улуса погромили»,⁷³ и т. д.

Обычно слова «собрався всем Войском» рассматриваются как обозначение сбора всего казачества из городков в донском центре перед походом. На наш взгляд, речь здесь идет вовсе не о сборе из городков. Слово «собратся» («собрався») употребляется в источниках в двух случаях. В первом случае оно действительно обозначает сбор людей из разных мест. Так, например, в 1638 г. «собрався донские казаки из Ясаулова и из ыных казачьих городков <...> ходили на речку Чир по вестям под нагайских татар».⁷⁴ В 1643 г. в погоню за отрядом турок и татар, разграбивших казачий городок Маньч, ходили «данские козаки, собрався с Монастырского Острова и с Черкасского городка».⁷⁵

В другом случае слово «собратся» означало сбор людей в поход из одного пункта. Так, в 1665 г. присланные с Дона в Москву атаман Родион Осипов с казаками показали, что «за неделю де их поезду (отъезда. — О. К.) из Войска атаман войсковой Михайло Самаренин, собрався с войском, ходили под Азов».⁷⁶ В первой части данного отрывка речь идет о «Войске» как казачьем центре (точнее, находящимся в этом центре казаках), во второй же части под «войском» понимаются те казаки, «собравшись» с которыми, М. Самаренин ушел в поход под Азов. Всего в этом походе принимали участие 300 человек, в том числе 80 человек калмыков и «государевы ратные люди» во главе с воеводой И. Фастовым. Таким образом, донских казаков в

⁷²РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г. № 1. Л. 304.

⁷³Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 162, примеч. 244.

⁷⁴РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 62. (Расспросные речи в Астрахани вернувшихся с Дона астраханских татар; документ составлен на русском языке.)

⁷⁵РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1. Л. 547. (Расспросные речи в Воронеже воронежцев М. Чурносова с товарищами.)

⁷⁶РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1665 г., № 4. Л. 1.

данном походе могло участвовать примерно 100–150 человек. Данное число людей можно было легко набрать в самом Черкасском городке, для этого не нужен был сбор казаков из других городков (да его и не видно из текста документа). Следовательно, отряд, возглавленный М. Самарениным, «собирался» именно в Черкасском городке, а не из городков.

В расспросных речах атамана Иуды (Юды) Золотарева с казаками, присланных с Дона в Москву в 1685 г., говорится: «...собрався из Войска их казаков на 56 стругах, а на стругу по 20 человек, пошли на Азовское море под турецкие городки и под крымские села»⁷⁷ (речь идет о выступлении из Черкасского городка).

Таким образом, слово «собратся» означало, на наш взгляд, сбор казаков для похода в значении создания походного объединения, боевой единицы. При этом подобный «сбор» мог происходить как в пределах одного казачьего городка, так и из нескольких городков. Выражение же «собратся всем Войском» означало, по-видимому, сбор и выступление в поход основной массы находящихся в казачьем центре людей. Как правило, такое выступление было событием общедонского масштаба и поэтому специально подчеркивалось посредством подобной фразы. Зачастую перед таким походом созывались и казаки из городков, но в данном случае речь идет не об этом, а именно о выступлении основной массы людей, уже находившихся перед этим в казачьем центре.

Перейдем к документам второй группы, т. е. к источникам неказачьего происхождения, содержащим показания людей, бывших на Дону. В них, как правило, используется казачья терминология, которая уже приводилась нами выше. Никакой нужды повторять знакомые фразы, думается, нет. Любопытен в документах второй группы лишь один момент. Зачастую люди, приезжавшие с Дона в города, смотрели на казачий центр не изнутри, как авторы войсковых отписок, челобитных и расспросных речей в Москве (последние, как правило, приезжали из центра), а как бы извне, из района казачьих городков. Соответственно, люди, приезжавшие из района казачьих городков, употребляли тамошнюю терминологию. Но и в последней «Войско» – это опять-таки лишь казачий центр на Дону. Так, в апреле 1646 г. воронежский стрелец Е. Пономарев во время расспроса в Воронеже показал, что, когда он был на Дону в казачьих городках (в частности, в Мигулинском) «для своего промыслу», туда «из Войска ис Черкасского городка» присылали

⁷⁷ Дополнения к Актам историческим. Т. 12. С. 120.

грамоту с требованием, чтобы казаки из городков и «запольных» (степных) речек срочно ехали «на Дон в Войска в Черкасской городок». ⁷⁸ В 1670 г. тамбовские станичники И. Павлов с товарищами показывали в расспросе, что при них на р. Хопер в Пристанский городок «из Войска пришла войсковая грамота ис Черкасова городка» с предупреждением о возможном татарском набеге из Азова на верхние городки. ⁷⁹

С. И. Рябов и Н. А. Мининков считают, что «Войско» (в «узком смысле») составляли низовые казачьи городки. Такое значение данного термина в рассматриваемый период нам не встретилось ни разу. Наоборот, в источниках «Войско» отчетливо отделяется от района низовых (или «нижних») городков. Вот характерный пример. Посланный в 1657 г. с государевым жалованием на Дон жилец Е. Хомяков писал в своем ставейном списке, что он, «приехов в нижней козачей городок, блиско Войска, в Роздорный», просил казаков послать «в Войско» весть о своем приезде ⁸⁰ («Войско» в то время находилось в Черкасском городке). ⁸¹

⁷⁸ Донские дела. Кн. 2. Стб. 786.

⁷⁹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2, ч. 1. С. 16–17.

⁸⁰ Донские дела. Кн. 5. Стб. 197.

⁸¹ Аргументация Н. А. Мининковым и С. И. Рябовым своей точки зрения довольно сложна и, по существу, основывается на предположении, что граница между низовыми и верховыми казачьими городками проходила в районе городков Голубые и Пять Изб (см.: *Мининков Н. А., Рябов С. И.* О заселении Донской земли в XVI–XVII вв. С. 27, 26). Необходимо, однако, заметить, что целый ряд казачьих городков, расположенных по Дону значительно ниже Голубинского городка, на протяжении XVII в. неоднократно именуется в источниках «верхними» – причем не относительно их положения к казачьему центру (в этом случае, как уже говорилось, все городки казаков, расположенные выше донского центра, считались верховыми), а именно в отношении принадлежности их к низовым или верховым городкам. Это тот же Курман Яр, Чир, Каргалы и др. (о Каргалах см.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 54. Л. 240. Ср. с л. 239).

В качестве основного аргумента в пользу своей точки зрения авторы приводят сообщение документа (расспросных речей казаков в Москве) об угрозе в 1682 г. крымского хана совершить поход «на их казачьи на 32 городка». Авторы полагают, что здесь имеются в виду низовые городки. Думается, однако, что речь в данном случае идет не о разделении казачьих городков на низовые («32 городка») и верховые, а о тех городках, на которые обычно распространялся мирный договор при заключении мира казаков с «бурсурманами». Такой мир заключался по Пятигизбский городок и охватывал значительную часть казачьих земель, включая как низовые, так и немалое число верховых городков (см.: *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. С. 384, примеч. 573; с. 118). Граница же между верховыми и низовыми казачьими городками еще с конца XVI в. проходила, судя по всему, в районе Бабьего городка («Верхних Раздор») (см.: Там же. С. 57, примеч. 121).

В 1646 г. в Воронеже проводился набор «вольных охочих людей» из южнорусских городов для службы на Дону. При этом с упомянутых людей брались «поручные записи», в соответствии с текстом которых прибранные на службу обязались «служить государеву <...> службу в Войску на Дону»⁸² (в некоторых из документов было также прибавлено, что «вольные ратные люди» обещают «з государевы службы из Войска не збежать»⁸³). Что понимается в «поручных записях» под «Войском», из их текста неясно. Характерно, однако, что в наказе дворянину Ж. Кондыреву с товарищами, посланным из Москвы для проведения этого мероприятия, указывалось с прибранных на службу людей «имать поручные записи в том, что им стать на Дону в Нижнем казачьем городке (Черкасском. — *О. К.*), где ныне живут атаманы и казаки,⁸⁴ и быть им с ними (атаманами и казаками. — *О. К.*) вместе».⁸⁵

Формуляр «поручных записей» был составлен, без сомнения, в Воронеже, где очень хорошо знали казачью терминологию, причем крайне маловероятно, чтобы данный формуляр по смыслу мог расходиться с государевым указом. Таким образом, под «Войском» и в данном случае следует понимать казачий центр на Дону. К сказанному можно добавить, что именно в усилении казачьего центра («Войска») и состоял смысл упомянутого мероприятия. После оставления казаками Азова донской центр уже несколько лет подряд подвергался ожесточенному натиску «бусурман». Это создавало угрозу ухода казаков с низовьев Дона, что в свою очередь неизбежно привело бы к ослаблению обороны южнорусского края от татар.

Перейдем к рассмотрению документов центральных учреждений. В царских («государевых») грамотах на Дон формуляр в рассматриваемое время был устойчив. Звучит он так: «От царя [титул] на Дон в нижние и в верхние юрты атаманам и казакам, Науму Васильеву и всему Донскому Войску». Многими авторами, к примеру С. И. Тхоржевским, эти слова рассматриваются как указание на тот факт, что выражение «все Донское Войско» обозначает людей, живущих в

⁸² Донские дела. Кн. 2. Стб. 933 и далее, стб. 988 и далее.

⁸³ Там же. Стб. 1024 и далее.

⁸⁴ Под «атаманами и казаками» здесь, скорее всего, подразумевается «Войско». Сама данная фраза связана, по-видимому, с недавними перемещениями казачьего центра.

⁸⁵ Донские дела. Кн. 2. Стб. 763–764. (Из наказа Ж. Кондыреву с товарищами.)

городках по Дону. На наш взгляд, это не столь очевидно. Слова данного формуляра говорят лишь о том, что грамота действительно направляется «в верхние и нижние юрты» (т. е. городки) всему казачеству, однако саму грамоту непосредственно получали именно казаки, находившиеся в казачьем центре, т. е. войсковой атаман (в данном случае – Наум Васильев) и «все Донское Войско». Таким образом, выражение «все Донское Войско» может и в данном случае относиться именно к казакам, находящимся в донском центре.

В тексте грамот термин «Войско» употребляется нечасто и неопределенно. Чаще всего встречается лаконичное выражение «атаманы и казаки», в других случаях к нему прибавляется фраза «и все Донское Войско». Например: «И мы, великий государь, вас, атаманов и казаков, за вашу службу жалуем...»,⁸⁶ или: «И мы, великий государь, вас, атаманов и казаков и все Донское Войско жалуем, похваляем...»;⁸⁷ «...и вы б, атаманы и казаки и все Донское Войско, тех русских полоняников выменяли...».⁸⁸ Однозначно сказать, что понимается в этих случаях под «Войском» – казачество в целом или же казаки, находящиеся в главном городке, затруднительно.

Такие же выражения употребляются в грамотах воеводам южных городов, в памятях и наказах лицам, посланным на Дон, а также в документах, связанных с отправкой государева жалования к казакам.

Значительно интереснее выписки в Посольском приказе о даче жалования донским казакам в Москве, а также выписки по их челобитным. В подобных документах нередко сообщается характер приезда, при этом встречаем фразы, что казаки «присланы <...> от Войска с отпискою», «приехали <...> з Дону из Озова из Войска»⁸⁹ и т. д. (в ряде случаев, правда, это было механическое воспроизведение фраз из казачьих челобитных). Однако в большинстве случаев просто сказано, что казаки приехали «из Азова» или «из Черкасского городка».

Рассмотрим нарративные источники. К ним относятся повести об Азове – Историческая, Поэтическая, Особая. В литературе неоднократно отмечалось, что эти повести современны азовским событиям и исходят либо из казачьей среды (Историческая и

⁸⁶ Донские дела. Кн. 5. Стб. 698.

⁸⁷ Там же. Кн. 2. Стб. 457.

⁸⁸ Там же. Кн. 4. Стб. 95. Речь идет об обмене казаками на пленных татар русских дворян и детей боярских, захваченных татарами «на боях».

⁸⁹ Там же. Кн. 2. Стб. 300, 302.

Поэтическая), либо (в крайнем случае) от очевидца-неказака (Особая повесть об Азове).⁹⁰ Следует отметить, что употребление термина «войско» в указанных повестях в целом соответствует его употреблению в источниках документального характера, однако в случае с «Исторической» повестью торжественный, приподнятый тон произведения придает этому употреблению некоторое своеобразие. Кроме того, в Исторической повести есть ряд фраз, принципиально важных для темы данного раздела и их необходимо привести целиком; все они связаны между собой.

В начале Повести рассказывается о городе Азове, который стоит «вскрай синяго моря на усть столповыя реки Дону Ивановича волново казачества». Затем следует переход к донским казакам: «Есть же от того града Азова верст с тритцать и болши по той же преславущей реке Дону в верх живяху волное казачество (все)⁹¹ великое Донское Войско православныя христианския веры Московския области»; «...и вложи тому волному казачеству (всему)⁹² великому Донскому Войску Бог ревность в сердца» взять Азов, и «волное казачество великое Донское Войско атаманы и казаки на низ (т. е. на низу. — О. К.) словушие реки Дону на Манастирском Яру собрав себе круг и учили думу о граде Азове чинити...».

«И волное казачество положили завет между себя» идти под град Азов, после чего послали вверх по Дону «верховым атаманам и казакам» войсковые грамоты с призывом, чтобы те «были есте готовы итти под славны Азов град, а ис которого казачья юрта из верховых городков хто не поидет, и тому на низу в великом Донском Войску ни на кого ни в чем суда не будет». «И съезжались атаманы и казаки и все великое Войско Донское на Манастирском Яру...», — говорится затем в Повести. Далее рассказывается, как «великое Донское Войско» осаждало Азов, причем время от времени к этому словосочетанию прибавляется слово «все».⁹³

⁹⁰ Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и азовском осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 175–176; Орлов А. С. Особая повесть об Азове // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. С. 6, 23.

⁹¹ По замечанию исследователя Повести А. С. Орлова, в некоторых списках в этом месте прибавлено слово «все»: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906. С. 52, примеч. 10.

⁹² По замечанию А. С. Орлова, в прототипе здесь было прибавлено слово «всему» (Там же, примеч. 14).

⁹³ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 51–53 и далее.

Что в Исторической повести понимается под «Войском» – донское казачество в целом или опять-таки только люди, находившиеся в донском центре (Монастырском городке)? На наш взгляд, однозначно ответить на этот вопрос затруднительно. Возможно и то и другое толкование. Рассмотрим упомянутые фразы подробнее. Сразу же бросается в глаза, что решение о походе под Азов принимается лишь казаками, находящимися на низовье Дона в Монастырском городке. Из них состоит круг, принявший данное решение. Любопытно также, что именно эти казаки названы «вольным казачеством», а не донское казачество в целом. Они же определяют необходимость всеобщего сбора казаков из городков для данного предприятия и угрожают послушникам «ни на кого ни в чем» не давать суда. Подобные полномочия «Войска» как находящихся в донском центре казаков уже встречались нам в грамотах, направленных в 1638 г. из Азова вверх по Дону.⁹⁴

Однако затем автор Повести сообщает о съезде «атаманов и казаков и всего великого Войска Донского» на Монастырском Яру (т. е. в Монастырском городке). Здесь как будто «всем Войском» названы казаки, живущие по Дону в городках. Такая же ситуация видна вроде бы и в первой фразе («от <...> Азова верст с тридцать и больше по <...> реке Дону в верх живяху волное казачество (все) великое Донское Войско»). На наш взгляд, фразы эти допускают двоякое толкование: либо «Войско» («все Войско») – это обобщенное обозначение всего казачества, при этом в низовьях Дона («на низу») действует лишь какая-то его полномочная часть, либо же «Войско» – это некая группировка казаков в низовьях Дона. Мы больше склоняемся в пользу второго варианта, поскольку он более соответствует показаниям рассматривавшихся источников первой и второй групп. На наш взгляд, в Повести «всем Войском» именуются находящиеся в центре казаки, независимо от сбора казаков из городков в этом центре. Причем коль скоро к находящимся в центральном городке казакам присоединяются подошедшие из городков, то они также вливаются в состав «Войска». Отсюда, по-видимому, и фраза, что «атаманы и казаки и все великое Войско Донское» «съезжались <...> на Манастырском Яру». Действительно, ведь именно этот общий «съезд» казаков (иначе – «Войско Донское» или «все Войско Донское») отправился затем в поход под Азов и после продолжительной осады взял его.

⁹⁴ События, излагаемые в Исторической повести, относятся к весне–лету 1637 г.

Относительно же фразы, что «волное казачество (все) великое Донское Войско» живет «верст с тритцать и болши по <...> реке Дону в верх» от Азова, можно сказать следующее. Скорее всего, здесь опять-таки имеется в виду именно правящая группировка на Дону – «Донское Войско», действительно располагавшееся в 30 с лишним верстах от Азова вверх по Дону.⁹⁵

Употребление выражения «все Донское Войско» по отношению к казакам, находящимся именно в донском центре, видим и в Особой повести об Азове. В ней, в частности, говорится, что во время пребывания казаков в этом городе 25 декабря 1640 г. в одной из азовских церквей на заутрене было знамение от образа Иоанна Предтечи – из глаз его потекли слезы. Об этом сразу же сообщили атаману Науму Васильеву (имеется в виду войсковой атаман), который тут же «повеле <...> в круг сойтися всему Войску», после чего «по совету всего великаго Донскаго Войска» было приказано в колокола «звонити и молебны пети» и т. д.⁹⁶ На дворе стояла зима, и большого сбора казаков из городков в это время быть не могло.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие тот факт, что выражение «все Войско» отнюдь не означало сбор казаков всего Дона в казачьем центре. В частности, посланный в 1632 г. на Дон кн. И. Дашков в своей отписке с Дона называет собравшихся на Монастырском острове казаков «всем Войском», хотя тут же упоминает, что еще не собралась значительная часть казаков, и их будут ждать до определенного срока для совместного принятия решений.⁹⁷

Итак, мы рассмотрели употребление термина «войско» в основных видах источников. Как видим, рассматриваемый термин чаще всего означает либо казаков, находившихся в казачьем центре, либо казачьи формирования, отправившиеся в поход. При этом термины «походное войско» и «походный атаман», употребляемые примени-

⁹⁵ Слово «жить» употреблялось в рассматриваемое время также в значении «находиться», «пребывать». Так, например, присланные в конце 1631 г. с Дона в Москву атаманы Богдан Конинский и Тимофей Яковлев с казаками на вопрос в Посольском приказе, сколько на Дону войсковых есаулов, отвечали, что в мирное время у них «живет» один войсковой есаул (речь идет о казачьем центре). См.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 236.

⁹⁶ Орлов А. С. Особая повесть об Азове. С. 30.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 462.

тельно к рассматриваемому времени многими авторами, в источниках этого времени не встречаются – они возникают, по-видимому, лишь в конце XVII в. Во главе же походных формирований данного периода стояли, судя по всему, «войсковые атаманы».

Впрочем, изредка в документах встречается и иное, расширенное по сравнению с обычным употреблением значение рассматриваемого термина. Так, присланные в 1666 г. с Дона в Москву атаман Григорий Филиппов с казаками показывали, что «Войска де Донского при них было в Нижнем Черкасском городке, оприч (кроме. – *О. К.*) верховых городков, з 2000 человек. А в верховых городках сколко войска, того они не ведают».⁹⁸ Здесь, как видим, во втором случае рассматриваемый термин употреблен в значении казаков вообще, живущих в городках по Дону. В документах встречается и еще несколько подобных примеров. В частности, в декабре 1660 г. атаман Иван Степанов с казаками показывали в Москве, что «послали де Донское Войско по всей реке Дону, чтоб войско все на весну сходилоь вместо».⁹⁹ Весной 1661 г. атаман Дмитрий Афанасьев (Свищев) со станицей, присланные с Дона в Москву, употребляют в расспросе такую фразу: «войско («Войско»? – *О. К.*) з городков збираетца».¹⁰⁰ В 1660 г. посылавшиеся на Дон с грамотой валуйские станичники К. Бусловский и М. Моряков показывали затем в расспросе, что при них «козаки де донския, атаман войсковой и все атаманы и есаулы и все Войска Донское, заказ учинили крепкой всему Войску и отписки писали по всем городком, чтобы с колмыками не билися, и шкоты им никоторыя не чинили».¹⁰¹ (В последнем случае, впрочем, скорее всего, имеется в виду принятый на кругу запрет нападать на калмыков как казакам, находящимся в донском центре («всему Войску»), так и казакам из городков: отряд калмыков численностью в 700 человек появился у Дона неподалеку от его низовьев.)

Таким образом, термин «войско» у донских казаков имел несколько значений. Во второй трети XVII в. он обозначал как казаков, находившихся в казачьем центре, так и казаков походных формирований, а также казаков, живших в городках по Дону. Однако следует

⁹⁸ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г., № 3. Л. 5.

⁹⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 835.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 849.

¹⁰¹ Там же. Стб. 556.

отметить, что в основной массе документов рассматриваемый термин употребляется именно в первых двух значениях. Как же соотносятся все эти значения? Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо проследить сам процесс создания войсковой организации на Дону.

Исследователи донского казачества, говоря общие слова о «слиянии» отдельных казачьих отрядов в единое «войско» (С. И. Тхоржевский, С. И. Рябов), о «процессе складывания» «единой военно-сословной организации – войска Донского» (А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков), как-то упускают из виду ту конкретную основу, на которой и произошло объединение казаков по всему огромному протяжению р. Дон и его притоков («запольных» рек и речек). А основой этой был ежегодный съезд казаков по весне в низовьях Дона. Данное обстоятельство очень хорошо видно из следующего примера. В начале 1614 г. присланные с Дона в Москву «ото всего Войска» атаман И. Бедрищев и казак Н. Иванов показывали в распросе, что 7 низовых атаманов со своими станицами (отрядами), а также атаманы верховых городков с казаками их станиц, зимой живущие «от Роздору вверх по далним городком и по юртам», «на весну съезжаютца все вместе и государю служат заодно». ¹⁰² Думается, именно этот съезд по весне и явился основой донского единства. Сам же процесс объединения казачества по Дону представляется нам следующим образом.

Первые казачьи городки появились на Дону в конце 40-х гг. XVI в. и находились, по всей вероятности, в районе Переволоки (т. е. поблизости от Волги). ¹⁰³ Целью военных предприятий донских казаков в это время, судя по всему, были, как и у волжского казачества, набеги на кочевья Ногайской орды, а также грабежи торговых караванов на Волге. ¹⁰⁴ Во второй половине XVI в. на Волге строятся русские города, Ногайская орда все прочнее подпадает под власть России. В этих условиях на волжское казачество обрушиваются репрессии за «воровство», часть его уходит на Яик. На Дону же происходит, по-видимому, все большая переориентация военной активности донских

¹⁰² Донские дела. Кн. 1. Стб. 26.

¹⁰³ Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д, 1992. С. 108–110.

¹⁰⁴ Сказанное не означает отсутствия военной активности казаков также и на низовье Дона (в районе Азова).

казаков с волжско-ногайского направления на другое – крымско-турецкое (азовское). Не случайно основные низовые городки (к примеру, Черкасский и Манычский) возникают лишь в конце XVI в.¹⁰⁵

Условия противостояния с Азовом и начавшиеся уже в то время крупные морские экспедиции положили начало регулярному весенне-летнему сбору низовых казаков в одном из своих городков. Это и было, надо полагать, «войско» («все войско») конца XVI в., о котором упоминает А. П. Пронштейн (см. историографию вопроса). В начале XVII в. к ежегодному сбору в низовьях Дона присоединяются и казаки верховых городков, так что этот процесс постепенно захватывает весь Дон. С течением времени «Войском», судя по всему, стали называть казаков, находившихся в сборном пункте и в отсутствие большого сбора там. В лице своего круга Войско в низовьях Дона становится правящим органом на Дону. Оно передвигается как можно ниже по течению Дона и выполняет особые военные функции: находясь в наибольшей близости от врага, следит за военной обстановкой, первое принимает вражеские удары, планирует военные предприятия. Такая «служба» придавала казакам, находящимся в донском центре, особый политический вес. Отсюда и осуществление Войском судебных функций на Дону. К тому же население центрального городка было значительно большим по сравнению с остальными казачьими поселениями.

Кто же определял политику Войска – а значит, и общедонскую политику? Как известно, решения у казаков принимались на кругу, состоявшем из казаков, находящихся в казачьем центре в данный момент. Для последней трети XVII в. варианты принятия решений показал В. Г. Дружинин (см. историографию вопроса). В предыдущий период наиболее важные решения принимались, по-видимому, казаками, собиравшимися «в Войске» на лето, точнее – весной (именно эти казаки, к слову, получали и присылавшееся на Дон «государево жалование»); в другое время специально советовались с городками. Так, от 1638 г. имеем известие, что «для совету из городков в Азов казаки приезжают часто».¹⁰⁶ Примерно о том же пишет (правда, без ссылок на источники) и В. Д. Сухоруков: «Дела обыкновенные могли решаться одними теми казаками, кои были в сборе» в казачьем центре, но «в важнейших случаях всегда дожидали товарищей

¹⁰⁵ История Дона... С. 106; Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории. С. 47.

¹⁰⁶ Донские дела. Кн. 1. Стб. 782.

из походов и звали всех из городков».¹⁰⁷ Таким образом, при принятии тех или иных решений на войсковом кругу важную роль играли казаки из городков, без учета мнения которых Войско (точнее, его круг) не имело необходимых полномочий. Текущие же дела (например, сообщение «вестей» о татарах в Москву) специальных полномочий не требовали.

Напоследок хотелось бы остановиться на формулярах государевых грамот на Дон и войсковых отписок донских казаков времени объединения казачества по всему Дону (10-е гг. XVII в.). Вот характерный пример: «От царя [титул] на Дон в нижние и верхние юрты, атаманом Смаге Степанову, да Епихе Радиллову и всем атаманом и казаком донским низовым и верховым» (грамота от 16 марта 1614 г.).¹⁰⁸ В тексте грамоты встречаем такую фразу: «И вы б, атаманы и казаки, и все ваше Войско нижних и верхних юртов и запольных речек <...> нам, великому государю, служили».¹⁰⁹ Еще один пример: «От царя [титул] на Дон в нижние и в верхние юрты, атаманом Епихе Родиллову, да Исаю Мартемьянову и всем атаманом и казаком, и всему великому Войску Донскому» (июль 1614 г.).¹¹⁰ В тексте встречаем фразу: «и вы б, атаманы и казаки, и все наше великое Войско низовое и верховое...» (далее следует указ о службе).¹¹¹

Еще более любопытны формуляры казачьих отписок того времени. Вот наиболее характерный пример: «Государю царю [титул] холопи твои царские, донские низовые атаманы Смашка Степанов, да Епишка Родиллов, да Митька Кабанов [далее следуют еще четыре имени] и все атаманы и казаки и все Войско от низу и до верху о милости Божией <...> челом бьют» (декабрь 1613 г.).¹¹²

В приведенных фразах под «Войском» («всем Войском») может подразумеваться как сбор казаков в низовьях Дона, так и казачество в целом, живущее по Дону. Действительно, если летний низовой

¹⁰⁷ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 72.

¹⁰⁸ Донские дела. Кн. 1. Стб. 62.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 66.

¹¹⁰ Прянишников И. П. Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864. С. 25. Также см.: Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 94, примеч. 177.

¹¹¹ Прянишников И. П. Материалы для истории войска Донского. С. 29; Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 95, примеч. 177.

¹¹² Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 80, примеч. 155.

сбор состоял из казаков, собравшихся из городков, то почему бы этих казаков после разъезда по городкам также не назвать «войском»? Думается, однако, что подобное наименование донских казаков, живших в городках (если оно уже и существовало на тот момент), носило вторичный, абстрактный характер, в отличие от «Войска» как мощной боевой группировки, собиравшейся по весне в низовьях Дона. В этом отношении характерен следующий пример. В «наказной памяти» Афанасию Аристову, посланному в 1614 г. на Дон, говорится: «...приехов на Дон, отдати ему на Дону <...> атаманом и казаком Смаге Степанову, да Епихе Родилову, и всем атаманом и казаком низовых и верховых юртов, грамоты...».¹¹³ Любопытно, что в данном случае под «всеми атаманами и казаками низовых и верховых юртов» имеются в виду именно казаки, собравшиеся в донском центре, поскольку подобные грамоты отдавались казакам именно в этом месте, а не в каждом городке («юрту») по отдельности.¹¹⁴ Вполне вероятно, что как раз в данном значении выражение «все Войско» употреблялось и в приведенных выше фразах.

Итак, из приведенного материала можно сделать вывод, что «войском» у донских казаков во второй трети XVII в. и ранее называли прежде всего либо находившихся в донском центре казаков, либо сбор значительного числа казаков в любом другом месте как для похода, так и с иными целями (например, для совещания). Ведь казаки жили в городках «станицами» (отрядами), и сбор людей из разных городков либо же сбор различных казачьих отрядов (как в 1634 г. во время Смоленской войны под Рославлем) и носил название «войска». Во главе такого объединения выбирался войсковой атаман, по рангу стоявший выше станичного. Если казаки были с разных рек, то подобное объединение могло носить название «войска Донского и Яицкого», к примеру (возможны и другие варианты).¹¹⁵ Конечно, при данной ситуации иной станичный атаман из городка мог быть намного авторитетнее иного войскового, а его станица по числу людей могла и превосходить иное «войско», но это уже другой вопрос.

¹¹³ Акты исторические... Т. 3. С. 414.

¹¹⁴ Формула «все атаманы и казаки» равнозначна, в сущности, выражению «все Войско».

¹¹⁵ Так, согласно «Поэтической» повести об азовском осадном сидении, Азов в 1641 г. обороняло «все великое Донское и Запорожское Войско» (см.: Воинские повести Древней Руси. С. 76).

Походное формирование данного рода («войско») было временным объединением и распускалось после похода по городкам. В отличие от него, «Войско» в низовьях Дона являлось постоянной организацией, во второй трети XVII в. оно функционировало круглый год, и по выполняемым им функциям, а также по авторитетности атаманской верхушки с ним не могло конкурировать ни одно походное формирование (если только последнее не выделялось из состава самого этого «Войска»).¹¹⁶ Именно поэтому, думается, оно именуется в источниках «большим», т. е. главным, центральным войском, в отличие от любого другого войскового формирования. С конца 1630-х гг. этот термин, впрочем, практически исчезает из документов (по-видимому, авторитет Войска в низовьях Дона уже не было необходимости подчеркивать).

Таким образом, в данном разделе была предпринята попытка проследить употребление термина «войско» в документах за 1637–1667 и отчасти другие годы. Проведенный анализ различных видов источников привел нас к выводу, что «войском» у донских казаков во второй трети XVII в. по преимуществу именовались либо их походные формирования, либо же Войско в низовьях Дона – своеобразная военная, общественная и политическая структура донских казаков, в значительной степени напоминающая Запорожскую Сечь на Днепре. Кроме того, термином «войско» обозначались казаки, жившие в городках по Дону. Однако последнее значение было, на наш взгляд, менее определенным, размытым. Не исключено, что оно появляется лишь с конца 50-х гг. XVII в.

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал не позволяет принять распространенную в историографии точку зрения, что выражение «все Войско» обозначало донское казачество в целом. Не вполне правомерным является, на наш взгляд, и употребление термина «Войско» по отношению к территории проживания донских казаков: в качестве географического обозначения этот термин употребляется в документах только по отношению к казачьему центру.

¹¹⁶ Единственный случай, когда походное войсковое объединение после возвращения на Дон не было распущено по городкам и откровенно противопоставило себя Войску в низовьях Дона, произошел после возвращения С. Разина из Персидского похода. Тогда на Дону установилось своего рода двоевластие; Разин отказался подчиняться донскому центру, заявив войсковому атаману Корниле Яковлеву: «ты де владеи своим Войском, а я де владею своим войском». См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. I. С. 165.

Не находит подтверждения в источниках и существующая в литературе точка зрения, что «Войском» (или «Главным войском») именовалось в XVII в. низовое казачество, а также район низовых казачьих городков. Представляется также некорректным употребление без специальных оговорок понятия «Главное войско» по отношению к Черкасскому городку. Термины же «большое войско», «нижнее большое войско», «нижнее войско» равнозначны, по нашему мнению, термину «Войско» и обозначают казаков, находившихся в центральном городке на Дону.

Наконец, следует отметить, что уже с конца XVII в. термином «Войско Донское» начинают именовать донское казачество в целом. Это значение и было без достаточных оснований распространено в литературе на более ранние периоды казачьей истории. Значительную роль, по-видимому, сыграло здесь и то обстоятельство, что термин «войско» в «широком значении» употреблялся у запорожских казаков уже в первой половине XVII в.

Внутреннее устройство Войска на Дону

Итак, проанализировав значения термина «войско» у казаков в данный период, приходим к выводу, что в рассматриваемое время на Дону существовали три основные общественные группы казаков – Войско, низовое казачество и верховое казачество. Остановимся на их внутреннем устройстве и взаимодействии подробнее. Прежде всего рассмотрим вопросы, связанные с деятельностью Войска как отдельно взятой группировки казаков, а уже в следующем разделе перейдем к общедонским функциям данной структуры.

Внутреннее устройство донского казачества – тема, которая затрагивается почти в каждой работе по истории Дона XVI–XVII вв. Тем не менее в историографии даются, как правило, только самые общие сведения об организации общественной и политической жизни на Дону. Эти сведения стали хрестоматийными еще со времени выхода в свет работ В. Д. Сухорукова и переходят из одной работы в другую. Говоря о внутреннем устройстве на Дону в статье «Общественное донских казаков в XVII и XVIII столетиях», В. Д. Сухоруков в первую очередь останавливается на значении и роли главного

городка донских казаков, называвшегося, по мнению автора, «Главным войском». Здесь, в низовьях Дона, «в Главном войске», пишет автор, собирались казаки из городков, отсюда они расходились в походы. Обычно в главном городке собиралось до нескольких тысяч человек. В казачьем центре, как замечает В. Д. Сухоруков, всегда было многолюдно и тут кипела вечная деятельность: одни казаки возвращались из походов, другие отправлялись «на поиски».¹¹⁷ Здесь же останавливались со своей многочисленной свитой направлявшиеся из Москвы в Турцию или шедшие из Турции в Москву послы, сюда прибывали с моря большими отрядами запорожцы, приезжали для торговли люди из русских городов, здесь принимались посланники от кочевых народов и т. д.¹¹⁸

Имеются разделы по общественному устройству донского казачества также и в книге В. Д. Сухорукова. Они в значительной степени повторяют его указанную выше статью, но есть и отличия. Так, в книге автор более подробно разбирает внутреннюю организацию казаков и, в частности, образ правления на Дону. В. Д. Сухоруков отмечает, что донские казаки, «соединясь в одно общество из разноплеменной вольницы, не могли иначе распоряжаться общественные предметы и дела, как только общим советом». Этот способ управлять автор называет «народным правлением». Главное народное собрание, которому принадлежала вся власть управления и суда, продолжает В. Д. Сухоруков, называлось войсковым кругом.¹¹⁹ Дела на суд круга предлагал в основном войсковой атаман. Если кто-то хотел что-либо предложить, то выходил на середину круга, где находился войсковой атаман с войсковыми есаулами. Решение принималось большинством голосов, причем голос имел любой казак. «Всякий из казаков считал себя участником общего дела, и войсковые круги были очень шумны, а нередко происходили на них и буйные ссоры», — пишет В. Д. Сухоруков. На кругах «решалось все безотчетно»: набеги и заключение мира, смертная казнь и прочее.¹²⁰

¹¹⁷ [Сухоруков В. Д.] Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. СПб., 1824. С. 180–181, 184.

¹¹⁸ Там же. С. 231–233.

¹¹⁹ Название дано из-за внешнего вида, который имели данные общественные сходки, происходившие обычно на открытой площади (пояснение В. Д. Сухорукова).

¹²⁰ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 71–72.

К властям исполнительным, продолжает В. Д. Сухоруков, относились войсковой атаман и войсковые есаулы. Войсковой атаман, на взгляд автора, не имел особенной власти и был лишь блюстителем порядка и исполнителем воли круга. В войсковом кругу его голос был равен голосу любого казака, и все преимущество войскового атамана состояло в том, что его инициативы («представление») и доводы круг часто принимал с особенным уважением. Избирался войсковой атаман большинством голосов. В помощь войсковому атаману выбиралось два войсковых есаула, которые были исполнителями приказаний атамана и круга. Особого влияния на общественные дела, по мнению В. Д. Сухорукова, войсковые есаулы не имели. Важным лицом был также войсковой дьяк – кроме него, никто не писал бумаг от Войска, но никакой власти он также не имел.

Подобно общедонскому управлению, пишет автор, было организовано и управление в городках. Согласно В. Д. Сухорукову, «всякое общество казаков, в городках или зимовищах (т. е. на временных станях. – О. К.) жившее, равно и посланное куда-либо, именуясь станицей, имело своего атамана». Замечание В. Д. Сухорукова о станице особенно важно: как поясняет здесь автор, станица – это не только жители городка, но и любой казачий отряд в степи. В атаманы избирались, продолжает В. Д. Сухоруков, казаки «из людей старейших и благоразумнейших». В каждом городке была общая, так называемая становая изба (для рассматриваемого времени более правильно, вероятно, «станичная»), в которой казаки сходились на досуге вести рассказы о боевых делах, совещаться, а также разбирать различные вопросы.¹²¹ При этом о станичном круге автор почему-то не упоминает.

Примерно такими сведениями, а зачастую и еще более краткими, авторы нередко и ограничиваются. Несколько более четко функции высших должностных лиц казаков формулирует С. Г. Сватиков. По его словам, роль войскового атамана в войсковом кругу состояла в том, что первый предлагал кругу дела для обсуждения и «проекты резолюций». Войсковой есаул, как отмечает С. Г. Сватиков, являлся помощником войскового атамана и был «министром полиции и юстиции». Он приводил в исполнение постановления круга по судебным и административным делам, на нем же лежала охрана порядка в главном донском городке. Упоминает С. Г. Сватиков также

¹²¹ Там же. С. 72.

должности войскового толмача и «подтолмача», предназначавшиеся, как недостаточно четко говорит автор, «для сношений с татарами и калмыками». ¹²² Отметим, впрочем, что упоминание поста «подтолмача» нам в источниках не встречалось.

Функции казачьего круга также не раз отмечались в литературе, однако о таковых, как правило, говорится только в общих словах. В частности, упоминается, что проблемы, касавшиеся донского сообщества казаков в целом, обсуждались и решались на войсковых кругах, собиравшихся в казачьем центре. В первую очередь это были вопросы ведения войны и заключения мира. Кроме того, на войсковых кругах велись переговоры с послами, решались вопросы об отправлении казачьих станиц в Москву или посольств к соседним народам, принимались постановления, обязательные для всего Дона. Здесь же делилось государево жалование, производился суд, обсуждались церковные дела. Данными сведениями большинство авторов, как правило, и ограничивается. ¹²³

Здесь мы остановимся только на важнейших либо же наиболее повседневных функциях войскового круга, которые покажем на основе материала второй трети XVII в. подробнее, и, чтобы не говорить голословно, в виде иллюстраций приведем соответствующие примеры из источников. Впрочем, начнем мы не с функций, важнейших политически, а с более повседневных – с тех, что отражают в первую очередь бытовые черты жизни донского казачества.

Как представляется, одна из наиболее обыденных сторон деятельности войскового круга была связана с военной деятельностью казаков. Прежде всего это был сбор «вестей» (информации) о неприятеле – татарах и турках. Именно в кругу, как правило, производился расспрос на данную тему выходцев из «полона» и вернувшихся со степи казаков, здесь же допрашивались захваченные в ходе военных действий «языки» (пленники), тут же, по-видимому, их и пытали. Подобные сообщения постоянно встречаются в отписках казаков в Москву, а также расспросных речах в Москве и южнорусских горо-

¹²² Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 38–39.

¹²³ См.: Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века. С. 17–19; Лукин Б. В. Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. С. 17–18; Чаев Н. С. Донское казачество. С. 266, 268; Попов М. Я. Азовское сидение. М., 1961. С. 20–21, 66–67; История Дона... С. 119–120; Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. С. 65–67 и др. С. Г. Сватиков и Н. А. Мининков в своих работах останавливаются на данном вопросе несколько подробнее.

дах¹²⁴ донских казаков и людей, побывавших в Войске. Так, в войсковой отписке от 9 мая 1657 г. казаки писали в Москву: «А ныне к нам <...> из Крыму, и от горских черкес, и из ногайских улусов многия полоненики выходили, а про подъем (в поход. – О. К.) хана крымско-ва сказывали в роспросе в кругу...».¹²⁵ Посланный к казакам в 1646 г. дворянин П. Красников в своей отписке в Москву сообщал, что «октября в 25 день вышел из полону из Темрюка на Дон в Черкасской городок донской казак <...>, и для ево (расспроса. – О. К.) атаманы и казаки сходились в круг и в кругу ево расспрашивали...».¹²⁶

В войсковой отписке от января 1647 г. казаки писали в Москву, что татарин, захваченный во время казачьего похода в степь, Войску «с пытки в роспросе <...> сказывал...».¹²⁷ Вернувшиеся в сентябре 1640 г. с Дона в Воронеж сын боярский Т. Коширинов «с товарищи» также показывали воеводе, что ходившие летом этого года в степной поход под Крым атаман Тимофей Лебязья Шея с казаками привели с собой в Войско «в языцех татар крымских <...> а в роспросе те языки донским атаманом и казаком сказывали...» (речь идет о войсковом круге).¹²⁸ В отписке в Москву воеводы г. Валук В. Фефилатьева (написанной на основе полученной этим воеводой войсковой отписки с Дона) сообщалось, что 3 мая 1655 г. приехавшие «к Войску» с Северского Донца казаки-гулебщики «в кругу <...> сказывали» о виденном ими в степи крупном отряде татар, направлявшемся в набег «на Русь»,¹²⁹ и т. д.

В войсковом кругу (часто – «по вестям», т. е. после получения упомянутых известий) планировались военные предприятия, принимались решения об их проведении, формировались уходившие в поход отряды «похожан», здесь же происходил их расспрос по возвращении из похода. Сведения об этом также широко представлены в источниках. В частности, отправленный в 1646 г. к казакам воронежский сын боярский Т. Кочапин показывал позднее в расспросе, что «спустя дни с четыре» после его приезда в Войско «у казаков

¹²⁴ Прежде всего – в Астрахани и Воронеже, реже – на Валуйках, в Белгороде и Царицыне.

¹²⁵ Донские дела. Кн. 5. Стб. 225.

¹²⁶ Там же. Кн. 3. Стб. 366.

¹²⁷ Там же. Стб. 578.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 319–320.

¹²⁹ Донские дела. Кн. 4. Стб. 938–939.

был круг о том, чтоб им добыть языков азовских» с целью «прове-
дать подлинно, сколько в Азове служивых людей» и т. д. «И кликали
в кругу охочих людей, – продолжает он, – кто де похочет послужить
государю, и шли б де (таковые. – *О. К.*) в поход для вестей, для язы-
ков. И похотел итти старшина войсковой, атаман Осип Петров...»
(далее рассказывается об отправлении казаков в поход).¹³⁰

В 1640 г. из Воронежа на Дон посылались дети боярские Т. Ко-
ширинов с товарищами. Позднее они сообщали, что вернувшиеся
летом этого года из морского похода донские казаки, возглавляемые
запорожским атаманом К. Бурляем, «в роспросе донским атаманом и
козаком (имеется в виду войсковой круг. – *О. К.*) сказывали...» (далее
идет рассказ об этом не слишком удачном походе на море).¹³¹ В вой-
сковой отписке от января 1647 г. казаки сообщали, что они посылали
в степной поход под Крым казачий отряд. После же его возвращения
«тех, государь, мы похожан, – писали казаки, – в кругу расспрашива-
ли». ¹³² Наконец, есть также известие, что казаки «морского войска»,
разорявшего в августе–сентябре 1659 г. «крымские села и деревни»,
после возвращения из похода о его результатах «в кругу <...> сказы-
вали...» (речь идет тоже именно о войсковом круге).¹³³

На основании приведенных фактов можно заключить, что круги
у казаков собирались довольно часто, и пребывавшие в центре каза-
ки проводили на них заметную долю своего времени. Практически
об этом же в 1646 г. прямо говорил в Москве во время расспроса дон-
ской атаман Л. Пушкинский: «А вестей де у них (на Дону. – *О. К.*)
не таят – все де вести сказывают в кругу во все Войско, и повеща-
ют всем людем (имеются в виду прежде всего сами казаки. – *О. К.*),
чтоб шли в круг». ¹³⁴

Отметим здесь еще один момент, о котором мы не встречали упо-
минаний в литературе. Отслеживая военную и политическую ситуа-
цию в окрестных землях, Войско стремилось иметь информацию и о
казаках, ушедших в поход – в первую очередь на море, при этом по-
следние старались по возможности информировать оставшихся «на
куреньях» о ходе своей экспедиции. Сбор данной информации также

¹³⁰ Там же. Кн. 3. Стб. 70.

¹³¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 318.

¹³² Донские дела. Кн. 3. Стб. 577.

¹³³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 308. Л. 98.

¹³⁴ Донские дела. Кн. 3. Стб. 174.

входил в компетенцию войскового круга. В частности, в 1661 г. из морского похода было отправлено на Дон два казака, сообщивших в кругу о состоявшемся у казаков бое на Азовском море с пятью турецкими кораблями.¹³⁵ Этот пример не единичен. Так, вышедший осенью 1648 г. из турецкого плена в Путивль донской казак Андрей Елисеев показал в расспросе, что он был пленен татарами, когда ехал с товарищем через степь: они были посланы с отпиской в Черкасский городок от казачьего войска, находившегося на море.¹³⁶ В расспросных речах валуйских станичников Н. Зарубина с товарищами от 1646 г. говорится, что при них с Азовского моря в Черкасский городок был прислан струг от отправленного под Крым «морского войска». При этом вернувшиеся с моря «в роспросе <...> на Дону в кругу донским атаманом и казаком, Кирею Степанову с товарищи, сказали...» (следует рассказ о ходе морского похода).¹³⁷ В другое время относительно известий о казачьем морском войске расспрашивали «языков» – упоминания о таких случаях также имеются в источниках.

Коротко отметим, что в войсковом кругу производился прием посольств и посланцев кочевых народов, окружавших казаков, – ногайских (значительно реже – крымских) татар, темрюцких черкесов, позднее – калмыков, а также азовцев. Здесь же заключались договоры с ними и приведение к «шерти» (клятве на Коране) их представителей. Например, когда улусы Больших Ногаев, ушедшие в середине 1630-х гг. с астраханских кочевий под Крым в подданство крымского хана, изъявили желание вернуться обратно, посланцы ногайских мурз принимались в кругу, где с ними велись переговоры.¹³⁸

Важнейшей функцией войскового круга была отправка казачьих станиц в Москву с войсковыми отписками. Обычно она происходила после крупных военных событий (особенно предпринятых казаками по указам из Москвы), а также при получении на Дону важных международных и военных «вестей», включая сведения об обстановке в степи, – обо всем этом Москва требовала постоянно сообщать. Содержание самих отписок тоже обсуждалось в кругу. Так, когда летом 1640 г. в Москве вызвало возмущение одно из мест в войсковой

¹³⁵ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 38.

¹³⁶ Донские дела. Кн. 4. Стб. 21, 23.

¹³⁷ Там же. Стб. 318. К. Степанов – войсковой атаман на Дону в тот момент.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 12. Л. 121.

отписке с Дона, где звучала угроза оставить Азов, если казакам не прибавят государева жалования, то донские станичники, привезшие эту отписку, заявили, что «тово <...> Войском писать не велели», приписав данные слова самовольству войскового дьяка И. Порошина.¹³⁹ В кругу же, возможно, писался и сам текст отписок; их содержание зачитывалось перед собравшимися. Так, в источниках можно встретить сообщения, что отправляемые в Москву казачьи отписки в кругу «чтут во все Войско».¹⁴⁰ В войсковом кругу принимались и присланные на Дон с казачьими станицами или гонцами из южнорусских городов государевы грамоты, которые сразу же зачитывались вслух,¹⁴¹ по-видимому, здесь же выслушивались отчеты станиц о пребывании их в Москве.

В войсковом кругу решались и разного рода общественные вопросы. Так, уже упоминался случай, когда после мироточения в Азове (1640) иконы Иоанна Предтечи войсковой атаман Наум Васильев велел собрать войсковой круг, после чего «по совету всего великого Донского Войска (имеется в виду все тот же круг. – *О. К.*)» было отдано распоряжение о проведении по этому поводу церковных служб.¹⁴² В войсковом кругу же в 1650 г. было решено построить в Черкасском городке храм во имя Воскресения Христова.¹⁴³

Нередко на круг выносились и личные вопросы – в частности, об отпуске казаков из Войска для богомолья в Москву и на Соловки, с выдачей им соответствующих войсковых отписок. Так, когда в 1648 г. донской атаман Осип Калуженин отправил в Москву с одной из казачьих станиц свое челобитье с просьбой прислать Войску указ об отпуске его с Дона для богомолья к «соловецким чудотворцам» (поскольку само Войско его не отпускало), в государственной грамоте на Дон указывалось отпустить этого атамана и дать ему «прохожую память» по данному поводу,¹⁴⁴ что и было сделано. (Документ, который, по аналогии с русской документацией, в грамоте назван «прохожей памятью», в Москве и южнорусских городах чаще всего именовали, впрочем, «войсковой отпиской».)

¹³⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 62–63.

¹⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 89.

¹⁴¹ См.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 124; Кн. 4. Стб. 446.

¹⁴² Орлов А. С. Особая повесть об Азове. С. 30.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 86. См. также: Донские дела. Кн. 4. Стб. 440–442.

¹⁴⁴ Донские дела. Кн. 3. Стб. 278.

Таким образом, сфера полномочий войскового круга была велика и охватывала очень широкий круг вопросов, начиная от внешнеполитических проблем и заканчивая личными делами казаков. О судебной стороне деятельности казачьего круга будет сказано несколько позднее. Теперь же для уточнения картины функционирования центральной сродки донских казаков следует сказать вот о чем. Как отмечал еще В. Д. Сухоруков, обсуждение вопросов на войсковых кругах нередко бывало весьма шумным и эмоциональным, особенно когда среди казаков возникали какие-либо разногласия. Например, сохранились известия о «брани» между казаками по вопросу об удержании ими за собой Азова: как сообщалось в источнике, «иные де (казаки. – О. К.) Азов держать хотят, а иные не хотят».¹⁴⁵ Но одновременно у казаков выработался способ, позволявший (по возможности, конечно) преодолевать подобные затруднения. В случаях, когда требовалось решить сложный или спорный вопрос, существовала практика проведения не одного, а нескольких кругов. При этом обсуждение дела, надо полагать, выносилось за пределы войскового круга и сопровождалось, по-видимому, кулуарными совещаниями казачьей верхушки, а также в отдельных группах казаков. Ряд кругов, например, на протяжении нескольких дней был проведен в декабре 1658 г. по вопросу о выполнении указа из Москвы о походе на «воровской» казачий городок Ригу (Рыгу), построенный «волжскими ворами» близ казачьего городка Паншина.¹⁴⁶ Подобная процедура позволяла, по-видимому, избежать принятия поспешных и необдуманных, а также эмоциональных решений.

О должностных лицах в казачьем Войске уже не раз говорилось в историографии. Мы затронем здесь наиболее общие вопросы, связанные с их функциями, поскольку источники содержат лишь самые лаконичные сведения на этот счет. Во главе Войска традиционно стоял войсковой атаман. В рассматриваемый период эта должность была давно устоявшейся (имя одного атамана вместо нескольких в формуляре казачьих отписок появляется во второй половине 1610-х гг.). Выбирался войсковой атаман на кругу, войсковой круг же обладал полномочиями по его смещению. На круг войсковые атаманы обычно выносили вопросы, подлежащие обсуждению «великим Донским Войском». Поскольку сами войсковые атаманы являлись одними из наиболее

¹⁴⁵ Мишинков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 383.

¹⁴⁶ Донские дела. Кн. 5. Стб. 554–555.

авторитетных и опытных казачьих предводителей, а также знатоками неписаного казачьего права и обычаев, к их мнению обычно прислушивались. Однако круг всегда стоял выше атамана, и в моменты несогласия с мнением последнего он мог, отстранив атамана от решения вопроса, обсуждать дело и самостоятельно. Ярчайший пример такого рода содержится в отписке в Москву дворянина Андрея Лазорева, возглавлявшего присланный на Дон в Войско в 1648 г. для помощи казакам отряд «солдат». У него случились разногласия с казаками. Тогда на кругу, собранном в августе 1649 г., войсковой атаман Наум Васильев начал уличать воеводу в отправке в Москву разного рода жалоб на казаков.¹⁴⁷ В частности, атаман обвинял А. Лазорева в том, что он «многигжды» втайне от казаков писал на них государю «многие затейные слова». Из-за этого, по словам Н. Васильева, казачьей станице, ездившей в Москву незадолго до этого, «на Москве выговоры были большие».

Дело могло закончиться для воеводы весьма плачевно. Последний в свое оправдание говорил кругу («всему Войску»), что втайне от казаков ничего против них в Москву не сообщал, признав, что писал лишь об одном из их «непослушаний» государеву указу, однако об этом казакам и ранее было хорошо известно. После этих слов, почувствовав, по-видимому, неправоту атамана, круг взял проведение расследования по данному делу в свои руки. Вслед за тем как было выяснено, что обвинения Н. Васильева не имеют под собой основания,¹⁴⁸ казаки, по словам А. Лазорева, «видя ево, Наумову, явную неправду, что гонит меня без вины напрасно к смерти», сняли с воеводы все обвинения, а на войскового атамана «звательством крикнули», т. е. закричали с гневом и негодованием. Любопытно, что расследование дела Войско вело, отстранив от участия в нем Н. Васильева («мимо Наума»). Как видим, казачий круг выступает в данном случае гарантом объективности и справедливости, в отличие от атамана, который, поддавшись своим личным симпатиям и антипатиям, мог вводить казаков в заблуждение (в данном случае, похоже, сыграли роль какие-то личные счеты). В

¹⁴⁷ Характерно, что в казачий круг воеводу доставили, по его словам, «неволею», «что пленнова».

¹⁴⁸ В частности, допрос «всем Войском» приехавшего из Москвы атамана Павла Чесночихина, на которого ссылался Н. Васильев, не подтвердил утверждений последнего. П. Чесночихин показал, что в Москве никаких выговоров казакам не было, и о тайных письмах А. Лазорева он там «ничего не слышал», и ни о чем подобном «Науму <...> не говаривал».

любом случае, однако, конечное решение выносил именно круг.

Вот еще эпизод, хорошо характеризующий как положение войскового атамана в кругу, так и казачьи нравы в целом. В октябре 1645 г. в Черкасский городок прибыли русские послы С. Телепнев и А. Кузовлев, следовавшие в Стамбул. Между ними и казаками разгорелся спор: где Войску получать адресованные ему из Москвы государевы грамоты. Послы в соответствии с полученным ими наказом должны были отдать грамоты у себя на стану, казаки же хотели получить их в войсковом кругу. Утомленные долгими предварительными переговорами с кругом послы «призвали» к себе на стан войскового атамана И. Каторжного и просили его, «чтоб он, Иван, государю послужил», убедив казаков исполнить государев указ. И. Каторжный не отказал, однако заметил: «токо де для государского величества стану о том в кругу говорить, хотя де бит буду» – и, действительно, выступил на кругу, сказав казакам: «...нам де о том надобно поразмыслить, и послы де не собою затевают – чаю, у них о том в государеве наказе написано, и они де государев указ исполняют, а мы де холопи государевы ж». Реакция круга на слова прославленного атамана показательна: «И казаки де всем кругом почали ево, Ивана, лаеть матерны, и всякою бранью худые: [вы] де атаманы шишиморы, по ночом де ходите, да меды пьете (с послами. – *О. К.*), а великим Войском торгуете – что де изначала повелось, то де переводите. Да за вашим де шишиморством...» и т. д.¹⁴⁹

Н. А. Мининков, выступая против распространенного в историографии и идущего от В. Д. Сухорукова мнения о сравнительной ограниченности власти войскового атамана в кругу, пишет: «Как правило, донской войсковой атаман был вовсе не слабой фигурой и в пределах имевшихся у него в соответствии с казачьими традициями полномочий умел действовать весьма решительно». (Впрочем, одновременно автор признает, что войсковой круг в XVII в. всегда был выше атамана и в любой момент мог сместить его.)¹⁵⁰ Нам представляется, что, с учетом приведенных выше фактов, по данному вопро-

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1645 г., № 2. Л. 16–18. (Статейный список послов в Турцию С. В. Телепнева и А. Кузовлева.) «Шишиморы» – кикиморы. Речь идет об обычае угощения государевыми посланниками у себя на стану «лучших» казаков и атаманов вином, что сопровождалось получением от них в ходе беседы необходимой для первых информации. Вероятно, это происходило в том числе ночами.

¹⁵⁰ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 243.

су можно сделать следующий вывод: без опоры на круг или же на какую-то значительную часть его войсковой атаман действовать, безусловно, не мог.

В военное время функции войскового атамана сводились к руководству боевыми действиями Войска. К примеру, поход Войска под Азов в 1637 г. и руководство осадой этого города осуществлял избранный незадолго до этого Михаил Татарин (Татаринов), а оборону Азова от турецко-татарской армии в 1641 г. возглавил сначала Н. Васильев, а затем Осип Петров (Калуженин). В 1656 г. Н. Васильев в качестве войскового атамана руководил широкомасштабным походом донских казаков под Азов (поход этот, правда, закончился неудачей), а в 1661 г. войсковой атаман Корнило Яковлев (Черкес) возглавил поход Войска к построенному незадолго до этого крымским ханом на Мертвом Донце городку, причем в ходе боевых действий К. Яковлев был ранен. И хотя походы, предпринятые «всем Войском» в целом, были не так уж и часты, но зато они и представляли собой масштабные военные предприятия.

В военное время власть атамана резко возрастала. В этом отношении характерна известная казачья пословица: «Куда атаман глазом кинет, туда мы кинем головы». Любопытно, что занятие поста войскового атамана не исключало и личного участия в боях. Так, по словам Исторической повести о взятии казаками Азова, во время штурма пролома в стене крепости, вызванного взрывом подкопа, первым в этот пролом «вскочил» именно атаман Михаил Иванов (Татарин), а уже вслед за ним сюда ворвались донские и запорожские казаки.¹⁵¹ Вообще, надо полагать, войсковые атаманы были людьми большой личной храбрости – данное качество очень высоко ценилось среди казаков. Известен, например, случай, когда один из атаманов «рославских» казаков Федот Лях в ходе боя с «литвой» под Козельском (весна 1634 г.) лично захватил в плен двух человек, причем один из них был «знаменщиком» (знаменосцем).¹⁵² Вскоре Ф. Лях был избран (не потому ли?) на должность войскового атамана этого походного объединения, насчитывавшего не одну тысячу человек. (Согласно «послужному списку», составленному рославльским воеводой после этого боя, такого успеха в схватке не удалось больше добиться никому – лишь несколько казаков сумели захватить по два рядовых

¹⁵¹ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 60.

¹⁵² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 76. Л. 107.

«языка».¹⁵³) Во время обороны казаками Азова первую вылазку против турок возглавил войсковой атаман Наум Васильев, причем вскоре после этого он был ранен, что и послужило причиной его замены на этом посту.¹⁵⁴ Помимо сказанного, более ничего определенного о функциях войсковых атаманов в источниках нам не встретилось.

При войсковом атамане обычно видим войскового есаула. В его функции входило, по-видимому, исполнение различных административных поручений войскового атамана и круга. Так, во время уже упоминавшегося случая в Азове, когда в 1640 г. образ Иоанна Предтечи «испустил слезы», войсковой атаман «повеле ясаулом в круг сойтися всему Войску», т. е. объявить о круге и собрать казаков. Войсковой есаул мог быть один, но нередко их бывало и несколько. Так, в 1632 г. присланные с Дона в Москву с казаками атаманы Т. Яковлев и Б. Кони́нский на вопрос в Посольском приказе, сколько у них на Дону войсковых есаулов, отвечали, что в мирное время выбирают одного есаула, «а как ходят в поход, и в те поры они есаулов выбирают, сколько Войску надобно».¹⁵⁵ Однако данное правило действовало, по-видимому, не всегда. В частности, летом 1643 г. в Войске одновременно упоминаются два войсковых есаула – Дементий Гаврилов и Павел Федоров. Примерно в это же время у казаков значится еще один войсковой есаул – Афанасий Васильев.¹⁵⁶ Впрочем, в это время Войско вело напряженные военные действия против турок и крымцев, пытавшихся сбить казаков с низовьев Дона. О войсковых есаулах во множественном числе имеются упоминания также от 1646 и 1648/49 гг.¹⁵⁷ Итак, как видим, слова В. Д. Сухорукова, что в XVII в. у донских казаков было два войсковых есаула, приводимые (впрочем, без ссылки) также и С. Г. Сватиковым,¹⁵⁸ не находят подтверждения в источниках.

Во время походов войсковые есаулы принимали самое активное участие в боевых действиях. Так, в августе 1661 г. в ходе штурма построенных незадолго до этого турками и крымцами так называемых Каланчинских башен один войсковой есаул был убит, двое получили

¹⁵³ См.: Там же.

¹⁵⁴ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 123.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 236.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 2. Л. 8, 17. (Сратейный список послов в Турцию И. Милославского и Л. Лазаревского.)

¹⁵⁷ Донские дела. Кн. 3. Стб. 51; Кн. 4. Стб. 241.

¹⁵⁸ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 38.

ранения.¹⁵⁹ В боевой обстановке войсковой есаул мог возглавить и казачий отряд – подобные известия встречаются в источниках. Например, весной 1658 г. отряд казаков, ходивших из Войска в поход под Азов «для языков», возглавлял войсковой есаул Еким Барсуков,¹⁶⁰ в сентябре 1661 г. точно в такой же ситуации во главе казачьего отряда из 300 человек стоял войсковой есаул Терентий Павлов.¹⁶¹

Должность войскового есаула считалась почетной, и на эту должность избирались зачастую (если не в основном) люди, занимавшие ранее атаманские посты. Так, в своей челобитной в Москве от 29 января 1689 г. один из донских атаманов писал, что его за многие службы в Войске «пожаловали» (отметили), избрали «есаулишком войсковым».¹⁶² Упомянувшиеся выше Д. Гаврилов, П. Федоров и А. Васильев в более раннее время фигурируют в качестве станичных атаманов. Атаман Дмитрий Свищев (см. выше), в 1657 г. возглавлявший под Орешком походное формирование донских казаков количеством до 500 человек, в 1663/64 г. также упоминается на Дону в качестве войскового есаула.¹⁶³

Помимо войсковых атаманов и есаулов в Войске существовали также должности войскового дьяка и войскового толмача. Войсковой дьяк в приказных документах именуется также «подьячим» (а иногда и «дьячком»). Данный факт дал основание Н. А. Мининкову считать, что на Дону помимо дьяка было также несколько подьячих, находившихся в подчинении первого.¹⁶⁴ На наш взгляд, речь идет в данном случае об одной и той же должности: в Москве приказные чиновники, ревниво относясь к общественной значимости своих постов, иногда именовали донского делопроизводителя более низким в приказной иерархии званием. Ни из контекста употребления этого слова в приказных документах, ни из документов казачьего происхождения не видно, чтобы у дьяка на Дону были помощники в звании «войсковых подьячих». Такие помощники если и имелись у войскового дьяка, то являлись казаками. Так, посылавшийся в 1646 г. на Дон дворянин П. Красников показывал в Москве после возвращения, что на Дону у него была ссора («брань») с войсковым дьячком

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 71, 74.

¹⁶⁰ Донские дела. Кн. 5. Стб. 336.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 37.

¹⁶² Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 31.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1665 г., № 4. Л. 29.

¹⁶⁴ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 255.

Семеном и казаком Я. Жуковым, которые, по его словам, «сидят у отписок». В результате этой ссоры в одной из войсковых отписок с Дона якобы и появились разного рода жалобы на П. Красникова.¹⁶⁵

В обязанности войскового дьяка («подьячего») входило составление войсковых отписок и прочих делопроизводственных документов, а также, по-видимому, заведование (возможно, совместно с войсковыми есаулами) различными финансовыми делами. Так, например, имеется известие, что в 1649 г., после окончания срока службы на Дону воеводы А. Лазорева и его «солдат», казаки забрали у них 8 бочек пороха, около 200 пудов свинца и другое имущество (А. Лазорев хотел отправить все это в Воронеж), о чем воеводе войсковым дьяком И. Обуховым была выдана расписка («приемная роспись»), составленная в войсковом кругу.¹⁶⁶ Не исключалось участие войскового дьяка и в походах.¹⁶⁷

В обязанности войскового толмача входил, надо полагать, перевод во время расспросов в кругу «языков» и прочих «иноземцев», а также различных представителей и послов кочевых народов во время переговоров с ними как в войсковом кругу, так и вне его. Из сказанного видно, что войсковой толмач должен был быть хорошо информирован о делах Войска и владеть не одним языком. Не исключено, что войсковых толмачей было несколько.¹⁶⁸

В качестве дополнения к рассказу о должностных лицах Войска отметим, что существовала еще должность войскового полковника. Наши сведения об этом poste у казаков крайне отрывочны. Что касается большого Войска, то упоминание о войсковом полковнике встретилось нам всего два раза. Так, к казачьей отписке с Дона в Москву, рассказывающей о походе в 1661 г. из Черкасского городка под турецкие Каланчинские башни, была приложена «роспись» (список) имен казаков, раненных и убитых в ходе боевых действий. На втором месте среди раненых (после войскового атамана) значится войсковой полковник Федот Прокофьев, и только затем идут имена двух войсковых есаулов. Таким образом, положение войскового полковника было выше положения войскового есаула. Второе упоминание таково.

¹⁶⁵ Донские дела. Кн. 3. Стб. 426.

¹⁶⁶ Там же. Кн. 4. Стб. 238, 245.

¹⁶⁷ Подробнее об этом см.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 255.

¹⁶⁸ С. Г. Сватиков упоминает также «подтолмача» (без ссылки, впрочем, на документы), однако известий о существовании такой должности у казаков нам не встретилось. См.: Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 38.

Донской атаман Т. Корякин в своей челобитной, поданной в 1643 г. в Москве, перечисляя свои прежние службы государю, упоминает, что во время обороны Азова 1641 г. он «был <...> над казаками войсковым полковником».¹⁶⁹ Судя по всему, в связи с исключительно редким упоминанием в источниках данного поста в большом Войске этот пост появлялся у казаков только на время боевых действий.

Должность войскового полковника была, по-видимому, только одна – в частности, именно такую картину видим в походных формированиях донских казаков. Так, в формировании атамана Ивана Семенова в 1656 г. (600 человек) видим одного полковника и 4 есаулов, у атамана Василия Родионова (Усова) в том же году был один полковник (Яков Дронов, незадолго до этого – глава данного формирования) и 5 есаулов.¹⁷⁰ А в выпедшем в Россию с Дона в 1664 г. формировании того же Василия Родионова (387 человек) видим одного полковника и 2 есаулов.¹⁷¹ Функции казачьего полковника на настоящий момент не ясны. Возможно, он был помощником атамана по каким-то вопросам или его заместителем. Таким образом, слова В. Д. Сухорукова, что в XVII в. крупные казачьи отряды, отправившиеся в поход, делились на полки под командой полковников,¹⁷² а также утверждение С. Г. Сватикова о существовании у казаков выборных постов «войсковых полковников» – «на полк из 500 человек»¹⁷³ не соответствуют действительности.

Касаясь демократического внутреннего устройства у казаков, Н. А. Мининков считает, что оно «представляло собой историческое завоевание наиболее смелых, решительных, предприимчивых и активных выходцев из народа и не имело аналогий в России того времени».¹⁷⁴ В этих словах видим, безусловно, демократическую традицию историографии, идущую от С. Г. Сватикова. Последний, в частности, также писал, что казаки «были представителями русского народа, пытавшимися построить общество и государство на иных началах, нежели это было в великой метрополии. Они создавали трудовое товарищество, социальную общину и государственную организацию

¹⁶⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 700.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 550. Л. 168.

¹⁷¹ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 336.

¹⁷² Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 73, 387.

¹⁷³ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 39.

¹⁷⁴ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 231.

на началах равенства, свободы и братства».¹⁷⁵ Нам думается, однако, что казачью демократию не следует переоценивать. Черты демократизма вообще очень свойственны недавним переселенцам (это отмечает и В. Д. Сухоруков, см. выше), а, согласно мнению Н. И. Никитина, «социальный уклад вольного казачества не следует считать чем-то далеко оторванным от общерусского».¹⁷⁶

Выше были рассмотрены функции войскового круга и должностных лиц Войска, теперь перейдем к рассмотрению структуры возглавляемой ими казачьей массы — данный вопрос в литературе практически не затрагивался. Войско в низовьях Дона (в одном из документов оно в противоположность «морскому войску» названо «курненным», т. е. пребывающим в домах, или «на куренях»¹⁷⁷) не имело постоянного состава, поскольку, как уже говорилось, донской центр являлся сборным пунктом казаков «с реки» (из городков). О данном факте неоднократно упоминается в источниках. Так, в 1632 г. казаки, сообщая в кругу присланному из Москвы на Дон кн. И. Дашкову, что «у них Войску сметы (т. е. списков. — О. К.) не бывает», поясняли: «временем де у нас людей прибудет, временем убудет».¹⁷⁸

Традиционным временем сбора казаков из городков «в Войске» была весна, в это время организовывались наиболее многочисленные по числу участников походы, прежде всего на море. К середине лета (примерно с Петрова дня, т. е. с конца июня), если позволяла военная обстановка, казаки из городков разъезжались обратно по своим «юртам» для степных хозяйственных промыслов.¹⁷⁹

В моменты сбора из городков Войско, по-видимому, делилось на

¹⁷⁵ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 30.

¹⁷⁶ Никитин Н. И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV–середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2. С. 8.

¹⁷⁷ Так, в войсковой отписке от 2 августа 1655 г. казаки писали, что как только к ним на Дон «придет войска с моря», и о каких «подлинных вестях» «войска морская про турецкого и про крымского царя <...> Войску куренному скажут», то обо всем этом будет немедленно сообщено в Москву (Донские дела. Кн. 5. Стб. 23).

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 465. Практически то же самое повторяли в Москве во время расспроса атаман Дементий Гаврилов с казаками в 1640 г. В частности, они сообщали, что в Азове «прямого ведома и письма людям не живет — приходят и отходят повольно», и можно лишь приблизительно назвать число находящихся в этом городе людей (Донские дела. Кн. 2. Стб. 64).

¹⁷⁹ См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 471.

станции во главе со станичными атаманами. Так, из статейного списка дворянина С. Чирикова, присланного в 1637 г. на Дон с государевым жалованием, известно, что во взятом Азове татарские дома («избы») были поделены по станицам. Атаман казачьей станицы, присланной в 1641 г. в Москву с войсковой отпиской, Аввакум Сафонов (в данном случае имеется в виду атаман «проезжей станицы»), писал в своей челобитной, что во время азовского осадного сидения он был станичным атаманом.¹⁸⁰ Однако собственно жители казачьего центра по станицам, по-видимому, не делились.¹⁸¹ По крайней мере, прямых данных такого рода в источниках мы не встретили. После разъезда по городкам казаков с «реки» вместе со своими атаманами у оставшихся в донском центре был, по-видимому, только один атаман – войсковой. К такой мысли приводит следующий факт. В 1635 г. на Дон с государевым жалованием присылался воронежец В. Струков. В своем статейном списке он пишет, что к нему на стан приходил «козак Ивановой станицы Каторжного» Павел Федоров, сообщивший В. Струкову различные «вести» о татарах, имевшиеся на тот момент в казачьем центре.¹⁸² Обычно, приехав в Войско, посланные из Москвы стремились собрать информацию о положении в степи, приглашая к себе наиболее именитых казаков и за угощением, включая вино, расспрашивая их. Без всякого сомнения, речь в данном случае идет о Павле Чесночихине, немногим позже – атамане отправленной с войсковой отпиской в Москву казачьей станицы и будущем войсковом атамане.

Факт этот показателен. Дело в том, что И. Каторжный на тот момент являлся войсковым атаманом на Дону.¹⁸³ Даже если предположить, что в Войске уже существовал ряд станиц, как это было позднее, то и в этом случае И. Каторжный едва ли мог одновременно совмещать пост атамана одной из станиц в Войске и войскового атамана.¹⁸⁴ На наш взгляд, под «станцией» И. Каторжного подразумевается само

¹⁸⁰ Донские дела. Кн. 2. Стб. 313.

¹⁸¹ Возможно, что они делились по десяткам и сотням.

¹⁸² Донские дела. Кн. 2. Стб. 740. Документ ошибочно датирован в данном издании 1645 г. В действительности отправка В. Струкова на Дон произошла в 1635 г. К тому же это не расспросные речи, как указывается в издании, а статейный список. Ср.: РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1635 г., № 2. Л. 58–60.

¹⁸³ Донские дела. Кн. 2. Стб. 739.

¹⁸⁴ Так, согласно переписи донских казаков 1718 г. посты войскового атамана на Дону и станичных атаманов в донском центре занимают разные лица. См.: РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). Кн. 24. Л. 3 и далее.

«Войско», поскольку П. Федоров проживал, по-видимому, именно в казачьем центре. Случаев же, когда казачье войсковое объединение именовали станицей, можно привести немало. Например, повстанческое войско атамана Балаша во время Смоленской войны в документах называли то «войском», то «станицей», то «полком».¹⁸⁵ Вышедший в 1656 г. с Дона на службу отряд казаков во главе с атаманом Иваном Горячим также назван станицей, хотя по своей численности (830 человек) и по внутренней структуре это было типичное «войско» (оно было поделено на сотни, имело четырех есаулов).¹⁸⁶ Следовательно, полагаем, что, помимо войскового атамана, иных атаманов у жителей донского центра в рассматриваемый период времени, скорее всего, не было.

В случаях, когда было необходимо обсудить какой-либо важный вопрос, не входивший в компетенцию одних лишь жителей казачьего центра, «в Войско» созывались атаманы из городков (чаще, видимо, ближайших к Войску). Так, зимой 1642/43 г. с Монастырского Острова «присылали атаманы Осип Колуженин, да Иван Катаржной <...> по станичным атаманов, а велели им быти к себе...». А «как де они станичные атаманы сошлись», на обсуждение был поставлен вопрос: отсылать ли в Москву русские посольские грамоты в Турцию, в которых было «написано про донских казаков ворами» и которые попали к казакам от запорожцев, разгромивших летом 1642 г. на Северском Донце ехавших из Москвы в Крым русского, турецкого и крымского послов (грамоты эти вызвали раздражение казаков).¹⁸⁷

Основываясь на данном известии, И. Ф. Быкадоров в своей работе «История казачества»¹⁸⁸ считает, что в донском центре было два атамана. Один из них был атаманом «Главного войска» (по терминологии автора – жителей казачьего центра), другой, войсковой – атаманом донского казачества в целом. Между тем, как мы видели, в данном документе ничего не говорится об атамане «Главного войска». Присутствие в центре двух атаманов может объясняться, на наш взгляд, двояко: либо один из них, а именно И. Катаржный (О. Колуженин был, по-видимому,

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 98. Л. 162, 176 и др.

¹⁸⁶ Там же. № 1127. Часть 4. Л. 1–2 и далее.

¹⁸⁷ Акты исторические... Т. 3. С. 476. (Из расспросных речей в Воронеже донского станичного атамана Т. Корякина.)

¹⁸⁸ Быкадоров И. Ф. История казачества. Т. 1. С. 153.

войсковым атаманом, поскольку он упомянут первым), являлся станичным атаманом и находился тогда в центре по случаю, либо же на тот момент он вовсе не был атаманом, но в силу исключительного авторитета в казачьей среде сохранял свое влияние на дела Войска и потому в данном случае также мог быть назван атаманом. Принимая во внимание длительное пребывание И. Каторжного на посту войскового атамана и до, и после указанного времени, а также громкую славу, которой было окружено на Дону его имя, такое вполне возможно.

Возможен еще такой вариант: «Войско» уже тогда делилось на станицы, как это было позднее, и в подобном случае Иван Каторжный оказывается атаманом одной из таких станиц. Тогда выходит, что упомянутые атаманы созывались не из городков, а непосредственно из самого центра. (В более полном виде упомянутое сообщение звучит так: «как донские атаманы и казаки зимовали на Монастырском Острове (зима 1642/43 г. – *О. К.*), и в великой мясоед, перед масленицею, присылали атаманы Осип Колуженин, да Иван Катаржной ясаула Дениса Григорьева по станичным атаманов, а велели им быти к себе...».) Думается, однако, что речь идет все же о посылке в городки, поскольку в ином случае, при лаконичности документов такого рода, специально оговаривать посылку за атаманами войскового есаула не имело смысла. (Необходимо, впрочем, отметить, что однозначно истолковать данное сообщение все-таки невозможно.)

Существует еще один документ, который, пожалуй, мог бы свидетельствовать в пользу мнения И. Ф. Быкадорова. Это расспросные речи вернувшихся в июне 1642 г. с Дона воронежцев С. Кокарева с товарищами о положении дел на Дону. Документ этот, однако, имеет ряд утрат в интересующем нас месте. Ниже помещаем этот фрагмент, цитируемый по изданию «Донские дела» (Кн. 2. Стб. 447–448; расположение строк и орфографию издания мы сохраняем):

<...> И Донские де, государь, ко- //
заки послали въ степь семьдесят
человекъ коньми до Тойгануругу для
языковъ, а иные де, государь, Дон-
ские козаки . . . . . моря въ одномъ
стругу для языков же. А какъ . . .
. . . Осипъ Колуженинъ съ товарищи
. . . . . государь ево, Осипа, остались

во то . . . . . козаковъ въ Озове Иванъ
 Каторжной . . . . . въ войсковыхъ ото-
 манехъ на Махиномъ острову Иванъ
 же Каторжной. А въ Озове де, госу-
 дарь, въ отоманехъ Осипъ Колуже-
 нинъ остался у достольныхъ коза-
 ковъ.

Здесь, как видим, упоминается та же пара: О. Колуженин – И. Каторжный. Каково же соотношение между упомянутыми фигурами в данном случае? Заданный вопрос интересен не только в связи с данной проблемой, но и имеет прямое отношение к вопросу о руководстве Войском во время оставления казаками Азова – одного из наиболее драматичных моментов казачьей истории.

Ознакомившись с подлинным текстом документа (по микрофильму) и выяснив характер утрат, нам удалось по смыслу восстановить утраченный текст. Выглядит он следующим образом (с поправками, орфографией и сохранением расположения строк согласно оригиналу):

<...> А иные де, гдрь, донские ко-
 [заки пошли на] моря в одном стругу для языков же. А какъ
 [ходилъ* на море] Осипъ Колуженинъ с товарищи,
 [и въ то де время вместо], гдрь, ево, Осипа, остался в ото-
 [манехъ у донских коза]ковъ в Озове Иванъ Каторжной.
 [А ныне, гд]рь, в войсковых отоманехъ на Махином
 острову Иванъ же Каторжной. А в Озове де, гдрь, в отома-
 нехъ Осипъ Колуженинъ остался у достолныхъ
 козаковъ.

* Возможно, «пошел».

Из второго отрывка хорошо виден характер, а также контуры утрат. Последние примерно таковы и в оригинале. Следует лишь отметить, что в подлиннике плотность расположения и величина букв в разных строках различная, как и отступ от конца строки до правого края листа. Этим и объясняется различная длина строк во втором тексте (при восстановлении утрат этот момент также учитывался). Как видим, предлагаемый вариант утраченного текста достаточно хорошо вписывается

в контекст документа, тем более что величина утрат невелика. На наш взгляд, возможность наличия на месте утрат иного текста (по крайней мере резко меняющего смысл данного места документа) маловероятна. Следует также отметить различия между первым и вторым текстами: сочетание букв «во то» (9-я строка первого текста) более логично рассматривать как начало фразы «в ото(манех)». При ознакомлении с оригиналом всплыла также немаловажная деталь – от внимания издателей ускользнули буквы «рь» (6-я строка второго текста), т. е. «гдрь» – типичное для русских источников сокращение слова «государь».

Итак, как видим, о двух атаманах в Войске речь здесь также не идет. В данном документе говорится только о том, что в то время, как войсковой атаман отправился в поход на море с частью казаков, его место, как и всегда в подобных случаях, заняло другое лицо (в данном случае – И. Катержный). После возвращения из похода О. Калуженин возглавил казаков, остававшихся в Азове, тогда как основная часть Войска, ожидая прибытия на Дон «государева указа» об оставлении Азова, уже перебралась на новое место – Махин (Монастырский) остров – об этом говорится в более ранней части документа (стб. 447). После окончательного оставления Азова и воссоединения обеих групп казаков войсковым атаманом вновь видим О. Калуженина: в формуляре войсковой отписки от конца мая–начала июня 1642 г. значится уже имя последнего.¹⁸⁹

Известие о созыве атаманов в 1643 г. интересно также упоминанием о существовании в рассматриваемое время в Войске при войсковом атамане совета, состоявшего из казачьей верхушки. На этом вопросе следует остановиться подробнее. Как уже отмечалось, основные вопросы решались казаками в войсковом кругу, однако наиболее секретные и деликатные дела могли обсуждаться также и на совете так называемой «старшийнь». В источниках неоднократно встречаются подобные примеры. Так, захваченных казаками в июне 1646 г. на Азовском море знатных крымских пленников «роспрашивали старшины одни, Осип Петров с товарищи, тайным делом».¹⁹⁰ Присланный в 1650 г. в Москву во главе казачьей станицы тот же О. Петров показывал во время расспроса, что прибегавших на Дон из-под Крыма двух астраханских татар, принесших известия о «ссылке» с крымским ханом казанской черемисы, «про [то] <...> спрашивали одни оне старшины». При этом дело счита-

¹⁸⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 448.

¹⁹⁰ Там же. Кн. 3. Стб. 70–71. (Расспросные речи посылавшегося на Дон сына боярского Т. Кочапина.)

лось настолько секретным, что информация о нем не попала даже в войсковую отписку, поскольку таковые, как пояснял О. Петров, перед отправлением «чтут во все Войско».¹⁹¹ Первым из историков, отметившим наличие при атамане совета, был С. Г. Сватиков (впрочем, последний пример, взятый нами из неопубликованного материала, ему известен не был). С. Г. Сватиков писал, что влияние этого неофициального «совета старшин» (термин принадлежит ему же) «было громадно <...> Не только все военные планы разрабатывались в нем, но и все дела гражданского быта, подлежавшие обсуждению в кругу».¹⁹²

Думается, однако, нет оснований полагать, как это делает указанный автор, что на данном совете обязательно разрабатывались все военные и гражданские дела, подлежавшие обсуждению в кругу. Сведений такого рода в источниках нет. Как показывают документы, войсковой круг был достаточно дееспособным органом, и вопросы обсуждались и решались в первую очередь именно в нем. Так, например, государевы грамоты подавались в круг без всякого предварительного знакомства с ними казачьей верхушки.¹⁹³ На наш взгляд, функции упомянутого органа были более скромными и ограничивались обсуждением лишь секретных, а также наиболее деликатных и сложных вопросов, требующих предварительного размышления. Сколько-нибудь серьезной роли «совета старшин» в делах Войска (в отличие от круга) документы не фиксируют и, по-видимому, отнюдь не случайно: связи между старшинами носили, как представляется, по большей части неофициальный и полуофициальный характер, а основная часть вопросов обсуждалась и решалась непосредственно в кругу.

Необходимо, однако, уточнить, что понималось в рассматриваемое время на Дону под термином «старшина́», поскольку в историографии, за исключением краткого упоминания в книге В. Д. Сухорукова,¹⁹⁴ этот вопрос не рассматривался. Прежде всего следует отметить, что словом «старшина́» часто именовался войсковой атаман. Так, в Исторической повести о взятии Азова старшиной назван войсковой атаман Михаил Иванов (Татарин).¹⁹⁵ Точно так же он назван и в расспросных

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 89–90.

¹⁹² Сватиков С. Г. Донской Войсковой круг // Донская летопись. Вена, 1923. № 1. С. 193. (Из последних работ со ссылкой на С. Г. Сватикова о «совете старшин» кратко упоминает С. И. Рябов.)

¹⁹³ См., к примеру: Донские дела. Кн. 2. Стб. 124; Кн. 4. Стб. 446.

¹⁹⁴ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 392–393.

¹⁹⁵ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 54.

речах присланных с Дона в Москву атамана П. Петрова с казаками (июль 1637 г.).¹⁹⁶ Старшиной именуется в источниках и войсковой атаман «рославских казаков» (см. выше) Тимофей Коробкин.¹⁹⁷ Можно привести также такой пример. В расспросных речах воронежца М. Иванова (Чурносова), ставшего очевидцем взятия турками и татарами в 1643 г. Монастырского Острова и перенесения казачьего центра в Раздорский городок, говорится, что уцелевшие от разгрома казаки вместо убитого атамана О. Петрова «выбрали у себя в старшины ата[маном] Ивана Каторжново» (речь идет также о войсковом атамане).¹⁹⁸ Приехавшие «из Войска» в сентябре 1648 г. для богомолья в Москву казаки Т. Иванов с товарищами показывали во время расспроса, что в Войске «старшина у них ныне Наум Васильев»,¹⁹⁹ и т. д.

С другой стороны, упомянутый термин употребляется в значении казачьей (прежде всего атаманской) верхушки. Так, присланный летом 1637 г. на Дон с государевым жалованием дворянин С. Чириков писал в своем статейном списке, что вскоре после взятия Азова казаки пригласили его идти «с отаманы с их старшинами в город в Озов» для осмотра последнего.²⁰⁰ Он же употребляет фразу «старшины и казаки».²⁰¹ Находившийся в 1648–1649 гг. на Дону с отрядом «солдат» воевода А. Лазорев писал в Москву о своих обращениях к «старшинам и всему Войску».²⁰² В отписке и расспросных речах дворянина Ж. Кондырева и «каширяннина» П. Красникова, побывавших летом 1646 г. в донском центре и ставших очевидцами спора между казачьей верхушкой и рядовыми казаками по вопросу об исполнении государева указа о походах на море, употребляются такие слова: «а пошли де на море рядовые казаки, а старшины де атаманы никто не пошол...»; в кругу «атаман де и старшины, лутчие люди, им (казакам. – О. К.) говорили...».²⁰³

¹⁹⁶ «А старшина у них (казаков. – О. К.) <...> войсковой атаман Михайло Татарин»; РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 304.

¹⁹⁷ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 609. (Расспросные речи в Разряде сына боярского Е. Рязанцева, посылавшегося с грамотой к этим казакам.)

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1. Л. 550. Ср. с л. 556–557. (Известие о гибели Осипа Петрова впоследствии не подтвердилось; по-видимому, он был серьезно ранен.)

¹⁹⁹ Донские дела. Кн. 4. Стб. 16.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 358.

²⁰¹ Там же. Л. 357. См. также л. 353 и 354.

²⁰² Донские дела. Кн. 4. Стб. 241.

²⁰³ Там же. Кн. 3. Стб. 423; Кн. 2. Стб. 921. «Каширяннин» – служилый человек из г. Каширы.

Как видно из приведенных примеров, термин «старшины» в рассматриваемое время по преимуществу обозначает атаманов. Подобный же вывод можно сделать и на основании следующих известий. В августе 1655 г. атаман Кузьма Дмитриев с казаками, рассказывая в Москве об отправлении из Войска летом этого года на море 43 стругов, прибавляли: «а старшина де с ними (ушедшими в поход. – *О. К.*) пошел Павел Чесночихин». В 1659 г. атаман Тимофей Иванов с казаками также показывали в расспросе, что в начале июня того же года с Дона было отправлено на море 30 стругов с казаками, «а старшина де у них Корней Черкес».²⁰⁴

Наконец, термин «старшина» (или «войсковой старшина») мог обозначать и особый пост у казаков, который в источниках указанного периода упоминается только в походных формированиях. Так, в отписке воевод г. Терки от осени 1647 г. сообщалось о приходе на Терек в пустующий казачий Курдюков городок 42 казаков, которые, бросив свой струг, отделились («отстали») «от атамана от Паршика, и от ясаула, и от войскового старшины», «воровавших» с крупным отрядом казаков на Каспийском море.²⁰⁵ Должности старшин существовали и в повстанческих отрядах С. Разина.²⁰⁶

С. Г. Сватиков считает, что старшинами именовались в рассматриваемый период также «лучшие» казаки. При этом он приводит отрывок из наказа отправленному в 1623 г. на Дон с государевым жалованием кн. М. Белосельскому. Согласно наказу, последнему было предписано, призвав к себе «лутчих атаманов Исая Мартемьянова, да Елиху Родилова, и иных атаманов, и есаулов, и казаков старых и лутчих, которых Войско слушает» с целью убеждать их, чтобы они «государева повеления не ослушались <...> и на моря под турского царя города, и на крымские улусы не ходили...».²⁰⁷ «Здесь очень точно описана группа, получившая с 1640 г. (похоже, тут опечатка; вероятно, с 1640-х гг. – *О. К.*) название “старшины”», – заключает автор.²⁰⁸ Между тем, как мы видели, источники не дают основания для столь однозначного вывода. Можно лишь осторожно предположить, что данное звание с середины XVII в.

²⁰⁴ Там же. Кн. 5. Стб. 27, 490.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1647 г., № 1. Л. 252. («Паршик» – донской «воровской» атаман Парфен Иванов.)

²⁰⁶ См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Т. 1–4. Сб. документов. М., 1954–1976.

²⁰⁷ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 122, примеч. 217.

²⁰⁸ Сватиков С. Г. Донской Войсковой круг. С. 193.

начинает употребляться по отношению к наиболее известным в Войске казакам – прежде всего тем, которые ранее занимали атаманские посты. Возможно, что именно в этом значении термин «старшина» употреблен по отношению к П. Чесночихину (см. выше). Косвенно в пользу данной точки зрения может говорить и следующее известие. В войсковой отписке от конца марта 1660 г. казаки, сообщая о разгроме по указу из Москвы «воровского» казачьего городка Риги (близ Паншина), писали, что захваченных у мятежников «старшин их воровских забродчиков, атаманишка их Ваську, да ясаулишка их Петруньку с товарищи, десяти человек, привезли для вершения (казни. – О. К.) <...> к Войску живых». ²⁰⁹ (Похоже, впрочем, что здесь, судя по дальнейшему содержанию отписки, под «старшинами» все-таки подразумеваются лишь атаман и есаул – далее речь идет только о них одних.)

Таким образом, слово «старшина» могло значить как «атаман» (в том числе войсковой), «старший над казаками», так и должность в ряде казачьих формирований, а также, возможно, личный статус в Войске наиболее заслуженного казака, не занимавшего в данный момент атаманской должности, но по своим заслугам, опыту и влиянию резко выделявшегося в казачьей среде. Как видим, понятие «старшина» в качестве обозначения казачьей элиты в целом в рассматриваемый период еще не было устоявшимся и пока только формировалось, прежде чем стать тем устойчивым обозначением для узкого круга наиболее влиятельных в Войске лиц (причем не атаманов на данный момент), которое видим с конца XVII в. Уверенно говоря о появлении на Дону этой группы в 1640-е гг., С. Г. Сватиков, на наш взгляд, модернизирует ситуацию. ²¹⁰

²⁰⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 658.

²¹⁰ В вышедшей годом позже после статьи в «Донской летописи» книге «Россия и Дон (1549–1917)» С. Г. Сватиков выражается несколько более осторожно: «Естественно было для атамана (войскового. – О. К.) в особенно важных и затруднительных случаях, прежде чем созвать Войско и предложить ему то или иное решение, призвать к себе для совета тех, кто занимал ранее должности атаманов (войсковых, походных, станичных), бывших послов в Москву, и т. п.» (действующие атаманы из этого перечня почему-то выпадают). При этом автор говорит, ссылаясь на наказ кн. М. Белосельскому, что «совет старшин» «фактически существовал уже с начала XVII в.», а сама данная группа получила название «старшины» с 40-х гг. XVII в. «Таким образом, – заключает С. Г. Сватиков, – складывалось новое учреждение, получившее в XVIII веке название “собрание старшин” и сыгравшее видную роль в управлении и политической жизни Дона» (Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 39–40). Недостаточная источниковедческая проработка автором данного вопроса, думается, очевидна.

Однако далеко не всегда влиятельные среди казаков люди выбирались на атаманские должности – например, из-за отсутствия организаторских или иных способностей. Но их роль в жизни казачьего сообщества традиционно была велика (в московской документации таковые именуются «лучшими людьми»). Без опоры на казачью верхушку (условно мы относим к ней и «старых казаков») власть войскового атамана, по-видимому, не мыслилась. При этом среди казачьей верхушки существовали, надо полагать, свои партии, боровшиеся, возможно, за власть и своего ставленника на пост войскового атамана. Косвенно об этом говорит следующий факт.

Летом 1643 г., когда казакам «учинилась весть» о готовящемся «приходе» (нападении) на них «турских и крымских людей» из Азова (казачье Войско в тот момент было сильно ослаблено потерями 1641–1643 гг.), в войсковом кругу по инициативе небольшой части круга («немногих атаманов и казаков») обсуждался вопрос об отправке к калмыкам посольства с подарками («с сукнами и поречными») для призыва последних для помощи казакам. На это «иные де атаманы учали говорить и встречать (возражать. – *О. К.*), что калмык призывать нелзе: толко де калмыки придут к ним на помочь, и от них <...> помочь будет ли, или не будет, про то <...> знать не мочно», а от великого государя казакам за это «быть в опале, а украинным городом будет (от калмыков. – *О. К.*) разоренье». Тогда «Иван де Катаржной, да Федос Болдырь, Кирей Степанов с своими советники в те поры учали говорить: для чего де им в калмыки не посылать? хотя де что-нибудь над украинными городами сделается, толко бы де им себе помочь учинить и с недруги своими управиться» (курсив наш). В результате посольство к калмыкам все-таки было отправлено. Тогда же И. Каторжный «с своими советники» отправили еще одно посольство с целью «призывать к себе Салтанаша-мурзу».²¹¹ (Войсковым атаманом на Дону тогда был, судя по всему, тот же Иван Каторжный – по крайней мере в войсковой отписке в Москву, отправленной в середине июля этого года, стоит его имя, а данные события происходили «в Петрово говенье», т. е. в конце мая–начале июня.) Как видно из данного документа, роль «советников» при

²¹¹ Акты исторические... Т. 3. С. 476–477. (Расспросные речи в Воронеже донского станичного атамана Т. Корякина, приехавшего «к Руси» из Раздорского городка и просившего об испомещении.) Калмыки находились на тот момент во враждебных отношениях с Русским государством. «Поречные» – меха норки.

войсковом атамане была весьма велика, хотя других документов, с такой же полнотой и знанием реалий донской жизни передающих обсуждение спорных вопросов на войсковых кругах, нам не встречалось. Мысль, а точнее – предположение о существовании в Войске казачьих партий, боровшихся за своего ставленника на пост войскового атамана, принадлежит С. З. Щелкунову. В частности, именно этим он объяснял в ряде случаев смену на Дону войсковых атаманов.²¹² Нам представляется данное предположение заслуживающим внимания.

Именно «старые», «лутчие» казаки (совместно со старшинами) играли, надо полагать, ведущую роль на войсковых кругах. Не случайно от кн. М. Белосельского требовалось заручиться влиянием таких людей, поскольку их «Войско слушает» (см. выше). В частности, думается, именно эти люди взяли в свои руки инициативу по ведению круга и отстранили атамана Н. Васильева при уже отмеченном разбирательстве по поводу «вины» перед казаками воеводы А. Лазорева (см. выше). Впрочем, сказанное относилось лишь к обсуждению дел и предложений возможных решений по ним, но, в конечном счете, решающее слово оставалось все-таки за казаками, поскольку итоговое решение выносило «все Войско», т. е. казачий круг в целом, и в первую очередь – рядовое казачество.

В рассматриваемый период еще не наблюдается, как в более позднее время, ситуации, когда «лучшие» (они же – наиболее состоятельные) казаки навязывали остальной части круга свои решения. В данное время наблюдалась как раз обратная картина: рядовая часть казачества заставляет подчиниться своей воле казачью верхушку,²¹³ а последняя руководствуется в своей деятельности в первую очередь именно интересами основной части казачества. Характерен в данном отношении следующий эпизод. Когда в 1646 г. на Дон в помощь казакам было прислано большое количество «вольных ратных людей», прибранных в южнорусских городах для службы в Войске, на Дон их сопровождал и должен был передать в подчинение «атаманам и казакам» дворянин Ждан Кондырев. Одной из главных задач

²¹² Щелкунов С. З. Донские атаманы первой половины XVII в. // Сб. ОВДСК. Новочеркасск, 1915. Вып. 13. С. 132.

²¹³ Как уже упоминалось, под «казачьей верхушкой» мы подразумеваем в первую очередь действующих и бывших атаманов, лишь условно включая в нее также «старых и лучших» казаков.

перед казаками был поставлен поход под Крым, но при этом запрещалось предпринимать какие-либо враждебные действия против Азова и Турции. Как сообщал в Москву Ж. Кондырев, несмотря на противодействие старшин, настаивавших на выполнении государева указа, круг постановил предпринять в первую очередь именно поход под Азов (так как, говорили казаки, «турской де царь с крымским за-один» и русскому государю от них «грубости много»). Данное решение было незамедлительно исполнено. Когда Ж. Кондырев «с товарыщи» поинтересовались у войскового атамана О. Петрова, почему старшины допустили поход, резко противоречащий государеву указу, последний ответил: «люди де у нас вольные», добавив, что на его слова об исполнении указа из Москвы круг ответил отказом.²¹⁴

Вскоре казаки решили повторить поход под Азов. Согласно показаниям очевидцев, при этом «атаман де и старшины, лутчие люди» казакам говорили: «государев де указ вы ведаете, что над Азовом промышлять нам не велено, и турских городов не воевати». Тогда «на них де всем Войском <...> зашумели: то де вы отводите, что под Азов не итить, а Азов де турецкого и крымского царя вопче (общий. — О. К.) — живут в нем турецкие и крымские люди, и в Русь ходят воевать безпрестанно» и т. п. В результате казаки «всем Войском приговорили на том, что им под Азов итить тотчас и над ним промысл чинить».²¹⁵

Летом 1647 г. казачьи «старшины» отказались от участия в походе на море, предпринятом казаками в нарушение указа из Москвы. В результате эта морская экспедиция была осуществлена силами лишь рядовых казаков. Так, согласно расспросным речам в Москве каширянина П. Красникова, «пошли де на море рядовые казаки, а старшины де атаманы нихто не пошел для тово, что им (казакам. — О. К.) по государеву указу с турецкими людьми задиратца не велено».²¹⁶ Таким образом, далеко не всегда казачья верхушка могла настоять на своем во время споров с казаками и лишь демонстративным отказом участвовать в замышлявшихся авантюрах могла выразить свое недовольство решениями казачьего большинства.

Перейдем, насколько это позволяют источники, к рассмотрению

²¹⁴ Донские дела. Кн. 2. Стб. 920. (Отписка Ж. Кондырева в Москву от июля 1646 г.)

²¹⁵ Там же. Стб. 921.

²¹⁶ Там же. Кн. 3. Стб. 423. (Расспросные речи в Посольском приказе каширянина П. Красникова от августа 1646 г.)

иных вопросов, связанных с функционированием Войска. Административная жизнь в донском центре была сосредоточена, помимо войскового круга, также, по-видимому, в войсковой избе.²¹⁷ В литературе отмечено, что в Монастырском городке казачий круг собирался у часовни, в Черкасском городке – на майдане (площади) у Воскресенского собора (построен в начале 1650-х гг.). Здесь же, по-видимому, находилась и войсковая изба, в более позднее время именовавшаяся «войсковой канцелярией».²¹⁸ В войсковой избе хранилась, надо полагать, войсковая документация. На последней следует остановиться особо.

Мы уже говорили, что переписка Донского Войска с Москвой велась регулярно. В государевых грамотах на Дон помимо текущих дел видим также основные распоряжения русского правительства донским казакам – государевы указы. Содержание их довольно интересно, так как говорит о повседневной деятельности казаков. Вот один из наиболее часто повторяющихся в государевых грамотах моментов, который дается нами по грамоте на Дон от 20 сентября 1637 г.: «А что у вас про воинских людей, про крымских и про нагайских мурз какое ведомо есть, или што вперед объявитца – где ныне царь (крымский. – *О. К.*) или царевичи, и что их умышление, и не чаять ли их войною на наши украины; и где ныне нагайские мурзы с улусы своими кочуют, и чего от них вперед чаять, про то б есте про все проводывали подлинно. Да будет у вас прямые вести будут, что крымской царь в наше Московское государство войною пойдет, или царевичей и мурз с воинскими людьми пошлет, и вы б службу свою и радение к нам, великому государю, показали, и на сакмах, и на реках по перелазом над ними промышляли всякими мерами с великим радением, сколько милосердый Бог помочи подаст. <...> И о том бы есте о всем писали к нам к Москве наскоро, чтоб нам про то было ведомо».²¹⁹ Нередко писали и короче, например: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б, атаманы и казаки, на нашу царскую милость и жалованье были надежны безо всякого опасенья, и нам, великому

²¹⁷ Термин вводится по аналогии со «станичной избой».

²¹⁸ На плане г. Черкаска конца XVIII в., приложенном к книге А. И. Ригельмана «История или повествование о донских казаках» (М., 1846), войсковая канцелярия находится против соборной церкви и колокольни, на другом конце площади, в пределах Павловской станицы Черкаска.

²¹⁹ Донские дела. Кн. 1. Стб. 571–572.

государю, служили и радели, и промышляли <...> по нашему указу, как к вам от нас в наших царских грамотах писано наперед сего. <...> А что у вас будет вперед каких вестей, и вы б о тех вестях к нам писали, проведав подлинно, с легкими станицами, чтоб нам о всем, что у вас учнет делатца, про всякие вести подлинно было ведомо».²²⁰

Безусловно, регулярные ответы на данные вопросы (тем более что только этим переписка донских казаков с Москвой далеко не ограничивалась) требовали и растущей документации. Помимо сообщений о собственных боевых делах, казаки очень часто присылали ценные для Москвы вести о татарах и турках. Так, весной 1644 г. казаки сообщали в Москву об указе крымскому «царю» (хану) от турецкого султана идти «со всем Крымом <...> на Русь и до Оки войною», а также о готовящемся выступлении татар в поход.²²¹ В войсковой отписке в Москву от ноября 1646 г. также говорилось, что вскоре «одноконешно (обязательно. – О. К.) де ему, крымскому царю, будет подъем» на войну против Русского государства.²²² Казачьи сведения, как правило, отличались точностью, так как показания одних «языков» казаками нередко перепроверялись во время допросов других (зачастую – под пыткой).

Иногда по казачьим «вестям» о татарских набегах принимались незамедлительные меры. Так, когда в мае 1647 г. с Дона сообщили, что «ис Крыму <...> крымские мурзы пошли с ратными людьми в твои государевы украинных городов в уезды войною, а крымских, государь, татар с мурзами тысяч с пять, а идут, государь, те крымские мурзы с ратными воинскими людьми (рекой. – О. К.) Конскими Водами», то, согласно сделанной в Москве на войсковой отписке помете, «государь, се[й] отписки слушав, указал отписать на Ливны и по местом (по местам. – О. К.) <...> о береженье...».²²³

Однако существовала переписка казаков не только с Москвой, но и с русскими «украинными» городами, бывшая, правда, не столь регулярной; она вызывалась всякий раз каким-либо конкретным поводом. Чаще всего это была отправка к казакам на Дон служилых людей из Воронежа, Астрахани или Царицына с целью сбора информации («для вестей») о татарах. Последняя сопровождалась, как правило, отправлением к «донским атаманам и казакам»

²²⁰ Там же. Кн. 2. Стб. 73–74. (Государева грамота на Дон от октября 1640 г.)

²²¹ Там же. Стб. 525.

²²² Там же. Кн. 3. Стб. 553.

²²³ Там же. Стб. 673–675.

соответствующей воеводской отписки. Что интересовало воевод в первую очередь, хорошо видно из следующего документа. В феврале 1651 г. астраханские воеводы писали в Москву, что они посылали на Дон через степь «к донским атаманом и казаком к Науму Васильеву и ко всему Донскому Войску с отпискою сотника стрелецкого Петра Балакирева, а с ним пяти человек стрелцов, да десяти человек татар, а в отписке к атаманом и казаком писали: что у них на Дону турских, и крымских, и азовских, и черкас запорожских, и калмыцких вестей ведомость, и они б о том к нам, холопом твоим (воеводам. – *О. К.*), отписали. А сотнику стрелецкому Петру Балакиреву, будучи на Дону, по тому ж велели проведывать (у казаков. – *О. К.*) про турские, и крымские, и азовские, и про литовские, и про черкас запорожских, и про калмыцкие вести; и твоим государевым посланником в Крыму нет ли от крымских людей какие тесноты и нужи, и в которых местех ныне ногайские Урмаметевы мурзы с улусы своими кочуют, и не чають ли турских, и крымских, и азовских ратных людей, и запорожских черкас приходу войною на твои государевы украинные города, и к твоей государеве отчине к Астарахани, и к Терку, и в ыные места. И крымской царь и царевичи ныне в Крыму ли, или куды войною пошли, и многие ль с ними люди» и т. д. «А проведав ему, Петру, про всякие вести подлинно и взяв у донских атаманов и казаков отписку», стрелецкому сотнику было велено ехать обратно в Астрахань.²²⁴

Казаки по возможности отвечали на данные вопросы – информация такого рода была у них постоянно, и о подобных отписках в города время от времени упоминается в источниках. Бывало, что отправлялись войсковые отписки и по инициативе самих донских казаков. Так, в сентябре того же 1651 г. в Астрахани была получена отписка с Дона о возможном «приходе» в ближайшее время крымцев к Астрахани и Терку по просьбе кочевавшего там с улусами ногайского Чебан-мурзы Иштерекова. После того как была получена донская отписка, астраханские воеводы «того ж числа» писали об этом воеводам в Царицын, Черный Яр «и на Терек <...> чтоб им (воеводам. – *О. К.*) про то было ведомо, и чтоб они в тех городех жили с великим береженьем».²²⁵ Бывала и обратная ситуация. Так, в июне 1657 г. на Дон из Астрахани была прислана отписка, информировав-

²²⁴РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1651 г., № 1. Л. 174.

²²⁵Там же. Л. 201–202.

шая казаков о поступлении калмыков под «высокую руку» русского государя. В соответствии с этим известием из Черкасского городка вверх по Дону сразу же была отправлена войсковая грамота с распоряжением казакам «не чинить» с калмыками «никакова задору».²²⁶ Можно приводить и другие примеры переписки.

Таким образом, корреспонденция у Войска была довольно многочисленная, если принять в расчет не только присылавшиеся на Дон «государевы грамоты» и грамоты из южных городов, но и, возможно, также черновики казачьих отписок в Москву, а кроме того – переписку с Запорожьем, материалы дипломатических связей с Азовом и соседними кочевыми народами. Итак, в войсковой избе хранилась, надо полагать, вся эта многочисленная документация, а также, по видимому, финансовые документы. Это же учреждение, возможно, имели местом своего пребывания войсковой атаман и войсковой дьяк. Поскольку административная организация у донских казаков не была разветвленной, то войсковая изба являлась, скорее всего, единственным в Войске подобным учреждением.

Неотъемлемой составляющей Войска были также «отъезжие караулы» и «заставы», значение которых для функционирования данного образования было очень велико. Известия о них неоднократно встречаются в источниках. Так, по сообщению посылавшихся в 1637 г. на Дон с грамотой сына боярского И. Рязанцева и вожа С. Деревягина, после взятия Азова здесь «для береженья и для розъездов» было «устроено <...> казаков конных человек с 400», которые «розъезжают около города для (обнаружения. – О. К.) приходов воинских людей верст по 10 и по 20 на день».²²⁷ В мае 1639 г. 9 ногайских татар, вернувшихся в Астрахань с Дона – «Култайко Бузулбаев с товарищи», показывали в расспросе, что во время их пребывания в Азове сюда приехали из степи «степные караульщики, донские ж казаки, которые караулят и бывают в отъезде», сообщившие в кругу, что «видели они на взморье у Дону большой карабль».²²⁸ Упоминаются «заставы» и «отъезжие караулы» и в Черкасском городке. В частности, в войсковой отписке от апреля 1657 г. казаки писали в Москву, что, несмотря на мирный договор с Азовом, у них «заставы <...>

²²⁶ Донские дела. Кн. 5. Стб. 200–201.

²²⁷ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 347.

²²⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 92. (Татары эти были направлены на Дон по распоряжению астраханских воевод.)

были и отъезжие караулы по многим местам».²²⁹ Можно привести и другие подобные примеры. И лишь однажды, в ноябре 1637 г., вернувшийся с Дона в Астрахань астраханский татарин А. Тойтюшев показывал в ходе расспроса, что «по вестям» об отсутствии военной опасности у казаков в Азове осенью этого года «караулов <...> по городу, и отъезжих застав ни на которую сторону нет...», а сами казаки пребывают в пьянстве («пьют безпрестани»).²³⁰ Однако подобные ситуации были, по-видимому, нечасты.

Важную роль для нормального функционирования Войска играла войсковая казна, о которой также неоднократно говорится в источниках. Так, в войсковой челобитной о жаловании, поданной в Посольском приказе в феврале 1654 г., казаки сообщали, что из двух-трех тысяч рублей «государева денежного жалованья», ежегодно приходящего на Дон, одна тысяча откладывается в казну «для <...> государевых служб, и язышных посылок, и [на] годовые караулы, и на городовые и на подкопные поделки».²³¹

Государево жалование было одним из главных источников поступления средств в войсковую казну. При этом в казну входили не только деньги, но и часть «хлебного жалования», а также порох и свинец, тоже входившие в состав годового жалования Войску. В свою очередь, как видно уже из приведенного выше примера, из войсковой казны шло финансирование значительного числа разного рода мероприятий. Для этого часть государева жалования (а иногда, по сообщениям казачьих отписок, и все оно) поступала в казну; не исключено, что сюда же поступала часть добычи, захваченной во время организованных Войском военных предприятий. В худшие времена практиковался сбор материальных средств между казаками для каких-либо единовременных целей.

Важнейшей статьей расходования этих средств была поддержка выходцев из «полона» и вызволенных казаками из «бусурманского» плена людей во время походов (особенно морских); затраты на эти цели, согласно казачьим отпискам в Москву, были немалыми. В войсковой челобитной от 1654 г., поданной в Посольском приказе одновременно с челобитной, о которой уже говорилось выше, казаки

²²⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 224–225.

²³⁰ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1637 г., № 1. Л. 127–128.

²³¹ Донские дела. Кн. 4. Стб. 747. Предлог «на» в тексте документа отсутствует.

писали, что тысяча четвертей «хлебных запасов» в год у них расходуется на русских и «литовских» (украинских) «полоняников», которых они «отграмливают» у «турских, и у крымских, и у черкесских, и у нагайских людей», а также на тех, которые из неволи «на Дон выходят сами».²³² Слова о тысяче четвертей, по-видимому, преувеличение, однако известия о выделении казачьих средств на нужды выходцев «из полона» встречаются в источниках очень часто. Например, в отписке от 18 ноября того же 1654 г. казаки сообщали в Москву об отправке с Дона вверх по Северскому Донцу 120 человек (включая женщин) «литовского полону Малой Руси», освобожденных в ходе морского похода под Крым летом этого года. При этом казаки писали, что они «тот полон весь поили <...> и кормили на Дону все своим». «А будары, государь, – продолжали авторы отписки, – и запас, и котлы, и топоры, чем бы им (этим людям. – *О. К.*) <...> дорогою едучи кормитца, все, государь, давали им войсковое, а проводить их велели <...> до Полтавы города своим казаком».²³³ Точно так же бывало и при отправке «в Русь» крупных партий русских полоняников, хотя последние, по-видимому, до «украинных городов» по большей части либо добирались сами, либо же казаки отправляли их с возвратившимися с Дона «торговыми людьми».²³⁴

Средства из войсковой казны шли на «корм» русским и турецким послам и посланникам, шедшим из Турции в Россию, прием и отправку посольств к кочевым народам, а также на другие дипломатические нужды. Например, в отписке от апреля 1663 г. казаки прямо писали (на имя государя): «...А приезжают к нам, холопам твоим, из Запорог, [и] из Калмык посланцы для твоих государевых дел и совету, и мы им честь всякую воздаем, и их поим и кормим, и рыбу им, и свежину покупаем, и на дорогу запас им всякой даем же...».²³⁵ В сентябре 1650 г. приехавшие в Москву с войсковой отпиской атаман Андрей Елисеев с казаками показывали во время расспроса, что присланные в этом году на Дон «хлебные запасы» казаки поделили между собой, однако «оставили де тех запасов для корму турецкого посла и для ясырей (т. е. поддержки полоняников. – *О. К.*) <...> 30

²³² Там же. Стб. 759.

²³³ Там же. Стб. 878–879.

²³⁴ Там же. Стб. 879.

²³⁵ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1663 г., № 5. Л. 5.

мешков».²³⁶ Когда осенью 1639 г. под Азов перешла основная часть Большой Ногайской орды, возвращавшейся (не в последнюю очередь благодаря казачьим усилиям) из-под Крыма на свои старые кочевья под Астрахань, казаки, пригласив в Азов татарскую верхушку и приведя ее к «шерти» (клятве на Коране) на верность великому государю, «учели им (мурзам. – *О. К.*) честь воздавать» (угощать), а также выделили последним «корм», покупая для этого за общественные средства «запасы (хлебные. – *О. К.*), и вино, и быки, и бараны, и мед».²³⁷ Подобные примеры можно продолжать.

Финансировалась и отправка на службу казаков с войсковыми целями – в частности, для несения службы в «отъезжих караулах», а также для захвата в степи «языков» (вероятно, речь идет прежде всего о «подъемных» деньгах для приобретения лошадей). Так, в конце 1630-х гг. кони для «донских татар», посылавшихся с дипломатическими целями в кочевавшие под Крымом ногайские улусы, приобретались «войсковыми деньгами».²³⁸ Помимо этого, общественные средства шли на финансирование разного рода служб, для которых трудно было найти добровольцев, – например, на удержание городка на р. Миус зимой 1662/63 г., в котором были оставлены струги после возвращения казаков из морского похода 1662 г.²³⁹ (Москва хотела превратить этот городок в военно-морскую базу для походов казаков морем под Крым, но из-за нежелания последних посылать туда людей этот план был оставлен.)

Наконец, значительные средства уходили на сооружение и починку укреплений. Оборонительным сооружениям в Войске вообще придавалось большое значение. Так, после взятия Азова город был укреплен казаками больше прежнего, на что ушли значительные денежные средства. В скором времени было восстановлено место пролома («проломное место»), образовавшееся после взрыва подкопа, через которое казаки ворвались в город во время штурма. Любопытно, что для этого были наняты греки-каменщики.²⁴⁰ Помимо восстановления «проломного места» по городу были возведены

²³⁶РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 17.

²³⁷РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 12. Л. 123. (Войсковая отписка от ноября 1639 г.)

²³⁸Донские дела. Кн. 1. Стб. 931. (Войсковая отписка от октября 1639 г.)

²³⁹РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1663 г., № 5. Л. 3. (Войсковая отписка от апреля 1663 г.)

²⁴⁰Донские дела. Кн. 1. Стб. 640.

«обламы» – сооружения с бойницами по верху городских стен, а также «поделаны» были «бои пушечные» (бойницы для артиллерии): до этого азовские стены не имели обломов, а пушки стояли на крышах домов, пристроенных к городской стене. Содержание укреплений в порядке также требовало финансирования. Так, в 1639 г. казаки, жалуясь на отсутствие средств в войсковой казне, писали в Москву, что обламы в Азове пришли в негодность, да и стены осыпаются, а средств на их починку («войсковой казны») у них нет.²⁴¹

После взятия казаками Азова непременной составляющей укреплений Войска были подкопы, шедшие на наружную сторону под оборонительными сооружениями. Они упоминаются в Азове перед осадой 1641 г. (посредством взрывов этих подкопов в первые же дни обороны города турецким «воинским людям» были нанесены очень значительные потери). Позднее подкопы становятся непременной составляющей укреплений Черкасского городка. Так, в войсковой челобитной от 1650 г. казаки писали в Москву, что у них «для их («бусурман». – *О. К.*) великих приходов <...> поделаны подкопы около (Черкасского. – *О. К.*) городка с трех сторон».²⁴² Упоминаются подкопы в казачьем центре также в 1653, 1656 и 1659 гг. Предназначение их было, вероятно, двояко – они могли использоваться как для вылазок против неприятеля, так и для поражения его живой силы посредством подрыва. Техника и того и другого была отработана еще в период азовского осадного сидения и, вероятно, не раз использовалась позднее во время «приходов» турок и татар к казачьему центру. Как следует из цитировавшегося документа от 1654 г., на возведение и поддержание этих сооружений в порядке уходили средства (см. выше).²⁴³

Финансировались Войском также другие разного рода мероприятия. Например, за счет войсковой казны производилась даже очис-

²⁴¹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 12. Л. 124. (Войсковая отписка от ноября 1639 г.)

²⁴² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 83.

²⁴³ Донские дела. Кн. 4. Стб. 694, 747; Кн. 5. Стб. 155, 562. Упоминания в казачьих отписках и челобитных о подкопах связаны, как правило, с сообщениями об ожидании прихода на Дон врага и о готовности встретить его. Так, в отписке от ноября 1659 г. казаки писали в Москву: «И мы <...> того приходу его (крымского хана. – *О. К.*) к себе на Дон ожидаем и живем в береженье; и подкопы у нас все для того приходу его поделаны и почицаны (почищены. – *О. К.*)». Как видно из этих слов, подкопам при обороне придавалось большое значение. См.: Донские дела. Кн. 5. Стб. 155, 562; РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 83.

тка от неприятельских трупов улиц Азова после его взятия (последние вывозились за городские стены и сбрасывались в ров или в реку Дон), для чего были наняты «охочие люди» – вероятно, малоимущие казаки и, возможно, находившиеся в то время среди казаков «торговые люди», а также освобожденные в Азове «полоняники».²⁴⁴ За счет общественных средств в начале 1650-х гг. строился и Воскресенский собор в Черкасском городке («дорогой ценой» для этого закупался строевой лес, доставлявшийся с Северского Донца, нанимались плотники и т. д.).²⁴⁵ От июля 1646 г. имеется известие, что из войсковой казны были заплачены деньги отряду запорожских казаков за татарина, захваченного под Азовом с грамотой крымского хана. Войско намеревалось отправить этого татарина к Москве в качестве «языка», и, поскольку упомянутые казаки ходили в поход «для своей добычи, охотою», а не были специально отправлены «для языков», пленника пришлось у них выкупать.²⁴⁶

Как видим, денежные отношения были весьма развиты в Войске, которое в данном отношении отнюдь не было похоже на консервативную или патриархальную организацию. И это неудивительно. Поскольку Войско было центром организации крупных военных предприятий (особенно походов на море), через него проходили крупные финансовые потоки, в конечном счете уходившие «на Русь». Именно на финансировании казачьих походов и скупке военной добычи предприимчивыми «торговыми людьми» из южнорусских городов делались состояния.²⁴⁷

Однако общественные средства имелись в Войске далеко не всегда. Так, в войсковой отписке от ноября 1639 г. казаки писали в Москву, что осенью этого года из Крыма под Азов перешла значительная часть Большой Ногайской орды. При этом казаки дают татарским мурзам «корм», покупая им «запас (хлебный – О. К.), и мяса, и вино»,

²⁴⁴ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 60. (Историческая повесть о взятии Азова.) По словам автора Повести, убитых «бусурман» было так много, что их «выволокли» из города «едва за неделю».

²⁴⁵ Частично деньги на строительство собора были выделены со стороны Москвы.

²⁴⁶ Донские дела. Кн. 3. Стб. 31. (Отписка с Дона дворянина Ж. Кондырева.) Позднее, правда, атаман Л. Пушкинский с казаками во время расспроса в Москве показывали, что «язык» этот был захвачен самими донскими казаками, «а не черкасами», и выкупать его Войску не было необходимости, но тем не менее само упоминание в данном случае войсковой казны показательное. См.: Там же. Стб. 174.

²⁴⁷ См.: Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке. С. 216.

а также «неводь, и суды, и котлы» (последнее, вероятно, предназначалось для улусных людей мурз), средства на это «збирая с своей братьи донских казаков». Причем даже «которой <...> был ногайской есырь бран за саблю» (т. е. захвачен во время набегов на ногайские улусы), казаки возвращали, «покупаючи (его. – О. К.) у своей братьи донских казаков». Все это делалось, как писали казаки в отписке, «для царьского имени», чтобы «и иные мурзы <...> оборотились» под «государеву высокую руку».²⁴⁸ Возможно, впрочем, что все эти средства собирались Войском в долг.

Несколько слов об укреплениях казачьего центра, поскольку оборонительные сооружения в значительной мере являются, безусловно, отражением экономической и политической мощи того или иного поселения. Укрепления донского центра в более раннее время состояли из валов и, возможно, земляных башен («раскатов»). Представление о масштабе этих укреплений дает описание первой четверти XIX в. так называемого Монастырского урочища – бывшего Монастырского городка, являвшегося до лета 1637 г. центром на Дону и заброшенного казаками после взятия Азова: «Ниже по Дону верст 5 (от г. Черкаска. – О. К.) урочище, или городище, именуемое Монастырским. <...> По наименованию его должно думать, что на сем месте был некогда монастырь; но отдельные возвышения и правильные валы и рвы доказывают, что устроения сии были защищены военным художеством. <...> Сие укрепление длиною, по реке, более версты...».²⁴⁹

Сходные укрепления были, как показывают источники, и в Черкасском городке. Так, служилый человек с Валук Н. Зарубин, посылавшийся весной 1650 г. с грамотой на Дон, показывал затем в распросе, что зимой этого года донские казаки «для приходу воинских людей» «зделали в Черкасском земляной новой город и башни поставили деревянные», т. е. обновили укрепления Черкасского городка (на Дон тогда ожидали «прихода» объединенного крымско-запорож-

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 12. Л. 121–122. Ср.: Донские дела. Кн. 1. Стб. 931–932.

²⁴⁹ Кирсанов П. Х. Мысли о происхождении донских казаков // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. С. 490–491. Далее автор, являвшийся полковником (позднее – генерал-майор) Войска Донского, высказывает предположение, что это было то место, на котором прежде находился г. Черкасск. Показательно, что донская традиция не донесла до XIX в. информации об упомянутых сооружениях.

ского войска).²⁵⁰ Две новые башни были построены казаками также в 1657/58 г.²⁵¹

В центральном городке казаков находилась и основная часть казачьего «наряда» (артиллерии). Последний был довольно многочисленным. Так, в 1636 г. (перед взятием Азова) на Дону было, согласно показаниям в Посольском приказе донского войскового атамана И. Каторжного с казаками, около 90 пушек, из которых часть находилась в Нижнем городке (т. е. в Войске), остальные стояли в Черкасском и Манычском городках.²⁵² В Азове у турок было захвачено около 200 орудий; всего же казачья артиллерия в этом городе перед осадным сидением 1641 г. насчитывала 296 пушек, в основном среднего и мелкого калибра.²⁵³ Много орудий из этого числа, правда, было испорчено в ходе обороны Азова – по сообщению автора Поэтической повести об азовском осадном сидении, турки с помощью тяжелой стенобитной артиллерии у казаков «наряд <...> пушечной переломали весь». ²⁵⁴ Большею же части орудий казаки лишились, по-видимому, при взятии турками и татарами в 1643 г. Монастырского Острова.

Львиная доля казачьего «наряда» (в войсковых отписках он иногда именуется также «снарядом») захватывалась казаками во время походов, в основном на море; иногда артиллерийские орудия присылались из Москвы. Так, когда в 1657/58 г. казаки построили в Черкасском городке две башни с тремя «боями пушечными» в каждой, им было выделено по войсковой челобитной 6 орудий к ним.²⁵⁵ Казачья артиллерия стреляла, по-видимому, по большей части картечью («дробью»), иногда из Москвы по просьбе казаков присылались ядра.

Черкасский городок со временем, по-видимому, увеличивался в размерах, и уже в 1659 г. видим «в Войске» Верхний и Нижний городки. В частности, летом этого года атамана Тимофея Иванова с казаками, прибывших в Москву с войсковой отпиской, спрашивали в Посольском приказе: «в Войске у них (казаков. – *О. К.*) в Ниж-

²⁵⁰ Донские дела. Кн. 4. Стб. 496.

²⁵¹ Там же. Кн. 5. Стб. 324.

²⁵² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 51.

²⁵³ Донские дела. Кн. 1. Стб. 642; Кн. 2. Стб. 51. (Войсковые отписки от 3 декабря 1637 г. и 10 сентября 1640 г.)

²⁵⁴ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 74.

²⁵⁵ Донские дела. Кн. 5. Стб. 324–325.

нем и в Верхнем городке, и в иных городках морового поветрея нет ли?», на что станичники отвечали отрицательно. Данная ситуация, возможно, положила начало существованию нескольких казачьих станиц в составе Войска – в 1673 г. их было 3, а к концу XVII в. насчитывалось уже 11.²⁵⁶

В цитировавшемся документе нет сведений о расположении 2 упомянутых городков. Возможно, один из них находился в «Рыкове урочище», где позднее видим Скородумовскую и 3 Рыковские станицы, относящиеся к Черкасску. Не исключено, однако, что упомянутые городки соответствовали позднейшим Черкасской и Павловской станицам. Если учесть, что при перенесении в 1644 г. Войска из Раздорского в Черкасский городок территория заселения была увеличена, то помимо старого поселения на месте прежнего Черкасского городка могло возникнуть новое, которое тогда же или позднее получило название Павловской станицы. При этом укрепления Черкасского городка сохранились и были дополнены еще одними, возведенными при новом поселении. Переселение Войска из Верхних Раздор в Черкасский городок состоялось при войсковом атамане Павле Федорове, и название позднейшей Павловской станицы происходит, вполне возможно, от его имени. Характерно, что, согласно уже упоминавшемуся плану А. И. Ригельмана, площадь, на которой собирался войсковой круг в XVIII в., находится ближе скорее к Павловской, чем к Черкасской станице; в пределах первой расположена и войсковая канцелярия.²⁵⁷ Данный вопрос, впрочем, нуждается в дополнительной разработке.

Завершая рассмотрение Войска как отдельной структуры на Дону, следует сказать и об остальных казачьих городках. Их внутренняя организация напоминает устройство «Войска». Во главе казачьих городков стоял станичный атаман, избиравшийся на станичном кругу, при этом само казачье население городка носило название «станицы». Административным центром городка была станичная изба (упоминания о таковых встречаем в документе от 1675 г.).²⁵⁸

²⁵⁶ См.: Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 381.

²⁵⁷ См. план Черкаска конца XVIII столетия, приложенный к книге А. И. Ригельмана «История или повествование о донских казаках».

²⁵⁸ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 7, примеч. 23.

Функции станичного круга были схожи с войсковым кругом. В частности, он так же собирал информацию о противнике и о происходивших на Дону и в окрестностях городка событиях; здесь спрашивались люди, обладавшие такой информацией. Последняя таким образом подчас молниеносно распространялась по «реке». Вот наиболее характерный эпизод такого рода. В отписке воеводы г. Валук от конца августа 1641 г. сообщалось о прибытии с Дона в этот город из казачьего городка Каргалы белгородца Е. Еремеева и «черкашенина» Г. Герасимова. Последние в расспросе показали, что при них 6 августа в городок Каргалы приехали из Черкасского городка два донских казака, В. Болдырь и И. Тамбовец, сообщившие в упомянутом городке «в кругу донским козакам атаману Леонтию Никифорову с товарищи» следующее. 3 августа «прибежали при них (В. Болдыре и И. Тамбовце. — О. К.) из Азова из осады <...> в Черкасской городок два черкашенина», которые «сказывали <...> в Черкасском городке донским козаком, атаману Степану Иванову с товарищи в кругу...» (далее следует довольно подробный рассказ о драматичном ходе обороны Азова).²⁵⁹

Укрепления казачьих городков состояли обычно из земляных валов, либо деревянного тына, или же двух плетней, пространство между которыми было заполнено землей. Так описывал казачьи городки К. Крюйс, проезжавший в 1690-е гг. по р. Дон с царем Петром.²⁶⁰ Казачьи «плетяные городки», бывшие у татар притчей во языцех, поскольку взять их можно было лишь с большим трудом, упоминаются в одном из документов за 1639 г.²⁶¹ Проезжавший в 1660-е гг. по казачьим городкам турецкий путешественник Эвлия Челеби характеризует их как «сильные крепости».²⁶²

²⁵⁹ Акты Московского государства. Т. 2. С. 122.

²⁶⁰ Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961. С. 54.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 73.

По словам переезжавших в Азов из Крыма ногайских татар, турецкий султан в связи с необходимостью похода под Азов якобы говорил следующее: «Коли де донские атаманы, и ясаулы, и казаки живали на Дону в плетяных городках — и тогда де их взяти и из городков выгнати было не уметь. А ныне де взяли они Азов, и в Азове укрепились...» (Из расспросных речей в Астрахани посылавшегося на Дон сына боярского А. Еремеева). Впрочем, здесь перед нами, думается, взгляд на положение дел в связи с пребыванием казаков в Азове скорее самих татар, нежели подлинный слова султана.

²⁶² Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 179, 181, 184, и др.

Общедонские функции Войска

Перейдем к рассмотрению общедонских функций Войска. Деятельность Войска как общедонской организации казаков не ограничивалась сбором информации о противнике, организацией военных предприятий (в первую очередь на море), отправкой казачьих станиц в Москву и получением «государевых грамот», адресованных на Дон, а также приемом и отправлением послов в окрестные народы, о чем уже упоминалось выше. Помимо всего этого Войско осуществляло также стратегические функции на Дону. Как крупная военная сила оно контролировало низовья Дона близ турецкого Азова, где был традиционный пункт сосредоточения сил «бусурман» перед набегами «в Русь» и на казачьи городки, а также перекрывало последним речной и в какой-то мере степные пути вверх по Дону. В результате мероприятия турок, крымцев и азовцев по «сведёнию» («сбиванию») казаков «с реки» для первых превратились в череду, как правило, безуспешных осад донского центра и боев под его стенами (так было в 1638, 1641, 1643, 1644, 1645, 1647, 1648, 1649, 1656, 1657, 1658 и в другие годы). Лишь однажды, в мае 1643 г., «турским», крымским, азовским и темрюцким «воинским людям» удалось взять центральный городок казаков под названием Монастырский Остров. Тогда казачье Войско возродилось в Раздорах, где сумело в ходе тяжелых боев выдержать натиск неприятеля, но низовья Дона были на тот момент для казаков потеряны. Лишь летом 1644 г. казаки вернулись «на низ», где Войско обосновалось на месте прежнего Черкасского городка, годом ранее оставленного казаками. Катастрофой для казачьего Войска едва не закончилась и оборона Азова от турок в 1641 г., когда Войском велись, и, похоже, вполне серьезно, переговоры о сдаче,²⁶³ а казаки из городков собирались, бросив свои жилища, уходить вверх по Дону и «в Русь» (см. примеч. 79, гл. 1 настоящей работы).

²⁶³ Так, приехавший из-под Азова в ногайские улусы в августе 1641 г. ногайский татарин «Акимбет-мурзина улуса Аксакова» по имени Оллак рассказывал находившемуся на тот момент в этих улусах сыну боярскому И. Острикову, что донские казаки просили турецких пашей выпустить их из Азова с оружием, а также «с женами и з детми». В противном случае казаки угрожали оборонять город до конца. «А будет де им, донским козаком, сидеть в Азове невмочь, и они де <...> наставят в городе под стенами бочки з зельем, и те бочки запалят, и городовые де стены взорвут – хотя де их донских казаков и побьет, а живы им не дадутца», – показывал упомянутый татарин. См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1641 г., № 1. Л. 117.

Стратегическое значение Войска очень хорошо осознавалось казаками. Так, в своих отписках и челобитных в Москву 1640-х гг. и ряда других лет казаки, прося материальной и военной поддержки в Москве, обосновывали это тем, чтобы Войску «от голоду и нужи розно не розбрестись» (не разойтись из центрального городка как из-за недостатка хлеба, так и военной опасности) и, вследствие этого, «турской судовой рати до Воронежа не пропустить».²⁶⁴

Другие общедонские функции Войска выясняются из содержания казачьих войсковых грамот, рассылавшихся из донского центра вверх по Дону. Рассмотрение содержания этих грамот, являющихся важнейшим источником по изучению функционирования войсковой организации на Дону, никем из исследователей до сих пор предпринято не было. Всего в источниках 1637–1667 гг. нам встретилось 30 известий о 24 таких войсковых грамотах, отправленных из Войска вверх по Дону (включая одну грамоту на Северский Донец). При этом 14 упоминаний об этих грамотах встречено нами в опубликованных, 16 – в неопубликованных документах. Это 2 грамоты за 1637 г. (5 упоминаний), 4 – за 1638 г. (также 5 упоминаний), 2 за 1639, 1 за 1640 (2 упоминания), 2 за 1641 г., 1 от зимы 1641/42 гг., 2 за 1643 (3 упоминания), по одной – от 1646, 1650, 1652 гг., 2 за 1655, 1 за 1657, 2 за 1659 г. и по одной – от 1660 и 1666 гг. (возможно, правда, что последняя грамота могла быть от 1665 г.). Из этого числа, как уже сказано, текст двух таких грамот до нас дошел полностью (в 1638 г. 2 грамоты были переписаны в верхних городках служилыми людьми, посланными из Воронежа на Дон для «проведывания вестей»). Особо следует отметить не вошедшее в данный перечень «войсковое письмо» на Хопер и Медведицу с разрешением кочевать калмыкам в этих местах (зима 1661/62 г.) и отписку в Войско казаков одного из верховых городков (Иловли или Кагальника) от 1658 г. Безусловно, это лишь небольшая часть грамот такого рода, существовавших в действительности. Подавляющее число сообщений об этих грамотах принадлежит вернувшимся с Дона «торговым» и служилым людям и носит в значительной мере случайный характер. В документах же казачьего происхождения встречаем лишь 3 таких сообщения (2 – в расспросных речах казаков в Москве и 1 в войсковой отписке за 1666 г.), причем они – наиболее лаконичные. Отправка войсковых грамот вверх по Дону продолжалась и в более позднее

²⁶⁴ См., например: Донские дела. Кн. 3. Стб. 775, 818, 819 и др.

время. Так, даже в 1670 г., в разгар восстания С. Разина, из Войска была отправлена грамота с предупреждением о возможном набеге азовцев под верхние городки.²⁶⁵

Наиболее часто встречающееся содержание в подобных грамотах – это распоряжение казакам из верхних городков ехать «в Войско» (12 грамот). Такое указание могло даваться как по весне (5 случаев), так и в течение года «по вестям» о готовящемся нападении на донской центр (7 случаев). Часто встречающееся содержание грамот – это предупреждение в верхние городки об опасности и «бережении» от возможного нападения кочевников (татар и калмыков) – 4 грамоты, а также распоряжения из центра не чинить «шкот и задоров» с калмыками, нередко выступавшими в качестве союзников казаков (5 грамот). Иногда одно и другое могло сочетаться. Так, в войсковой грамоте от июня 1657 г. Войско, в соответствии с полученной из Астрахани отпиской астраханских воевод, информировало верхние казачьи городки о переходе калмыков «под государеву высокую руку» (т. е. в русское подданство) и запрещало «чинить задор» с ними. Однако, если калмыки «задерутца» первыми, казакам было велено с ними «битца», обороняясь от них.²⁶⁶

Посылались грамоты и по другим поводам, зачастую самым различным. Например, зимой 1641/42 г. в войсковой грамоте указывалось казакам из верхних городков прибыть в Азов для вывоза в казачьи городки образов Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца, а также «войсковой казны» – пушек, «зелья» и ядер.²⁶⁷ В феврале 1638 г. «по всем казачьим городкам» было отправлено распоряжение («казаз»), чтобы казаки по весне никуда из городков не расходились, «пока места крымской царь или царевичи <...> пойдут куды в поход» (в Войске опасались «прихода» турок и татар под Азов для его осады).²⁶⁸ Отправленные летом 1655 г. «по вестям» о моровом поветрии в Астрахани и Черном Яру войсковые грамоты предписывали

²⁶⁵ См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2, ч. 1. С. 16–17.

²⁶⁶ Донские дела. Кн. 5. Стб. 200–201. (Статейный список посылавшегося в 1657 г. на Дон с жалованием жильца Е. Хомякова.)

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 97. (Расспросные речи в Астрахани посылавшегося оттуда на Дон сына боярского Л. Исупова.)

²⁶⁸ Там же. 1638 г., № 1. Л. 63. (Расспросные речи в Астрахани вернувшихся с Дона нескольких едисанских татар.)

казакам верховых городков из этих районов на Дон никого не пропускать.²⁶⁹

Неотъемлемой частью войсковых грамот было подробное информирование «верховых» казаков о событиях, вызвавших то или иное распоряжение Войска: подобным образом казаки из верхних донских городков оперативно и из первых рук получали жизненно необходимую информацию о происходящем на Дону и в его окрестностях. Характерно, что подобный же поток информации шел, по-видимому, и в обратном направлении. Об этом говорит известие об отправке в июле 1658 г. «вестовой» (т. е. о «вестях») отписки в Войско из Иловлинского либо Кагальницкого городка о переходе крупного калмыцкого отряда выше Царицына на Крымскую (правую) сторону Волги (об этом своевременно узнали казаки из казачьего городка Иловли, ездившие для своих дел в Царицын).²⁷⁰

На основании содержания войсковых грамот, отправлявшихся из донского центра вверх по Дону, хорошо видны функции Войска как правящей структуры на Дону. Как явствует из грамот, и по своему составу (в моменты сбора казаков «с реки»), и по своим полномочиям Войско в низовьях Дона было общедонской организацией, а его власть распространялась на всю территорию донских казаков. В частности, войсковые грамоты следовало отправлять «от городка к городку», «покуды <...> казачий присуд» (т. е. казачья территория). Рассылка грамот по Дону являлась мощным фактором, объединявшим донских казаков. В этом отношении значение Войска в низовьях Дона не только как правящего органа, но и как центра по сбору информации, которая затем распространялась вверх по Дону, трудно переоценить.

Характерно, что казачий сбор («съезд») в низовьях Дона был настолько необходимым для казаков образованием, что данная структура мгновенно воссоздавалась заново в случае военных неурядиц с прежним Войском. Так, после разгрома в начале мая 1643 г. турками и татарами Монастырского Острова уцелевшие казаки (как сказано в документе, «немногие люди») перебрались

²⁶⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 26. (Расспросные речи в Москве присланных с Дона в Москву атамана Кузьмы Дмитриева с казаками.)

²⁷⁰ Там же. Стб. 339. (Статейный список посылавшегося в 1658 г. на Дон с жалованием воронежца С. Хомицкого.)

в Раздоры, и уже в июне здесь находилось – «и с теми, что собрались из верхних донских городков», «с тысячу» донских казаков.²⁷¹

Сходную ситуацию видим и летом 1641 г., когда казачье «большое» Войско оказалось блокированным в Азове огромной армией татар и турок. Согласно позднейшим показаниям прибывших тогда на Дон с грамотой валуйских станичников С. Князева и С. Пригаринова, вскоре же после начала осады Азова в ближайшем к нему Черкасском городке собралось («и с теми, которые донские казаки пришли в Черкасской городок из верхних козачьих городков») 500 человек. В начале азовских событий все они «сидели в осаде» от ежедневно «приходивших» к Черкасскому городку из-под Азова «крымских людей». Позднее, правда, когда военные действия под Азовом стали приобретать неблагоприятный для «бусурман» оборот, находившимся в Черкасском городке казакам «от крымских и от ногайских людей» уже «дакуи не было никакие». Эта группировка начинает рассылать вверх по Дону «грамотки», информируя верхние городки о происходящем под Азовом (куда «безпрестанно» ездили «подъеззичики» из Черкасского городка) и созывая казаков для совместных походов и «промысла» над «оплошно» живущими под Азовом «крымскими людьми» (последние, в частности, практически без охраны гнали из Крыма табуны лошадей). «Войском», правда, в формуляре одной из дошедших до нас подобных «грамоток» казаки из Черкасского городка себя не называют,²⁷² и от казаков в приказном порядке собираться в Черкасский городок не требуют, однако сходство данного образования и его деятельности с функциями большого низового Войска, думается, налицо. Любопытно, что собравшиеся в Черкасском городке также, судя по всему, считались «войском» – на данное обстоятельство указывает присутствие в Черкасском городке некоего «войскового есаула» Григория Филиппова, который сообщил валуйским станичникам С. Князеву и С. Пригаринову ряд «вестей» о положении дел на Дону.²⁷³ На наш взгляд, крайне маловероятно, что

²⁷¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1. Л. 547, 553. (Распросные речи «торгового человека» М. Чурносова в Воронеже и сына боярского М. Маркова в Белгороде, вернувшихся летом 1643 г. с низовьев Дона.)

²⁷² Формуляр этот звучит так: «От отоманов и молодцов от черкасских, и маньских, и бессергеньевских в верхние городки атаманом и молодцом челобитье».

²⁷³ Донские дела. Кн. 2. Стб. 230, 249–250, 231.

этот войсковой есаул относился к осажденному в Азове «большому» Войску.

Итак, приведенные факты, думается, наглядно показывают, насколько велико было значение Войска в низовьях Дона для обеспечения устойчивости казачьего сообщества в целом и насколько важны были те функции, которые выполняло это образование в рассматриваемый период. Однако при этом возникает вопрос: какой группе казаков по преимуществу принадлежала власть на Дону? Чье влияние более всего сказывалось на принятии в Войске решений по тем или иным вопросам? В дореволюционной и советской литературе традиционно считалось, что такое влияние принадлежало прежде всего низовым казакам, поскольку они ближе других находились к донскому центру, к тому же само Войско в низовьях Дона выросло из объединения низовых казаков.²⁷⁴ Рассмотрим данный вопрос подробнее. Здесь сразу же возникает проблема статуса верховых казаков на Дону. Но прежде чем рассмотреть ее, необходимо остановиться на вопросе о границе между низовыми и верховыми казачьими городками, поскольку от величины групп верховых и низовых казаков прямо зависело, безусловно, и их влияние на дела Войска.

В историографии нет единого мнения по вопросу о границе между верховыми и низовыми городками. Так, В. Д. Сухоруков считал такой границей Цимлянский городок (при этом не приводя, впрочем, никаких аргументов),²⁷⁵ В. М. Пудавов – Бабий городок («Верхние Раздоры»),²⁷⁶ В. Г. Дружинин – городок Голубые,²⁷⁷ Многие авторы вообще не касались этой проблемы. Последний взгляд на данный вопрос был высказан Н. А. Мининковым и С. И. Рябовым в статье «О заселении Донской земли в XVI–XVII вв.» и был позднее повторен в их монографиях.

Н. А. Мининков и С. И. Рябов считают, что низовых городков было 32 и что эти низовые городки и составляли «Войско» в узком

²⁷⁴ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. С. 18, 26–28; Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века С. 13; Чаев Н. С. Донское казачество. С. 268–269; История Дона... С. 122; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 89. См. также: Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 29. Н. А. Мининков в своей книге «Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)» этот вопрос не затрагивает.

²⁷⁵ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 360.

²⁷⁶ Пудавов В. М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. Ч. 1. С. 98.

²⁷⁷ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 14.

смысле (см. выше). Аргументация их сводится к следующему. В 1682 г. в Москву с челобитной об увеличении присылаемого на Дон государева жалования прибыли донские станичники во главе с войсковым атаманом Фролом Минаевым. При этом Ф. Минаев показывал в Посольском приказе, что из Войска в станице с ним прислали казаков, «выбрав изо всех городков по человеку». Согласно документам дела, сопровождавшая атамана станица насчитывала 103 казака. Исключив из этого числа есаула как представителя, по мнению авторов, «всего Войска», они получают цифру в 102 человека. «Следовательно, — заключают Н. А. Мининков и С. И. Рябов, — к концу 1682 г. на землях донских казаков насчитывалось уже 102 городка».

Далее они приводят следующий факт. Согласно показаниям в Москве станичного атамана Ф. Савастьянова, приводившего «к вере» в августе–сентябре того же 1682 г. (в связи с выступлением старообрядцев) донских казаков «вверх по Дону, и по Хопру, и по Медведице, и по Бузулуку, и по всем запольным речкам», явствует, что на Дону, за исключением Войска и казачьих поселений по Северскому Донцу, было 70 городков. Возникающее противоречие Н. А. Мининков и С. И. Рябов разрешают следующим образом.

В расспросных речах того же Ф. Минаева сообщается о таком событии. Когда донские казаки в августе 1682 г. под Перекопом взяли в плен 15 татар и отогнали 400 лошадей, то крымский хан потребовал возвращения пленников и добычи, угрожая походом, как говорится в документе, «на их казачьи на 32 городка». «Скорее всего, — продолжают авторы, — здесь речь шла о низовых казачьих поселениях, составлявших в узком смысле само Войско, в отличие от более общего понятия земли Донской как совокупности всех казачьих городков в бассейне Дона». «Если сопоставить факты, изложенные Ф. Минаевым, с показаниями Ф. Савастьянова, — делают вывод Н. А. Мининков и С. И. Рябов, — то несоответствие в их данных будет устранено; ведь последний приводил к присяге казаков во всех городках, кроме Войска. Их (городков. — *О. К.*), как указано выше, насчитывалось 70. Прибавив 32 низовых городка, получим 102 поселения».²⁷⁸

²⁷⁸ Мининков Н. А., Рябов С. И. О заселении Донской земли в XVI–XVII вв. С. 27. Итак, согласно росписи казачьих городков по Дону, составленной в 1672 г. в Посольском приказе со слов того же Ф. Минаева (роспись эта приводится в указанной статье), граница между низовыми и верховыми казачьими городками могла проходить в районе городков Голубые и Пять Изб. См.: Там же. С. 26.

Как видим, точка зрения авторов представляет собой лишь предположение – прямых данных о том, что 32 казачьих городка являлись низовыми и именовались «Войском», они не приводят. Если стать на точку зрения Н. А. Мининкова и С. И. Рябова, остается непонятным, почему в состав станицы Ф. Минаева, представляющей все казачьи поселения, не вошли городки по Северскому Донцу (к этому времени уже существовали, например, Краснянский, Боровский, Айдарский городки на Донце). Данное обстоятельство авторы никак не комментируют. Между тем если учесть его, то итоговое количество городков должно превысить цифру 102.

Из документов известно, что мир казаков с «бусурманами» в XVII в. обычно заключался по Пятиизбянскому городку.²⁷⁹ Это и есть тот самый рубеж, который подразумевал во время расспроса в Москве в 1682 г. Ф. Минаев, но отношения к границе между верховыми и низовыми городками он, думается, не имеет. На протяжении XVII в. некоторые казачьи городки, находившиеся и значительно ниже указанного рубежа, неоднократно именуются в документах «верховыми» (см. примеч. 81 настоящей главы).

Таким образом, точка зрения авторов кажется нам недостаточно аргументированной. Сумма же «70 плюс 32 равно 102» представляется случайным совпадением. При этом, на наш взгляд, вовсе не очевидно, что количество казаков в станице Ф. Минаева должно было точно соответствовать числу казачьих городков. Казачий центр как наиболее крупное казачье поселение мог отправить, скажем, не одного, а группу казаков (например, по количеству станиц в «Войске»). Следовательно, число казачьих городков на 1682 г. могло и не равняться 102.

Что касается деления донских городков на низовые и верховые, то оно четко зафиксировано в источниках. Так, в 1592 г., когда русский посол Г. Нащокин, ехавший Доном в Турцию, привез государево жалование (селитру и свинец) в низовья Дона для раздачи низовым и верховым казакам совместно, низовые казаки были возмущены и говорили на кругу: «преж де сего присылавана к нам селитра по Верхние Раздоры, а верховых де атаманов и казаков, *которые выше Раздоров, с нами не мешивали*» (курсив наш). В итоге большая часть

²⁷⁹ См.: Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 384, примеч. 573. С. 118; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 115.

селитры и свинца была дана «на одни низовые атаманы и казаки по Верхние Раздоры» (т. е. по Бабий городок).²⁸⁰

Сходную ситуацию видим и в начале XVII в. Так, атаман Игнат Бедришев и казак Н. Иванов, присланные в 1614 г. с Дона в Москву и свидетельствуя об объединении казачества по Дону, показывали, что 7 низовых атаманов со своими станицами, а также атаманы верховых городков с казаками их станиц, которые зимой живут «от Роздору вверх по далним городком и по юртом», «на весну съезжают-ца все вместе и государю служат заодно» (курсив наш).²⁸¹ При этом перечисляются имена 17 верховых атаманов,²⁸² представлявших, по-видимому, только часть верхового казачества (объединение донских казаков в тот момент еще не было завершено²⁸³).

Таким образом, граница между низовыми и верховыми казачьими городками проходила в районе Бабьего городка (Верхних Раздор), расположенного при впадении в Дон Северского Донца.²⁸⁴ При этом низовыми оказываются лишь 7 городков. Для 1614 г. это, по-видимому, Ебок («Стыдное Имя»), Монастырский Яр, Черкасский, Маныч, Бессергенов, Раздоры (Нижние), Семикаракоры. Позднее прибавляются городки Богай, Мелехов и Кочетов, построенные в низовьях Дона во второй половине XVII в. В то же время верховых городков оказывается подавляющее большинство. Из расспросных речей того же Ф. Минаева следует, что в 1672 г. только по Дону было 49 городков. Казачьи городки были также по рекам Хопру, Бузулуку, Медведице и Северскому Донцу. Кроме того, существовали еще и «юрты»,

²⁸⁰ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 57, примеч. 121.

²⁸¹ Донские дела. Кн. 1. Стб. 26. См. также: Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 80, примеч. 155.

²⁸² В издании «Донские дела» (Кн. 1. Стб. 26.) перед списком этих атаманов стоит примечание, которое гласит, что в документе утрачен лист. На наш взгляд, это — ошибка, вызванная неверной расстановкой издателями в данном месте знаков препинания. Если в конце последней строки л. 6 (по архивной нумерации) поставить двоеточие, а не точку, как это делают издатели, то контекст документа восстанавливается.

²⁸³ См.: Мининков Н. А. О роли московского правительства в формировании войска Донского (10–20-е гг. XVII в.). С. 77.

²⁸⁴ Что же касается мнения В. Г. Дружинина, то в приводимом им документе от конца XVII в. вовсе не говорится прямо о делении казачьих городков в районе городка Голубые на верховые и низовые. См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 14, примеч. 44. Кроме того, ряд казачьих городков, расположенных по Дону ниже Голубых, в документах неоднократно фигурирует как «верхние».

в данном случае – казачьи поселения без городков. Таковые имелись, в частности, на Северском Донце (см. выше); «Орчадинский юрт» упоминается в документе от 1638 г. на р. Медведице;²⁸⁵ возможно, что существовали подобные юрты и в других местах. Таким образом, низовые городки на Дону оказываются в явном меньшинстве.

Несколько слов следует сказать о занятиях верховых казаков. В историографии неоднократно указывалось, что собирались в донском центре по весне и участвовали в походах на море преимущественно низовые казаки. Вопрос, чем же при этом занимались казаки верховых городков, остается, как правило, без ответа. На наш взгляд, занятия верховых казаков мало чем отличались от занятий низовых, т. е. точно так же, как и низовые казаки, верховые казаки собирались по весне «в Войске» и участвовали в его военных предприятиях, включая, безусловно, и морские походы. Об этом красноречиво говорят уже цитировавшиеся расспросные речи в 1614 г. в Москве атамана И. Бедрищева и казака Н. Иванова. Повторим, в частности: в этих расспросных речах сообщалось, что верховые и низовые казаки «на весну съезжаютца все вместе (вместе. – О. К.) и государю служат заодно» (имеются в виду военные предприятия против «бусурман»). Постоянные распоряжения в войсковых грамотах во все казачьи городки о сборе казаков в центр также свидетельствуют о данном факте. Поэтому о какой-то принципиальной разнице в статусе низовых и верховых казаков, на наш взгляд, говорить не приходится, особенно принимая в расчет традиционное для Дона равенство и возможность для всякого казака участвовать в кругу, а значит – и влиять на принятие решений. Конечно, низовые городки были наиболее населенными²⁸⁶ и находились к центру ближе других, однако следует учитывать, что самые важные решения принимались во время общего сбора казаков с «реки» (см. выше), когда голос верховых казаков как раз и мог оказаться решающим.

В данном отношении характерно время пребывания казаков в Азове. От этого периода до нас дошли известия о спорах на кругах

²⁸⁵ Донские дела. Кн. 1. Стб. 816.

²⁸⁶ Так, согласно расспросным речам в Москве воронежского сына боярского Т. Михнева, посылавшегося зимой 1637/38 г. с государственной грамотой в занятый казаками Азов, «на Дону де по всем городкам живет казаков человек по 100, и по 200, и по 300, и больши в городке». См.: Донские дела. Кн. 1. Стб. 663. Впрочем, в данном случае речь идет, на наш взгляд, в первую очередь о низовых казачьих городках – верховые городки были, думается, все же менее населенными.

относительно целесообразности пребывания казаков в Азове и его обороны от турок: «иные де (казаки – *О. К.*) Азов держать хотят, а иные не хотят».²⁸⁷ И хотя было решено отстаивать этот город от «бусурман», однако «рознь» закончилась тем, что низовые казаки (в частности, из Черкасского и Манычского городков) отказались ехать в Азов для его обороны в 1641 г. Об этом прямо сообщается в войсковой отписке в Москву от 8 мая 1641 г. Казаки из центра писали, в частности, что черкасские и манычские казаки их «во всем ослушаются, в город <...> (Азов. – *О. К.*) не едут». «А верховые, государь (казаки. – *О. К.*), – продолжали авторы отписки, – по нашему войсковому письму нас, Войска, слушают, и к нам на помощь приезжают».²⁸⁸ Поскольку решение оборонять Азов было принято гораздо ранее,²⁸⁹ не подлежит сомнению, что данный «приговор» войскового круга был принят, при сильном противодействии низовых казаков, совместно жителями донского центра и казаками из верховых городков. В данном случае, как видим, отнюдь не низовым казакам принадлежало последнее слово во время принятия одного из наиболее ответственных решений за весь период 1637–1667 гг. Таким образом, налицо, как полагаем, значительная политическая роль верховых казаков во внутридонской жизни.

Итак, голос верховых казаков был, на наш взгляд, важнейшим фактором во время принятия решений на войсковых кругах. Данная ситуация продолжала отчасти сохраняться даже в более позднее время, когда регулярный сбор в низовьях Дона и равенство всех казаков начинают уходить в прошлое. Так, и в ходе движения донских старообрядцев, и во время Булавинского выступления верховые казаки, приходя в Черкасск в большом числе, навязывали на войсковом кругу свою волю, причем в полном соответствии с донской правовой традицией.²⁹⁰ Таким образом, как представляется, именно сбор казаков со «всей реки»

²⁸⁷ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 383. (Известие от 1638 г.)

²⁸⁸ Донские дела. Кн. 2. Стб. 177.

²⁸⁹ Так, посылавшийся в январе 1638 г. на Дон с грамотой воронежец Т. Михнев показывал затем во время расспроса, что уже на тот момент казаки в Азове были готовы «против крымских и турецких людей» «стоять» и Азова «крымскому царю и турецким людям не отдавать». То же самое в начале апреля этого же года повторяли присланные с Дона в Москву войсковой атаман Михаил Татарин с казаками во время расспроса в Посольском приказе. См.: Донские дела. Кн. 1. Стб. 662, 703.

²⁹⁰ См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 134–138, 313. (Круг в Черкасском от весны 1689 г.); Булавинское восстание: Сб. документов. М., 1935. С. 463. Здесь упоминается термин «валовой (т. е. всеобщий. – *О. К.*) круг».

задавал основные направления донской политики, в то время как за Войском и жителями ближайших к нему городков в моменты, когда основная масса казаков разъезжалась из центра по своим городкам, оставалась обязанность исполнять решения, принятые «рекой», делая текущие постановления на войсковых кругах в русле «приговоров» последней. Данный факт является в историографии незамеченным.

С. Г. Сватиков пишет, что для политического устройства Дона было характерно следующее: «Присутствовало ли на Круге (в важнейших случаях) фактически большинство казаков, или только жители главного городка с атаманами ближайших городков, все равно, воля Круга была волей всего Войска», поскольку «предполагалось, что в Круге присутствуют все правоспособные политически граждане, в с е великое Войско Донское, т. е. все Войско в полном его составе».²⁹¹ Априорное утверждение С. Г. Сватикова представляется нам не соответствующим действительности.

Помимо властных полномочий, Войско в низовьях Дона осуществляло также судебные функции на Дону. Надо отметить, что собственный суд, наряду с самоуправлением, включая право вынесения смертных приговоров, являлись той особенностью, которая отличала вольное степное казачество (в том числе донское) от других групп населения русского общества XVII столетия. Как уже отмечалось, область проживания донских казаков именуется в источниках территорией «казачьего присуда», т. е. районом действия казачьего права. Последнее являлось обычным (неписаным) правом и делилось на станичное и войсковое.²⁹²

В компетенцию войскового права входили преступления, совершенные против донского казачества в целом, включая преступления против Войска и политические преступления (измены и пр.).²⁹³ Помимо того, в Войске карались и уголовные преступления, совершенные в казачьем центре. Так, в 1646 г. в Черкасском городке было казнено за кражи несколько человек из числа «ратных людей», присланных на Дон из городов для помощи казакам.²⁹⁴ Кроме того, в Войске судили и казаков из городков, включая, по-видимому, и разбирательства по

²⁹¹ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). С. 36, 33.

²⁹² Щелкунов С. З. Преступления против «Войска» по древнему казачьему праву // Сборник областного Войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1908. Вып. 8. С. 165.

²⁹³ Там же. С. 169 и далее. (Сведений о компетенции станичного права источники до нас не донесли.)

²⁹⁴ Донские дела. Кн. 3. Стб. 175 и др.

поводу столкновений между городками (третейский суд). Так, в росписи казачьих городков из дорожника середины XVII в. о городке Ебке, в котором производился суд в то время, когда центром на Дону был Монастырский городок, сказано, что «казачьи городки судимы все тут».²⁹⁵ Позднее, по-видимому, такой суд производился в Черкасском городке.

Высшим судебным органом на Дону был войсковой круг, здесь же производились и следственные действия. При этом, как уже было сказано, судебные полномочия Войска и нормы «войскового права» распространялись на всю территорию Дона. В данном отношении характерен следующий пример. В 1659 г. на Волге казаками с Дона была произведена серия грабежей. От захваченных служилыми людьми двух казачьих «языков» стало известно, что разбой были делом казаков недавно построенного на Дону близ Волги (недалеко от Паншина городка) казачьего городка Рига («Рыга»). В посланной по этому поводу на Дон государственной грамоте от ноября 1659 г. Войску указывалось учинить казакам упомянутого городка «наказание по своему войсковому праву» за «воровство» на Волге. После трехдневного обсуждения в Войске данного указа (по этому поводу было проведено несколько кругов подряд) вверх по Дону был отправлен отряд низовых казаков, к которому по пути должны были присоединяться и верховые казаки для «разорения» городка «волжских воров». Как сообщалось позднее в Москву в войсковой отписке, городок «воровских казаков» был взят приступом, а верхушка этого городка, в том числе атаман и есаул, была доставлена «в Войско». Здесь, после допроса, атаману и есаулу городка Риги вынесли смертный приговор, а затем повесили, «чтоб, — как писали казаки в отписке, — иным неповадно было так воровать и напрасно во оглашенства (позора. — *О. К.*) на Войско и на всю реку наводить» (как видно из последних слов, «Войско» в данном случае выступает представителем «реки», т. е. казачества в целом). Прочие казаки были отданы на поруки и распущены по городкам с условием на весну явиться на службу в Войско.²⁹⁶ По мнению Н. А. Мининкова,

²⁹⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 471.

²⁹⁶ Донские дела. Кн. 5. Стб. 542–544, 555, 657–658. Москва осталась крайне недовольна такой мягкостью приговора, поскольку отпущенные на поруки весной следующего года вновь ушли «воровать» на Волгу и Каспийское взморье (Там же. Стб. 698–701).

карательные действия Войска были произведены на основании более раннего постановления войскового круга от 1627 г., запретившего походы на Волгу.²⁹⁷

Можно привести и другие эпизоды, показывающие, что властные и судебные полномочия Войска распространялись на прочую территорию Дона. Так, в 1666 г. в присланной на Дон государевой грамоте сообщалось об отписке в Москву следовавшего вниз по Дону посла в Турцию Василия Тяпкина. В этой отписке посол доносил, что казаки городка Пяти Изб Яков Андреев «с товарищи» государеву указу «учинились непослушны» и «говарили де (посланнику. – *О. К.*) невежливые слова изменьчьи». В грамоте из Москвы Войску было указано разобраться в данном инциденте. В результате «по государеву указу» пятиизбянские казаки Я. Андреев «с товарищи» были «взяты в Войско», где на войсковом кругу «про токое <...> неистьства (неистовство. – *О. К.*) сыскивали накрепко» посредством очевидцев – бывших в то время в городке Пяти Избах царицынских стрельцов Д. Уфимцева «с товарищи». Как значится в войсковой отписке в Москву, последние «в сыску сказали», что пятиизбянские казаки Я. Андреев «с товарищи» государеву «посланнику невежливых изменьчьих (изменничьих. – *О. К.*) слов не говаривали». Дело же заключалось в следующем: В. Тяпкин «великого государя казну» «отдавал <...> пятиизбянским казакам, и просил проводников не против их мочи» (т. е., по-видимому, требовал людей для сопровождения посольского имущества). Однако последние «великого государя казны» «принять не смели» (т. е., по существу, отказались), так как в городке тогда «были немногие люди» – основное число казаков в это время было «в Войске». Таким образом, заключали казаки, в Москву «посланник Василей Тяпкин писал своим умыслом, ложно», причем последний, по словам авторов отписки, в войсковом кругу также подтвердил, что в Москву он «писал с сердца (в гневе. – *О. К.*), не осматрясь». На этом инцидент был исчерпан.²⁹⁸ В данном случае обращают на себя внимание полномочия Войска по доставке на следствие и суд в войсковой круг казаков из «верхних» городков по вопросу об «измене» великому государю и «непослушании» государеву

²⁹⁷ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 148–149.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г., № 6. Л. 3–5. (Войсковая отписка от ноября 1666 г.)

посланнику (содействие русским послам, ходившим вверх и вниз по Дону, было одной из традиционных служб донских казаков великому государю).

Ту же ситуацию видим и в случае со следствием и судом в том же 1666 г. над атаманом Василием Усом. По грамоте, присланной на Дон из Москвы, Войску было велено наказать казаков, выходивших в этом году на службу к Москве, за совершенные грабежи по дороге. В результате казаки из центра, «послав в верхавые горотки, велели взять Василья Уса с таварыщи в Войска (Войско. – О. К.)», где их «роспрашивали накрепка», а затем (несмотря на показания В. Уса, что казаки «идучи дарогою разаренья и грабежу никому не чинили») «за сво вину – что выхадили на <...> государеву службу без <...> государева указа самоволствам и без <...> войскавого ведама» «учинили наказанья жестокое». В частности, В. Усу с товарищами «за их самоволства» не было дано государево жалование; кроме того, на них была наложена «войскавая пеня под смертною казнию без пошады».²⁹⁹ Как видим, Василий Ус, согласно казачьей отписке, пострадал не столько за грабежи, сколько за действия, не санкционированные Войском.

Несколько слов о наказаниях, применявшихся в Войске по отношению к казакам. Наиболее часто в источниках упоминается так называемая войсковая пеня. По существу, это было объявление казака вне закона, лишение его казачьих прав (возможно, что такой приговор мог быть объявлен и заочно). В том, что именно в этом состояло существо данного наказания, убеждают формулировки, сопутствующие упомянутому выражению: «...а которые атаманы и молотцы верховые к Войску в Озов на помощь не поедут, и тем атаманом и молотцом в Войску и суда не будет».³⁰⁰ Или: «век бить и грабить, и суда не давать».³⁰¹ Все это означало, что любой мог при желании безнаказанно ограбить или убить такого «пенного» казака. Возможно, подобному наказанию могли быть подвергнуты и целые городки, по каким-то причинам провинившиеся перед Войском. «Пенные» казаки упоминаются в войсковых грамотах, посылавшихся из казачьего центра вверх по Дону. Например, в войсковой грамоте из Азова от июня 1638 г.

²⁹⁹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 69.

³⁰⁰ Донские дела. Кн. 1. Стб. 810. (Войсковая грамота от июня 1638 г., отправленная из Азова вверх по Дону.)

³⁰¹ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. С. 298.

говорится: «а чтоб ехали к Войску всякие люди пенные и непенные, а пеня им отдана»;³⁰² в свою очередь, как мы видели, за непослушание эти грамоты грозят казакам из городков все той же «войсковой пеней». Думается, однако, что наложение данного наказания все-таки не было для казака катастрофой, поскольку, как видно из приведенного материала, провинившиеся продолжали (как тот же В. Ус, например) жить на Дону и могли при случае добиться отмены этого наказания, но до того момента были, безусловно, стеснены в моральном и правовом отношении. Они не могли, например, приехать в Войско, не имели права на получение государева жалования, а также, по-видимому, вынуждены были оберегаться от покушений на свое имущество со стороны других казаков. Помимо данного наказания, на Дону существовала также смертная казнь. Трудно сказать, было ли право выносить смертные приговоры прерогативой исключительно Войска, или же подобные приговоры для казака своего городка могли быть вынесены и на станичном кругу. На наш взгляд, более вероятно второе.

Итак, из сказанного выше видно, что Войско в низовьях Дона, по существу являясь особой группировкой казаков на Дону, представляло в то же время донское казачество в целом и, будучи центральным органом власти казаков Дона, распространяло свои полномочия на всю территорию донского «казачьего присуда».

Проблема численности донского казачества

Рассмотрение внутренней структуры донского казачества нельзя считать завершенным, не затронув вопроса о численности казаков на Дону. В литературе обычно приводятся следующие данные о численности донского казачества в XVII в. В 1613 г. в станицах 7 низовых атаманов насчитывалось 1888 человек, в 1625 г. на Дону проживало 5 тысяч казаков, а в 1638 г., во время пребывания казаков в Азове, их насчитывалось до 10 тысяч. В 40-е гг. XVII в. число казаков сокращается, однако затем вновь начинает расти, составив во второй половине XVII в. 10–14 тысяч человек.³⁰³ Упоминается также,

³⁰² Донские дела. Кн. 1. Стб. 810.

³⁰³ См.: *Тхоржевский С. И.* Донское войско в первой половине семнадцатого века. С. 12–13; *Лунин В. Б.* Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. С. 16; *История Дона...* С. 119; *Рябов С. И.* Донская земля в XVII веке. С. 115.

в соответствии с показаниями Г. Котошихина, цифра в 20 тысяч казаков на Дону для 60-х гг. XVII в.³⁰⁴ В целом исследователи придерживаются следующих цифр: 5 тысяч в 1625 г., до 10 тысяч к 1641 г., более 10 тысяч в 50–60-е гг. XVII в. В настоящее время Н. А. Мининковым сделана попытка пересмотреть вопрос о численности донского казачества в XVII в. Так, он считает, что численность донского казачества уже к 1621 г. приближалась к 20 тысячам человек; в 40-е гг. XVII в. она значительно сократилась, однако к 1660-м гг. вновь достигла этой отметки, а в 60-е гг. XVII в. превысила ее.³⁰⁵ Рассмотрим данный вопрос подробнее.

В октябре 1625 г. атаман Алексей Старой с казаками показывали во время расспроса в Посольском приказе, что «всех де их (казаков. — О. К.) на Дону — и с верхними городки (городками. — О. К.), есть с 5000 человек».³⁰⁶ В апреле 1638 г. войсковой атаман Михаил Татаринов, присланный с Дона в Москву с казачьей отпиской, показывал в расспросе, что «всех донских атаманов и казаков», живущих в Азове и по Дону в городках, примерно «з 10 000 человек». При этом он прибавлял, что «запорожских черкас» в Азове и на Дону насчитывается столько же.³⁰⁷ В апреле 1641 г. служилые люди О. Кожухов и С. Деревягин, посылавшиеся в марте этого года на Дон с грамотой, показывали после возвращения, что в Азове насчитывалось тогда около тысячи «атаманов и казаков» и примерно 500 татар. В городках по Дону пребывало «с 7000 или с 8000 человек».³⁰⁸

В ходе обороны Азова и последовавших за ней военных событий казаки понесли очень тяжелые потери, и их численность значительно сократилась. В результате в 1646 г. в южнорусских городах был произведен набор «вольных ратных людей» для службы на Дону. Однако вследствие тяжелой экономической и военной обстановки лишь очень небольшая часть из них сумела закрепиться на Дону и пополнить ряды казачества, большинство же очень скоро вернулось обратно «на Русь».³⁰⁹ В результате воронежский сын боярский Т. Михнев,

³⁰⁴ Попов М. Я. Азовское сидение. С. 17.

³⁰⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 93, 107–108.

³⁰⁶ Донские дела. Кн. 1. Стб. 235.

³⁰⁷ Там же. Стб. 701.

³⁰⁸ Там же. Кн. 2. Стб. 125.

³⁰⁹ См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 102–104.

посылавшийся в 1647 г. на Дон с государевым жалованием, в августе этого года по возвращении в Москву показывал, что «старых де казаков и вольных людей на Дону <...> будет с 5000 человек». ³¹⁰ Ту же цифру – 5000–6000 «старых казаков и вольных людей», проживающих по всему Дону («в нижних и в верхних городках»), – называет вернувшийся в это же время от казаков и другой «служилый человек» – дворянин П. Красников. ³¹¹

Мы перечислили все имеющиеся в источниках данные об общей численности казачества второй трети XVII в., а также несколько более раннего времени. Как видим, приведенные цифры в целом не очень противоречат друг другу, определяя численность донского казачества в пределах 5–10 тысяч в период до 50-х гг. XVII в. Косвенно на число донских казаков в 5000–6000 человек к концу 1640-х гг. указывает и такое известие. Присланные с Дона в Москву в сентябре 1650 г. атаман Андрей Елисеев с казаками показывали во время расспроса, что летом этого года в связи с угрозой нападения на Дон объединенного войска крымских татар и запорожских казаков на Дону был «сезд» казаков из всех верхних городков в казачий центр для его обороны. При этом в Черкасском городке собралось «с 2000 человек», причем, как указывали донские станичники, «збиралось де из городков по трети, а по две доли (казаков. – *О. К.*) оставалось в верхних городках». ³¹² Таким образом, вновь получаем цифру в 6 тысяч человек по всему Дону (учитывая, конечно, всю грубость подобного подсчета).

Прямых сведений о числе казаков в 1650–начале 1660-х гг. в источниках нет, однако имеются косвенные данные по этому поводу. Дело заключается в том, что значительно чаще, чем общая численность донского казачества, в документах указывается число находящихся в казачьем центре казаков, причем нередко это был «сезд» казаков с «реки». Ориентируясь на данные цифры, можно проследить динамику изменения численности казачества на Дону.

В 1632 г. на общем съезде казаков с Дона, собранном в связи со снятием с донского казачества «государевой опалы», присутствовали около 4000 казаков. ³¹³ Общая численность казачьего войска, взявшего

³¹⁰ Донские дела. Кн. 3. Стб. 420.

³¹¹ Там же. Стб. 423.

³¹² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 18.

³¹³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 485. (Расспросные речи рязанского сына боярского Н. Мосолова.)

в 1637 г. Азов, была (включая запорожских казаков и русских «торговых людей») 4400 человек.³¹⁴ В 1638–1640 гг. количество казаков в Азове колеблется от 600 до 5000 человек (включая запорожцев),³¹⁵ а перед «азовским осадным сидением» 1641 г. здесь собралось, согласно показаниям атамана Беляя Лукьянова с казаками в Посольском приказе, «тысеч с 5 или с 6» казаков, включая около тысячи запорожцев.³¹⁶

В документах 40-х гг. XVII в. встречаем более скромные цифры. Так, количество казаков, пребывавших в Черкасском городке, колеблется от 600 до 2000 человек.³¹⁷ От 1644 г., правда, имеется известие, что весной этого года в поход под Азов ходили 4500 казаков, однако это, безусловно, преувеличение. (Данные сведения сообщил в Астрахани бежавший из-под Азова из плена ногайский татарин. Согласно другому известию, число казаков, ходивших под Азов, было примерно 500 человек.³¹⁸)

Конечно, на точности приведенных цифр настаивать не приходится, однако из них хорошо видна зависимость количества казаков, присутствовавших в казачьем центре во время сбора из городков, от общей численности донского казачества. В 1640-е гг. максимальное количество собиравшихся в центре Дона сокращается примерно вдвое – и приблизительно во столько же уменьшается численность казачества. При этом сбор казаков «в Войске» мог составлять около трети (иногда – несколько более) от общей численности казачества на Дону.

³¹⁴РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 363. (Статейный список дворянина С. Чирикова, посланного в 1637 г. на Дон с государевым жалованием.)

³¹⁵См.: Донские дела. Кн. 1. Стб. 661; Кн. 2. Стб. 54; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 15; Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 99. Л. 144; № 118. Л. 313–314.

³¹⁶Донские дела. Кн. 2. Стб. 219; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1641 г., № 1. Л. 57.

³¹⁷См.: Донские дела. Кн. 3. Стб. 778, 820; Кн. 4. Стб. 1, 17, 45, 277, 279, 455, 496; РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1650 г., № 1. Л. 536; Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 135; 1644 г., № 1. Л. 172; 1650 г., № 1. Л. 62; Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1. Л. 553–554.

(В данном случае, как и в связи с вопросом о численности казаков в Азове, мы приводим данные цифры независимо от того, идет ли при этом речь о сборе казаков «с реки» или же нет.)

³¹⁸См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1644 г., № 1. Л. 8–9, 172–173. (Расспросные речи в Астрахани нескольких вернувшихся с Дона «донских татар».)

В данной связи особый интерес вызывает количество казаков, собиравшихся в казачьем центре в более позднее время, поскольку прямых сведений о численности донского казачества 50–начала 60-х гг. XVII в. не сохранилось. Так, в августе 1655 г. атаман Кузьма Дмитриев с казаками показывали во время расспроса в Москве, что в этом году в поход на море ушло около 3 тысяч человек (включая 700 «черкас»), а в Черкасском городке осталось «с тысячу» казаков. Правда, возглавивший поход на море атаман Павел Федоров (Чесночихин) чуть позже показывал в Москве, что на море ушли 2030 человек, «в Войске» же на Дону оставались 700 казаков.³¹⁹ В июне 1656 г. с Дона состоялся широкомасштабный поход под Азов, участие в котором приняли запорожские казаки, а также русские «торговые люди». При этом дворянин С. Протасов, посылавшийся в этом году на Дон с жалованием, общую численность донских «похожан» во время расспроса в Посольском приказе определял в «3000 и больше» человек.³²⁰ Однако несколько детей боярских из Карпова и Белгорода, участвовавших в этом походе, сообщали о 5000 человек. Любопытно, что их самих донские казаки выслали («збили») «на низ в Черкасской городок» в то время, когда они ловили рыбу на Северском Донце,³²¹ т. е. сбор в низовьях Дона носил всеобщий характер.

Согласно расспросным речам в Москве атамана Логина Семенова с казаками, в сентябре 1660 г. в Черкасском городке насчитывалось «с 3000 человек».³²² (Присутствие такого количества казаков в донском центре в осень объясняется тем, что на тот год к Азову для строительства укреплений приходил крымский хан с ордой, и казаки опасались «прихода» этих татар на Дон.³²³) Наконец, приехавшие с Дона в Астрахань в сентябре 1661 г. юртовские татары Байратуй Байдалыев «с товарищи» показывали во время расспроса, что летом этого года 200 конных и 3000 казаков по Дону в судах во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым (Черкесом) ходили вместе с калмыками и присланными из России на Дон «солдатами» в поход под Азов.³²⁴

³¹⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 27, 53.

³²⁰ Там же. Стб. 127.

³²¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 394. Л. 148. (Расспросные речи в Белгороде детей боярских И. Щебыкина с товарищами от 6 июля 1656 г.)

³²² Донские дела. Кн. 5. Стб. 767.

³²³ Там же. Стб. 765–766.

³²⁴ РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1661 г., № 1. Л. 54.

Таким образом, цифра в 3 тысячи человек («и больши») являлась стандартной для рассматриваемого отрезка времени. Как уже говорилось, о точности приведенных цифр говорить не приходится – это скорее приблизительные данные. Однако составить представление о людских ресурсах донских казаков они, на наш взгляд, позволяют: тенденция к увеличению числа казаков, собиравшихся «в Войске» в 1650-е гг., налицо.

Следует отметить также такое явление, как отток с Дона казаков в середине 50-х гг. XVII в. с целью участия в войнах с Польшей и Швецией в составе русских войск. Так, только в 1654–1656 гг., согласно документам Разрядного приказа, Дон покинули до 3 тысяч казаков, вышедших на службу в Россию.³²⁵ Далеко не все из них пожелали вернуться обратно – многие были затем поселены в Смоленске, Туле, Белгороде, Ливнах и других городах. Вероятно, именно в связи с оттоком казаков на службу в Россию на Дону продолжали и в 50-е гг. XVII в. испытывать нехватку в людях. Так, зимой 1657 г. ехавшие в Крым через территории запорожских казаков русские посланники Р. Жуков и Л. Пашин слышали в «черкасских городках», что весной этого года многие запорожцы собирались идти на Дон, так как там стало малоллюдно.³²⁶

Учитывая приведенные факты, можно сделать следующий вывод: в 50–начале 60-х гг. XVII в. численность донского казачества вновь, по-видимому, приближается к цифре в 10 000. Между тем, как мы видели, Н. А. Мининков определяет максимальную численность казаков за рассматриваемый период в 20 000 человек. Приведем его аргументацию.

Один из основных аргументов исследователя состоит в следующем. По свидетельству русского посла С. Апухтина, ехавшего в 1621 г.

---

³²⁵ Это были отряды Якова Дронова, Ивана Горячего, Дениса Буянина, Ивана Семёнова и ряда других атаманов. Об их численности см.: Акты Московского государства. Т. 2. С. 411; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 1127. Ч. 4. Л. 1, 24, 29–30, 35, 43; Столбцы Белгородского стола. № 394. Л. 115; и др.

³²⁶ Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 29. Возможно, что «малоллюдство» на Дону было связано также с потерями казаков во время похода под Азов летом 1656 г., закончившегося жестоким поражением. По разным известиям, казаки потеряли до полутора-двух тысяч человек убитыми; многие попали в плен. При этом был захвачен и один из наиболее известных донских атаманов Павел Чесночких. См.: Донские дела. Кн. 5. Стб. 127; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 394. Л. 148.

через Дон в Турцию, незадолго до его приезда «в Войско» сюда приезжал запорожский атаман Соколка с грамотой от польского короля, призывавшей донских казаков оказать Польше помощь в войне с турками. По свидетельству С. Апухтина, казаки ответили отказом, мотивировав последний тем, что «их тепере на Дону немного, толко с семь тысяч», а «большое де их войско пошло на море». «Следовательно, — делает вывод Н. А. Мининков, — большая часть донцов не находилась в своих городках, а была в морском походе». Оставшиеся же на Дону 7 тысяч казаков, по мнению Н. А. Минникова, составляли «третчину», охранявшую городки. В результате исследователь приходит к заключению, что общая численность донского казачества в 1621 г. была близка к 20 тысячам человек.³²⁷

Данное предположение вызывает, однако, ряд возражений. Во-первых, из документов неизвестно, чтобы когда-либо численность ушедшего с Дона на море казачьего войска превышала несколько тысяч человек. Во-вторых, нам не встречалось случая, чтобы в казачьем центре собралось более половины казаков со всего Дона, а поход на море предполагал оставление «на куренях» в Войске значительного числа казаков. И наконец, в-третьих, тот же С. Апухтин приводит число ушедших в морской поход казаков — 1300 донских и 400 запорожских.³²⁸ Это вполне заурядное для морского похода количество казаков и есть, безусловно, «большое войско», о котором шла речь. Заявляя, что их «большое войско» ушло на море, донские казаки, вероятно, имели в виду, что на Дону отсутствует значительная часть казаков, собравшаяся на лето в низовьях Дона. Как уже говорилось, подобный сбор и носил название «Войска», или «большого войска» (см. выше). Таким образом, в данном случае вновь видим цифру в 8 тысяч донских казаков, проживающих по Дону. Отсюда можно заключить, что верхний предел численности казаков на протяжении 20–50-х гг. XVII в. существенно не менялся. Правда, как уже говорилось, в октябре 1625 г. атаман А. Старой с казаками показывали во время расспроса в Москве, что «всех де их на Дону и с верхними городки есть с 5000 человек». Эти слова воспринимались всеми исследователями как указание на общее число казаков на Дону. (Н. А. Мининков считает эту цифру заниженной.) Между тем данные слова

³²⁷ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 91.

³²⁸ Там же. С. 91.

имеют продолжение. Как только на Дон придет «прямая весть» об опасности из Крыма, говорили далее казаки, «и они будут все вместе. А нынешнево ж дей лета <...> ходили они к Азову с приступом, а было их у приступа с пол 5000 человек...».³²⁹ Без всякого сомнения, А. Старой с казаками, сообщая о числе казаков «на Дону», имели в виду военный потенциал низового сбора («Войска») (скорее всего, несколько завышая его), а вовсе не общую численность донских казаков, поскольку донское казачество в целом никогда не собиралось, да и не могло собраться в одном месте. Число в 4500 казаков для низового сбора не очень сильно расходится (если принять во внимание, что оно несколько завышено) с показаниями других источников.

Таким образом, исходя из приведенного материала, можно сделать вывод, что во второй трети XVII в. численность донского казачества держалась в пределах 10 тысяч человек, в худшие времена снижаясь до 5–6 тысяч. Однако в последнем случае казаки Дона были поставлены на грань выживания. Известие же Г. Котошихина о 20 тысячах казаков на Дону в начале 60-х гг. XVII в. (на которое также ссылается Н. А. Мининков) следует, на наш взгляд, признать не соответствующим действительности, поскольку оно резко расходится с показаниями других источников.³³⁰ Впрочем, можно предположить, что численность донских казаков перед восстанием С. Разина несколько возрастает, превышая рубеж в 10 тысяч человек.

---

³²⁹ Донские дела. Кн. I. Стб. 235.

³³⁰ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 74, 135.

Глава IV. Занятия казаков и условия жизни на Дону

Походы казаков «на степь»

Одним из стержневых моментов казачьей жизни были набеги на окрестные земли – без участия в боях и походах жизнь вольного степного казака попросту не мыслилась. В исторической литературе приемы степных казачьих набегов, в отличие от морских походов, еще не становились темой специального рассмотрения; о самих походах казаков «на степь» обычно говорится лишь ряд общих фраз. Как правило, при этом отсутствует разбор источников, не приводится и какой-либо фактический материал.

Так, в работе «История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права)» характеристика степных походов исчерпывается констатацией того факта, что казаки во время них отбивали «у татар и ногайцев <...> целые табуны лошадей и гурты скота». При этом говорится о гибели значительной части ушедших в степной поход казаков как об обычном явлении.¹ Б. В. Лунин и С. И. Рябов в своих работах отмечают небольшую, как правило, численность казачьих отрядов, отправлявшихся с Дона в сухопутные набеги, – 5–50 человек (Б. В. Лунин) и 30–50 человек (С. И. Рябов), однако дают лишь краткую и самую общую характеристику действий казаков. Так, С. И. Рябов пишет, что, «как правило ночью, стремительно нападали донцы на татарские улусы, захватывали добычу и возвращались домой <...> На противника внезапно нападали лавой».² Лишь вскользь упоминает о степных походах казаков и Н. А. Мининков.³ Подобная ситуация

¹ История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права) / Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1973. С. 118.

² Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Ростов н/Д, 1951. Кн. 2. С. 34; Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С. 158.

³ См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 334, 336.

не случайна и вызвана, как представляется, крайней разрозненностью сведений о сухопутных военных предприятиях казаков в источниках. Поэтому, думается, существует необходимость в приведении максимально полной информации по данному вопросу.

Чаще всего известия о сухопутных набегах казаков встречаются в войсковых отписках с Дона, однако эти казачьи походы «на степь» описываются в них крайне лаконично. Зачастую сообщается лишь время похода, иногда – количество принявших в нем участие казаков, место набега и, коротко, его итог (место набега указывается, впрочем, также не всегда). Например, в войсковой отписке от 9 июня 1646 г. казаки сообщали (на имя государя) следующие подробности своего похода в степь: «Да в нынешнем же, государь, во 154-м году, мая в 31 день ходили мы, холопи твои, в поход для языков. И Божию, государь, милостию, а твоим государьским счастьем взяли мы крымских многих людей; а иных, государь, многих же их людей порубили. И те, государь, языки, крымские мужики, в роспросе нам, холопом твоим, говорили...» (далее следует подробнейший расспрос этих «языков» о положении дел в Крыму).⁴ Вот пример из войсковой отписки от ноября 1656 г.: «И мы, холопи твои <...> в сентябре и в октябре месяцах в розных числах посылали в поход на Крымскую степь под Крым и под ногайские улусы конных своих казаков и татар (донских. – *О. К.*) для языков и подлинных вестей. И те похождения наши взяли на Молочных Водах под улусом ногайских дву мужиков и привели к нам, а иных де мужиков порубили». ⁵ Еще одно сообщение: в декабре 1648 г. из Черкасского городка посылали «сорока человек конных на Крымскую сторону к Перекопи под ногайские улусы. И те донские казаки привели на Дон ногайского мужика...».⁶

Подобного рода известия о походах казаков в степь встречаются в казачьих отписках постоянно, однако, как видим, сведений о самом ходе подобных набегов практически нет. Это и понятно – Москву прежде всего интересовали международные известия, полученные казаками в ходе расспроса упомянутых «языков», а не подробности боевых столкновений в степи. Единственная ценная информация, которую иногда можно почерпнуть из таких сообщений, – это то, что в подобных набегах зачастую участвовало несколько десятков

⁴ Донские дела. СПб., 1909. Кн. 3. Стб. 45.

⁵ Там же. Пг., 1917. Кн. 5. Стб. 155.

⁶ Там же. Кн. 3. Стб. 820.

казаков; при этом в казачьи отряды нередко входили и «донские татары». Конные походы, количество участников которых превышало сотню человек, были нечасты и поход под Крым отряда в 300–500 казаков являлся уже значительным военным событием для Дона.

Характер и способы осуществления казачьих походов в степь выясняются по преимуществу из других видов источников. Прежде всего это расспросные речи казаков в Москве и показания вернувшихся с Дона людей в южнорусских городах, а также расспросные речи в Посольском приказе привезенных казаками татарских «языков». Нельзя не упомянуть и об отписках астраханских воевод, подробно рассказывающих о разного рода набегах кочевников друг на друга, а также о действиях отправленных из Астрахани для боевых предприятий против татар отрядов астраханских служилых людей (включая астраханских татар). При этом особый интерес вызывает сходство действий тех и других с казачьими набегами. Большинство сведений такого рода отложилось в неопубликованных документах.

На наш взгляд, можно выделить три основных вида казачьего «воинского промысла» в степи над татарами. Во-первых, это были нападения «на шляхах и перевозах», зачастую производившиеся из засад; во-вторых, набеги непосредственно на (а чаще под) татарские улусы. Третий, особый вид боевых действий казаков в степи следует видеть, думается, в приеме преследования неприятеля по «сакме». Рассмотрим военную деятельность казаков во время походов «на степь» подробнее.

Прямые описания нападений казаков на татар «на шляхах и перевозах» в источниках крайне редки. Однако в челобитных отдельных казаков, рассказывающих о своей службе «на Поле» великому государю, упоминания о таких акциях встречаются нередко. При этом имеются в виду нападения на татар прежде всего на путях их следования во время набегов «в Русь». Так, донской станичный атаман Осип Лосев в своей челобитной, поданной в Москве осенью 1644 г., писал: «...и которые, государь, тотаровя <...> в Русь хаживали, и из Руси с полоном (шли. – *О. К.*), и мы <...>, на перевозех стоя, тех татар грамливали, и языки многия имовали, и многих полонеников русских людей отграмливали...».⁷ Тогда же станичный атаман Томило Корякин также писал в челобитной, что он, служа государю на Дону, «по перевозам, и по перелазам, и по всяким приточным местам леживал

⁷ Там же. СПб., 1906. Кн. 2. Стб. 585.

(в засадах. — *О. К.*), тотар грамливал, и полон русской многой отбивал». ⁸ Наконец, донской казак Д. Ковелин, перечисляя в поданной в 1647 г. челобитной свои «службы» в степи великому государю, также упоминает, что он, помимо участия в азовских событиях и обороне в 1643 г. Раздорского городка, «на Дону по рекам и по перевозам лежал и турских людей и татар в Русь не пропускавал». ⁹ Все это были, безусловно, типичные для казаков занятия.

Имеются также и другие известия об этом виде боевых действий казаков. Так, отправленные из Тамбова в степь в конце августа — начале сентября 1658 г. тамбовские станичники Г. Полатов с товарищами показывали позднее в расспросе, что на Астраханском броду через Дон (в районе устья р. Битюг) на территории воронежских откупных вотчин они встретили отряд из 100 донских казаков, сообщивших станичникам, что «ждут де они (казаки. — *О. К.*) татар воинских людей, как пойдут из Руси». ¹⁰ В 1643 г. на Хоперском перелазе (татарская переправа близ устья р. Хопер) казаками Хоперского городка во главе с атаманом Дроздом Васильевым было отбито («отгромлено») у татар 27 русских полоняников «мужеска полу и женского» (включая и уже упоминавшегося атамана Осипа Лосева), захваченных татарами во время набега на Воронежский уезд летом этого года. ¹¹ Таким образом, казачьи нападения на татар «в приточных» (т. е. подходящих для этого) местах на путях следования последних «в Русь», несмотря на нечастое упоминание о них в источниках, было, безусловно, важным элементом казачьих «промыслов» над татарами. Такие нападения («погромы») сопровождалось ограблением и захватом в плен татар, что приносило казакам немалую добычу (которая и была главной целью подобных предприятий), одновременно казаки часто вызволяли русский полон, и это давало казакам основание говорить о своей службе православной вере и великому государю и способствовало формированию у них взгляда на «казакование» как на полезное и необходимое для Русского

⁸ Там же. Стб. 697.

⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 215. Л. 48. См. также: Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4. Стб. 32. (Челобитная в Москве донского казака С. Молинского от января 1649 г.)

¹⁰ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 626.

¹¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 162. Л. 109–110, 110 об. (Из расспросных речей в Воронеже донского атамана О. Лосева о пребывании его в плену.)

государства занятие. Однако в целом казачьи «погромы» на «перевозах и перелазгах» были лишь частной инициативой казаков и зависели, в конечном счете, только от их желания, а точнее – от возможности приобретения добычи.

Военная добыча от таких нападений была, судя по всему, весьма велика, а совершать их можно было, и значительно уступая неприятелю в численности. Вот единственное встретившееся нам в источниках подробное описание подобного нападения. Присланный в июне 1659 г. из г. Царева-Борисова в Москву с воеводской отпиской «черкашенин» Илья Харченко показывал во время расспроса следующее. Весной этого года из Царева-Борисова в степь «для звериного промыслу» ходили 30 человек «черкас». Здесь «на речке Коле» (вероятно, р. Кальчик) в районе Волчьих Вод они встретились с отрядом из 20 донских казаков, объединившись с которым, 24 мая «на Вольном броду» через р. Самару совершили нападение на отряд татар в 300 человек, шедших из Крыма к гетману И. Выговскому. Казаки «пришли» (напали) на татар «безвестно» (внезапно), «в те поры, как они (татары. – О. К.) перевозились через реку Самарь». Видимо, подобравшись к татарам на близкое расстояние, казаки открыли по ним стрельбу из ружей, в результате чего «убили татар на берегу 20 человек», «да в воде, как они <...> побежав, поплыли через реку на другую сторону, из ружья побили многих татар». «В языках» было захвачено 3 человека; немало «бусурман» потонуло в реке, другие бежали в Крым. Характерно, что на этом «погроме» казаки захватили у татар 200 лошадей, а иного имущества («платья, и луков, и сабель») отбили («отгромили») настолько «добре много», что всего «поднять и везть с собою не могли» и, отобрав лучшее, остальное «метали в реку».¹² Впрочем, необходимо заметить, что во главе отряда донских казаков (да и во главе похода в целом, вероятно, тоже) стоял не кто иной, как Михаил Лукьянов сын Самаренин («Самарин»),¹³ в недалеком будущем – войсковой атаман донских казаков, а значит – талантливый и опытный предводитель.

¹² Акты Московского государства. Т. 2. С. 663–664. См. также отписку царевоборисовского воеводы Р. Киреева об этом же (Там же). Согласно войсковой отписке в Москву от июня 1657 г., сообщавшей о том же событии, казаки были отправлены «на Крымскую сторону» из Черкасского городка «под крымския шляхи» (Донские дела. Кн. 5. Стб. 487).

¹³ В документе ошибочно – Иван.

Производить «погромы» татар на путях их набегов «в Русь» было для казаков удобно тем более, что многие из этих путей проходили либо поблизости от казачьих территорий, либо же шли непосредственно по ним. Приведем еще одно описание погрома казаками татар «на шляху». Оно содержится в отписке астраханских воевод от марта 1638 г. и представляет собой расспросные речи пятерых едисанских татар – «Глешка Исенгелдеева с товарищи», отправленных из Астрахани в составе отряда из 70 «охочих» юртовских и едисанских татар в январе этого года в поход под Крым. Упомянутые татары показывали, что, переправившись через Дон (в районе казачьего Есаулова городка), их отряд направился в набег под Крым, однако, «не доехав» неприятельских улусов, они вынуждены были отстать от своих, поскольку у них «пристали лошади», и затем вернулись в Есаулов городок. В это время (примерно в 20-х числах февраля 1638 г.) к казакам поступило известие о появлении в этом районе тысячи ногайских татар во главе с Ямгурчей-мурзой, шедших из Крыма в набег «на Русь». По данным «вестям», продолжали Т. Исенгельдеев с товарищами, «собрався <...> из Ясаулова и из ыных казачьих городков донских казаков и татар с полтараста человек», ходило на речку Чир «под ногайских татар»; участие в этом походе приняли также и сами рассказчики. Казаки действительно «сошли» Ямгурчей-мурзу на р. Чир и «тех нагайских татар многих побили, и лошади многие отбили», причем после раздела захваченного имущества пятерым упомянутым татарам досталось «на их пай» 40 лошадей. Шедшие в набег татары были, по-видимому, разогнаны; «в языках» казаки захватили 2 человека, а сам Ямгурчей-мурза «с невеликими людьми» бежал обратно в Крым.¹⁴

Однако казачьи нападения на татар на шляхах не ограничивались лишь путями набегов последних «в Русь». Бывало, что казаки устроивали «погромы» на дорогах и в глубине татарских степей. Так, от 1651 г. имеется известие, что донские казаки, ходившие в августе этого года в поход «на Темрюцкую сторону», «на перевозах под шлехами (шляхами – *О. К.*)» разгромили «караван тележной», в котором захватили «турских людей, и татар, и черкас». Последние направлялись «из Азова в Темрюк, а иные в Крым».¹⁵ Присланные из

¹⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 61–63.

¹⁵ Там же. 1651 г., № 1. Л. 201. (Из отписки астраханских воевод, в которой пересказывается полученная в Астрахани 30 сентября войсковая отписка с Дона.)

Москвы в начале 1639 г. в занятый казаками Азов кн. Н. Белосельский и подьячий И. Хоненев сообщали в своей отписке с Дона о приводе 19 марта в этот город захваченных казаками в степи «языков» — темрюцких татар. При этом авторы отписки поясняли, что этих татар казаки «взяли <...> на бою в степи: ходили за ними в поход — лежали на сакмах».¹⁶ В статейном списке присланного в 1635 г. с государевым жалованием на Дон воронежца В. Струкова говорится, что захваченный летом этого года в степи татарский «язык» показал во время расспроса в войсковом кругу, что он попал в плен во время боя между казаками и отрядом татар из 200 человек во главе с двумя мурзами; последние направлялись в Азов «для своих промыслов и покупки».¹⁷

Можно привести дополнительные известия о походах казаков «под» татарские шляхи. Так, в войсковой отписке в Москву от мая 1646 г. казаки, в частности, писали: «А которые, государь, азовские люди пошли под твою государеву отчину под Астрахань для языков, и мы <...> послали за ними под шляхи их своих донских казаков».¹⁸ В другой отписке в Москву с Дона того же года сообщалось, что 20 июля в поход на Крымскую степь «под шляхи и под перевозы» также был отправлен казачий отряд.¹⁹ Есть и другие свидетельства такого рода.

Наглядное представление о методах действий и рискованности подобных предприятий дает отписка астраханских воевод от июня 1652 г.²⁰ В апреле этого года, с целью «провесть подлинных вестей» о крымцах, «под Кабарду и в ыные места» из Астрахани был отправлен отряд во главе с сыном боярским Алексеем Казанцевым. Он состоял из 50 стрельцов-добровольцев («охотников») и 90 едисанских татар во главе с двумя мурзами. Вернувшись более чем через месяц, они сообщили о своем походе следующее. В ходе движения по Ногайской степи²¹ отряд перешел р. Ею («Ию») и продолжал двигаться «меж Азова и Кобана реки» (т. е. р. Кубани) в течение дня. На следующий день «государевы ратные люди» увидели крупное

¹⁶ Там же. 1639 г., № 12. Л. 234.

¹⁷ Донские дела. Кн. 2. Стб. 745–746.

¹⁸ Там же. Кн. 3. Стб. 4.

¹⁹ Там же. Стб. 145.

²⁰ Излагаемый далее эпизод отчасти уже упоминался выше.

²¹ Принимая за ориентир р. Дон. Если за точку отсчета брать Волгу, то это будет Крымская степь.

татарское войско, направлявшееся из-за Кубани к Азову, от которого они «поукрылись в бояраках» (оврагах). Затем А. Казанцев «с товарищи», отойдя «крепкими местами» (т. е. по пересеченной местности) в сторону Дона к р. Ее, стали близ нее «в крепких же местех», после чего «послали от себя подъеззчиков (разведчиков. – О. К.) к дороге», по которой проследовала татарская «рать». Здесь разведчики наткнулись на отряд из 300 татар, принадлежавший к упомянутому войску и шедший с большим отставанием от него. Татары, погнавшись за «подъеззиками», встретились с отрядом А. Казанцева, вступив с ним в бой, но после наступления темноты ушли в сторону Азова.

После этого столкновения «Алексей с товарищи» стояли возле Еи еще четыре дня, дожидаясь «иных людей», пока на пятый день их разъезд не подметил уже на иной («Темрюцкой») дороге «азовских людей человек с сорок», ехавших от Азова и ставших на стан («на коши») в двух днях пути от последнего. В ходе боя при нападении на татарскую стоянку 20 человек из этих татар было убито, 9 взято живьем, остальные «з бою розбежались врознь»; было освобождено «белорусского (т. е. украинского. – О. К.) полону» «баба, да девка, да двое робят», а также захвачено «три жонки татарки». «Языки» в расспросе показали, что людей в караване насчитывалось 42 человека, направлялся он в кочевавшие под Кабардой улусы Малого Ногай. Часть шедших в нем людей направлялась в упомянутые улусы «для торга» с товарами, другие – татары этих улусов – возвращались после поездки за товарами в Азов. О характере товаров документ сообщает скупое – так, упоминаются купленные татарами в Азове кумач, сапоги; отсюда же азовские татары везли в Малый Ногай на продажу «полоняников» (из вывозившихся в Азов товаров упоминается «масло коровье», а также «животина» – скот). В результате «погрома» в руки нападавших помимо пленников попали «коши (имущество. – О. К.) <...> и лошади все». Добыча, надо полагать, была весьма велика.²²

Итак, на основании приведенных данных довольно хорошо видны отличительные черты боевых действий в степи, широко применявшиеся и казаками. Это и внезапность нападения, ломавшая волю к сопротивлению и позволявшая разогнать численно превосходящего

²² РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1652 г., № 1. Л. 64–71.

противника, заставляя его бросать свое имущество (именно так, по видимому, и было произведено нападение на татар у р. Чир в 1638 г.), и подчас довольно долгое поджидание жертвы. «Промысел» же на торговых путях был, вероятно, настолько выгоден, что казаки, морем подходя под степные дороги, устраивали засады и действовали на них уже в пешем порядке. Именно подобным образом был «погромлен» в 1651 г. «тележный караван» на «Темрюцкой стороне» (см. выше).

Другим видом казачьих походов в степь были набеги под татарские улусы. Численность казаков, принимавших участие в таких набегах, была, как правило, невелика. Вот несколько конкретных примеров. Приехавший в ноябре 1641 г. в Астрахань с Дона улусный татарин ногайского Салтанаш-мурзы Аксакова Элдибай («Элдибайко») Янарсланов показывал во время расспроса следующее. Во время его пребывания в Азове у казаков сюда приехали 9 донских казаков, ходивших в набег на Крымскую степь «для языков и конского отгона» под ногайские улусы. В казачьем кругу они сообщили об отгоне у «ногайских людей» 200 лошадей и захвате «в языках» одного татарина. Ногайские улусы кочевали в это время на Молочных Водах.²³ Примерно в то же время (декабрь 1641 г.) из казачьего Кагальницкого городка в поход «для конского отгона» под Крым ходили 20 донских казаков во главе с Иваном Косым. На Молочных Водах они отогнали у татар 30 лошадей.²⁴

Посылавшийся осенью 1638 г. из Астрахани на Дон сын боярский И. Суслов сообщал после возвращения, что перед его приездом в Азов отсюда ходили в набег под ногайские улусы 8 донских казаков. Казакам удалось «съехать» татарские кочевья лишь «за Крымом» на р. Самаре («от Азова скорою ездою в десети днищах»), где казаки отогнали у ногайцев «лошадей с шестьдесят».²⁵ Подобные примеры можно продолжать.

Способы осуществления таких набегов в документах, как правило, не фиксируются, и о них можно узнать лишь из случайных сообщений источников. В частности, казачьи нападения могли производиться

²³ Там же. 1642 г., № 1. Л. 4, 7. (Сам этот татарин был отправлен в ногайские улусы под Крым от Салтанаша-мурзы с дипломатическими целями.)

²⁴ Там же. Л. 91, 95. (Из расспросных речей посылавшегося из Астрахани на Дон сына боярского Лариона Исупова.)

²⁵ Там же. 1639 г., № 1. Л. 14. «Днище» – день пути.

как на отдельных татар, так и на группы татарских «зверовщиков»-гулебщиков, на разного рода татарские стоянки в степях, а также на пастухов, кочевавших со своими стадами на некотором отдалении от основной части татарских кочевий. Нападение обычно старались произвести скрытно, в наиболее ответственных случаях – ночью или на рассвете.

Вот редкое описание одного из подобных набегов. В июле 1639 г. в Астрахань с Дона приехало несколько астраханских татар, из которых один, Бектемир Кульмаметев, прожил на Дону 7 лет. В расспросе он, в частности, показал, что в мае–июне 1638 г. 20 донских казаков ходили в набег под ногайские улусы, причем участие в этом походе принимал и сам Б. Кульмаметев. На р. Кале (вероятно, Кальчик) казаки «съехались» со стоявшими на стану 16 татарами и отогнали у них лошадей. Татары вступили с донскими казаками в бой, но в ходе столкновения потеряли двух человек пленными, после чего прочие татары «пеши» бежали в горы, где и «отсиделись» от казаков «в щели» (надо полагать, пещере или расщелине). Характерно, что один из захваченных казаками «языков» оказался крымским мурзой.²⁶

Еще два примера такого рода. В начале мая 1641 г. из Азова в Крымскую степь «для языков» был отправлен отряд из 20 донских казаков. Захваченный казаками «на степи» крымский татарин «Янбечко» был затем с Дона отправлен в Москву. Во время допроса в Посольском приказе он показал, что принимал участие в походе полуторатысячного татарского отряда. Отряд этот был отправлен из Крыма под Азов с целью захвата у казаков «языка», после чего планировалось совершить набег «в Русь» под г. Козлов. В районе урочища Тузлова (на расстоянии в полдня пути от Азова) татарский предводитель Касай-ага, отобрав с собою «резвых людей человек с 500», отправился с ними под Азов, остальные же татары остались на стану. На следующий день многие из них «разъехалися <...> в степь для зверя», где двое татар и были захвачены казачьим отрядом.²⁷

Подобным же образом в апреле 1660 г. на урочище Бердах близ Азовского моря отрядом донских казаков (о численности его в источниках, правда, не сообщается) были захвачены двое ногайских татар, в составе группы из 10 человек отъехавших в сторону от улусов;

²⁶ Там же. Л. 115.

²⁷ Донские дела. Кн. 2. Стб. 181–182.

прочим татарам при нападении казаков удалось бежать.²⁸ Нападали казаки и на «заставные караулы» в степи (в частности, под Азовом), совершали налеты на татарских рыбаков по берегам Азовского моря.²⁹

Однако далеко не всегда отряды казаков, уходившие в набег «на степь», были столь малочисленны. Случались и более крупные походы. Соответственно, и результаты их были более впечатляющи. Например, летом 1640 г. на Крымскую степь было отправлено из Азова 500 конных казаков. Под Крымом в районе Перекопа у них произошло столкновение с крымским отрядом во главе с 3 мурзами, направлявшимся в набег «на Русь». В ходе боя 2 мурзы были убиты казаками, третий бежал от казаков ранен, в плен было захвачено 70 человек.³⁰ Впрочем, набеги численностью от 100 до 300 (тем более – до 500) казаков были нечасты и являлись уже достаточно крупным для Дона военным событием. По данным войсковых отписок, чаще всего в походах под татарские улусы принимали участие до 50–60, иногда – до 90 человек.

Мы вынуждены приводить лишь редкие и скудные известия о казачьих походах в степь. Между тем, как уже упоминалось, подобные походы совершались донскими казаками постоянно. Так, в октябре 1640 г. атаман Д. Гаврилов с казаками показывали в Москве, что «под Крымские де улусы атаманы и казаки из Азова ходят почасту...».³¹ Казачьи набеги производились, однако, не только под Крым, но и на Ногайскую степь, а также «под Черкесы». Так, сын боярский И. Суслов, вернувшийся с Дона в начале декабря 1638 г. в Астрахань, сообщал во время расспроса: «А з Дону де казаки и татаровя под Темрюк, и под Крым, и под нагайские улусы в подъезд и для проведывания вестей ездят безпрестани, а без подъезщиков де з Дону не бывает».³² Подобная ситуация сохранялась, безусловно, и в более позднее время. При этом большая часть подобных набегов, без сомнения, не нашла отражения в источниках.

²⁸ Там же. Кн. 5. Стб. 670–672.

²⁹ См.: РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 183-а, 180.

³⁰ Донские дела. Кн. 2. Стб. 53, 56. (Из войсковой отписки и расспросных речей присланных в Москву казаков.)

³¹ Там же. Стб. 56.

³² РГАДА. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 19. (Таким образом, под «Черкесами» в источниках понимаются, возможно, не столько кавказские горы, сколько «темрюцкие черкесы».)

Не всегда, впрочем, походы в степь бывали удачны для казаков. Особенно опасны были встречные столкновения с татарскими отрядами, далеко не всегда оканчивавшиеся победой донских «похожан». Так, если зимой 1644/45 г. отряд казаков, столкнувшись с группой татар, шедших из Крыма в Азов, захватил в плен 15 человек,³³ то совсем иначе закончилась экспедиция 300 донских казаков и татар на Крымскую степь в январе 1641 г.

На пути под Крым казачий отряд встретился с отрядом запорожских казаков. После объединения сил казаки ходили к Перекопу, однако здесь они натолкнулись на крымскую «заставу» (в данном случае – отряд) из 12 мурз «со всякими воинскими немалыми людьми». В ходе боя и осады в степи татарами (казаки в ходе боя заняли, надо полагать, круговую оборону), длившейся трое суток, донские и запорожские «похожане» сумели отбиться от натиска превосходящих сил «бусурман». При этом донские казаки вернулись «к Войску в Азов» с «языками», однако многие из ходивших в поход пришли «переранены и пеши»; тяжело раненные же были оставлены у запорожских казаков.³⁴

Можно привести также такой пример. Весной 1638 г. из Азова под крымские улусы был отправлен отряд из 110 донских казаков и татар во главе с атаманом Денисом Парфеньевым (прозвище Поплева). На р. Молочные Воды он столкнулся с численно превосходящим его отрядом татар во главе с ногайским Салтанаш-мурзой (200 человек). Как показывал позднее в Москве Д. Поплева, у казаков в ходе боя был захвачен казак и 2 татарина, у нагайцев же были убиты 10 человек, а также захвачен в плен сын аталыка Салтанаш-мурзы.³⁵ Интересно, однако, что один из захваченных в ходе этого столкновения «донских татар», К. Тарбердеев, бежавший затем из плена и вышедший из степи к русскому городу Усерду, показывал в ходе расспроса, что татары казаков «розогнали, а иных <...> в полон поимали».³⁶

Не всегда просто было и отступить с захваченной добычей обратно на Дон. Так, отправленный весной 1650 г. на Дон с грамотой гонец

³³ Донские дела. Кн. 2. Стб. 618. (Войсковая отписка от февраля 1645 г.) Не исключено, правда, что татары были захвачены не в ходе встречного столкновения, а во время нападения из засады близ дороги.

³⁴ Там же. Стб. 120. (Войсковая отписка от марта 1641 г.)

³⁵ Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1. Стб. 779, 769–770. Аталык – воспитатель, дядька мурзы.

³⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 265.

Н. Зарубин показывал затем во время расспроса, что при нем казаки посылали в степь из Черкасского городка «для проводыванья вестей и для языков» отряд в 150 человек. Сначала донские «похожане» на р. Молочные Воды «отогнали было у татар лошади», но затем татары, оправившись после нападения, лошадей отбили обратно. И хотя казаки сумели «отойти» (т. е. оторваться от преследования) и вернуться на Дон «все без урону», однако «в Войску» они сообщили, что «на степи везде кочуют татаровя, насилу они (казаки. — *О. К.*) от них степью проехали».³⁷ Путь отступления из-под Крыма был, правда, благоприятен для немногочисленных казачьих отрядов, как, впрочем, и для внезапных нападений. Так, вернувшиеся летом 1638 г. с Дона в Астрахань несколько астраханских татар показывали во время расспроса, что Крымская степь восточнее Молочных Вод благоприятна для внезапных нападений на татарские кочевья. «Потому что места крепкие, и отводом (отступая. — *О. К.*) итти мочно — с одну сторону море, а з другую сторону горы каменные», — поясняли они.³⁸

Нередко случалось, что ушедшие в набег не могли отыскать в степи татарских кочевий. Улусы татар, кочуя по степи, могли переходить с места на место, и обнаружить их не всегда бывало просто. Так, казаки Кагальницкого городка И. Косой «с товарищи», в декабре 1641 г. на урочище Молочные Воды отогнавшие лошадей из-под улусов ногайского Акимбет-мурзы (см. выше), «после <...> того недели з две» спустя вновь ходили в набег «для конского отгону» под Крым. Однако они уже «Акимбет де мурзу (т. е. его улусы. — *О. К.*) нигде на степи не наезживали», и куда ушли татары с Молочных Вод, было также неизвестно.³⁹ В отписке с Дона от осени 1646 г. дворянин Ж. Кондырев сообщал, что «из Войска <...> часто ходят на степь казаки и тотарове, которые живут на Дону <...> под крымские и нагайские улусы», однако ни «языков, ни коней нигде не добудут и улусов не сыщут».⁴⁰

Данная ситуация была связана с тем, что татары по разным причинам уходили из прилегавших к Дону степей за Перекоп или к западу от него, а с левой стороны Дона — за Кубань. В такие моменты крымские

³⁷ Донские дела. Кн. 4. Стб. 497.

³⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 117.

³⁹ Там же. 1642 г., № 1. Л. 95.

⁴⁰ Донские дела. Кн. 3. Стб. 368.

и ногайские степи, служившие для казаков источником военной добычи, пустыли. Так, приехавшие весной 1648 г. в Москву донские казаки К. Яковлев и В. Моисеев показывали во время расспроса, что на Дону «про крымских людей вестей нет», поскольку казаки «языков нигде добитца не умели – которые де (татары. – *О. К.*) по степи кочевали, и те пошли в дальние места, а иные в Крым, а иные к Темрюку».⁴¹ Весной 1662 г. казаки, прося прибавки к государеву жалованию и сообщая, что добычи у них стали скудными, жаловались на перекрытие турками выхода к морю. «А которые орды блиска твоей государевой вотчины (т. е. р. Дон. – *О. К.*) кочевали, – продолжали казаки, – и те все орды прочь откочевали в горы» (т. е. за Кубань).⁴² Уход татарских кочевий «в дальние места» от Дона, таким образом, отрицательно сказывался на материальном благополучии казаков.

В источниках не зафиксировано случаев военных катастроф в ходе степных походов казаков, однако они, безусловно, случались. И, конечно, казаки несли потери во время подобных набегов. Так, приехавший в декабре 1661 г. в составе казачьей станицы в Москву донской казак А. Федоров показал во время расспроса, что он был взят «в полон» в то время, как в 1658/59 г. «ходили они (казаки. – *О. К.*) з Дону под нагайские улусы».⁴³ Кочевья татар под Крымом (чаще всего это были ногайские улусы, находившиеся в крымском подданстве) располагались прежде всего по Молочным Водам, Бердам Верхним и Нижним, Кальчику, реже – Калмиусу; кочевали они и близ Перекопа. До последнего от Дона было минимум 10 дней движения «коньми», до Молочных Вод – 7, до Верхних и Нижних Берд – 5. Добираться обратно в случае гибели отряда, падения коня, ранения, наконец, было весьма рискованно, а порой и вовсе проблематично.

Об опасности степных походов под улусы кочевников можно судить на основании нескольких эпизодов из боевой практики других казачьих сообществ. Так, вышедший в мае 1641 г. в составе группы беглецов из турецкого плена в Астрахань «запорожский черкашенин» Л. Иванов показывал в расспросе, что около 20 лет назад «собралось их запорожских черкас дватцетъ восемь человек», после чего они ходили «из Запорог степью под Крым для конского отгону». Однако «в том де походе поимали их крымские люди», и Л. Иванов

⁴¹ Там же. Кн. 4. Стб. 4.

⁴² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 199.

⁴³ Донские дела. Кн. 5. Стб. 931.

был продан в Турцию. Другой запорожский казак, пришедший в Астрахань в составе этой же группы, тоже показал, что несколько лет назад он ходил «для конского отгона» в составе небольшого отряда запорожцев под Перекоп, но их «побили» крымские татары, а его взяли в плен и продали в Царьград.⁴⁴ Как видим, немногочисленные походы в степь предпринимались и известными своими широкомасштабными походами под Крым запорожскими казаками.

Сведения о подобного рода набегах имеются и по Яику. Так, вышедшие из калмыцкого плена в Астрахань летом 1651 г. 3 яицких казака показали в расспросе следующее. Осенью 1650 г. 20 казаков из Кош-Яицкого городка ходили в поход «под калмыцкие улусы», где они совершили нападение на улус ногайского Салтаналы-мурзы Аксак-Кельмаметева, откочевавшего к калмыкам из-под Астрахани. Казакам удалось захватить в плен татарина «да ясырю человек з десять» (под «ясырем» здесь, судя по всему, подразумеваются женщины и дети), после чего они «пошли к своему городку». Однако на отходе яицких «похожан» настигли («сошли») «калмыки и татаровя, многие люди». В ходе боя 2 казака были убиты, трое попали в плен, однако прочие сумели вместе с «ясырем» отойти обратно в Яицкий городок.⁴⁵ Случалось, подобные набеги яицкие казаки совершали на расстояние в 150 верст от своих городков,⁴⁶ и, безусловно, это был не предел.

Итак, казачьи набеги под улусы кочевников требовали не только отчаянной храбрости, но и высокого воинского мастерства. В последнем, по существу, можно видеть самые настоящие профессиональные навыки, приобретавшиеся годами «казакования». Не случайно донские казаки называли себя людьми «промышленными» (в данном случае – военными). Ведь улусы кочевников старались по возможности кочевать в «крепких местах», затруднявших внезапное нападение.⁴⁷ В опасных для кочевья местах у татар имелись «сторожи крепкие», специально «стерегли» кочевники и «конские табуны»,

⁴⁴РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 40.

⁴⁵Там же. 1651 г., № 1. Л. 187–188. Кош-Яицкий, или Яицкий городок – городок на о. Кош-Яик, центр яицкого казачества.

⁴⁶См.: Там же. 1650. № 1. Л. 17.

⁴⁷Так, летом 1651 г. крымский хан велел «на Крымской <...> степи нагайскому Ямгурчею-мурзе с улусными людьми <...> кочевать в крепких местах». См.: Там же. 1651 г., № 1. Л. 202. (Из отписки астраханских воевод, пересказывающей присланную 30 сентября 1651 г. в Астрахань войсковую отписку с Дона.)

бывшие желанной добычей для нападавших.⁴⁸ И нужно было обладать значительным количеством умений и навыков, а также хитростью и изворотливостью, чтобы совершить удачный степной набег.

Еще одной разновидностью казачьих «воинских промыслов» в степи было преследование по «сакме» (следу) неприятельского отряда с целью нагнать и «погромить» его. Как уже упоминалось, далеко не всегда во время набега казакам удавалось встретить татарские кочевья, и в такие моменты они обычно старались обнаружить «на степи» татарскую сакму. В документах имеется ряд примеров подобных действий казаков.

Так, в войсковой отписке от осени 1657 г. казаки сообщали в Москву о посылке в степь под Крым «для проведыванья подлинных вестей» отряда казаков и татар. Подробности этого похода выясняются из расспросных речей в Москве возглавившего поход атамана М. Самаренина. Казачий отряд, отправленный «под крымские улусы», состоял из 60 человек. На пути к Перекопу ему встретилось «на дороге» трое бежавших из крымского плена запорожцев, сообщивших донским казакам, что под Крымом стоит татарская «застава» из 2000 татар, предназначенная «для обереганья от приходу их, донских казаков, и запорожских черкас», на крымские кочевья. Получив данную информацию, казаки «поворотились» в Запорожье с целью поднять тамошних казаков в поход под Крым. После прибытия донских казаков в Сечь запорожцами был организован широкомасштабный поход «под крымские улусы», окончившийся, однако, неудачей: на пути в Крым к татарам «перекинулся» один из запорожцев с целью предупредить о казачьем набеге. Опасаясь засады крымцев, казаки вынуждены были вернуться обратно.

После этого казаки отряда М. Самаренина отправились в набег под крымские улусы уже «бес черкас, одни». На пути к Крыму они натолкнулись на след татарского отряда («шлях татарский»), ведущий в сторону г. Полтавы. После двух дней преследования казаки «съедали тех татар на стану на степи» и на них «били ночью». В ходе казачьего нападения 10 татар были убиты, пятеро взяты в плен, остальных казаки «розогнали». Со стороны нападавших «пропало» (вероятно, погибло или отстало во время движения по степи) 3 человека.⁴⁹

⁴⁸ См.: Там же. Л. 181; Донские дела. Кн. 5. Стб. 930.

⁴⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 251–252.

Как уже говорилось, в источниках можно встретить и другие известия о походах казаков за татарами по их следу. Например, посылавшийся на Дон зимой 1636/37 г. астраханский сын боярский Д. Амбаров сообщал, что этой зимой «многие азовские татаровя» «пошли <...> на государевы украинные города войною», а «донские де казаки пошли за теми татары шляхом».⁵⁰

Присланные летом 1641 г. с Дона в Москву атаман Анисим Никифоров с казаками показывали во время расспроса, что весной этого года посланный в степь «для языков» значительный казачий отряд (до 300 человек) «сшолся» в степи с татарами, направлявшимися в набег «на Русь», однако в ходе боя не смог одолеть его. Тогда казаки отступили к Валуйкам, где, призвав к себе на помощь «вольных людей розных городов», «пошли в поход за теми татары» по их следу.⁵¹

Можно привести еще такой эпизод. Приехавшие в июле 1623 г. с Дона на Валуйки «торговые люди» из Ельца и Оскола, а также донской казак А. Игнатов показывали в расспросе, что незадолго до этого под Валуйки и Белгород из Азова направились в набег 100 азовских татар. Однако «из Войска» донские казаки «за теми азовскими людьми» отправили «посылку» (т. е. казачий отряд). Ушедшие в поход казаки «азовских людей <...> дошли (настигли. – О. К.), и, дошед, побили и взяли у них татар тридцать человек живых».⁵²

Но наиболее яркое описание похода за татарами по шляху встретилось нам в одной из отписок астраханских воевод за 1638 г. В феврале этого года из Астрахани в поход на татарские улусы был отправлен значительный отряд астраханских служилых людей. Он насчитывал 10 детей боярских, около 60 конных астраханских стрельцов, несколько неслужилых добровольцев – гулящих и торговых людей, а также около 50 едисанских татар во главе с Юсуф-мурзой Тиникеевым – всего более 120 человек во главе с астраханским сыном боярским Иванисом Колодничем.

В ходе движения по степи отряд И. Колодничя перешел через Дон в районе казачьих городков и направился под Крым. По пути «государевы ратные люди» «наехали сакму» (т. е. обнаружили след татарского отряда), которая вела по направлению к «государевым украинным городам». Астраханцы пошли по следу. Идти пришлось

⁵⁰ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1637 г., № 1. Л. 61.

⁵¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 152. Л. 8–9.

⁵² Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 192.

3 недели, пока 12 апреля в 2 днях пути от Воронежа в степи не произошла встреча с татарским отрядом, возвращавшимся по той же сакме с русским полонем из набега «в Русь». И. Колоднич предусмотрительно не позволил татарам «сметити людей» (т. е. не дал определить численность своего отряда), в результате чего татары «пришли к нему Иванису на бой сами», а «русской полон отпустили стороной» (отослали в сторону). Надо полагать, татары не ожидали встретить на обратном пути крупный отряд русских (казачьи отряды, а также посылавшиеся в степь служилые люди пограничных городов во время подобных столкновений были, как правило, немногочисленны), поэтому они и пошли на прямой бой. В результате астраханские служилые люди «напустили» на татар («напуск» – атака); в ходе боя многих татар «побили», а обратившихся в бегство, «догнав, побили всех и побрали (в плен. – О. К.) без утеклеца» (т. е. никого не упустив). При этом «русского полону» было освобождено около 80 человек (из них 30 воронежских детей боярских и 50 крестьян); в плен было захвачено 60 татар (судя по количеству захваченных татарами русских пленников, численность их отряда превышала 100 человек). Поскольку всех татар «устеречь» было невозможно, в живых оставили только 40 человек, прочих же порубили. Сам И. Колоднич вместе с пленными направился к Воронежу, однако впереди ожидалась встреча с еще одним татарским отрядом.

Отписку И. Колодница с изложением этих событий привез в Астрахань отряд юртовских и едисанских татар числом в 27 человек, по каким-то причинам отделившихся от отряда И. Колодница и приехавших в Астрахань 2 мая. На основе этого документа и была составлена отписка из Астрахани.⁵³ Известий о дальнейших событиях под Воронежем в астраханских документах не имеется, однако среди материалов Разрядного приказа нам встретилась отписка в Разряд воронежского воеводы М. Вельяминова, сообщавшая о прибытии 17 апреля 1638 г. отряда И. Колодница в Воронеж. Получается, что весь поход составил полтора месяца (из Астрахани отряд вышел 28 февраля). Сам бой, согласно отписке воронежского воеводы, произошел на р. Тулучееве (район воронежских откупных вотчин), в четырех «днищах» (днях пути) от Воронежа. Нового столкновения, судя по всему, не произошло.⁵⁴

⁵³ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 44–46.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 16–17.

Итак, выше мы рассмотрели основные виды и способы степных нападений казаков на кочевников. Как видим, они больше напоминают партизанскую войну. Военные действия казаков «на степи» велись чаще всего силами небольших отрядов. Нападения производились, как правило, скрытно, внезапно, часто на рассвете или ночью, а также из засад. «Придти безвестно и повоевать» – было основным правилом степной войны. (Бой И. Колодничка – явление, вероятно, не совсем типичное.) Бывали, правда, и крупные походы – в частности под Азов, но и здесь старались подойти скрытно.

Так, в середине 1644 г. (примерно в мае–июне) около 4500 казаков (по другим, более правдоподобным сведениям – 417 человек) ходили по Дону в судах и степью в конном порядке в поход под Азов. Казаки были замечены, и им навстречу был выслан из Азова конный отряд, вступивший в бой с шедшими по берегу Дона казаками. И хотя азовский отряд потерпел поражение – в ходе боя был убит брат азовского «воеводы» (бея), однако поход под Азов был прекращен. Конные казаки, «не дошед Азова», возвратились обратно, «потому что, – как говорится в документе, – азовские люди их подметили». Казаки же, которые шли по Дону в судах, «не ходя под Азов», прошли на море и, захватив там «турских три каторги с товарами», также возвратились обратно.⁵⁵

Тактика внезапных нападений, применявшаяся казаками, давала, безусловно, свои плоды. Сохранилось, в частности, описание «прихода» летом 1646 г. объединенных сил донских казаков и присланных в этом году на Дон «ратных людей» на крупное татарское войско, стоявшее станом на р. Кагальник. Захваченный в ходе данного боя в плен сын темрюцкого князя показывал позднее в Москве, что «пришли де на них государевы люди на утреней зоре, изгоном перед светом, еще не розсветало». При этом, по словам упомянутого «языка», нападавшие «пришли» на татар с той стороны, с которой «был караул некрепкой», и караульщики сумели сообщить о подходе русских лишь в то время, когда уже началось избиение татар («а прибежали

⁵⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1644 г., № 1. Л. 8–9. (Расспросные речи в Астрахани ногайского татарина улуса Салтанаш-мурзы, захваченного во время набега под Азов «для конского отгона» и некоторое время находившегося в плену близ этого города в татарских улусах.) В другом документе, правда, говорится об отряде в 417 казаков, что, на наш взгляд, более правдоподобно. См.: Там же. Л. 172–173.

де вестовщики, а государевы люди уж секут».⁵⁶ В результате татары потерпели жесточайшее поражение.

В 1637 г., правда, по словам автора Исторической повести о взятии Азова, войсковой атаман донских казаков Михаил Татарин, обращаясь к Войску, заявлял: «Поидем мы, атаманы и казаки, под тот град (Азов. — О. К.) среди дни, а не нощию украдом, своею славою великою, не устыдим лица своего от безстыдных бусурман».⁵⁷ Выходит, будто М. Татарин признает, что все остальное время казаки действовали как «тати». С этим высказыванием перекликаются слова воеводы А. Лазорева, возглавлявшего присланный в 1648 г. на Дон для помощи казакам отряд «солдат». В частности, он упоминает в своей челобитной о «ночных татинных приходах» татар на Дон.⁵⁸ Думается, однако, что какой бы эта тактика на первый взгляд ни казалась «нерыцарской», она была, безусловно, оптимальна в степи, особенно учитывая незначительную численность казачества. В храбрости же самих казаков никто и никогда не сомневался.

Мы рассмотрели здесь весьма ограниченное количество примеров походов и боев казаков, а также русских служилых людей в степях. Между тем подобные действия были важнейшей составляющей военного быта русского населения степи, хотя источники донесли до нас лишь отрывочные данные о них. В этой связи возникает вопрос: были ли все эти приемы степной войны чисто русскими, или же они применялись и в мире кочевников? Насколько вообще можно говорить о связи тактики казачьих набегов с татарскими приемами войны в степи, а также о преемственности первых по отношению ко вторым? Чтобы ответить на данные вопросы, необходимо кратко рассмотреть взаимные набеги внутри татарского мира.

Как уже отмечалось, татары в рассматриваемый период не представляли собой в политическом отношении единого целого и были расколоты на ряд объединений. Ситуация политической разобщенности приводила к вражде и непрекращающимся набегам татар

⁵⁶ Донские дела. Кн. 3. Стб. 237–238.

⁵⁷ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906. С. 55. Слова «безстыдные» (бесстыдные) «бусурмане», скорее всего, означают: «не имеющие стыда перед Богом» (православным Богом, конечно), «безбожники», «поганые».

⁵⁸ Донские дела. Кн. 4. Стб. 397.

друг на друга, причем конфликты усиливались тем обстоятельством, что враждовавшие стороны принадлежали к разным государствам. Иногда отряды татар отправлялись из-под Астрахани в набеги под Крым по распоряжению астраханских властей и подробно отчитывались перед ними по возвращении. Вот два характерных примера.

В конце декабря 1637 г. из Астрахани «под Крым и под нагайские улусы» для «проведыванья крымских, и нагайских, и всяких вестей, и для языков и конского отгону» был отправлен отряд из 50 «охочих» едисанских татар. Позднее во время расспроса они показали следующее. Отряд переправился через Дон в районе казачьего Есаулова городка, откуда направился в поход под Крым. В Крымской степи «на урочище Ерклые» (в другом месте – «Еркелы») астраханские татары подметили ногайских «зверовщиков» – татар, которые «выезжают из улусов своих для зверовья» (охоты на зверя), у которых они «ночью украдом» отогнали «с полтараста лошадей». «В языках» захватить никого не удалось. После этого едисанский отряд тем же путем вернулся с добычей обратно в Астрахань.⁵⁹

В конце января 1638 г. из Астрахани было отпущено в новый набег 70 юртовских и едисанских татар. Вернулись они в марте и также были подвергнуты расспросу. Подробности данного похода таковы. При переправе через Дон в районе Есаулова городка к татарскому отряду присоединились 60 донских казаков, отправившихся вместе с ним в набег под Крым. С пути, однако, казаки вынуждены были вернуться обратно, поскольку у них «пристали лошади». Астраханские же татары в Крымской степи на р. Бузане («Бузуне») «наехали <...> на зверовье» (охоте) «нагайских татар в трех местах со сто с шездесят (сто шестьдесят. – О. К.) человек», отогнав у них «изгоном» (т. е. внезапным нападением) 400 лошадей и захватив в плен одного татарина. С этой добычей они и вернулись обратно к Есаулову городку.⁶⁰ Подобные примеры можно продолжать.

Совершались подобные экспедиции и на Ногайскую степь (левую сторону Дона). Так, в апреле 1650 г. под Азов был отправлен отряд из 40 юртовских и ногайских татар. За полтора дня пути («днища») от Азова на р. Ее астраханский отряд «съехал» на дороге, шедшей из Азова к улусам Малого Ногай, «казыевских татар двадцать человек конных». С ними же было две телеги «с полоном». Нападение

⁵⁹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 5–6.

⁶⁰ Там же. Л. 61, 63–64.

было предпринято внезапно («безвестно») днем, «в обедную пору». В ходе боя несколько казыевцев были убиты на месте, прочие же, «покиня полон и телеги, разбежались врознь»; в ходе преследования было убито еще несколько человек. Из расспроса освобожденных астраханскими татарами «полоняников» выяснилось, что все они были «белорусцы» (украинцы) из-под Киева, в плен же попали в ходе совместных действий запорожских казаков и татар против поляков. «Полоняников» было 8 человек, в том числе 3 девушки и пятеро подростков – последние в возрасте от 10 до 14 лет. Возвращавшиеся из похода «в Литву» татары везли их к себе в улусы.⁶¹

Подобные эпизоды нередко можно встретить в отписках в Москву астраханских воевод. Например, в 1644 г. небольшой отряд татар из Астрахани напал под Азовом на азовских татар, захватил у них лошадей, но на обратном пути был настигнут превосходящими силами и разгромлен. В 1636 г. значительный отряд русских и татар напал на шедшие в Азов из-под Кабарды кочевья Казыева улуса, отогнав у татар «конские табуны», но на преследовании был разбит, потеряв всю добычу, и т. д.⁶² Все это были будни степной жизни.

Выше уже приводились примеры внутритатарских столкновений и набегов азовских татар и татар Казыева улуса (Малая Ногайская орда) на Больших Ногаев и, наоборот, характеризовались также распри и взаимные набеги внутри самой Большой Ногайской орды. На подобном фоне набеги донских казаков представляются лишь органичной частью беспокойной жизни степи, отнюдь не представляя собой чего-то необычного. Из приведенного выше материала нетрудно заметить сходство казачьих и татарских приемов ведения степной войны. Это зачастую и малая численность отрядов, направлявшихся в набег, и нападения «украдом», «изгоном», нередко – ночью, и традиционная для степи цель набегов – лошадиные табуны и скот («животина»). Не случайно «донские татары» неплохо чувствовали себя среди казаков, а использование их опыта в ходе набегов под татарские улусы только придавало казакам дополнительные шансы на удачу.⁶³ С другой стороны, казачий быт

⁶¹ Там же. 1650 г., № 1. Л. 1–6, 9.

⁶² Там же. 1644 г., № 1. Л. 7–8; 1637 г., № 1. Л. 26.

⁶³ Характерно в этом отношении, что в 1649 г. в Астрахани стрельцы подавали челобитную, в которой писали, что им на калмыков «без татар в подъезд ездить не мочно». См.: Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 45.

Дона, целиком ориентированный на походы за добычей, также привлекал татар, многие из которых шли сюда «с бедности», в надежде (причем вовсе не призрачной) разбогатеть.

Безусловно, между казачьими и татарскими походами были и существенные отличия. Татары обычно не любили идти на жертвы, стараясь по возможности уклониться от боя. Казачьи же ватаги, вооруженные огнестрельным оружием и не боящиеся потерь, были в состоянии действовать, безусловно, более дерзко по сравнению с татарами. Тем не менее шансы на скорое обогащение, которые предоставляла «лихая степь» своим не менее «лихим» сынам, широко использовались как казаками, так и татарами.⁶⁴

Морские походы казаков

Походами «на степь» военная деятельность казачества не исчерпывалась. Другой составляющей «воинских промыслов» донских казаков были походы на море. Можно с уверенностью сказать, что в рассматриваемую эпоху именно морские походы казаков наносили наибольший урон «бусурманам», создавая казакам громкую славу и принося им наиболее богатую добычу.

Экспедиции казаков «на моря» рассматривались в литературе несколько более подробно, чем степные походы. Тем не менее высказывания об этой стороне деятельности казаков в историографии также носят чаще всего общий характер. Так, например, характеристика морских походов в работах Б. В. Лунина и С. И. Рябова ограничивается информацией из записок российского адмирала К. Крюйса от конца XVII столетия, касающейся устройства казачьих стругов и методов нападения казаков на турецкие корабли.⁶⁵

Коротко и в общих словах характеризуются действия казаков на море в работе «История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права)». Характеристика этих действий в данной работе представляет собой краткий пересказ известий того же Крюйса. Так, констатируются внезапность и быстрота казачьих нападений

⁶⁴ «Лихой» (в значении того времени) – опасный, недобрый.

⁶⁵ См.: Лунин Б. В. Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. С. 34–35; Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. С. 158.

на корабли «бусурман», использование для этого ночного времени и туманной погоды. Отмечаются и необыкновенная выносливость казаков, которую они проявляли во время походов на море, и отчаянная смелость, бывшая необходимой для штурма хорошо вооруженных турецких кораблей.⁶⁶

В ряде статей В. Н. Королева анализируются морские кампании донских казаков времени пребывания их в Азове, а также ряд других вопросов, связанных с казачьим мореплаванием по Азовскому и Черному морям.⁶⁷ В частности, автор воссоздает конкретный ход боевых операций казаков на море в 1637–1642 гг. Рассмотрен В. Н. Королевым и вопрос о базировании (т. е. о пунктах стоянки, ремонта и отдыха) казачьих флотилий во время походов. Так, проанализировав возможности стоянок донских казаков на побережье и островах Черного моря, В. Н. Королев пришел к выводу, что такие стоянки могли быть лишь временными, и это значительно усиливало рискованность казачьих экспедиций на море.⁶⁸

Вопрос о численности казачьих морских походов рассмотрел Н. А. Мининков. Среднее число казаков во время крупного похода на море он определяет в 1–2 тысячи человек. При этом автор отметил значительное численное преимущество турецкого флота по отношению к казачьему, что требовало от казаков особой хитрости, изворотливости и мастерства при ведении боевых действий в подобных условиях.⁶⁹

«Технологию» казачьих боевых действий на Черном море в XVII в. (на примере нападений казаков на прибоффорские местности Турции)

⁶⁶ История Дона... С. 137.

⁶⁷ Королев В. Н. 1) Морские кампании донских казаков 1637–1641 гг. // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1986. №1; 2) Технология донского казачьего мореплавания на Азовском и Черном морях в XVII в. (мореходные инструменты и карты) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1988; 3) Азовская эпопея: последние операции донского казачьего флота // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д, 1990; 4) Адахунское сражение // Изв. высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 1993. № 1/2; 5) Казачья морская культура: традиции и инновации // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межнациональных отношений. Ростов н/Д, 1999.

⁶⁸ См.: Королев В. Н. «По край было моря синего...» (Страница из морской истории казачества) // Богатый колодезь. Историко-краеведческий альманах. Ростов н/Д, 1991. Вып. 1.

⁶⁹ См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 336–340.

дает В. Н. Королев. Ему же принадлежит фундаментальный обзор историографии и источников (включая значительное число неизвестных в отечественной историографии зарубежных материалов) касательно набегов казаков – как донских, так и запорожских – на упомянутые территории Османской Порты.⁷⁰ К сожалению, анализ автором походов донских казаков на море в 40–50-е гг. XVII в. в книге ограничен лишь данной тематикой. Тем не менее исследователю удастся и в этом случае обнаружить ряд неизвестных ранее подробностей казачьих морских походов с Дона.

Следует отметить, что на данный момент далеко не все вопросы, связанные с морскими походами донских казаков, нашли отражение в историографии. Так, в работах, посвященных истории донского казачества, систематизированные сведения об экспедициях казаков на море зачастую отсутствуют. Сведения об отдельных походах даются авторами среди прочих боевых действий казаков, при этом данные о ряде походов опускаются вовсе.⁷¹

Попытку дать перечень морских походов с Дона предпринял в своей кандидатской диссертации, посвященной связям донских и запорожских казаков первой половины XVII в., В. А. Брехуненко.⁷² Таблица автора доведена до 1646 г. и содержит некоторые недоработки. Так, в ней пропущен ряд походов (в частности, походы 1643 и 1644 гг.), а также неверно указан атаман похода на море весной 1641 г.⁷³ Кроме того, сведения, помещенные в таблице, отличаются краткостью. В приложении к работе Ю. П. Тушина дан перечень морских походов донских и запорожских казаков в XVII в., однако в нем за рассматриваемый период не указаны поход с Дона в 1637 г., один из двух походов 1638 г., оба похода 1639 г., два из

⁷⁰ Королев В. Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002.

⁷¹ Такая ситуация характерна для работы С. И. Рябова «Донская земля в XVII веке». В книге Н. А. Мининкова часть морских походов вошла в главу под названием «Донское казачество в войнах XVII в.», другая часть – в хронологический перечень, где сведения отличаются краткостью. См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 378–402, 493–497.

⁷² См.: Брехуненко В. А. Источники о связях запорожского и донского казачества в первой половине XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Днепрпетровск, 1990. Таблица 2.

⁷³ Атаманом этого похода указан запорожец Мисько Таран, хотя данный поход возглавлял донской атаман Тимофей Яковлев (Лебяжья Шея). М. Таран руководил лишь частью казачьего отряда после возвращения ряда стругов во главе с прежним атаманом на Дон. См.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 251. О походах на море 1643 и 1644 гг. не упоминает и Н. А. Мининков.

трех походов 1640 г. Не указаны и морские походы донских казаков 1641–1644 гг. Наконец, поход на море от 1657 г. помещен автором под 1656 г., когда походов на море донских казаков не было.⁷⁴ Сводка морских походов с Дона в XVII в. В. П. Загоровского, являющаяся приложением к его кандидатской диссертации и опубликованная отдельно в 1996 г., также имеет много пропусков.⁷⁵ Вышеизложенное и заставляет нас привести в систематизированном виде сведения о морских экспедициях донского казачества в период 1637–1667 гг.

Помимо сказанного, в литературе еще не становились предметом специального рассмотрения виды морских походов казаков. Думается, не будет излишним охарактеризовать также объекты и методы казачьих нападений на побережья, а кроме того, те опасности, которым подвергались казаки во время своих морских экспедиций. К источникам, используемым в данном разделе, относятся донские войсковые отписки в Москву и расспросные речи казаков, присланных с этими отписками, расспросные речи разного рода людей (прежде всего служилых), побывавших на Дону, и иные документы. В некоторых случаях использованы расспросные речи захваченных казаками «языков».

Прежде всего надо отметить, что походы казаков на судах были нескольких видов. Во-первых, это были крупные походы, насчитывавшие от 700 до 2–3 тысяч участников. Осуществлялись походы «на моря» и отрядами по несколько сот человек. Были и совсем немногочисленные походы на взморье и под Азов, которые являлись, безусловно, наиболее повседневной частью судовых казачьих «промыслов». Специальному рассмотрению в историографии они не подвергались, поэтому, думается, на них необходимо остановиться в первую очередь.

Вот два примера подобных казачьих предприятий. В 1651 г. с государевым жалованием на Дон присылался воронежский сын боярский Трофим Михнев. На обратном пути к Москве казаки вместе

⁷⁴ См.: Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях: XVII в. М., 1978. С. 165–167.

⁷⁵ См.: Загоровский В. П. Перечень морских походов донских казаков и боевых действий русского парусно-гребного флота в Азовском и Черном морях в XVII в. (1615–1694 гг.) // «Морским судам быть!...» Российскому военно-морскому флоту – 300 лет. Воронеж, 1996. С. 7–23.

с ним отправили грека Астафия Динова, который «бил челом в Войске» (т. е. просил), чтобы его отправили в Москву (по-видимому, этот грек пожелал остаться в России). Во время расспроса в Москве А. Динов сообщал о себе следующее. Он был родом с «Румелийской стороны» (западного побережья) Черного моря и имел статус «торгового человека». В Азов он приезжал «для икрыные покупки» и, закупив икры на 400 ефимков, отправился из Азова обратно в кояге (малом судне) с десятью греками. Однако, как только греки «поотъехали от Азова в камыш», на них напали в четырех стругах донские казаки и, захватив судно, привели его в казачьи городки («на Дон»). Здесь казаки, отобрав («поймав») у греков икру и «животы» (имущество), отпустили их в Азов в том же судне – православных греков казаки обычно щадили.⁷⁶

В 1646 г. под Азовом 12 стругов донских казаков «пришли» (напали) на «торговых людей» из Керчи, оставивших свой корабль на взморье и шедших в лодке («малом сандале») с товаром («з бязью и с киндяками»), солью и деньгами («ефимками») «для рыбные покупки». При этом двух человек казаки убили, двух захватили в плен и затем одного из них прислали в Москву в качестве «языка», двоим же каким-то образом удалось «уйти» (бежать) от казаков.⁷⁷ Подобные нападения были типичны для казаков – Азов являлся весьма значительным торговым центром на Азовском море: здесь торговыми людьми из Крыма и Турции закупались рыбопродукты, сюда в свою очередь везли соль, «хлебные запасы», различные товары, расходившиеся затем по окрестным татарским кочевьям, и грабежи под Азовом и на взморье были весьма выгодны для казаков.

Как видим, для подобных предприятий вовсе не было необходимости в многочисленном отряде – достаточно было «небольшими людьми» подкараулить в камышах «бусурманское» судно и внезапно напасть на него. Это была, по существу, та же тактика, что применялась казаками и во время степных набегов. Роль камышей под Азовом для казачьих нападений была очень велика. Так, согласно расспросным речам в Астрахани посылавшегося отсюда на Дон стрелецкого сотника П. Балакирева, весной 1651 г.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 161–162.

⁷⁷ Донские дела. Кн. 2. Стб. 1058, 1060. (Расспросные речи в Москве «торгового человека» из Керчи Магомета Резепова.) «Бязь» и «киндяк» – виды тканей.

многократные («по вся дни») походы казаков под Азов «в лотках и в лехких струшках» оканчивались неудачно, поскольку «которой де камыш наперед сего был около Азова, и <...> тот камыш азовские люди выжгли весь». ⁷⁸ В ходе переговоров 1638 г. с турками казаки, напоминая о постоянных походах под Азов в более раннее время, говорили, что тогда «подо всякою камышиною жило по казаку». ⁷⁹

В то же время подобные вылазки могли производиться и на более отдаленные места. Так, присланные в июне 1661 г. казаками в Москву двое греков показали здесь в расспросе следующее. Они были жителями города Кафы, весной этого года «ездили они в кояге на море Азовское для рыбной ловли». В устье р. Миус («в урочище на Миусе») ночью на них напали донские казаки (последних было 24 человека в трех лодках) и привезли в Войско, откуда греков отправили «к великому государю к Москве» с воронежскими «торговыми людьми». ⁸⁰

Однако если походы под Азов, на взморье и несколько далее могли быть немногочисленны, то походы под Крым и на южное побережье Черного моря являлись, как правило, крупными боевыми предприятиями и были важнейшей составляющей военной и политической жизни региона. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих походов, несколько слов необходимо сказать о периодизации казачьих военно-морских действий.

Периодизация морских походов 1637–1667 гг., думается, в целом соответствует военно-политической истории донских казаков рассматриваемой эпохи; в ней можно выделить несколько периодов. К первому периоду относится время пребывания казаков в Азове (1637–1642). Этот отрезок времени характеризуется частыми неудачами на море вследствие блокирования турецкими каторгами Керченского пролива с целью не допустить выхода казачьих стругов в Черное море. ⁸¹ Данное обстоятельство вызвало кризис в экономике Дона, падение численности казаков в Азове, а также сомнение части

⁷⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1651 г., № 1. Л. 175.

⁷⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 271.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 29–30.

⁸¹ Подробнее об этом: *Королев В. Н.* Морские кампании донских казаков 1637–1641 гг.

казачества в необходимости оборонять этот город от турок и татар.⁸² Второй период составляют 1643–1649 гг. В это время обескровленное обороной Азова казачество Дона подвергается ожесточенному натиску татар и турок. Одновременно казаков преследуют и неурядицы на море – время 40-х гг. XVII в. для Дона следует, безусловно, считать неблагоприятным.

В ходе третьего периода (1651–1659) казаки постепенно восстанавливают свои силы, в том числе экономически – путем ряда успешных морских экспедиций, после чего во второй половине 1650-х гг. по указам из Москвы совершают серию жесточайших нападений на Крым. В 1651, 1652, 1653, 1654, 1657, 1659 гг. был совершен также ряд успешных казачьих набегов на побережье Турции. В 1660 г. готовился и совместный поход казаков и русской «рати» на Крым.⁸³ В этих условиях турки и крымцы предприняли отчаянные меры для предотвращения угрозы с Дона. В результате огромных усилий со стороны Крыма и при поддержке турецкого флота были перекрыты казачьи пути на море из донских городков – на Мертвом Донце была поставлена крепость, Каланчинскую протоку перекрыли две башни, Казачий ерик был засыпан.

Время отчаянных казачьих попыток преодолеть преграды татар и турок (1660–1662) следует считать, на наш взгляд, очередным, четвертым периодом, в ходе которого казаки понесли потери, а «бусурманам» удалось отстоять крепости от казаков и таким образом отнять у них «морской ход». В результате походы на море стали бесперспективными вследствие их крайней рискованности. С 1663 г. широкомасштабные походы казаков «на моря» прекращаются.

Известные на настоящий момент данные о сколько-нибудь значительных (более 200 человек) морских походах с Дона в период с 1637 по 1667 г. помещены в приводимую ниже таблицу. Ее данные, несмотря на относительную лаконичность, все же достаточно полно, как нам представляется, передают имеющийся на сегодняшний день объем информации о казачьих экспедициях на море – поскольку объем этот, если брать его в отношении отдельно взятых походов, к сожалению, не всегда значителен.

⁸² См.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 47–53.

⁸³ См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 376.

Время похода	Предводитель, количество участников	Ход, результаты похода
1637 г., после «азовского взятия»	32 струга запорожских казаков (по-видимому, без донских)	Погром татарских кочевий под Кафой ⁸⁴
1638 г. а) с 9 мая («Николина дня») б) с первых чисел июля	атаман Алексей Долгий; 75 «больших» стругов по 70–80 человек в каждом (по другим сведениям – 53 струга, более 3000 донских и запорожских казаков) 40 стругов, до двух тысяч человек (по другим данным – 1703 человека)	Нападение на татарское «село» у урочища Таганрог, захват «языков». Возвращение в Азов после обнаружения близ Керчи турецких каторг ⁸⁵ Прорыв с боем через Керченский пролив в Черное море. Поход под Кафу. На обратном пути – гибель в полном составе во время боев с турками и татарами в устье р. Кубань (вторая половина июля) ⁸⁶
1639 г. а) с июня б) отправка под осень	500 человек 9 стругов	Поход под Крым. Освобождение «меж Керчи и Темрюка» 123 русских «полоняников» ⁸⁷ Направление – Царыград. Поход неудачен («языков не добыли»), два струга «потопило волною» ⁸⁸
1640 г. а) май–июнь б) после 20 июля («Ильина дня») в) с 26 августа	запорожский атаман Гуня Черкашенин; 23 струга К. Бурляй, также запорожец; 37 (по другим данным – 26) морских стругов, 1500 человек 25 стругов, ок. 1000 человек	Возвращение от Керченского пролива из-за присутствия там турецкого флота ⁸⁹ Трехнедельные бои с турецкими каторгами у Керченского пролива. Возвращение на Дон берегом, покинув струги. Захват и затопление до десяти каторг ⁹⁰ Нет данных (цель похода – «крымские юрты») ⁹¹

⁸⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1637 г., № 1. Л. 124. (Расспросные речи в Астрахани вернувшегося с Дона астраханского татарина А. Тойтошева.)

⁸⁵ Донские дела. Кн. 1. Стб. 780, 808–810; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 99. Л. 142. (Расспросные речи в Путивле запорожского казака Д. Федорова, участника похода.)

⁸⁶ Донские дела. Кн. 1. Стб. 819, 830; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 16–17; Королев В. Н. Адахунское сражение. С. 29.

⁸⁷ Донские дела. Кн. 1. Стб. 935; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 106. (Расспросные речи в Астрахани посылавшегося оттуда на Дон сына боярского Ф. Третьякова.)

⁸⁸ Донские дела. Кн. 1. Стб. 935, 961.

⁸⁹ Там же. Кн. 2. Стб. 44–45.

⁹⁰ Там же. Стб. 49, 55; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 310–312.

⁹¹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 51–52, 56.

<i>Время похода</i>	<i>Предводитель, количество участников</i>	<i>Ход, результаты похода</i>
1641 г. а) с 11 апреля	атаман Тимофей Лебязя Шея, затем – Мисько Таран (Михаил Черкашенин); 12 стругов	1 мая – возвращение части стругов с татарскими «языками» от Керченского пролива; поход остальных на турецкое побережье к г. Ризе. На обратном пути гибель последних в ходе боя с каторгами в устье Днепра при попытке вернуться на Дон через Запорожье в связи с осадой турками Азова (май–июнь) ⁹²
б) после осады Азова, т. е. после 26 сентября	Поход стругами и (видимо, из-за нехватки стругов) «бударами»	Вероятно, разгром турецкого морского каравана; захват с боем большого средиземноморского корабля ⁹³
1642 г. а) с первых чисел апреля (с Вербного воскресенья) б) с середины апреля (со «Светлой недели») по 7 мая	запорожский атаман Иван Боярин; 10 стругов, 200 донских и 500 запорожских казаков ⁹⁴ атаман Осип Калуженин; 11 стругов	Имеется известие от второй половины апреля о разгроме казаками, пришедшими с моря в 10 стругах, 3 деревень под Балыклей в Крыму и захвате там в плен более 60 человек ⁹⁵ Нападения на «села и деревни» в Крыму под Керчью и в иных местах, захват татарского «поллона» ⁹⁶
1643 г., с конца марта (со «Страшной недели»)	Более 800 человек в 14 стругах	Возвращение с добычей через Запорожье из-за сложной военной ситуации в низовьях Дона; уход части казаков в «украинные города» ⁹⁷
1644 г. а) апрель или май (на море пробыли 10 дней)	атаман Иван Каторжний; 417 человек в 16 стругах	Погром под Азовом казыевского улуса Алеймурзы Уракова. Взятие на взморье турецкой «каторги» с товаром (по другому известию – 3 каторги) ⁹⁸

⁹² Там же. Стб. 155, 162, 251–252, 371–372, 397–398.⁹³ Там же. Стб. 285, 313.⁹⁴ Там же. Стб. 427; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 134. (Расспросные речи посылавшегося из Астрахани на Дон сына боярского И. Сулова.)⁹⁵ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). 1640 г., № 19. Л. 300. (Статейный список русских посланников в Крыму А. Чубарова и И. Байбакова.)⁹⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 427, 430, 445–446.⁹⁷ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1. Л. 547–548. № 1-а. Л. 50 (Расспросные речи в Воронеже приехавших с Дона воронежцев М. Чурносова и И. Бушминова.); Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 477.⁹⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1644 г., № 1. Л. 8–9, 172–173. (Расспросные речи в Астрахани вернувшихся в этот город, в том числе с Дона, татар.)

Время похода	Предводитель, количество участников	Ход, результаты похода
б) Нет данных	Нет данных	Поход под Темрюк. При возвращении – погром на Мертвом Донце под Азовом 300 казаков татарами и турками в ходе трехдневных боев и осады ⁹⁹
1645 г.	Походов на море не было ¹⁰⁰	
1646 г.		
а) 31 мая–4 июня	войсковой атаман Осип Калуженин	Погром каравана, шедшего из Крыма в Азов «з запасы и со всякими товарами» ¹⁰¹
б) 18–25 июня	Осип Калуженин; 1500 казаков и присланных из России на Дон «вольных ратных людей» в малых судах	Погром татарских улусов под Азовом. Захват на взморье 5 турецких кораблей ¹⁰²
в) 24 августа – 4 октября	вероятно, Осип Калуженин; 37 стругов, до 2 тысяч казаков и «вольных людей»	Поход под крымский г. Арбаток («Роботок»), прерванный вследствие начавшихся сильных штормов («морской погоды») на Азовском море. Потеря части стругов, выброшенных на берег и на мели. «Великой бой» с азовцами при возвращении на Дон протокой Каланчей ¹⁰³
1647 г.		
а) с начала апреля («за две недели до Велика дни»)	50 стругов, 1500 человек	Нападения на побережья Азовского моря под Темрюком и Арбатком ¹⁰⁴
б) июнь	без казачьих «старшин»; 33 струга; по другим данным – 38 стругов (до 70 человек в струге) рядовых казаков и «вольных людей»	Цель похода – Черное море. Гибель 16 стругов, разбитых бурей и выброшенных на берег на «Черкесскую сторону». Во время возвращения – нападение на Мертвом Донце из засады крупных сил татар и турок, «любивших», «переранивших» и захвативших в плен многих казаков ¹⁰⁵
1648 г.		
а) июль – август	Более 200 человек в 8 «стружках» (по другим данным – 20 стругов по 30 человек в каждом)	Поход на Тонкие Воды (т. е. к Арбатскому проливу), погром Урмаметевых улусов. Освобождение из татарского плена 30 польских шляхтичей ¹⁰⁶

⁹⁹ Донские дела. Кн. 3. Стб. 654–655. (Челобитная от февраля 1647 г. вернувшегося из «бусурманского» плена донского казака Наума Шихотника.)

¹⁰⁰ Как уже говорилось, документ, который в издании «Донские дела» датирован 1645 г. и рассказывает (в том числе) об объединенном походе донских и запорожских казаков (последние возглавлялись атаманом Сулимой) на Черное море (см.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 742–743, 744), в действительности относится к 1635 г.

¹⁰¹ Донские дела. Кн. 3. Стб. 54, 59–60, 62, 70.

¹⁰² Там же. Кн. 2. Стб. 907, 919–920.

¹⁰³ Там же. Кн. 3. Стб. 264–267.

¹⁰⁴ Там же. Стб. 675.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 769, 776, 420, 423.

¹⁰⁶ Там же. Кн. 4. Стб. 14–16, 43.

Время похода	Предводитель, количество участников	Ход, результаты похода
б) осень	16 стругов по 30 человек в струге	Поход под Темрюк. Захват 50 человек «ясыря» и отдача их там же на выкуп («окуп») ¹⁰⁷
1649 г., весна	300 человек в 10 стругах	Погром села «крымского царя» близ Кафы. Прекращение похода в связи с пребыванием в Крыму возвращавшихся из Турции русских послов. Вывоз из Крыма ок. 250 человек «литовского полона» ¹⁰⁸
1650 г.	Походов на море не было	
1651 г. а) начало апреля – первая половина июня	900 человек в 12 стругах	Захват и разграбление (после ночного нападения) города Каменный Базар близ Синопа. Вывоз 600 человек турецкого «ясыря». Захват 3 торговых кораблей на Черном море, уничтожение турецких моряков. ¹⁰⁹ Возможно, вскоре последовал еще один поход на море ¹¹⁰
б) 15 августа – 1 сентября	Поход в лодках на Азовское море	Разгром «тележного каравана» между Азовом и Темрюком «на перевозах под шлехами», т. е. на татарских степных путях; захват «полона» ¹¹¹
1652 г. а) с конца мая	атаман Иван Богатый; 1000 человек в 15 стругах	Погром сел и деревень на «Румельской стороне» (западном побережье Черного моря) близ Царьграда. Захват «большой добычи» и 150 человек «турского ясыря». Успешный бой на обратном пути с 10 турецкими каторгами ¹¹²
б) 6 октября – 2 ноября	Нет данных	Поход лодками на Тонские Воды (к Арбатскому проливу). Захват крымских и ногайских пленников ¹¹³
1653 г. а) середина мая – 31 июля	атаманы Федор Будан и Иван Богатый; 1700 человек в 20 стругах (по другим данным – 1300 человек в 19 стругах)	Поход на деревни между Судаком и Балаклавой в Крыму. «Взятие» в этих местах кочевого улуса, захват 50 человек «ясыря» (мужского и женского пола). Затем поход в Турцию. Погром деревень под г. Трапезундом, захват более 500 человек «ясыря». Приступ к г. Триполи, погром посада этого города. Бой с крупными силами турок, подоспевших сюда из окрестных городов. Отход казаков из-под Триполя «не з большою добычею»

¹⁰⁷ Там же. Стб. 43.¹⁰⁸ Там же. Стб. 277.¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 157–158, 163. (Распросные речи посылавшегося на Дон с жалованием воронежца Т. Михнева.) Подробнее см.: Королев В. Н. Босфорская война. С. 562–564.¹¹⁰ Так, по сообщению Т. Михнева, казаки вскоре по возвращении из похода собиравшись «гити на море» вновь (РГАДА. Ф. 89. 1650 г., № 1. Л. 159).¹¹¹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1651 г., № 1. Л. 201. (Из отписки астраханских воевод в Москву, пересказывающей войсковую отписку с Дона в Астрахань от сентября 1651 г.)¹¹² Донские дела. Кн. 4. Стб. 541–542.¹¹³ Там же. Стб. 558–559. (Сообщение источника очень краткое.)

Время похода	Предводитель, количество участников	Ход, результаты похода
б) после середины мая	запорожский атаман Семен Свегун; 350 человек в малых судах	<...> оборонною рукою». На обратном пути – четырехдневная стоянка в виду г. Керчи ¹¹⁴ Захват на Азовском море корабля, а также нескольких более мелких судов («двух комяг, да двух ушкулов»), шедших из Царьграда в Азов ¹¹⁵
1654 г., середина июня – 18 августа	30 струтов	Курсирование вдоль побережья Крыма с целью не допустить отправления в поход на «черкасские» (малороссийские) города крымского войска, погром побережья. Штурм г. Кафы, взятие «земляного города». Набег на Анатолийскую сторону близ Стамбула. Вывоз на Дон более 120 русских и украинских «полоняников» ¹¹⁶
1655 г. 6 июля – 14 сентября	атаман Павел Чесночихин; около 3000 человек в 43 стругах (включая 700 запорожцев во главе с атаманом Вергуном); по другим сведениям – 2030 человек в 34 стругах (возможно, исключая запорожских казаков)	15 июля – взятие г. Тамани (Таманский п-ов), сожжение города и посада, захват пленников. Приступ к г. Керчи. Долгое курсирование вдоль азовского и черноморского побережий Крыма, разорение и сожжение «многих» крымских сел и деревень. Взятие г. Судака. Захват 400 человек татарского «полона», освобождение 130 русских и украинских «полоняников» ¹¹⁷
1656 г.	Походов на море не было	
1657 г.	атаман Корней Яковлев (Черкес); 2000 человек в 32 стругах	Высадки в Крыму между Керчью и Кафой, в устье р. Альмы, близ Гёзлева, между Кафой и Карасу-Базаром («Карасовым»). Погром и сожжение сел и деревень, уничтожение их населения. Ряд боев с крымцами. Захват 600 человек «турского и татарского полону». Вывоз из Крыма 200 русских и украинских пленников. ¹¹⁸ Имеется также известие о захвате казаками в этом году турецкого города Мингирей ¹¹⁹
1658 г.	Походов на море не было	

¹¹⁴ Там же. Стб. 660, 663, 698–699.¹¹⁵ Там же. Стб. 663.¹¹⁶ Там же. Стб. 877–879; Новосельский А. А. Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1954. Вып. 2. С. 21; Королев В. Н. Босфорская война. С. 572.¹¹⁷ Донские дела. Кн. 5. Стб. 23, 27–29, 45–47, 53; РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 37. Л. 166–166 об., 167.¹¹⁸ Донские дела. Кн. 5. Стб. 200, 254–255; РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 40. Л. 416, 417 об.–421 об., 429, 430–431.¹¹⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 397. Л. 138. (Из расспросных речей в Белгороде приехавших с Дона кормовых атаманов Н. Медведева и Я. Дронова, в прошлом – донских казаков.)

<i>Время похода</i>	<i>Предводитель, количество участников</i>	<i>Ход, результаты похода</i>
1659 г. а) 6 июня – 16 августа	атаман Корней Черкес; 30 (по другим данным – 36) стругов, более 2000 человек	Разорение сел и деревень на побережье Азовского моря между городами Темрюком и Таманью («на Черкесской стороне»). Погром и «запустошение» посадов, сел и деревень на крымском побережье от Кафы до г. Балыклен. Освобождение 96 русских и украинских пленников. Захват большого числа татарского и турецкого «полона». Одновременно – поход на южное побережье Черного моря («Анатолийскую сторону»). Следование судами и «берегом пехотою» вдоль побережья от Синопа почти до Царьграда (до г. Кондры). Погром и сожжение сел и деревень, а также посадов городов. Избиение татарского и турецкого населения Сожжение «многих же» сел и деревень в Крыму ¹²⁰
б) 21 августа – 29 сентября	20 стругов	
1660 г., вторая половина июля	30 стругов	Возвращение с Азовского моря на Дон в связи с обнаружением ночью на взморье турецких каторг и крымской «рати», пришедших к Азову. Во время следования протокой Каланчей – «жестокый бой» на протяжении 6 верст с турками и крымцами, попытавшимися перекрыть казакам обратный путь. Высылка «из Войска» подмоги по Дону судами ¹²¹
1661 г., весна–лето	ок. 20 стругов	Был прокопан засыпанный турками в 1660 г. Казачий ерик, которым казачье войско и вышло в море. Бой под Азовом с 5 турецкими кораблями; поход «на крымские места». Под г. Арбатком бурей («погодой») разбило 7 стругов. Возвращение людей с них по берегу с боями и «нужною великою». Продолжение похода в 14 стругах, высадки на крымское побережье. Захват двух торговых кораблей под Балыклеей ¹²²

¹²⁰ Донские дела. Кн. 5. Стб. 490, 509, 560–562, 442; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 308. Л. 94–102. (Две войсковые отписки с Дона, от 19 августа и 28 сентября 1659 г., сообщающие о походах казаков в этом году на море.) Фразы об избиении населения звучат так: при разорении селений казаки «крымских многих людей побили», «турских многих людей порубили» и в том же роде.

¹²¹ Донские дела. Кн. 1. Стб. 734–735, 739–740.

¹²² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 37–38, 68–69, 77; Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 43. Л. 12 об.

Время похода	Предводитель, количество участников	Ход, результаты похода
1662 г., 17 апреля – конец августа	26 стругов	На море прошли «за боем» в сопровождении казаков из городков, прокопав вновь засыпанный неприятелем Казачий ерик и выбив татар из «шанцев» (окопов) близ него. Участие в походе присланных на Дон в 1660 г. «ратных людей» во главе с воеводой Я. Т. Хитрово. Захват и сожжение посада в Керчи и дальнейший поход вдоль крымского побережья. Возвращение через р. Миус из-за прихода к Азову многочисленного крымского войска. Осада крымцами казаков «на степи» у р. Миус в течение месяца. Прорыв «с полоном и з добычею» на Дон через степь с тяжелейшими боями. Встречный поход по степи с Дона ¹²³
1666 г., с конца апреля	атаман Родион Осипов (Калуженинов); 500 человек в 20 «стружках»	Подробности похода неизвестны (цель – «крымские улусы») ¹²⁴

Материал данной таблицы показывает численность и периодичность походов донских казаков на море. Как видим, морские походы с Дона организовывались практически ежегодно, часто – не один раз за год. Интересно, что это происходило, невзирая на крайнюю опасность данного вида казачьих «промыслов». Только тяжелые поражения, связанные с людскими потерями и утратой стругов, могли на некоторое время уменьшить численность выходивших на море казачьих отрядов.

В отечественной литературе вопрос о степени военной опасности, которой подвергались казаки во время морских походов, специально не затрагивался. Звучали, правда, мнения, и что во время этих походов погибала «значительная часть» казаков (А. П. Пронштейн), и что большинство крупных морских походов с Дона завершилось успешно

¹²³ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 208, 210; Донские дела. Кн. 5. Стб. 958, 933–936, 1014. Также со слов татар в Крыму: «А донские казаки у Кафы (в Кафе. – О. К.) взяли башню, и многие села и деревни пожгли, и полону (русского. – О. К.) отбили з 200 человек». См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1660 г., № 1. Л. 131 (Из расспросных речей в Москве от 28 сентября 1662 г. толмача Я. Бородина, вернувшегося из Крыма), 105.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г. № 3. Л. 5.

(Н. А. Мининков).¹²⁵ На наш взгляд, однозначный вывод сделать здесь трудно – случалось и то и другое. В целом же можно с уверенностью сказать, что опасности и лишения, поджидавшие казаков во время морских походов, были очень велики.

Так, в войсковой отписке от июля 1646 г. в Москву казаки, говоря о трудностях морских походов, сообщали, что на море «бывают нужи, да и хуртины великие, и струги наши розносит по морю – друг друга не возведосем, да и топит <...> хуртиною <...> многие струги, а иные на берег выметывает и разбивает». Здесь же казаки добавляли, что при этом им случается бывать «без запаса и без воды многие дни».¹²⁶ Примеры такого рода встречаются в источниках. В частности, осенью 1639 г. 2 струга из 9, отправленных из Азова на море, «потопило волною».¹²⁷ Как показывали во время расспроса в Астрахани осенью 1647 г. несколько пленных азовских татар, летом этого года «донских казаков <...> на море в судах розбило, и рознесло, и перетопило многих».¹²⁸ В 1659 г. из похода в Турцию не вернулись («пропало») 5 стругов (всего на море их тогда ушло несколько десятков).¹²⁹

Вот описание испытаний, выпавших во время морского похода 1646 г. на долю казаков и «вольных ратных людей», присланных во главе с дворянами Ж. Кондыревым и М. Шишкиным в том же году из России. Согласно войсковой отписке в Москву от октября этого года, казачья флотилия вышла на море 24 августа в составе 37 стругов, в каждом из них находилось по 50–60 человек. Дойдя по Азовскому морю до пристани «у Верхних Берд», казаки направились отсюда к крымскому городку Арбатку и «х крымским юртам х Казанрогу», идя морем «день и ночь», однако «в ночи» под город подойти не успели и стали в отдалении на якорях, чтобы казачьи струги не подметили крымцы. Между тем в этот день «учинилася морская погода большая», и казачьи струги «рознесло по морю», после чего их носило 3 дня и в итоге вынесло «повыше Гнилова моря к урочищу

¹²⁵ История Дона... С. 118; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 337.

¹²⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 902. «Нужи» – тяготы, «хуртины» – бури, «запас» – продовольствие.

¹²⁷ Там же. Кн. 1. Стб. 961.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1647 г., № 1. Л. 262.

¹²⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 442. (Из статейного списка С. Хомицкого, привезшего в 1659 г. на Дон государево жалование.)

к Бирючей косе», причем 5 стругов здесь разбило о берег. Сойдясь вместе и забрав людей с разбитых стругов, казаки и вольные ратные люди пережидали «морскую погоду» 10 дней, тогда как татары, подметив с гор струги, «учали» недалеко от казаков «ездить и <...> збиратца» на них. В результате, по причине того, что внезапно напасть на крымцев не удалось, флотилия повернула обратно и дошла до Нижних Берд, где казаков вновь «застала морская погода великая», и они простояли здесь 8 дней. Затем казаки и вольные ратные люди пришли «на пристань х Кривой косе», где снова простояли около 5 дней из-за «морской погоды». Отсюда они пришли «к пристани к Таганрогу», где ночью опять «учинилася погода морская ж», и струги вновь разнесло по морю. К утру шторм затих, струги снова собрались у этой пристани, и флотилия направилась к донскому устью. Однако на пути к нему «учинилася морская погода великая и ветер противной», казаков понесло от Дона и «рознесло врознь», а затем ночью принесло «на мелкие места». Поутру, «собрався с людьми», казаки «те струги с мелей сволокли в донскую протоку в Кутюрмю». Тем не менее 9 стругов «осушились на море в розных местах далеце», и перетащить их за дальностью расстояния не было возможности. Видя уязвимое положение последних, на эти струги «пришел» из Азова с татарами азовский Мустафа-бей, завязался бой, татары начали жечь казачьи суда. Основные силы казаков пришли на помощь и выручили осажденных, но оставшиеся струги пришлось зажечь самим казакам. Люди с них перебрались на суда, которые были «переволочены» в протоку.

Казачьи испытания на этом, однако, не закончились. Азовцы, «не хотя пропустить» казаков к их юртам, «зашли наперед». Когда флотилия шла мимо Азова протокой Каланчей, азовский Мустафа-бей с янычарами, татарами и с «пушечным нарядом» открыли огонь по казакам с обеих сторон протоки. Казаки были вынуждены, оставив в стругах гребцов, выйти из них на берег и вступить в бой. Разгорелся, как значится в отписке, «бой великой». В результате казакам и вольным ратным людям удалось прорваться; азовцы понесли потери. После этого флотилия 4 октября 1646 г. пришла в Черкасский городок.¹³⁰

В критических ситуациях далеко не всегда была возможность забрать казаков на уцелевшие струги – таковых могло попросту не ока-

¹³⁰ Там же. Кн. 3. Стб. 264–267. «Гнилое море» – Сивашский залив.

заться рядом. Так, если в 1646 г. казакам в основном удалось снять людей с разбитых бурей судов, то в 1647 г. с 16 стругов, выброшенных бурей на «Черкесскую сторону» между Темрюком и Таманью, не уцелел никто – все казаки с них были либо убиты, либо захвачены в плен «темрюцкими черкасами». Лишь некоторое время спустя на Дон вернулись (скорее всего, бежав из плена) два казака, которые и сообщили об этих событиях. В том же году на Черном море пропали без вести, не вернувшись обратно, еще 4 струга.¹³¹ Случалось, что с разбитых стругов приходилось возвращаться по берегу и в пешем порядке; так, 10 дней пешком добирались по Крымской степи до Дона 62 участника похода 1646 г., струг которых «выкинуло погодою на берег» и разбило.¹³²

Тяготы и ужас, которые приходилось переживать казакам в подобных ситуациях, хорошо видны из следующего эпизода. В начале августа 1647 г. в Москве был задержан холоп князя Т. Щербатого Иван Васильев, сбежавший в 1646 г. из Москвы на Дон со станицей донских казаков. Из Стрелецкого приказа И. Васильев был передан в Посольский приказ для расспроса о его пребывании на Дону и выяснения, с какими целями он прибыл в Москву. В расспросе Васильев показал, что он вернулся обратно к своему владельцу, у которого находятся его жена и дети. Сам же он с группой «вольных ратных людей», присланных в 1646 г. на Дон «с Руси», ходил вместе с казаками в морской поход. В походе И. Васильеву с товарищами была «нужа большая», и они «обреклись вперед (впредь. – О. К.) на море не ходить».¹³³ Любопытно, что после похода 1646 г. наблюдается усиленное, по сравнению с другими годами, паломничество донских казаков на Соловки: оказавшись во время бури на краю гибели, казаки давали самые трудновыполнимые обеты.

Нередко на чужой территории донским «похожанам» приходилось вступать и в столкновения, зачастую – с превосходящими силами противника, поскольку, хотя казаки по большей части и старались нападать неожиданно, это не всегда удавалось. Так, согласно расспросным речам в Белгороде вернувшегося из Крыма осенью 1662 г. толмача Я. Бородина, у казаков в ходе похода морем под Крым в этом году «были с крымскими татары (татарами. – О. К.) бои, и на боях и

¹³¹ Там же. Стб. 776, 820.

¹³² Там же. Стб. 371.

¹³³ Там же. Стб. 758–759.

в улусех (улусах. — *О. К.*) крымских людей донские казаки побили, и улусы многие развоевали» (курсив наш).¹³⁴ Относительно морского похода под Крым в 1655 г. имеется известие, что татары в районе «меж Кафы и Керчи» осадили на суше «человек з двесте» казаков, вышедших из стругов.¹³⁵

Рискованность подобных ситуаций хорошо видна из следующего эпизода. Во время похода на море 1653 г. казаки предприняли штурм турецкого г. Триполя, но взять его не смогли из-за выгодного расположения укреплений — город стоял «на высоком месте». В это время из окрестных мест к Триполю были присланы «ратные люди», а с моря подошел боевой корабль. В ходе боя «многих турских людей» казаки «побили», однако произошло это только потому, что казаки обнаружили под городом несколько тяжелых корабельных орудий, которыми и воспользовались. Однако уходить из-под города казакам все-таки пришлось, отбиваясь от преследования.¹³⁶

Тем не менее даже в ходе успешных нападений неоднократно встречаем случаи, когда отдельные казаки попадали в плен к «бурсурманам». Так, в 1662 г. от казаков во время казачьего приступа к городу Кафе в крымский плен попал «арап».¹³⁷ Весной 1642 г. к «крымскому царю» привели пятерых пленных казаков, захваченных татарами в горах под городом Балыклеей («Балыкной») и принадлежавших к казачьему отряду, приходившему тогда же в 10 стругах с моря и «развоевавшему» 3 деревни. Интересно, что в расспросе перед крымским «царем» пленники¹³⁸ назвались следующим образом: один «родом казак, волуйчанин (т. е. казак с Валук. — *О. К.*), а другой белгородец, боярской человек, а три казака с Днепра; пришли де они на Дон, и жили (там. — *О. К.*) недели з две, а иные сказались и менши, и пошли с казаки (с казаками. — *О. К.*) на море».¹³⁹ В 1657 г. во время неудачного для крымских татар боя с донскими казаками (последних по числу было больше), пришедшими в стругах с моря,

¹³⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1660 г., № 1. Л. 105.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 40. Л. 416 об.

¹³⁶ Донские дела. Кн. 4. Стб. 668–669.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 43. Л. 10 об. «Арап» — негр, чернокожий.

¹³⁸ При этом их били «ослопьем» (палками) и «всякими смертными пытками стращали».

¹³⁹ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). 1640 г., № 19. Л. 300.

в устье р. Альмы татарами был также захвачен в плен донской казак. При этом схватившие его татары, поругавшись между собой по поводу, кто из них его захватил, «в споре <...> тово казака срубили» (за-рубили). Интересно, что крымский мурза, приставленный к русским посланникам в Крыму, привозил им показать вооружение упомянутого казака – «пицаль, да рог (для пороха. – О. К.), да везню (вязни. – О. К.)». ¹⁴⁰ Можно приводить и другие случаи захвата в плен казаков во время высадок последних на берег.

Однако не всегда казакам удавалось напасть неожиданно, и тогда они могли подвергнуться преследованию. Так, в июне 1643 г. азовский татарин, приехавший в казачий центр для договора о мире, сообщил казакам, что в Азове известно следующее: «приходило де с Чорного моря к турскому <...> городку к Темрюку три судна казаков. И темрюкские де люди за ними гоняли, и оне де пошли опять в море». ¹⁴¹ На наш взгляд, не исключено, что казаков в данном случае преследовали близ берега на судах. «А про то де у них в Озове слух есть же, – продолжал татарин, – что козаков на море ныне нигде не побивали»; в то же время из этих слов следует: нередко бывали и обратные ситуации.

Помимо крупных походов, существовали и небольшие экспедиции на море. Так, «выпешдший» весной 1641 г. в Астрахань из «бурсурманского» плена запорожский казак по имени Павел показывал во время расспроса, что он попал в плен «лет с шесть» назад, когда ходил с Дона в поход на море «для добычи» в составе отряда из 150 донских и запорожских казаков, размещавшихся в 4 стругах. Тогда в устье р. Калмиус один казачий струг попал на мель, в результате чего 50 донских и запорожских казаков с этого струга были захвачены татарами в плен. ¹⁴² В 1661/62 г. «з Дону на Черное море под Крым» отправились 77 казаков в 2 стругах. Штормом этих казаков выбросило на грузинское («дадыанское») побережье Черного моря, где они также были захвачены в плен. Перед этим по морю их «носило непогодою» трое суток. ¹⁴³ Случалось, что в поход отправлялись казаки

¹⁴⁰ Там же. Кн. 40. Л. 420.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1. Л. 554. (Из расспросных речей в Белгороде вернувшегося с Дона сына боярского М. Маркова.)

¹⁴² РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 39.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г. № 5. Л. 2. (Расспросные речи в Посольском приказе вернувшихся из плена казаков В. Мещерякова с товарищами.)

и в одном струге. В частности, один струг был отправлен «для языков» с Дона «на моря» в 1642 г.¹⁴⁴ О большинстве же подобных предприятий данных, надо полагать, не сохранилось. Опасность, которой подвергались казаки во время таких походов, была, безусловно, также велика.

Коротко скажем о тактике казачьих нападений с моря и объектах этих нападений. По замечанию исследователя морской истории казачества В. Н. Королева, не было на Азовском и Черном морях уголка, который бы не подвергся казачьим атакам.¹⁴⁵ Прежде всего нападали казаки на прибрежные города, а также села и деревни Крыма и Турции. Нападения эти производились в основном неожиданно, так как зачастую только одно появление на горизонте казачьего судна заставляло жителей в спешном порядке бежать в глубь суши или уходить в горы.¹⁴⁶ Поэтому к побережью казаки старались подойти скрытно, пережидая дневное время вдали от берега. Именно такую тактику казаки применили, в частности, во время похода 1646 г. под Крым, остановившись в море перед нападением на побережье до наступления ночи. Когда же начавшаяся буря принесла казаков к берегу и они были обнаружены татарами, налет на побережье был сочтен неудачным и казачьи струги повернули обратно.¹⁴⁷ Ночью же (или, возможно, перед рассветом) был захвачен казаками в 1651 г. и турецкий город Каменный Базар.¹⁴⁸ Наконец, именно в ночное время русские посланники в Крыму Р. Жуков и Л. Пашин наблюдали зарево («поломя») между г. Кафой и Карасу-Базаром («Карасовым») от горящих татарских деревень во время казачьего набега на эту местность в 1657 г.¹⁴⁹ Подобные примеры можно продолжать.

Нападали казаки и на суда, курсировавшие на торговых путях по Черному и Азовскому морям. Среди них важнейшими были морские пути из Царьграда (Стамбула) в Кафу, из Кафы в Азов, а также морской путь вдоль Анатолийского побережья Турции. Примеры захвата казаками торговых судов на Азовском и Черном морях встречаются в источниках постоянно; нередко казачьим нападениям подвергались

¹⁴⁴ Донские дела. Кн. 2. Стб. 448.

¹⁴⁵ См.: *Королев В. Н.* «По край было моря синего...»... С. 264. (Автор, по-видимому, имеет в виду набеги как донских, так и запорожских казаков.)

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Донские дела. Кн. 3. Стб. 265. (Войсковая отписка от октября 1646 г.)

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 163.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 40. Л. 431.

целые караваны таковых (см. таблицу). Часть подобных известий приводит в своей статье В. Н. Королев, он же отмечает и характерную деталь – часто при появлении казаков турецкие моряки бросали свои суда на произвол судьбы и старались скрыться в лодках («сандалах»)¹⁵⁰. Сталкивались казаки и с боевыми турецкими кораблями и каторгами. Подробности таких столкновений, как правило, неизвестны. Например, из расспросных речей в Москве осенью 1660 г. атамана Т. Павлова с казаками мы знаем, что вышедшее летом этого года на море казачье войско столкнулось с 5 турецкими кораблями, на которых в Азов шли 500 турецких «ратных людей». В ходе разгоревшегося боя казаки «х караблям <...> приступали, и многих <...> турских людей побили».¹⁵¹ Это типичное описание боя казаков с турецкими кораблями.

Казачьим погромам нередко подвергались и кочевавшие вблизи побережья татарские улусы. В частности, летом 1661 г. казаки небольшого судового отряда (70 человек) «подле де моря взяли Арумбетевы половины (захватили из улусов мурз Урмаметевых. – О. К.) кочевных улусных людей с тритцать человек».¹⁵² Использовались казаками и, так сказать, небоевые методы обогащения – в частности, они добывали соль на островах, занимались добычей жемчуга. Например, известно о добыче жемчуга казаками в Анапской бухте.¹⁵³

Мы рассмотрели, насколько это позволяют источники, характер и способы казачьих морских набегов. Как видим, в целом казаки использовали партизанские методы скрытного движения и внезапных нападений. Именно такая тактика позволяла казакам наилучшим образом достичь главной цели их морских походов – захватить значительную добычу и избежать массовых потерь. Несмотря на разницу в численности казачьих отрядов, это были, по существу, те же методы, что применялись казаками и во время походов «на степь».

¹⁵⁰ Королев В. Н. «По край было моря синего...»... С. 264.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 37–38. Чуть позже захваченный казаками под Азовом и затем присланный ими в Москву в качестве «языка» азовский янычар также показывал, что при нем из Стамбула в Азов на 5 кораблях пришли 500 турецких «ратных людей», причем на Азовском море они встретились с казачьим «морским войском»; донские казаки к кораблям «приступали» и «на (тех. – О. К.) кораблях турков побили, а иных переранили». См.: Там же. Л. 43.

¹⁵² РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1661 г., № 1. Л. 53. (Расспросные речи приехавших в Астрахань с Дона астраханских татар.)

¹⁵³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 26.

Условия жизни на Дону и хозяйственные промыслы казаков

«Воинский промысел» составлял только одну сторону казачьего быта. Другую, не менее важную часть казачьей жизни занимали промыслы хозяйственные. Прежде всего это были охота и рыбная ловля, о значении которых для казаков уже не раз говорилось в историографии. В частности, в коллективном труде «История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права)» отмечалось, что казаки «непрерывно, особенно летом <...> отправлялись из городков “за зверем и за рыбою вдаль и надолго” и часто месяцами жили “по лесам, по рекам и на взморье для звериной ловли”». Причем, говорится в книге, в тех случаях, когда противник «заставлял казаков укрываться в городках, их положение становилось очень тяжелым» – наступал голод, причина которого, как цитируется далее со слов казаков, состояла в том, что казачьим «промышленником за зверем и за рыбою вытить не дадут».¹⁵⁴ О природных богатствах донского края неоднократно говорилось в исторической литературе. Упоминается о них и в источниках того времени. Так, среди ногайских татар считалось, что, по сравнению с другими степными местами (в частности, Крымской степью), «по Дону зверю много».¹⁵⁵

Добавим, что в казачьем фольклоре охота за зверем («гульба») является неотъемлемой частью казачьего образа жизни и ассоциируется в нем с удачью и отвагой. Впрочем, отнюдь не меньшую роль для казаков (особенно низовых) играло и рыболовство. Так, донской казак Мамон Федоров (прозвище Ураков), приехавший в мае 1653 г. с Дона в Шацк, во время расспроса в приказной избе показал о себе, что «жил он на Дону в Черкасском городке в Войске, а промысел де у него был в Черкасском городке: с своею братьею с донскими козаки рыбу ловили, и под Азов (войной. – О. К.) ходили, и азовских мужиков под Азовом и на рыбных ловлях <...> имали (в плен. – О. К.)».¹⁵⁶ Конечно, эта краткая характеристика казачьей жизни в низовьях Дона не отражает всего многообразия последней. В частности,

¹⁵⁴ История Дона... С. 116. См. также: *Лукин Б. В.* Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. С. 24.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 20.

¹⁵⁶ Акты Московского государства. Т. 2. С. 323.

из документов известно, что казаки из низовых городков занимались и «звериной ловлей», причем как в ближайших к своим городкам урочищах, так и в угодьях по Северскому Донцу (доходя при этом до р. Красной),¹⁵⁷ а также «камышничают» по запольным речкам («камышничать» – охотиться в камышах¹⁵⁸). Тем не менее, как хорошо видно из приведенного чуть выше описания казачьего быта, военный и хозяйственный промыслы являлись двумя важнейшими сторонами деятельности казаков на Дону.

Результаты хозяйственных промыслов казаков – меха, шкуры, рыба, в значительной степени вывозились «в Русь».¹⁵⁹ Приведем одно из таких свидетельств. В январе 1668 г. атаман Фрол Минаев с донскими станичниками показывали во время расспроса в Посольском приказе, что с Дона как сами казаки, так и торговые люди вывозят «рыбу всякую – свежую, и соленую, и вялу (вяленую. – О. К.), кожи лосины[е], зубревые, козлины[е], и иных зверей – бобры, выдры»; кроме того, говорилось о вывозе соли и выгоне лошадей.¹⁶⁰ О лошадях следует сказать специально, поскольку они были особенно желанным товаром для русского населения; это было характерно, в частности, для торговли поволжских ногайцев (во второй половине XVII в. место ногаев на русском рынке занимают калмыки).¹⁶¹ Однако данная торговля была централизована и концентрировалась в Москве и Нижнем Новгороде, для чего создавались специальные «ордобазарные станицы» из татар с целью перегона лошадей в эти центры. Но южнорусское население, безусловно, по преимуществу получало лошадей с Дона, избегая необходимости отправляться для этого в Москву.

Как отмечено в историографии, еще одной отраслью донского хозяйства, помимо охоты и рыбной ловли, было скотоводство –

¹⁵⁷ Донские дела. Кн. 5. Стб. 11–12.

¹⁵⁸ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 189. «Камышниками» презрительно именовали донских казаков турки. См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века С. 309.

¹⁵⁹ История Дона... С. 116.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 608. Л. 90–91. В свою очередь, как показывали те же казаки, к ним везли на продажу «хлебные всякие запасы, и вино, и мед. А товары – сукна сермяжные, холсты, юфти красные, сапоги телятинные, и иные москотилные всякие товары» (Там же).

¹⁶¹ Трепавлов В. В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI–XVII вв. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 167, 168.

в частности коневодство и разведение крупного рогатого скота. Однако постоянные набеги кочевников являлись серьезным препятствием для развития этой отрасли хозяйства, и отгон у казаков «конских и животных стад» во время набегов был частым явлением. В источниках встречаются случаи, когда казаки донского центра оставались из-за этого практически без лошадей. Так было, в частности, летом 1647 г., когда, по свидетельству вернувшегося с Дона служилого человека Т. Михнева, посылавшегося к казакам с государевым жалованием, «в Войску» имелось «только де с 50 лошадей», или зимой 1647/48 г., когда было «всего в Войске лошадей со сто». При этом в последнем случае, согласно расспросным речам приехавших в Москву с войсковой отпиской атамана Степана Молодого с казаками, из-за «беспрестанных воинских приходов» неприятеля на Дон лошадей казакам приходилось «кормить у себя в городке (Черкасском. — О. К.)», «а на поля де не только что лошади выпустить, и самим (казакам. — О. К.) нельзя никому появитца», — поясняли упомянутые станичники.¹⁶² Жалобы казаков на отсутствие в казачьем центре лошадей и «скудость животинной» (скотом) видим также осенью 1648 г., осенью 1660–зимой 1660/61 гг. и в 1643 г.¹⁶³ Все это были годы татарского натиска на Дон.

Следует сказать, что хозяйственные промыслы в степи были связаны с опасностью подчас не меньшей, чем военные предприятия казаков. Тем не менее эта сторона вопроса почти не затрагивается в литературе, и на ней необходимо остановиться особо. Опасность хозяйственных промыслов на Дону была отчасти связана с тем обстоятельством, что вблизи казачьих городков проходили пути татарских набегов «в Русь». Наиболее опасным местом был Донец, однако татарские шляхи шли и по обе стороны р. Дон. Так, например, весной 1642 г. из Астрахани в Азов «для проведыванья вестей» посылался сын боярский Иван Суслов. Позднее он показывал в расспросе, что, проезжая по городкам, ему пришлось слышать от донских казаков следующее. Зимой 1641/42 г. крымские и казыевские татары ходили войной на «государевы украинные городы» и «в Руси зимовали». «А на весне де после снегов, — продолжал И. Суслов, — видели донские казаки ис своих городков, что крымские татаровя из Руси с полоном в Крым

¹⁶² Донские дела. Кн. 3. Стб. 421, 821.

¹⁶³ Там же. Кн. 4. Стб. 43; Кн. 5. Стб. 835, 852; РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1-а. Л. 102.

шли, и не по одно время». ¹⁶⁴ Несколько ранее, осенью 1638 г., приехавший в Астрахань донской казак сообщил воеводам, что перед его отъездом с Дона вверх по обеим сторонам этой реки прошли три тысячи ногайских татар Казыева улуса, отправившихся в набег на «украинные города». При этом, как пояснял упомянутый казак, от татар, которые пошли по Крымской (правой) стороне Дона, следует ожидать «прихода» под Воронеж, а от тех, что направились по Ногайской стороне, – под Тамбов. ¹⁶⁵

И в первом, и во втором случаях речь идет о татарских «сакмах» (путях), шедших вверх по обеим сторонам Дона параллельно казачьим городкам. Характерно, что данные пути использовались татарами даже в период пребывания казаков в Азове, когда движение мимо казачьих городков было затруднено присутствием казаков в устье Дона. В прочее же время эти дороги использовались, без сомнения, еще более интенсивно. Данное обстоятельство делало порой даже простое появление в степи очень рискованным.

Постоянная военная опасность исходила и из Азова. Так, в войсковой отписке в Москву от декабря 1637 г. казаки, оправдывая свой поход на азовцев и взятие упомянутого города, писали, в частности, что им «шкоту великую те поганые азовцы чинили» – в казачьих «юртах, и на речках, и на комышах, и на переходех <...> хватали, и за море <...> на каторги продовали, и великии скорби и неволи чинили», а также «крымских и ногайских людей те азовские люди под <...> юрты козачьи подводили». ¹⁶⁶

Упоминания о захвате казаков в плен во время хозяйственных промыслов нередко встречаются в документах. Так, донской казак Прокофий Иванов из Клетского городка, бежавший в феврале 1648 г. из калмыцкого плена, показывал во время расспроса в г. Черный Яр (на Волге), что он был захвачен азовскими татарами, когда ходил с тремя товарищами («сам-четверт») «на речку Чир <...> для зверовья». Позже у азовских татар его отбили близ Дона (надо полагать, в ходе «погрома» татарского отряда) «калмыцкие люди», ушедшие затем

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 136.

¹⁶⁵ Там же. 1638 г., № 1. Л. 69. Слово «приход» (т. е. «приход войной», «воинский приход») в военной лексике того времени означало нападение, развертывание боевых действий.

¹⁶⁶ Донские дела. Кн. 1. Стб. 637. Под «юртами», «речками» и «камышами» здесь, безусловно, подразумеваются места казачьих промыслов.

за Волгу.¹⁶⁷ Присылавшиеся с грамотой зимой 1656 г. на Дон валуйские станичники Ф. Зарубин и Я. Панкратов показывали затем во время расспроса, что 20 февраля этого года при них приходили к Черкасскому городку «азовские татаровя» и «поимали де (в полон. — О. К.) казаков». «А сколько де поимали», станичники, правда, точно не знали.¹⁶⁸

На низовьях Дона опасность от татарских набегов грозила прежде всего казакам, занимавшимся рыболовецким промыслом.¹⁶⁹ Так, в войсковой отписке от марта 1641 г. казаки сообщали в Москву, что в начале января этого года к ним под Азов приходил с «воинскими людьми» крымский хан, возвращавшийся в Крым после похода на горских черкас. При этом татары «казаков под городом (Азовом. — О. К.), и на усть Дону, и на взморье на рыбной ловле побрали» в плен.¹⁷⁰ В 1656 г. казаки также писали, что в конце января этого года азовские и крымские татары захватили «многих» донских казаков на рыбной ловле («у косяков»)¹⁷¹

Подобным исходом заканчивались очень многие набег татар (особенно азовских) под казачьи городки. В источниках и 40-х, и 50-х гг. XVII в. постоянно встречаются упоминания о том, что татары, приходя на Дон, «многих казаков емлют в полон и шкоду чинят многую». Выше упоминалось, что казакам в такое время невозможно было даже выйти из городков, причем подобные случаи были не так уж и редки.

Однако татар, как уже говорилось, можно было встретить не только на низовьях Дона — их отряды рыскали повсюду, доходя даже до г. Саратова на р. Волге. Так, выходец из кабардинского плена Н. Савельев показывал во время расспроса в Астрахани, что он с 7 товарищами был захвачен казыевскими татарами на Волге между городами Саратовом и Царицыном, когда шел «на бечеве» по правому (Крымскому)

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1648 г., № 1. Л. 156–157.

¹⁶⁸ Донские дела. Кн. 5. Стб. 15. В войсковой отписке в Москву от 24 февраля 1656 г., впрочем, говорится, что пришедшие «изгоном» (внезапно) к казачьему центру («под Войско») татары «многих казаков <...> поимали, а иных порубили» (Там же. Стб. 130).

¹⁶⁹ Рыбной ловлей, впрочем, занимались и в верховых казачьих городках.

¹⁷⁰ Донские дела. Кн. 2. Стб. 120. (Впоследствии захваченные казаки были отданы татарами на выкуп. См: Там же. Стб. 121.)

¹⁷¹ Там же. Кн. 5. Стб. 130.

берегу этой реки.¹⁷² В конце 1646 г. донские казаки, ходившие из Есаулова городка в степь «для поиска воинских людей», на речке Лиске (правая сторона р. Дон) «погромили» группу «гулящих» татар из 14 человек.¹⁷³ Все это были будни «диких степей» Поля.

С 40-х гг. XVII в. на Дону появилась новая опасность, исходившая от калмыков, которые до середины 1650-х гг. находились во враждебных отношениях с Русским государством. И хотя казаки не раз заключали с калмыками мирные договоры, однако калмыки, следуя из-за Волги близ Дона в набеги под Крым и обратно, не переставали захватывать в плен, а иногда и убивать казачьих гулебщиков. Так, стрелецкий сотник П. Балакирев, посылавшийся в 1651 г. из Астрахани на Дон, показывал затем в расспросе, что в феврале этого года калмыки числом в 15 тысяч человек во главе с Лаузан-тайшой, следуя в набег под Крым вблизи казачьих городков, в низовьях Дона захватили «донских казаков зверовщиков и гулебщиков тринадцать человек», да и «под верховыми <...> городками чинили шкоту большую, и казаков поимали, и конские стада отогнали».¹⁷⁴ В октябре этого же года под казачьим городком Сиротином калмыками было захвачено трое казаков.¹⁷⁵ В начале 40-х гг. XVII в. в 20 верстах от казачьего городка Голубые был захвачен калмыками уже упоминавшийся С. Серебряков, когда он ходил с двумя товарищами («сам-третий») в степь на речку Паншину «за зверем»,¹⁷⁶ и т. д.

Иногда, правда, подобные инциденты заканчивались благополучно для казаков. Так, в январе 1648 г. калмыки, подошедшие к Черкасскому городку, донских казаков, которых они перед этим «имали на гульбах за зверем и рыбою», «всех в Войско отпустили», и после похода на Крымскую степь от калмыков, «как <...> шли назад», по отношению к казакам «задоров де <...> отнюдь никак не бывало».¹⁷⁷ Атаман Тит Григорьев с казаками, присланные вскоре с Дона в Москву с войсковой отпиской и сообщившие во время расспроса в Посольском приказе эту информацию, умолчали, правда, о том, что казаки были вынуждены заключить с калмыками мирный

¹⁷² РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1651 г., № 1. Л. 203.

¹⁷³ Донские дела. Кн. 3. Стб. 377.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1651 г., № 1. Л. 175.

¹⁷⁵ Там же. Л. 232. (Расспросные речи в Царицыне посылавшихся оттуда на Дон к казачьему городку Пяти Избам царицынских стрельцов В. Баскова с товарищами.)

¹⁷⁶ Там же. 1644 г., № 1. Л. 167.

¹⁷⁷ Донские дела. Кн. 3. Стб. 843.

договор, и возврат пленных казаков был вызван именно этим обстоятельством.¹⁷⁸ Однако и в дальнейшем, как мы видели, подобные действия калмыков продолжали иметь место. В частности, посылавшийся весной 1650 г. из Астрахани на Дон сын боярский А. Казанцев показывал позднее в расспросе, что зимой 1649/50 г. кочевавшие по правой стороне Волги (до р. Хопер) калмыки «приходили войною на донские казачьи на верхние городки и животину у казаков отогнали, и людей в полон поимали».¹⁷⁹

После установления в 1651 г. мирных отношений между Россией и калмыками такие эксцессы стали, по-видимому, происходить реже, однако упоминания о них по-прежнему встречаются в источниках. В частности, в январе–феврале 1656 г. калмыки, следовавшие близ Дона в набег под Крым, захватили близ казачьего городка Семикаракоры (нижний Дон) двух казаков, причем одного из них убили, а другого забрали с собой.¹⁸⁰ Столкновения между донскими казаками и калмыками возникали и позднее, несмотря на мир и даже союзнические отношения между ними. Так, с 1660-х гг., когда нормой стали как совместные походы донских казаков и калмыков на Азов и под Крым, так и кочевье последних с улусами поблизости казачьих городков, Москве не раз приходилось разбирать жалобы тех и других на «задоры» и «обиды» по отношению друг к другу. Так, в войсковой отписке от августа 1666 г. казаки жаловались, что «калмыцкие люди» им «чинят обиды большие» – в частности, убили семерых казаков на речке Бузулуке, и «в ыных <...> розных местах многих <...> козаков перерезали (убили. – *О. К.*), и кони, и коровы отганяют» и, как восклицали авторы отписки, «твою, великого государя, вечную отчину реку Дон <...> пусту учиняют».¹⁸¹

Настоящий погром казачьих городков устроили калмыки осенью 1664 г. Так, в войсковой отписке к белгородскому воеводе Л. Кобякову казаки писали, что в октябре этого года «калмыцкие люди» многие казачьи верховые городки «без остатку разорили, и скот отогнали,

¹⁷⁸ См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1648 г., № 1. Л. 23–24.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1650 г., № 1. Л. 361.

¹⁸⁰ Донские дела. Кн. 5. Стб. 14.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г. № 3. Л. 3. (Здесь же казаки упоминают о войсковой грамоте с требованием не чинить «задоров» с калмыками под угрозой смертной казни, отправленной «по всей реке и в запольные речки». Однако трудно представить, чтобы действия калмыков были оставлены верховными казаками без ответа.)

и отоманов и козаков многих порубили и переранили, и жон и детей их в полон поймали», причем многие казаки из этих городков в то время «были в отъезде, в Войске». ¹⁸² В такой обстановке, безусловно, не могла быть безопасной и «гульба».

В данной ситуации экспедиции в степь за зверем в любой момент могли обернуться столкновением с кочевниками, тем более что казачьих «гулебщиков» не могла остановить даже близость их кочевий. Так, в войсковой отписке от марта 1638 г. казаки кратко сообщали в Москву о столкновении на р. Миус группы казаков с татарским отрядом, состоявшемся в начале марта этого года. После взятия казаками Азова р. Миус стала местом казачьих промыслов, и в конце зимы 1638 г. сюда «из Азова из Войска» отправилась ватага донских казаков. На Миусе их «подкороулили» кочевавшие тогда под Крымом татары Большого Ногай и напали на них. Во время боя, однако, нападавшие не сумели разгромить казаков и сами потеряли 10 человек пленными. Судя по терминологии, употребленной в казачьей отписке (татары «подкороулили» казаков и «хотели побити», к казакам «приступали», но «их не взяли» и «ничего (им. — О. К.) не учинили»), картину этого боя можно представить себе следующим образом.

Казаков обнаружил более многочисленный отряд татар и напал на них. По-видимому, татары еще ранее подметили, а затем выследили казаков (в отписке сказано, что татары напали на казаков «сбравшись», т. е. собравшись) и, организовав отряд, попытались при нападении захватить казаков врасплох. Однако малочисленную, по сравнению с татарами, казачью ватагу захватить врасплох не удалось, и казаки заняли круговую оборону либо же засели в каком-либо естественном укреплении («крепком месте»). Они отбили все приступы татар и даже сумели нанести им поражение, захватив «языков». ¹⁸³

Отвага казаков достойна удивления в тем большей степени, что недалеко от Миуса в тот момент кочевали ногайские улусы, причем вероятность присутствия татар на данном урочище с промысловыми, как и у казаков, целями (для «зверовья») была весьма велика. Р. Миус использовалась для казачьих промыслов и позднее. Так, в 1639 г. здесь зимовали 200 запорожских казаков, временно пришедших сюда

¹⁸² РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1664 г., № 9. Л. 11. (Цитируется по списку с отписки белгородского воеводы Л. Кобякова, передающей содержание отписки с Дона. В фонде «Донские дела» документов за 1664 г. не имеется.)

¹⁸³ Донские дела. Кн. 1. Стб. 697.

из Азова.¹⁸⁴ Настоящей военной экспедицией явилась, по замечанию Н. А. Мининкова, зимовка в 1644 г. казаков «для звериные стрельбы и рыбные ловли» на Монастырском острове.¹⁸⁵ Казачье Войско находилось тогда в Раздорах (Верхних), довольно далеко от этих мест, куда оно было отброшено в 1643 г. превосходящими силами турок и татар. Казаки с промысловыми целями вернулись на свои старые «юртовые места», и, по-видимому, заняв покинутые укрепления, выдержали в них бой с крупным отрядом азовских татар и янычар, осадивших казаков.¹⁸⁶

Как видно из приведенного материала, «мирные» казачьи промыслы в условиях донской действительности в любой момент могли обернуться вооруженным столкновением – таким образом, военная и хозяйственная деятельность переплетались, и готовность к бою, причем часто неравному, должна была сохраняться практически постоянно. В источниках рассматриваемого периода нет сведений об организации степных хозяйственных промыслов. Считается, что обычно казаки отправлялись «вдаль и надолго» значительными партиями.¹⁸⁷ Между тем в документах часто встречаются примеры, когда казаки уходили на гульбу и по два-четыре человека, причем иногда на довольно значительное от городка расстояние (до трех «дней»). Удивляться этому не приходится – умение и готовность рисковать являлись неперенным условием пребывания в степи.

Однако военная опасность поджидала казаков не только во время «гульбы», но и в местах проживания казаков – в самих городках, близ них и уж тем более – «на переходах» между городками. Так, в 1641 г. Денис Григорьев, атаман приехавшей в Москву казачьей станицы, показывал в расспросе, что он был захвачен татарами, когда развозил по городкам войсковую грамоту из казачьего центра.¹⁸⁸ В 1637 г. (уже после взятия казаками Азова) «на переходе» между этим городом и Черкасским городком были захвачены в плен

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 15–16.

¹⁸⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 190.

¹⁸⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 523. (Из войсковой отписки донских казаков от марта 1644 г.)

¹⁸⁷ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 188–189.

¹⁸⁸ Донские дела. Кн. 2. Стб. 180.

отрядом «темрюцких черкас», совершивших набег на казачью территорию, донской казак и донской татарин, ехавшие из Азова со своим «борошняком» (имуществом).¹⁸⁹ Впрочем, в плен к татарам можно было попасть и на дороге между Воронежем и Ельцом, как это случилось в июне 1643 г. с донским атаманом Осипом Лосевым.¹⁹⁰

Нередки были и нападения на казачьи городки. Известно, например, что в мае 1644 г. татары взяли и сожгли городок Голубые; в октябре того же года – Кагальник.¹⁹¹ В 1638 г. татары взяли городок Каргалы, убив в нем около 25 казаков,¹⁹² а зимой 1649/50 г. два казачьих городка захватили калмыки.¹⁹³ Случалось, что захватывали и «разоряли» казачьи городки также отряды «воровских» запорожских казаков. Например, летом 1644 г. ими были взяты и разграблены Мигулин и Решетов городки (верхний Дон), тогда же «воровские черкасы» «поимали» и «розорили» ряд казачьих городков по Хопру.¹⁹⁴

Нападения на казачьи городки были весьма регулярны. В октябре 1646 г., например, казаки в войсковой отписке сообщали в Москву, что в то время, как их значительная часть была в походе на море, из Азова дважды нападали на городки, и «в те <...> два прихода порубили и побрали в полон многих <...> донских казаков». Далее казаки писали, что им «от азовских людей теснота (утеснение. – О. К.) великая: лошади и коровы беспрестани (беспрестанно. – О. К.) отгоняют и разоряют <...> всяким разорением».¹⁹⁵ От лета 1659 г. имеем свидетельство очевидца, что из Азова «не дают казакам покою: по всяк день к Черкасскому городку приходят, лошади и животинные стада у них отогнали все», и казакам многих верховых городков, непрерывно нападая, «учинили шкоту».¹⁹⁶

В 1656 г. казаки жаловались в Москву, что в Азов все время «ис Крыму, и из Нагаю, и ис Кабарды» приезжают «воинские люди», которые

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1637 г., № 1. Л. 124–125.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 162. Л. 108. См. также: Донские дела. Кн. 2. Стб. 587.

¹⁹¹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 616.

¹⁹² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 230.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1650 г., № 1. Л. 63.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1644 г., № 1. Л. 7.

¹⁹⁵ Донские дела. Кн. 3. Стб. 269–270.

¹⁹⁶ Там же. Кн. 5. Стб. 442–443. (Из статейного списка С. Хомицкого, привозившего в 1659 г. на Дон государево жалование.)

затем вместе с азовцами ходят в набеги на казачью территорию. Так, в январе–феврале 1656 г., говорится далее в отписке, «под Войско» были «многие и частые приходы»; в плен к азовцам попали более 30 человек. В результате у казаков не было возможности даже выйти из Черкасского городка для ловли рыбы и за дровами.¹⁹⁷ В другой войсковой отписке того же года казаки, повторяя, что у крымцев, ногайцев и кабардинцев «весь скоп и съезд, и с Руси с полоном приход» концентрируется в Азове, восклицают: «А наши, государь, мочи, чтоб у них тот полон на переходе нам где оттромить», нет, поскольку к ним самим «приходы и задоры были нынешнею зимою, и весною, и летом безпрестанные».¹⁹⁸ (Правда, скоро казаки заключили с азовцами мир и выкупили часть плененных казаков.) Зимой 1655/56 г. Войско, сообщая, что к ним на Дон «приходят <...> часто турецкие, и крымские, и ногайские люди и озовцы еждень», просило прислать из Москвы в Черкасский городок сполошный колокол, поскольку при стрельбе «для сполоху» из пушек чинится большой расход «пороховой казне».¹⁹⁹

Все это только отдельные эпизоды. Причем мы сознательно брали примеры хоть и весьма яркие, но отнюдь не за самые худшие для казаков годы. Впрочем, иногда в источниках встречаются и иные сообщения. Так, сын боярский М. Прибытков, привезший в 1652 г. на Дон государево жалование, показывал позднее во время расспроса в Москве, что летом этого года «крымские де и нагайские люди при нем на Дон не прихаживали. Только де одинова (один раз. – *О. К.*) приходили под Черкасский городок азовцы небольшие люди, и казаки де выходили к ним на выласку (из городка. – *О. К.*) конные и пешие люди», в результате чего поход «бусурман» успеха не имел.²⁰⁰

Однако и в относительно безопасное и мирное время приходилось постоянно остерегаться, поскольку набег неприятеля мог произойти в любой момент. Так, в войсковой отписке от мая 1657 г. казаки писали в Москву, что в феврале этого года азовцы «в правде своей не устояли» и во время мира приходили вместе с крымскими татарами, ногайцами и горскими черкесами под Черкасский городок, но, правда, были вовремя обнаружены казачьими заставами и караулами. Тем не менее казакам пришлось выдержать осаду в их главном

¹⁹⁷ Там же. Стб. 130–131. (Войсковая отписка от 24 февраля 1656 г.)

¹⁹⁸ Там же. Стб. 153–154. (Войсковая отписка от 2 ноября 1656 г.)

¹⁹⁹ Там же. Стб. 95.

²⁰⁰ Донские дела. Кн. 4. Стб. 542.

городке.²⁰¹ Документы сообщают и об иных набегах азовцев на казачью территорию «за миром» (т. е. в мирное время).

Таким образом, зачастую казаки ни на степи, ни в самих городках (особенно во время ухода значительной части казаков в поход или «в Войско») и уж тем более «на переходах» не могли чувствовать себя в полной безопасности. В этой обстановке казаки выработали для себя ряд приемов, которые помогали им выживать во враждебном окружении численно превосходящего их противника. Рассмотрим эти приемы подробнее, поскольку они лучше всего позволяют представить себе донскую действительность и условия жизни в степи.

В случае ухода в поход казаков из нескольких городков оставшиеся казаки с семьями и имуществом собирались в один городок. Например, в войсковой грамоте из Азова от 1638 г., отправленной вверх по Дону и призывавшей казаков из городков ехать «к Войску», говорилось: «...а в городках небольших людей аставливойтя (оставляйте. — *О. К.*), а съезжайтятся городков пять и шесть в одно места с семьями».²⁰² То же видим и в 1650 г. Присланные осенью этого года с войсковой отпиской в Москву атаман Андрей Елисеев с казаками показывали во время расспроса следующее. В связи с ожидавшимся «приходом» на Дон объединенного войска татар и запорожских казаков в донской центр созывались казаки из городков. При этом казакам, остававшимся в городках, предписывалось «ис трех или четырех городков собратца <...> в один городок» ввиду возможного нападения «воинских людей».²⁰³

Казачий способ относительно безопасного передвижения по степи небольшими (в несколько десятков человек) отрядами передает в своих записках французский инженер на польской службе Гийом Левассер де Боплан. Так, он пишет, что казаки переходят степи «в таборе, или в караване — т. е. между двумя рядами телег, замыкаемых спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же с дротиками (копьями. — *О. К.*) и пищалями <...> идут посреди табора, а лучшие наездники — вокруг онаго». Кроме того, во все стороны высылались казаки для наблюдения²⁰⁴ (по-русски такой

²⁰¹ Там же. Кн. 5. Стб. 224–225.

²⁰² Там же. Кн. 1. Стб. 810.

²⁰³ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 18.

²⁰⁴ Боплан. Описание Украины. СПб., 1832. С. 54.

караван назывался «обозом»). Сам Боплан – человек, безусловно, немало повидавший, гордится тем, что ему несколько раз доводилось переходить с казаками степи подобным образом. Между тем Боплан за 17 лет, проведенных на малороссийской Украине, не бывал даже в Запорожской Сечи (впрочем, ему удалось побывать на о. Хортица за Порогами), и упомянутые переходы совершались, безусловно, недалеко от казачьих владений. Между тем осуществлявшиеся казаками степные переходы подчас действительно поражают воображение. В частности, гонцы с грамотами из Запорожья на Дон и обратно ездили через степи по три-четыре-пять человек. Так, в 1661 г. на Дон из Запорожья от атамана И. Брюховецкого были присланы 4 посланца, в 1644 г. из Черкасского городка в Запорожье были отправлены 2 донских и 3 запорожских казака и т. д.²⁰⁵ И хотя путь через «Поле» проходил «крепкими местами» (т. е. шел от урочища к урочищу), подобная поездка была, безусловно, очень рискованной.

Одним из крайне опасных в военном отношении был степной путь с Дона на Яик. От Волги он шел Ногайской степью, и в случае нападения кочевников ждать помощи было не от кого, а отступать – некуда. Тем не менее опасность не останавливала казаков, и этот путь использовался ими. Так, шацкий крестьянин С. Серебряков, бежавший в 1644 г. из калмыцкого плена в Яицкий городок (Гурьев) от р. Эмбы, показывал во время расспроса, что он видел в степи «конных людей человек с тридцать», которые «пришли к Яику реке с кошами (телегами. – О. К.) от Волги». По мнению С. Серебрякова, это, скорее всего, были русские, «потому что те люди пришли с кошами, а калмытские де люди и татаровя с кошами дорогою не ездят».²⁰⁶ Без всякого сомнения, речь здесь идет о казаках, пришедших к Яику с Дона. Опасность данного перехода была тем более велика, что нападение здесь могло быть произведено калмыками, которые, в отличие от татар, не боялись прямого боя и вполне могли решиться на штурм казачьего «обоза». Возможно, именно подобным образом «на Ногайской степи» и попал вместе с товарищами

²⁰⁵ Донские дела. Кн. 5. Стб. 929; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1644 г., № 1. Л. 173–174.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1644 г., № 1. Л. 167–169. Сам С. Серебряков, «увидя тех людей», решил не рисковать и «им не оказался, побежал от них в лес».

в калмыцкий плен донской казак Г. Григорьев, направлявшийся в конце 30-х гг. XVII в. с отрядом казаков из Манычского городка на Яик.²⁰⁷ Надо полагать, что, отправляясь в опасный путь, казаки предварительно выясняли обстановку – так, отряд, виденный С. Серебряковым, подошел к Яику, когда калмыки ушли отсюда к Эмбе. Описанный Бопланом способ защиты во время передвижения через степь упоминается и применительно к донским казакам XVIII столетия, ходившим через сальскую степь к Манычским соляным озерам для добычи соли.²⁰⁸

Очень опасными в военном отношении были и пути через донецкую степь на Валуйки, которыми ездили в Москву с войсковыми отписками казачьи станицы. Один из этих путей назван в источниках «Большой донской дорогой»²⁰⁹ (т. е. дорогой на Дон), однако вопрос о маршруте как данного пути, так и других дорог через Северский Донец до настоящего времени не ставился. Между тем во время следования к Валуйкам казакам (а также гонцам, отправленным из упомянутого города на Дон с государевыми грамотами) не раз приходилось «переезжать» (пересекать) татарские «сакмы», а также вступать в столкновения с отрядами татар и «воровских» запорожских казаков, причем позднее об этом донские и валуйские станичники, как правило, сообщали во время расспросов. Исходя из упоминаний в ходе таких расспросов той или иной местности, представляется возможным выявить приблизительные очертания путей с низовьев Дона на Валуйки.

Столкновения донских станичников и (в двух случаях) русских гонцов с татарами или «воровскими черкасами» на протяжении рассматриваемого периода происходили – в ряде случаев неоднократно – в следующих местах (последовательно): между речек Кундрючьей и Лихой (1655), на речке Глубокой (1647), у речки Каменки (1644), в «Гундоровском юрту» и на Теплом колодезе (1636), у Митякина колодезя (1642), у р. Деркул (1636), у р. Лугань (1641 и 1649), близ

²⁰⁷ Там же. 1642 г., № 1. Л. 36. Не исключено, однако, что Г. Григорьев попал в плен, когда ходил с Яика за зверем на р. Комелик, поскольку он упоминает, что был взят «о урочище речке Мелике».

²⁰⁸ Котельников Е. Историческое сведение Войска Донского о Верхнекурмоярской станице // Донские казаки в походе и дома. Ростов н/Д, 1991. С. 43.

²⁰⁹ Так, в 1653 г. атаман Т. Никитин с казаками показывали в Москве, что они «ехали на Волуйку степью через Донец большою донскою дорогою» (Донские дела. Кн. 4. Стб. 663).

речки Евсуг (1636), близ р. Айдар у верховьев речки Лозовой (1645), у р. Айдар на устье речки Белой (1646).²¹⁰

Кроме того, станичникам и гонцам, как уже сказано, не раз приходилось «переезжать» в степи татарские «сакмы» (а иногда и воочию видеть татарские отряды, идущие в набег «на Русь» или возвращающиеся «из Руси» с полоном), что также дает сведения о тех местах, которыми проходили пути между низовьями Дона и Валуйками. Это (так же последовательно): «Глубокое» и «перевоз Глубокие» (переправа у устья р. Глубокой) (1641 и 1655), р. Каменка (1647), Митякин колодезь (1647), устье р. Деркул (1641), р. Айдар и «Белый колодезь» у р. Айдар (1641), «Трехизбянский юрт» (находился между реками Айдаром и Боровой) (1647).²¹¹

Как видим, в обоих случаях пункты в основном одни и те же.²¹² Таким образом, один из основных маршрутов пути с Дона на Валуйки шел от Черкасского городка через реки (иначе – урочища) Тузлов и Кундрючью (Кундрючье) к перевозу через Северский Донец, расположенному близ устья речки Глубокой. Далее он проходил по левой стороне Донца, следуя через Митякин колодезь, реки Деркул и Евсуг к Айдару. Существовал и путь по правой стороне Донца сразу к перевозу на «усть Деркула». ²¹³ Далее степная дорога на Валуйки

²¹⁰ Донские дела. Кн. 4. Стб. 937; Кн. 3. Стб. 573; Кн. 2. Стб. 518–519, 534; Кн. 1. Стб. 483, 520; Кн. 2. Стб. 293, 304, 310–311, 322, 364; Кн. 1. Стб. 520; Кн. 2. Стб. 130; Кн. 4. Стб. 275; Кн. 1. Стб. 520; Кн. 3. Стб. 84, 56, 59. «Колодезь» – ручей или небольшая речка с ключевой водой.

²¹¹ Там же. Кн. 2. Стб. 234; Кн. 4. Стб. 942; Кн. 3. Стб. 676, 777; Кн. 2. Стб. 161, 164, 220; Кн. 3. Стб. 676. (Кроме того, в 1652 г. станица донских казаков во главе с атаманом П. Чесночихиным встретила на речке Евсуг «гулявшего» по здешним урочищам запорожского казака Лукьяна, сообщившего казакам известия о проследовании татарского отряда вверх по Деркулу. См.: Там же. Кн. 4. Стб. 563.)

²¹² Во второй перечень не вошли следующие местности, не представляющие интереса для решения поставленной задачи, поскольку о следовании казаков этими местами известно и из других материалов: Калитва (Белая) и Калитвенец (1650), Гребенные (горы) (1646 и 1655), Дядин колодезь, а также район «ниже Калитвы» (1646). См.: Там же. Кн. 4. Стб. 496–497, 942; Кн. 3. Стб. 9. Это все места, расположенные по Северскому Донцу ниже р. Глубокой. (Р. Калитва, левый приток Северского Донца, в источниках иногда именуется «Белой» во избежание путаницы с р. Черной Калитвой, правым притоком Дона. Обе реки находятся в междуречье Дона и Северского Донца, иначе – на «Крымской» стороне р. Дон.)

²¹³ Так, этим путем возвращались в мае 1641 г. из Азова валуйские станичники Т. Бобырев и Ф. Лазарев, посылавшиеся на Дон с грамотой. См.: Там же. Кн. 2. Стб. 161, 164.

шла вверх по р. Айдар – вероятнее всего, по его левой стороне (поскольку справа от Айдара проходила популярная у татар Калмиусская сакма). Ближе к верховьям этой реки, примерно в районе устьев двух речек – Лозовой (правого притока Айдара) и Белой (левого притока Айдара), дорога переходила на правую сторону реки и затем, пересекая Калмиусский шлях, речки Уразову и Ураеву, выходила к Валуйкам. Последнее заключение можно сделать, исходя из следующих данных.

В июне 1646 г. при впадении в Айдар речки Белой у атамана М. Пещурова с казаками (20 человек) произошло столкновение со 120 «черкасами», причем случилось это «за два днища» от г. Валук.²¹⁴ В июле 1641 г. атаман Б. Лукьянов «с товарищи» видели неизвестных «воинских людей» за 2 дня пути от Валук на р. Айдар и «за пол 2 днища» (полтора дня пути) на Белом колодезе. Проблема состоит в том, что в Айдар впадало 2 речки с названием Белая – одна справа в среднем течении этой реки, а другая в ее верхнем течении слева. Белый колодезь же – одно из самых распространенных названий в донецкой степи. Думается, в данном случае речь идет о р. Белой – левом притоке Айдара, поскольку устье другой речки с одноименным названием находится от Валук примерно «днищах» в трех.²¹⁵ Что касается Белого колодезя, то это, судя по всему, приток речки Лозовой – в настоящее время на Лозовой существует селение под названием Белый Колодезь.

Таким образом, вероятность встречи с татарами на Калмиусской сакме в данном случае сводилась к минимуму. Казачья дорога довольно удачно обходила один из магистральных татарских путей на «Русь», что тем не менее отнюдь не исключало встречи с противником в любой из ее точек, разве что татарские отряды здесь могли быть не столь многочисленны.

Был и другой вариант пути – напрямую по «Крымской стороне» Донца от низовьев Дона к Айдару. По-видимому, он был гораздо более рискованным и использовался, когда особой опасности в степи не было. К примеру, этим путем двигалась на Валуйки

²¹⁴ Донские дела. Кн. 3. Стб. 56, 59.

²¹⁵ Так, от Валук до Трехизбянского юрта, располагавшегося близ устья р. Айдара, считалось 5 «днищ». См.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 521. (Распросные речи беглого станичного ездока с Валук С. Крутлина, жившего на Донце в казаках.)

в сентябре 1649 г. станица атамана П. Иванова, столкнувшаяся на р. Лугань с численно превосходящим отрядом татар.²¹⁶

Существовали и иные пути через донецкую степь. Так, из Войска ехали вблизи казачьих низовых городков вверх по Дону, переправлялись через Северский Донец у Бабьего городка и затем по левой стороне, перейдя реки Быструю, Белую Калитву и Калитвенец, выходили на очерченные выше маршруты.²¹⁷

До Белгорода ездили по левой стороне Донца, пересекая все его левые притоки близ их устьев. Данным путем обычно пользовались «торговые люди» из Белгорода и белгородские сторожевые станицы, маршрут которых от Белгорода проходил до Соколых гор и обратно: это позволяло им последовательно пересекать все возможные места перехода татар через Донец вплоть до р. Быстрой.²¹⁸ Подобным же образом можно было добраться и до Валук, отвернув на этот город в районе р. Красной.²¹⁹

Итак, как видим, существовало немало путей с низовьев Дона на Валуйки. Какой же из них именовался «Большой донской дорогой»? На наш взгляд, это был путь от переправ в устьях рек Деркула или Глубокой вверх по Айдару, так как именно данный маршрут чаще всего фигурирует в источниках. Помимо приведенного материала, в пользу данной точки зрения можно привести также следующие факты. Уже упоминавшиеся атаман М. Пещуров с казаками в июне 1646 г. прямо указывали в расспросе, что «ехали де они степью вверх по Донцу *по Нагайской стороне* (этой реки. — О. К.) *с Айдара на Волуйку...*» (курсив наш).²²⁰

В ноябре 1636 г. станичный ездок с Валук Сергей Круглин, в 1635 г. бежавший к казакам на Донец и осенью следующего года возвращавшийся с группой белгородских и воронежских «торговых людей» из казачьего городка Маныч в родной город, так передает в

²¹⁶ Донские дела. Кн. 4. Стб. 275.

²¹⁷ Этим путем пользовались довольно редко, чаще им ездили те, кто отправлялся в дорогу от Бабьего городка (Верхних Раздор). В апреле 1641 г. так возвращался на Валуйки посылавшийся на Дон с грамотой валуйский вож Н. Зарубин. См.: Там же. Кн. 4. Стб. 495–497.

²¹⁸ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 77.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 525. Этим путем, в частности, ездили с Валук на Донец «для звериных промыслов». (Из расспросных речей беглого станичного ездока с Валук С. Круглина.)

²²⁰ Донские дела. Кн. 3. Стб. 59.

своих расспросных речах путь до Валук: «...И ехал он (от городка Маныч. – *О. К.*) з белгородцы и с воронажцы к Руси дён с 5 <...> и на 6-й день доехали они на речке на Ясазе (Евсуге. – *О. К.*) валуйчан Пронку Овчинникова с товарищи. А с Ясузы воронажцы поехали на Волуйку наперед их (С. Круглина с валуйчанами. – *О. К.*), а белгородцы пошли в Белгород подле Донца, от Волуйки налево» (курсив наш).²²¹ Таким образом, поворот к Валуйкам от Донца находился между реками Евсуг и Айдар.

Как уже упоминалось, военная опасность, поджидавшая путников в донецкой степи, была очень значительна. Так, атаман Устин Алексеев с казаками, отправленные в начале 1645 г. с Дона в Москву, писали позднее в своей челобитной, что на пути из Черкасского городка их «занел (застал. – *О. К.*) <...> снег большой, и стыдь (стужа. – *О. К.*)», а также встретились «тотарские многие сокмы». В результате, «убоявся» ехать далее, казаки с р. Кундрючьей «поворотили на Дон», решив ехать на верхние донские городки и оттуда на Воронеж. Однако по следу их все-таки нагнал отряд татар, с которым казакам пришлось выдержать жестокий бой.²²² Приехавшие в начале августа 1638 г. с войсковой отпиской в Москву атаман Осип Лосев с казаками показывали в расспросе, что «как де они шли з Дону к Москве, и они видели, идучи к Валуйке, на степи татар человек со 150; идут от Волуйки с руским с небольшим полоном».²²³

В феврале 1642 г. дворянин А. Желябужский и подьячий А. Башмаков, совместно со станицей казаков атамана Абакума Сафонова возвращавшиеся после поездки в Азов, показывали затем в расспросе следующее. После переправы через Северский Донец они «шли к Волуйке з большим опасеньем – в день стояли в чернях у крепей, а ночью шли через гребени степные, промеж воинских людей, татар и черкас, а иные де (татары. – *О. К.*) им и встречу шли с полоном, которые воевали Оскольский уезд».²²⁴ Подобных примеров можно привести немало.

²²¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 524–525. Сам С. Круглин с валуйчанами от р. Евсуг («Ясузы») «тихою ездою» ехали до р. Красной и «за зверем ходили».

²²² Донские дела. Кн. 2. Стб. 722–723.

²²³ Там же. Кн. 1. Стб. 832.

²²⁴ Там же. Кн. 2. Стб. 322. «Черни» – густые темные леса; «крепи» – «крепкие», удобные для обороны места; «гребени степные» – возвышенности в степи.

Случалось, что, учитывая наличие в степи «сакм многих», ехать подчас приходилось и «глухою степью», обходя места возможного появления неприятеля.²²⁵ Поэтому присутствие в отряде «вожа» – человека, который бы хорошо знал местность, было подчас необходимым (так, «вожом» в своей группе был упоминавшийся выше Сергей Круглин). С другой стороны, бывало, что казачьи станицы преодолевали опасные места, полагаясь на скорость своего движения по степи. Например, приехавшие на Волуйки в августе 1646 г. атаман Леонтий Пушкинский с казаками сообщали, что «как <...> ехали они з Дону степью на Волуйку, и наезжали де они многие свежие татарские и воровских черкас сакмы и станы, и в виденья де (воочию. – О. К.) они воровских черкас видели». Пытаясь избежать столкновений, эти казаки «бежали к Волуйке наспех днями и ночью», чтобы «от воинских людей татар и от воровских черкас проехать на Волуйку здорово». В подобных ситуациях приходилось бросать в степи «присталых» лошадей. Так, в данном случае казаки «от скорой езды, от разжогу многих своих лошадей на степи пометали, и на Волуйку пришли <...> пеши».²²⁶ Эпизод этот далеко не единственный. Бывало, впрочем, и так, что казаки по пути через степь «воинских людей нигде не видали, и сакмы (татарской. – О. К.) не переезживали»²²⁷ (чаще это происходило в 50–60-е гг. XVII в.).

Однако наиболее опасные ситуации складывались, конечно, когда станичникам приходилось вступать в столкновения с татарами или «воровскими» запорожскими казаками. Обычно казачьи «проезжие станицы», ходившие с войсковыми отписками через донецкую степь, редко насчитывали более 15–20 человек, численность же нападавших могла превышать это число в 5–10 и более раз. При этом далеко не всегда вместе с казаками шли возвращавшиеся в города с Дона «торговые люди». В этих условиях у казаков (как и у южнорусского населения) имелись своеобразные приемы защиты. Рассмотрим их.

В сентябре 1649 г. во время следования через донецкую степь станица донских казаков во главе с атаманом П. Ивановым (10 человек) в тумане столкнулась на р. Лугань с отрядом татар; «бусурман» было

²²⁵ См.: Там же. Стб. 364.

²²⁶ Там же. Кн. 3. Стб. 166.

²²⁷ Там же. Кн. 4. Стб. 42. (Расспросные речи в Москве от декабря 1648 г. атамана П. Федорова с казаками, приехавшими с Дона с войсковой отпиской.)

«человек со сто». «И был с ними бой, — сообщали позднее в Москве донские станичники, — и они де (казаки. — *О. К.*) от них сидели в осаде день да ночь, а на другой день с утра рано пошли (татары. — *О. К.*) от них прочь».²²⁸ Здесь видим типичную картину столкновения казаков с татарами «на переходе». В подобных случаях казаки, как правило оказывавшиеся в меньшинстве, старались отойти к какому-либо естественному укрытию — лесу, оврагу, зарослям или кустам (например, терновника), где и занимали оборону. Отстреливаясь из ружей, они держали противника на расстоянии, пока он не прекращал затягивающейся осады и не уходил. По этой причине казачьи степные пути обычно проходили «крепкими местами», т. е. шли от урочища к урочищу, что позволяло в случае нападения отступить и отсидеться в естественном укреплении. Именно так, в частности, поступили в мае 1655 г. несколько валуйских станичников, посылавшихся в этом году с грамотой на Дон. Как показывал присланный затем к Москве с ответной отпиской казаков один из этих станичников, Яков Панкратов, на пути с Дона «в урочищах меж Лихова и Кундрючья» они встретились с отрядом татар из 20 человек. «И за ними де те татаровя гоняли, — продолжал Я. Панкратов, — и они де, станишники, отсиделись в терновых кустах. А пошли де те татаровя вверх по речке Лихом от Донца прочь».²²⁹

Однако наиболее яркий пример такого рода дошел до нас от конца 1639 г. Осенью этого года в занятый казаками Азов из Воронежа «для проводывания вестей» была отправлена конная станица из 20 человек во главе с головой И. Шишкиным. Из Азова она была отпущена обратно в начале декабря. По пути на Воронеж в верховьях р. Чир на речке Черной станичники (это были воронежские дети боярские, поместные атаманы и полковые казаки) столкнулись с отрядом татар из 200 человек. В ходе схватки (а возможно, погони) у воронежцев было отбито 20 лошадей, после чего станичники отошли от татар «боем об один конь х крепким местом» — «к невеликой придереви» (небольшому леску). Во время преследования татары «переранили» оставшихся лошадей — вероятно, из луков (обычно через степь ездили в подобных станицах «о дву конь»). Впоследствии татары к воронежцам «приступали <...> щитами (т. е. со щитами. — *О. К.*) пеши по два дни», но, потеряв

²²⁸ Там же. Стб. 275.

²²⁹ Там же. Стб. 937.

10 человек убитыми и «многих» ранеными, на третий день к вечеру «пошли прочь».²³⁰

Случалось, что противник застигал казаков и на ровном месте в степи – такие ситуации были наиболее драматичны. В этом случае казаки занимали круговую оборону, заставляя лошадей лечь на землю и укрываясь за ними. Получался своеобразный «городок». Так, присланные в марте 1636 г. с Дона в Москву атаман Полукет Савельев с казаками писали в своей челобитной следующее. На пути через донецкую степь в Гундоровском юрту (находился по Дону ниже р. Деркул) на них напали азовские татары, в результате чего казаки «отабарились коньми на степи» (т. е. сделали себе из них «табор» – укрепление) и сидели в осаде «два дни», пока татары не ушли (о численности татар не сообщается; казаков было 11 человек). В результате подобных действий большая часть лошадей гибла под татарскими стрелами, и казакам, помимо чисто экономического ущерба,²³¹ зачастую приходилось, бросая походное имущество, идти далее пешком (так было и в данном случае).²³²

Уже упоминавшиеся выше атаман Устин Алексеев с казаками, повернувшие весной 1645 г. из-за «многих татарских сакм» от р. Кундрючей к верхним донским городкам, писали позднее в своей челобитной, что недалеко от Дона (в верховьях речки Перекопской) их нагнали по следу около 300 татар. Казаки были застигнуты на стане, и отступать куда-либо для них было, по-видимому, уже поздно. В результате донские станичники, «свезав кони, учинили городок» из них и вступили с татарами в бой. В ходе боя были убиты 15 коней, но казакам «в мертвых конех» все же удалось отсидеться от «бусурман», которые после боя «пошли прочь».²³³

Подобные же методы обороны применялись и при нападениях «воровских черкас». Так, в июне 1646 г. у р. Айдар в устье речки Белой (за два дня пути от Валук) на станицу из 17 казаков во главе с уже упоминавшимся атаманом М. Пещуровым напали 120 запорожских

²³⁰ Там же. Кн. 2. Стб. 2–4, 10–11. (Челобитные воронежских станичников о даче жалования за службу, осадное сидение и потерянных лошадей.)

²³¹ Хорошие скаковые кони стоили очень дорого. Даже на Дону цены на них были в пределах от 10 до 15–16 рублей. См., например: Там же. Кн. 1. Стб. 483. (1636 г.)

²³² Там же.

²³³ Там же. Кн. 2. Стб. 723. Согласно челобитной, казаков было 10 человек; возможно, что с ними были и «торговые люди».

казаков. Донские станичники, «осекшись терном», заняли оборону (судя по всему, нападение произошло близ «крепкого места»), и «из осады с теми воры черкасы учали битца». Бой продолжался около суток – запорожцы к донским станичникам «приступали день да ночь», однако потеряли 10 человек убитыми и 30 ранеными. В итоге донские казаки ночью «отошли» от «черкас» в сторону Валуек (в другом документе сказано: «отбились <...> от воровских черкас из осады боем»). В ходе столкновения казаки потеряли 27 лошадей, часть из которых (в том числе со выюками с «рухлядью») была отбита запорожцами, часть убита во время боя; кроме того, один донской казак был ранен.²³⁴

Приведенные выше факты могут показаться невероятными, однако они повторяются в документах достаточно часто, причем независимо друг от друга и в разные годы. Все это, на наш взгляд, заставляет поверить в их достоверность. Те же приемы использовались и «торговыми людьми». Например, осенью 1627 г. во время уже упоминавшейся «посольской размены» под Валуями группа «торговых людей» и донских казаков засела «в кустах» и оказывала ожесточенное сопротивление «посольским татарам», несмотря на их большое численное превосходство. Обычно татары, избегая потерь, после ряда попыток одолеть осажденных оставляли их в покое. Однако в данном случае крымцы, ввиду того что инцидент приобретал политический характер, собирались «битца» до конца и «не упустить» противника, пусть даже при этом, по словам «разменного мурзы» Мустафы Сулешева, татарам было бы суждено «многим побитым (убитым. – О. К.) быть».²³⁵ Лишь вмешательство русской стороны предотвратило бойню.

Однако не всегда через степь ездили группами по 15–30 человек и более. Бывало, что и казачьи станицы, и «торговые люди» ездили группами по 5–7 человек. По 2–3 человека ездили с Валуек на Дон с государевыми грамотами гонцы, подбиравшиеся обычно из служилых людей «украинных» городов (чаще всего тех же Валуек). У них

²³⁴ Там же. Стб. 897; Кн. 3. Стб. 56, 59. (Распросные речи в Москве атамана М. Пешурова с казаками; отписка с Валуек от 18 июня о приезде донских станичников в этот город.) Сведения о потерях нападавших исходят от захваченного казаками в плен (возможно, в ходе прорыва) раненого запорожца. Характерно, что донские казаки везли в Москву с Дона двух татарских «языков». Еще один яркий пример такого рода столкновения см.: Там же. Кн. 2. Стб. 364.

²³⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 90–93.

также случались встречи в степи с татарами, в ходе которых они теряли лошадей и походное имущество, получали ранения. Случалось, что степи переходили и в одиночку, иногда пешком («пеши»). Правда, в этом случае приобретала актуальность известная пословица явно южнорусского происхождения: «Один в Поле не воин».

Как видим, военная опасность не могла остановить передвижения казаков и русского населения в степной полосе, хотя и очень хорошо осознавалась ими. Не случайно на южнорусской степной окраине ходила еще одна поговорка, гласившая: «Хвались не в Поле, а из Поля едучи» и являвшаяся своего рода «украинным» вариантом известной русской пословицы «Не говори “гоп”, пока не перепрыгнешь».

Чтобы наглядно представить себе опасности и непредсказуемые ситуации, нередко поджидавшие путников в «дикой степи», а также панораму самой этой степи, приведем еще один пример из документов того времени. Яркая история такого рода принадлежит к 1626 г., однако она легко бы могла произойти, безусловно, и в более позднее время.

Осенью 1626 г. несколько запорожских казаков во главе с атаманом Алексеем Шафраном направились с Дона из Войска в Киев, чтобы отвезти серебро в киевскую соборную церковь (всего серебра было 10 фунтов). Дело в том, что в этом году А. Шафран с товарищами бежал из крымского плена к донским казакам на захваченном в Крыму корабле. Затем он возглавил морской поход с Дона отряда запорожских и донских казаков под г. Трапезунд. После этих событий А. Шафран с тремя товарищами отправился в паломнических целях в Киев.²³⁶ Свое путешествие А. Шафран с казаками подробно излагают в позднейших расспросных речах в Москве.

Ехать с Дона казаки намеревались степью на р. Тор, оттуда – «на урочище на Самар», т. е. на р. Самару, находившуюся уже в пределах запорожских степей. После выхода из Донского Войска (Монастырского городка) казаки переправились через р. Аксай и пришли на р. Тузлов. Вверх по этой реке они шли три дня, после чего, «покиня Таузлов (Тузлов. – О. К.) вправо (справа. – О. К.), пошли степью влево» и затем «пришли на Калмиус». Оказалось, однако, что отсюда «Поле» выгорело («погорело») и шляхов на нем

²³⁶ Воссоединение Украины с Россией: Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 70; Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. С. 286, 288.

не видно («шляхов не знать»). Далее казаки «тем горелым Полем» шли сутки, «день да ночь» (как мы видели, переходы по опасным местам совершались с максимальным напряжением сил), после чего набрели на какой-то шлях и решили, что это путь от Волчьих Вод, которым запорожские казаки, направляющиеся на море, «возят липы (чайки. — *О. К.*) в Калмиус». ²³⁷ Думая, что идут к Волчьим Водам (а «от Волчьих Вод к Днепру уж близко»), А. Шафран с товарищами шли этим шляхом трое суток («три дня и три ночи»), пока наконец им не стало ясно, что идут они не той дорогой, которой «в Запороги ходят», поскольку идут по ней слишком долго. Тогда они «стали думать, куды им итти», после чего со шляха «поворотили налево в степь». После дня пути «степью» (т. е. не по шляху) в новом направлении казаки под вечер выехали к «речке немалой», названия которой они не знали, причем на ней «были побиты езы, где рыбу ловят», а у реки находились становища для вяления рыбы. ²³⁸ Здесь же казаки нашли небольшое полузатопленное «судёнко» и, заделав в нем щели хворостом и травой, переправились на противоположный берег. Куда они едут, А. Шафран с товарищами и близко не представляли, но точно знали теперь только то, что они «едут не туды, куды им было надобно», и мечтали лишь, «чтоб уж людей доехать крестьянские веры», т. е. выйти к территориям с православным населением. Едва отъехав с 2 версты от речки, запорожцы наткнулись «на шлях татарской новой» (т. е. на свежую сакму), после чего бросились («поворотили») к лесу, в котором, опасаясь татар, простояли до вечера. Вечеру казаки направились по этой речке вверх, держась ее зарослей для того, чтобы «татаром в руки не попасть», и шли слева от нее «два дня и две ночи». Затем, «покиня тое речку», казаки 3 суток шли по степи «ни дорогою, ни шляхом», «наудачю через лес», уже «не розсматривая ничего» (судя по описанию, путь их проходил урочищами) и едва не утопив в болотах лошадей. Ориентиром, по которому шли казаки, была «Кон-звезда», которая, как им было известно, «стоит на полночь», т. е. указывает на север, и считали, что, идя на

²³⁷ Об этом пути, использовавшемся запорожскими казаками в моменты, когда у них не было возможности выйти в море Днепром, упоминает Боплан. Между реками Волчьей Воды и Калмиус суда приходилось транспортировать по степи — скорее всего, их перевозили на катках. См.: *Боплан. Описание Украины*. С. 36.

²³⁸ «Езы» — сооружения для ловли рыбы, запруды на реке.

нее, можно выйти в сторону Днепра, однако, как выяснилось позже, она вела их в сторону Московского государства.

Наконец казаки пришли к «небольшой речке», перейдя которую, обнаружили близ нее «петли» (капканы) на зверя, а также «сено в стогах». Все это было верным признаком близости «руских» (в данном случае – православных) людей. Некоторое время спустя прогремел выстрел из пушки, однако с какого направления, казаки понять не сумели. Близ стогов пролежала свежая татарская сакма. Остановившись в этих местах на ночлег, казаки на следующее утро, отметив в переговорах между собой, что «плутают они на степи 12 ден, а ехать не ведают куды», решили («чтоб им наехать город и людей» и «досталь не заблудить») идти «наудачю» к тому месту, где стреляли из пушки. Вскоре они действительно увидели с возвышенности трех конных людей, съехавшись с которыми после переклички, запорожцы выяснили, что они вышли к русскому городу Валуйкам. Выстрел же из пушки был сигналом о набеге татар, сакму которых казаки видели в степи. Таким образом, в ходе своего путешествия по степи казаки оказались за Северским Донцом, почти в противоположном направлении относительно того, куда они двигались.

На Валуйках казаки подверглись расспросам местных жителей, из которых многие бывали на Дону. Запорожцев спрашивали о том, каким путем они ехали на Валуйки и «где Донец лезли». В результате жители заключили, что река, через которую переправлялись казаки, была р. Боровая, а не Донец.²³⁹ Валуйские власти, настороженно отнесясь к приезду А. Шафрана и заподозрив казаков в недобрых намерениях, отослали их для разбирательства в Москву.

История с плутанием А. Шафрана с товарищами по степи действительно довольно загадочна. Если верить рассказу запорожцев, то двигались они следующим образом. Шлях, на который набрели казаки, идя от урочища Калмиус, был, похоже, Калмиусской сакмой (или параллельной ей другой степной дорогой), однако, пойдя по этому пути, казаки должны были на 100–120 градусов изменить направление движения. Не исключено, что это и было возможно, если учесть, что они сутки (в том числе ночью) шли по бездорожью. Затем казаки трое суток шли по Калмиусскому шляху по направлению к Донцу, однако, немного не дойдя до него, свернули влево и подошли к этой же реке в районе впадения в нее р. Боровой. Переправившись через

²³⁹ Воссоединение Украины с Россией. Т. 1. С. 71.

Донец в этом районе, казаки пошли вверх по Боровой, выйдя к Валулкам. В Москве, однако, не поверили в этот рассказ и, сочтя запорожцев лазутчиками от «воровских казаков», сослали их в Сибирь.

Итак, на основании приведенного в данной главе материала можно сделать вывод, что основной чертой казачьей жизни на Дону являлась военная опасность. Она сопровождала казака и в походах, и во время передвижения по степям, и близ казачьих городков. Даже мирные хозяйственные промыслы в любой момент могли обернуться для казаков столкновением с неприятелем, причем инициатива при таком обороте событий могла исходить не только от татар. В случае, если казачьи «гулебщики» имели благоприятную возможность напасть на врага, они, безусловно, нападали на него. Подобные условия жизни выработали особый тип людей со своеобразной социальной организацией и самосознанием, речь о чем пойдет во втором и третьем разделах следующей главы.

Глава V. Социально-психологический облик донского казачества

Вольное степное казачество: особенности правового положения

Как представляется, с самого момента своего появления феномен русского казачества был тесно связан с русским обществом, с «Русью». Так, летом 1667 г. в грамоте на Дон из Москвы казакам прямо писали, что они «не новокрещенцы, но искони Великие России на том месте пересельницы (переселенцы. — *О. К.*)».¹ Правда, в разного рода переговорах и русская власть, и сами казаки неоднократно подчеркивали, что, наряду с выходцами из Русского государства, на Дону живут как запорожцы, так и «многих земель люди», однако данный акцент делался, безусловно, с дипломатическими целями.² Между тем, как уже упоминалось выше, политику Войска Донского определяли в первую очередь именно выходцы из России; кроме того, связь донских казаков с русским обществом и государством была в XVII в. очень сильна. В настоящем разделе мы попытаемся уточнить значение термина «вольный казак» («вольный донской казак») и очертить правовое положение донского казачьего сообщества относительно Русского государства.

По поводу происхождения и значения в русском языке слова «казак» в XVI–XVII вв. в литературе говорилось неоднократно. Указывалось, в частности, что слово это пришло из языка татарского, где

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 93.

² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1875. Т. 8. С. 310. (Статейный список отправленных к Б. Хмельницкому в 1649 г. русских посланников Г. Неронова и Г. Богданова.); РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 463. (Из отписки в Москву посланных на Дон в 1632 г. кн. И. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова.)

оно имело значение «изгой», лихой наездник, независимый, вольный человек.³ На севере Руси казаком называли наемного работника,⁴ но по преимуществу слово «казак» стало в русском языке обозначать воина, чья деятельность, как правило, тем или иным образом связана со степью. Появление на Руси людей именно в последнем значении берет свое начало в XV в. Таковыми называли татар, выходцев из Казанского ханства, поступивших на службу русскому государю и поселенных в местности под названием Мещера, в районе г. Городца (он же Касимов), вследствие чего они именовались мещерскими казаками. Затем казаками стали называть и русских людей, как правило, с южных окраин, ходивших в степь для хозяйственных промыслов и схваток с татарами ради военной добычи;⁵ причем часть таких людей стала оседать в степях и оставаться там на длительное время. Для подобной деятельности были необходимы военные навыки, и в итоге таких людей начали набирать в качестве воинов на службу в южнорусские города, причем, пополняя группу служилых людей «по прибору», они сохраняли свое название казаков.

Термин «вольные казаки» был известен уже в XVI в. — в частности, в источниках встречается термин «вольные терские казаки».⁶ Впрочем, чаще степных казаков именовали по названию реки, на которой они жили: донские, терские, яицкие казаки. Тем не менее понятие «вольный казак» по отношению к ним сохранялось, безусловно, и в XVII в. Не случайно в Смуту в условиях гражданской войны именно выходцы из степных казаков дали толчок к образованию в пределах Русского государства «вольного казачества» как особой социальной группы, после 1618 г., правда, почти полностью исчезнувшей в связи с определением этих казаков в городовую службу, возвращением их в степь или уходом за рубеж.⁷ В Исторической повести о

³ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903. С. 4; Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Вып. 3. С. 9; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 7.

⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В. О. Соч. М., 1988. Т. 3. С. 98–99.

⁵ См., например: Загоревский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 86; Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д, 1992. С. 70–72.

⁶ Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996. С. 14, 27.

⁷ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: С. 200–241.

взятии Азова казаки Дона также именуется «вольным казачеством».⁸ Термин «вольный донской казак» иногда упоминается в источниках. Так, в 1657 г. некий Федор Ермолаев из Ельца подал в Разряде челобитную, в которой просил приверстать его к тульским донским и яицким кормовым казакам. Свое обращение он мотивировал тем, что его отец «служил с волными донскими казаками» 3 года (1654–1656) без перемены («безъсез[д]но») на войне с Польшей и Швецией, участвовал в составе русских войск во многих боях и приступах и был убит под Ригой.⁹ Речь тут идет, безусловно, о степном донском казаке, сын которого пребывал «на Руси». Пришедшие с Дона на Терек «вольные донские казаки» упоминаются в источниках в одном из эпизодов от 1628 г.¹⁰ Впрочем, и в XVI, и в XVII вв. в документах обычно употреблялись выражения: «донской казак», «терский казак», но прибавка «вольный» при этом, вероятно, подразумевалась. Встречается в документах XVII в. и наименование казаками своего Дона «вольной рекой».¹¹

Однако вольные донские казаки встречались не только на Дону. Так, среди документов сысканого дела о «донской торговле» 1628 г. по Воронежу упоминаются «Выползовы слободы жилцы» и «вольные казаки Чижовской Поляны»,¹² причем в своей челобитной в Москву на сыщика И. Тургенева они называют себя уже «донскими казаками Выползовы слободы и Чижовской Полянки».¹³ Таким образом, мы и здесь не видим выражения «вольный донской казак», хотя оно, вероятно, также подразумевалось. Проходят эти казаки и по другим документам. В частности, в отписке воронежского воеводы от 1641 г. сообщалось, среди прочего, что весной этого года на Дон к казакам «вышел» (бежал) из Крыма «полоняник, воронажской жилец Чижовской слободы вольной казак Анкудинка Гусельников».¹⁴ Характерны

⁸ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906. С. 53.

⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 393. Л. 251–151 об.

¹⁰ Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 16.

¹¹ См.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 393. Л. 161; Донские дела. Пг., 1917. Кн. 5. Стб. 499. (Из казачьих челобитных в Москве от 1647 и 1659 гг.)

¹² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 35.

¹³ Там же. Л. 77.

¹⁴ Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2. Стб. 95.

службы, на которые посылали данных казаков. Так, в упомянутой челобитной на И. Тургенева воронежские донские казаки писали: «посылают нас <...> государевы воеводы ежегодно на <...> государевы службы на Дон, и по рекам, и на перевозы для поиску и погрому воинских людей»¹⁵ (под «Доном» здесь подразумевается, судя по всему, район воронежских откупных вотчин). В других случаях этих казаков именуют, например, так: «воронежские чижевские и выползовские донские казаки» (1639);¹⁶ называли их и просто «чижевскими и выползовскими казаками».¹⁷

Таким образом, видим интересный факт: «вольные донские казаки» возможны и в качестве жителей России, причем это сочетание целиком также не употребляется в документах (думается, из-за своей громоздкости); данных казаков называют или просто «вольными», или «донскими», зачастую добавляя название местности, где они жили, как это делалось и по отношению к «обычным» городовым казакам. В чем же все-таки особенность положения «вольного казака» (как степного «донского», так и «воронежского») по отношению к обычному городовому казаку (мы берем здесь преимущественно вторую треть XVII в.)? И кто такой вообще «вольный казак» в широком смысле?

С. А. Козлов, исследователь терско-гребенского казачества XVI–XVIII вв., говорит, что вскоре после появления на степных окраинах складывающихся казачьих групп казаков из таковых «стали именовать “вольными”, что свидетельствовало о <...> признании государством как самого казачества, так и его вольного, независимого положения. Определением “вольный” подчеркивалось отличие казаков от крестьян и холопов и от служилых людей, обязанных нести государеву службу». Далее исследователь приводит очень интересную цитату из слов в Грузии русских послов кн. С. Звенигородского и дьяка Т. Антонова от 1589 г.: «...то казак вольной, живет на Поле, а государево жалованье им идет временем, как их ко государю служба будет, а не по вся годы; а государевы стрельцы к казакам не применяются:

¹⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 77.

¹⁶ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 149–150. (Отписка воронежского воеводы в Москву с сообщением о посылке упомянутых казаков в степь на татарские «перелазы» через реки.)

¹⁷ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1-а. Л. 42. (Отписка в Москву воронежского воеводы.)

люди государя нашего пожалованные...».¹⁸ На наш взгляд, выражение «вольные казаки» возникло в первую очередь для отличия таких от служилых, городских казаков.

Н. А. Мининков проследил истоки регулярной выплаты жалования со стороны московского правительства донским казакам. Так, он констатирует, что уже во второй половине XVI в. сложилась ситуация, когда казакам (поскольку они противостояли тем же противникам, что и Россия) стали давать отдельные конкретные поручения – как военного характера, так и по сопровождению посольств, выплачивая за выполнение упомянутых поручений жалование и одновременно признавая выполнение таких поручений «службой» государю. С конца XVI столетия, по «мере того, как происходило увеличение численности казачества на Дону и возрастала его международная роль в Приазовье», в Москве усилилась, пишет Н. А. Мининков, заинтересованность в донских казаках и их службе; в это время становится заметным желание правительства «сделать уплату жалования более регулярной, и, следовательно, поставить тем самым и казачью службу на более регулярную основу». В данном ракурсе вопрос о выплате казакам государева жалования еще не рассматривался ни одним историком. Итак, уплата царского жалования казакам являлась средством влияния московского правительства на казачество, констатирует Н. А. Мининков.¹⁹ От себя заметим, что таким образом казачья служба государю приняла постоянный, но со стороны казаков добровольный характер.

Однако отряды «вольных казаков» могли возникать не только в степи, но и в пределах государства. Так, в ходе войны со Швецией 1656–1658 гг. в составе русских войск видим казачьи отряды из жителей Ижорской земли, состоявшие в основном из русских выходцев из-за рубежа. В источниках, в частности, упоминаются отряд атамана Осипа Сольского, набранный из «вольных людей ямлян», и отряд

¹⁸ Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 27.

¹⁹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 169, 170. Н. А. Мининков также добавляет, что, хотя присылаемое на Дон жалование (с 1613 г. его выплаты стали почти ежегодными) было относительно невелико, все-таки оно оказывалось для казаков важным подспорьем, поскольку материальное положение казачества было весьма неустойчиво. Как отмечает исследователь, государево жалование доставалось только тем из казаков, которые по весне собирались «для службы» в казачьем центре – в «Войске». См.: Там же. С. 171, 172, 175.

атамана Дениса Леонтьева, сформированный из «копорян» (иначе – «ямские» и «копорские» казаки). Люди этих отрядов по документам проходят как «вольные казаки».²⁰ Нам думается, что «вольный казак» – это вольный (вольнонаемный) воин, служащий не с земли, а за жалование (денежное и хлебное): так, у воронежских выползовских и чижевских казаков, как подчеркивали последние в своей челобитной от февраля 1641 г., пашен и лугов не было, имелись одни лишь дворы.²¹ Таким образом, понятие «вольный казак» не ограничивалось только вольным населением казачьих рек, оно имело более широкое социальное звучание. Поэтому, когда возникает необходимость сказать именно о казаках, живущих в степи, предлагаем условный термин: «вольные степные казаки» («степные казаки»), отличающий таковых от иных групп вольных казаков.

Как отчетливо показал А. Л. Станиславский, если вольный казак получал за службу землю, он переставал быть таковым – возможно, потому, что службой был уже обязан, превращался в служилого человека в полном смысле слова, тогда как вольный казак имел возможность сам выбирать, служить ли ему далее или нет. Так, думается, отнюдь не случайно в 1632 г. донские казаки отказывались принять присягу («целовать крест») великому государю. В частности, они говорили в войсковом кругу русским посланникам кн. И. Дашкову и Л. Полуехтову, что донские атаманы и казаки «при прежних государех креста не целовали, а служили им государем и без крестного целования безызменно (без измены. – О. К.) верою и правдою, не щадя голов своих», и ныне они так же «служить де <...> и за государей умереть рады» без крестного целования же.²²

В своих челобитных в Москву о жаловании донские казаки неизменно подчеркивали, что служат они «не с поместий, ни с вотчин», а только «с воды и травы», т. е. не имеют серьезного земельного обеспечения, как основная часть государевых служилых людей в Русском государстве. При этом любопытно следующее: земля, на которой проживали степные донские казаки, тоже считалась госу-

²⁰ Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 28–29 и др.

²¹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 141. Требование выплаты государева жалования было одним из основных и постоянных требований вольных казаков в Смутное время.

²² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 463.

даревой.²³ Это обстоятельство (номинальное, конечно) Войско всегда любило подчеркивать в своих отписках в Москву. В частности, в войсковых отписках нередко встречается выражение «твоя государева вотчина, река Дон». Так, в августе 1655 г. казаки писали на имя царя: «нам, холопом твоим, живучи в твоей государеве вотчине на реке на Дону...».²⁴ Считалось, что даже захваченный у турок Азов приобретен казаками «в вотчину» великому государю.²⁵ Помимо того, казаки считали и себя государевыми служилыми людьми – «государевыми холопами» (об этом ниже) – на правах, естественно, вольных казаков. Иногда в отписках они даже именуют себя «вековыми» или «природными» холопами великого государя.²⁶ В целом в Москве разделяли этот взгляд. В частности, в грамоте из Москвы на Дон от августа 1643 г. казакам писали «с похвалой», что они, «помня Бога и Пречистую Богородицу, и свою природу» (курсив наш), великому государю служат.²⁷ Под казачьей «природой» здесь, по-видимому, следует понимать русскую принадлежность.

Таким образом, несомненно, степные донские казаки – пусть формально – принадлежали к русскому обществу. Но необходимо подчеркнуть, что реальные отличия в их положении по сравнению с жителями собственно Русского государства были очень велики. В первую очередь, казачество Дона обладало правом полного самоуправления и своего суда, включая вынесение смертных приговоров, и это право, без сомнения, признавалось государством. Так, Г. Котошихин о донских казаках пишет: «...дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя – атаманов и иных избирают и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнить за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или из пищалей розстреливают сами; так же будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказанья и казней не бывает, а чинят они

---

²³ Так, согласно донской фольклорной традиции, реку «Дон с потоками (притоками. – О. К.) и с белой Манычью» пожаловал казакам Иван Грозный за «казанскую службу». См.: Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории. С. 7.

²⁴ Донские дела. Кн. 5. Стб. 24.

²⁵ См., например: Там же. СПб., 1898. Кн. 1. Стб. 983.

²⁶ См.: Там же. Кн. 2. Стб. 53; СПб., 1909. Кн. 3. Стб. 41, 768; СПб., 1913. Кн. 4. Стб. 324 и др.

²⁷ Там же. Кн. 2. Стб. 464.

меж себя собою сами же».²⁸ Надо заметить, что в этом состояло важное отличие вольных степных казаков от казаков, перешедших на службу и жительство в государство, – пусть даже и «вольных донских», которые в судебном отношении попадали под власть воевод, как это было, без сомнения, с воронежскими чижовскими и выпользовскими казаками. Правом вынесения смертных приговоров не обладали, безусловно, также ямские и копорские вольные казаки, хотя выборная организация существовала и у них.

Впрочем, неподсудность степных донских казаков из казачьих отрядов русским властям (а о неподсудности в пределах государства одиночного донского казака и вовсе говорить, думается, не приходится – таковой подчинялся, безусловно, его законам) не следует и преувеличивать. Так, Н. А. Мининков пишет, что донские казаки были вне государственной юрисдикции, хотя и замечает, что это не означало, что власти полностью отказывались от того, чтобы самим наказывать их. В частности, исследователь отмечает, что воеводы нередко вешали казаков, ходивших для воровства на Волгу, а в 1671 г. в Москве был казнен донской казак С. Разин. «Однако такие случаи были весьма редки и, можно сказать, исключительны», – считает Н. А. Мининков.²⁹ При этом он ссылается на фразу Г. Котошихина, что если кто из донских казаков «будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж себя собою сами же». Думается, однако, что данную фразу нельзя понимать буквально. Речь здесь идет, вероятно, только о конфликтах внутри казачьих отрядов. В случаях, когда дело касалось преступления не внутри казачьей группы, а на стороне, провинившиеся казаки подпадали под действующие внутри страны нормы. Приведем материал нескольких еще не вводившихся в научный оборот следственных дел подобного рода.

Вот отрывок из сыскного дела о грабежах донских казаков в Курляндии во время осады Риги русскими войсками.³⁰ Дело возникло в связи со следующими обстоятельствами. В сентябре 1656 г. под Ригу

²⁸ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 135.

²⁹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 257–258.

³⁰ См.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 209. Л. 53–78.

поступило челобитье от жителей «Курляндские земли» – Доротей Вилимеевой (вдовы некоего Зиберта), капитана Фредерика Фелкарсона, поручика Вилима Корфа и Андрея Фрейстаха («немцев», перешедших, по-видимому, в русское подданство). Они сообщали, в частности, что 18 июля 1656 г. во время нахождения русских войск во главе с боярином С. Л. Стрешневым под г. Динабургом к ним «на Курляндскую сторону» через Двину перешли около 60 конных казаков, которые, приехав в село Двитино, их «розорили без остатку – что было <...> живота: платья и всякой дворовой посуды серебряной, и оловяной, и меденой, и то все побрали насильством, а иное попередили». Челобитчики просили, сыскав про этот грабеж, вернуть им захваченное имущество.³¹ Это была уже вторая челобитная по данному поводу (первой в материалах дела не имеется). К челобитной прилагаются и росписи пограбленного имущества. Среди него видим золотые монеты, украшения из золота, жемчуг, серебряную посуду, ткани, одежду, лошадей и т. д.³²

Между тем еще по первой челобитной боярином С. Л. Стрешневым «на Курляндскую сторону за Двину реку» было послано 30 московских стрельцов во главе с сотником Я. Роздеришиным искать «воровских людей», ограбивших «немцев», однако ни на тот же, ни в другой день последним никого обнаружить не удалось. Наконец, на третий день сотник со стрельцами застали нескольких донских казаков, которые переправляли через Двину лошадей и имущество некоего «немчина» Ульфа, также недавно ограбленного казаками. Бывшие с сотником два слуги Ульфа указали, что это лошади их господина.

Задержанные донские казаки на допросе показали, что они принадлежат к разным сотням и станицам находившихся в составе русского войска казаков с Дона. За Двину их ходило около 50 человек, причем остальные к моменту поимки упомянутых казаков, переправившись за Двину, уехали к себе в обоз. Казаков пытали и «роспрашивали накрепко», не участвовали ли они и в первом ограблении, при этом двое из них «с пытки винулись», что действительно приняли в нем участие. «Збирал» (собирал) их «в тот загон за Двину реку» («загон» – отряд, собранный с целью набега) казак Андрей Коновал, бывший у них атаманом, который при этом говорил: «Поедем де за Двину на Курляндскую сторону, не бо[й]сь ничево!».

³¹ Там же. Л. 53.

³² Там же. Л. 54–58 об.

«Сысканный» (найденный) А. Коновал в расспросе показал, что участие в ограблении он принял случайно – его подговорил на это отряд донских казаков, с которым он случайно встретился на берегу Двины. Всего их было 82 человека «розных сотен и станиц», причем своего прежнего атамана казаки отряда утаили и, «зделав круг», выбрали в атаманы его. В деревне они взяли золотые монеты «да платя <...> всякая» и все это «меж себя роздували». От обвинения в организации набега А. Коновал категорически отказался и был отдан «на поруки» до государева указа. Указал он также, что серебряной посуды, золотых цепочек и жемчуга в дуване не было; об этом же говорили и 2 «пытанных» казака.³³ К сожалению, материалов дальнейшего следствия и итогового государева указа по делу в данных документах не имеется.

Вот еще сходный эпизод, который передает отписка из Пскова в Москву боярина и воеводы кн. И. А. Хованского. 13 января 1666 г. этому воеводе поступил «словесный» извет смоленского мещанина А. Жукова, который сообщил, что недавно поехавших из Пскова в Смоленск двух его «товарыщей» – мещан Ф. Любовецкого, Ф. Ореховича – и 5 человек их челяди на дороге «догнав донские казаки, которые (недавно. – О. К.) пришли из Динаборку, Власко Верещагин с товарыщи, побили и животы их пограбили». Того же числа воевода отправил в слободу, где стояли донские казаки, голову московских стрельцов А. Коптева, полуголову Д. Вырубова, голову новгородских стрельцов И. Бачманова и голов псковских стрельцов Ф. Борисова, А. Лаврова и Я. Назимова, велев им «тех воров переимать, и животы (т. е. грабленное имущество. – О. К.) у них вынять». В результате в тот же день были схвачены 9 казаков (еще 7 человек исчезли до сыска); под пыткой они признались, что упомянутых мещан, а также их лошадей «посадили в Череху реку, а животы поимали».

На место разбоя был послан полуголова московских стрельцов Д. Вырубов и голова новгородских стрельцов И. Бачманов со стрельцами, им было приказано «в тех местах искать». В реке были действительно найдены тела обоих мещан и троих слуг (2 тела найдены не были). 17 января 3 человека из «воров»-казаков были повешены, остальные шестеро были отданы «за пристава» до государева указа.

³³ Там же. Л. 61–78. «Дуван» (каз.) – дележ добычи. Справедливости ради нужно упомянуть, что грабежи в Курляндии совершались также и русскими ратными людьми. См.: Там же. Столбцы Московского стола. № 270. Л. 822.

Согласно последнему, по грамоте из Москвы от 8 февраля велено было «и достальных убойцов донских казаков, которые сысканы, шти (шесть. – *О. К.*) человек казнить смертию, чтоб иным их братье (донским казакам. – *О. К.*) на то смотря, впредь так воровать было неповадно».

Интересна роспись «сысканного» имущества упомянутых мещан. Это были около 500 различных золотых монет, «мелких серебрянных денег в четырех чересах да в мешка[х] триста сорок восемь рублей десять алтын, да конь сал – цена дватцать пять рублей». Из воды было «выволочено» также «рыбы вялой восемь прутов», 3 сабли, зеленая попона, круг сыра, 3 седла и другое имущество, включая предметы одежды. Вероятно, казаков интересовали только деньги; неуничтоженный конь, возможно, и выдал их.³⁴

Таким образом, тезис о неподсудности донских казаков русским властям, как видим, данные документы не подтверждают. Вот еще интересный случай. В отписке в Москву от 8 января 1666 г. из того же Пскова кн. И. А. Хованский писал следующее. 24 декабря 1665 г. к нему из Разряда пришла государева грамота, согласно которой было велено донских казаков отряда атамана И. Карпова, недавно пришедших из г. Борисоглебова в Псков, «роспросить и розыскать подлинно», при каких обстоятельствах они ушли с «государевы службы» из этого города. При этом «вешать ис тех казаков, и кнутьем бить» до окончательного разбирательства и государева указа по данному поводу запрещалось. Казаки показали, что они пошли со службы из Борисоглебова после челобитья тамошнему начальству и «по отпуску» последнего, поскольку в этом городе было «хлебными запасами скудно», причем вместе с казаками был отправлен капитан М. Кочановский. Последний, по словам казаков, и написал ложно в Москву о казачьем побеге со службы и что «бутто де они казаки в Борисоглебове караул розбили (ограбили. – *О. К.*) и салдат с собою из Борисоглебова вывели»³⁵ (окончание дела неизвестно).

В феврале 1657 г., после «отпуска» со службы из полков, в Москве был задержан за торговлю вином и табаком вместе с 5 донскими казаками атаман Петр Савельев. В результате он с товарищами был

³⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 314–321. «Динаборк» – г. Динабург; «голова» – полковник; «посадить в реку» (каз.) – утопить.

³⁵ Там же. Л. 278–280. «Борисоглебов» – русское название Динабурга.

«бит на козле кнутом» и затем их вновь отправили на службу в полки.³⁶ Вероятно, в материалах Разрядного приказа можно найти немало и иных подобных примеров. Таким образом, русская власть вовсе не отказывалась от розыска и наказаний донских казаков, если в этом возникала необходимость.

Что касается права донских казаков на прием и невыдачу беглых, то ситуация здесь была так же неоднозначна, как и с подсудностью казаков в пределах государства; частично об этой проблеме мы уже говорили выше. Четко, судя по всему, действовало известное правило «с Дону выдачи нет». На территории Русского государства ситуация была сложнее. Так, на время следования казачьих отрядов к местам боевых действий к ним, как правило, приставлялся дворянин, который должен был сопровождать казаков. Согласно наказам этим лицам, их обязанностью было следить, чтобы казаки «дорогою шли смирно, на кабаке не бражничали, и в дороге в селех и в деревнях никого не били и не грабили, и конских и своих кормов ни у ково ни в чем даром не имели, а покупали б прямою ценою; и боярских беглых холопей, и крестьян, и никаких служилых и жилицких людей в городах и в дороге не принимали, и у себя не держали. А которые всяких чинов люди учнут в дороге к ним приставать», таковым было велено «делать наказанье и отдавать тем людям, хто на ково будут челобитчики. А о каких людех челобитчиков не будет», тех требовалось также высылать, «хто откуда пришел»; «а з донскими казаками отнюдь никаким людям быть» не велелось.³⁷ Правда, кроме уговоров, реальной возможности помешать казачьим «своевольствам» у этих дворян не было. Примерно такой же наказ видим и при проводах в полки казаков отряда атамана Василия Родионова (Уса), вышедших в количестве 387 человек к Туле летом 1664 г.³⁸

И лишь однажды по отношению к донским казакам предполагалось применить более жесткие меры. Речь идет о казаках отряда атамана К. Михайлова, обвиненных в июне 1664 г. в драке с дворянами у дверей Разрядного приказа (см. выше). Тогда от казаков потребовали отослать от себя беглых, присоединившихся к ним во время

³⁶ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 54–54 об.

³⁷ Там же. № 394. Л. 24. (Наказная грамота Ф. М. Крюкову от 2 мая 1655 г.)

³⁸ Там же. № 567. Л. 334, 325–326. (Наказ Г. Волкову от 13 июня 1664 г.) Данный эпизод не следует путать с выходом того же атамана с казачьим отрядом к Туле в 1666 г.

движения к Москве, а во время следования казаков от Москвы в полки сопровождающему их дворянину было велено, в случае неповиновения ему, брать в городах у воевод служилых людей для приведения казаков в повиновение силой.³⁹

Таким образом, «право» приема и невыдачи беглых казаками со стороны государства в рассматриваемый период если не признавалось, то на него отчасти закрывали глаза. Вообще, на наш взгляд, мнение об утеснении казачьих прав перед выступлением С. Разина в некоторой степени ошибочно. Н. А. Мининков, например, приводит в подтверждение тезиса о нарушении Москвой прав казаков перед 1667 г. такой пример. С 1666 г., пишет исследователь, появилось требование властей к Войску Донскому – не препятствовать переписи беглых, поселившихся по р. Хопер. Правительство настаивало, продолжает Н. А. Мининков, чтобы казаки беглых крестьян «в старые наши великого государя дворцовые села, где хто (жил. – *Н. М.*) наперед сего, отдавать велели безо всякого ослушанья. И впредь к вам в казацкие юрты <...> дворцовых сел беглых крестьян принимать и селитца не велеть». «Пока это категорическое распоряжение относилось только к крестьянам из шацких дворцовых сел, но оно означало покушение на право приема казаками беглых», – заключает Н. А. Мининков.⁴⁰ Речь здесь идет, однако, несколько о другом.

Дело заключалось в следующем: 16 мая 1666 г. в Посольский приказ из Разрядного поступила «память», в которой говорилось, что государь указал воеводе Тамбова И. Акинфому отправить «на Ворону реку и около каз[ачьих город]ков во все места для переписи шацких дворцовых крестьян». Воевода в свою очередь писал из Тамбова в Москву, что «которые дворцовые беглые крестьяне живут и селят[ца] по реке Хопру около казачьих городков в ближних местех, и тех де беглецов переписывать он Иван (Акинфов. – *О. К.*) не смеет, потому что по Хопру в казачьих городках живут донские казаки, и те де донские казаки без (государевой. – *О. К.*) грамоты тех беглецов переписывать не дадут».

В результате к И. Акинфому была отправлена государева грамота из Посольского приказа, адресованная, как и обычно, Войску Донскому. В ней сообщалось о государевом указе стольнику И. Акинфому

³⁹ Там же. Л. 320.

⁴⁰ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 315.

послать из Тамбова «на Хопер и [Во]рону реки около ваших казачьих юр[тов] во все места, в которых местех селят[ца на]ших великого государя шацких дворцовых сел беглые [крестьяне], и живут, и строятца на житье» переписывать их. Далее говорилось, что как к казакам придет эта государева грамота, «а ис Тамбова стольник и воевода Иван Акинфов для тех беглых шацких дворцовых сел крестьян, которые, бегая, живут [и строятца] по Хопру и по Вороне около <...> казачьих юртов» кого-то пришлет, и казаки бы этих беглых крестьян «переписывать и в <...> дворцовые села, где хто [жил] наперед сего, отдавать велели со...»⁴¹ безо всякого послушанья». И впредь бы к себе («в казачьих свои юрты») таких же дворцовых сел беглых крестьян казакам бы не принимать и селиться им не давать.⁴²

На наш взгляд, из данных цитат совершенно отчетливо следует, что речь идет не о беглых, живущих в казачьих городках (т. е. собственно казаках и казачьем пополнении), а о крестьянах, селившихся невдалеке («около») казачьих юртов. Упоминается также р. Ворона, которая в казачьи юрты не входила (это был район тамбовских откупных вотчин). Таким образом, казакам здесь запрещают лишь покровительство выходцам из России – крестьянам, которые, безусловно, собирались тут пахать землю и не платить налоги государству, опираясь на казачью вооруженную силу и защиту. Никакого наступления на казачьи права тут, думается, нет.

Особой была ситуация с выходом отряда атамана Василия Уса к Туле, на которой следует остановиться отдельно. Предводитель отряда Василий Родионов (Усов, Ус) упоминается в документах за 1655/56 и 1664 гг. в качестве атамана донских казаков, выходивших в эти годы на службу в полки с целью участия в составе русских войск в войнах с Польшей и Швецией – данные факты уже приводились нами выше. В 1666 г. с Дона на службу в полки этот атаман вывел около 500 (по другим сведениям – 700) конных и пеших казаков из верхних донских городков; 10 июня отряд подошел к Воронежу. Отсюда казаки отправили станицу в Москву (6 человек) с просьбой принять их на службу и спустя неделю сами отправились далее к Москве. Дойдя до р. Упы близ Тулы, отряд встретился со своими посланцами, приехавшими из Москвы и сообщившими, что казакам

⁴¹ Утрачено одно слово.

⁴² РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г., № 1. Л. 32–33, 44–46. Левая сторона текста частично утрачена.

«велено итти назад на Дон». Это произошло примерно в первых числах июля, а уже 9 июля в Москву прибыла казачья станица (13 человек) во главе с самим В. Усом «бити челом великому государю о ево государеве жалованье, чем бы им (казакам. — *О. К.*) назад на Дон в свои казачьи городки доехать», поскольку они «бедны и нужны (т. е. пребывают в нужде. — *О. К.*)».⁴³

Между тем того же 9 июля 1666 г. тульскому воеводе И. Ивашкину от стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов — тульских, соловских и дедиловских помещиков была подана челобитная с жалобой на донских казаков. В челобитной, в частности, сообщалось, что казаки отряда В. Уса, «идучи з Дону <...> прибрали к себе воров» — бежавших от помещиков «людей их и крестьян <...> и иных всяких чинов людей», которые приезжают к ним в деревни и «розяряют всяким разареньем, и животину отнимают и насилования чинят». Да они же, говорилось в челобитной, похваляются «и впредь на них всяким дурном и над домами их разореньем», в результате чего остальные люди и крестьяне дворян от них бегут, видя «воровское самовольство». В итоге, как доносил в Москву воевода И. Ивашкин, «многия <...> дворянские жены и дети» направились в Тулу «от их казацкого страху и розоренья».⁴⁴

Произошло, по-видимому, следующее. Вынужденная остановка казачьего войска дала возможность присоединившимся к казакам людям, используя свой уход в казачество, возвращаться для бесчинств в прежние места жительства, грабя и подговаривая к побегу остальных; такие же действия исходили и от людей, незадолго до этого бежавших на Дон.⁴⁵ Именно подобные обстоятельства, думается, и составили сущность конфликта. В то же время ротмистр К. Корсак, ездивший в начале июля 1666 г. из Белгорода через Дедилов в Тулу, показывал позднее во время расспроса, что об «убойстве и грабеже (которые исходили. — *О. К.*) от донских казаков» он

⁴³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 35, 38. (Отписка в Разрядный приказ воронежского воеводы В. Уварова от июня 1666 г. о прибытии в Воронеж атамана В. Уса с казаками; расспросные речи в Разряде от 14 июля атамана В. Уса о целях его прихода с казаками под Тулу.)

⁴⁴ Там же. С. 37, 36, 39. (Отписка тульского воеводы И. Ивашкина от июля 1666 г.; челобитная тульских помещиков, поданная тульскому воеводе 9 июля; наказ полковому воеводе кн. Ю. Н. Барятинскому от 14 июля.)

⁴⁵ См.: Там же. С. 46, 47. (Отдельные челобитные на казачьи бесчинства, поданные в Разрядный приказ 15 и 17 июля 1666 г.)

ничего не слышал, «только де слышал, что на Дедилове в клетях почали было красть, и воевода де дедиловской <...> вышод (к казакам. – *О. К.*), почал говорить о том их грабеже, и казаки де сказали, что то своровали новоприставые казаки». Сообщал ротмистр также о присоединении к казакам многих драгун и солдат Белгородского полка, которые шли в тот момент во главе с начальными людьми от Воронежа. «Да и то де он слышал, – продолжал К. Корсак во время расспроса, – что казаки, идучи дорогою з Дону к Туле, съесное имали, а грабежем ничего иново не брали и убойства не чинили». Тем не менее дворяне и дети боярские из поместий близ Тулы съезжались тогда в этот город «з женами и з детьми», «опасаючись от казаков всякого дурна», – свидетельствовал ротмистр.⁴⁶ Таким образом, слухи о казачьих грабежах были, по-видимому, несколько преувеличены. Однако в Москве, вероятно, решили проучить казаков, тем более что на этот раз дело коснулось интересов верхушки дворянства – дворян московских чинов, и готовили настоящую расправу над казаками войска В. Уса, двинув против него войска.

Согласно наказу полковому воеводе кн. Ю. Н. Бярятинскому от 14 июля,⁴⁷ последнему было указано изъять у казаков беглых, которые присоединились к казакам по дороге, и, кроме того, казаков, которые бежали на Дон с 1659/60 г., а ныне вместе с первыми «уезды розаряли, и грабеж, и носильства всякие чинили». Награбленное имущество следовало тоже изъять и вернуть хозяевам, а старых донских казаков отправить через Воронеж на Дон. При этом из Москвы с кн. Ю. Н. Борятинским были направлены к Туле 1000 солдат во главе с полковником М. Кравковым, указывалось также при необходимости собрать в Тулу служилых людей из окрестных городов.

Казакам же требовалось объявить, что они «пришли в Тульской уезд без указу, самовольством» и, принимая к себе беглецов, чинят «всяких чинов людям» Тульского, Дедиловского и Соловского уездов «грабеж, и насильство, и разоренье многое»; было велено потребовать от них вернуть все «пограбленное», выдать нынешних беглецов, а кроме того – казаков, бежавших на Дон 6, или 5, 4, 3, или же (в крайнем случае, смотря по ситуации) 2 года назад. Все это, как

⁴⁶ Там же. С. 48–49.

⁴⁷ Наказ составлен на следующий день после получения 13 июля 1666 г. в Москве упоминавшейся челобитной дворян, присланной в Разряд воеводой Тулы И. Ивашкиным. См.: Там же. С. 39.

требовалось сказать, делалось в наказание за то, что эти недавние казаки вышли с Дона без государева указа, призывали присоединяться к себе других и «чинили разорение». «А наперед сего (ранее. — *О. К.*) таких людей, — следовало сообщить далее казакам В. Уса, — у вас (казаков. — *О. К.*) не имывано для того, что они (недавние беглые. — *О. К.*) приходили <...> с вами вместе смирно, служилых людей, и боярских холопей, и крестьян к себе не подговаривали, и в уездах нигде грабежу, и насильства, и разоренья никакова никому не чинили».

Кн. Ю. Н. Барятинскому упомянутых людей следовало у казаков взять, «разобрать и переписать всех», а затем вернуть в прежнее социальное положение, причем двух «пущих заводчиков» из боярских холопов и крестьян требовалось повесить, замешанных в преступлениях против помещиков также казнить смертью, прочих бить кнутом. В случае отказа казаков выполнить данные условия кн. Ю. Н. Барятинскому следовало «чинить над ними промысел» (т. е. вести военные действия) и в случае сопротивления разослать всех попавших в плен, предварительно бив кнутом, по прежним местам жительства.⁴⁸

Таким образом, над казаками В. Уса нависала угроза «разбора», т. е. самого страшного для казачества действия, которое могло исходить от русской власти, — а именно, ликвидации особого положения казаков (пусть и применительно лишь к отдельной группе их). Следует подчеркнуть, что, как уже было показано, и самовольные выходы на службу, и прием беглых, и грабежи (правда, быть может, меньшие по размаху) происходили и ранее. Однако государство до данного момента терпело эти выходки, хотя конфликт, по-видимому, подспудно назревал.⁴⁹

Теперь, наконец, решили отплатить казакам. Последние, однако, не стали дожидаться предъявления себе всех этих требований (которые

⁴⁸ Там же. С. 40–44.

⁴⁹ Так, в июне 1664 г. атамана казаков, устроивших драку с дворянами у входа в Разрядный приказ, К. Михайлова специально расспрашивали, по какому указу казаки его отряда вышли на службу. Однако, несмотря на выяснившееся отсутствие такового, отряд (около 100 человек) все же отправили в полки (см.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 280–281). В том же июне 1664 г., согласно черновику наказа Г. Волкову, отправленному из Москвы к Туле для встречи казаков того же В. Уса (около 400 человек), идущих с Дона на службу, требовалось также спросить последних, «по какому они государеву указу <...> з Дону едут», но затем эти слова из черновика были вычеркнуты (см.: Там же. Л. 325).

для них, по-видимому, остались неизвестны) и, узнав о выступлении против себя «ратных людей», спешно ушли на Дон. В то же время казаки, вероятно, очень хорошо представляли, что означает высылка против них войск, и, безусловно, ожидали по отношению к себе чего-то подобного тому, что замыслили в Москве. Таким образом, в событиях под Тулой июля 1666 г. видим очередное (после событий Смуты и времени 1630–1631 гг.) столкновение между казачеством и государством, свершившееся, впрочем, внезапно, по стечению обстоятельств. Какого-либо запланированного, целенаправленного наступления на права вольных степных казаков видеть здесь, думается, не следует – конфликт произошел на фоне довольно мирных до того отношений Москвы и Дона. Однако данный прецедент все же вызвал, по-видимому, возмущение на Дону и в немалой степени накалил настроения здесь, что в конечном счете вылилось в масштабный «воровской» поход на Волгу С. Разина в 1667 г. По-иному, на наш взгляд, трудно объяснить то крайнее ожесточение, с которым разинцы выступали уже в этом году против «начальных людей» и русской администрации на Волге – грозный ответ даже на относительно небольшое и отчасти случайное наступление государства на казачьи особые права не заставил себя долго ждать.

Итак, из приведенных в данном разделе фактов можно заключить, что «вольное донское казачество» в какой-то степени являлось (впрочем, особой и своеобразной) социальной группой русского общества со своими важными отличительными чертами – правом жить не в границах государства, правом собственного внутреннего управления и суда, а также, как отмечают исследователи, – правом внешних сношений и самостоятельного ведения боевых действий,⁵⁰ кроме того, «правом» приема беглых. Собственно говоря, и второе, и третье, и четвертое, и, отчасти, последнее вытекало из первого. Правда, четкие политические и социальные рамки донского казачества в XVII в. еще не устоялись и изменялись в связи с ходом московско-донских отношений,⁵¹ пока этот процесс не завершился

⁵⁰ Впрочем, об ограниченности – исходя из подчиненности Москве – права внешних сношений (фактически номинальной) любили вспоминать, когда им было это выгодно, сами казаки. Так, аргументируя отказ запорожцам или персидским послам в чем-либо, казаки говорили, что на то нет государева указа или же что они без указа государя решить данную проблему не могут.

⁵¹ См.: Мининков Н. А. Социально-правовое положение донского казачества в XVII веке // Известия СКНЦВШ. Обществ. науки. 1983. № 3. С. 39, 43.

в XVIII в.; ему сопутствовало постепенное отмирание определения «вольный» в обозначении казаков, запрет на прием беглых, выделение из казачества дворянства и т. д. В целом сходным было, судя по всему, и положение в XVII в. терско-гребенского и яицкого казачьих сообществ.

Социальная организация у донских казаков

Имущественное положение донских казаков почти не подвергалось рассмотрению в историографии; данного вопроса исследователи касались лишь мимоходом. В частности, в работе Н. А. Мининкова только коротко говорится, что казачество в массе своей, особенно до 50-х гг. XVII в., было состоятельно.⁵² Между тем ряд вопросов по данной проблеме остается невыясненным. Так, источники позволяют, на наш взгляд, представить себе приблизительные размеры казачьих добыч во время походов, а также получить представление о том имуществе, которое можно было накопить, живя на Дону.

В предыдущей главе мы уже говорили об опасностях, которые приходилось испытывать казакам во время походов. Теперь попытаемся представить себе размеры казачьих добыч – ведь именно материальное обогащение являлось, как правило, основной целью казачьих военных предприятий. Бывали, правда, и походы, вызванные военной необходимостью – в частности, для захвата «языков» (с целью получить «подлинные вести» о неприятеле) или для нанесения упреждающего удара по противнику (к таковым можно отнести походы на море 1638 и 1640 гг., когда казачьи флотилии выступали навстречу движущемуся к Азову турецкому флоту⁵³), однако большинство морских походов предпринималось именно «для добычи». Так, в декабре 1631 г. донские атаманы Богдан Конинский и Тимофей Яковлев (Лебяжья Шея) на вопрос в Посольском приказе, для чего казаки ходят на море, прямо отвечали, что «на море они (казаки. – О. К.) ходят для добыч».⁵⁴ Это же выражение часто употребляют во

⁵² Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 212–213.

⁵³ См.: Королев В. Н. Морские кампании донских казаков 1637–1641 гг. // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1986. № 1.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 203.

время расспросов в Москве и другие донские станичники. Подобная ситуация была характерна и для сухопутных походов – «на степь» казаки ходили, как нередко говорится в документах, «для конского отгона» (или «для языков и конского отгона»). В войсковых отписках, правда, чаще значится нейтральное выражение «для языков», однако получение военной добычи было, безусловно, важнейшей задачей любого военного предприятия донских казаков.

Рассмотрим размеры добыч, которые захватывали казаки в ходе степных походов. Как показывал приехавший в ноябре 1641 г. в Астрахань с Дона ногайский татарин улуса Салтанаш-мурзы Аксакова Э. Янарсланов, во время его пребывания в Азове сюда прибыли 9 донских казаков, ходивших в набег на Крымскую степь под ногайские улусы. Во время расспроса в кругу они сообщили об отгоне у ногайских татар 200 лошадей и захвате в плен 1 татарина.⁵⁵ Примерно в то же время другой отряд казаков, посылавшийся из Азова в степь «для языков и конского отгона», отогнал у татар на р. Молочные Воды 300 лошадей и также захватил «в языках» ногайского татарина.⁵⁶ Количество ушедших в поход во втором случае в документе не указано, но, скорее всего, оно тоже было невелико. Осенью 1638 г. из Азова в набег под ногайские улусы ходили 8 донских казаков. Татарские кочевья им удалось обнаружить лишь в 10 днях пути от Дона «за Крымом, на реке Самаре, к Днепру близко», где казаки отогнали у ногайцев около 60 лошадей.⁵⁷

Если попытаться представить себе размеры захваченной казаками в этих походах добычи, то выглядит она немалой. В первом случае один пай (только при разделе лошадей) должен был составить более 20 лошадей, в третьем – 8 лошадей. Сложнее представить себе стоимость этой добычи – в данном случае необходимо знать ее характеристики. Судя по сыскному делу 1628 г. о поездках «торговых людей» на Дон, разброс цен на лошадей был очень велик. Лошадь могла стоить примерно от рубля⁵⁸ (цена на кобылу) до 3–5 рублей за

⁵⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 7.

⁵⁶ Там же. Л. 4. (Расспросные речи в Астрахани приехавшего сюда из Азова донского казака Е. Емельянова.) Не исключено, что в обоих случаях речь может идти об одном и том же походе, хотя, судя по расспросным речам, упомянутые набеги были совершены под разные улусы.

⁵⁷ Там же. 1639 г., № 1. Л. 14. (Расспросные речи в Астрахани посылавшегося на Дон сына боярского И. Суслова.)

⁵⁸ Это приблизительная стоимость 1 четверти «хлебного запаса» на Дону.

жеребца и коня.⁵⁹ Цена же на хороших скаковых коней, согласно казачьим челобитным в Москве, доходила на Дону до 7–10 и даже 15 рублей (на подобных конях обычно ездили через донецкую степь в Москву донские станичники), однако такие лошади являлись, безусловно, большой ценностью. Что же касается стоимости пая указанной казачьей добычи, то она могла быть и 10 рублей, и значительно выше. При этом поход в степь мог длиться от 10 дней до нескольких недель.

Вот еще несколько примеров, позволяющих судить о размерах казачьих добыч. В феврале 1638 г. пятеро едисанских татар, отправленных из Астрахани в составе татарского отряда за Дон в набег под Крым, по пути отстали от своих и остановились в казачьем Есаулове городке. Отсюда в составе отряда в 150 донских казаков и татар, собравшихся из «Ясаулова и из ыных казачьих городков», они ходили в поход «на речку Чир <...> под нагайских татар», направлявшихся из-под Крыма в набег «на Русь». И хотя этих татар было около тысячи человек, нападение на них было произведено столь удачно, что многих из них казаки «побили», прочих же разогнали. Любопытно, что пятерым упомянутым татарам «на их пай» в ходе раздела захваченной добычи досталось 40 лошадей, т. е. по 8 лошадей на человека.⁶⁰ При этом следует учесть, что речь идет, скорее всего, о конях, поскольку разгромлен был боевой отряд неприятеля.

Вот еще пример казачьей добычи на степных путях. В мае 1659 г. отряд донских казаков во главе с атаманом М. Самарениным, объединившись со встреченной в степи группой «черкас» из г. Царева-Борисова (всего 50 человек), произвел внезапное нападение и наголову разгромил 300 татар, переправлявшихся через р. Самару (татары шли к гетману И. Выговскому, изменившему Москве). При этом казаки захватили у татар 200 лошадей, а другого имущества – «платьев, и луков, и сабель» – отбили столько, что, «выбрав лучшее, что могли с собою везть», остальное «метали» в реку.⁶¹ Стоимость полученной добычи подсчитать в данном случае, конечно, сложно, но нет сомнения, что она была велика.

⁵⁹РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 128, 148, 150, 152 и др. (Из расспросных речей ездивших на Дон в середине 1620-х гг. «торговых людей».)

⁶⁰РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 61–62.

⁶¹Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 663–664.

Выше мы привели примеры удачных походов. Однако не всегда, конечно же, добычи казаков были столь велики. Так, в мае–июне 1639 г. в набег под ногайские улусы, кочевавшие по Молочным Водам, «для языков и конского отгона» ходили около 30 казаков из Манычского городка. Из-под татарских кочевий они отогнали «с тридцать лошадей», захватить «языков» им не удалось.⁶² В декабре 1641 г. из казачьего Кагальницкого городка «для конского отгону» под Крым ходили 20 казаков во главе с Иваном Косым. На Молочных Водах они отогнали у татар 30 лошадей. Через 2 недели эти казаки вновь отправились в поход к Молочным Водам, но ногайских кочевий они здесь уже не застали.⁶³

Однако, конечно же, казачью добычу во время походов «на степь» составляли не только лошади. Нередко казаки захватывали под татарскими улусами и «языков» (пленников), которых можно было затем отдать на выкуп. Так, 20 донских казаков, ходивших летом 1639 г. в набег под Крым, на р. Кальчике («Кале») наткнулись на 16 татар, стоявших в степи на стану. Казаки отогнали у этих татар лошадей и в ходе боя захватили в плен 2 человек, причем один из «языков» оказался крымским Азаматом-мурзой «Мансуровы половины».⁶⁴ Отдав мурзу «на окуп», можно было получить за него очень значительную сумму. Захватывали во время набегов под улусы кочевников, по-видимому, не только взрослых мужчин, но также женщин и детей, представлявших собой наиболее пригодный для продажи «живой товар». В целом же количество пленников, которых захватывали казаки в ходе степных набегов, не было, по-видимому, велико, хотя во время крупных походов «на степь» в плен к казакам попадали десятки людей.⁶⁵ Захватывали казаки во время сухопутных походов также различное имущество — особенно выгодны были в этом отношении, надо полагать, нападения в степи на торговые караваны «бусурман».

Перейдем к рассмотрению морских походов казаков. В документах, рассказывающих об удачных походах на море, нередко приводится

⁶²РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 115. (Расспросные речи в Астрахани вернувшегося с Дона «донского татарина» Б. Кульмаметева.)

⁶³Там же. 1642 г., № 1. Л. 95. (Расспросные речи в Астрахани посылавшегося отсюда на Дон сына боярского Л. Исупова.)

⁶⁴Там же. 1639 г., № 1. Л. 115. (Расспросные речи в Астрахани вернувшегося с Дона «донского татарина» Б. Кульмаметева.)

⁶⁵См.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 56, 618.

количество захваченного казаками турецкого и татарского «ясыря». Так, из похода 1651 г. казаки привезли на Дон около 600 человек полона, захваченных в ходе погрома г. Каменный Базар. Всего в этот поход ходили около 900 казаков.⁶⁶ Во время морского похода 1653 г. 1300 казаков сначала разгромили в Крыму (между Судак и Балаклавой) «улус кочевой», захватив при этом «ясырю <...> мужского и женского полу человек с 50», а затем на «Анатолийской стороне» в деревнях под Трапезундом (к самому городу казаков «морем не припустило») захватили «сот с пять или с шесть» пленников.⁶⁷ В 1655 г., согласно расспросным речам в Москве атамана П. Федорова, возглавлявшего поход на море в этом году, только во время взятия г. Тамани казаки захватили около 400 человек «мужского полу и женского». Причем после этого казаки еще громили деревни на крымском побережье. В походе участвовали около 2000 человек (не считая, по-видимому, «черкас»).⁶⁸

В 1657 г. при погроме деревень близ г. Гезлева в Крыму казаки вновь захватили с 600 человек «турского и татарского полону», который, как значится в документе, на Дону казаки «роспродали». ⁶⁹ В расспросных речах атамана К. Петрова «с товарищи», рассказывавших в Москве о походе на море 1659 г., называлась даже цифра в 2000 человек «ясырю», но это, надо полагать, все-таки преувеличение. ⁷⁰ Захваченная в походе добыча по возвращении на Дон делилась только между участниками экспедиции. ⁷¹

Чтобы представить себе доходы от реализации «бусурманского» ясыря (полон), следует сказать о ценах на него. Воронежец Т. Михнев, ставший свидетелем возвращения казаков с моря в 1651 г., показывал в расспросе, что привезенный казаками ясырь покупался на Дону торговыми людьми «из Астарахани, и из Царицына, и из иных

⁶⁶ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 157–158.

⁶⁷ Донские дела. Кн. 4. Стб. 698.

⁶⁸ Там же. Кн. 5. Стб. 53.

⁶⁹ Там же. Стб. 254–255. (Расспросные речи присланных с Дона в Москву атамана М. Самаренина с казаками.) Всего в этом походе участвовали «з 2000» казаков.

⁷⁰ Там же. Стб. 509.

⁷¹ Так, воронежец Т. Михнев, ставший свидетелем возвращения казаков после взятия г. Каменный Базар, показывал, что привезенную на Дон добычу (в частности, «полон») между собой «делили те (казаки – О. К.), которые ходили в поход; а которые оставались в городке (Черкасском. – О. К.), и на тех не делили». См.: РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 158.

изо многих городов» по «20, по 30 и по 40 рублей за человека».⁷² Можно, правда, отметить, что поскольку вторая половина 1640-х гг. была для казаков временем неудач на море, то цены на невольников могли вырасти. Но вот цены от 1632 г. из следственного дела о покупке на Дону турецкого ясыря «ратными людьми», сопровождавшими возвращавшихся из Турции русских послов. В основном покупались женщины и дети. При этом цены на них были следующие. «Татарка-жонка» Байрам-Салтан с дочерью 5 лет была куплена за 20 рублей. «Малые» (подростки) «турсково ясырю» в возрасте от 8 до 17 лет стоили 10–12 рублей и выше. Цены на «девок-турок» разнятся от 12 до 15–18 рублей. Встречаются и, возможно, завышенные во время расспроса цены: за «девку» в 14 лет якобы заплатили 30 рублей, за «малого» татарчонка 17 лет и «девку-черкаску» в 12 лет (вместе) – 40 рублей, а за «малого» «черкаского полону» и «девку-турку» – 50 рублей.⁷³ Даже если принять во внимание, что некоторые из этих цен действительно завышены, то не подлежит, на наш взгляд, сомнению, что стоимость полоняника на Дону в конце 20-х–начале 30-х гг. XVII в. была не ниже 10 рублей. Так, московский торговый человек А. Михайлов, у которого во время сыска 1628 г. было описано в Воронеже вывезенное с Дона имущество, стоимость 7 купленных у казаков «ясырей» (это были два «турчонка, да тотарчонок, да две девки-турки, да девка-нагайка, да жонка-турка») определял в 120 рублей, т. е. в среднем по 17 рублей за человека. При этом А. Михайлов прямо показывал, что одну из пленниц, «девку-турку», он купил «в верхнем в казачье городке в Роспопине» у «атамана у Федки Чернушки» за 17 рублей, причем для этого он взял займы у плывшего на том же судне в Воронеж донского казака Ф. Грановитого 10 рублей.⁷⁴

В России цены на полоняников, безусловно, возрастали. Этим обстоятельством нередко пользовались казаки из станиц, приезжавших в Москву с войсковыми отписками, продавая пленников именно здесь.⁷⁵ Однако не всегда «ясырь» шел на продажу. Гораздо выгоднее было отдать пленника на выкуп – в таком случае цена его повышалась в 5–10 раз;

⁷² Там же. Л. 159.

⁷³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 54. Л. 240, 244–247, 259–261, 276, 279, 292.

⁷⁴ Там же. № 31. Л. 403, 414.

⁷⁵ См.: Донские дела. Кн. 3. Стб. 291.

такие известия нередко встречаются в источниках. Бывало, что «окуп» брался и сразу на месте захвата в плен.⁷⁶

Таким образом, только от реализации «ясыря» на один пай в ходе раздела добычи могло приходиться по 5–10 рублей и более на человека. Кроме того, при погромах «бусурманских» прибрежных поселений, особенно городов и пристаней, казаки захватывали большое количество имущества, включая предметы роскоши, дорогие восточные ткани и пр., стоимость чего, конечно, подсчету не поддается. Известно лишь, что в воронежский Борщев монастырь казаки вносили вклады золотом, серебром, а также «жемчужом и камнями».⁷⁷ Все это была, безусловно, казачья добыча. Вот два редких описания добычи казаков, захваченной на море. Первое записано почти со слухов одним из русских послов в Имеретии, дьяком А. Иевлевым; в этом описании имеются, безусловно, преувеличения и неточность в определении места действия: в 1651 г. морем «ходили донские казаки к Царюгороду и многих <...> турчан побили, и в полон взяли больши тысячи человек. А живота <...> взяли бесчисленно много. И тот <...> турецкий полон у казаков турецкие люди выкупали, молодых ребят и девок золотых по двести и больши, а старых мужиков и жонок золотых по сту. И богатеиством <...> обогатились болшим».⁷⁸ Второе сообщение записано под г. Фастовом (на Украине) со слов одного из руководителей восстания сербов против Турции: в 1654 г. донские казаки «были под самым Царемгородом в селе Новом, и Новое разоряли, и турков многих побили, а иных поимали в полон, и <...> обогатились всякими узорочными вещми; и разоря Новое и пограбя животы, отошли вцеле».⁷⁹

Довольно часто казаки нападали также на торговые суда, а то и целые караваны их, нагруженные товарами, причем во время таких нападений нередко не приходилось даже рисковать, поскольку бывало, что турки покидали суда, едва завидев казаков. Так, весной 1644 г. с Дона на море ходили 417 казаков в 16 стругах во главе с атаманом И. Каторжным. «Быв на море десять дён», казаки «взяли

⁷⁶ См., например: РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1661 г., № 1. Л. 53; Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 99. Л. 144.

⁷⁷ Донские дела. Кн. 3. Стб. 437. (Войсковая челобитная в Москву от осени 1645 г.)

⁷⁸ Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 564. В действительности казаки действовали в районе городов Трапезунд (Трабзон) и Синоп. См.: Там же. С. 563–564.

⁷⁹ Там же. С. 572. «Село Новое» – селение Еникей в центре побережья Босфорского пролива.

под Азовом каторгу с товары» (по другим известиям – три каторги), здесь же они «погромили <...> казыевского Алей-мурзы Уракова улус» и «с тою де каторгою, и с казыевским погромным борошнем и с ясырем» вернулись без потерь в Черкасский городок.⁸⁰

Весной 1646 г. 1500 казаков и «вольных ратных людей» в 150 «легких судах» во главе с атаманом О. Петровым также ходили в поход на азовское взморье. Здесь они встретились с караваном судов, шедших из Царьграда в Азов и нагруженных товарами и «запасами» (хлебом); при караване шел и турецкий чауш. В ходе нападения на «бусурман» казакам удалось захватить два судна («комяги»). При этом в плен попали чауш, некий кадый, «да корабельщик-иреиз» и 20 янычар из Азова, ездивших в Кафу «для покупки»;⁸¹ было «побито» казаками и «пометалось в воду» более 100 человек. Прочим судам удалось, вероятно, скрыться. Во время раздела добычи («в дуване») сын боярский Т. Кочапин, присланный из Москвы на Дон «с государевою казною <...> з железом, да с смолою» и принявший участие в этом походе, получил, согласно его расспросным речам в Москве, «киндяк, да лук, да 2 рубли денег», причем опасность, которой он подвергся в ходе этого предприятия, была, насколько можно судить, минимальна. Взятых в плен казаки «посадили на окупу» (т. е. назначили за них выкуп), определив его сумму в 8000 рублей.⁸²

Нам уже встречались факты, когда небольшие отряды казаков (в несколько десятков человек) захватывали под Азовом у «торговых людей» суммы в 200 ефимков, не считая другого имущества. Немалую добычу приносили, безусловно, и «погромы» торговых караванов «бусурман» в степи, особенно если учесть, что «на степь» казаки ходили обычно небольшими отрядами. Конечно, далеко не все походы оканчивались удачно, однако следует признать, что казакование, при определенных навыках и удаче, предоставляло для быстрого обогащения весьма широкие возможности.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1644 г., № 1. Л. 172–173. (Расспросные речи в Астрахани вернувшихся с Дона пятерых ногайских татар.) Об этом же походе см.: Там же. Л. 8–9. «Борошень» – имущество.

⁸¹ По другим данным, казаки захватили 71 человека.

⁸² Донские дела. Кн. 3. Стб. 61–62. (Расспросные речи присланных с Дона в Москву атамана М. Пешурова с казаками.) Стб. 70–71. (Расспросные речи сына боярского Т. Кочапина.) «Чауш» – высокопоставленный турецкий чиновник; «кадый» – турецкий судья; «корабельщик» (по-турецки – реиз) – специалист по мореходному делу, капитан. «Киндяк» – название одного из видов хлопчатобумажной ткани.

В целом, как представляется, на казаков смотрели «на Руси» как на людей далеко не бедных, чему способствовали, по-видимому, картины возвращения людей с Дона. Имущество для продажи везли с собой и казачьи станицы, ездившие в Москву с войсковыми отписками. Так, в документах зафиксирован эпизод от 1657 г., когда воевода г. Ливен Е. Толстой зазвал к себе в гости казачью станицу, ехавшую с Дона в Москву с войсковой отпиской, покупал у казаков коней, осматривал оружие («ружья смотрел»). Тогда же ему «полюбилась» принадлежавшая одному из казаков «таволга саодашная» (лук без тетивы), которая была оправлена серебром, а с концов украшена двумя позолоченными «яблоками» с драгоценными камнями – «в верхнем яблоке пять камней, а в другом яблоке четыре». Когда казак отказался продать эту вещь воеводе за 8 рублей, тот приказал своим слугам выкрасть ее.⁸³ Ценные вещи – дорожный зипун, «турский» шелковый кушак с булатным ножом и оправленными серебром ножнами, камчатый кафтан с золотыми пуговицами «турской» работы, «кызылбашская» сабля, обложенные серебром складни и т. п. – упоминаются у казаков в июле 1630 г., когда в связи со ссылкой на Белоозеро станицы Наума Васильева имущество казаков было изъято и переписано. Впрочем, основная часть казачьего имущества была скромна.⁸⁴

Не стоит, думается, и преувеличивать состоятельность казаков. Так, Н. А. Мининков, иллюстрируя их имущественное положение, приводит такой пример. В конце 1641 г. донской казак Онуфрий Шатров, попавший в плен во время похода на море весной этого года, дал за себя «окупа» 200 ефимков. Автор полагает, что О. Шатров обладал такими деньгами.⁸⁵ Между тем, на наш взгляд, это не обязательно так. Обычно суммы выкупа бывали такими, какие только под силу было собрать человеку. Собирая сумму выкупа

⁸³ Там же. Кн. 5. Стб. 303–304. (Из челобитной в Москве донского казака М. Иванова.) По государеву указу воеводе было велено прислать «тое таволгу» или же деньги по ее стоимости к Москве «тотчас»; в случае промедления указывалось «доправить» на воеводе двойную цену. Согласно челобитной М. Иванова, эту таволгу он «купил» за морем за 10 рублей, что, впрочем, не может не вызывать некоторого недоумения.

⁸⁴ Донские дела. Кн. 1. Стб. 323–324, 326, 327 и далее.

⁸⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 212.

за родственника, нередко продавали или закладывали имущество, дома, влезали в неоплатные долги. Так, два воронежских сына боярских в 1644 г. писали в челобитной, что «окуп» на своих родителей они собирали, «займуя и закладывая домишка свои»; эти средства они затем потеряли, когда на пути в казачьи городки подверглись нападению «воровских черкас».⁸⁶ Человек, вернувшийся из плена, должен был еще долгое время отдавать деньги. Именно на это, безусловно, и делалась ставка при отдаче пленника «на окуп», и О. Шатров едва ли был исключением в данном отношении. Встречается также случай, когда донской есаул Беляй Лукьянов в 1639 г. заплатил за себя 150 рублей, причем «окуп» этот «збирался» у «атаманов и казаков».⁸⁷ При этом в 1640 г. он был должен донскому попу Афанасию Гордееву 10 рублей – весьма внушительную сумму.⁸⁸ А в начале 1641 г. за атамана Дениса Григорьева, посулившего за себя татарам «большой окуп», казаки заплатили 500 рублей.⁸⁹ Думается, что, если бы упомянутые казаки имели подобные средства, им пришлось бы выплатить за себя гораздо большие деньги. И тем не менее данные размеры «окупа» все же говорят о состоятельности казаков, раз за них назначались такие суммы. Так, государство выкупало «полоняников» из городовых казаков за 25 рублей.⁹⁰

Необходимо также отметить, что далеко не всегда казак мог полноправно распоряжаться полученным во время раздела добычи имуществом – часто казаки делали долги под будущую добычу, неравными были и паи при ее разделе (об этом чуть далее). Однако следует сказать, что даже при всем этом человек, ушедший на Дон из «Руси», скажем, «с бедности», имел возможность быстро, а порой и сказочно обогатиться. Приведем только один подобный пример, хотя, безусловно, он не был уникальным.

⁸⁶РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1-а. Л. 313, 316.

⁸⁷РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 12. Л. 222. (Расспросные речи Б. Лукьянова в Москве.)

⁸⁸РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 278. Л. 351. (Духовная азовского попа А. Гордеева. В документе говорится: «...да на казаке на Беляе Лукьянове, что был в полону, десять рублей».)

⁸⁹Донские дела. Кн. 2. Стб. 179–180. (Из расспросных речей в Москве атамана Д. Григорьева, приехавшего сюда во главе казачьей станицы с войсковой отпиской.)

⁹⁰РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 179.

Мы уже приводили эпизод с участием в «воровстве» на Волге двух жителей верхового Сиротина городка Кондрата Ходеряхина и Нефеда Золотарева, незадолго до этого пришедших на Дон из г. Сокольска и взятых «в воровство» отрядом казаков, шедших для грабежей на Волгу. В ходе только одного нападения на Волге «о урочище о Дубовом острове» (между Саратовом и Царицыном) на суда крестьянина боярина Б. И. Морозова и двух саратовских посадских людей казаками было захвачено «полтретьи тысячи (2500 рублей. – О. К.) денег, да мелкие рухляди на двесте рублей». Этот эпизод произошел 1 мая, при этом один человек – упомянутый крестьянин был убит. Были и другие нападения на «торговых людей», продолжавшиеся до октября; всего в 1659 г. казаками из городка Риги было совершено несколько походов на Волгу. Возвращаться в городок им приходилось, чтобы отвезти туда награбленное имущество, причем для этого использовали «рабочих людей» с ограбленных стругов.⁹¹ Трудно сказать, какую долю из этого имущества могли получить К. Ходеряхин и Н. Золотарев. Так, в первом походе участвовало немногим более 50 человек. Добыча в десятки рублей (учитывая, что Ходеряхин и Золотарев могли получать свою долю «вполю») для начинающих казаков впечатляет. Не случайно проезжавшие в 1622 г. по Дону послы в Турцию И. Кондырев и Т. Бормосов в казачьих городках Паншине и Голубых обратили внимание на казаков, разгуливавших в дорогих одеждах, не полагавшихся им, казалось бы, по социальному положению (казаки только что вернулись из похода в Персию).⁹² Возможно, что это и не были стандартные случаи для Дона, но в то же время на какие только авантюры не шла казачья молодежь в поисках добычи («зипунов») и приключений – и то и другое было, безусловно, основой для самоутверждения в казачьей среде. И здесь мы подходим к вопросу о социальной структуре казачества.

В историографии данная проблема изучена недостаточно. Обычно говорится о равенстве казаков до 50-х гг. XVII в. и о социальном расслоении с этого времени, причем данное утверждение не подкрепляется

⁹¹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 462–464, 534–535, 537–539. (Отписки царицынского и саратовского воевод о действиях «воровских казаков» на Волге в 1659 г. Расспросные речи двух казаков, захваченных в ходе боя с саратовскими служилыми людьми осенью этого года.)

⁹² Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 157.

анализом источников, не берется в расчет и социальная психология казачьей среды.⁹³ Итак, рассмотрим социальную структуру казачества.

Прежде всего следует отметить, что имущественное неравенство в казачьей среде существовало всегда. Так, в Москве обычно отличали «старых и лутчих» казаков (иначе – «лутчих людей») от остальной казачьей массы. И хотя здесь имеется в виду не чисто имущественное, а скорее общественно-политическое положение этих лиц, однако необходимо заметить, что в этом делении присутствует, безусловно, и определенный имущественный момент: высокое социальное положение без соответствующей материальной основы трудно себе представить для общества того времени, когда общественный вес был связан с возможностью получения дополнительных материальных средств. То же самое было, безусловно, характерно и для Дона. Вне имущественного достатка занятие почетных должностей было, по-видимому, немыслимо, а благосостояние было мерилом социального положения в казачьей среде. Так, в списке вышедших в 1656 г. на службу к Москве казаков отряда атамана И. Семенова (отряд насчитывал до 600 человек) фиксируется снаряжение казаков. При этом у атамана (единственного из всех) видим двух коней, у есаулов и «знаменщиков» – по коню, в то время как подавляющая масса казаков была либо на мерилах и «меринках», либо же вовсе «пеша». Кони встречаются лишь у немногих казаков. При этом все казаки имели пищали, и только некоторые из них (включая атамана) были вооружены саадаками (луком со стрелами).⁹⁴

Имущественные различия для казачьей среды были вполне естественны: старый казак-промышленник, обладавший значительным опытом и большим стажем участия в походах, должен был больше и иметь. По-видимому, во время раздела добычи после окончания

⁹³ См.: Лукин Б. В. Очерки истории Подонья–Приазовья. Ростов н/Д, 1951. Кн. 2. С. 22; Чаев Н. С. Донское казачество // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 268; История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права) / Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1973. С. 121; Попов М. Я. Азовское сидение. М., 1961. С. 28; Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С. 115; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 89; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 212–213.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 567. Л. 6 и далее.

похода два-три пая получал атаман,⁹⁵ все рядовые казаки получали поровну. Атаманы (особенно старые) за жизнь скапливали, вероятно, большие средства. Так, атаман Осип Лосев в своей челобитной сообщает, что во время обороны Азова в 1641 г. он выдал «вдруг» (т. е. разом) на нужды «скудных» казаков 100 четвертей «хлебных запасов».⁹⁶ Время было «нужное», голодное, а стоимость этих «запасов» даже в спокойное время могла доходить до 1 рубля за четверть, а в зимнее время и превышала эту цену. Безусловно, речь идет только о части его имущества. Много дорогих вещей видим у атамана Наума Васильева в 1630 г. (в то время он еще не был войсковым атаманом). Это «ковш серебрян», серебряная винная чарка, жемчужное мужское ожерелье, золотые серьги «з жемчуги, низано по-казацки», золотые перстни «со вставками», наволочка для подушки – «шито золотом и серебром по червчатому отласу», пять золотников жемчуга и пр.⁹⁷ Состоятельность атаманов, думается, была правилом для Дона.

Надо полагать, что весьма значительным имуществом обладали и «старые казаки». Отметим, что достаток казачьей верхушки определялся не только длительным участием этих людей в военных предприятиях, что позволяло скопить определенные средства. Такие казаки наряду с состоятельными торговыми людьми из городов обычно ссужали казачью молодежь оружием, одеждой, припасами для военных предприятий – обычно «исполю» (т. е. за половину добычи). Они же нередко являлись и владельцами стругов, за пользование которыми также, вероятно, выплачивалась часть полученной в походе добычи. Так, в 1662 г. атаман живших на Дону запорожцев, Андрей Шумейка, писал в челобитной, что он на Дону «струги свои держал».⁹⁸ Во время сыска 1628 г. Н. Беклемишева в Белгороде церковный дьячок П. Степанов сообщал о сыне белгородского станичного ездока О. Шахова, прожившего, по словам П. Степанова, на Дону 6 лет, что он ходил с казаками в походы «своим стругом» (см. выше). Таким образом, на Дону, безусловно, существовали, кроме войсковых, и частные морские суда. Так, присланный в 1646 г. на Дон дворянин П. Красников сообщал позднее в своей челобитной, что на Дону он построил на свои деньги 2 струга и оснастил их,

⁹⁵ Грушевский М. История украинского козачества. Киев, 1913. Т. 1. С. 175.

⁹⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 586–587.

⁹⁷ Там же. Кн. 1. Стб. 332–333.

⁹⁸ Там же. Кн. 5. Стб. 945.

а затем ходил в поход на море вместе с присланными на Дон «вольными людьми» (струг, на котором находился сам П. Красников, был во время бури выброшен на берег и разбит).⁹⁹ Думается, что частное владение стругами было на Дону распространенным явлением. Вложение средств в осуществление походов было выгодным, и вовсе обязательно, чтобы струги строились за счет Войска. Возможно, что существовали и группы пайщиков. Так, в войсковой отписке от октября 1646 г. казаки, сетуя на гибель стругов во время морского похода в этом году, писали, что эти струги они делали на Дону, «должась», т. е. одалживая деньги.¹⁰⁰

Вели зажиточные казаки и торговлю вином, скупая его, вероятно, у приезжавших на Дон торговых людей и продавая затем в розницу. Так, известно, что в Войске существовали кабаки: согласно войсковой отписке от мая 1641 г., «объявившийся» в Азове в 1640 г. с деньгами («золотыми») некий армянин Мануил, выдававший себя за «полоняника» (т. е. бежавшего из плена человека), но затем оказавшийся агентом польского короля, «учал на кабаках пить и зернью играть».¹⁰¹ Так же, вероятно, торговали и хлебом, и другими товарами. В 1628 г. московский торговый человек Гостиной сотни А. Михайлов привез на Дон 500 деревянных ковшей; маловероятно, чтобы он продавал их в розницу.¹⁰² Таким образом, жизнь на Дону давала простор для предпринимательской деятельности. Не случайно казаки, противясь появлению на Дону хлебопашества, называли себя людьми «торговыми и промышленными (в данном случае – военными. – О. К.)».

Развивать данную тему мешает недостаток информации. Не исключено, что некоторый материал об особенностях традиционной торговой и предпринимательской деятельности казаков на Дону могут дать документы более позднего времени. Укажем лишь, что до нашего времени дошел любопытный документ – духовная (завещание) «донского попа» Афанасия Гордеева, ушедшего в 1630/31 г. на Дон из г. Михайлова «с бедности». Умирая, он оставил после себя, помимо иного имущества, пять «ясырей». Кроме того, разные люди (в основном казаки и воронежцы) должны были ему более 80 рублей,

⁹⁹ Там же. Кн. 3. Стб. 371.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 266.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 152. Л. 5–6.

¹⁰² Там же. № 31. Л. 429.

причем, согласно духовной, А. Гордеев завещал из этих денег «нищим на Руси купить шуб на дватцать рублей» и «по тюрьмам роздать дватцать же рублей». Все эти средства он сумел накопить за 10 лет пребывания на Дону, заработав их на обрядовых услугах и, по-видимому, торговой деятельности.¹⁰³

В советской литературе было принято негативно оценивать «предпринимательство» казачьих верхов. На наш взгляд, это не совсем справедливо. В тех «пустынях непроходных», в которых, по выражению автора Поэтической повести об осадном азовском сидении, жили казаки, только так и могла наладиться хозяйственная жизнь. Что же касается жестких условий, на которых давались «кредиты» малому казачеству, рисковавшим в походах головой во имя чьего-то обогащения, то они и не могли быть иными. На Дон люди шли в первую очередь именно ради военной добычи, за материальным достатком, и только подобная отлаженная система экономического обеспечения походов, основанная на экономической заинтересованности, позволяла «новоприходцам», не имея подчас ничего за душой, получать средства к существованию (точнее, своего рода «средства производства»). Она гарантировала заинтересованность в успешной военной деятельности этих людей со стороны старых казаков, способствовала приобщению первых к казачьей среде и, в конечном счете, к обогащению и достижению ими более значимого положения в рядах казачества. Ради этого для начинающего казака стоило, безусловно, рисковать – без умения поставить на кон свою жизнь казачество «на Поле» было просто невозможно. Жесткость же отношений вполне естественна для групп людей, через руки которых проходят значительные материальные средства.

Каково же было мерило состоятельности казака на Дону? На наш взгляд, это было наличие семьи – жены и детей. Ведь чтобы завести семью в экстремальной обстановке донской жизни, нужно было иметь определенное имущество и какой-то источник постоянного дохода. Тема семьи на Дону до последнего времени как-то обходилась в литературе – возможно, из-за того, что большая часть известий о семьях казаков находилась в неопубликованных и потому малоизвестных источниках. Впервые пристальное внимание на наличие у

---

¹⁰³ Там же. № 278. Л. 350–351, 372. (Сыскное дело об убийстве гребцами в устье р. Богучар московского попа И. Афанасьева, вывозившего с Дона имущество упомянутого попа, его дяди.)

многих казаков жен и детей обратил Н. А. Мининков. Так, в списке казачьих городков, относимом в настоящее время к 90-м гг. XVI в., лишь о некоторых, наиболее малочисленных городках сказано: «без баб».¹⁰⁴ Для источников XVII в. характерны нередкие упоминания о семьях казаков. Так, женщины и дети упоминаются в Войске во время обороны Азова 1641 г., а также при взятии турками и татарами Монастырского Острова в 1643 г., когда в плен к «бусурманам» попали 2 тысячи женщин и детей.¹⁰⁵ Жены и дети казаков упоминаются и в верховых городках – в основном эти известия связаны с их пленением калмыками во время нападений под казачьи городки.¹⁰⁶

Любопытно, что, насколько можно судить, именно наличие семьи, как мы уже заметили, являлось мерилем состоятельности казака. В то же время наличие или отсутствие у казака «в Поле» семьи являлось не только имущественной, но и общественной, а также социально-политической характеристикой. «Холостые» (их еще называли «молодыми») казаки являлись наиболее беспокойной, аполитичной и анархичной частью казачьих сообществ. Такая ситуация была характерна не только для Дона, но и для Запорожья, Терека, а в более раннее время – и для Волги. Так, валуйский вож Н. Зарубин, посылавшийся весной 1650 г. на Дон с грамотой, показывал затем в расспросе, что в Войско при нем пришли 700 «холостых» запорожских «черкас», заявивших, что «они пришли на Дон <...> для добычи, собою».¹⁰⁷ Здесь слово «холостые» безусловно звучит как социально-политическая характеристика. Дело в том, что со дня на день ожидался «приход» запорожцев совместно с татарами на Дон с враждебными намерениями по приказу Б. Хмельницкого. Упомянутые же запорожцы пришли к донским казакам в преддверии возможного

¹⁰⁴ См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 471.

¹⁰⁵ См. гл. 3, примеч. 263; гл. 2, раздел 1. (Сообщение С. М. Соловьева и других авторов о том, что в Азове во время осады находились 800 женщин, в исторических документах не встречается и восходит к запискам К. Крюйса. См.: Крюйс К. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове, учиненные в 1699 г. // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным. СПб., 1824. Ч. 20. С. 191. Впрочем, полагаем, что данные сведения едва ли можно признать достоверными; подробнее об этом: Куц О. Ю. Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 163, примеч. 152.)

¹⁰⁶ См.: РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1664 г., № 9. Л. 11; Ф. 111 (Донские дела). 1666 г., № 3. Л. 3.

¹⁰⁷ «Собою» – т. е. сами, по своей воле.

столкновения двух казачьих сообществ. Аполитичной казачьей молодежи были, по-видимому, безразличны хитросплетения «большой политики», они пришли на Дон для участия в походах против татар и турок, с которыми находился тогда в дружбе Б. Хмельницкий, и, более того, по требованию которых он и собирался идти войной на донских казаков за их походы против «бусурман». Запорожский отряд, которому трудно было доверять в подобной ситуации, на Дон приняли, но поставили не «в Войске» (т. е. в Черкасском городке или близ него), а «особо» – в покинутых казачьих юртах на Яру.¹⁰⁸

Похожую ситуацию видим и на Тереке. В 1649 г. близ этой реки состоялся «погром» ногайского аула. Терские власти предприняли сыск по поводу данного погрома, резко дестабилизировавшего обстановку в крае (в силу отдаленности этих мест от России между терско-гребенским казачеством и властями г. Терки поддерживались довольно тесные отношения). В результате выяснилось, что «старые» терские казаки к этому погрому отношения не имеют, а совершили его донские казаки и «хохлачи» (запорожцы), пришедшие на Терек с Дона, а также присоединившиеся к ним терские «молодые казаки *холозья*» (курсив наш). При этом старые терские казаки, зная о готовящемся предприятии, которое неизбежно должно было закончиться военно-политическими осложнениями, попытались предотвратить его, однако едва не были «побиты» казачьей молодежью.¹⁰⁹

Таким образом, и здесь добыча для «молодых» казаков оказывается предпочтительнее нужд казачьего сообщества в целом, забота о котором была уделом «старых», семейных казаков, вынужденных при сопротивлении казачьей молодежи – наиболее воинственной и анархичной части казачьей массы, жаждущей лишь добычи и военной славы, отстаивать политические интересы своего сообщества и думать о завтрашнем дне.¹¹⁰ Впрочем, иной раз они же, видя,

¹⁰⁸ Донские дела. Кн. 4. Стб. 496.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1649 г., № 1. Л. 226; Козлов С. А. На кровотокащем рубеже России. Терско-гребенское казачье войско в XVII–первой четверти XVIII в. // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 50. (О равнозначности выражений «терские» и «терско-гребенские казаки»: Там же. С. 48.)

¹¹⁰ В этом отношении вовсе не кажутся нехарактерными для казаков раздоры на кругу в 1647 г. между казачьей массой и верхушкой донского казачества, пытавшейся помешать запрещенному тогда указом из Москвы морскому походу на «турские» города, закончившиеся отказом атаманской верхушки возглавить поход (см. раздел 2 гл. 3 настоящей работы).

вероятно, безуспешность своих попыток удержать казаков, и ссужали этих же казаков необходимым для похода. Так было, например, перед походом С. Разина в 1667 г. на Волгу и Каспийское море, а в 1640 г. на Тереке «воровские казаки», захватившие торговый караван, «збирались» в городке атамана Осипа Савельева, который снабдил их всем необходимым для похода.¹¹¹ Думается, причиной этому служила все та же казачья алчность, вовсе не чуждая и «старым» казакам.¹¹²

Но наиболее, на наш взгляд, удачный пример аполитичности казачьей молодежи приводит С. Г. Сватиков. Так, когда в 1614 г. на Волге «старые» казаки призывали, в целях прекращения междоусобия «на Руси», не присоединяться к Заруцкому, они получили от «молодых» казаков такой ответ: «нам бы где зипунами добыться».¹¹³ Имущественный момент казачья молодежь с Волги, таким образом, ставит выше политики и русских национальных интересов; комментарии здесь, думается, излишни.

«Холостые» казаки упоминаются на Тереке и в 1650 г., когда они, «утаясь» от старых казаков, вместе с «прихожими» на Терек казаками вновь устроили погром – на этот раз торгового каравана.¹¹⁴ Можно указать также, что с конца 30-х гг. XVII в., в связи с переходами из Польши запорожских казаков, Москвой было велено принимать на службу в южнорусских городах «черкас» лишь «добрых женатых и з животы (имуществом. – О. К.)», в отличие от одиноких казаков, считавшихся ненадежными.¹¹⁵ «Одинакие и голутвенные люди» противопоставляются в одном из документов конца 1660-х гг. «старожилым (старым. – О. К.) и домовным казакам» в верховых городках по Дону и Хопру.¹¹⁶

¹¹¹ Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 39.

¹¹² В 1636 г. польский королевский комиссар по казачьим делам А. Кисель, отмечая в характере казаков наиболее характерную и присущую, по его наблюдениям, всем слоям запорожского казачества черту, замечает: «Любят взять, черти («небожата»), если им что-либо от кого-нибудь может достаться» (перевод наш). См.: Грушевський М. Історія української козаччини. Т. 2 // Історія України–Руси. Київ; Львів, 1913. Т. 8, ч. 1. С. 231.

¹¹³ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). [Белград], 1924. С. 30. См. также: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссіею. СПб., 1841. Т. 3. С. 425.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1651 г., № 1. Л. 9.

¹¹⁵ Воссоединение Украины с Россией: Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 227.

¹¹⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 155. (Выписка в доклад из отписки воеводы г. Царицына от 20 ноября 1669 г.)

Выше мы постарались показать, что социальный порядок на Дону, несмотря на явное имущественное неравенство между казаками, в целом был внутренне устойчив и, можно сказать, по-своему справедлив. По крайней мере, он всецело отражал ситуацию беспрестанных походов «за зипунами», организовывавшихся казачьим сообществом. Между двумя полярными социальными группами донского казачества – «старыми» казаками и казачьей молодежью – поддерживалось своего рода равновесие.¹¹⁷ Казачья верхушка была заинтересована в организации военных предприятий, поскольку сама же и обогащалась за счет них – на скупке военной добычи, ссужении малоимущих («скудных») казаков и т. д. Последние же, имея возможность обогатиться за счет военной добычи, в перспективе сами должны были пополнить ряды «старых» казаков. Что это было именно так, говорит головокружительная карьера атамана Михаила Лукьянова (прозвище Самаренин), пришедшего на Дон в 1646 г. в числе «вольных ратных людей» и уже через 18 лет ставшего войсковым атаманом на Дону.¹¹⁸ Стычки между упомянутыми слоями не носили, как представляется, характера социального антагонизма, касаясь лишь вопроса о политической целесообразности того или иного похода. Что же касается упоминавшихся конфликтов на Терекке, то вызваны они были, без сомнения, пришлыми казаками, нарушавшими равновесие в немногочисленном сообществе терско-гребенских казаков.

Данная ситуация была характерна, на наш взгляд, до 60-х гг. XVII в. и для Дона. Никаких сколько-нибудь заметных проявлений на Дону социального антагонизма до этого времени в источниках нет. Положение резко изменяется в 1660-е гг., приобретая характер острого социального, политического, а также экономического кризиса, в значительной степени результатом которого становится разинское выступление. В это время видим нарушение указанного выше порядка, резкую имущественную дифференциацию, а также утрату донской верхушкой традиционного влияния на казачью массу. Как же случилось, что довольно устойчивый социальный порядок на Дону в одночасье рухнул?

¹¹⁷ Существовал, по-видимому, и, так сказать, «промежуточный» слой казаков.

¹¹⁸ См.: Донские дела. Кн. 3. Стб. 595–596; РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1664 г., № 9. Л. 10. (Данный факт исследователями донского казачества до настоящего времени оставался незамеченным.)

Думается, виной этому было прекращение морских походов. Затяжные неудачи с походами на море бывали у донских казаков и ранее, в результате чего неизбежно возникала экономическая нестабильность на Дону. Так, в период пребывания казаков в Азове из-за блокирования турецкими каторгами Керченского пролива казаки лишились добыч на Черном море. Морские походы либо заканчивались катастрофой (как в 1638 г.), либо были, как правило, безрезультатны. В итоге в мае 1641 г. (в канун «осадного сидения») казаки жаловались в Москву, что добычи у них «стали тугие», «кормиться» им нечем и купить «ни запасов, ни одежи» не на что – «всем скудны». ¹¹⁹ А в отписке от 10 сентября 1640 г. казаки, сообщая о неудаче очередного похода на море, во время которого турки близ выхода в Черное море орудийным огнем с каторг «испробили и прибили к берегу» казачьи струги (после чего казаки добирались по берегу до Азова «пеш»), и требуя присылки на Дон государева жалования, даже угрожали оставить Азов. Так, писали они, «многие скудные люди» после возвращения из упомянутого похода «порозошлись розно» в запольные речки, иные же отправились «неведомо куды» (т. е., скорее всего, покинули Дон), из-за того что «есть и носить нечего». И в случае, если государь не пожалует казаков «своим царьским жалованьем» (имеются в виду прежде всего «хлебные запасы») и не «примет» у них Азов, казаки собирались «брести <...> з голоду и с наготы все врознь» и идти «на старые свои юрты». ¹²⁰ Когда в Москве с тревогой и недоумением от подобной угрозы предприняли расспрос донских станичников (атамана Д. Гаврилова с казаками), те оправдывались, что всего этого на кругу «Войском писать не велели», и «то де у них написал негораздо войсковой дьяк Федор Иванов», но крайнюю нужду казаков в «запасах» (которые не на что купить из-за отсутствия добыч) подтвердили. ¹²¹

В действительности, однако, войсковой дьяк Ф. Порошин писал войсковую отписку в полном соответствии с постановлением круга.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 152. Л. 5. (Войсковая отписка от мая 1641 г.) В отписке, правда, «скудость» на Дону связывается с пребыванием г. Азова (под которым «преж сего» добывались казаки) в казачьих руках, однако, думается, эти слова следует связывать с ухудшением ситуации с казачьими добычами в целом, что проявилось после захвата казаками Азова. Аналогичные жалобы на отсутствие добыч встречаются вновь лишь с начала 1660-х гг.

¹²⁰ Донские дела. Кн. 2. Стб. 49–59.

¹²¹ Там же. Стб. 62–63.

Так, приехавший на Валуйки 30 августа 1640 г. из Азова донской казак А. Федоров показывал здесь в расспросе, что еще в конце июля – начале августа этого года казаки собирались отправить в Москву станицу, с тем чтобы государь «велел у них козаков Азов принять». В противном же случае, продолжал он, во время «прихода» сюда «турских и крымских людей» «казак в Озове сидеть не с ким» – людей в нем «немнога», и казаки «хотят из Озова все итить по старым своим городком».¹²² Думается, лишь крайняя нужда в материальных средствах заставила казаков пойти на нарушение всяких приличий в отписке на имя великого государя (на самой отписке стоит помета «государю чтена»), требуя в преддверии осады срочной присылки на Дон государева жалования.

Жалобы подобного же характера вновь встречаем лишь в челобитной о прибавке жалования от весны 1662 г. Казаки пишут, в частности, что у них на Дону «перед прежним все стало скудна» и добычи «взять стало негде». Виною этому, по словам челобитной, служило то, что у казаков «морские ходы» (т. е. пути на море) были «все отняты», а татарские «орды» (улусы), кочевавшие близ Дона, «прочь откочевали в горы», т. е. к Кубани. «А преж сего твоей великого государя вотчине (Дону. – О. К.) от твоих государских неприятелей такова истеснение не бывало», – в сердцах восклицали казаки.¹²³ Речь тут идет, безусловно, о перекрытии турками и татарами устья Дона.

Как видим, и в начале 60-х гг. XVII в. неудачи с морскими походами больно ударили по благосостоянию казаков. Еще после неудачного похода на море летом 1660 г., когда казакам пришлось выдержать жестокий бой при возвращении «домой» протокой Каланчей, с Дона сообщали в Москву, что многие «нужные» (малоимущие) казаки «от великих нуж, и голоду, и наготы» из Войска «розбрелися <...> на Русь по <...> украиным городом».¹²⁴ Походы же на море 1661–1662 гг. отчетливо показали бесперспективность дальнейших морских экспедиций с Дона. В документах последующих лет вновь повторяются жалобы на то, что у казаков «на Дону реке добычей никаких нет», так как им «на море ходить стало нелзе» (конец 1662), а также что казакам «окраме <...> великого государя жалования прокормитца <...> нечим»; на море они давно не ходят («морской ход у нас <...>

¹²² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 314.

¹²³ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1661 г., № 1. Л. 199.

¹²⁴ Донские дела. Кн. 5. Стб. 735–736.

отнять»), и добыч им «ниаткуда нет» (1666).¹²⁵ Конечно, не стоит воспринимать эти слова буквально, но серьезность положения и новую экономическую ситуацию, в которой оказалось донское казачество с начала 60-х гг. XVII в., они, безусловно, отражают.¹²⁶

Весь период первой половины 1660-х гг. казаки были вынуждены предпринимать отчаянные и безуспешные попытки захватить и разрушить построенные татарами и турками укрепления.¹²⁷ Никакой материальной выгоды такие походы, естественно, не приносили. Прекращение притока на Дон военной добычи пошатнуло и прежнее социальное устройство казачьего сообщества. Так, именно с середины 60-х гг. XVII в. в источниках появляются термины «голутва» и «бурлаки».¹²⁸

Малоимущие казаки («голые», «скудные» или «нужные» люди) иногда упоминаются в документах и в более раннее время. По-видимому, данными терминами обозначались прежде всего «молодые казаки», а также «новоприходцы» на Дон, однако контекста, свидетельствующего об ущемленном положении этих людей среди казаков, данные упоминания не несут. Появление нового, более определенно-го и емкого термина – «голутва» – говорит, на наш взгляд, о росте этой категории населения на Дону. Та же ситуация и с появлением в источниках термина «бурлаки». Невоенное население на Дону существовало и ранее. Так, русский посол Г. Неронов в 1649 г. во время переговоров с Б. Хмельницким по вопросу о самовольных походах с Дона против крымских татар упоминает, что помимо казаков там живут также «иные непромышленные (т. е. не ратные. – *О. К.*) люди, что оприч того (вероятно, хозяйственной деятельности на Дону. – *О. К.*) прокормиться им нечем».¹²⁹ Судя по всему, это были люди, для которых по

¹²⁵ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1663 г., № 3. Л. 3. (Войсковая отписка от конца ноября – начала декабря 1662 г.); 1666 г., № 6. Л. 3, 7. (Войсковая отписка и челобитная о жаловании от ноября 1666 г.)

¹²⁶ Об отсутствии военных добыч на Дону в этот период (в частности, в канун «воровского» похода С. Разина на Волгу и Каспийское море) см. также: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 102, 154.

¹²⁷ См.: *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Раздел 2.

¹²⁸ В последующее время (вплоть до восстания Булавина) эти категории населения Дона становятся питательной средой для возникновения разного рода конфликтов среди казаков.

¹²⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 8. С. 310. (Статейный список отправленных к Б. Хмельницкому в 1649 г. русских посланников Г. Неронова и подьячего Г. Богданова.)

каким-либо причинам участие в походах было невозможно. Но вот любопытный пример из более позднего времени. В 1670 г. атаман К. Яковлев с казаками показывали в Москве, что повстанческий атаман Н. Черток, приходившийся С. Разину родным дядей, после ухода во второй половине 1660-х гг. на Дон около года жил здесь в бурлаках.¹³⁰ Думается, ранее такая ситуация едва ли была бы возможна, поскольку приходившие на Дон люди принимали тогда участие в походах (прежде всего на море), не прожив зачастую на Дону и двух недель.¹³¹

Характеризуя изменения, происходившие в казачьем сообществе в 60-е гг. XVII в., мы вынуждены опираться лишь на скудные и отрывочные показания источников по этому поводу.¹³² И все же существо социальных процессов, происходивших в это время на Дону, думается, налицо. После прекращения походов на море путь вверх по ступеням казачьей «карьеры» для значительной части казаков оказался закрыт. Еще в худшем положении очутились приходившие на Дон люди, вынужденные идти в работники к состоятельным казакам. Конечно, оставались степные походы на «бусурман», но они требовали значительных расходов на приобретение коней («на подъем») и потому не могли обеспечить добычей «скудных» казаков. В этих условиях, по-видимому, все большую роль в обеспечении казаков начинает играть хозяйственная деятельность, причем здесь в наиболее выгодном положении оказываются «старые казаки», успевшие накопить имущество за время участия в походах. И теперь этот слой противостоит менее состоятельным казакам, начавшим искать выход из создавшейся ситуации посредством опасных для политического благополучия Дона военных авантюр (к таковым принадлежат, в частности, походы С. Разина).

Черты психологии и самосознания донского казачества

Исследователь, занимающийся историей вольного степного казачества XVI–XVII вв., неизбежно сталкивается с вопросом – каким

¹³⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1976. Т. 4. С. 224.

¹³¹ См., например: РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). 1640 г., № 19. Л. 300–301.

¹³² Так, документы «донских дел» за этот период, по сравнению с предыдущим временем, отличаются крайней малочисленностью.

образом крайне немногочисленным, по сравнению с численностью окружавшего их кочевого мира, казачьим сообществам удавалось заселять и контролировать очень значительные пространства степи. Вопрос этот весьма ярко сформулировал еще М. Х. Сенюткин. Он писал: «Недоумевает мысль, каким образом горсть людей, сильных только верою в Бога, осмеливается вступить в вечную, непримиримую вражду с могущественными народами магометанскими, и как ничто не может остановить стремления этих героев».¹³³ Тем не менее в последующей литературе данная проблема не ставилась – указанный факт, по-видимому, принимался исследователями как данность. Как данность воспринималась и гремевшая в ту эпоху в Европе и Азии казачья храбрость. Вероятно, этой храбростью историки молчаливо и объясняли очерченную выше ситуацию. Не раз в литературе говорилось также о неприступности казачьих городков, их природных укреплениях. Так, начиная с В. Д. Сухорукова, в литературе традиционно считается (об этом пишет, к примеру, А. П. Пронштейн), что казачьи городки в XVII в. «строились в глухих, укрытых и крайне удобных для обороны местах на крутых берегах рек или на островах».¹³⁴

Пытаясь разобраться в причинах военной устойчивости казачьих сообществ, мы столкнулись с интересной ситуацией. Оказалось, что мнение, будто казачьи городки обычно располагались в труднодоступных местах, не совсем верно. Более того, расположение городков донских казаков указывает на их не столько оборонительный, сколько на наступательный характер. Любопытный факт – там, где казачество находилось в условиях наибольшей военной опасности, городки, как правило, не ставили, вовсе обходясь без них. Лучше всего это видно на примере Северского Донца.

Н. А. Мининков считает, что вверх по Северскому Донцу городки существовали вплоть до р. Боровой еще в середине XVII в. В частности, он пишет, что «под 1642 г. упоминался городок Айдар у впадения

¹³³ Сенюткин М. Х. Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского. М., 1866. Ч. 2. С. 159. Интересно отметить, что похожую оценку международной ситуации вокруг донских казаков давали и в XVII в. Так, из Москвы в 1670 г. писали на Дон, что в предыдущее время казаки «сколько могучи, бусурманских народов теснили и междо ими на Дону смелым сердцем стояли». См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 193.

¹³⁴ См.: Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961. С. 54.

в Донец его левого притока – реки Айдар. Выше Айдарского стоял в 1647 г. Теплинский городок. В 1656 г. существовало казачье поселение в Краснянском (в книге Н. А. Мининкова сказано: «Красноярском»; это, безусловно, опечатка. – О. К.) юрту». ¹³⁵ На самом деле, думается, это не так. Говоря об Айдарском городке, автор ссылается на книгу «Историко-статистическое описание Харьковской епархии». В ней сказано, что «городок Айдар упоминается по чугуевской переписке еще с 1642 г.». ¹³⁶ Однако при этом отсутствует ссылка на документы, в других случаях обильно цитируемые авторами данного издания. На наш взгляд, в этом случае выражение «городок Айдар», скорее всего, перепутано со словосочетанием «Айдарский юрт», действительно довольно часто встречающимся в документах того времени. Что касается Теплинского городка, то находился он, вероятно, на Теплом колодезе. Здесь, не доезжая р. Деркул, в декабре 1636 г. произошло столкновение с татарским отрядом уехавшей в Москву казачьей станицы во главе с атаманом И. Каторжным. ¹³⁷

Ничего не известно, наконец, и о казачьих поселениях в рассматриваемый период на р. Красной. Н. А. Мининков, аргументируя свою точку зрения, ссылается на отписку воеводы г. Валук В. Фещилатьева. Последний сообщал в Москву о возвращении с Донца нескольких валуйчан, показавших в расспросе, что в Айдарском юрту они встретили донского казака Д. Кругового, посланного «с Дону от Войска» в донецкие юрты с отпиской, адресованной «казакам юртовым и гулебщикам» и извещавшей об ожидающемся появлении в этих местах калмыков. ¹³⁸ «Юртовые казаки» в данном случае – это казаки с Донца, «гулебщики» же – охотившиеся в этих местах казаки с низовьев Дона. В Краснянский юрт Д. Круговой приехал к некоему казаку Л. Данилову, однако точно определить, к какой из указанных выше категорий относился этот казак, документ не позволяет.

¹³⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 122.

¹³⁶ Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 5. Харьков, 1858. Стб. 367. «Чугуевская переписка» – дела приказной избы г. Чугуева, значительные выдержки из которых приводят авторы издания.

¹³⁷ Донские дела. Кн. 1. Стб. 520. Теплинский («Теплыньский») городок на Донце упоминается в документе за 1647 г. в связи с нападением группы «воровских черкас» на станицу атамана Г. Веневитинова (сюда пришли «погромленные» казаки). См.: Там же. Кн. 3. Стб. 576.

¹³⁸ Там же. Кн. 5. Стб. 11–12.

Вполне вероятно, что он являлся предводителем казачьей промысловой ватаги с низовьев Дона.

На наш взгляд, Краснянский юрт не являлся казачьим, относясь к пустующим юртам. На этот счет есть очень любопытный источник. В 1703 г. между донскими казаками и казаками Изюмского слободского полка произошел спор о владении соляными промыслами на р. Бахмут. В ходе расследования этого дела и расспросов старожилов выяснилось, что в давние времена (до 70-х гг. XVII в.) казачьи территории доходили до р. Айдар (именно по эту реку заключали донские казаки мир с татарами), выше же постоянных казачьих поселений не было. Там находились лишь временные жилища как казаков, так и жителей южнорусских городов, промышлявших в этих местах одновременно. Характерно, что казаки, заинтересованные в признании территорий выше Айдара их земель, не стали отрицать эти факты.¹³⁹

Итак, до 70-х гг. XVII в. в источниках нет упоминаний о казачьих городках выше р. Евсуг. В этих местах упоминаются только «юрты». Как уже говорилось, юртом назывались промысловые угодья, находившиеся во владении казачьего отряда («станции»). Для мест, где существовали казачьи городки, это слово практически не употребляется; вот стандартные фразы источников: «приехали в казачей городок у Курману Яру», «у городка Медведицы» и т. п. На Донце же в подобном контексте неизменно видим слово «юрт». Так, здесь упоминаются, как уже говорилось, следующие юрты: Краснянский (он же Красный), располагавшийся по р. Красной, Боровский – по р. Боровой, Айдарский – на р. Айдар, казачий Трехизбянский – между Айдаром и Боровой, а также Луганский, находившийся на р. Лугань, и Гундоровский, располагавшийся по Донцу несколько ниже Луганского.¹⁴⁰ За вторую треть XVII в. известен лишь один городок на Северском Донце – Теплинский («Теп-

¹³⁹ Булавинское восстание: Сб. документов. М., 1935. С. 87–106. (Память из Разряда в Посольский приказ от 19 октября 1704 г. по поводу спора между донскими казаками и Изюмским слободским полком о бахмутских соляных варницах и других угодьях.)

¹⁴⁰ Так, отправленные в начале 1641 г. на Дон кн. Н. Белосельский и подьячий И. Хоненев писали в своем статейном списке, что после 10 дней тяжелого («нужного») зимнего пути по степи от Валук они вышли «на реку на Сиверской Донец против Луганского юрту». См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 13. Л. 283.

лынский»); возможно, что существовал в это время и городок Митякин, упоминающийся еще в XVI в.

Таким образом, видим следующую картину. На протяжении от Евсуга до Айдара казачьих городков нет, имеются лишь «юрты». Возникает вопрос: почему же казаки не строили здесь городков, ведь военная опасность была в этих местах наиболее велика? Ответ, думается, таков: в этом не было необходимости – укрыться от неприятеля можно было в дебрях урочищ на временных станах, задачи же городка были принципиально иными и несли не оборонительную, а скорее наступательную функцию. Дело в том, что городки вовсе не прятались в чащобах урочищ, как должно было быть, если бы они строились исключительно для обороны (такая ситуация была характерна лишь для некрасовских казаков на Кубани в XVIII в., а также для донских «раскольников»-старообрядцев конца XVII в.¹⁴¹). Иначе как объяснить тот факт, что донские городки стояли обычно вблизи основных «перевозов» (переправ) через Дон. Такая ситуация была характерна, например, для казачьих городков Маныча и Раздор¹⁴² (как Верхних, так и Нижних), у Хоперского перелаза через Дон находился городок Хопер, переправы через Дон находились также близ Есаулова, Терновых и, возможно, иных казачьих городков.¹⁴³ Данный факт говорит, на наш взгляд, о тенденции расположения казачьих городков на перекрестках степных путей, связанной, безусловно, со стремлением к контролю над местностью. Рискованность таких действий очевидна – чем ставить себя под удар, легче было перенести свое жилище в глухое место. Тем не менее тенденция наступать проявилась еще в ходе построения самого первого из известных городка на Дону – «остроги» знаменитого атамана М. Черкашенина у Казанского перелаза в 1548 г. Тогда же гарнизон этого укрепления выдержал и жестокую осаду «бусурман», пытавшихся сбить казаков с этого важного в военном отношении пункта.¹⁴⁴ В 1675 г. в своей челобитной, поданной

¹⁴¹ О расположении на Кубани городков некрасовских казаков см.: *Сень Д. В.* Казаки-некрасовцы на Кубани: начало эмиграции // *Клио*. 1999. № 2 (8).

¹⁴² См., например: *Акты Московского государства*. Т. 2. С. 198.

¹⁴³ См., в частности: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 6, 64; 1639 г., № 1. Л. 69–70; 1637 г., № 1. Л. 120–121; 1642 г., № 1. Л. 170; 1650 г., № 1. Л. 59. Именно здесь обычно перебирались через Дон русские служилые люди или татары, ехавшие из Астрахани в казачьи городки.

¹⁴⁴ См.: *Минилов Н. А.* Донское казачество на заре своей истории. С. 178.

в Москве, атаман построенного в начале 70-х гг. XVII в. Боровского городка В. Сергеев писал, что данный городок он построил «в Боровском юрту на многих татарских шляхах», т. е. именно на татарских путях (курсив наш).¹⁴⁵ (К последней трети XVII в., в связи с постройкой на юге России Белгородской оборонительной черты и уменьшением количества татарских нападений на южнорусский край, военная опасность на Северском Донце несколько уменьшается.)¹⁴⁶

Следует также отметить, что нередко казаки не использовали городки для обороны как таковой. При серьезной опасности им было проще уйти из них и отсидеться в дебрях урочищ, спрятав свое имущество. Известия о таком поведении казаков в случаях крупной военной угрозы встречаются неоднократно.¹⁴⁷ Что же заставляло казаков выдвигать свои городки на более или менее открытые места? Ведь ничто не мешало им ходить в походы, прячась в лесах. Объяснение может быть только одно – традиционно агрессивный, наступательный характер поведения казаков в степи. Думается, именно агрессивность давала казакам те силу и дерзость, которые им не могло дать их число. На наш взгляд, только агрессивность и могла быть ответом на ту ужасающую военную опасность, в которой приходилось жить казакам. Из этой черты вытекала и другая – характерная для казаков отчаянная храбрость, стоявшая буквально на пределе разумного.¹⁴⁸ Именно за счет последней (а также, конечно, за счет богатого военного опыта) казакам удавалось осуществлять свои подчас авантюрные военные планы. Здесь можно приводить множество примеров. Авантюрой, на наш взгляд, были осада и взятие Азова в 1637 г., когда число оборонявшихся практически не уступало числу казаков, причем первые превосходили

¹⁴⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 122.

¹⁴⁶ Подобная же ситуация была характерна и для Терека. В частности, терско-гребенские казаки контролировали многие важнейшие торговые и стратегические пути на Северном Кавказе. См.: Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 13, 29.

¹⁴⁷ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 480 (приложения); Донские дела. Кн. 2. Стб. 231; Котельников Е. Историческое сведение Войска Донского о Верхнекурмоярской станице // Донские казаки в походе и дома. Ростов н/Д., 1991. С. 42.

¹⁴⁸ На этот счет у казаков есть поговорка (вполне возможно, позднейшая): «Куда собака нос не сует, туда казак головой лезет».

вторых в артиллерии. Авантюрами были, думается, и походы казаков к Анатолийскому и другим побережьям Черного моря – об опасности этих предприятий нам уже приходилось говорить выше. Безумием со стороны казаков была, по нашему мнению, и оборона Азова в 1641 г.¹⁴⁹ Что же помогало казакам регулярно завершать успехом эти предприятия? Безусловно, военный опыт и отчаянная храбрость.

В условиях малочисленности, обстановки постоянной военной опасности храбрость была просто необходимым условием для выживания казаков, без нее невозможны были ни захват добычи, ни занятие хозяйственными промыслами, ни вообще появление в степи. Привычка к опасности, склонность к риску, жизнь за счет войны порождали и особый психологический склад этих людей, хорошо переданный казачьей поговоркой «День мой – век мой». В этих лаконичных словах отражен, думается, весь внутренний мир вольного степного казака. Коротко его можно обозначить следующим образом: жизнь сегодняшним днем. Отсюда, безусловно, берут начало и казачий авантюризм, и бесстрашие.

Одной из черт казачьей психологии была также воинственность, постоянная готовность к бою, привычка и страсть к приобретению добычи, что являлось, впрочем, другой составляющей той же агрессивности. Яркой иллюстрацией к сказанному служит следующий интересный эпизод. В мае 1641 г. в Астрахань пришли Каспийским морем из «Кизылбашские земли» (Персии) на «полубусье» (род морского судна) 8 «полоняников», привезя с собой троих пленных туркмен-подростков. В расспросе «полоняники» показали следующее. В Астрахань они бежали из одного из персидских городов, большинство беглецов составляли донские и запорожские казаки. Запорожцы (5 человек) провели в турецком плену от 3 до 25 лет, бежав от своих хозяев в полки персидского шаха во время похода турок на Багдад. Два донских казака (Гаврило Григорьев и Андрей Иванов, см. выше) незадолго до пленения перешли с Дона на Яик, вместе с яицкими казаками ходили в морской «воровской» поход «под кизылбашские городы», их струг выбросило на берег, и они попали в плен к «трухменцам», но затем бежали в Персию (последняя считалась дружественной Русскому государству страной). Вместе казаки сошлись

¹⁴⁹ См.: Куц О. Ю. Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий. С. 111 и далее.

в городе «Старобаде» (иначе – Астрабад) в персидской области Гилян, где ожидали, по-видимому, отправки на родину.¹⁵⁰

За 5 месяцев до прихода в Астрахань казаки бежали из Астрабада к пристани, где стояли морские суда. Последние охранялись стражей из 45, по словам казаков, «гилянцев и трухменцев». Связав («перевязав»¹⁵¹) ночью «караульщиков», казаки завладели лодкой («сандалом») и, прихватив с собой подростка-«трухменца», пошли вдоль туркменского берега. На вторые сутки к ним на лодке подъехал, приняв их за соотечественников, туркмен с сыном. Казаки забрали последних с собой, и туркмен довел их до местной пристани, где стояло «полубусье» с нефтью и пшеном, на котором было 8 туркмен. Взяв с собой с туркменского судна пшена и пшеничной муки «в запас», казаки отправились далее, отпустив своего проводника (впрочем, без сына). Однако на море их настигла большая стужа, и казаки вернулись обратно к пристани. Завладев здесь полубусьем, а также забрав с собой одного туркмена, казаки пошли дальше. Они шли вдоль берега более 8 недель, пока им не встретилось 6 туркмен-рыболовов, стоявших на берегу. Казаки, по-видимому, напали на них, те оказали сопротивление. В ходе боя 3 туркмена были убиты, 2 бежали в степь, одного казаки взяли «в полон» и опять-таки забрали с собой. После этого они пришли в Астрахань. Здесь «полоняники»-туркмены были изъяты у казаков: последние принадлежали к «области» ургенчского «Исфендияра царя», с которой у России были торговые отношения. Весь путь занял у казаков почти полгода.¹⁵²

В этой истории удивляют лихость и рискованность путешествия, на которую пошли «полоняники», вместо того чтобы спокойно дожидаться официальной отправки на родину, как это бывало в других случаях. В итоге уход казаков в Астрахань превратился в боевое предприятие, причем весьма опасное – вновь попасть в плен могли прежде всего они сами. В документах, рассказывающих об этом «путешествии», вначале неясен социальный статус его участников,

¹⁵⁰ Восьмым человеком был русский из Вереи, захваченный татарами в раннем возрасте (около 25 лет назад).

¹⁵¹ У Н. А. Мининкова ошибочно: «перерезав». См.: *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Приложение 4. С. 488–489.

¹⁵² РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г., № 1. Л. 32, 35–44. В приложении к своей книге Н. А. Мининков приводит расспрос в Астрахани только донского казака Г. Григорьева. Наш рассказ составлен на основе расспросных речей всех участников похода, включая туркменских «полоняников».

поэтому их лихая экспедиция вдоль туркменских берегов вызывает невольное удивление. Все встает на свои места, когда становится ясно, кем они были до плена.

Жестокость была еще одной характерной казачьей чертой. Причем характерно, что жестокость казаков следует, по-видимому, считать не стихийной, а скорее превращенной в систему и, безусловно, выполнявшей защитную функцию. Так, подвергались смертной казни, не отдаваясь «на окуп», «бусурмане», захваченные в набеге под казачьи городки, и правило это действовало неукоснительно. При этом не принимался в расчет даже принцип материальной выгоды. В частности, в войсковой отписке от начала мая 1635 г. казаки сообщали в Москву, что в апреле этого года к ним «под Войско» с целью отгона лошадей и захвата «языков» был совершен набег крымских и азовских «воинских людей». Однако казаками этот набег был отбит, и в ходе боя они «тех крымских и азовских людей человек со ста порубили», захватив в плен 31 человека. Как значится в отписке, последних, приведя «к Войску» (т. е., вероятно, доставив в войсковой круг), «всех порубили без остатка», потому что, как поясняли в отписке казаки, пойманным в набеге под казачьи поселения неприятелям «спуску не бывает» и на выкуп их не отдают.¹⁵³ Единственной возможностью остаться в живых для такого пленника была его отправка казаками в Москву в качестве «языка». Так, в войсковой отписке от конца января 1666 г. и расспросных речах привезших ее в Москву атамана Тимофея Иванова со станицей сообщалось следующее. 22 января этого года из Черкасского городка в набег под Азов был отправлен отряд казаков, который ночью обнаружил ниже по Дону «в уро[чище] против Лычанского остро[ва]» огни. От добытых «языков» выяснилось, что крупный отряд азовцев – 800 человек (включая «турских людей» и татар) идет в набег под казачий центр. Данное известие сразу же было передано в Черкасский городок, откуда казаки утром вышли «всем Войском» против неприятеля. Встреча состоялась «на усть Черкаской, в Рыкове урочище»; в ходе «большого боя» в плен к казакам попали турецкий ага и еще 5 человек. Как значится в расспросных речах атамана Т. Иванова со станицей, выходившие на бой казаки, взяв пленников в Черкасский городок, «пяти человек в кругу <...> казнили», а шестого – азовца

¹⁵³ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1635 г., № 2. Л. 48.

Магметка – отправили в Москву.¹⁵⁴ Подобные сообщения об убийствах пленных, захваченных во время «приходов» под казачьи городки, время от времени встречаются в документах.

Подчас очень жестокими бывали и набеги казаков под Крым. В 1655 г., согласно войсковой отписке в Москву от октября этого года, казаки «крымского хана Тамань город <...> взяли, и многих крымских и ногайских татар, и турок, и черкес тутошних жильцов порубили». Затем казаки в городе и на посаде «дворы, и избы, и гумна <...> пожгли и попустошили», после чего «стояли на Таманской же косе в гирле против Керчи ж. И, переходя по Азовскому и по Черному морю многое время, и многие ж <...> крымские села и деревни разоряли и жгли».¹⁵⁵

Документы сохранили также достоверное описание некоторых действий казаков в ходе набега под Крым в 1657 г. Речь идет о статейном списке русских посланников в Крыму в это время, Р. Жукова и Л. Пашина, которым удалось собрать довольно любопытную информацию о данной казачьей экспедиции. Так, под 26 июня посланники записали, что донские казаки высадились на крымское побережье между Кафой и Керчью, разоряют и жгут татарские деревни, а «татар, и жон их, и детей всех рубят». Сведения эти сообщил в Бахчисарае татарский гонец, который был прислан с этими «вестями» из Кафы. 1 июля «с утра рано» в устье речки Альмы, близ которой располагался русский посольский стан, раздалась стрельба из пушек и пищалей, а затем по речкам Альме и Булганаку «почал быть дым во многих местех». Позднее выяснилось, что в этом месте казаки предприняли высадку с целью пополнить запасы воды. Когда сторожевой татарский отряд попытался воспрепятствовать казакам «воды имать», он был отброшен казаками от берега. Подошедшее из стругов казачье подкрепление начало жечь прибрежные татарские деревни – все это происходило в 3 и в 4 верстах от посольского стана, и русским посланникам «то все было видно». Затем казаки дали жестокий бой пришедшему из Бахчисарая татарскому подкреплению, после чего ушли на море в сторону г. Гёзлева («Козлева»).

В дальнейшем, согласно статейному списку русских посланников, казаки приставали к берегу «меж Керчи и Балыкны», а с 4 на 5 августа «через всю ночь меж Кафы и Карасова было поломя», которое можно было наблюдать из посольского стана. Через день на

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1666 г., № 1. Л. 1–2, 4–5, 6.

¹⁵⁵ Донские дела. Кн. 5. Стб. 46.

стан к посланникам пришел «белоруской» (вероятно, малороссийский) священник Лука, находившийся в тех местах во время казачьего нападения. Он сообщал, что казаки, высадившись ночью на побережье, «многие деревни жгли, и татар и з детми порубили» (курсив наш).¹⁵⁶ Таким образом, достоверность известия о резне казаками татарского населения между Кафой и Керчью подтверждается «вестями» из-под Карасу-Базара (в источнике – Карасова). Между тем казаки действовали так далеко не всегда. От 1655 г. имеется известие о том, что крымцы «дивились» (удивлялись) подобной жестокости казаков, ранее якобы не сжигавших поселения и не уничтожавших их населения, а только захватывавших полон (и, конечно, грабивших их).¹⁵⁷ Действительно, другое известие о подобном поведении казаков во время набегов под Крым дошло до нас от 1639 г. Так, присылавшийся в этом году на Дон из Астрахани сын боярский А. Еремеев показывал затем в расспросе, что при нем перед отправлением в морской поход под Крым казаки «придумали (т. е. постановили на кругу. – О. К.) <...> крымские деревни жечь, и крымских людей всех побивать без ост[ат]ка». «А наперед де сего, – пояснял А. Еремеев, – они (казаки. – О. К.) крымских деревень не пожигали, и людей не побивали, потому что им под теми деревнями бывала (быть. – О. К.) наперед сего в обычае [е]жегод».¹⁵⁸ Как видим, казаки зачастую старались не устраивать ненужных зверств и разорений своим жертвам, чтобы было что грабить во время следующего набега.

Таким образом, жестокость казаков явно нельзя назвать стихийной. Она носила скорее целенаправленный, прагматичный характер, и всякий раз нетрудно обнаружить ее причину. Она или являлась местью за какие-либо военные поражения казаков, либо же была вызвана указами из Москвы об удержании с помощью морских нападений татарского войска в Крыму, чтобы не дать ему выступить в поход против России. Так, «приговор» 1639 г. безусловно следует

¹⁵⁶РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 40. Л. 416–416 об., 417 об.–419 об., 421–421 об., 429, 431. «Балыкна» – Балаклава; «Карасов» – Карасу-базар; «поломя» – огонь, пламя.

¹⁵⁷«А тому де крымские люди дивятца – как де наперед сего донские казаки хаживали на море, и они де только полон имали, а ныне де везде людей побивают, и села и деревни жгут». См.: Донские дела. Кн. 5. Стб. 29. (Расспросные речи присланных с Дона в Москву атамана К. Дмитриева с казаками от августа 1655 г.; речь идет о показаниях захваченного казаками под Перекопом татарского «языка».)

¹⁵⁸РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1639 г., № 1. Л. 74.

связывать с тяжелым поражением казаков на море летом 1638 г. в устье р. Кубани, а действия казаков в 1655 г. – с указом из Москвы. Зверства в Крыму со стороны казаков видим как в 1657, так и в 1659 гг. (см. главу 4). Они объясняются, несомненно, теми же причинами: в 1656 г. донские казаки потерпели беспрецедентное поражение под Азовом, а походы на море в 1659 г. были вызваны указами из Москвы и имели целью ускорить возвращение в Крым крымского хана, выступившего в поход против России. Жестокости же в Турции были, судя по всему, традиционны для казаков.

Что происходило во время ночных нападений казаков на прибрежные «бусурманские» селения, можно представить себе на примере эпизода, передаваемого Эвлией Челеби. Последний сообщает о нападении донских казаков (около 1652 г.) на городок Балчик (западное побережье Черного моря). Согласно рассказу Эвлии, казаки высадились на берег сразу после полуночи, подожгли селение с четырех сторон и в свете пожаров приступили к его разграблению. Грабежу сопутствовали выкрики казаками своего боевого клича и паника среди населения.¹⁵⁹ Подобные ситуации на территории Турции часто сопровождались, по видимому, вооруженным избиением местных жителей и захватом в полон тех, кто был пригоден для последующей продажи или отдачи на выкуп. Важно при этом отметить, как это делает В. Н. Королев, что значительная роль при казачьих набегах придавалась психологическому воздействию на турок. Иначе трудно объяснить, в частности, прослеживающееся в источниках стремление донских казаков грабить и жечь селения поблизости от турецкой столицы – ведь приобрести добычу можно было и не в столь отдаленном от Дона районе.¹⁶⁰

Приведем еще несколько фактов проявления казаками жестокости. В частности, в ноябре 1637 г. в захваченный казаками Азов приезжала группа «темрюцких черкас» для торговли и отогнала при своем отбытии у казаков лошадей. Когда же вскоре после этого к казакам вновь приехала «с торгом» большая группа «черкас», казаки их «побили всех», т. е. всех до одного перебили.¹⁶¹ Похожее известие

¹⁵⁹ См.: Королев В. Н. Босфорская война. С. 567.

¹⁶⁰ Там же. С. 571–572.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1637 г., № 1. Л. 162. Еще одно свидетельство об этом же событии см.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. № 105. Л. 85. Число перебитых черкас, согласно источнику, было около 70 человек.

имеется и по Тереку. Так, в конце 1650-х гг. гребенские казаки, заманив к себе 30 человек калмыцких «гулебщиков», напоили их, после чего «пьяных побили всех до смерти». ¹⁶² Причина расправы в данном случае, впрочем, неясна. Жестокость отличала действия казаков и в других случаях. Например, в документах можно встретить известия об уничтожении казаками экипажей турецких судов, если они попадали в руки казаков (не исключено при этом, что турецкие моряки не представляли ценности в качестве «полона»). Так, в 1651 г. были уничтожены («побиты») экипажи трех захваченных казаками в Черном море торговых кораблей, шедших в Стамбул с грузом пшеницы и орехов (всего при этом погибли 70 турецких моряков). ¹⁶³ Случай этот далеко не единственный.

Как уже сказано, казачья жестокость носила, безусловно, характер самозащиты. Страх перед жестоким (но при этом обязательно боеспособным) врагом обычно парализовал волю противной стороны к сопротивлению. На этот счет есть прямое высказывание азовского «языка», в 1664 г. захваченного калмыками и затем доставленного в Москву. Пленник, в частности, показывал, что после ряда набегов калмыков на Азов летом этого года азовцы не выйдут с ними на бой даже в случае значительного численного превосходства над первыми, «потому что калмыцкие де люди, как емлют их (азовцев. — О. К.) в полон, и они де их рубят, а в живых не держат». ¹⁶⁴ Таким образом, ореол жестокости давал дополнительные шансы на боевой успех, и данная ситуация — причем, по-видимому, вполне сознательно — использовалась казаками. Об этом говорит тот факт, что турецких воинов, отправляемых против казаков, приходилось иногда палками загонять на каторги — настолько велик в Турции был страх перед последними; в результате казаки несли меньшие потери. Следует, впрочем, отметить, что жестокость для степи была нормой, и для степных жителей она была естественна, не представляя, в общем, чего-то из ряда вон выходящего.

Однако суровость была характерна и для отношений внутри самих казаков, что касается прежде всего казачьего «войскового права». Н. А. Мининков в книге «Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)», рассматривая на основе опубликованного

¹⁶² РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1662 г., № 2. Л. 14.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 158.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1664 г., № 10. Л. 4.

материала сферу применения смертной казни у казаков, на ряде примеров показывает, что войсковое право было весьма жестоким; смертную казнь оно предусматривало довольно часто.¹⁶⁵ Нам хотелось бы дополнить данное наблюдение на основе малоизвестного материала. Так, согласно расспросным речам в г. Усмани (от 1658 г.) И. Горконского, «черкашенина» из этого города, бежавшего в Азов с Дона и принявшего ислам, донские казаки «казнят без пощады».¹⁶⁶ Бывало, последнее служило причиной бегства («переездов») провинившихся на Дону казаков в Азов. Вот пример измены Дениса Киреева, родом из Воронежа, прожившего на Дону к моменту измены 17 лет. В расспросе от декабря 1654 г., будучи задержанным по «извету» донских казаков в своем родном городе, он показал перед воеводой следующее. Однажды группа казаков во время перемирия с Азовом захватила на море «комягу», порубив на ней греков, но по возвращении казаков в Войско по жалобе азовцев «про то де (в Войске. – О. К.) учинился сыск». В результате Д. Киреев, «убоявся смерти», бежал в Азов. Затем он с тремя такими же людьми «из Озова выехал к Смоленску», где с отрядом донских казаков атамана В. Уса участвовал в боевых действиях в составе русских войск против Польши, потом приехал в Воронеж и был опознан донской станицей, возвращавшейся на Дон из Москвы.¹⁶⁷ (Дальнейшая его судьба неизвестна.) В 1644 г. в Черкасском городке были казнены 2 запорожских казака за участие в грабежах торговых караванов на верхнем Дону.¹⁶⁸ Предусматривалась казачьим «войсковым правом» также смертная казнь за кражу. Думается, впрочем, что при всеобщей вооруженности и огрубении нравов на Дону, вызванных условиями военного образа жизни, именно подобная суровость и могла гарантировать порядок и безопасность в казачьей среде.

Надо отметить, что на Дону под защитой казачьего права находились не только казаки, но и приезжавшие сюда люди. Так, от февраля 1660 г. имеется поданная в Москве челобитная боярина В. И. Стрешнева с известием, что последний в 1658/59 г. посылал в Астрахань

¹⁶⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 257, 259–266.

¹⁶⁶ См.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. № 400. Л. 166.

¹⁶⁷ Там же. № 401. Л. 59.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1643 г., № 1-а. Л. 306–307.

«для всяких дел и для покупок» своего приказчика Т. Серкова, который был отпущен воеводой обратно в Москву с людьми грузинского царевича. Во время пути по Волге приказчик, однако, «не доехав до Царицына и уведав на Волге (про. — *О. К.*) воровских людей» (речь идет о «воровских» донских казаках), «поворотил на Дон» и приехал «в Войско» со всею «рухлядишкою» своего господина. В. И. Стрешнев просил отправить на Дон государеву грамоту, чтобы донские казаки Т. Серкова с имуществом боярина отправили к Москве, «как станут отпущать вверх на Воронеж» торговых людей — речь идет об отправке Т. Серкова «в Русь» с «ведаемыми (т. е. не «лихими». — *О. К.*) людьми»; подобная грамота была составлена.¹⁶⁹ Таким образом, имущество боярина получило защиту от «воровских казаков» у казаков же на Дону. Еще один интересный случай. В 1651 г. стрелецкий голова Бельского городка М. Останин с подговоренными им к побегу на Дон людьми «верились образом» (покаялись перед иконой), что им в степи «меж де себя друг на друга никакова дурна не учинить».¹⁷⁰ Речь идет, безусловно, о том, что до прибытия в казачьи городки беглецы оказывались вне действия правового поля, после же приезда к казакам М. Останин «с товарищи» попадали уже под защиту казачьего права.

Рассмотрев проблемы, касающиеся экономического положения, а также черты социального и отчасти — психологического облика донского казачества, перейдем к вопросу о самосознании донских казаков. Основными источниками здесь служат войсковые отписки в Москву и воеводам южнорусских городов, расспросные речи казаков в Москве, а кроме того, войсковые грамоты, посылавшиеся вверх по реке из донского центра. Интересные сведения по данному вопросу содержат также отписки и расспросные речи посылавшихся на Дон служилых людей, в которых зачастую отражены бытовые реалии казачьей жизни.

Прежде всего обращает на себя внимание, что свое пребывание и деятельность на Дону казаки воспринимали как службу великому государю. Об этом говорит уже неоднократно приводившийся формуляр войсковых отписок в Москву, в которых казаки неизменно именуют себя «государевыми холопями», т. е., собственно, служилыми людьми. Данная ситуация была вызвана тем обстоятельством, что казачьи военные предприятия были в основном направлены (если не

¹⁶⁹ Донские дела. Кн. 5. Стб. 647–650.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбы Приказного стола. № 194. Л. 254.

считать «воровских походов» на Волгу и Каспийское море) против татар и турок, т. е. заклятых врагов Русского государства, приносивших неисчислимые беды русскому и прежде всего, конечно, «украинному» населению: татары своими набегами, а турки в первую очередь скупкой русского «полона», а также военной и политической поддержкой Крымского ханства. Это обстоятельство очень хорошо осознавалось казаками, считавшими освобождение русских пленников из «бусурманской» неволи своей первейшей обязанностью. Более того, набеги казаков на татар и турок рассматривались ими как своего рода месть за набеги на русские земли и торговлю русскими пленниками, а сами казаки осознавали себя частью православного мира, противостоящего «злохищенным» мусульманам.¹⁷¹

Наиболее ярко эти черты казачьего самосознания отражены в войсковой отписке в Москву от декабря 1637 г., излагающей мотивы похода на Азов в этом году. Так, казаки писали, что в поход под Азов они пошли «с великие скорби», «помня свое крещение <...> и свою истинную православную крестьянскую веру». В частности, авторы отписки указывали, что из Азова чинилась «пакость великая» украинным городам и весям, разорение «святым Божиим церквам», а также пролитие «невинной крестьянской крови». Особое же негодование казаков вызывало то, что «азовские люди» (они именуются «злохищенными волками бусурманские веры агаренского исчадия поганского языка»¹⁷²) «искони поругались <...> истинной православной крестьянской вере, и за море отец (отцов. — *О. К.*), и братию, и сестер наших продавали на каторги, и коробли тем руским полоном в Турскую землю грузили». Лишь затем казаки говорят о набегах азовцев под их собственные городки и «великих скорбях и неволях», которые причинялись попавшим в плен казакам. В целом, заключают казаки, они пошли под Азов за «веру крестьянскую, и за <...> государя <...> и за единокровных братию свою хотя померети».¹⁷³ (Все-го, согласно отписке от декабря 1637 г., в Азове было освобождено около 2 тысяч русских «полоняников».¹⁷⁴)

¹⁷¹ Так, турки и татары нередко именуются в казачьих отписках в Москву «исконными государевыми неприятелями».

¹⁷² «Бусурманские веры» — бусурманской (мусульманской) веры, «поганский язык» — языческий народ.

¹⁷³ Донские дела. Кн. I. Стб. 636–637.

¹⁷⁴ Там же. Стб. 640.

Те же слова о защите православного населения встречаем и в расспросных речах атамана Потапа Петрова с казаками, присланными в Москву сразу же после взятия Азова. Те также показывали, что казаки пошли под Азов, «видев (видя. – *О. К.*) православных хрестьян <...> росхищенье (речь идет о захвате православного населения в плен во время набегов. – *О. К.*) – отцов своих, и матерей, и сестер единоутробных, и слышав от них плачи, и мученья, и неволи великие, и поболее сердцами своими, азовцом болши того терпеть не уча-ли» и «за помощью Божию Азов взяли и азовцов всех за их неправды побили». ¹⁷⁵

Конечно, в значительной степени все эти патриотические слова были вызваны стремлением загладить вину после этого не санкционированного Москвой и шедшего в разрез с внешнеполитической линией Русского государства военного предприятия. Так, поход под Азов был вызван, безусловно, помимо перечисленных выше соображений, также чисто казачьими потребностями – возможностью захвата богатой добычи и жаждой военной славы, но для казаков, конечно, не было смысла заострять на этом внимание. Однако беды южнорусского населения также не могли восприниматься казаками равнодушно. Дело в том, что захват татарами пленников, их раздел между участниками набега и последующая продажа в рабство сопровождалась, по свидетельству современника, французского инженера на польской службе Г. Л. де Боплана, целым рядом «неисстовств» – разлучением семей, изнасилованиями, обрезанием детей на глазах у родителей («обусурманиванием») и пр., ¹⁷⁶ что не могло не вызывать закономерных гнева и ярости со стороны в массе своей православного населения Дона. Более того, на фоне зачастую безнаказанных набегов крымских татар на русские земли походы донских казаков на «бусурман» должны были неизбежно восприниматься как своего рода месть за страдания православного населения, причем истинные цели этих походов были в данном случае не так уж и важны. Таким образом, донские казаки оказывались своего рода народными мстителями и, так сказать, форпостом в противостоянии с «бусурманами».

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 306–307. Слова об отцах и матерях, а также «сестрах единоутробных» еще раз свидетельствуют о многочисленных родственных связях донских казаков с южнорусским населением.

¹⁷⁶ Боплан. Описание Украины. СПб., 1832. С. 52.

Что это было именно так, говорят постоянные заявления казаков в войсковых отписках о своем стремлении сложить головы «за веру». Так было перед началом осады Азова турками и татарами в 1641 г., так было и позднее. По словам автора Исторической повести о взятии Азова, казаки перед решающим штурмом города, готовясь к возможной гибели во время боя, «восприяху у священников <...> покойание» и, плача, прощались друг с другом, говоря: «Помрем, братие, за святых Божии церкви, и за святую истинную нашу православную христианскую веру».¹⁷⁷ Поскольку в рассматриваемую эпоху слова «стоять (биться) за веру» (когда речь шла о военных действиях) при переводе на современный лад означали «служить Отечеству», то патриотические настроения казачьей массы не подлежат сомнению.

Еще одна характерная черта самосознания и политической идеологии донских казаков, свойственная и русскому населению в целом, – это непрекращаемый авторитет великого государя. Фактически не входя в состав Русского государства и не подчиняясь его законам, казаки тем не менее считали себя государевыми слугами, гордились этим обстоятельством и всегда готовы были демонстрировать свою преданность русскому монарху. Вот лишь несколько подобных примеров.

Посланный к казакам в 1635 г. с государевым жалованием воронежец В. Струков писал в своем статейном списке следующее. На Дон он прибыл 25 апреля и «государевы грамоты подал <...> атаманом и козаком (т. е. Войску. – О. К.) тово ж числа». При этом «отаманы и козаки государевы грамоты приняли с великою честью, поднесли на голову войсковой отаман Иван Каторжный, и государеву печать целовали» (судя по характеру высказывания, данные действия были проделаны войсковым атаманом), после чего эти грамоты «велели войсковому диаку в кругу честь всем вслух».¹⁷⁸ В войсковых отписках, направлявшихся по разным вопросам воеводам южных городов, казаки неизменно указывают на свое подданство великому государю. Вот характерный пример: «Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца на Царев город воеводе Афонасию Федоровичю Норову его ж царского величества

¹⁷⁷ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 59.

¹⁷⁸ Донские дела. Кн. 2. Стб. 739–740.

донские атаманы и казаки Осип Петров и все Войско Донское челом бьют». ¹⁷⁹

При различных прошениях отдельных донских казаков в войсковом кругу считалось, что прошения их приносятся на имя великого государя. Так, в той же отписке воеводе г. Царева-Борисова А. Норову говорится, что 28 сентября 1662 г. «били челом великому государю» в войсковом кругу два донских казака – Г. Филиппов и М. Абрамов, сообщив «всеу Войску Донскому» о своем обещании съездить на молитву в Курск и Святогорский монастырь. Эти казаки просили, чтобы «великий государь пожаловал, велел их отпустить по обещанию их». В результате, говорится в войсковой отписке, «мы, все Войско Донское, тех казаков (с Дона для молитвы. – *О. К.*) отпустили». ¹⁸⁰ (Данный документ являлся для русских властей чем-то вроде проезжей памяти.) Пример этот типичен. Как видим, Войско, принимая решение, действует в данном случае как местная власть, от имени государя – такой же порядок существовал в то время и «на Руси».

Вот еще один пример такого рода. В конце лета 1649 г. присланному ранее на Дон с отрядом «солдат» воеводе А. Лазореву пришел из Москвы указ возвращаться обратно в Россию. Как писали казаки в войсковой отписке, сообщавшей об отъезде А. Лазорева с Дона, перед своим отбытием последний в казачьем кругу «бил челом государю», а Войску говорил, «чтоб <...> великий государь царь его пожаловал, велел ему дать провожатова, с кем ему через степь итить (ехать. – *О. К.*) <...> к Москве». При этом казаки «по <...> государеву <...> указу» велели проводить А. Лазорева до Валуек донскому казаку К. Васильеву (речь идет, безусловно, о назначении вожа). ¹⁸¹

Перечисленные выше обстоятельства позволяют, на наш взгляд, понять и тот смысл, который в рассматриваемую эпоху вкладывался в понятие «казачья служба». Дело в том, что выражение «служить казачью службу» довольно часто встречается в челобитных донских казаков, подававшихся ими по разным поводам в Москве. Так, донской атаман О. Лосев в своей челобитной, поданной в 1644 г., писал, что он «на Дону служил <...> государю тритцать лет». Среди своих «служб» великому государю он в первую очередь упоминает

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). 1663 г., № 1. Л. 1. (Войсковая отписка воеводе г. Царева-Борисова от сентября 1662 г.)

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Донские дела. Кн. 4. Стб. 247.

«погромы» татар на путях их набегов «в Русь» и освобождение русского полона, а затем неопределенно указывает, что «будучи на Поле», «везде тут <...> [с] своею братьею (т. е. казаками. – О. К.) <...> государю служил». Из этих служб он приводит лишь азовские события 1637–1642 гг. Чаще, впрочем, в челобитных просто говорится, что тот или иной донской казак «служил <...> на Дону <...> государеву казачью службу». ¹⁸² Столь же неопределенно о казачьей службе говорится зачастую и в войсковых челобитных. Так, в ноябре 1658 г. казаки писали в Москву, что они служат «всякие <...> государевы великия и нужные кровопролитные службы». В частности, быются «с государевыми неприятельми – с турки и с татары <...> не щедя голов своих», а также «раны и увечья» принимают и «ясырство» терпят (попадают в плен). ¹⁸³

На наш взгляд, любые действия в степи, направленные против татар и турок, а также выполнение разного рода указов из Москвы осознавались казаками как служба великому государю. В частности, отправленный в 1646 г. на Дон воронежский сын боярский Т. Кочапин показывал позднее в расспросе, что при нем «у казаков был круг о том, чтоб им добыть языков азовских». Для этого «кликали в кругу охочих людей, кто де похочет *послужить государю*», отправившись в поход (курсив наш). ¹⁸⁴ При этом казаков зачастую мог не беспокоить тот факт, что некоторые из их походов против «бусурман» противоречат внешней политике Москвы и идут вразрез с государевыми указами, присланными на Дон, и из-за казачьих набегов и «задоров» с турками и крымцами «на Руси», как принято было выражаться в то время, «многие текут крови христианские». ¹⁸⁵ (Набеги казаков нередко использовались татарами в качестве предлога для нападений на русские земли.) Например, в том же 1646 г. походы под Азов были запрещены казакам.

Однако возникает вопрос: не являются ли слова о службе казаков вере и государю лишь шаблонными фразами приказной терминологии? Можно ли с уверенностью сказать, что приведенные

¹⁸² См., например: РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1650 г., № 1. Л. 43, 50. (Челобитные в Москве вернувшихся из турецкого плена нескольких донских казаков.)

¹⁸³ Донские дела. Кн. 5. Стб. 564. «Нужные» службы – связанные с тяготами и лишениями.

¹⁸⁴ Там же. Кн. 3. Стб. 70.

¹⁸⁵ См.: Там же. Кн. 4. Стб. 241. (Отписка с Дона воеводы А. Лазорева от августа 1649 г.)

выше формулировки всерьез воспринимались и в казачьей среде? Думается, на этот вопрос следует ответить положительно. Как уже упоминалось, до настоящего времени дошли две войсковые грамоты внутридонского характера от 1638 г. Они были посланы с целью созыва «в Войско» казаков из городков для обороны Азова от турецко-татарского войска. При этом грамота призывает «верховых атаманов и казаков» биться («стоять») против неприятеля «за дом Ивана Предотека и за истинную непорочную крестьянскую веру». Необходимость обороны города аргументируется также тем, чтобы «государскому имени в ыных землях поношенья не было», а сами бы казаки не потеряли «своей атаманской и молодецкой славы».¹⁸⁶ Призывы эти повторены в грамоте дважды и явно рассчитаны на патриотические чувства казаков. Дело в том, что в Азове, по-видимому, были не совсем уверены в безоговорочном выполнении казаками из городков требования «Войска», несмотря на угрозы наложения «войсковой пени». Так, присланный в Москву с войсковой отпиской в августе 1638 г. атаман Осип Лосев показывал во время расспроса, что в связи с движением турецко-татарских войск к Азову оттуда «в верхние де городки к атаманом и казаком <...> посылают почасту, чтоб они шли в Азов в осаду; а пойдут ли они в Азов в осаду, или нет, того он не ведает».¹⁸⁷ Думается, безотказность механизма сбора казаков с «реки» в Войско все-таки не следует преувеличивать. Поэтому эмоциональные призывы, окрашенные в религиозно-патриотические тона, в данном случае вполне естественны.

Ту же ситуацию видим и в «грамотке», отправленной вверх по Дону собравшимися в Черкасском городке во время осады Азова казаками. Так, сообщая об «оплошно» живущих под Азовом татарах, находящиеся в Черкасском городке казаки (себя они именуют «атаманами и молодцами черкасскими, маньтцкими и бесергеновскими») призывали верховых казаков, которые «захотят постоять за дом Пречистые Богородицы, и за московских чудотворцов, и за государское (государево. — О. К.) многолетнее здоровье», идти к ним «в Черкасской», чтобы из этого городка, прося милости у Бога и «у Пречистой Его Матери» над врагом «промышлять, заодно в походы ходить» (июль 1641 г.).¹⁸⁸

¹⁸⁶ Там же. Кн. 1. Стб. 810. «За дом Ивана Предотека» — в Азове находился храм Иоанна Предтечи.

¹⁸⁷ Там же. Стб. 831.

¹⁸⁸ Там же. Кн. 2. Стб. 249–250.

Как видим, религиозно-патриотическая фразеология широко использовалась и на Дону. Причем призывы стоять «за веру и государя» дополняются лозунгом отстаивания и укрепления «казачьей славы» – данное выражение обозначает что-то вроде коллективного воинского достоинства донских казаков. Характерно при этом, что во втором случае под «службой» православной вере и великому государю подразумеваются прежде всего походы за добычей на крымских татар, «оплошно» перегоняющих небольшими отрядами по 5–20 человек крупные табуны лошадей из Крыма под Азов.¹⁸⁹

Москвой под «службой» казаков, насколько можно судить, понималось в первую очередь выполнение ими государевых указов, а также те их военные действия, которые соответствовали интересам Русского государства. При этом «службой» могло быть не только действие, но и бездействие. Так, во время выговора в Москве присланным с Дона в октябре 1625 г. атаману А. Старому с казаками было прямо сказано: «...и о том к ним (казакам. – *О. К.*) писано не единова (не раз. – *О. К.*), и дворяне к ним на Дон посылаемы, чтоб атаманы и казаки ему, государю, служили и прямили, и для государева повеленья на море не ходили <...> и задору никоторого турским и крымским людем не чинили».¹⁹⁰ В августе 1644 г. дворянин Ф. Алябьев, присланный на Дон для встречи следовавшего из Турции в Россию турецкого посла, характеризовал военно-политическую ситуацию в низовьях этой реки в своей отписке в Москву. При этом он отмечал, что, несмотря на разгром в мае 1643 г., когда казаки были сбиты с низовьев Дона, ныне они «поселились в старом месте в Черкасском (т. е. вернулись «на низ». – *О. К.*) и укрепились лутчи прежнева <...> и людно их стало по-старому, и <...> *государю служат*» (курсив наш).¹⁹¹ В последней фразе речь идет, безусловно, о готовности казаков выполнять различные государевы поручения и указы – в данном случае последние были связаны, в частности, с приемом на Дон турецкого посла.

Думается, однако, что основная часть боевых действий казаков в рассматриваемый период также, судя по всему, воспринималась в Москве как «служба» великому государю (после событий Азовской эпопеи 1637–1642 гг. на «самовольные» казачьи походы старались

¹⁸⁹ Там же. Стб. 250.

¹⁹⁰ Там же. Кн. 1. Стб. 240.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1644 г., № 1. Л. 24–25.

по возможности закрывать глаза), поэтому казаки с полным правом могли считать, что они несут на Дону «государеву службу». Данная ситуация была связана прежде всего со следующим обстоятельством. О трудностях и опасности жизни на Дону уже говорилось выше, однако удержание этой территории в руках православных, под контролем (пусть в значительной степени и номинальным) русского государства было для России стратегической необходимостью. Населенный казаками Дон был не только, как уже говорилось, своего рода плацдармом русского населения в степях, но и раскалывал татарский мир надвое, в результате чего одна из частей этого мира (и, в частности, Большая Ногайская орда) вынуждена была удерживаться в русском подданстве. Об этом прямо писал, например, Г. Котошихин: «а ежели б <...> не они, донские казаки – не укрепились бы, и не были б в подданстве давно за московским царем Казанское и Астраханское царствы з городами, и з землями». ¹⁹² Помимо того, пребывание казаков на Дону ослабляло татарские набеги на русские территории. Конечно, донское казачество было не в состоянии пресечь эти набеги вовсе, но оно затрудняло их и делало более опасными для неприятеля. Все это очень хорошо осознавалось самими донскими казаками.

Так, жилец И. Кузовлев, возвращавшийся осенью 1649 г. в составе русского посольства из Турции и до Валук ехавший вместе с посланной с Дона в Москву казачьей станицей, показывал затем в расспросе следующее. В время пути с Дона донские станичники, обсуждая между собой тяжелое на тот момент военное положение казачьего сообщества, говорили между собой, что без присылки к ним на помощь государевых «ратных людей» «им (казакам. – *О. К.*) будет худо». «А только де река Дон запустеет, – продолжали далее донские станичники, – и государевым украинным городом от крымских людей и от азовцов будет разоренье большое». ¹⁹³ Поэтому казаки очень болезненно воспринимали то обстоятельство, что в дипломатической переписке с Крымом и Турцией Москва, отказываясь нести ответственность за набеги казаков на татар и турок, именovala их «ворами». В частности, когда зимой 1642/43 г. в руки казаков попали русские грамоты в Турцию, привезенные на Дон несколькими запорожскими казаками после ограбления следовавших в Крым русско-го и турецкого послов, И. Каторжный на атаманской сходке говорил:

¹⁹² Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 135.

¹⁹³ Донские дела. Кн. 4. Стб. 281.

«всегда де про нас пишут, называют ворами, а службы де» казаков к государю «много». Атаман предлагал не отсылать в Москву эти грамоты.¹⁹⁴ После обороны казаками Азова данные слова должны были вызывать особую обиду.

Однако уже летом 1643 г. тот же И. Каторжный (на тот момент он являлся войсковым атаманом) предлагал, в связи с сильным натиском на Дон турок и татар и в случае разгрома ушедших в поход на море казаков («будет с моря придут немногие люди»), покинуть Дон и «перейти <...> на иное место» – в частности, на р. Яик. При этом, размышлял он, необходимо уничтожить городок, который «поставлен <...> на устье Яицком» (Яицкий городок, он же Гурьев), что позволит казакам «жить на Яике, и на море (Каспийское. – О. К.) ходить».¹⁹⁵ Любопытно, что подобные разговоры велись в Войске в то время, когда выражение «азовский сиделец» означало «на Руси» человека, совершившего подвиг во имя православной веры и великого государя, а павшие в ходе обороны Азова казаки поминались во время церковных служб в Москве.¹⁹⁶ Характерно, что упомянутые известия были восприняты в Москве вполне серьезно, и с целью не допустить перехода донских казаков на Волгу и Яик «для воровства» планировались меры военного характера.¹⁹⁷

В целом угроза для Москвы ухода казаков с Дона (пусть и номинальная) оставалась на протяжении второй трети XVII в., и во время конфликтных ситуаций с Москвой казаки не раз использовали данную ситуацию для шантажа Москвы. Наиболее яркий пример такого рода имеется от 1637 г., когда казаки, опасаясь резкой реакции Москвы на не санкционированное ею взятие ими Азова, прямо заявляли, что в этом случае они оставят Дон, а сами уйдут «на реку на Дарью».¹⁹⁸ Конечно, уход казаков вдаль от границ Русского государства

¹⁹⁴ Акты исторические... М., 1841. Т. 3. С. 476. (Из расспросных речей в Воронеже донского станичного атамана Т. Корякина.)

¹⁹⁵ Там же. С. 477. Как следует из слов И. Каторжного, эти замыслы были вызваны не отношением Москвы к казакам, а тяжелыми военными условиями, в которых оказалось донское казачество после обороны Азова в связи с понесенными в ходе «осадного сидения» потерями.

¹⁹⁶ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 311.

¹⁹⁷ Акты исторические... Т. 3. С. 477.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1637 г., № 1. Л. 361. (Статейный список присланного в этом году на Дон с жалованием дворянина С. Чирикова.)

мог произойти лишь в крайнем случае, но все-таки он был, думается, вполне возможен. Этим путем позднее пошли и донские казаки-старообрядцы конца XVII в., и участники восстания К. Булавина в 1708 г. Самое опасное для Москвы при таком повороте событий, помимо оголения подступов к южной границе России, было также то, что казаки неизбежно выходили в этом случае из-под политического контроля Русского государства и легко могли бы попасть под влияние кочевников, как впоследствии произошло с ушедшими в 1708 г. на Кубань донскими казаками-некрасовцами. От середины XVII в. источники донесли до нас еще один подобный эпизод.

Вышедший в 1650 г. из калмыцкого плена в Царицын терско-гребенской казак К. Малафеев показывал в расспросе, что во время его пребывания в калмыцких улусах туда пришли 150 казаков во главе с атаманом Иваном Кондыревым, которые ходили с Яика в «воровской» поход на Каспийское море в Персию («на кизелбашские города»). При этом казаки, опасаясь преследований, «не смели» идти ни на Дон, ни на Яик, ни в Россию («государевы города»). В результате калмыцкий тайша (князь) Дайчин предоставил в их распоряжение лошадей, коров и овец (вероятно, в обмен на награбленную в Персии добычу), «и учили де они (казаки. – О. К.) с калмыки вместе кочевать», – сообщал К. Малафеев.¹⁹⁹ Любопытно, что калмыки находились в то время во враждебных отношениях с Русским государством, и когда в том же 1650 г. они «приходили» войной под Астрахань и «з государевыми людьми билися», И. Кондырев «с товарищи» также участвовали в этом набеге вместе с калмыками. В итоге к донским казакам из Москвы была срочно послана грамота с требованием «перезывать» казаков И. Кондырева на Дон и уведомлением о прощении государем их «вин».²⁰⁰ Данный эпизод объясняет, почему Москва во время политических конфликтов с казаками зачастую шла на уступки им и предпочитала, как правило, удовлетворять их требования, нежели идти на противостояние.

Однако сознание своей принадлежности к православному миру, к Русскому государству казаки зачастую не теряли даже во время военных предприятий, прямо направленных против России и ее населения. Это относится, в частности, к знаменитым «воровским» походам казаков на Волгу с целью грабежа русских торговых караванов.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). 1650 г., № 1. Л. 185.

²⁰⁰ Донские дела. Кн. 4. Стб. 495–496, 447.

Вот несколько подобных примеров. Весной 1659 г. сын боярский из г. Царицына Герасим Быков, приехавший в этот город с государевыми грамотами из Москвы, показывал в расспросе следующее. Когда он ехал вниз по Волге, на пути «об урочище о Дубовом острове» ему встретились «воровские казаки» с Дона, которые хотели его «розгромить» (огрابتь). Однако когда сын боярский сообщил казакам, что «едет он, Гарасим, на Царицын и в Астрахань с <...> великого государя грамоты наскоро (т. е. спешно. — *О. К.*)», казаки «ево де, Гарасима, для того (из-за этого. — *О. К.*) и не громили, пропустили мимо того урочища»,²⁰¹ хотя вскоре ими же было разгромлено несколько торговых караванов, причем грабежи сопровождалась и убийствами. Любопытно, однако, что в большинстве случаев казаки лишь грабили свои жертвы, сохраняя им жизнь и отпуская их. Так, в одной из отписок астраханских воевод в Москву от 1638 г. сообщалось, что на один из рыболовецких станов в низовьях Волги в октябре этого года «приезжали <...> в дву лотках пятнатцать человек воровских казаков», которые «на стану работников переграбили», после чего и «съехали с стану». Об убийствах ничего не сообщается, хотя в числе «воровских казаков» были и новокрещенные татары.²⁰² В целом следует отметить, что убийства со стороны казаков во время подобных грабежей встречались не очень часто и в большинстве случаев были, по-видимому, результатом вооруженных столкновений в ходе казачьих нападений, как, например, во время нападения на караван судов, шедших в том же 1638 г. по Каспийскому морю из Астрахани на Терек.²⁰³

Однако совсем по-иному ситуация складывалась в тех случаях, когда «воровские казаки» нападали на Волге не на русских, а на «бурсурман», пусть даже и находившихся в русском подданстве. Так, отряд казаков, отпустивший сына боярского Г. Быкова, в том же 1659 г. напал на два струга с горскими черкасами, узденями Казбулат-мурзы Черкасского, являвшегося вассалом русского государя, ехавшими в Астрахань из Москвы. В ходе боя с «черкасами» (горцами) и сопровождавшими их русскими служилыми людьми казаки сломили сопротивление противника (бой продолжался «долгое время») и, захватив струги, «тех черкас всех порубили, а животы (т. е. их

²⁰¹ Там же. Кн. 5. Стб. 462–463.

²⁰² РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1638 г., № 1. Л. 72.

²⁰³ Там же. Л. 49–50.

имущество. – О. К.) поимали». Русские, вероятно, были отпущены – об их гибели ничего не говорится.²⁰⁴ Таким образом, даже поставившие себя своими действиями на Волге вне закона казаки, которым в случае их поимки грозила смертная казнь, не теряли сознания своей принадлежности к русскому населению. Эту черту, на наш взгляд, следует считать одной из основных в психологии казаков, хотя, думается, сплошь и рядом в первую очередь выгода – и прежде всего материальная, а не политические идеалы – руководила их действиями. Однако именно казачья «служба» была причиной относительно мягкого отношения властей к бегству в степь и признания казаков со стороны Москвы как особой группы своих подданных, включая довольно устойчивые на тот момент их особые политические и социальные права.

---

²⁰⁴ Донские дела. Кн. 5. Стб. 534–535. (Отписка в Москву саратовского воеводы Д. Хитрово о грабежах «воровских казаков» на Волге.) Уздени – служилые люди горских владетелей на Кавказе.

Заключение

Не пересказывая основных выводов глав работы, хотелось бы в Заключении остановиться прежде всего на двух важных моментах. Первое – это вопрос об этнической идентичности донского казачества, второе – итог взаимоотношений Дона и Москвы накануне вступления С. Разина.

Проблема этнической идентичности донских казаков, поднимавшаяся еще до революции 1917 г., сегодня достаточно остро стоит в отечественной историографии и общественном сознании. В последнее время данный вопрос был поднят американским исследователем Б. Боуком, который рассмотрел его сквозь призму концепции фронта. Одно из основных положений этой концепции, достаточно широко применяющейся в современной исторической науке, состоит в следующем. В регионах, находящихся на стыке двух или нескольких культурных миров, ведущих между собой борьбу при отсутствии четко установленных границ между этими мирами, зачастую возникают процессы складывания сообществ людей, представляющих собой качественно новые этносоциальные образования.¹ К таковым сообществам Б. Боук относит и раннее донское казачество, отмечая у него ряд характерных для подобных сообществ признаков. При этом, касаясь вопроса о полиэтничности казачества, исследователь пишет: границы идентичности донских казаков как категории людей, возникшей в особых условиях фронта, «были довольно зыбкие, и не вполне ясно, насколько они совпадали с русской идентичностью». Так, отмечает Б. Боук, «уже к концу семнадцатого века можно говорить о появлении каких-то признаков донской казачьей этнической идентичности», например, упоминание в документах «природных казаков», казачьи ограничения на вступление в их ряды и др.²

¹ Боук Б. М. Фронт или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции. Краснодар, 2001. С. 147–150.

² Там же. С. 150–155.

С одной стороны, приведенные в нашей работе материалы укладываются в рамки указанной концепции. Это возникновение и пребывание донского казачества в районе, где славянские, тюркские и кавказские народы вступали в контакт друг с другом и где не было государственной власти, важная роль в жизни казаков непрямых методов обогащения, активная работоторговля, собственный политический организм, особенности культуры и военного дела, вобравшие в себя многие элементы степи, та же полиэтничность и пр. С другой стороны, относительно положения Б. Боука о зыбкости границ этнической идентичности донского казачества XVI–XVII вв. хотелось бы высказать некоторые замечания.

Надо отметить: с XVIII в. действительно видим свидетельства того, что казаки зачастую не считали себя русскими. Так, А. И. Ригельман отмечал тенденцию части современных ему донских казаков вести свое происхождение от горских народов,³ в этой же связи можно вспомнить и широко известный фрагмент диалога из книги М. А. Шолохова «Тихий Дон»:

«– Казаки от русских произошли. Знаешь про это?

– А я тебе говорю – казаки от казаков ведутся».

Между тем подобного противопоставления себя казаками жителям Русского государства по источникам второй трети XVII в. не прослеживается. И дело здесь, думается, не только в односторонности сообщений основной массы актовых материалов этого времени, ориентированных на представления тех, кто их будет читать, т. е. прежде всего представителей русской власти. Данный момент, конечно, следует учитывать, но он, на наш взгляд, не абсолютен. В условиях, когда само существование донского казачества не мыслилось без притока свежих сил из Русского государства, когда очень и очень значительное число донских казаков представляло собой или непосредственно сходцев «с Руси», или же детей таковых в первом поколении,⁴ иначе, думается, и не могло быть. В этом отношении неувидительны свидетельства источников казачьего происхождения, подобные следующим. Так, в Поэтической повести об азовском

³ Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 3.

⁴ В этом отношении см.: Венков А. В. Попытки московского правительства увеличить количество донских казаков в 40-е годы XVII века // Возникновение казачества и становление казачьей культуры: Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Дон, 1999. С. 23. (Автор констатирует факт массового обновления состава донского казачества выходцами из России во второй половине 1640-х гг.)

осадном сидении (написанном, как было отмечено в литературе, в казачьей среде и от имени всего казачества Дона⁵), осажденные в Азове казаки говорят посрамленным противникам, чтобы те общили «турскому царю», каково «приступить х казаку рускому».⁶ Очень показателен и фрагмент из казачьей войсковой челобитной от 1658 г., где живущие на Дону представители соседних народов авторами документа – донскими казаками прямо названы, в отличие от них самих, «переезщиками-иноземцами».⁷ На наш взгляд, очень сомнительно, что подобные фразы появились бы, не соответствуя они собственно казачьим представлениям. В связи с этим думается, что для периода второй трети XVII в. принципиально отмежевывать донских казаков от «русских людей» в отношении этнической идентичности нет оснований: если казак был русским по происхождению, то он, и будучи казаком, оставался «русским человеком». Точно так же, безусловно, смотрели на казаков и в России.⁸

Итак, исходя из материала, представленного в настоящей работе, полагаем, что казачество Дона, каким оно прослеживается в источниках второй трети XVII в., было результатом проникновения в дикие степи Поля прежде всего населения южного пограничья Русского государства. Приведенные документальные свидетельства позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о том, что южнорусская окраина и Дон представляли собой в рассматриваемое время две составные части более общего региона, начинавшегося от побережья

⁵ Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и азовском осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 175–176; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков. М., 1985. С. 88.

⁶ Воинские повести Древней Руси. С. 78. (Курсив наш. – О. К.)

⁷ См.: Донские дела. Пг., 1917. Кн. 5. Стб. 371–372.

⁸ Например, посланные из Москвы в 1640 г. к мурзам Большого Ногай через занятый в то время казаками Азов кн. Н. Белосельский и подьячий И. Хоненев писали затем в своем статейном списке, что с ними к ногайцам казаки «послали из Азова станицу свою – донских казаков всево только дву человек русских людей, да осматнать человек татар, которые с ними (казаками. – О. К.) живут на Дону» (РГАДА. Ф. 127. 1639 г., № 13. Л. 383–384. Ср. с л. 241. Курсив наш. – О. К.). Приведем также отрывок из документа, где именно «казака» (а не «сходца» из «Руси», как нередко говорится в подобных случаях в источниках) называют «русским человеком»: в 1648 г. астраханские воеводы писали в Москву, что, по донесению в Астрахань из Черного Яра, 4 марта 1648 г. стрельцы привели в этот город «с степи руского человека Пронку Иванова. И тот де Пронка в роспросе сказался, что он донской казак Клетцкого городка», был взят в плен на р. Чир азовскими татарами, а затем из плена бежал к Черному Яру (Там же. 1648 г., № 1. Л. 156–157. Курсив наш. – О. К.).

р. Оки и заканчивавшегося цепью городков донских казаков по Дону. При этом промысловая деятельность в степи жителей пограничных городов (так называемых «вотчинников») была очень сходна с хозяйственной деятельностью самих донских казаков. Не случайно на картах Г. Герритса и И. Массы (начало XVII в.) указана целая цепочка городков воронежских степных промысловиков, уходившая вниз по Дону вплоть до городков казачьих.

Основными занятиями ушедших из России на Дон людей были как «воинские» (военные), так и хозяйственные промыслы, причем эти две сферы деятельности тесно переплетались. Они приносили значительный доход, а нередко – и быстрое обогащение. Прежде всего с данным обстоятельством, а не только с социальным гнетом на «Руси», и был связан отток населения на Дон. Будучи в массе своей выходцами из России, казаки сохраняют сознание своей принадлежности к ней: донское казачье сообщество по своему мироощущению, зафиксированному как в казачьих войсковых отписках в Москву, так и в документах внутридонского характера, во второй трети XVII в. предстает перед нами в значительной мере как часть русского общества. Хотя значительную, по-видимому, часть населения Дона составляли так называемые «донские татары», однако сколько-нибудь серьезного влияния их на самосознание донских казаков источники не фиксируют. Более того, открытым на данной стадии изучения казачества Дона остается вопрос о том, можно ли считать «донских татар» собственно донскими казаками. Так, обращает на себя внимание тот факт, что в имеющихся в нашем распоряжении документах не встречаем отождествления терминов «донские татары» и «донские казаки», хотя теснейшее взаимодействие этих групп на Дону и не вызывает никакого сомнения.

Касаясь отношений Дона и Москвы в период от взятия казаками Азова до выступления С. Разина, следует заключить, что такие носили достаточно «мирный» характер и были вызваны как заинтересованностью сторон друг в друге, так и существовавшим в это время политическим равновесием между Русским государством и донскими казаками; результатом стало достижение компромисса между ними. В рассматриваемый период казачеству Дона удалось добиться от Москвы практически всего, в чем оно нуждалось: легализации торговых связей с южнорусским населением, регулярной присылки государева жалования, права беспошлинной торговли,

а также довольно мягкого отношения русской центральной власти к бежавшим на Дон людям. Это, в свою очередь, позволяло московскому правительству удерживать донское казачье сообщество под своим политическим влиянием, что приносило России ряд военных и политических выгод, ради которых в Москве мирились даже с традиционным «правом» казачества на прием и невыдачу беглых.⁹ Важно упомянуть, что Москва опиралась при этом и на религиозные чувства казаков, видевших в себе защитников православия на южных подступах к России.

В то же время следует подчеркнуть, что Русское государство и казачий Дон были социально противостоящими друг другу системами. Первое представляло собой служилую структуру, второй – мало контролируемую вольницу, что уже само по себе таило угрозу конфликтов. Тем не менее, как показывает наше исследование, противоположность этих двух систем в период 1637–1667 гг. не носила выраженного антагонистического характера. Выступление против государства значительной части донского казачества во главе со С. Разиным, которым заканчивается рассматриваемый временной промежуток, было вызвано не столько социальной рознью, не столько «классовыми противоречиями», как считалось в советской историографии, сколько внешними факторами, и прежде всего – перекрытием турками и татарами устья Дона в начале 1660-х гг. Последнее обстоятельство привело к вынужденному отказу донских казаков от морских походов и, как следствие, – к нарушению экономической и социальной стабильности в донском казачьем сообществе, к попыткам найти выход из создавшейся ситуации с помощью опасных для политического положения Дона военных предприятий, каковыми и являются, безусловно, походы С. Разина. Однако традиции тесного сотрудничества, заложенные в Москве и на Дону ранее, и особенно – в период второй трети XVII в., были уже необратимы и в значительной степени способствовали преодолению в московско-донских отношениях как последствий, связанных с выступлением С. Разина, так и последующих конфликтов. Проследить в деталях, как это происходило, – задача будущих исследований.

---

⁹ Старались закрывать в этот период глаза также на не санкционированные Москвой казачьи военные предприятия, в особенности морские походы.

Указатель имен

- Абаза К. К., историк 11
Абрамов Максим, донской казак 396
Абыз (Абызко) Токмамет, Шамаметев сын, перебежчик из Азова на Дон 155
Абызов Нуржувтуркей, донской татарин 164, 165
Агафонов А. И., историк 33
Агымов Эшкулай, донской татарин 165
Адил, крымский мурза 156
Адил-мурза Каракельмаметев, мурза Большой Ногайской орды 165
Азамат, крымский мурза из рода Мансуровых 359
Акимбет-мурза Аксаков, мурза Большой Ногайской орды 246, 281
Акинфов Иван, стольник, белгородский, тамбовский воевода 133, 134, 350, 351
Аксен, сын белгородского протопопа Парфения 63
Актамар (он же Иван), беглый холоп, татарин 129
Алей-мурза Ураков, казыевский мурза 299, 363
Александров В. А., историк 9, 28
Алексеев Василий, донской казак 100
Алексеев Семен, беглый человек 122
Алексеев Устин, донской станичный атаман 123, 329, 332
Алексеев Ю. Г., историк 46, 106
Алексей Михайлович, царь 46, 127, 137, 139, 268, 345, 395, 400
Аллабердеев Кинкиней, донской татарин 165
Алмазов Б. А., писатель 163
Алымов Прокофий, житель Курска 64
Алябьев Федор, дворянин 399
Амбаров Дмитрий, астраханский сын боярский 131, 285
Андреев Кузьма, донской казак 119
Андреев Меркул, брат елецкого воротника 68
Андреев Никита, казачий войсковой есаул 185
Андреев Яков, донской казак 259
Анисимов Никита Поликарпов сын, воронежец 75
Анисимов Поликарп, воронежец 74–75
Аничков Иван, елецкий воевода 131

- Анненков Григорий, донской казак 116
Антонов Торх, дьяк, русский посол в Грузию 341
Апухтин Семен, русский посол в Турцию 266, 267
Аристов Афанасий, служилый человек 202
Арсеньев Федор, воронежский воевода 128
Арсланбек-мурза Каспулатов, казыевский мурза 163, 168
Артемьев Онуфрий см. Ливенец Онуфрий
Арумбетова (Урмаметева) половина см. Урмаметевы
Астараханец Алексей, донской казак 111
Астараханец Михаил, донской казак 110
Афанасьев Дмитрий см. Свищев Дмитрий
Афанасьев Иван, московский поп 105, 370
- Базаев Элдибей, донской татарин 165
Байбаков И., подьячий, русский посланник в Крыму 299
Байдалыев Байратуй, астраханский юртовской татарин 265
Байрам-Салтан, татарка 361
Балакирев Петр, астраханский стрелецкий сотник 98, 235, 295, 317
Балаш Иван, повстанческий атаман 222
Барсуков Еким, донской войсковой есаул 217
Барышников Иван, курский бобыльский сын 62
Барятинский Юрий Никитич, кн., окольничий, полковой воевода 352–354
Басков Василий, царицынский стрелец 317
Бачманов Иван, голова новгородских стрельцов 347
Башмаков Арефа, подьячий 329
Бедрищев Игнатий, донской атаман 199, 254, 255
Беклемишев Никита, сыщик 49, 51, 53, 55–60, 65, 67, 74, 81, 122, 368
Белгородец Корнило, донской атаман 111
Белгородец Дмитрий Захарьев, донской казак 99, 111
Белосельский Михаил, кн. 228, 229, 231
Белосельский Никита, кн., посланник в Большую Ногайскую орду 41, 91, 275, 381, 407
Бельский Федор, кн., сыщик 72–74
Благово Борис, русский посланник в Турцию 117
Боборыкин Афанасий, землевладелец 98
Боборыкин Роман, стольник, шацкий, тамбовский, козловский воевода 76, 94, 124, 130
Бобырев Томило, валуйский станичник 182, 326
Богатый Иван, донской атаман 301
Богданов Григорий, подьячий, русский посланник к Б. Хмельницкому 338, 377
Боинин Герасим, тамбовский станичник 94

- Болдырь Василий, донской казак 245
Болдырь Федос, донской казак 230
Болдырь Харитон, донской казак 66
Боплан Гийом Левассер де, французский инженер на польской службе 46, 323–325, 335, 394
Борис-мурза Янарсланов, астраханский едисанский мурза 165
Борисов Федор, голова псковских стрельцов 347
Бормосов Тихон, дьяк, русский посол в Турцию 366
Бородин Яков, толмач 304, 307
Боук Б. М., историк 405, 406
Боярин Иван, запорожский и донской атаман 186, 187, 299
Брехуненко В. А., историк 293
Броневский В. Б., морской офицер, историк 7, 10 173
Бронин Яков см. Дронов Яков
Брюховецкий Иван, запорожский кошевой атаман 324
Будан Федор, донской атаман 301
Бузулбаев Култайко, астраханский татарин 236
Булавин Кондрат, повстанческий предводитель, донской войсковой атаман 5, 16, 377, 402
Булгаков Зиновий, ряжский полковой казак 63
Буняев Емельян, обоянский сын боярский 141
Буняев Панкрат, обоянский сын боярский 141
Бурляй Кондрат, запорожский и донской атаман 209, 298
Бусловский Карп, валуйский станичник 198
Бутурлин Андрей, воронежский воевода 123–125
Бутурлин Василий, стольник 130
Бухвостов Борис, воронежский воевода 76
Бушминов Иван, воронежец 299
Буянин Денис, донской атаман 111, 188, 266
Быкадоров В. К., историк 11
Быкадоров И. Ф., историк 26, 175, 176, 222, 223
Быков Артемий, воронежский служилый человек 189
Быков Герасим, царицынский сын боярский 403
Быстрой Стенька, донской казак 105
Валуйский Иван, донской казак 110
Валуйченин Ефрем, донской атаман 113
Васильев Артемий, казачий станичный атаман 185
Васильев Афанасий, донской станичный атаман, войсковой есаул 216, 217
Васильев Беляй, донской атаман 128
Васильев Дрозд, атаман донского казачьего городка Хопер 272
Васильев Иван (он же кн. Друцкий), атаман Черкасского казачьего городка 63

- Васильев Иван, холоп 307
Васильев Калина, донской казак 396
Васильев Наум см. Шелудяк Наум
Васька (атаман из воровского городка Риги) см. Прокофьев
Васьков Онуфрий, ярославец 102
Вейнберг Л. Б., историк 120
Великого-Гагин Степан, кн., воронежский воевода 58, 63
Вельяминов Мирон, воронежский воевода 286
Веневитин Герасим, воронежец 74, 75
Веневитин Яков Гаврилов, донской станичный атаман 113
Веневитинов Гаврила, донской станичный атаман 113, 380
Венков А. В., историк 406
Вергун, запорожский и донской атаман 302
Верещагин Власко, донской казак 347
Вестов Павел, московский торговый иноземец 129
Вилмеева Доротея, жительница Курляндии 346
Волков Григорий, дворянин 349, 354
Волконский Лев, кн., царицынский воевода 71
Воронежец Иван Еремин, донской казак 110
Воронов Герасим, елецкий сын боярский 69
Выговский Иван, украинский гетман 273, 358
Вырубов Дмитрий, полуголова московских стрельцов 347
Вяткин Иван, донской казак 113
- Гавренев Иван Афанасьевич, окольный, глава Разрядного приказа 140
Гаврилов Дементий, донской станичный атаман, войсковой есаул 216–217, 220, 279, 375
Гаврилов Прокофий, воровской казак 106
Гаврилов Яков см. Веневитин Яков
Гагин Степан см. Великого-Гагин Степан
Гадзяцкий С. С., историк 343
Галкин Кирюшка, крестьянин 135
Галшин Ивашка, крестьянин 135
Герасимов Григорий, черкашенин 245
Герритс Г. 90, 408
Глухой Калина, донской казак 66
Гнидин Егуп, церковный дьячок с Тулы 63
Гнидин Иван, дядя Е. Гнидина 63
Годунов Борис Федорович, царь 53, 90, 121
Голочанов Дмитрий, воевода г. Усерда 119
Горбун Иван Семенов, донской атаман 185, 187, 219, 266, 367
Гордеев Афанасий, донской поп 105, 365, 369–370

- Горконский Иван, запорожский казак 391
Городецкой Перфилий, донской казак 111
Горячий Иван, донской атаман 222, 266
Грановитый Федор, донской казак 361
Грибоедов Федор, дьяк Разрядного приказа 143
Григорьев А. П., филолог 166
Григорьев Афанасий, донской казак 101, 102
Григорьев Гаврило, донской казак 101, 325, 384, 385
Григорьев Денис, донской станичный атаман, войсковой есаул 223, 320, 365
Григорьев Тит, донской станичный атаман 317
Грозный Иван, царь 344
Грушевский М. С., историк 186, 368, 373
Губарь Петр, гуляющий человек из Белгорода 65
Гулидов Евтифей, донской казак 103, 104, 137
Гуня Черкашенин, запорожский и донской атаман 186, 298
Гурий, белгородский поп 60, 65
Гусельников Анкудинка, воронежский казак 340

Дайчин, калмыцкий тайша 77, 402
Данилов Лукьян, донской казак 380
Дашков Иван Андреевич, кн. 75, 197, 220, 338, 343
Девой-мурза Канмурзин, казыевский мурза 161, 162
Дементьев Семен, донской казак 116
Демин А. С., филолог 407
Демьян, донской казак, брат крестьянина калужской слободы боярина И. Н. Романова 64
Деревягин Самойла, валуйский вож 236, 262
Динов Астафий, грек 295
Дмитриев Борис, донской атаман 133
Дмитриев Кузьма, донской станичный атаман 228, 249, 265, 388
Дмитриев Петр см. Ельченин Петр Дмитриев
Долгий Алексей, донской атаман 298
Долгий Трофим, коротоякский целовальник 132
Долгорукий Владимир Тимофеевич, кн., боярин 105
Донецкий Сидор, валуйский вож 91
Дорофеев Петр, донской казак 116
Дронов Яков, донской атаман 106, 128, 129, 132, 135, 138, 141, 188, 219, 266, 302
Дружинин В. Г., историк 10–12, 21, 26, 37, 137, 174, 175, 200, 217, 244, 251, 254, 256
Друцкий, кн. см. Васильев Иван

Екатерина II, императрица 4

Елисеев Андрей, донской казак, затем станичный атаман 116, 210, 238, 263, 323

Елманов Кожай, донской татарин 164

Ельченин Петр Дмитриев, донской казак 110

Емельянов Евдоким, донской казак 357

Емельянов Семен, донской казак 142, 144

Еремеев Андрей, астраханский сын боярский 245, 388

Еремеев Еремей, белгородец 245

Еремеев Савва, тюремный сиделец 80

Ермолаев Федор, ельчанин 340

Есипов Иван, донской атаман 188

Есипов Яков, астраханский сын боярский 161

Жабин Богдан, казачий станичный атаман 185

Желябужский Афанасий, дворянин 88, 329

Жуков Артем, смоленский мещанин 347

Жуков Роман, русский посланник в Крыму 170, 266, 310, 387

Жуков Яков, донской казак 116, 218

Жулдилов Карп, гулящий человек из Белгорода 56

Забузский Семен, запорожский атаман 86, 88

Завражный Гаврила, беглый холоп, сын И. Завражного 123

Завражный Иван, донской казак 123

Завражный Петр, беглый холоп, сын И. Завражного 123

Загоровский В. П., историк 21–23, 79–81, 83, 91, 294, 297, 339

Зарубин Никита, валуйский вож, станичник 86, 87, 210, 242, 281, 328, 371

Зарубин Федор, валуйский станичник 316

Заруцкий Иван, казачий атаман 25, 373

Звенигородский Семен, кн., русский посол в Грузию 341

Зверев Андрей, донской казак 100

Зиберт, немец 346

Змеев Григорий Русинов сын, воронежец 75

Змеев Кондрат, донской казак 95

Змеев Русин, воронежец 74, 75

Золотарев Иуда (Юда), донской станичный атаман 191

Золотарев Нефед, воровской казак 106, 111, 366

Золотарь Иван, белгородец 63

Зуев Иван, донской казак 116

Иванов Агей, казачий станичный атаман 185

Иванов Андрей, крестьянский сын, казак 98, 384

Иванов Лаврентий, запорожский казак 282

Иванов Мина, донской казак 364

Иванов Михаил см. Татарин Михаил

- Иванов Назар, донской казак 199, 254, 255
Иванов Никита, донской казак 65
Иванов Парфен («Паршик», Парфений Иванович), воровской атаман 185, 187, 228
Иванов Парфен, донской казак 116
Иванов Прокофий (Пронка), донской казак Клетского городка 315, 407
Иванов Прокофий, донской станичный атаман 328, 330
Иванов Степан, атаман Черкасского городка 245
Иванов Степан, холоп 150, 151
Иванов Тимофей, донской казак 227
Иванов Тимофей, донской станичный атаман 228, 243, 386
Иванов Федор см. Порошин Федор
Иванов Федор, беглый человек 122
Иванов Яков, гулящий человек 67, 68
Иванов Яков, донской казак 116
Ивашкин Иван, тульский воевода 352, 353
Игнатов Алексей, донской казак 285
Иевлев Алексей, дьяк, русский посол в Имеретии 362
Иоанн Предтеча (Иван Предотеча), святой 197, 211, 216, 248, 398
Исенгелдеев Тлешко, астраханский едисанский татарин 274
Ислам-мурза Чубармаметев, мурза Большой Ногайской орды 159
Исупов Ларион, астраханский сын боярский 248, 277, 359
Исфендияр, ургенчский правитель 385
Иштерековы, один из родовых кланов мурз Большой Ногайской орды 157, 161

Кабанов Митька, донской атаман 201
Кадомской Яков, войсковой подьячий 112
Казанцев Алексей, астраханский сын боярский 167, 168, 275, 276, 318
Казбулат-мурза Черкасский 403
Казыгин Тит, белгородский подьячий 134
Калачников Семен, воронежский казак 72, 74
Калистратка, донской казак 105
Калуженин Осип Петров, донской атаман, войсковой атаман 113, 180, 209, 211, 215, 222–227, 232, 299, 300, 363, 396
Калуженинов см. Осипов Родион
Кантакузин Фома, турецкий посол 122
Карпов А. Б., историк 115
Карпов Иван, донской атаман 348
Карташев Ефрем, елецкий сын боярский 69
Касай-ага, крымский военный предводитель 278
Касимовец Дмитрий Иванов, донской казак 111

- Каторжный Иван, донской атаман, войсковой атаман 86, 122, 124, 169, 180, 214, 221–225, 227, 230, 243, 299, 362, 380, 395, 400, 401
- Киреев Денис, донской казак, изменник 391
- Киреев Роман, воевода г. Царева-Борисова 273
- Кирилов Сафон, воровской казак 106
- Кирсанов П. Х., полковник Войска Донского, историк 242
- Кисель Адам, польский комиссар по казачьим делам 373
- Клепиков Андрей, донской казак 107, 108
- Ключевский В. О., историк 339
- Кляжник Дмитрий, крестьянин елецкого сына боярского 69
- Князев Севастьян, валуйский станичник 71, 250
- Кобузов Василий, донской казак 149
- Кобяков Леонтий, белгородский воевода 318, 319
- Ковелин Демьян, донской казак 272
- Кожухов Онуфрий, служилый человек 262
- Кожухов Симон, беглый подьячий елецкой приказной избы 131
- Козлителин Василий, кормовой казак 112
- Козлов С. А., историк 46, 339–342, 372, 373, 383
- Козлов Семен, крестьянин 80
- Козловец Ефрем, донской казак 99
- Козловский Михаил, кн., белгородский воевода 56, 57, 60
- Козловский Савелий, кн., воронежский воевода 121, 122
- Кокарев Сергей, воронежец 223
- Колединский Юрий, сыщик 72, 74
- Колоднич Иванис, астраханский сын боярский 285–287
- Коломнетин Григорий, донской казак 111
- Коломнетин Тимофей, донской казак 113
- Колуженин см. Калуженин
- Комонин Лазарь, елецкий сын боярский 69
- Комонин Севастьян, сын Л. Комонина 69
- Кондратьев Андрей, донской казак 108, 109
- Кондырев Ждан Васильевич, дворянин 43, 193, 227, 231, 232, 241, 281, 305
- Кондырев Иван, воровской атаман 402
- Кондырев Иван, русский посол в Турцию 366
- Конинский Богдан, донской станичный атаман 129, 190, 197, 216, 356
- Коновал Андрей, донской казак, атаман 346–347
- Коптев Андрей, голова московских стрельцов 347
- Кордт В., историк 90
- Коробкин (Коропкин) Тимофей Иванов, казачий атаман 185–187, 227
- Королев В. Н., историк 26, 27, 33, 34, 292, 293, 296, 298, 301, 302, 310, 311, 356, 362, 389

- Коропкин см. Коробкин
Коротеев Абрам, сын брата елецкого сына боярского 68
Коротеев Фетис, елецкий сын боярский 68
Корсак Константин, ротмистр 352, 353
Корф Вилим, поручик 346
Корякин Степан, валуйский посадский человек 86
Корякин Томило, донской станичный атаман, войсковой полковник 69, 70, 181, 219, 222, 230, 271, 401
Косой Иван, воровской казак 106
Косой Иван, донской казак 277, 281, 359
Костомаров Н. И., историк 16
Костромитин Никифор Онуфриев, донской казак 110
Костылев Максим, воронежский атаман 121
Котельников Е., историк 325, 383
Котошихин Григорий, подьячий Посольского приказа 46, 108, 127, 136, 137, 262, 268, 344, 345, 400
Кочановский Михаил, капитан 348
Кочапин Тимофей, воронежский сын боярский 208, 225, 363, 397
Коширинов Томило, воронежский сын боярский 208, 209
Кравков Матвей, полковник 353
Красников Петр, дворянин из г. Каширы 208, 217, 218, 227, 232, 263, 368, 369
Краснов Н. И., офицер Генерального штаба 7, 10, 174
Кровопусков Беляй, валуйский пушкарь 85
Круглин Сергей, станичный ездок с Валук 68, 89, 327–330
Круговой Демьян, донской казак 380
Круговой, атаман станицы служилых казаков 147
Крюйс К., адмирал 4, 245, 291, 371
Крюков Федор Михайлович, дворянин 135, 349
Кувакин Василий, воронежский беломестный атаман 122
Кудашев Григорий, брат курского стрельца 64, 65
Кузовков Митрофан, калужский пушкарь 59
Кузовлев Алферий, дьяк, русский посол в Турцию 214
Кузовлев Иван, московский жилец 400
Кузьмин Григорий, донской станичный атаман 44
Кузьмин Петр, донской казак 100
Кулиш П. А., историк 334
Кулыга Петр, воровской атаман, есаул 106, 229
Кульмаметев Бектемир, донской татарин 164, 278, 359
Кульнев Данило, донской казак 110
Куракин Григорий Семенович, кн., боярин, полковой воевода 143
Куц О. Ю., историк 106, 371, 384

- Лавров Афанасий, голова псковских стрельцов 347
Лазарев Федор, валуйский станичник 182, 326
Лазаревский Леонтий, дьяк, русский посол в Турцию 40, 216
Лазорев Андрей, дворянин, воевода, валуйский воевода 85, 213, 218, 227, 231, 288, 396, 397
Лаишевцов Антон, кормовой казак 112
Лаузан, калмыцкий тайша 77, 98, 317
Лебедавец Марк Назарьев, донской казак 111
Лебяжья Шея, Тимофей Яковлев, донской атаман, войсковой атаман 69, 129, 180, 183, 197, 208, 216, 293, 299, 356
Леонтьев Александр, служилый человек 102
Леонтьев Денис, атаман вольных казаков 343
Леонтьев Иван, донской казак 117
Леонтьев Павел, валуйский воевода 88
Ливенец Иван, бобыль белгородского протопопа 65, 66
Ливенец Онуфрий Артемьев, донской казак 110
Лишин А. А., генерал-майор Войска Донского, историк 37
Логинов Михаил, елецкий сын боярский 69
Лом Лукьян, донской казак 110
Лосев Осип, донской станичный атаман 69, 109, 119, 189, 271, 272, 321, 329, 368, 396, 398
Лука, белорусский священник 388
Лукин Савва, елецкий сын боярский 68
Лукьян, запорожский казак 90, 326
Лукьянов Беляй, донской казак, есаул, позднее станичный атаман 264, 327, 365
Лукьянов Михаил см. Самаренин Михаил
Лунин Б. В., историк 14–17, 19, 20, 22, 47, 176, 207, 251, 261, 269, 291, 312, 367
Лыков Василий, елецкий сын боярский 69
Любовецкий Федор, смоленский мещанин 347
Ляпунов Лев, белгородский воевода 148
Лях Федот, казачий войсковой атаман 186, 215
Магметка, пленный азовец 387
Макаров Григорий, воронежский сын боярский 122
Максимов Емельян, курский сын боярский 105, 106, 139
Максимов Иван, курский сын боярский 105, 106, 138–141
Максимов Максим, донской казак 116
Малафеев Кирилл, терско-гребенской казак 402
Малахов Алексей, брат елецкого пушкаря 68
Малахов Первой, ельчанин, чернослободец 68

- Малышев Иван, подьячий Разрядного приказа 140
Мансурова половина см. Мансуровы
Мансуровы (Мансурова половина), один из родовых кланов крымских мурз 359
Мануил, армянин 369
Маркедонов С. М., историк, 24
Марков Кузьма, беглый колодник 128
Марков Мартын, белгородский сын боярский 250, 309
Марков Степан, донской казак 116
Маркс К. 16
Мартемьянов Исая, донской атаман 201, 228
Мартьянов Григорий, беглый человек 122
Масса И. 90, 408
Матвеев Иван, донской казак 116
Матюнин Марк, донской казак 116
Махов Петр, тульский стрелецкий голова 59
Медведев Нефед Осипов, донской станичный атаман, тульский кормовой атаман 69, 302
Мелентьева Наталья, вдова из Болхова 103
Мерзлякин Ананья, белгородский сын боярский 134
Мещерской Савелий, донской казак 111
Мещеряков Владимир, донской атаман 111, 309
Мещеряков Тимофей, донской казак 113
Микифоров Григорий, ряжский казак 64
Миклашевский И. Н., историк 80, 81
Милославский Илья, русский посол в Турцию 40, 216
Минаев Фрол, донской станичный атаман 252–254, 313
Мининков Н. А., историк 26, 27, 30–33, 42, 47, 48, 79, 88, 123, 125, 154, 177, 192, 199, 200, 207, 212, 214, 217–220, 251–254, 256, 258, 259, 262, 266–269, 292, 293, 305, 313, 320, 339, 342, 344, 345, 350, 355, 356, 364, 366, 367, 371, 379, 380, 382, 383, 385, 390, 391, 401
Михаил Федорович, царь 25
Михайлов Алексей (он же Москвитин), московский торговый человек гостиной сотни 49, 59, 62, 63, 361, 369
Михайлов Алексей, донской казак 116
Михайлов Кондрат, донской атаман 142, 145, 349, 354
Михайлов Филимон, посадский человек 64
Михайлова А. И., историк 20, 21
Михнев Трофим, воронежский сын боярский 255, 256, 262, 294, 301, 314, 360
Можжелин Яков, житель Тулы 63
Моисеев Василий, донской казак 282

- Молинский Степан, донской казак 272
Молодой Кирей, донской казак 129
Молодой Степан, донской станичный атаман 314
Морозов Борис Иванович, боярин 366
Морозов Василий Петрович, боярин 146, 147
Мосолов Никита, рязанский сын боярский 263
Мотора Денис, донской казак 119
Мояков Михаил, валуйский станичник 198
Мурат, турецкий султан 51
Мурзагельдеев Ажимбет, предводитель отряда астраханских татар 166
Муромец Илья, былинный герой 8
Мустафа-бей, азовский паша 306
Мушчинка Дмитрий, зять некоего Тита Руднева из Ельца 69
Мятлев Смирной, донской казак 103–105, 137
Назимов Андрей, донской атаман 112, 188
Назимов Яков, голова псковских стрельцов 347
Нарышкин Федор, полуголова московских стрельцов 146
Наумов Никита, служилый человек 101
Нашокин Григорий, русский посол в Турцию 253
Недошивин Петрушка, крестьянин 135
Непейцын Викула, воронежский воевода 135
Неронов Григорий, русский посланник к Б. Хмельницкому 338, 377
Никитин Н. И., историк 27, 28, 220
Никитин Тимофей, донской станичный атаман 325
Никифоров Анисим, донской станичный атаман 285
Никифоров Леонтий, атаман городка Каргалы 245
Никола Чудотворец, святой 248
Новиков Гур, сын беломестного казака 68
Новокрещен Иван, донской казак 108
Новокрещенов Филипп (Филька), донской казак 99, 100
Новосельский А. А., историк 18, 19, 23, 47, 50, 54, 72, 81, 83, 84, 86, 159, 182, 241, 266, 290, 296, 302, 313
Норов Афанасий Федорович, воевода г. Царева-Борисова 395, 396
Обухов Иван, донской войсковой дьяк 218
Овсянников Петр, беглый холоп 128
Овчинников Пронка, валуйчанин 329
Одоевский Никита Иванович, кн. 104
Оладьин Никита, валуйский воевода 82
Олиманко, донской татарин 156
Оллак, ногайский татарин 246
Онуфриев Никифор см. Костромитин

- Орехович Фома, смоленский мещанин 347
Орлов А. С., филолог 195, 197, 211, 215, 226, 241, 288, 340, 395
Осипов Нефед см. Медведев Нефед
Осипов Родион (Калуженинов), донской атаман 190, 304
Осколенин Иван Провов, донской казак 98, 111
Останин Максим, голова Бельского городка 150–152, 392
Остриков Иван, астраханский сын боярский 246
- Павел, запорожский казак 309
Павлов И., тамбовский станичник 192
Павлов Терентий, донской станичный атаман, войсковой есаул 217, 311
Панкратов Яков, валуйский станичник 316, 331
Панов Ларион, донской казак 102
Пантелеев Григорий, донской казак 64
Пантелеев Иван, белгородский сын боярский 73
Папков А. И., историк 127
Парфений Иванович см. Иванов Парфен
Парфений, белгородский протопоп 63
Парфеньев Денис см. Поплева Денис
Паршик см. Иванов Парфен
Пашин Ларион, русский посланник в Крыму 170, 266, 310, 387
Пашинов Еремей, тамбовский воевода 76
Переславцов Евдоким, донской казак 113
Перетяткович Г. И., историк 80
Перфильев Аким, донской атаман 111
Петр I, царь 245
Петров Ерофей, атаман городка Медведицы 189
Петров Кирилл, донской станичный атаман 360
Петров Осип см. Калуженин Осип
Петров Потап, донской станичный атаман 190, 227, 394
Петрунька (есаул из воровского городка Риги) см. Кулыга Петр
Пеший Аверьян, атаман (предположительно) 89
Пешик Григорий, тамбовский сторожевой казак 93
Пещуров Максим, донской станичный атаман 327, 328, 332, 333, 363
Плещеев Лев, воевода 100
Погожий Исакий, воронежский воевода 79
Подзоров Федор, крестьянин 85
Пожарский Дмитрий Михайлович, кн. 80
Покровский М. Н., историк 13, 14
Покровский Н. Н., историк 28
Полатов Герасим, тамбовский станичник 272
Поленов Иван, яицкий есаул 146, 147

- Полухстов Леонтий, подьячий 338, 343
Полупанов см. Степанов Андрей
Пономарев Еким, воронежский стрелец 191
Поплева Денис Парфеньев, донской атаман 280
Попов А. Г., директор училищ Войска Донского, историк 4, 10
Попов М. Я., историк 47, 176, 207, 262, 367
Попов Семен, кабальный человек 130
Порошин Федор Иванов, донской войсковой дьяк 104, 211, 375
Потемкин Петр Иванович, стольник 186
Предтеча см. Иоанн Предтеча
Прибытков Мина, сын боярский 322
Пригаринов Степан, валуйский станичник 71, 250
Провов Иван см. Осколенин Иван
Прокофьев Василий, воровской атаман 106, 229
Прокофьев Федот, донской войсковой полковник 218
Пронштейн А. П., историк 22, 47, 176, 177, 199, 200, 245, 251, 269, 304, 367, 379
Проскурнин Кондрат, воронежец 74
Протасов Севастьян, дворянин 265
Прянишников И. П., историк 37, 201
Пугачев Емельян, повстанческий предводитель, самозванец 16
Пудавов В. М., казачий офицер, историк 9, 11, 174, 251
Пужай Ромашка, крестьянин 135
Путимец Иван, донской казак 112
Путимец Лев, донской есаул 112
Путимец Федор, донской казак 110
Пушкин Григорий Гаврилович, русский посол в Польше 102
Пушкин Петр, козловский воевода 150
Пушкинский Леонтий, донской станичный атаман 110, 209, 241, 330
Радилов Епифан, донской атаман 201, 202, 228
Разин Степан Тимофеев, донской казак, атаман, повстанческий предводитель 3, 8, 16, 17, 21, 23, 30, 36, 76, 77, 119, 136, 141, 185, 187, 192, 203, 228, 248, 260, 268, 338, 345, 350, 352, 355, 373, 377–379, 405, 408, 409
Разоритель Демьян, атаман, зять елецкого сына боярского 69
Раков Андрей, приказной человек боярина кн. И. Б. Черкасского в г. Серебряные Пруды 63
Резанцов Семен, донской казак 113
Резепов Магомет, торговый человек из Керчи 295
Репнин Борис Александрович, кн., боярин, яблоновский, белгородский воевода 118, 127
Ригельман А. И., генерал-майор, инженер, историк 4, 10, 233, 244, 406

- Робинсон А. Н., филолог 104, 195, 407
Родилов Епиха см. Радилов Епифан
Родионов Василий см. Ус (Усов) Василий
Роздеришин Яков, сотник московских стрельцов 346
Романов Иван Никитич, боярин 64, 67
Ромодановский Иван Иванович, кн., окольный, яблоневский воевода 132, 133
Ростовец Ермак Анкудинов, донской казак 99, 111
Ростягаев Евтифей, крестьянин курского попа 63
Рубец Василий, крестьянин калужской слободы боярина И. Н. Романова 64
Руднев Тит, ельчанин 69
Рыков Федор, елецкий сын боярский 68
Рябов С. И., историк 26, 27, 29, 30, 47, 79, 88, 177, 178, 192, 207, 226, 251–253, 261, 269, 291, 293, 367
Рязанцев Емельян, сын боярский 227
Рязанцев Иван, сын боярский 236
Савастьянов Ф., донской станичный атаман 252
Савельев А. М., историк 10
Савельев Никон, выходец из кабардинского плена 316
Савельев Осип, терский станичный атаман 373
Савельев Петр, донской атаман 348
Савельев Полуект, донской станичный атаман 332
Савилов Ефрем, донской атаман 113
Савинов см. Савилов Ефрем
Салтаналы-мурза Аксак-Кельмаметев, мурза Большой Ногайской орды 283
Салтанаш-мурза Аксаков, мурза Большой Ногайской орды 230, 277, 280, 287, 357
Самара см. Самаренин Михаил
Самаренин (Самара, Самарин, Самаринов) Михаил Лукьянов, донской атаман, войсковой атаман 113, 180, 190, 191, 273, 284, 358, 360, 374
Самаренин Иван, воровской есаул 106, 111
Самарин см. Самаренин Михаил
Самаринов см. Самаренин Михаил
Сапожник Сидор, донской казак 148
Саранча Клен, воронежец 180
Сафонов Аввакум (Абакум), донской станичный атаман 221, 329
Сватиков С. Г., историк 24–26, 175, 206, 207, 216, 218–220, 226, 228, 229, 251, 257, 373
Свегун Семен, запорожский и донской атаман 302
Светиков Ивашка, крестьянин 135

- Свешников Емельян, донской станичный атаман 111
Свиньин П. П., историк, издатель 371
Свиридов Наум, ряжский казачий сотник 64
Свищев Василий, болховский воевода 134, 153
Свищев Дмитрий Афанасьев, донской атаман, войсковой есаул 117, 186, 187, 198, 217
Севастьянов Калина, донской казак 105, 106, 138–141, 145, 146
Севастьянов Фома, донской казак 105, 106, 138–141, 145, 146
Селеменев Лука, елецкий сын боярский 69
Селиванов Павел, воевода г. Карпова 134
Селиверстов Дмитрий, донской казак 118
Селиторников Федосей Малютин сын, казачий станичный атаман 185
Семен, донской войсковой дьячок 218
Семенов Астах, донской атаман 148
Семенов Григорий, донской казак 118
Семенов Иван см. Горбун Иван
Семенов Логин, донской станичный атаман 265
Семенов Прокофий, донской атаман 134
Сенчурко, донской татарин 156
Сень Д. В., историк 382
Сенюткин М. Х., историк 9, 10, 379
Сергеев Василий, донской станичный атаман 383
Серебреник Андрей, донской казак 120
Серебряков Семен, крестьянин 101, 317, 324, 325
Серков Тимофей, приказчик боярина В. И. Стрешнева 392
Силантьев Григорий, брат беломестного казака 68
Силин Иван, белгородский сын боярский 73
Слюнин Алфим, донской казак 148
Смирнов Н. А., историк 17–18
Смолянинов Федор, донской казак 111
Соковнин Богдан, голова 105
Соколец Иван, донской казак 111
Соколка, запорожский атаман 267
Соловьев С. М., историк 8–9, 23, 117, 371
Сольский Осип, атаман вольных казаков 342
Сорокин Филат, донской казак 95
Спиридонов Василий см. Толстой Василий
Спорыхин Лучка, крестьянин 135
Станиславский А. Л., историк 29, 36, 339, 343
Стариков Михаил, белгородский атаман 81, 82, 88, 89
Стародубец Иван, донской казак 111
Стародубов Петр, донской казак 111

- Старой Алексей, донской атаман 262, 267, 268, 399
Старченков Акинша, белгородский сын боярский 67
Степанов Андрей (прозвище Полупанов), донской станичный атаман 50
Степанов Артемий, подьячий Разрядного приказа 138
Степанов Иван, донской станичный атаман 198
Степанов Кирей, донской атаман, войсковой атаман 180, 210, 230
Степанов Пантелей, церковный дьячок из Белгорода 56, 65, 66, 368
Степанов Смага, донской атаман 201, 202
Стрешнев Василий Иванович, боярин 391, 392
Стрешнев Семен Лукьянович, боярин, полковой воевода 139, 346
Стрешнев Степан, воронежский воевода 58
Струков Василий, воронежец, голова 95, 181, 221, 275, 395
Сукин Дементий, брат Т. Сукина 107
Сукин Тимофей, донской казак 107
Сулешев Мустафа, крымский кн. 48, 333
Сулима, запорожский атаман 300
Суслов Иван, астраханский сын боярский 187, 277, 279, 299, 314, 357
Сухорук Онуфрий (Оношка), белгородец 66
Сухорук Родион Матвеев сын, казачий войсковой есаул 185
Сухоруков В. Д., казачий офицер, историк 4–7, 9–13, 15, 21, 33, 128, 173, 190, 192, 200, 201, 204–206, 212, 214, 216, 219, 220, 226, 228, 244, 251, 253, 254, 260, 339, 377, 379
Тамбовец Ефрем Семенов, донской казак 99, 111
Тамбовец Иван, донской казак 110, 245
Таран Мисько (Михаил Черкашенин), запорожский и донской атаман 293, 299
Тарасов Иван, белгородский сын боярский 133
Тарбердеев Кайштан (Кайштанко), донской татарин 119, 280
Татарин Иван, донской атаман 132
Татарин (Татаринов) Михаил Иванов, донской войсковой атаман 180, 215, 226, 227, 256, 262, 288
Татарин Степан, воровской казак 106
Татаринов Воин, житель Курска 62
Татаринов Михаил см. Татарин Михаил
Телепнев Степан Васильевич, русский посол в Турцию 214
Тимофей, белгородский вдовый поп 73
Тимофей, донской поп 63
Тиняметевы, один из родовых кланов мурз Большой Ногайской орды 157, 161
Тойтюшев Айдабул (Айдабулко), астраханский татарин 237, 298
Толстово Тимофей, белгородский стрелецкий сын 134
Толстой Емельян, воевода г. Ливны 364

- Толстой Василий Спиридонов, донской казак 104, 142–144
Тораборин Астах, стрелецкий пятидесятник 150
Трепалов В. В., историк 313
Третьяков Фома, астраханский сын боярский 298
Трубецкой Алексей Никитич, кн., боярин, полковой воевода 139
Трубицын Меркул, ельчанин, чернослободец 68
Трубченинов Александр, донской казак 113
Трубченинов Василий, донской казак 111
Трунов Назар, белгородский сын боярский 72
Тургенев Иван, сыщик 49, 51–53, 57–60, 68, 69, 87, 340, 341
Тушин Ю. П., историк 23, 293, 294
Тхоржевский С. И., историк 12, 13, 15, 21, 47, 175, 177, 182, 184, 193, 199, 207, 251, 261, 339
Тяпкин Василий, русский посланник в Турцию 259
Уваров Василий, воронежский воевода 352
Ульев Савостка, донской казак 105
Ульф, немец 346
Унковский Василий, русский посол на Украине 111
Ураков Мамон Федоров, донской казак 312
Урмаметевы, один из родовых кланов мурз Большой Ногайской орды 157, 158, 161, 235, 300, 311
Ус (Усов) Василий Родионов, донской атаман 118, 135, 141, 146, 219, 260, 261, 349, 351–354, 391
Усач Михаил, донской казак 66, 122
Усачев Григорий, донской казак 134
Усов см. Ус Василий
Устинов Антип, донской станичный атаман 107
Устинов Степан, белгородский стрелецкий пятидесятник 133
Уфимцев Давыд, царичинский стрелецкий пятидесятник 259
Ушаков Семен, воронежец 74
Ушаков Степан, курский воевода 62
Ушатый Вешняк, стрелецкий сотник 181
Фастов Иван, воевода 190
Федоров Андрей, донской казак 376
Федоров Анисим, донской казак 282
Федоров Демьян, запорожский казак 298
Федоров Мамон см. Ураков Мамон
Федоров Павел см. Чесночихин Павел
Федоров Пахом, донской атаман 128
Федоров Степан, воровской есаул 106
Федоров Федот, донской станичный атаман 123

- Федотов Иван, донской казак 95
Фелкарсон Фредерик, капитан 346
Фефилатьев Василий, валуйский воевода 125, 126, 152, 208, 380
Филиппов Григорий, войсковой есаул 250
Филиппов Григорий, донской казак 396
Филиппов Григорий, донской станичный атаман 198
Филипповский Максим, донской казак 110
Фрейстах Андрей, немец 346
- Харин Ефрем, тульский стрелецкий сын 59
Харитонов Алексей, брат белгородского попа 60, 65, 66
Харченко Илья, черкашенин г. Царева-Борисова 273
Хитрово Данила, саратовский воевода 404
Хитрово Яков Тимофеевич, воевода 304
Хмельницкий Богдан, гетман Войска Запорожского 338, 371, 372, 377
Хованский Иван Андреевич, кн., боярин, полковой воевода 143, 145, 188, 347, 348
Ходеряхин Кондрат, воровской казак 106, 111, 366
Хомицкий Савелий, воронежец 249, 305, 321
Хомяков Влас Исаков сын, дворянин 104, 142, 143
Хомяков Елисей Демидов сын, московский жилец 143, 192, 248
Хомяков Лев Исаков сын, дворянин 104, 142, 143, 145
Хоненев Иван, подьячий, посланник в Большую Ногайскую орду 41, 91, 275, 381, 407
Хорошхин И. П., историк 12
Хрипунов Иван, воронежец 74
Хромой Артемий, сын белгородского попа 65
Худяк Афанасий, холоп 150, 151
- Чаев Н. С., историк 20, 176, 207, 251, 367
Чебан-мурза Иштереков, мурза Большой Ногайской орды 162, 187, 235
Чебукин Василий, белгородский станичный ездок 73
Чепай-абыз, донской татарин 170
Черкасский Иван Борисович, кн., боярин 63
Черкашенин Михаил см. Таран Мисько
Черкашенин Михаил, казачий атаман 382
Черкес Корней (Корнило) Яковлев, донской казак, атаман, войсковой атаман 180, 203, 215, 228, 265, 282, 302, 303, 378
Черменский П. Н., историк 77, 80
Черницын С. В., историк 154–157, 170
Чернушка Федор, донской атаман 361
Черток Никифор, разинский повстанческий атаман 378

- Чесноков Кирей, карповский драгун 134
Чесночихин Павел Федоров, донской казак, атаман, войсковой есаул, войсковой атаман 116, 120, 180, 213, 216, 217, 221, 222, 228, 229, 244, 265, 266, 302, 326, 330, 360
Чириков Степан, дворянин 221, 227, 264, 401
Чубаров А., русский посланник в Крыму 299
Чудотворец см. Никола Чудотворец
Чумак Осип, донской казак 64
Чурносов Матвей Иванов, воронежец 181, 190, 227, 250, 299
Чуфаровский Юрий, казачий голова 50
- Шавов Яков, коротоякский голова 132**
Шатров Григорий, донской станичный атаман 103, 110
Шатров Онуфрий, донской казак 364, 365
Шатчинин Анкудин, воровской казак 106, 111, 115
Шатчинин Давид, донской казак 110
Шатчинин Степан Иванов, донской казак 99, 111
Шатчинин Федор, донской казак 112
Шафран Алексей, запорожский атаман 334–336
Шахов Осип, сын белгородского станичного ездока 65, 368
Шевердяк Фрол, донской атаман 134
Шелудяк Наум Васильев, донской станичный атаман, войсковой атаман 88, 179, 180, 193, 194, 197, 211, 213, 215, 216, 227, 231, 235, 364, 368
Шенкурский Данило, коротоякский воевода 132
Шереметев Василий Борисович, боярин, полковой воевода 139
Шетилов Яков, стрелецкий голова 94
Шеховской Семен, кн., самарский воевода 77
Шилов Федор, кабальный человек 130
Широкий Семен, донской атаман 133
Шихотник Наум, донской казак 300
Шишкин Иван, воронежец, станичный голова 331
Шишкин Михаил, дворянин 305
Шляхов Авдей, белгородский сын боярский 73
Шолохов М. А., писатель 406
Шпикулов Исай, денщик 150, 151
Шумейка Андрей, атаман живших на Дону запорожцев 368
- Щебыкин Исай, сын боярский из г. Карпова 265**
Щелкунов С. З., историк 12, 231, 257
Щепотев Андрей, воевода г. Карпова 148, 149
Щербатый Сергей, елецкий сын боярский 69
Щербатый Тимофей, кн. 307

Щербачов Куприян, донской казак 116

Эвлия Челеби, турецкий путешественник XVII в. 23, 45, 46, 166, 245, 311, 389

Эл-мурза Янмамев, мурза Большой Ногайской орды 159

Эшимов Досай, предводитель отряда астраханских татар 166

Юдин Федор, астраханский стрелецкий сотник 187

Юмашев Байда, донской татарин 165

Юнус-мурза Тинмамев, мурза Большой Ногайской орды 165

Юсуф-мурза Тинкеев, астраханский едисанский мурза 285

Яковлев Корней (Корнило) см. Черкес Корней

Яковлев Тимофей см. Лебяжья Шея Тимофей

Яковлев Тихон, донской казак 99

Ямгурчей-мурза, мурза Большой Ногайской орды 162, 163, 274, 283

Янарсланов Элдибай, ногайский татарин улуса Салтанаш-мурзы Аксакова 277, 357

Янбечко, крымский татарин 278

Янмамет-мурза, кейкуват Большой Ногайской орды 162

Ян-мурза, мурза Большой Ногайской орды 162, 163

Янчевский Н. Л., историк 14, 16, 17

Указатель географических названий

Австрия (Цыслярская, Цесарева земля) 100, 102

Азия 379

Азов, г. 3, 4, 17, 21, 23, 36, 40, 43, 45, 46, 51, 53, 62–67, 70, 71, 75, 78, 84, 85, 91, 92, 98, 100, 102, 104, 105, 108, 110, 118, 123, 129, 137, 155, 156, 158–161, 164, 165, 167, 168, 175, 179–184, 186, 189, 190, 192–197, 199, 200, 202, 209, 211, 212, 215–217, 219–221, 224–227, 230, 232, 236, 237, 239–243, 245, 246, 248, 250, 251, 255, 256, 260–262, 264–266, 268, 274–280, 285, 287–290, 292, 294–306, 309–312, 314–316, 318–323, 326, 329, 331, 340, 344, 356, 357, 362, 363, 368, 369, 371, 375, 376, 383, 384, 386, 389–391, 393–395, 397–399, 401, 407, 408

Азовское море 4, 5, 23, 27, 191, 210, 225, 278, 279, 292, 294–296, 300–303, 305, 310–311, 371, 387

Айдар, казачий городок 253, 379, 380

Айдар, р. 82, 91, 326–329, 332, 380–382

Айдарский городок см. Айдар

Айдарский юрт 88, 380, 381

Аксай, р. 334

Алат, казанский пригород 99

Альма, р. 302, 309, 387

Анапская бухта 311

Анатолийская сторона, южное побережье Черного моря 33, 302, 303, 310, 360, 384

Арбаток (Роботок), г. 300, 303, 305

Арбатский пролив (Тонкие Воды) 300, 301

Астрабад (Старобад), г. 385

Астраханский брод через Дон (в районе устья р. Битюг) 272

Астраханское царство 400

Астрахань (Астарахань), г. 8, 41, 77, 97, 98, 100, 101, 110, 111, 114, 116–119, 131, 147, 156–162, 164–168, 170, 171, 186, 190, 208, 234–237, 239, 245, 248, 264, 265, 271, 274, 275, 277–279, 281–283, 285–287, 289, 290, 295, 298, 299, 301, 305, 309, 311, 314–318, 357–360, 363, 382, 384, 385, 388, 391, 402, 403, 407

Бабий, городок в воронежских откупных вотчинах 90

Бабий (Верхние Раздоры), донской казачий городок 192, 244, 251, 253, 254,

- 320, 328, 382
Бабий юрт 91
Багдад, г. 384
Балаклава (Балыклея, Балыкна), г. 299, 301, 303, 308, 360, 387, 388
Балканы 100, 107
Балчик, г. 389
Балыклея (Балыкна) см. Балаклава
Балыкна см. Балаклава
Бахмутова (Бахмут), р. 66, 381
Бахчисарай, г. 34, 387
Бежецкая пятина 107
Белая, р. 326, 327, 332
Белая Калитва см. Калитва
Белгород, г. 39, 40, 49–51, 53–61, 63, 65–68, 72–74, 78, 81–82, 86, 92, 114, 115, 118, 122, 127, 133, 148, 208, 250, 265, 266, 285, 302, 307, 309, 328, 329, 352, 368
Белгородская оборонительная черта 23, 80, 81, 83, 91, 126, 127, 383
Белгородский уезд 81
Белград, г. 24, 175, 373
Белёв, г. 50, 51, 59–61
Белое (Средиземное) море 100, 102
Белой, городок в воронежских откупных вотчинах 90
Белоозеро, г. 364
Белый колодезь 326, 327
Белый колодезь, совр. сел. 327
Бельский городок (на Белгородской черте близ г. Козлова) 150, 392
Белянский откупной юрт (ухожей) 83, 90, 91
Белянский перелаз 83, 87
Берды, р. (урочище) 158, 278
Берды Верхние, р. 282, 305
Берды Нижние, р. 282, 306
Берег, побережье р. Оки 96
Бессергенов, донской казачий городок 254
Бетюг, городок в воронежских откупных вотчинах 90
Бирючья коса, урочище 305, 306
Битюг, р. 85, 93, 272
Битюцкий юрт 91
Богай, донской казачий городок 254
Богучар, городок в воронежских откупных вотчинах 90
Богучар (Боучар), р. 79, 89, 90, 370
Богучарский откупной юрт 87, 91
Болхов, г. 103
Болховой (Болховец), г. на Белгородской черте близ Белгорода 134, 153

- Большая донская дорога 325, 328
Большая Ногайская орда 157–159, 161–163, 165, 167, 169, 170, 210, 239, 241, 290, 319, 400, 407
Большие Ногаи, Большой Ногай см. Большая Ногайская орда
Борисов, г. 139
Борисоглебов (русское название г. Динабурга), г. 348
Боровая, р. 82, 85, 326, 336, 337, 379, 381
Боровский казачий городок 253, 383
Боровский юрт 88, 381, 383
Борщев, монастырь под Воронежем 362
Борщевская застава на Дону 122
Босфор (Босфорский прол.) 34, 362
Боучар см. Богучар
Бронников, городок в воронежских откупных вотчинах 90
Брянск, г. 139
Бузан (Бузун), р. под Астраханью 164
Бузан (Бузун), р. в Крымской степи 289
Бузулук, р. 93, 94, 252, 254, 318
Булганак, р. 387
Быстрая, р. 328
Быхов, г. 139

Валуйки (Валуйка, Валуйский город), г. 38, 39, 50, 52, 55, 57, 58, 60, 66, 68, 72, 74, 78, 82, 85–89, 91, 92, 101, 110, 114, 118, 125, 126, 152, 208, 242, 245, 285, 308, 325–330, 332, 333, 336, 337, 376, 380, 381, 396, 400
Великая Россия 338, 395
Вена, г. 24, 226
Венгрия 100
Венёв, г. 114
Венеция (Виницейская земля) 100, 102
Верея, г. 385
Верхнекурмоярская станица 325, 383
Верхний городок в Черкасском 243, 244
Верхний Дон 177
Верхний Ломов, г. 104, 105
Верхососенск, г. 132
Верхоценская волость 80, 84, 94
Вешенский донской казачий городок 85
Вильно, г. 139
Виницейская земля см. Венеция
Витебск, г. 145
Владимир, г. 116

Волга, р. 25, 32, 51, 53, 69, 76, 80, 106, 147, 167, 171, 185, 199, 258, 259, 275, 315–318, 324, 345, 355, 366, 371, 373, 377, 392, 393, 401–404

Волгоград, г. 29, 47, 178, 269, 367

Волчьи Воды, р. 273, 335

Вольный, г. 81

Вольный брод, переправа через р. Самару 93, 273

Ворона, р. 84, 350, 351

Воронеж, г. 4, 21, 23, 39, 40, 48–51, 53, 57–61, 70–72, 74, 76, 78–81, 91, 95, 105, 114, 115, 118, 120–125, 128–130, 134, 135, 147, 178, 180, 181, 188–191, 193, 208, 209, 218, 222, 230, 234, 247, 250, 272, 286, 294, 297, 299, 315, 321, 329, 331, 339, 340, 351–353, 361, 371, 391, 392, 401

Воронеж, р. 83, 114, 122

Воронежский край 21, 23, 79

Воронежский уезд 121, 122, 272

Ворскла, р. 81

Восточная Европа 23

Выползова слобода 340

Вятка 114

Гёзлев (Козлев), г. 302, 360, 387

Гилян, обл. в Персии 385

Глубокая, р. 87, 325, 326, 328

Глубокое, перевоз Глубокие (переправа у устья р. Глубокой) 326

Гнилое море (Сивашский залив) 305, 306

Голубинский городок см. Голубые

Голубые, донской казачий городок 101, 111, 192, 251, 252, 254, 317, 321, 366

Горетово, с. 80

Горловая, дер. Скопинского уезда 135

Городец, г. 114, 339

Гороховец, г. 116

Гребенные горы 326

Гродно, г. 139

Грузия 341

Гундоровский юрт 325, 332, 381

Гурьев (Яицкий городок, Яицкий острожек), городок в устье р. Яик 99, 101, 324, 401

Дагестан 146

Дарья, р. 401

Двина см. Северная Двина

Двитино, с. 346

Дедилов, г. 352, 353

Дедиловский уезд 353

- Дербент, г. 101, 146
Деркул, р. 82, 86–87, 89, 90, 325, 326, 328, 332, 380
Динаборк см. Динабург
Динабург, Динаборк г. 139, 346–348
Днепр, р. 14, 80, 115, 171, 203, 299, 308, 335, 336, 357
Днепропетровск, г. 293
Доброе городище, г. 99
Дон, р. 3–7, 9–27, 30–33, 35–45, 47–92, 94–98, 100–103, 105–110, 112, 113, 115–133, 136, 137, 139, 142, 144, 145, 147–157, 159, 160, 163–167, 169–182, 184–205, 207–211, 213, 216–223, 225–231, 233–238, 241–272, 274–283, 285, 287–289, 291–319, 321–334, 336–338, 340–342, 344, 346, 349, 351–382, 384, 386, 388, 389, 391, 392, 394–403, 405–409
Дон Иванович см. Дон
Донец см. Северский Донец
Донецкая волость 81
Донская земля 7, 27, 29–31, 79, 173, 177, 178, 192, 207, 251, 252, 261, 269, 291, 293, 367, 379
Донской край 19, 30, 33
Древняя Русь 23, 202, 243, 407
Дубовый остров, урочище на Волге 366, 403
Дядин колодезь 326

Ебок (Эпок), донской казачий городок 165, 254, 258
Европа 379
Евсуг (Ясаза, Ясуза), р. 86, 90, 326, 329, 381, 382
Елань, р. 85
Елец, г. 48–51, 53, 57, 58, 61, 68, 69, 87, 105, 109, 115, 116, 131, 285, 321, 340
Елецкий уезд 69
Еникёй (Новое), с. в Босфорском проливе 362
Ереван (Реван), г. 101
Ерклы (Еркелы), урочище 289
Есаулов (Ясаулов) донской казачий городок 159, 166, 190, 274, 289, 317, 358, 382
Ея (Ия), р. 167, 275, 276, 289
Ефремов, г. 136

Заозко-Брянский край 9
Западная Двина 139
Западная Европа 136
Западная Россия 338, 377
Запороги см. Запорожье
Запорожская Сечь 203, 284, 324
Запорожье (Запороги) 34, 70, 236, 238, 282, 284, 299, 324, 335, 371

Зарайск, г. 49, 54, 59–61, 63

Земля Войска Донского 7, 11, 128, 192, 201, 205, 219, 226, 228, 244, 251, 253, 254, 260, 339, 377

Земля Донская см. Донская земля

Ижорская земля 342, 343

Изюмский слободской полк 381

Изюмский шлях 83

Икорец, городок в воронежских откупных вотчинах 90

Икорецкий юрт 91

Иловлинский городок см. Иловля

Иловля, донской казачий городок 247, 249

Иловля, р. 106

Имеретия, обл. в Грузии 362

Испания (Шпанская земля) 102

Италия 100

Ия см. Ея

Кабарда 158, 161, 275, 276, 290, 321

Кавказ 7, 158, 339, 340, 342, 373, 383, 404

Кагальник, донской казачий городок 247, 249, 277, 281, 321, 359

Кагальник, р. 160, 287

Кагальницкий городок см. Кагальник

Кадом, г. 114

Казанка, р. 83, 85

Казанрог, урочище 305

Казанский перелаз, переправа через Дон 83, 87, 95, 382

Казанский юрт 89

Казанское ханство 339

Казанское царство 400

Казаринов, казачий городок 94

Казачий ерик, протока в устье Дона 44, 297, 303, 304

Казачья слобода г. Оскола 99

Казыев улус см. Малая Ногайская орда

Кала см. Кальчик

Каланча (Каланчинская протока), протока донской дельты 297, 300, 303, 306, 376

Калитва, городок в воронежских откупных вотчинах 90

Калитва (Белая Калитва), р. 82, 87, 326, 328

Калитвенец, р. 326, 328

Калитвянский юрт 91

Калмиус, р. (урочище) 86, 282, 309, 334–336

Калмиусский шлях (Калмиусская сакма) 83, 327, 336

- Калуга, г. 50, 51, 57, 59–61, 64, 67, 114
Кальчик (Кала, Кола), р. 273, 278, 282, 359
Каменка, р. 325, 326
Каменный Базар, г. 301, 310, 360
Карасов см. Карасу-Базар
Карасу-Базар (Карасов), г. 302, 310, 387, 388
Карачев, г. 143
Каргалы, донской казачий городок 110, 192, 245, 321
Карпов, г. 92, 132, 134, 148, 149, 265
Касимов, г. 114, 339
Каспийское (Хвалынское) море 8, 23, 101, 147, 228, 294, 373, 377, 384, 393, 401, 404
Кафа, г. 168, 170, 296, 298, 301–304, 308, 310, 363, 387, 388
Кашира, г. 227
Керченский прол. 70, 296, 298, 299, 375
Керчь, г. 43, 154, 170, 295, 298, 299, 302, 304, 308, 387, 388
Киев, г. 90, 100, 186, 290, 334, 368, 373
Кизылбаская (Кизылбашская) земля см. Персия
Клетский (Клетцкий) донской казачий городок 94, 315, 407
Ковно, г. 139
Козельск, г. 67, 114, 215
Козлов, г. 80, 94, 150–152, 278
Козлово урочище 80
Козловский уезд 23, 79, 80, 150
Кола см. Кальчик
Коломна, г. 114
Комарицкая волость 100
Комелик (Мелика), р. 325
Кондра, г. 303
Конские Воды, р. 234
Коротояк, г. 132
Кострома, г. 114
Кочетов, донской казачий городок 254
Кош-Яик, о. 283
Кош-Яик (Кош-Яицкий, Яицкий городок), казачий городок на р. Яике, центр яицкого казачества 99, 283
Кош-Яицкий городок см. Кош-Яик
Краков, г. 102
Красная, р. 82, 313, 328, 329, 380, 381
Краснодар, г. 405
Красный юрт см. Краснянский

- Краснянский (Красный) юрт 88, 380, 381
Краснянский казачий городок 253
Кременные, донской казачий городок 94
Кривая коса 306
Крым 20, 21, 38, 41, 43, 44, 50, 52, 60, 68, 83, 107, 119, 127, 131, 132, 151, 154–156, 158, 159, 161, 166, 168–170, 182, 208–210, 222, 225, 232, 234, 235, 238, 239, 241, 245, 250, 266, 268, 270, 271, 273, 274, 277–285, 289, 295–304, 307–310, 312, 314, 316–319, 321, 334, 340, 357–360, 378, 387–389, 399–400
Крымская орда 157
Крымская степь 119, 161, 166, 169, 170, 180, 270, 275, 277–281, 283, 289, 307, 317, 357
Крымская сторона, правая сторона Волги 249, 316, 317
Крымская сторона (в знач. Крымская степь) 270, 273
Крымская сторона, правая сторона Дона 165, 166, 315, 326
Крымская сторона, правая сторона Северского Донца 86, 327
Крымский п-ов 157, 158
Крымский улус 157
Крымское ханство 393
Куба см. Кубань
Кубань (Куба), р. 158, 275, 276, 281, 282, 298, 376, 382, 389, 402
Куконск, г. 139
Кума, р. 158, 168
Кундрючья, р. (Кундрючье, урочище) 325, 326, 329, 331, 332
Курдюков, терский казачий городок 228
Курляндия (Курляндская земля) 112, 345–347
Курляндская (левая) сторона Северной Двины 346
Курляндская земля см. Курляндия
Курман Яр, донской казачий городок 192, 381
Курман Яр Верхний, донской казачий городок 183
Курман Яр Нижний, донской казачий городок 183
Курск, г. 49–51, 53, 55–57, 59, 61–64, 72–74, 81, 132, 138–141, 396
Кутюрма, протока донской дельты 306

Ладога, г. 117
Лаишев, г. 114
Лебедянь, г. 48, 60, 114, 116
Ливны, г. 60, 106, 114, 116, 234, 266, 364
Лиска, р. 317
Литва 100, 102, 107, 151, 290
Лихая, р. (Лихое, урочище) 325, 331
Лозовая, р. 326, 327
Ломов см. Верхний Ломов

- Луганский юрт 381
Лугань, р. 325, 328, 330, 381
Лычанский о-в в низовьях Дона 386
Львов, г. 186, 373
- Малая Ногайская орда (Казыев улус) 83, 84, 158–161, 163, 167, 168, 190, 276, 289, 290, 315
Малая Русь 238
Малые Ногаи, Малый Ногай см. Малая Ногайская орда
Мамона, р. 85
Манастырский Яр см. Монастырский городок
Манач см. Маныч
Маныцкий казачий юрт 89
Маныч, р. (урочище) 98, 344
Маныч (Манач), донской казачий городок 89, 101, 118, 165, 183, 190, 200, 243, 254, 256, 325, 328, 329, 359, 382
Манычские соляные озера 325
Манычский городок см. Маныч
Марков, городок в воронежских откупных вотчинах 90
Марковский юрт 91
Махин остров см. Монастырский Остров
Медведица, донской казачий городок 94, 189, 381
Медведица, р. 80, 247, 252, 254, 255
Медведицкий городок см. Медведица
Мелехов, донской казачий городок 254
Мелика (Мелик), р. см. Комелик
Меловая, р. 85
Меловой колодезь 86
Мертвый Донец, рукав Дона 215, 297, 300
Мещера, край 114, 339
Мигулин (Мигулинский), донской казачий городок 79, 89, 191, 321
Мингирея, г. 302
Минск, г. 139
Митякин, донецкий казачий городок 382
Митякин колодезь 325, 326
Миус, р. (урочище) 239, 296, 304, 319
Михайлов, г. 60, 369
Могилев, г. 111, 139, 141, 188
Можайск, г. 103, 116
Молочные Воды, р. 119, 158, 270, 277, 280–282, 357, 359
Монастырский донской казачий городок, центр донского казачества до 1637 г. 64, 180, 183, 195, 196, 233, 242, 254, 258, 334, 372

Монастырский Остров, донской казачий городок, центр донского казачества в 1642–1643 гг. 118, 119, 180, 181, 190, 197, 222–225, 227, 243, 246, 249, 371

Монастырский Яр см. Монастырский городок

Монастырское урочище 242

Москва, г. 3, 12–14, 16, 17, 20–22, 24, 26, 30, 35, 38–45, 49–50, 52–56, 58, 60, 62, 68, 70–72, 76–82, 84, 86, 88, 90, 91, 94, 95, 97–105, 107–110, 113, 116–126, 128–140, 142, 144–149, 151–156, 158, 163, 169, 170, 172, 178, 179, 181–186, 188–194, 197–199, 201, 205, 207–214, 216–222, 225, 227–230, 232–241, 243, 246, 247, 249, 252–256, 258–260, 262, 263, 265–267, 270–273, 275, 278–280, 282, 284, 285, 287, 290, 294–297, 301, 304, 305, 307, 311, 313–323, 325, 329–334, 336–338, 340–345, 347, 348, 350–355, 357, 358, 360–365, 367, 372, 373, 375, 376, 378–380, 383, 386–394, 396–405, 407–409

Московская область 195

Московская Русь 24

Московское государство 14, 15, 18, 20, 34, 42, 76, 79–84, 86, 89, 93, 100, 110, 111, 121, 129, 227, 233, 245, 272, 273, 285, 296, 312, 313, 336, 358, 382

Московское царство 24

Муравский шлях 83

Мценск, г. 104

Нагай (Ногай), ногайские улусы 155, 321

Нагайская сторона см. Ногайская сторона

Нижний городок (наименование Монастырского, позднее – Черкасского казачьих городков) 64, 180, 183, 193, 243

Нелини, дер. 136

Нижний городок в Черкасском 243, 244

Нижний Дон 177

Нижний Черкасский городок см. Черкасский

Новгород Великий, г. 117, 186

Новгород Нижний, г. 100, 122, 313

Новгородчина 107

Новое, с. см. Еникёй

Новосибирск, г. 28

Новочеркасск, г. 6, 9–12, 37, 128, 173, 174, 201, 231, 257, 339

Новый Оскол (Царев-Алексеев), г. 132

Ногай см. Нагай

Ногайская орда 163, 199

Ногайская степь (на левой сторона Дона) 159, 167, 275, 279

Ногайская степь (на левой стороне Волги) 324

Ногайская сторона (левая сторона Дона) 85, 289, 315

Ногайская сторона (левая сторона Северского Донца) 86, 328

Ногайский шлях 83

- Обоянь, г. 138, 140, 141
Одесса 80
Озов см. Азов
Ока, р. 70, 83, 96, 114, 234, 408
Ольшанск, г. 132
Онагино, с. 98
Орёл, г. 64
Орешек, г. 217
Орчадинский (Арчадинский) юрт 255
Оскол, р. 60, 81, 99
Оскол (Старый), г. 72, 114, 132, 285
Оскольский уезд 329
Острогожск (Острогожский), г. 81, 126
Оттоманская Порта см. Турция
- Павловская станица Черкасска 233, 244
Панда, р. 84
Паншин, донской казачий городок 212, 229, 258, 366
Паншина, р. 101, 317
Папезская земля, область в Италии 100
Париж, г. 26
Переволока, излучина Дона 166, 199
Перекоп 44, 158, 252, 270, 279–284, 388
Перекопская, р. 332
Переяславль, г. 114
Переяславль-Рязанский, г. 105, 108
Персия (Кизылбашская, Кизылбаская земля) 101, 147, 366, 384, 402
Петроград, г. 12
Поволжье 80
Поволжье Верхнее 115
Поволжье Нижнее 115, 147, 169, 171
Поволжье Среднее 115
Подонье 19, 47, 176, 207, 251, 261, 269, 291, 312, 367
Поле 9, 48, 64, 66, 68, 79, 85, 96, 109, 128, 141, 146, 153, 271, 317, 324, 334, 335, 341, 370, 371, 397, 407
Полевая (степная) сторона Белгородской черты 151
Полтава, г. 238, 284
Польша (Речь Посполитая) 34, 42, 100, 104–106, 109, 112, 126–128, 139, 141, 142, 146, 153, 187, 266, 267, 340, 351, 373, 391
Поля см. Поле
Пороги на Днепре 324
Посемье 81

Прага, г. 26, 176

Приазовье 19, 47, 176, 207, 251, 261, 269, 291, 312, 342, 367

Прибосфорский район 33

Пристанский казачий городок 93, 192

Причерноморские степи 157

Пронск, г. 116

Псел, р. 81

Псков, г. 347, 348

Путивль, г. 81, 97, 99–101, 114, 139, 210, 298

Пятиизбянский городок см. Пять Изб

Пять Гор (Пятигорье) 168

Пять Изб, донской казачий городок 192, 252, 253, 259, 317

Раздорский (Раздорный, Роздорный) или Раздоры (верхние), донской казачий городок, центр донского казачества в 1643–1644 гг. 180, 181, 227, 230, 244, 272, 320

Раздоры (Нижние) или Раздорский (Раздорный, Роздорный), донской казачий городок 192, 254, 382

Раздоры (Роздоры) 176, 184, 199, 246, 250, 253, 254

Раздоры Верхние см. Бабий

Раздоры Донецкие 176

Распопин, донской казачий городок 361

Реван см. Ереван

Речь Посполитая см. Польша

Решетов, донской казачий городок 75, 321

Рига, г. 117, 139, 340, 345

Рига (Рыга), воровской донской городок 212, 229, 258, 366

Риза, г. 299

Римская земля 102

Роздорный см. Раздорский

Роздоры см. Раздоры

Рославль, г. 185, 202

Роспопин см. Распопин

Россия 7–9, 12, 17, 19–24, 26, 28, 29, 31, 32, 38, 40, 41, 44, 46, 69, 70, 90, 91, 96–98, 100–102, 108, 109, 111, 112, 115, 117, 118, 121, 122, 126–128, 131, 136, 137, 141, 148, 149, 153–155, 157, 159, 161, 164, 166–168, 170, 175, 179–181, 186, 187, 190, 199, 207, 210, 211, 214, 216–221, 226–229, 235–240, 242, 243, 245, 246, 248, 250, 251, 257, 263–266, 268, 274, 276, 279, 281–283, 285–287, 289, 295, 296, 298–305, 308–312, 314–318, 320, 321, 323, 324, 334, 336, 338, 339, 341, 342, 345, 351, 357–361, 363, 365, 367, 371–373, 376, 378, 381–383, 385, 386, 388–391, 394, 396, 397, 399–403, 406–409

Ростов, г. 114

Ростов-на-Дону, г. 14, 15, 19, 22, 24, 27, 30, 33, 34, 47, 48, 88, 123, 154, 176, 177, 199, 245, 251, 269, 292, 293, 325, 339, 342, 362, 367, 379, 383, 406

Румелийская (Румельская) сторона, западное побережье Черного моря 33, 295, 301

Русская сторона Белгородской черты 150

Русское государство 3, 11, 17–20, 22, 29, 30, 32, 35, 38, 41, 42, 47, 48, 50, 64, 75, 77, 79, 81–83, 85, 88, 93, 96, 97, 106, 109, 120, 123, 125–127, 163, 172, 230, 234, 272, 317, 322, 338, 339, 343, 344, 349, 384, 393–395, 399, 401, 402, 406–409

Русь 13, 20, 26, 31, 47, 68–70, 83–87, 92, 93, 95, 102, 109, 110, 119, 120, 127, 148, 152, 170, 172, 186, 208, 230, 232, 234, 238, 241, 246, 262, 271, 272, 274, 278, 279, 285, 286, 307, 313, 314, 326, 327, 329, 334, 338–340, 358, 364, 365, 370, 373, 376, 392, 396, 397, 401, 406–408

Рыга см. Рига

Рыково урочище 244, 386

Рыковские станицы Черкаска 244

Рыльск, г. 60

Ряжск, г. 50, 51, 59–61, 83, 129

Ряжский уезд 80, 129

Рязанская земля 9

Рязанский край 114

Рязань, г. 114

Савала, р. 84, 94

Самара, г. 77, 78, 78, 81, 106, 114

Самара, р., приток Волги 100

Самара, р., приток Днепра 93, 273, 277, 334, 357, 358

Самарская дорога 77

Саратов, г. 106, 316, 366

Святогорский монастырь на р. Донце 396

Себеж, г. 188

Северная Двина 346, 347

Северный Кавказ 27, 154, 292, 383

Северская земля 9

Северский Донец, р. 53, 54, 60, 66, 67, 72, 73, 81, 83, 85–90, 92, 93, 208, 222, 238, 241, 247, 252–255, 265, 313, 314, 325–329, 331, 336, 337, 379–381, 383

Севск, г. 143

Семикаракоры, донской казачий городок 254, 318

Серебряные Пруды, г. 50, 51, 59, 63

Сибирь 28, 127, 142, 144, 337

Сивашский залив см. Гнилое море

Сиверский Донец см. Северский Донец

- Синоп, г. 301, 303, 362
Сиротин (Сиротинский), донской казачий городок 106, 317, 366
Скопин, г. 50, 51, 59–61, 135
Скородумовская станица Черкаска 244
Смоленск, г. 101, 112, 114, 132, 133, 135, 172, 185, 188, 266, 347, 391
Соколы горы 328
Сокольск (Соколинский город), г. 106, 114, 115, 366
Соловки (Соловецкий монастырь) 116, 211, 307
Соловский уезд 353
Средиземное море см. Белое море
Среднее Поволжье 115
Стамбул (Царьград), г. 33, 34, 100, 102, 107, 117, 214, 283, 298, 301–303, 310, 311, 362, 363, 390
Старобад см. Астрабад
Старый Оскол см. Оскол
Ступино, с. Воронежского уезда 122
Судак, г. 301, 302, 360

Таганрог (Тойганрог), урочище 223, 298, 306
Таллыгуй, урочище 160
Таманская коса 387
Таманский п-ов 302
Тамань, г. 302, 303, 307, 360, 387
Тамбов, г. 76, 77, 80, 84, 93, 112, 114, 272, 315, 350, 351
Тамбовский край 77, 80
Тамбовский уезд 85
Темниковский уезд 104
Темрюк, г. 208, 274, 279, 282, 298, 300, 301, 303, 307, 309
Темрюцкая дорога 276
Темрюцкая сторона, юго-восточное побережье Азовского моря 274, 277
Теплинский (Теплынский), донецкий казачий городок 88, 380, 381
Теплый колодезь 325, 380
Терек, р. 115, 162, 228, 235, 340, 371–374, 383, 390, 403
Терки, г. 131, 146, 147, 228, 235, 372
Терновый (Терновые), донской казачий городок 165, 382
Тойганрог см. Таганрог
Толучеева, р. 85, 286
Толучеевский ухжей, воронежская откупная вотчина 79
Тонкие Воды см. Арбатский пролив
Тор, р. 67, 87, 334
Торновый см. Терновый
Торопец, г. 121

- Трапезунд (Трабзон), г. 301, 334, 360, 362
Трехизбянский казачий юрт 88, 89, 326, 327, 381
Триполь, г. 301, 308
Трубчевск, г. 114
Тузлов, р. (урочище) 278, 326, 334
Тула, г. 49, 53, 59–61, 63, 64, 104, 112, 114, 116–118, 123, 130, 135, 266, 349, 351–355
Тулучеева, р. см. Толучеева
Тульский край 9
Тульский уезд 353
Турция (Оттоманская Порта, Турская земля) 17, 20, 21, 33, 34, 38, 40, 44, 52, 68, 70, 83, 90, 91, 96, 100, 107, 118, 119, 121, 122, 127, 128, 131, 167, 179–181, 190, 205, 210, 211, 214, 216, 217, 221, 222, 226, 227, 232, 236, 238–240, 243, 250, 253, 259, 263, 264, 267, 279, 282, 283, 292, 293, 295–297, 299, 301, 303–305, 309–311, 314, 321, 323, 341, 360–362, 365, 366, 376, 386, 389–391, 393, 394, 397, 399–401
Украина 21, 46, 111, 186, 323, 324, 334–336, 362, 373, 394
Упа, р. 351
Ураева, р. 50, 327
Уразова, р. 327
Уральск, г. 115
Усерд, г. 81, 82, 89, 119, 132, 280
Усмань, г. 391
Усть-Медведицкий городок см. Медведица
Фарабат, г. 147
Фастов, г. 362
Флоренция, г. 100
Форосанский юрт 91
Форосань, городок в воронежских откупных вотчинах 90
Франция (Французская) земля 102
Харьков, г. 4, 380
Харьковская епархия 380
Хвалынское море см. Каспийское море
Хворощево, с. Скопинского уезда 135
Хива, г. 99
Хопер, р. 80, 83, 85, 88, 93–95, 192, 247, 252, 254, 272, 318, 321, 350, 351, 373
Хопер, донской казачий городок 272, 382
Хоперский городок см. Хопер
Хоперский перелаз 83, 87, 272, 382

Хортица, о. 324

Хотмышск, г. 81

Цареборисовское городище см. Царев-Борисов

Царев город см. Царев-Борисов

Царев-Алексеев см. Новый Оскол

Царев-Борисов, г. 93, 118, 126, 273, 358, 395–396

Царицын, г. 39, 71, 106, 208, 234, 235, 249, 316, 317, 360, 366, 373, 392, 402, 403

Царьград см. Стамбул

Ценский лес 84

Центральное Черноземье 81, 339

Цесарева земля см. Австрия

Цимлянский донской казачий городок 251

Цна, р. 83–84, 94

Цыслярская земля см. Австрия

Череха, р. 347

Черкасск, г. 174, 176, 183, 233, 242, 244, 256

Черкасская, р. 386

Черкасский казачий городок, центр донского казачества с 1644 г. 44, 63–65, 71, 92, 100, 111, 118, 165, 173, 174, 176, 180–183, 189–194, 198, 200, 204, 208, 210, 211, 214, 218, 233, 236, 240–246, 250, 254, 256–258, 263–265, 270, 273, 281, 306, 312, 314, 316, 317, 320–322, 324, 326, 329, 360, 363, 372, 386, 391, 398, 399

Черкесская сторона, юго-восточное побережье Азовского моря 300, 303, 307

Черная, р. 331

Черная Калитва, р. 81, 326

Чернеев монастырь 116

Черное море 5, 23, 27, 33, 70, 102, 292, 294–296, 298, 300, 301, 303, 307, 309, 310, 375, 384, 387, 389, 390

Черный Яр, г. 99, 164, 235, 248, 315, 407

Чернь, г. 107

Чешская земля 102

Чижовская Поляна (Чижовская слобода) 340

Чир, донской казачий городок 183, 192

Чир, р. 190, 274, 277, 315, 331, 358, 407

Чугуев, г. 133, 380

Чугуевский уезд 81

Шацк, г. 76, 80, 83, 114, 116, 120, 312

Шацкий уезд 80, 101, 118, 122

Швеция 42, 106, 109, 112, 139, 141, 142, 153, 187, 266, 340, 342, 351

Шемаха, г. 101

Шклов, г. 105, 139

Шпанская земля см. Испания

Эмба, р. 90, 101, 324, 325

Эпок см. Ебок

Южная Россия 338, 377

Яблонов, г. 132, 133, 188

Яик, р. 76–78, 98, 101, 112, 115, 147, 199, 283, 324, 325, 384, 401, 402

Яицкий городок см. Гурьев

Яицкий городок см. Кош-Яик

Яицкий острожек см. Гурьев

Яр см. Монастырский городок

Ярославль, г. 102

Ясаза (Ясуза) см. Евсуг

Ясаулов см. Есаулов

Список сокращений

МГУ – Московский государственный университет

ОВДСК – Областной Войска Донского статистический комитет

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИБ – Русская историческая библиотека

СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских

Оглавление

Введение	3
Глава I. Дон и южнорусская окраина: вопросы взаимодействия (по материалам 20–60-х гг. XVII в.)	
<i>Сыски 1628–1631 гг. о «донской торговле»</i>	47
<i>Контакты южнорусских жителей и казаков на степном пограничье</i>	78
Глава II. Источники пополнения донского казачества	
<i>Сведения о социальном и региональном происхождении выходцев из России. Семья на Дону</i>	97
<i>Бегство к казакам с русской территории и борьба с ним русских властей</i>	120
<i>Проблема выдачи беглых из казачьего сообщества</i>	136
<i>Региональное происхождение донских татар</i>	153
Глава III. Войсковая организация на Дону и ее функционирование	
<i>Значение термина «войско» у донских казаков (1637–1667 гг.)</i>	173
<i>Внутреннее устройство Войска на Дону</i>	204
<i>Общедонские функции Войска</i>	246
<i>Проблема численности донского казачества</i>	261
Глава IV. Занятия казаков и условия жизни на Дону	
<i>Походы казаков «на степь»</i>	269
<i>Морские походы казаков</i>	291
<i>Условия жизни на Дону и хозяйственные промыслы казаков</i>	312
Глава V. Социально-психологический облик донского казачества	
<i>Вольное степное казачество: особенности правового положения</i>	338
<i>Социальная организация у донских казаков</i>	356
<i>Черты психологии и самосознания донского казачества</i>	378
Заключение	405
Указатель имен	410
Указатель географических названий	431
Приложения	448
Список сокращений	454

Олег Юрьевич Куц

**ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ОТ ВЗЯТИЯ АЗОВА
ДО ВЫСТУПЛЕНИЯ С. РАЗИНА (1637–1667)**

Научное издание

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*

Корректор *М. Е. Устинов*

Компьютерная верстка *В. В. Матвеев*

Художник *А. П. Бакланова*

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 – книги,
95 3150 – литература по истории и историческим наукам

Подписано к печати 25.03.2009. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 25.

Тираж 800 экз. Заказ № 15346.

Отпечатано по технологии СТР

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

197110, С.-Петербург, Петрозаводская ул., д. 9, лит. А, пом. 1 Н

Телефон/факс: (812) 230-97-87/703-05-13

sales@dbulanin.ru (отдел реализации)

postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)

redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)

<http://www.dbulanin.ru>